

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Ethnocultural Identity of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories

Editor-in-Chief
Doctor of Historical Sciences *E.F. Fursova*

Novosibirsk
IAET SB RAS Publishing House
2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Е. Ф. Фурсова*

Новосибирск
Издательство ИАЭТ СО РАН
2019

УДК 39(571)
ББК Т52(251)+Т52(5)
Э916

Утверждено к печати
Ученым советом ИАЭТ СО РАН

Редколлегия:

канд. ист. наук *О.В. Голубкова*, д-р филос. наук *Е.А. Ерохина*,
д-р филол. наук *Е.Н. Кузьмина*, канд. филос. наук *В.В. Лыгденова* (отв. секретарь),
канд. филос. наук *С.А. Мадюкова*, д-р ист. наук *Ю.В. Попков*,
канд. филол. наук *Н.Н. Федина*, д-р ист. наук *Е.Ф. Фурсова* (отв. редактор),
д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*

*Подготовка материалов и печать сборника проведены при поддержке РФФИ
(проект № 18-09-00028)*

Э916 **Этнокультурная** идентичность народов Сибири и сопредельных территорий / отв.
ред. Е.Ф. Фурсова. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. — 592 с.

ISBN 978-5-7803-0295-7

Книга включает материалы Международной научной конференции «Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий», которая состоялась в Новосибирске 25–27 октября 2018 г. Вопросы идентичности превратились в глобальную проблему современности, с которой сталкиваются не только отдельные люди, но и многие социальные группы, общности и целые государства. В рамках конференции рассматривались важные вопросы групповой идентичности народов Сибири и сопредельных территорий как в историческом прошлом, так и в современном глобализирующемся мире, подверженном серьезным трансформационным процессам. Авторами сборника стали участники конференции: этнографы, историки, социологи, философы, фольклористы, языковеды, культурологи, краеведы, психологи и другие специалисты, что позволило осуществить междисциплинарный подход к исследуемому объекту.

УДК 39(571)
ББК Т52(251)+Т52(5)

Ethnocultural Identity of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories / exec. ed.
E.F. Fursova. — Novosibirsk: IAET SB RAS Publishing, 2019. — 592 p.

ISBN 978-5-7803-0295-7

The book includes materials of the International Scientific Conference “Ethnocultural Identity of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories”, which took place in Novosibirsk on October 25–27, 2018. Identity issues turned into a global problem of modernity, which concerns not only individuals, but many social groups, communities and of the state. Within the framework of the conference, important issues of group identity of the peoples of Siberia and adjacent territories were considered both in the historical past and in the modern globalizing world subject to serious transformational processes. The authors of the collection were the participants of the conference: ethnographers, historians, sociologists, philosophers, folklorists, linguists, cultural scientists, local historians, psychologists and other specialists, which allowed for an interdisciplinary approach to the object under study.

ISBN 978-5-7803-0295-7

© Коллектив авторов, 2019
© ИАЭТ СО РАН, 2019

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

DOI: 10.17746/0295-7.2019.005-008
УДК 30

З.А. Чеканцева

*Институт всеобщей истории РАН,
г. Москва, Россия*

История, историчность и проблематика идентичности

Как идентичность связана с историей? Ответ на этот вопрос представляется хорошо известным. Однако в новом тысячелетии такая очевидность проблематизируется. В статье показано, что изучение проблематики идентичности на пересечении философских и дисциплинарных трансформаций свидетельствует о сложности и многомерности идентификационных процессов, которые нуждаются в осмыслении на новом концептуальном уровне, включающем обновленные понятия современной культуры (история, память, наследие, историчность, политика времени).

Ключевые слова: *идентичность, идентификация, история, историчность, темпоральность, трансдисциплинарность, сложное мышление.*

Для цитирования: Чеканцева З.А. История, историчность и проблематика идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 5–8. DOI 10.17746/0295-7.2019.005-008.

Z.A. Chekantseva

*Institute of General History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

History, Historicity and Identity's Issues

How does identity relate to history? The answer to this question seems well known. However, in the new millennium, this evidence is problematized. The report shows that the study of identity issues at the intersection of philosophical and disciplinary transformations testifies to the complexity and multidimensionality of identification processes that need to be understood at a new conceptual level, including the most important concepts of modern culture (history, memory, heritage, historicity and politics of the time).

Keywords: *identity, identification, history, historicity, temporality, transdisciplinarity, complex thinking.*

For citation: Chekantseva Z.A. History, historicity and identity's issues. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 5–8 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.005-008.

Современный мир переживает очередной переломный момент, который, как сказал еще Ф. Ницше, способен лучше проявлять суть нового, чем поиск истоков. Неудивительно, что престиж исторического познания падает. Расцвет *memory studies* — это, помимо прочего, проявление недоверия к традиционной истории. Современные исследования истории и памяти научили нас не слишком доверять «реалистическим» концепциям эпох, предстающим как фактологическая данность, включающая в себя разные уровни опыта и темпоральности, с трудом поддающиеся объединению в непротиворечивое целое [Репина, 2016]. Постепенно приходит понимание, что формирование идентичности всегда предполагает выбор из веера возможностей и такой выбор определяется отнюдь не только «реальным» положением дел [Сыров, 2016].

Новая региональная история позволяет противостоять линейным нарративам национальной и мировой историографии. Однако в ней различают как минимум две версии: первая представляет собой эффективную модель трансдисциплинарного исторического познания; вторая, воплощенная преимущественно в историко-культурном краеведении, нередко оказывается средством мобилизации исторической памяти в идеологических целях. Во втором варианте локальная перспектива абсолютизируется в интересах «этнического самосознания» местных идентичностей и может стать основанием для новых «войн памяти». Усиление политической значимости национализма и регионализма актуализирует переосмысление в русле сложного мышления связей проблематики идентичности с историей, памятью и историчностью.

За последние два века историческое познание прошло путь от романтического подхода, направленного на утверждение национального чувства, к моделям более фрагментарным и открытым. В многочисленных работах убедительно показано, что этничность, раса и нация представляют собой не объекты внешнего мира, а способы его видения, интерпретации и репрезентации [Lorenz, 2008]. Это обстоятельство требует внимательного отношения к переменам в историческом познании.

Концептуальная история сегодня — одно из самых интересных трансдисциплинарных исследовательских полей. В XXI в. на смену детерминистскому историзму, стержнем которого остается при всех нюансах самоценность прошлого, приходит мультитемпоральный подход, базирующийся на идее подвижности границ между основными модусами времени и их постоянном взаимодействии [Ассман, 2017]. Включенность прошлого в настоящее меняет представление о предмете исторической науки, о соотношении истории и памяти, о материальных и аффективных формах этого взаимодействия. Новое ощущение времени проявляется не только в исследовательской практике историков, антропологов, социологов, лингвистов, философов и искусствоведов, но и в реальной жизни: в коммеморативных практиках, в музейных экспозициях и выставках, в политических движениях и властных проявлениях реальной политики [Чеканцева, 2018]. Все это изучается в трансдисциплинарном режиме, где ключевыми являются понятие исторического опыта и обновленный концепт «историчность» [Delacroix, Dosse, Garcia, 2009].

Историчность нередко понимается как синоним «исторического». Более того, с историчностью связывают «невидимый порядок и силу» истории (Ж. Рансьер, Франция). Но философское понятие «историчность» остается во многом не проясненным. В последние сорок лет проблематика историчности обсуждается в русле

формирующейся антифаталистической и антителиологической традиции, которая постепенно реабилитировала разрывы в истории, виртуальность прошлого, неизбежность реляционного взаимодействия прошлого и настоящего. В трансдисциплинарном режиме переосмысливается природа исторической динамики и когнитивный статус прошлого. Точками отсчета выступают разные аспекты реальности, так или иначе связанные с историей: время, событие, истина, память, судьба, причина/следствие, анахронизм, справедливость, контингентность и проч. [Чеканцева, 2018].

Исторический характер явления предполагает возможность его трансформации. Именно это самое интересное в истории, которая не сводится к условному прошлому, к тому, что было. Постигание историчности — антидот против расслабляющего восприятия реальности как надежной и устойчивой. Такой подход к истории позволяет придать подвижность настоящему, открывая в нем, как писал П. Рикер, «неисполненные возможности прошлого».

В огромном количестве литературы об использовании истории и памяти для укрепления существующих идентичностей убедительно обоснована прагматическая, идеологическая и политическая заинтересованность различных социальных групп и государства. Однако историки в последние десятилетия написали немало убедительных конкретно-исторических текстов, показывающих, что использование термина идентичность в политике не решает реальных социально-политических проблем, а, напротив, усугубляет их. Разумеется, это не значит, что от восприятия исторического измерения идентичности, укорененного в традиции, следует отказаться. Речь идет о том, что оно должно быть дополнено новыми исследовательскими поисками как теоретическими, так и конкретно-историческими [Чеканцева, 2017].

Важнейшей задачей современности является развитие умения жить вместе, и история при определенных условиях может стать школой мысли для каждого конкретного человека, помогая активизировать процесс самопознания и рефлексии, формируя критическое восприятие жизни и культуры в широком антропологическом смысле [Морен, 2014].

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00135 П «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности»).

Список литературы

Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 267 с.

Морен Э. Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. — М.: Наука, 2004. — С. 7–28.

Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. — 2016. — Вып. 54. — С. 9–15.

Сыров В.Н. Тожественны ли нарративная и историческая идентичность? // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: мат-лы междунар. конф., Москва, 3–4 октября 2016. — М.: Аквилон, 2016. — С. 385–388.

Чеканцева З.А. Историческое измерение идентичности. Размышления о магическом призраке // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2017. – Т. 8, вып. 9 (63). – URL: <http://history.jes.su/s> (дата обращения: 12.12.2017).

Чеканцева З.А. Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2018. – № 65. – С. 5–20.

Delacroix Ch., Dosse F., Garcia P. *Historicités*, Paris, Découverte. – 2009. – 301 p.

Lorenz C.F.G. *Representations of Identity: Ethnicity, Race, Gender and Religion. An Introduction to Conceptual History.* Lorenz Ch., Berger S. (Ed.), *The Contested Nation. Ethnicity, Religion, Class and Gender in National Histories.* – Houndmills: Palgrave Macmillan, 2008. – P. 24–60.

References

Assman A. *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 267 p. (in Russ.).

Чеканцева З.А. Историческое измерение идентичности. Размышления о магическом призраке. In *Electronic scientific and educational journal "History"*. Moscow, 2017, vol. 8, iss. 9 (63). URL: <http://history.jes.su/s> (accessed: 12.12.2017) (in Russ.).

Чеканцева З.А. Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века. In *Dialogue with time. Intellectual history review.* Moscow: Akvilon, 2018, No. 65, pp. 5–20 (in Russ.).

Delacroix Ch., Dosse F., Garcia P. *Historicités*, Paris, Découverte, 2009, 301 p.

Lorenz C.F.G. *Representations of Identity: Ethnicity, Race, Gender and Religion. An Introduction to Conceptual History.* Lorenz Ch., Berger S. (Ed.), *The Contested Nation. Ethnicity, Religion, Class and Gender in National Histories.* Houndmills: Palgrave Macmillan. 2008, pp. 24–60.

Moren E. Printsipy poznaniya slozhnogo v nauke XXI veka. In *Vyzov poznaniyu: Strategii razvitiya nauki v sovremennom mire.* Moscow: Nauka, 2004, pp. 7–28 (in Russ.).

Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i natsional'naya identichnost': podkhody i metody issledovaniya. In *Dialogue with time. Intellectual history review.* Moscow: Akvilon, 2016, No. 54, pp. 9–15 (in Russ.).

Syrov V.N. Tozhdestvenny li narrativnaya i istoricheskaya identichnost'? In *Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki.* Moscow: Akvilon, 2016, pp. 385–388 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Чеканцева З.А. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории РАН,

e-mail: zinaidachekantseva@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-3918-5044>.

Глобальный контекст актуализации темы идентичности и ее место в проблемном поле государственной национальной политики России

Акцентируется актуализация темы идентичности как отражение нарастания неопределенности, противоречивых и кризисных явлений в глобальном масштабе. В настоящее время проблема идентичности превратилась в одну из наиболее значимых проблем современности. Это нашло выражение в становлении самостоятельного научного направления идентитарных исследований, появлении серии энциклопедических изданий, посвященных идентичности, а также в формировании политики идентичности как важной части современной публичной политики. Анализируется место темы идентичности в современной государственной национальной политике. Обосновывается вывод о необходимости четкой государственной позиции по отношению не только к государственно-гражданской, но и к этнической идентичности как неперемного условия сохранения и поддержки этнокультурного многообразия.

Ключевые слова: *глобализация, идентичность, гражданская идентичность, этническая идентичность, государственная национальная политика, Россия.*

Для цитирования: Попков Ю.В. Глобальный контекст актуализации темы идентичности и ее место в проблемном поле государственной национальной политики России. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 9–17. DOI 10.17746/0295-7.2019.009-017.

Yu.V. Popkov
*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

The Global Context of the Actualization of the Theme of Identity and Its Place in the Problem Field of the State National Policy of Russia

The actualization of the theme of identity is accentuated as a reflection of the growing of uncertainty, contradictory and crisis phenomena in a global scale. Currently, the problem of identity has become one of the most significant problems of our time. This found expression in the development of an independent scientific field of identity research, the emergence of a series of encyclopedic publications on identity, as well as in the formation of identity politics as an important area of modern public policy. The place of the theme of identity in modern state national politics is analyzed. The conclusion about the need for a clear state position in relation to not only state-civic, but also ethnic identity is substantiated as an important condition for the preservation and support of ethnocultural diversity.

Keywords: *globalization, identity, civil identity, ethnic identity, state national policy, Russia.*

For citation: Popkov Yu.V. The global context of the actualization of the theme of identity and its place in the problem field of the state national policy of Russia. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 9–17 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.009-017.

Проблематика этнокультурной идентичности представляет собой хотя и комплексную, но достаточно конкретную тему научных исследований. В то же время в ней в концентрированном виде отражаются глобальные тенденции современного развития. Поэтому вначале следует затронуть некоторые общие вопросы, обуславливающие актуализацию и научную значимость проблемы идентичности.

Реальные социальные практики нескольких последних десятилетий опровергли глубинную идею двух господствующих в XX в. идеологий — коммунизма и либерализма — об угасании значимости этнического (национального) фактора по мере технико-технологического прогресса. «Этнический бум», «этнический парадокс современности», «этнический ренессанс» — определения, являющиеся сейчас, пожалуй, не менее популярными, чем «глобализация». Они описывают наиболее распространенные характеристики ситуации, связанной с ростом этнического самосознания (идентичности) и готовностью представителей многих народов защищать ценности этнической культуры и особые права на ее сохранение в условиях нарастания глобализационных процессов, что находит отражение в решениях авторитетных международных организаций. Так, в 2007 г. Организация Объединенных Наций утвердила Декларацию о правах коренных народов, которая стала ярким примером официального закрепления за ними правового статуса, отличного от статуса других народов. Данный факт означает признание за коренными народами широкого спектра особых прав, в т.ч. на ресурсы и территории исконного проживания и реализацию особого пути развития, в основе которого лежат ценности традиционного образа жизни. При этом разработчики документа исходили из убеждения, что «все народы вносят вклад в многообразие и богатство цивилизаций и культур, которые составляют общее наследие человечества» [Декларация...].

Декларация является, по сути, конкретизацией применительно к группе коренных народов принятой в 2001 г. Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Здесь, в частности, подчеркивается: «культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений» [Всеобщая декларация...]. Эти примеры свидетельствуют о том, что в последнее время на уровне представительных международных организаций культурное (в т.ч. этнокультурное) многообразие рассматривается в качестве важного условия жизнеспособности социума, подобно оценке роли биоразнообразия для устойчивости экосистем и биосферы в целом.

Примечательно, что одновременно с этим серьезный кризис переживают еще недавно казавшиеся незыблемыми идеи либерализма и глобализма, да и сам процесс глобализации. Для доказательства данного вывода не надо далеко ходить, достаточно привести яркие заголовки материалов, посвященных обобщенным итогам проходившего в январе 2019 г. Всемирного экономического форума в Давосе: «“Путь в никуда”: деглобализация поглотила Давос» [«Путь...»], «Деглобализация и ее последствия» [Деглобализация...], «Чубайс назвал деглобализацию следствием мирового кризиса либерализма» [Чубайс...].

На этом фоне в одну из наиболее актуальных проблем современности превратилась проблема идентичности. В самом общем виде она представляет собой осмысление себя и своей принадлежности к группе, тому или иному сообществу. Знаменитый американский социолог и политолог С. Хантингтон, связывая идентичность

со «смыслом себя», признает наличие глобального кризиса идентичности, выражающегося в потере этого смысла. Данный кризис касается не только отдельных индивидов, больших и малых групп и социальных образований, но также многих государств [Хантингтон, 2008, с. 35–43].

Серьезное влияние на идентичность оказывают в настоящее время как раз процессы глобализации со всеми ее разносторонними и неоднозначными проявлениями. Следствием сложного и противоречивого процесса глобализации для социокультурной динамики выступают, с одной стороны, усиление интеграционных процессов, укрепление взаимосвязи и взаимозависимости различных стран и народов, рост полиэтничности и культурной сложности на глобальном и локальном уровнях, с другой стороны, усиление разных форм фрагментации и локализации. Соответственно, можно говорить об эффектах как сближения и унификации культур, так и относительного обособления. Реальное противоречие состоит в том, что в ответ на унифицирующие тенденции глобализации повсеместно растет стремление представителей этнокультурных сообществ возрождать традиции и поддерживать своеобразие. Происходит сближение, но одновременно сохраняются различия. «Глобалистский универсализм принимается и одновременно подвергается сомнению, т.к. обольщение эффективностью новой тотальности жизненных форм наталкивается на сопротивление “почвы”, культуры, смысла и уюта принадлежности к дому. Одновременно невозможность сохранить “дом” в неприкосновенности под натиском явно выраженной потребности в глобализме и модернизации создает драматическое ощущение разрыва, несовместимости, потерянности, а в ряде случаев и трагическое предчувствие надвигающейся катастрофы, пусть и в мягкой форме “заката”» [Сморгунов, 2012, с. 178–179].

Сама идентичность, в традиционном обществе сохраняющая высокий уровень устойчивости, в современных условиях нелинейной социокультурной динамики превратилась в весьма подвижную, постоянно меняющуюся и проблематизируемую величину [Федотова, 2013]. Неслучайно достаточно распространенными стали представления о текучей, множественной, раздробленной, договорной идентичности [Брубейкер, 2012]. В результате возникло большое количество концепций идентичности среди как зарубежных, так и российских исследователей. В последнем случае можно выделить целый набор различающихся интерпретаций и подходов, начиная от концепции множественной идентичности [Дробижева, Рыжова, 2015] до концепций множества идентичностей [Губогло, 2003] и процессуального характера идентичности [Федотова, 2013].

Хотя в многоголосом дискурсе идентичности нередко случаи критического отношения не только ко многим ее концепциям, но и к самому данному понятию, следует согласиться с выводами исследователей о важности проблемы идентичности. Я бы сделал акцент на трех ее измерениях: 1) идентичность «приобрела значение решающего фактора жизни человека в современном обществе, подверженном риску, неопределенности, кризису и изменениям» [Сморгунов, 2012, с. 178]; 2) в настоящее время «в теориях идентичности стали видеть универсальный неинструментальный аппарат анализа ценностных ориентаций, культурного сходства и различия обществ, стран, цивилизаций, больших и малых социальных групп, индивидов» [Федотова, 2013, с. 55]; 3) «политика идентичности – одно из ключевых направлений современной публичной политики» [Семененко, 2016, с. 8].

В настоящее время как ответ на актуализацию проблемы идентичности сформировалось самостоятельное научное направление идентитарных исследований. Этой теме уже посвящены зарубежные энциклопедические издания [Encyclopedia..., 2010; Handbook..., 2011]. Недавно в России под редакцией И.С. Семененко также вышло фундаментальное энциклопедическое издание по идентичности, в котором эта тема рассматривается в предельно широком проблемном диапазоне [Идентичность..., 2017]. Под ее же научным руководством существует сеть по исследованию идентичности – открытый информационно-аналитический ресурс (<http://identityworld.ru>).

Согласимся с И.С. Семененко в том, что проблема идентичности так или иначе связана с осмыслением природы современности в ситуации кардинального изменения существующих норм и механизмов формирования социальных взаимодействий и общественного сознания, умножения и усложнения противоречий развития. В свою очередь, концепт идентичности призван «решить задачу концептуального синтеза всего комплекса оснований социальной деятельности – ценностных, определяемых духовными ориентирами и нравственными установками человека, эмоциональных, заданных его психическим складом, и рационально мотивированных интересами и потребностями, соединить индивидуальный и коллективный срезы социального опыта, зафиксировать состояние и одновременно отразить динамику представлений человека о своем месте в мире и о своем “я”» [Там же, с. 21].

Данный автор, как и некоторые другие, рассматривает идентичность как формирующееся в социальных взаимодействиях субъективное измерение социальной реальности [Там же, с. 20–21]. На мой взгляд, это представление следует скорректировать с учетом необходимости разведения понятий субъективного и субъектного. Считаю, что идентичность – это связанное с сознанием субъекта и осознанием им себя и своего места в мире субъектное (т.е. свойственное субъекту) измерение социальной реальности, вмещающее комплекс объективных (независимых от субъекта) и субъективных (зависимых от субъекта) обстоятельств. Субъектное не тождественно субъективному: первое означает свойственное субъекту, второе – зависящее от него. Идентичность, будучи непосредственно характеристикой сознания, проявляется в реальном поведении и взаимодействии и представляет собой не чисто субъективное явление, поскольку определяется не только самим субъектом, но также и системой тех существующих независимых от него социальных отношений, в которые он включен. Известно, что таким образом формируются и аскриптивные, и приобретенные идентичности.

Одним из свидетельств значимости проблемы идентичности для современного развития является активизация ее политического дискурса. Формирование идентичности стало важной задачей политики государства многих стран. Есть все основания говорить о наличии реальной политики идентичности. Применительно к России ее ориентиры четко обозначены в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., утвержденной в 2012 г. и скорректированной в 2018 г. [Стратегия...] (далее – Стратегия), а также в Государственной программе «Реализация государственной национальной политики», принятой в 2016 г. [Государственная программа...] (далее – Программа).

Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что речь здесь идет лишь об одном из видов идентичности – гражданской (государственно-гражданской). Укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального на-

рода Российской Федерации поставлено на второе место в ряду приоритетных целей государственной политики. В исходном варианте Стратегии она вообще значилась первой в целевых приоритетах. Данная установка не просто провозглашается, но и отражается в соответствующих целевых показателях, т.е. в ходе программного цикла должно быть обеспечено ее безусловное исполнение. В обновленном варианте Стратегии уровень общероссийской гражданской идентичности (измеряемый в процентах) возглавляет группу целевых показателей, а в Программе задано его точное количественное измерение: к 2025 г. уровень общероссийской гражданской идентичности должен возрасти до 80 %.

Проблема укрепления гражданского единства и гражданской идентичности является в настоящее время актуальной для многих государств, в т.ч. для нашей страны. Россия, пережившая распад СССР, в 1990-е гг. прошла испытание не только «шоковой терапией», либерализацией, кардинальными социально-экономическими и политическими трансформациями, но также усилением сепаратистских тенденций, обострением межнациональных отношений и существенными изменениями характера этносоциальных процессов. Это не могло не сказаться и на проблемах идентичности.

Проведенные в различных регионах Сибири под моим руководством в конце 1990-х – начале 2000-х гг. конкретные этносоциологические исследования зафиксировали тенденцию роста недоверия к власти, очевидного падения ее престижа. Уже тогда мы прогнозировали в качестве одного из серьезных последствий этой тенденции снижение уровня государственно-гражданской идентичности, ослабление общенационального единства и усиление роли этнической идентичности [Попков, 2016]. К сожалению, этот прогноз оказался реальностью: не только исследователи, но и представители органов власти открыто заговорили о кризисе гражданской идентичности. Этот факт зафиксирован, в частности, в принятой в 2013 г. вскоре после утверждения Стратегии Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» [Федеральная целевая программа...].

С учетом описанной проблемной ситуации задача укрепления общенационального единства и гражданской идентичности вполне оправданно поставлена во главу угла государственной национальной политики. В то же время вызывают вопросы предполагаемые подходы и механизмы решения этой фундаментальной для российского общества задачи. Во многом это решение осложняется недостаточно четкой проработкой концептуальных оснований национальной политики. Данную проблему я уже подробно анализировал в своих публикациях (см., напр.: [Попков, 2017]). Здесь остановлюсь на тех концептуальных вопросах, которые так или иначе связаны с проблемой идентичности и политикой идентичности.

Во-первых, в Стратегии отсутствует терминологическая четкость по базовым понятиям – «нация» и «национальный». Последнее понимается и в политическом, и в этнокультурном смысле. Но под нацией имеется в виду исключительно политическое образование – российская нация. Этим понятием в Стратегии и других важных документах настойчиво заменяется понятие «многонациональный российский народ», которое закреплено в Конституции. На мой взгляд, нельзя считать оправданными активные официальные попытки вытеснить свойственную отечественной традиции этнокультурную трактовку нации исключительно политической трактов-

кой. Они уже привели в российском обществе к расколу представлений в понимании нации и сути феномена национального, что неизбежно осложняет проведение эффективной национальной политики и политики идентичности.

Об этом красноречиво свидетельствует, в частности, острая дискуссия, развернувшаяся в связи с обсуждением идеи принятия федерального закона о российской нации. Она не нашла поддержки у абсолютного большинства представителей экспертного сообщества и рядовых жителей как раз по причине неоднозначной трактовки соответствующего понятия. Таким образом, уже только декларация подобной идеи привела к расколу общественного мнения и усилению напряженности по этому вопросу. Главный вывод, который можно сделать из состоявшейся острой дискуссии, состоит в том, что идея российской нации как законодательной основы государственной национальной политики не может выступать консолидирующим началом для российского общества, концептуальной основой формирования гражданского единства (см. об этом подробно: [Попков, 2017]).

Во-вторых, следует признать ограниченность конструктивистской позиции в понимании нации, которую отстаивает В.А. Тишков, будучи заместителем председателя президиума Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ. Нация, с его точки зрения, — «это прежде всего форма коллективного самосознания (идентичности) людей по поводу принадлежности к определенной общности, которую они и считают нацией» [2017], т.е. нация понимается как нечто, ограниченное сферой сознания, идентичности, как некоторый идеальный конструкт. По сути, этот смысл заложен и в Стратегии, если учесть ее главную целевую установку и основной целевой показатель — укрепление общероссийской гражданской идентичности. Представление о нации как всего лишь форме коллективного самосознания не может выступать достаточной концептуальной основой формирования гражданской нации и государственной национальной политики в целом. В действительности нация — это форма не только коллективного сознания, но также и коллективного существования, коллективного действия (взаимодействия), интегрированной коллективной субъектности.

В-третьих, в Стратегии, как отмечалось, в качестве приоритетной определена целевая установка на укрепление общероссийской гражданской идентичности. А об этнической идентичности даже не упоминается, хотя в настоящее время последняя сохраняет высокий уровень устойчивости, играя важную роль в общей системе коллективных идентичностей. Ее устойчивость определяется тем, что она выступает формой проявления аффилиативной потребности и в этом качестве взаимосвязана как со специфическими человеческими потребностями (в частности, с потребностью в нормативном регулировании), так и с базовыми витальными потребностями в виде потребности в самосохранении. Кроме того, в официальных документах этническая идентичность подспудно оценивается как неодобряемое, негативное явление, что абсолютно неправомерно в условиях, когда она вместе с этнокультурным многообразием продолжает оставаться важным фактором современного развития.

Задача национальной политики в многонациональной России должна состоять не в вытеснении этнической идентичности из общественной жизни и замене ее общенациональной, гражданской идентичностью, а в их взаимодополнении, своего рода позитивной интеграции. Очень точно на этот счет пишет И.С. Семененко: «Практическая необходимость интегрировать гражданский и этнический дискур-

сы – системный политический вызов для современного государства. Он радикально меняет известные со времен эпохи модерна траектории нациестроительства» [Идентичность..., 2017, с. 103]. Судя по тексту и исходного, и скорректированного варианта Стратегии, власть воспринимает данный вызов, не замечая присутствия этнической идентичности в проблемном поле национальной политики. Подход к решению обозначенной проблемы намечается по линии целевой установки, с одной стороны, на обеспечение высокого уровня гражданской идентичности, с другой стороны, на поддержание этнокультурного многообразия. При этом исходит из предельно общего определения этнокультурного многообразия как совокупности всех этнических культур. Проблема, однако, в том, что здесь отсутствует четкое осмысление и должная проработка механизма обеспечения взаимосвязи этих целей. Достаточно сказать, что констатирующая часть Стратегии (раздел II) носит название «Состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации». Не ведется речь об этнической структуре России, ее регионов, о существовании разных (по численности, языковым семьям, религиозным предпочтениям, особенностям культуры) групп народов, о проблемах этнокультурного развития.

Но когда в должной мере не проведена диагностика и не провозглашена задача по мониторингу состояния этнокультурного многообразия, вряд ли может быть успешным достижение провозглашенной цели по его сохранению и поддержанию. На мой взгляд, этой цели невозможно достичь также без определенного уровня и качества этнической идентичности, без проведения политики в отношении этой идентичности.

Заключая, можно сказать, что в Стратегии как документе стратегического планирования в области государственной национальной политики четко фиксируется политика идентичности в качестве приоритетной целевой установки государственного управления в данной сфере. Однако она касается лишь общероссийской гражданской идентичности. Признается наличие в России этнокультурного многообразия, этнических общностей и этнических культур, но совершенно не ясно, как это все существует без учета этнической идентичности и как их можно сохранять и поддерживать при отсутствии в Стратегии и Государственной программе реализации государственной национальной политики соответствующих целевых показателей?

Список литературы

Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml.

Государственная программа «Реализация государственной национальной политики». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/.

Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. – М.: Наука, 2003. – 764 с.

Деглобализация и ее последствия. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/6038757> (дата обращения: 24.01.2019).

Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 5. – С. 9–24.

Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – 992 с.

Попков Ю.В. Престиж власти как фактор государственно-гражданской и этнической идентичности // Сибирский философский журнал. – 2016. – № 4. – С. 104–117.

Попков Ю.В. Концептуальные основы формирования интеграционного потенциала государственной национальной политики // Сибирский философский журнал. – 2017. – Т. 15. – № 2. – С. 148–163.

«Путь в никуда»: деглобализация поглотила Давос. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/01/24/12140749.shtml>.

Семененко И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28.

Сморгунов Л.В. Политическая идентичность и понятие политического // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 178–185.

Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. . – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCBHvIwztJfgKM3BHPo7A0VG3j.pdf>.

Тишков В.А. Что есть нация. В поисках российской идентичности // Независимая газета. – 24.01.2017.

Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». – URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>.

Федотова Н.Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 52–62.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер с англ. А. Башкирова. – М.: АСТ, 2008. – 635 с.

Чубайс назвал деглобализацию следствием мирового кризиса либерализма. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/6035298>.

Encyclopedia of Identity / ed. by R.L. Jakson II, M.A. Hogg. – SAGE Publ., Inc. 2010. – 953 p.

Handbook of Identity Theory and Research / ed. S. Schwartz, K. Luyckx, V. Vignoles). – Springer, 2011. – 998 p.

References

Brubeiker R. Etnichnost' bez grupp. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2012, 408 p. (in Russ.).

Chubajs nazval deglobalizatsiyu sledstviem mirovogo krizisa liberalizma. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6035298> (in Russ.).

Deglobalizatsiya i ee posledstviya. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6038757> (accessed: 24.01.2019) (in Russ.).

Deklaratsiya Organizatsii Ob"edinennykh Natsij o pravakh korennykh narodov. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (in Russ.).

Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Grazhdanskaya I etnicheskaya identichnost I obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2015, No. 5, pp. 9–24 (in Russ.).

Encyclopedia of Identity / ed. R.L. Jakson II, M.A. Hogg. SAGE Publ., Inc., 2010, 953 p.

Federal'naya tselevaya programma "Ukreplenie edinstva rossijskoj natsii i ehtnokul'turnoe razvitie narodov Rossii (2014–2020 gody)". URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (in Russ.).

Fedotova N.N. Kontsepcii identichnosti v usloviyah nelineinoi sociokulturnoi dinamiki. In *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2013, No. 2, pp. 52–62 (in Russ.).

Gosudarstvennaya programma “Realizatsiya gosudarstvennoj natsional’noj politiki”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/ (in Russ.).

Kuboglo M.N. *Identifikatsiya identichnosti: Etnotsiologicheskie ocherki*. Moscow: Science publ., 2003 (in Russ.).

Handbook of Identity Theory and Research (ed. S. Schwartz, K. Luyckx, V. Vignoles). Springer, 2011, 998 p.

Identichnost’: Lichnost’, obshchestvo, politika. Ehnciklopedicheskoe izdanie / otv. red. I.S. Semenenko. Moscow: Ves’ mir, 2017, 992 p. (in Russ.).

Khantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional’noi identichnosti / transl. by A. Bashkirov. Moscow: AST, 2008, 635 p. (in Russ.).

Popkov Yu.V. Prestizh vlasti kak factor gosudarstvenno–grazhdanskoj i ehnicheskoj identichnosti. In *Sibirskij filosofskij zhurnal*, 2016, No. 4, pp. 104–117 (in Russ.).

Popkov Yu.V. Konceptual’nye osnovy formirovaniya integracionnogo potentsiala gosudarstvennoj natsional’noj politiki. In *Sibirskij filosofskij zhurnal*, 2017, vol. 15, No. 2, pp. 148–163 (in Russ.).

“Put’ v nikuda”: deglobalizatsiya poglotila Davos. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/01/24/12140749.shtml> (in Russ.).

Semenenko I.S. Politika identichnosti i identichnost’ v politike: etnonatsionalnye rakursy, evropeiskii kontekst. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2016, No. 4, pp. 8–28 (in Russ.).

Smorgunov L.V. Politicheskaya identichnost i ponyatie politicheskogo. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2012, No. 6, pp. 178–185 (in Russ.).

Strategiya gosudarstvennoj natsional’noj politiki RF na period do 2025 g. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCBHvIwztJfgKM3BHPo7AOVG3j.pdf> (in Russ.).

Tishkov V.A. Chto est’ naziya. V poiskah rossijskoj identichnost. In *Nezavisimaya gazeta* (accessed: 24.01.2017) (in Russ.).

Vseobshhaya deklaratsiya YUNESKO o kul’turnom raznoobrazii. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (in Russ.).

Сведения об авторе:

Попков Ю.В. – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН,

e-mail: yuripopkov54@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1036-9253>.

Язык и идентичность в свете школьного образования

Исходя из того, что язык играет важную роль в истории и культуре любого народа, как правило, включая даже определение национальности людей, автор ставит задачу выяснить факторы, которые влияют на жизнь языка. Почему одни языки исчезают, а другие расширяют ареалы своего распространения? Во всем мире нарастает многокультурность общества и все более актуальной в этих условиях становится проблема сохранения этнокультурной самобытности населения, передачи молодому поколению традиций его отцов и дедов. Готовя молодежь к жизни в многоязычном и поликультурном обществе, важно найти баланс между этнокультурными потребностями того или иного гражданина страны и задачами консолидации населения в интересах единого государства. В статье рассмотрены вопросы школьного образования на национальных языках и проблема их сохранения и изучения в регионах России.

Ключевые слова: государственный язык, родной язык, культурное многообразие, идентичность, образование, регионы России, республики.

Для цитирования: Мартынова М.Ю. Язык и идентичность в свете школьного образования. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 18–29. DOI 10.17746/0295-7.2019.018-029.

M.Yu. Martynova
Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Language and Identity in School Education

Language plays an important role in the history and culture of any nation. Nationality is largely identified with the idea of language. What influences the life of a language? Why do some of them disappear, while others expand the ranges of their distribution? How far can a language be considered a historically defined phenomenon and to what extent a construct, the result of “social engineering”, ideological work? The multicultural nature of the society is growing all over the world and the problem of preserving the ethnocultural identity of the population, passing the traditions of its fathers and grandfathers to the younger generation is becoming increasingly relevant in these conditions. Preparing young people for life in a multilingual and multicultural society, it is important to find a balance between the ethnic and cultural needs of a citizen of a country and the tasks of consolidating the population in the interests of a single state. The article considers the issues of school education in national languages and the problem of their preservation and study in the regions of Russia.

Keywords: state language, native language, cultural diversity, identity, education, Russian regions, republics.

For citation: Martynova M.Yu. Language and identity in school education. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 18–29 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.018-029.

Язык играет важную роль в истории и культуре любого народа. Национальность во многом отождествляется с идеей языка. Что же влияет на жизнь языка? Почему одни из них исчезают, а другие расширяют ареалы своего распространения? Насколько язык можно считать исторически заданным явлением и в какой степени — конструктом, результатом «социальной инженерии», идеологической работы? Уже неоднократно отмечалось, что язык как явление социальное имеет две основные функции: наряду с практическим коммуникативным предназначением он играет еще и символическую роль. Язык формирует чувство родственности с группой и одновременно значим для дифференциации индивидов и сообществ. Он является основным средством, с помощью которого люди могут различать, принадлежит ли человек к их сообществу или же этот человек соотносит себя с каким-нибудь другим сообществом. Эти коллективы могут быть возрастными, профессиональными и т.д. Наиболее отчетливо по разным признакам проявляются группы, имеющие национальный или этнический характер. Таким образом, национальную и этническую идентичности можно рассматривать в тесной связи с языком. В этом случае он не просто является инструментом общения в социальном коллективе, но и обеспечивает ощущение отличия от других народов и государств.

Есть языки, которые признаны официальными сразу несколькими государствами и нациями. В то же время в мире довольно много стран, в которых население говорит не на одном языке, а нескольких. Тогда, как правило, государства, которые образуются в результате объединения нескольких этнических групп или народов, должны иметь язык внутригосударственного общения. Примерно половина стран в мире имеют государственные языки. В некоторых из них — государственный язык один, в других — их больше. Есть страны, где существует один государственный язык для всей страны и в дополнение к нему государственные языки для отдельных регионов. Еще один вариант — отсутствие государственного языка для всей страны, но наличие такового для отдельных ее частей. И, наконец, в ряде стран понятие государственного языка вообще отсутствует. В большинстве подобных случаев, однако, де-факто существует какой-то один основной язык и имеется целый ряд официальных документов, которыми устанавливаются сферы использования тех или иных языков.

Во всем мире нарастает многокультурность общества и все более актуальной в этих условиях становится проблема сохранения этнокультурной самобытности населения, передачи молодому поколению традиций его отцов и дедов. Готовя молодежь к жизни в многоязычном и поликультурном обществе, важно найти баланс между этнокультурными потребностями того или иного гражданина страны и задачами консолидации населения в интересах единого государства. Соотношение диалектического единства общечеловеческих компонентов и их этнокультурных частных в обществе во многом зависит от государственной политики. Процессом сохранения традиций тоже в какой-то степени можно управлять. Вместе с тем воплощение теоретических умонастроений в практическую плоскость — нелегкая задача.

Я хочу акцентировать внимание на том, что есть множество рычагов, благодаря которым могут как конструироваться различия в обществе, так и, наоборот, нивелироваться. Одним из наиболее действенных инструментов социального конструирования идентичности, на мой взгляд, является образовательная политика. То, что люди принадлежат к разным культурным традициям, обусловлено, прежде всего,

воспитанием и социализацией в целом. Немалая роль в воспитательном процессе принадлежит образованию, в первую очередь школьному.

Правительство России 25 августа 2013 г. утвердило федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014–2020 гг. В программе сформулировано пять целей: воспитание общероссийской гражданской идентичности; поддержка этнокультурного развития народов, населяющих нашу страну; укрепление межнационального мира и согласия; обеспечение прав гражданина в области удовлетворения национальных потребностей; содействие в адаптации и социальной интеграции мигрантов. На новые задачи и тенденции государственной социальной политики не могла не отреагировать педагогика. Все чаще говорится, что ключевой целью общего образования является формирование гражданской идентичности подрастающего поколения [Материалы...]. Но в то же время отмечается, что этническая идентичность может существовать одновременно с гражданской идентичностью, они не взаимоисключают друг друга. Понятие «идентичность» включено в Федеральный государственный образовательный стандарт нового поколения. В стандарте подчеркивается, что он, в частности, «направлен на: обеспечение формирования российской гражданской идентичности обучающихся; сохранение и развитие культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, реализацию права на изучение родного языка, овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа России; воспитание и социализацию обучающихся, их самоидентификацию посредством лично и общественно значимой деятельности, социального и гражданского становления».

На формирование идентичности оказывают влияние разные учебные предметы, прежде всего гуманитарной направленности – язык, литература, история, география, религиоведение, история родного края, обществознание. В первую очередь представляется важным остановиться на проблеме языка преподавания. Тем более, что вопрос о выборе языка школьного обучения для России в настоящее время является одним из принципиальных. Как известно, 14 августа 2018 г. вступил в силу принятый в окончательном чтении 25 июля Государственной Думой и подписанный 3 августа Президентом РФ Владимиром Путиным закон, дающий школьникам и их родителям право выбирать, какой язык будет изучать ребенок в качестве родного [Закон РФ «Об образовании»]. Русский язык закон тоже включает в перечень для изучения в этом качестве. Предмет «Родной язык» остается в обязательной части учебных планов, а не переходит в факультативную составляющую, что особо подчеркивают авторы закона.

Против первоначальной версии законопроекта выступали и власти, и общественность во многих республиках, в частности в Татарстане, Кабардино-Балкарии, Чечне, Калмыкии, Северной Осетии. Не до конца прекращены дискуссии и сейчас. Нарекания вызвал тот факт, что закон закрепляет за гражданами право не изучать языки национальных республик, в которых эти граждане живут. По мнению значительной части национальных активистов, переход изучения языков на добровольную основу повлечет за собой утрату культуры народа. Местные элиты и этнонациональная интеллигенция республик действия Центра восприняли как принижение статуса их языков. Именно поэтому республики крайне болезненно отреагировали на решения властей, посчитав, что тем самым Москва ставит под угрозу само суще-

ствование титульных языков республик. Авторы же инициативы о праве на выбор языка полагают, что на основании закона детей не будут принуждать изучать в качестве родного язык, который родным для них не является. Большой резонанс в стране вызвали слова Президента РФ В.В. Путина в июле 2017 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле о том, что недопустимо заставлять кого-либо учить неродной язык. Россия была ввергнута в полемику о языках, общественная дискуссия по этому вопросу развернулась по всей стране.

В июле 2017 г. Минобрнауки РФ было поручено проверить ситуацию с преподаванием языков в восьми республиках России (из 22), где республиканские государственные языки изучались в школах в обязательном порядке. Это – Татарстан, Якутия, Ингушетия, Калмыкия, Северная Осетия, Марий Эл, Чувашия, Коми. В остальных республиках языки титульного населения изучались добровольно. В регионах прошли прокурорские проверки. Генпрокуратура проверила добровольность изучения языков народов РФ в регионах России и обнаружила нарушения во всех национальных республиках. Но самое большое количество жалоб родителей школьников на принудительное обучение национальному языку и уменьшение часов русского языка зафиксировано в Татарстане, Башкортостане, Якутии и Чувашии. По итогам проверки прокуратура направила представления о вынесении штрафов и должностных взысканий. Минобрнауки РФ разработало методические указания, согласно которым изучение государственного языка республики будет добровольным. Минобрнауки РФ более жестко отрегулировало образовательные стандарты и установило объемы изучения родного и государственного национальных языков.

Родители школьников, ранее недовольные обучением их детей национальным языкам (акции русскоязычных родителей в Татарстане и Башкортостане периодически повторялись с 2011 г.), начали еще активнее писать отказы. В то же время в Башкортостане прошло несколько митингов в поддержку башкирского языка. В Татарстане также прошли митинги с требованием вернуть обязательное преподавание татарского языка в школах. Педагоги Чечни высказали мнение, что факультативное обучение не сможет обеспечить базового знания родного языка. Они говорили и о том, что желательно изучение языка «титульной нации» всеми жителями Чечни. Президиум парламента Кабардино-Балкарии поддержал обращение Госсовета Татарстана о необходимости «сохранить право изучения родного языка в обязательной части школьной программы для всех народов России». В Нальчике 26 июня прошло заседание представителей общественных движений, преподавателей, учителей и правозащитников. Общественная дискуссия по языковому вопросу возобновилась в Чувашии и Коми. Активисты из Северной Осетии обратились к Президенту РФ Владимиру Путину с просьбой оставить осетинский язык обязательным для изучения в школах республики. В 2014 г. они уже обращались к властям с просьбой не принимать поправки к закону о родных языках, согласно которым для дополнительного изучения можно будет свободно выбирать родной язык (данные получены в ходе опроса и из материалов СМИ).

И сторонники, и противники этнокультурного образования обычно приводят весомые аргументы, обосновывая свои точки зрения. В качестве примера того, что принцип добровольности изучения языков в республиках правилен, академик В.А. Тишков описывает ситуацию в северных нефтегазовых поселках Республики

Коми, где почти не проживают представители титульного народа, но в школьной программе изучение языка коми было обязательно. В.А. Тишков разъясняет: «Чем были недовольны часть учеников и их родители? Не только тем, что приходилось тратить школьное время на изучение языка, который мог быть довольно труден для освоения и ничего, с точки зрения некоторых родителей, не добавлял для финальной школьной аттестации и для вступительных вузовских экзаменов. Даже освоив республиканский государственный язык и оставшись проживать в регионе, применять его в повседневной жизни особой нужды не было: все вокруг говорят на русском. Это, например, характерно для Северной Осетии и Мордовии, где подавляющее большинство жителей дома и на работе используют русский язык. Особое недовольство вызывала ситуация у тех, кого можно условно назвать «двойными меньшинствами», т.е. у представителей нерусской национальности, проживающих как бы не в «своей» республике. Тогда ученик-ингуш, проживающий в Пригородном регионе Осетии, должен был обязательно изучать в школе осетинский, а не родной ингушский, а чуваш в Татарстане — изучать татарский, а не чувашский, и т.д. От этой части жителей республик и было больше всего жалоб. Но выказывали недовольство самые разные категории, в т.ч. и татары в Татарстане и башкиры в Башкирии, которые хотели бы иметь больше учебных часов для подготовки к ЕГЭ» [Тишков, 2017].

Исполнительный директор Региональной общественной организации «Национально-культурная автономия удмуртов республики Татарстан» Марина Иванова не согласна с приведенной позицией и задается вопросом, почему нельзя считать татарский язык языком межнационального общения на территории Татарстана? По ее словам, 18 % удмуртского населения в Республике Татарстан знает татарский язык. Недавно она столкнулась с информацией о том, что эта цифра увеличилась до 35 %. В языке татарстанских удмуртов, говорит активистка, присутствует большое количество тюркизмов, да и вообще их речь очень близка к татарской.

Создалась парадоксальная ситуация: ущемленными в правах себя считают как сторонники, так и противники изучения национальных языков в школах. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, опубликованным на сайте организации 27 ноября 2017 г., за обязательное преподавание национальных языков в школах республик РФ выступили 33 % россиян. Еще 56 % опрошенных были уверены, что национальные языки должны быть дополнительным предметом на выбор родителей и школьников. Еще 8 % заявили, что такого предмета вообще не должно быть в школе, а 3 % затруднились с ответом. Считают, что в основном преподавать национальные языки нужно в начальной и средней школах, соответственно 60 % и 58 % респондентов. С проведением таких уроков в старшей школе согласен 41 % опрошенных. Возникшее в стране общественное напряжение, связанное с ограничениями языкового и этнокультурного образования, довольно существенно. В российском образовании идет поиск оптимального сочетания изучения русского языка при сохранении и поддержке языкового разнообразия жителей России [ВЦИОМ].

А масштаб языкового многообразия России беспрецедентен. Согласно Всероссийской переписи населения, в стране зафиксировано 277 языков, а реально их порядка 150, ок. 100 языков — письменные, в т.ч. на 59 создаются литературные произведения, издаются книги и журналы, ставятся спектакли. При этом русским языком, обладающим статусом государственного на всей территории России, владеет 98,2 % населения. Кроме того, 23 % владеет еще 38 языками. Остальные 114 языков распро-

странены лишь среди 1 % населения. Таким образом, в России наблюдается, с одной стороны, языковое единство и языковое доминирование русского языка, с другой — большое языковое и культурное разнообразие [Степанов, 2010, с. 11].

Среди языков есть такие, на которых говорят миллионы людей, но есть и те, которыми владеют только тысячи, сотни или даже десятки человек. Закономерно, что наиболее распространены языки, которыми пользуются самые многочисленные в стране национальности. Большинство языков массового владения обладает статусом республиканских государственных языков в пределах отдельных субъектов РФ. Больше всего в России людей, говорящих на татарском (5,3 млн, 3,7 % населения) и башкирском (1,4 млн, 1 %) языках. Далее следуют украинский — 1,3 %, чеченский (0,9 %), чувашский (0,9 %), армянский (0,6 %), аварский (0,5 %) языки. Якутским владеет 0,3 % населения России [Там же, с. 21–22].

Относительно правового статуса языков РФ, напомним, что Конституция РФ устанавливает статус языков, функционирующих на территории страны: государственный язык РФ, республиканские государственные языки, родные языки. Государственным языком страны на всей ее территории является русский язык (ст. 68, п. 1). Конституция РФ дает республикам право устанавливать свои государственные языки и использовать их в органах государственной власти и местного самоуправления, в государственных учреждениях республик наряду с государственным языком страны. Статусом республиканских государственных языков наделены 25 языков в 19 республиках. Их статус закреплен Конституцией РФ, конституциями республик и республиканскими законами о языках. Кроме того, некоторые языки в ряде республик не имеют статуса государственного, но обладают аналогичными функциями. Это 14 языков с наибольшим количеством носителей в Дагестане, карельский, вепсский и финский языки в Республике Карелия. Отметим, что в ряде республик РФ (Карелия, Хакасия, Адыгея, Коми, Бурятия, Удмуртия, Башкортостан, Алтай, Мордовия, Марий Эл, Саха) титульные национальности составляют численное меньшинство среди местного населения, что, естественно, влияет на языковую ситуацию в этих республиках. Согласно основному закону, человеку и гражданину предоставлено право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Конституция также гарантирует всем народам России право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Право получения образования на любом языке народов России предусмотрено федеральным законодательством.

Россия как многоэтничное и поликультурное государство имеет давние традиции образования на разных языках народов России. Организация школьной системы в многоэтничном государстве, определение задач школы не только как института просвещения, но и как инструмента языковой и духовной интеграции народов были актуальны еще в 60-е гг. XVIII в. Наивысший расцвет образования на родных языках в нашей стране приходился на 1934 г., когда обучение велось на 104 языках. В 1939–1940 гг. был взят курс на процесс русификации, в связи с чем в 1938 г. Совнарком СССР принял Декрет «Об обязательном обучении русскому языку в школах национальных республик и областей». Он был направлен на двуязычное образование. Постепенно происходит отказ от принципа «школа на родном языке» и переход основной части национальных школ на русский язык обучения. В 1952 г. вводятся новые учебные планы со значительным увеличением часов на изучение русского языка.

Реальным поворотом к утрате двуязычия и переходу обучения на русский язык стал закон «Об образовании» 1959 г., в котором содержалось положение о добровольном выборе родителями языка обучения их детей, это привело к тому, что русский язык как язык обучения стал доминировать. В 1960-е гг. основным типом национальной школы в РСФСР становится школа с русским языком обучения и с преподаванием родного языка и литературы в качестве учебных предметов. К концу 1970-х гг. образование можно было получить лишь на 14 языках народов СССР. А число языков, изучавшихся в школах, к середине 1980-х гг. снизилось до 44. Национальная школа практически растворилась в общеобразовательном пространстве. В советский период истории нашей страны государство спонсировало этнические идентичности через правовые нормы и государственные институты и в то же время декларировало идею сближения народов, выравнивания их экономического и культурного развития. Все это находило отражение и в образовательной политике [Мартынова, 2004, 2012, 2013].

В России 1990-х, судя по принятым документам – законам «О национально-культурной автономии», «О коренных малочисленных народах», Концепции государственной национальной политики и др., этническая политика все больше определялась как политика мультикультурализма. Мультикультурализм при всей многозначности понятия подразумевает пафос стремления к равноправию различных культур, а также модели их равноправного существования в противовес модели гегемонии одной культуры. Не будем забывать, что концепция интеграции полиэтнического общества в сочетании со стратегией политического и культурного равноправия и согласия не может не реализовываться в образовательной сфере. В начале 1990-х гг. обучение на разных языках стало возрождаться во всех субъектах Российской Федерации. Согласно Федеральному закону «Об образовании» от 10 июля 1992 г. «граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования» (ст. 6, п. 2). В этот период роль нерусских языков в общественном процессе заметно возросла.

Востребованность системы национального образования оказалась высокой. По данным Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования (ЦНПО ФИРО) Минобрнауки России, в 1989 г. в общеобразовательных учреждениях функционировало (в качестве языков изучения и обучения) 55 языков. К 2010 г. в системе государственного образования работало ок. 9 тыс. «национальных» школ, изучалось уже 89 языков народов России (текущий архив Минобрнауки). Из них на 39 велось обучение. В старших классах школы языками обучения являлись алтайский, башкирский, бурятский, марийский (луговой), татарский, удмуртский, чувашский, эвенкийский, юкагирский, якутский и другие. В качестве учебного предмета в школах Российской Федерации изучалось еще 50 языков. При этом предмет «родной язык» преподавался в основном на всех ступенях общеобразовательных школ (с 1 по 11 класс). По данным на 2018 г., в российском образовании используется 105 языков. Из них 24 в качестве языка обучения и 81 изучается как учебный предмет. Но учебники, прошедшие федеральную экспертизу, есть только на 7 языках, остальные – инициативные.

В системе общего образования в качестве государственного языка республики изучались следующие языки: башкирский, татарский, коми, чувашский, саха. В практически моноэтнических республиках, таких как Ингушетия, Чечня, Тува,

можно считать, что изучение родного языка осуществляется в статусе государственного. Характер двуязычия в республиках, безусловно, определяет и степень бикультурности среды. Необходимо отметить тенденцию, пусть незначительного, но все же увеличения в местах компактного проживания представителей тех или иных народов национальных государственных школ, где родной язык является языком обучения или предметом изучения (в основном за счет роста таких школ в городах). В начале 1990-х гг. их было в среднем по России ок. 13 %, сейчас – 45 % [Артеменко, 2011]. Так, на территории России в 2010 г. действовало: 47 армянских школ, 85 – казахских, 66 – азербайджанских, 19 – туркменских и др. Например, в Республике Татарстан функционировало 56 чувашских, 18 удмуртских и 9 марийских дошкольных учебных заведений. Работало 140 чувашских, чувашско-русских, чувашско-татарских школ, где изучали родной язык более 83 тыс. детей (текущий архив Минобрнауки РФ).

Правда, если исходить из востребованности, то языки народов нашей страны по-прежнему находятся не в одинаковом положении. В наиболее выгодном положении – русский, татарский, башкирский, якутский языки. На них ведется весь цикл образования. Больше всего школ с родным языком в Татарстане, Башкортостане, Якутии, Тыве. Так, в общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения составляют более 40 %, Республики Башкортостан – 45 %, Республики Татарстан – 60 %, а Республики Тыва – 80 %. Соответственно увеличивается и количество детей, изучающих свой родной язык. В Республике Татарстан, например, доля детей, обучающихся на родном языке, увеличилась с 12 % в 1991 г. до 50 % в 2006 г., в Республике Башкортостан – до 40 %. В Дагестане, где по официальной статистике 32 языка, преподавание в школах ведется на 14 языках (ряд языков не имеет письменности), начальная школа – на родном, дальнейшее обучение – на русском [Артеменко, 2011].

Школы с нерусским языком преподавания у нас в стране традиционно носили название «национальная школа». Закон РФ 1992 г. «Об образовании» заменил это понятие. В подзаконных актах Министерства образования РФ такие школы стали обозначаться как школы с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения. Как правило, эти учебные заведения ориентированы на обучение детей разных национальностей, в первую очередь в регионах их компактного проживания.

В 90-е гг. XX столетия в посткоммунистических странах повсеместно наблюдалась активизация этнического самосознания, что сопровождалось формированием организаций и движений, в т.ч. и тех, которые заботились о путях этнокультурного развития, о сохранении своих языков и культур. Для образовательной политики идея поликультурного и поликонфессионального социального пространства стала в эти годы одной из базовых. Тогда школы с преподаванием на разных языках стали создаваться не только в регионах компактного проживания тех или иных народов, но и в условиях иноэтничного окружения. Лидером в этом отношении стала Москва. Здесь возникли школы с т.н. этнокомпонентом, в которых изучались языки и культура разных народов. Со столицы брали пример и другие города. Например, в Оренбургской обл. родной язык как предмет в тот период изучался в 146 школах. А с учетом факультативов и кружков этнокультурный компонент образования использовали более 200 школ, в т.ч. с татарским языком – более 90, казахским – 55, башкирским – 47, мордовским – 17, чувашским – 6. Количество детей, охваченных всеми видами обучения, составляло более 14 тыс. чел.

Правда, концепции и подходы к многогранности образования не оставались неизменными. В 2007 г. на основании Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» от 01.12.2007 № 309-ФЗ, был ликвидирован т.н. национально-региональный компонент образования. В российских регионах, прежде всего в республиках, неоднократно высказывались требования законодательно его восстановить. Отметим, что, с одной стороны, этот компонент спровоцировал некоторые общественные разногласия, поскольку способствовал воспитанию этнически ориентированной личности. С другой стороны, он все-таки позволял удовлетворить потребности населения в изучении и поддержке региональных языков и культур.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что педагогические технологии требуют особой взвешенности подходов. В России в разные периоды истории отношение к этнокультурному образованию и национальным школам менялось. Новый закон касается изучения родного языка как предмета, а не языка, на котором ведется обучение. Но представляется, что эти две образовательные составляющие взаимосвязаны и являются звеньями одной цепи. Оценивать работу нового закона и новых подходов можно будет спустя некоторое время. Пока же отметим, что дискуссии вокруг проблемы родного языка подстегнули интерес к изучению и развитию всей палитры языков народов России. На проблему отреагировали органы власти как в центре, так и в регионах: стали развиваться институты общественного управления системой образования.

В Башкортостане, к примеру, утверждена Программа развития родных языков. На нее в 2019–2024 гг. предполагается выделить более 683 млн руб. (на русский язык – 32 млн, на башкирский – 172 млн и на остальные – еще 478,7 млн). Создана ассоциация учителей башкирского и родных языков. Председатель Кабинета министров Чувашии подписал указ о том, что авторы лучших детских книг на чувашском языке получают денежные призы в размере 200 тыс. руб. Конкурс был проведен в седьмой раз.

В Казани 27–30 августа 2018 г. прошел Фестиваль национальных литератур народов России, на круглых столах которого обсуждались современные тенденции и состояние национальной литературы, проблемы перевода с национальных языков. Татарстан потратит почти 28 млн руб. на новые учебники по татарскому языку. В Татарстане 12 ноября 2018 г. запустили первый детский телеканал на татарском языке круглосуточного вещания. Создан сайт, на котором можно будет смотреть канал в России и за рубежом. В Казани 28–30 октября 2018 г. прошел молодежный конкурс песен на родном языке для коренных народов «Амадины».

В Удмуртии в нескольких городах и районных центрах с октября 2018 г. стартовали курсы удмуртского языка. Организаторами обучения выступили Ассоциация учителей удмуртского языка «Выжы», Удмуртский государственный университет и Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. В Москве 27 ноября 2018 впервые праздновался Всемирный день удмуртского языка. Мероприятие было приурочено к принятию закона Удмуртии о государственных языках и иных языках народов Удмуртии, благодаря которому удмуртский язык получит статус государственного в республике. В Сыктывкаре (Коми) 25–26 октября 2018 г. состоялась VI Международная конференция «Родные языки в условиях двуязычия». В Карелии опубликована азбука в стихах на ливвиковском наречии карельского языка.

В Дагестане появилась Ассоциация учителей родных языков и литератур. В Ботлихском р-не Дагестана 14–15 июля 2018 г. состоялся уже второй Республиканский слет учителей аварского языка. Он собрал, по данным пресс-службы администрации г. Махачкалы, более тысячи педагогов из 32 муниципальных образований республики. Республиканский фестиваль родного языка запланирован в Дагестане на февраль 2019 г. В Дагестанском государственном университете разрабатываются онлайн-уроки по родным языкам. Планируется записать онлайн-уроки по семи языкам. Они предназначены для повышения квалификации учителей родных языков. Для повышения интереса детей к изучению родных языков в Дагестане создаются анимированные азбуки лезгинского, аварского, лакского, кумыкского, даргинского, чеченского, ингушского, осетинского, кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков, их озвучивают дети. В Ингушетии также разрабатывается мобильное приложение с уроками ингушского языка. В Карачаево-Черкесии на научно-практической конференции «Табуловские чтения» в ноябре 2018 г. более 100 ученых и педагогов представили доклады, посвященные проблеме изучения абазинского языка. В Осетии стали выпускать обучающие мультфильмы на осетинском языке.

Народы Севера и Сибири тоже не отстают. Наиболее успешна в плане обучения на родных языках здесь Якутия. В Якутии еще раньше существовал Совет по языковой политике при главе республики, создано специальное Управление по вопросам языковой политики. Работают программы в сфере образования и культуры.

Среди летних детских лагерей Югры самым популярным летом 2018 г. было этностойбище «Нумсанг ёх» («Мыслящие люди»), где впервые проводилась языковая смена. Ее главной целью было стремление погрузить детей в хантыйскую языковую среду. Большинство детей до приезда в лагерь не говорило по-хантыйски, некоторые знали лишь отдельные слова. Занятия по специальной программе позволили им преодолеть языковой барьер и вызвали желание продолжить занятия в будущем. Ко дню тувинского языка детский литературный сайт «Радуга Тувы» представил новую серию «Российская классика на тувинском языке». В Хакасии объявили конкурс на сочинение на родном языке.

Очевидно, что в свете современных реформ и дискуссий позиции родных языков только усилились. В частности, это касается коренных малочисленных народов Севера, т.к. местные власти теперь обязаны создавать условия для изучения их языков. Научная группа культурологов (лингвистов) Сибирского федерального университета на основе полевых материалов разрабатывает письменность для энцев, малого народа Красноярского края. На сегодняшний день энцы – практически единственный таймырский северный народ, не имеющий юридически зафиксированной письменности (в 1986 г. Наталья Терещенко опубликовала проект энецкого алфавита с лесным диалектом языка в опоре). В Красноярском крае готовят учебники эвенкийского языка, там впервые за несколько десятилетий подготовят учителей эвенкийского языка. На Таймыре выберут лучшего учителя родного языка. В Хабаровском крае изданы учебники по нивхскому, удэгейскому и ульчскому языкам.

Больше внимания изучению различных языков стали уделять не только в республиках. В частности, в Ульяновской обл. на конференции педагогов родных языков, состоявшейся 20 августа, глава области Сергей Морозов предложил запустить проект по изучению родных языков народов региона на разговорном уровне. Здесь планируется организовать дистанционную школу по продвижению родных языков.

Курсы родных языков стартовали в Ставрополе: изучаются грузинский, черкесский, абазинский языки (Данные получены в ходе опроса и из материалов СМИ).

VI фестиваль языков прошел 24–25 ноября 2018 г. в Великом Новгороде. Состоялись презентации самых разных языков: нанайского, грузинского, эсперанто, марийского, польского, сербского, китайского, бурятского, и др.

Общество тоже может повлиять на выбор детьми своего родного языка. Например, со ссылкой на министра образования и науки Республики Ирину Азимову, 16 января 2018 г. ТАСС сообщил, что в Северной Осетии 99 % родителей школьников выбрали осетинский язык для изучения детьми по предмету «Родной язык». В то же время в Башкирии в 2018/2019 учебном году башкирский язык в качестве родного будут изучать 15,6 % школьников, татарский – 9,45 %, а русский – 63,05 % (<https://www.idelreal.org/a/29439082.html>).

Марийский язык как родной будут изучать 10 % школьников Марий Эл (<https://nazascent.ru/.../28298-marijskij-yazyk-kak-rodnoj-bud>). В Татарстане татарский язык как родной выбрали 68 % школьников. Образование на татарском языке там получают 70 тыс. детей. Русский как родной выбрали 30 % учащихся Татарстана. Еще 2 % школьников выбрали другие языки: чувашский, марийский, мордовский, иврит и др.

О реакции федеральной власти на проблему языкового многообразия России свидетельствует тот факт, что Президент РФ В.В. Путин 26 октября 2018 г. подписал Указ о создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов РФ. Учредителями Фонда являются Минпросвещения России и Федеральное агентство по делам национальностей, фонд формируется за счет бюджетных ассигнований. Цель работы фонда, по словам В.В. Путина, – создание условий для сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, являющихся национальным достоянием и историко-культурным наследием Российского государства. Государственная дума 29.10.2018 провела парламентские слушания на тему «Языковое многообразие Российской Федерации: состояние и перспективы». Напомню, что ООН объявила 2019 г. Международным годом родных языков. Все это вселяет надежду, что языковое богатство России и ее культурное многообразие имеют будущее, но и показывает неоднозначность ситуации по регионам.

Благодарности

Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

Список литературы

Артеменко О.И. Удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей народов России: государственность, этническая идентичность // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 8 (39). – С. 124–131.

ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8804> (дата обращения: 27 ноября 2017 г.).

Закон РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании», гл. 2, ст. 14 «Язык образования».

Мартынова М.Ю. Поликультурное пространство России и проблемы образования // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 1. – С. 37–51.

Мартынова М.Ю. Школьное образование как ресурс культурной и национальной идентичности // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. Ежегодный доклад EAWARN. М.: ИЭА РАН, 2012. – С. 236–243.

Мартынова М.Ю. Школьное образование и идентичность. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: 2013. – № 234. – 50 с.

Материалы круглого стола «Новый стандарт общего образования: стартовал пилотный проект». – URL: <http://standart.edu.ru/doc.aspx?DocId=331> (дата обращения: 22.11.2007).

Степанов В.В. Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации // Европейская языковая хартия и Россия. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: 2010. – № 218. – С. 11–29.

Тишков В.А. Язык до конфликта не доведет? // Известия. – 07.12.2017.

References

Artemenko O.I. Udovletvorenie ehtnokul'turnyh obrazovatel'nyh potrebnostej narodov Rossii: gosudarstvennost', ehtnicheskaya identichnost'. In *Evrazijskij uridicheskij zhurnal*. 2011, No. 8 (39), pp. 124–131 (in Russ.).

Martynova M.Yu. Polikul'turnoe prostranstvo Rossii i problemy obrazovaniya. *Ehtnograficheskoe obozrenie*. 2004, No. 1, pp. 37–51 (in Russ.).

Martynova M.Yu. Shkol'noe obrazovanie kak resurs kul'turnoj i nacional'noj identichnosti. In *Ehtnopoliticheskaya situaciya v Rossii i sopredel'nyh gosudarstv v 2011 g.* Ezhegodnyj doklad EAWARN, M.: IEHA RAS, 2012, pp. 236–243 (in Russ.).

Martynova M.Yu. Shkol'noe obrazovanie i identichnost'. Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj ehtnologii. Moscow, 2013, No. 234, 50 p. (in Russ.).

Materialy kruglogo stola “Novyj standart obshchego obrazovaniya: startoval pilotnyj projekt” ot 22.11.2007. URL: <http://standart.edu.ru/doc.aspx?DocId=331> (in Russ.).

Stepanov V.V. Podderzhka yazykovogo raznoobraziya v Rossijskoj Federacii. In *Evropejskaya yazykovaya hartiya i Rossiya. Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj ehtnologii*. Moscow, 2010, No. 218, pp. 11–29 (in Russ.).

Tishkov V.A. Yazyk do konflikta ne dovedet? In *Izvestiya*. 07.12.2017 (in Russ.).

VTSIOM. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8804> (accessed: 27.11.2017) (in Russ.).

Zakon RF ot 29.12.2012 № 273-FZ “Ob obrazovanii”, chap. 2, art. 14. Yazyk obrazovaniya (in Russ.).

Сведения об авторе:

Мартынова М.Ю. – доктор исторических наук, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН,

e-mail: martynova@iea.ras.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7280-7450>.

Основные факторы формирования этнокультурной идентичности (по материалам русских Сибири на рубеже XIX–XX веков)

В основу статьи положен этнографический подход к исследованию феномена этнокультурной идентичности на основе конкретных данных – полевых материалов автора. Идентичность этнокультурных групп русских Сибири отражалась в самоназвании и выражалась в привязанности к системе ценностей своей культуры, выборе брачных партнеров, предпочтительности расселений. Раскрывается содержание эндо-, экзоэтнонимов групп, идентификационные возможности культурных констант материальной и духовной культуры.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, культурные группы русских Сибири, идентификационные возможности компонентов культуры.

Для цитирования: Фурсова Е.Ф. Основные факторы формирования этнокультурной идентичности (по материалам русских Сибири на рубеже XIX–XX веков). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 30–34. DOI 10.17746/0295-7.2019.030-034.

E.F. Fursova
*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Ethnocultural Identity of the Russians of Siberia at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Trends and Factors of Formation

The article is based on an ethnographic approach to the study of the phenomenon of ethnocultural identity based on specific data – field materials of the author. Identification of ethnocultural groups of Russian Siberia was reflected in the self-name and was expressed in attachment to the value system of its culture, the choice of marriage partners, the preferences of settlements. The article reveals the content of endo-, exoethnonyms of groups, identification possibilities of cultural constants of material and spiritual culture.

Keywords: ethnocultural identity, groups of Russian Siberia, identification capabilities, cultural components.

For citation: Fursova E.F. Ethnocultural identity of the Russians of Siberia at the turn of the 19th and 20th centuries: trends and factors of formation. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 30–34 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.030-034.

Сегодня одни исследователи пишут о кризисе национальной идентичности русских, другие, наоборот, пытаются доказать начавшуюся «реанимацию» себя и своей культуры после эпохи симулякров «под народность» времен СССР. Разброс мнений велик: на одном полюсе дискуссий ученых стоят «плюралистическая», «информационная», «сетевая» идентичности, на другом – отстаивается право на особый путь развития народов, сохранение национально-культурной идентичности.

Этнокультурная идентичность русских в Сибири отражалась в самоназвании и выразилось в приверженности ценностям своей культуры, в системе предпочтительности расселений групп, совместном или раздельном проведении праздников, выборе брачных партнеров и пр. Указанный в заглавии хронологический период рубежа XIX–XX вв. важен для раскрытия существенных характеристик этнокультурной идентичности русских и других восточнославянских народов Сибири, т.к. именно в это время складывался этнокультурный состав населения, потомки которого составляют абсолютное большинство современных сибиряков в общем региональном смысле этого слова.

Выявление идентификационных возможностей компонентов материальной и духовной культуры русских старожилов и переселенцев Сибири в XVII – первой трети XX в. позволяет охарактеризовать особенности их этнокультурной идентичности в прошлом и настоящем. Проблема идентичности рассматривается автором с учетом влияния исторического фактора и раскрывается в рамках оппозиции «мы – они», «свои – чужие», что особенно хорошо прослеживается в процессе интервьюирования при ответах на вопросы «чем вы/они отличались от них/вас?» и т.п. В ответах информантов обычно указываются:

во-первых, диалекты и манера говорить (напр. «щё, пощё», «паря» и пр. выделяли чалдонов; «хахлами» называли людей, произносивших мягкий звук «г»);

во-вторых, одежда и обувь (напр. насмешливые «лапотники», т.е. российские переселенцы, носившие лапти);

в-третьих, в случае проведения глубинного интервью, обнаруживаются особенности бытового уклада, религиозности, праздничной культуры и пр.

В этнографической литературе принято подчеркивать, что у старообрядцев на первое место выдвигалась приверженность старой вере и конкретно к одному согласию, что гарантировало статус «своего», несмотря даже на этнический фактор. Вместе с тем, согласно данным многочисленных интервью по теме бытования православия в различной социальной и сословной нестарообрядческой среде, значимость религиозного фактора была велика и здесь [Кириченко, 2010, с. 15].

Старожилое население, именовавшее себя в Сибири *чалдонами*, – яркий пример результата поиска этнокультурной идентичности. Казаки «с Дона» (на что будто бы указывала часть их эндоэтнонима – «дон»), «потомки» Ермака, первопроходцы – основы, на которых покоится идентичность старожилов, которые внушают им самоуважение и убеждают в наличии собственного места в мире [Фурсова, 2006]. Хотя для чалдонов постижение «народного духа», его специфика и выражалась в культурном наследии «казацкого» прошлого, ни их потомки, информанты 1980-х гг., ни их окружение не называли это старожильческое население «казаками». Чалдоны были носителями православного мировоззрения и соответствующих религиозных традиций русского народа.

Многие исследователи считают, что человек подсознательно стремится к обретению единства с окружающим миром, которое достигается посредством интеграции

в культурно-символическое пространство [Малыгина, 2011, с. 3–4, 9], что актуально и в условиях пограничья близкородственных народов [Мартынова, 2012, с. 5–14]. Однако в отношении групп старообрядцев, бежавших в Сибирь от преследований с намерениями сохранить свою культуру и идентичность, этот вывод не может считаться правомерным. *Кержаки*, согласно их мифологии, выходцы «с Кержи-реки», наоборот, стремились к изоляции от соседей-нестарообрядцев. Самосознание конструировалось на основе базовых ценностей православной старообрядческой этики, неприятия Русской православной церкви, ряда коллективистских понятий, норм, правил поведения. Кержа-река, как и Дон, стала обобщающим символом общих истоков представителей этой группы, давшей ей название.

Показательным примером сохранности этнокультурной группой своей идентичности на протяжении более 250 лет в Сибири могут служить «*семейские*» Забайкалья, которые избежали инкорпорирования в «магистральную» культуру даже в случае заключения браков с иноверцами. Помимо фактора приверженности старообрядческой вере, этнографические материалы позволили сделать вывод, что регламентируемая многочисленными правительственными указами XVII–XVIII вв. верхняя или присутственная одежда сыграла определенную роль в становлении этнокультурной идентичности старообрядческих групп. И в годы существования СССР и сегодня идентичность семейских актуализирует также активная деятельность ученых-этнографов и фольклористов, включая зарубежных, что способствовало мировому признанию ценностей их традиционной культуры, фольклора, входящего в список культурного наследия ЮНЕСКО.

Родственная в этнокультурном отношении семейским группа старообрядцев «*поляков*» Алтая оказалась в меньшей степени способной сохранять свою этнокультурную идентичность во времени. Хотя они прибыли в Сибирь в XVIII в. и были носителями не менее ярких и самобытных элементов культуры, «полякам» не удалось привлечь к себе такого, как у семейских, внимания мирового сообщества. Таким образом, эволюционные и трансформационные процессы здесь протекали более естественным путем. На Рудном Алтае «поляки» оказались в контакте с группами старообрядцев другой культурной традиции, в своей основе северной и поволжской (нижегородской, кержацкой). Видимо, это и способствовало размыванию границ идентичности этой группы, хотя на начальном этапе поселения она значительно отличалась в культурном отношении от остальных сообществ региона.

Компактностью поселения отличались группы старообрядцев и более позднего времени прибытия в Сибирь (конца XIX – начала XX в.). Это группы переселенцев белорусского происхождения (известные в Витебщине под названием «*москалы*»), выходцев с Южного Урала («*двоеданы*»). Их потомки до настоящего времени сохранили представления о своих русских старообрядческих корнях. Витебские старообрядцы, кроме того, несмотря на включенность целого ряда белорусских компонентов культуры, в Сибири сохраняют русскую идентичность, в то время как среди их белорусских родственников в Беларуси наблюдается процесс ее смены на титульную. Заметим, что в последнее время идентичность сибирских старообрядцев также корректируется национально-культурными центрами в сторону белорусской этничности. Высокая степень компактности и изолированности «курганов» При-салаирья способствовали сохранению идентичности группы, являвшейся смешанной, русско-мордовской в этническом отношении, до середины XX в. (даже свое

староверие они обозначали «курганской верой») [Фурсова, 1999]. К концу XX в. все представители группы считали себя русскими и лишь в отдельных семьях сохранялась память о мордовских корнях (ПМА 1989–1990).

Автором были исследованы данные по кругам брачных связей, которые раскрывают картину иерархии коллективных идентичностей, выявляя предпочтения при выборе супругов. Материалы народной топонимики свидетельствуют о территориальных разделениях этнокультурных групп внутри населенных пунктов, что можно рассматривать как способ разрешения конфликтных ситуаций. Существование разных годонимов, связанных с этнокультурной принадлежностью населения, было особенно заметно в селениях, где старожилы проживали совместно с южнорусскими и украинскими переселенцами.

Поиск сибирской идентичности – непрерывный процесс, совершавшийся как на региональном, локальном, индивидуальном уровнях, так и на уровне этнокультурных групп. Некоторые этнокультурные группы русских сложились уже во время проживания в Сибири (чалдоны, кержаки, «поляки», семейские), другие начали осознавать себя и называться своим именем еще на местах исхода (двоеданы, курганы, полешуки). Решающими факторами, составившими основу формирования идентичности на уровне группы, стали: 1) исторический (история появления семьи в Сибири, места, время исхода и пр.); 2) культурно-ландшафтный (духовная связь с природой, климатом, ландшафтом, реками, горами и пр.); 3) культурно-бытовой (обычаи, религиозная принадлежность, стереотипы поведения, выбор брачных партнеров и пр.).

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00028 «Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XVII – первая треть XX в.)».

Список литературы

Кириченко О.В. От редактора // Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование. – М.: Наука, 2010. – С. 4–17.

Мальгина И.В. Грани и границы этнокультурной идентичности в современном мире // Проблемы формирования национально-культурной идентичности в современной России. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. – С. 3–13.

Мартынова М.Ю. К вопросу об изучении пограничных территорий // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья. – М.: ИЭА РАН, 2012. – С. 5–14.

Фурсова Е.Ф. Старообрядцы-«курганы»: к вопросу об этнографических микрообщностях // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 653–659.

Фурсова Е.Ф. Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 427–441.

References

Fursova E.F. Staroobryadcy-“kurgany”: k voprosu ob ehntograficheskikh mikroobshchnostyah. In *Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999, vol. V, pp. 653–659 (in Russ.).

Fursova E.F. Ehtnograficheskie grupy vostochnyh slavyan v Zapadnoj Sibiri: tipologiya, identichnost', mezhkul'turnye vzaimodejstviya. In *Ethno-cultural interaction in Eurasia*. Book 1. Moscow: Nauka, 2006, pp. 427–441 (in Russ.).

Kirichenko O.V. Ot redaktora. In *Svyatyni i svyatost' v zhizni russkogo naroda: ehntograficheskoe issledovanie*. Moscow: Nauka, 2010, pp. 4–17 (in Russ.).

Malygina I.V. Grani i granicy ehntokul'turnoj identichnosti v sovremennom mire. In *Problems of the formation of national and cultural identity in modern Russia*. Moscow: Publ. house of the Moscow Humanitarian Univ., 2011, pp. 3–13 (in Russ.).

Martynova M.Yu. K voprosu ob izuchenii pogranychnyh territorij. In *Borders, cultures and identities. Ethnology of the Eastern Slavic borderland*. Moscow: IEA RAS Publ., 2012, pp. 5–14 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Фурсова Е.Ф. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН,
e-mail: mf11@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9459-7033>.

М.А. Жигунова

*Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск, Россия*

Междисциплинарный подход к изучению этнокультурной и региональной идентичности (на примере Сибири)

В работе, основанной на многолетних историко-этнографических и этносоциологических исследованиях автора, анализируются культурологический, лингвистический, общественно-политический, психологический подходы к изучению идентичности сибиряков. Выявляются ключевые особенности в культуре сибиряков и факторы, повлиявшие на их образование. Делается вывод о решающем значении культуры в самоидентификации современного человека и формировании гражданской российской идентичности.

Ключевые слова: *региональная сибирская идентичность, междисциплинарный подход, этнокультурная идентичность, сибирский характер, специфика сибирской культуры.*

Для цитирования: Жигунова М.А. Междисциплинарный подход к изучению этнокультурной и региональной идентичности (на примере Сибири). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 35–40. DOI 10.17746/0295-7.2019.035-040.

M.A. Zhigunova

*Omsk laboratory of Archeology, Ethnography and Museology
of the Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Interdisciplinary Approach to the Study of Ethnocultural and Regional Identity (on the Example of Siberia)

The basis of this work is the Long-term historical, ethnographic and ethno-sociological studies of the author. The article analyzes cultural, linguistic, socio-political, psychological approaches to the study of the identity of Siberians. The key features in the culture of Siberians and the factors that influenced their formation are detected. The author makes a conclusion about the crucial importance of culture in the self-identification of modern man and the formation of Russian civil identity.

Keywords: *regional Siberian identity, interdisciplinary approach, ethnocultural identity, Siberian character, specificity of Siberian culture.*

For citation: Zhigunova M.A. Interdisciplinary approach to the study of ethnocultural and regional identity (on the example of Siberia). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories,* 2019, 35–40 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.035-040.

Согласно мнению М.Н. Губогло, в настоящее время можно говорить о складывании целого научного направления – идентологии, поскольку интерес к этой проблематике проявляют ученые различных специальностей (как в нашей стране, так и за рубежом). Следует отметить многообразие существующих теоретических и методологических подходов, определяемых критериев, множественность и ситуативность самой идентичности. Этнокультурная идентичность – сложный социально-психологический феномен, содержание которого составляет осознание индивидом общности с локальной группой на основе разделяемой культуры и осознание группой своего единства на тех же основаниях, психологическое переживание этой общности, а также индивидуальные и коллективные формы ее манифестации [Малыгина, 2011, с. 7]. В условиях российского регионального и культурного разнообразия формирующаяся модель общегражданской (русской) идентичности строится с опорой именно на этнокультурную составляющую.

В мировой академической науке довольно четко разделяются «этническое» и «национальное», этническая и государственно-гражданская идентичности чаще всего не противоречат и не взаимоисключают, но дополняют друг друга [Карлов, 2011, с. 470]. В исследованиях российских ученых понятия этнической и национальной принадлежности могут находиться в отношении тождества, различия и противоречия [Дробижева, 2002; Мёдова, 2010; Кочетков, 2012], но зачастую они воспринимаются как синонимы. Я занимаюсь изучением различных видов идентичности, начиная с 1980-х гг. И если в конце XX в. основанием этнической принадлежности респондентов обычно служила этническая принадлежность их родителей, то в 2000-е гг. все чаще превалирует культурная принадлежность: «я – русский по культурным признакам», «я – русская, т.к. воспитана в русской культуре», «т.к. именно русская культура мне близка». Схожие варианты ответов фиксируются и в других регионах Российской Федерации [Этническое и религиозное многообразие..., 2018, с. 130–131].

Для понимания этнокультурной специфики сибиряков значимы исследования, посвященные феномену провинциальной/региональной культуры (работы В.Ю. Афиниани, И.Л. Беленького, Е.Я. Бурлиной, Н.И. Ворониной, А.В. Дахина, Е.А. Ермолина, Т.С. Злотниковой, Н.М. Инюшкина, И.Я. Мурзиной, Е.А. Сайко, И.В. Чванова и др.). В качестве особых они выделяют следующие черты: общность национального самосознания; культурно-цивилизационная и духовно-нравственная целостность; традиционность и социально-политическая стабильность; устойчивость жизненных приоритетов; глубокое («одухотворенное») внутреннее содержание; гармонизация отношений человека с природой; территориальная общность населения и развитие местного самосознания, раскрываемые как на уровне местной идеологии, так и на уровне массовой психологии в виде мифологем, традиций, святынь, легенд, преданий, героев, свойственных только данной территории; специфические ценностные ориентации населения; особый бытовой уклад; «непроницаемость» и неповторяемость, из-за которых понять сущностное ядро провинциальной культуры во всей его полноте могут лишь люди, выросшие и воспитанные в этой среде [Дидковская, 2011, с. 146–147].

Культура сибиряков представляет собой сложный, многогранный феномен, характеризующийся широким диапазоном вариативности, наличием многослойных напластований и синкретизмом различных традиций. Многообразие

культурных традиций населения сибирского региона обусловлено следующими основными факторами:

- 1) историей заселения и расселения;
- 2) неодинаковыми природно-географическими условиями;
- 3) разнообразием форм традиционной хозяйственной деятельности;
- 4) пестрым этническим, религиозным и социальным составом населения;
- 5) активными межэтническими контактами;
- 6) особой миграционной активностью;
- 7) взаимовлиянием евразийской и азиатских, старожильческих и переселенческих пластов культуры.

Население сибирского региона отличается чрезвычайно высокой гетерогенностью. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., здесь зафиксированы представители более 200 различных национальностей, среди которых подавляющее большинство (ок. 80 %) составляют русские. Понятие «сибиряки» изначально возникло как топоним и в XVII в. относилось только к русскому населению Сибири. Еще в начале 2000-х гг. автором были выделены пять основных подходов к определению дефиниции «сибиряк» [Жигунова, Фурсова, 2009]. К настоящему времени концепт «сибиряк» отличается еще большим разнообразием [Жигунова, 2018]. Часто он используется для обозначения особенностей отдельных этнокультурных групп сибирского населения. Так, среди русских старожилов выделяются сибиряки и чалдоны, сибирские казаки и сибирские кержаки, среди татар — сибирские татары. Определенными особенностями отличаются сибирские украинцы, белорусы, немцы, поляки и др. По мере проживания в Сибири бывшие переселенцы самых различных национальностей постепенно начинают осознавать себя сибиряками. В культуре их потомков причудливо переплетаются традиционные элементы из различных мест выхода (трансформировавшиеся в результате адаптации), заимствованные от местных сибирских и других проживающих по соседству народов.

Согласно сведениям лингвистов, в фонде русской сибирской лексики имеются заимствования из многих других языков [Аникин, 2000, с. 9–10]. Повсеместно встречаются сибиризмы — региональные лексические единицы, варианты отдельных слов и выражений русского литературного языка. Так, практически во всей Сибири знают, что такое булка хлеба (буханка, а не сдоба), варежки (рукавицы), вехотка (мочалка), вилок (кочан капусты), калым (подработка), колба (черемша), кулёма (медлительный человек), мультифора (прозрачная файловая папка), пимы (валенки), урман (тайга, темнохвойный лес) и др.

По мнению П.А. Сорокина, «из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными... В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы ярославца, помора, сибиряка и т.п.» [1993, с. 201, 213]. Наиболее значимым для идентификации «сибиряк» считается сам факт рождения, а также длительность проживания на сибирской территории. В различных регионах не только России, но и мира встречаются случаи сибирской самоидентификации: «Я родился в Сибири — значит, я сибиряк, и неважно, где я сейчас проживаю». Для обозначения человека, рожденного в одном населенном пункте, районе, области, регионе, используется термин «земляк». Для сибиряков земляками являются все люди, родившиеся на территории Евразии от Уральских гор до Тихого океана.

Психологические портреты сибиряков отличаются чрезвычайным разнообразием. В большинстве своем сибиряки, прежде всего, здоровые, сильные, выносливые, закаленные, стойкие люди. Далее в их описании следуют такие качества, как трудолюбие и деловитость, свободолюбие и демократизм, доброта и щедрость, гостеприимство и самобытность. Третье место занимают следующие характеристики: толерантные и патриотичные, живущие в гармонии с природой, любящие мороз и зиму, обладающие чувством юмора. Социально-психологический тип сибиряка близок к модели настоящего мужчины, воина и патриота. Сибирские женщины отличаются особой красотой, сметливым умом, статностью, хозяйственностью и домовитостью, способностью самостоятельно решать практически все проблемы. Им присущи также жизнерадостность, любвеобильность, оптимизм.

В Сибири, по сравнению с Европейской Россией, всегда довольно спокойно относились к бракам, заключенным представителями различных народов. В 1950–1970-е гг. на территории Западной Сибири такие браки составляли 38–73 % от всех зарегистрированных в ЗАГС. В последующие годы их количество постепенно снижалось, сегодня на их долю приходится ок. 15–25 %. Чаще всего в национально-смешанные браки вступают представители восточнославянских народов (в семьях 70 % опрошенных русских имеются близкие родственники других национальностей).

Первые варианты самоидентификации «сибиряк» в качестве национальной/этнической принадлежности начали встречаться при моих опросах еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Это позволило сделать предположение о возможности перерастания топонима в этноним, что и зафиксировали результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. [Жигунова, 2018, с. 363–365]. Осознание региональной идентичности играет огромную роль в солидаризации и консолидации людей, проживающих в одном конкретном регионе. Особую актуальность изучению региональной идентичности придает тот факт, что без знания социокультурной специфики населения, его ментальных установок невозможно эффективное управление регионом. Это необходимо учитывать при разработке нормативно-правовых документов, касающихся национально-культурной политики Российской Федерации.

Сегодня в России проблема этнического взаимодействия и его влияния на этнополитические процессы – это проблема совпадения кодов этнической и национальной идентичностей с культурной матрицей доминирующей этнической группы [Савинов, 2005, с. 53–55]. Основой национального единства Российской Федерации является общегражданская российская идентичность. Но отсутствие общей национальной идеи и государственной идеологии, наличие множества социальных страт, имеющих разные ценностные ориентации, существенно усложняют ее формирование. Значимую роль в этом процессе может сыграть устойчивая региональная идентичность, «местный» патриотизм, базирующийся на ощущении неразрывности связи своей судьбы с судьбой родного края и родной страны. Следует отметить, что при этом русская культура и русский язык (язык межнационального общения и государственного образования) служат своеобразным стержнем, вокруг которого формируются механизмы национального согласия.

Список литературы

- Аникин А.Е.** Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. — М.; Новосибирск: Наука, 2000. — 768 с.
- Дидковская Н.А.** Идентичность: провинциальное и региональное измерение // В поисках России: серия публикаций и дискуссия об идентичности. — СПб.: Интерсоцис, 2011. — Т. 3. — С. 143–155.
- Дробизева Л.М.** Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. — М.: ИС РАН, 2002. — С. 213–244.
- Жигунова М.А.** Концепт «сибиряк»: современные трактовки, подходы и образы // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. — М.: ИЭА РАН, 2018. — С. 351–368.
- Жигунова М.А., Фурсова Е.Ф.** Сибиряки // Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. — Т. III. — С. 101–102.
- Карлов В.В.** Этническая идентификация в системе идентичностей глобального мира: тенденции изменений // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию акад. В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. — М.: Наука, 2011. — С. 469–473.
- Кочетков В.В.** Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. — 2012. — № 2. — С. 144–162.
- Мальгина И.В.** Этнокультурная идентичность: сущность, структура, исторические формы. — М.: LAP Lambert Academic Publ., 2011. — 176 с.
- Мёдова Ю.А.** Этническая и национальная идентичности в современном мире // Философия и общество. — 2010. — № 4, октябрь–ноябрь. — С. 119–125.
- Савинов Л.В.** Общество и этнополитика: специфика этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе. — Новосибирск: СибАГС, 2005. — 170 с.
- Сорокин П.А.** Система социологии. — М.: Наука, 1993. — Т. 2. — 250 с.
- Этническое** и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: ИЭА РАН, 2018. — 561 с.

References

- Anikin A.E.** Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh yazykov. Moscow; Novosibirsk: Nauka, 2000, 768 p. (in Russ.).
- Didkovskaya N.** Identichnost': provintsial'noe i regional'noe izmerenie. In *Vpoiskakh Rossii: Seriya publikatsii i diskussiya ob identichnosti*. St. Petersburg: Intersotsis, 2011, vol. 3, pp. 143–155 (in Russ.).
- Drobizheva L.M.** Rossiiskaya i etnicheskaya identichnost': protivostoyanie ili sovместimost'. In *Rossiya reformiruyushchayasya*. Moscow: IS RAS, 2002, pp. 213–244 (in Russ.).
- Etnicheskoe** i religioznoe mnogoobrazie Rossii. pod red. V.A. Tishkova, V.V. Stepanova. Izd. 2, ispr. i dop. Moscow: IEA RAS, 2018, 561 p. (in Russ.).
- Karlov V.V.** Etnicheskaya identifikatsiya v sisteme identichnostei global'nogo mira: tendentsii izmenenii. In *Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii: k 70-letiyu akad. V.A. Tishkova*. Sost. M.N. Guboglo, N.A. Dubova. Moscow: Nauka, 2011, pp. 469–473 (in Russ.).
- Kochetkov V.V.** Natsional'naya i etnicheskaya identichnost' v sovremennom mire. In *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya*. 2012, No. 2, pp. 144–162 (in Russ.).
- Malygina I.V.** Etnokul'turnaya identichnost': sushchnost', struktura, istoricheskie formy. Moscow: LAP Lambert Academic Publ., 2011, 176 p. (in Russ.).

Medova Yu.A. Etnicheskaya i natsional'naya identichnosti v sovremennom mire. In *Filosofiya i obshchestvo*, 2010, No. 4, oktyabr'—noyabr', pp. 119–125 (in Russ.).

Savinov L.V. Obshchestvo i etnopolitika: spetsifika etnopoliticheskikh protsessov v Sibirskom federal'nom okruge. Novosibirsk: SibAGS, 2005, 170 p. (in Russ.).

Sorokin P.A. Sistema sotsiologii. Moscow: Nauka, 1993, vol. 2, 250 p. (in Russ.).

Zhigunova M.A. Kontsept “sibiryak”: sovremennyye traktovki, podkhody i obrazy. In *Algoritmy chelovechnosti. Opyt antropologicheskogo issledovaniya*. Moscow: IEA RAS, 2018, pp. 351–368 (in Russ.).

Zhigunova M.A., Fursova E.F. Sibiryaki. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk: Izd. dom “Istoricheskoe nasledie Sibiri”, 2009, vol. III, pp. 101–102 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Жигунова М.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН,

e-mail: marizh.omsk@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9719-2525>.

Стратегии и формы этнической идентификации большинства и меньшинства в межэтнических сообществах Сибири

Работа посвящена изучению существующих в современных межэтнических сообществах Сибири стратегий и форм этнической идентификации доминирующего большинства и недоминантных этнических групп. В статье дается описание альтернативной и комплементарной стратегии этнической самоидентификации, обосновывается тезис о гибридной для недоминантных этнических групп и моноцентричной для русского большинства формах этнической идентификации, соотносимых с гражданской идентичностью представителей меньшинства и большинства.

Ключевые слова: *межэтническое сообщество, этническая идентификация, моноцентричная и гибридная идентичность, альтернативная и комплементарная стратегии идентификации, Сибирь.*

Для цитирования: Ерохина Е.А. Стратегии и формы этнической идентификации большинства и меньшинства в межэтнических сообществах Сибири. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 41–47. DOI 10.17746/0295-7.2019.041-047.

E.A. Erokhina
Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

Strategies and Forms of Ethnic Identification Majority and Minority in the Interethnic Communities of Siberia

The work is devoted to the description of the strategies and forms of ethnic identification of the dominant majority and non-dominant ethnic groups that exist in modern inter-ethnic communities of Siberia. The article describes the alternative and complementary strategy of ethnic identity, substantiates the thesis of a hybrid for non-dominant ethnic groups and forms of ethnic identification that are monocentric for the majority of Russians, correlated with the civic identity of the minority and the majority.

Keywords: *interethnic community, ethnic identification, monocentric and hybrid identity, alternative and complementary identification strategies, Siberia.*

For citation: Erokhina E.A. Strategies and forms of ethnic identification majority and minority in the interethnic communities of Siberia. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 41–47 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.041-047.

В 2018 г. исполнилось 25 лет с момента принятия Конституции РФ – документа, устанавливающего политическую субъектность многонационального народа России. Между тем, несмотря на ясность и простоту этого документа, в теоретическом

дискурсе по настоящее время не утихают споры о том, как следует именовать коллективный субъект, выступающий источником государственной власти в РФ: народом, как указывает Преамбула к Конституции России, или нацией, как настаивает определенная часть академического сообщества.

Одной из методологических причин, по которой эта дилемма оказалась далекой от разрешения, является незавершенная дискуссия о природе этничности. В теоретическом дискурсе до сих пор нет единства в отношении того, обладает ли этничность онтологическим содержанием или это — сугубо академическое понятие, искусственный конструкт, фантазия о реальности кровного родства и общности исторической судьбы, основанная лишь на способе нашего описания исследователей некоей логики поведения общества и его членов.

Каковы аргументы противников использования понятия этничность в научном дискурсе? Отталкиваясь от посылки о невозможности определить пропорцию, например, славянских, финских и тюркских кровей в генофонде современных русских, с одной стороны, и редукции понятия этногенез до признания его только биологическим процессом, с другой стороны, осуществляется деконструкция понятия этногенеза и сопутствующих ему понятий как идеологических, в своем происхождении связанных с репрессивными практиками государств модерна. На этом основании строится этическая позиция, морально осуждающая концепцию этногенеза и маркирующая ее как маргинальную в методологическом («примордиальную») и сомнительную в этическом смысле.

Не вызывает сомнения тот факт, что бурную историю XX в. сопровождало множество идеологий. Одной из самых чудовищных был нацизм, осужденный в ходе Нюрнбергского трибунала. Опыт осмысления страшных трагедий заставляет смотреть на нацистроительство как на противоречивое явление: с одной стороны, в эпоху перемен оно мобилизует сообщества на реализацию коллективных проектов модернизации и преодоление социального неравенства. Оно продуцирует социальный клей, объединяющий атомизированных индивидов эпохи модерна вокруг воодушевляющей идеи, подобной религиозным системам прошлого. С другой стороны, оно может оказываться и инструментом экстремизма и ксенофобии, порождать тоталитаризм и терроризм.

Тем не менее методологическая последовательность требует объяснения следующего факта: если деконструкция понятия этничность имеет финальной точкой деонтологизацию этнического феномена, имеет ли право исследователь, настаивающий на таком радикальном разрыве между реальностью и эпистемой, использовать этнические номинации в своих объяснительных моделях? Ведь именно последние служат инструментом перевода социальной реальности на язык академической науки. Не поступается ли исследователь, постулируя радикальный разрыв между социальной онтологией и языком ее описания, своей интеллектуальной честностью, используя для интерпретации научных фактов номинации «славянин», «финн», «тюрк» и т.п., заведомо «фэйковые» при таком радикальном подходе?

Исходным методологическим основанием для деонтологизации этничности выступает скептическая позиция. Одним из наиболее авторитетных скептиков Нового времени, оказавших существенное влияние на современную методологию научного знания, был Дэвид Юм, выдающийся деятель шотландского просвещения. Ему приписывают известный принцип, (иначе называемый «гильоти-

ной Юма»), утверждающий невозможность перехода от описательных суждений (например, «этничность есть искусственный конструкт» — *Е. Е.*), к суждениям, содержащим предписания (например, «этничность должна быть деконструирована». — *Е. Е.*), исключительно на основаниях логики [Юм, 1965]. Следовательно, ассоциативная цепочка «этничность — кровное родство — связь по принципу крови и почвы — национализм — нацизм — примордиализм — эссенциализм» может быть квалифицирована как когнитивное клише, базирующееся на определенных аксиологических постулатах.

Данная цепочка, имеющая исключительно ассоциативный характер, может быть в такой же мере использована в качестве элемента господствующего дискурса в процессах нацистроительства, как, например, устойчивая связь понятий «эффективный менеджмент — оптимизация — экономический рост» в управлении человеческим развитием. Однако интеллектуальная честность требует признать этическую природу происхождения такой связи и в известной мере «политический» характер обусловленного интеллектуальной модой превосходства этнологического инструментализма над т.н. примордиализмом, т.к. с позиции ценностного плюрализма дилемма между индивидуализмом, доминирующим в инструментализме, и идеей коллективной солидарности, понимаемой как «общинность» в теориях, которые квалифицируются как «примордиалистские», не имеет однозначного решения в современной этике.

В «Трактате о человеческой природе» Д. Юм утверждал, что сама по себе любая попытка обосновать причинность, сходство или смежность как необходимую связь между идеями бесплодна, если она не следует за опытом. Интеллектуальная добросовестность требует от исследователя осознания того, в какой момент происходит интеллектуальный отрыв от опыта и формирование установки на построение определенного ассоциативного ряда, связывающего одно понятие с другим.

Таким образом, делая опыт отправной точкой своего исследования, антрополог обязан опираться на собственный исследовательский и личный опыт, который призван выступать свидетельством при аргументации реальности этнической идентичности или отрицании таковой в той же мере, что и рациональные конструкции. К числу свидетельств в пользу реальности таковой следует отнести и опыт этнической самоидентификации, опыт, относящийся к сфере неотрефлексированной повседневности. Именно из контекста повседневности вырастает совершенно справедливое утверждение об открытости этнической идентичности для самого разного рода трансформаций, о ее процессуальности и многосоставности. Насколько богат и разнообразен личностный опыт, настолько многосоставной является и идентичность, в т.ч. этническая.

Что же составляет основу такого опыта? Осознание трех базовых элементов человеческой самости: язык, тело и память. Не идентичность сама по себе, но тело, язык и память формируют предпосылки для укоренения личности в социальной реальности. Тело, язык и память связывают нас с другими, но одновременно отграничивают от других и являются необходимыми условиями для становления мышления и рефлексии.

Что значит быть имярек? Кем я являюсь для другого? Применительно к этнической самоидентификации эти вопросы можно переформулировать следующим образом. Что значит быть кем-то по национальности (этнической принадлежности)?

Кого называют кем-то по национальности (этнической принадлежности) условные «свои» и «другие»? В социальных реалиях как традиционного, так и современного общества невозможно дать единственно правильный ответ. Эти ответы могут иметь множественный, зачастую не совпадающий для одного и того же человека характер. Ответы, которые в молодости представлялись бесспорными, в течение жизни могут быть переопределены. Предполагает ли такая нетождественность отрицание этнической реальности? Вряд ли.

Обращение к генезису больших социальных групп приводит к убеждению, что именно этнические группы являются наиболее устойчивыми формами самоорганизации горизонтальных сетевых структур. В этом смысле этногенез, понимаемый как самоорганизация, представляет собой полную противоположность нациестроительству как искусственному процессу.

Поскольку центральное понятие «этническая идентичность» нагружено множеством смыслов, видится необходимым предложить редукцию этого множества до двух: номинативного и нормативного. Номинативная сторона этничности фиксирует результат идентификации. Допустим, человек считает себя аваром и дагестанцем. Этот случай предполагает сложную матрицу включения комплиментарных идентичностей. Однако может быть и иначе: например, человек относит себя к теленгитам, но не считает себя алтайцем; или относит себя к поморам, но не считает себя русским. В этом случае можно говорить об альтернативной стратегии идентификации.

Успешно или неуспешно человек состоялся в своей этнической роли — зависит от множества факторов. Но существенным является то, приняли ли его в соответствующем статусе члены «своей» и «другой» группы. Идентичность невозможна без социального приписывания. Для успешной социализации недостаточно быть или осознавать себя кем-то (например, русским, татаринном, манси). В ситуации совпадения самоидентификации и внешнего приписывания можно говорить, что этническая социализация состоялась. В случае же расхождения личностного и приписанного этнических статусов возникает незавершенность, которая может давать разные эффекты, в частности гипертрофированную этничность или фрустрацию, сомнения в собственной идентичности.

Следовательно, «быть и называться» кем-то по этнической принадлежности предполагает результирование некоего социального процесса определения и переопределения правил сетевого членства. Здесь проявляется другая, нормативная, сторона этничности. Нормативность предполагает наличие правил приписывания к той или иной общности. Нормативность имеет принуждающий для индивида характер. Это не исключает, конечно, того, что каждый актер может проигрывать свои этнические роли авторски, с определенной степенью произвольности. Тем не менее есть границы этой произвольности, и они задаются надындивидуально, интерсубъективно.

Правила, включающие в себя представления об этнической норме и механизмах контроля этнических границ, являются элементами жизненного опыта, основаниями для убеждений и верований. Одновременно они выступают основаниями социального порядка в обществе. Именно в этом смысле, в смысле норм и институтов можно говорить об укорененности этничности.

Что же порождает к жизни сами нормы и институты? На мой взгляд, это — сам факт наличия многообразия сетевых структур, позволяющих индивиду делать вы-

бор. Даже если выбор не представляется разнообразным, он существует. Для случая этнического большинства, это, например, идентичность казака, русского и славянина в идентификационной матрице жителя юга России. Для меньшинства, к примеру для жителя Республики Алтай, наряду с региональной идентичностью может сосуществовать матрица «теленгит, алтаец, тюрк».

Так, в результате переписи 2010 г. часть народов Алтая, переписанных в 2002 г. как отдельные, например теленгиты и тубалары, переписались и как отдельные выделенные народы, и как включенные в состав алтайцев. Налицо двойная номинация и двойная идентичность некоторых алтайских этносов. Этот факт зафиксирован в исследовании А.П. Чемчиевой [2012, с. 181].

Таким образом, стратегия этнической идентичности может быть комплементарной и включать в себя несколько уровней личностной самоидентификации, широкий веер лояльностей, проницаемость границ между этническими группами, возможность использовать весь спектр типов идентификации. Однако возможен вариант реализации и иной, альтернативной, и даже конфликтной стратегии идентификации.

Альтернативная стратегия строится на признании в качестве приемлемой единственной идентичности, например, теленгит, но не алтаец, ограниченном (как правило, до одной) числе лояльностей, непроницаемости этнических границ. Данная стратегия может быть актуальна в трех случаях. Первый случай – это личностный кризис, связанный с утратой ценностных оснований и поиском референтной этнической группы, которая может быть также и источником престижных заимствований. Второй случай может быть следствием некоего конфликтного опыта. Наконец, третий случай обусловлен глубинными общественными трансформациями, а именно социальной дезинтеграцией, ростом состязательности в ущерб сотрудничеству, борьбой за престижные инновации, таким состоянием общества, которое характеризуется фрагментацией.

Хочется подчеркнуть, что любая стадия общественного развития необходима. Для того чтобы избежать этических оценок в противопоставлении фрагментации и интеграции как хаоса и порядка, я хотела бы обратиться к авторитету исследователя русской культуры Ю.М. Лотмана. Он полагал, что фрагментация является последствием культурного взрыва, или хаоса, без которого невозможно утверждение нового порядка. Хаос возникает как результат некоей значимой инновации, которая влечет за собой неравенство доступа к ней представителей разных общественных слоев. Отсюда возникает сегментация общества по признаку признания или отвержения, иногда игнорирования новшества. Хотя Лотман сформулировал свой тезис применительно к семиотическим системам, такой подход вполне может быть применен и к анализу внесемиотических систем [2000, с. 17, 21, 23].

Сибирь представляет собой уникальный регион, место встречи народов, культур и религий. Если говорить об этнической структуре абсолютного большинства сибирских региональных сообществ, то необходимо отметить три типа таких межэтнических сообществ: 1) регионы с преобладанием русского населения, 2) регионы, где численность русского и нерусского, чаще всего титульного, населения пропорциональна (Якутия), 3) регионы с доминированием нерусского населения (Тува). В первой группе можно выделить в качестве особого подтипа национальные республики (Хакасия, Алтай, Бурятия).

Однако уникальность Сибири не только в ее этническом многообразии. Это один из немногих регионов России, где встречаются разные уклады: традиционный, индустриальный и постиндустриальный. Для воспроизводства идентичности недоминантных в численном отношении народов России такое сочетание традиций и инноваций оставляет множество вариантов нахождения баланса между этнической и гражданской идентичностью. В пользу первой говорит сохранность родного языка и традиционных занятий, знания о семейно-родовой структуре и собственной включенности в патронимические, этнолокальные и земляческие группы, сакрализация природных и культурных комплексов, формирование этнических мест памяти и фигур воспоминаний, актуализация историко-культурного наследия. Данный набор маркеров оставляет широкий выбор и для горожанина, и для жителя сельской местности. В пользу гражданской составляющей идентичности нерусских народов России можно приводить примеры актуализации их региональной гражданской идентичности, приверженность региональному патриотизму и любви к малой родине, а также манифестируемая принадлежность к гражданскому сообществу россиян.

В то же время дискурсивное различие «русского» и «российского» препятствует отождествлению с доминирующей группой, но не исключает гибридных форм идентичности, непротиворечиво сочетающих этническую принадлежность к недоминантной группе с российской идентичностью. Кроме того, недоминантная в общероссийском контексте группа может быть доминирующей в своем регионе, как, например, в случае с тувинцами, или же выступать паритетной в демографическом и в политическом плане силой, как, например, якуты в Якутии.

Наконец, чрезвычайно важна и устойчивость границ между недоминантными в общероссийском контексте, но доминирующими в локальных и региональных сообществах этническими группами. Одним из ярких примеров состоятельности и сотрудничества этносов в структуре регионального сообщества Республики Алтай являются межэтнические взаимодействия между теленгитами, этнолокальной группой алтайцев и казахами Кош-Агачского р-на. Учитывая то обстоятельство, что представления о большинстве и меньшинстве крайне подвижны, необходимо помнить, что основания для различия множественны. Важно, что в повседневном опыте есть знания о критериях различения и есть практики этого различения.

Что касается идентичности доминирующего большинства, хочется указать на моноцентрическую форму его происхождения, не различающего, а, как раз напротив, отождествляющего русское с российским. Быть русским означает не столько знать фольклор и традиции, сколько ощущать связь с государством и культурой на русском языке. Моноцентричная идентичность, связывающая этнически русское с российской гражданской идентичностью, строится не на оппозиции нерусским народам России, а на цивилизационной оппозиции с Европой и Северной Америкой, Средним Востоком и Китаем. В то же время такой идентичности свойственно находить близость с народами и цивилизациями Средиземноморья и Ближнего Востока, где в иных географических, но в сходных социокультурных условиях осуществлялся синтез христианства и ислама, мировых религий и язычества.

В заключение необходимо подчеркнуть, что реальная исследовательская практика не замыкается в прокрустовом ложе концепций. Она осуществляется в пространстве между радикальным конструктивизмом и эссенциалистскими моделями, методологическим индивидуализмом и холизмом, универсализмом и плюрализмом.

Однако важным моментом всякого исследования является осознание инструментального характера теоретических моделей, которые, в отличие от самой реальности, онтологическим статусом не обладают, и, следовательно, их претензии на универсализм ограничены тем множеством фактов, которые они могут объяснить достоверно и непротиворечиво.

Список литературы

Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 703 с.

Чемчиева А.П. Алтайские субэтнотипы в поисках идентичности. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 254 с.

Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Д. Юм. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 1. – С. 297–308.

References

Chemchieva A.P. Altajskie subehtnosy v poiskah identichnosti. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 254 p. (in Russ.).

Hume D. Traktat o chelovecheskoj prirode, ili popytka primenit' osnovannyj na opyte metod rassuzhdeniya k moral'nyim predmetam. In D. Hume. *Sochineniya*. Moscow: Mysl', 1965, vol. 1, pp. 297–308 (in Russ.).

Lotman Yu.M. Semiosfera. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000, 703 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Ерохина Е.А. – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН,

e-mail: lero@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0003-1513-4557.

Construction of Identity through Cultural Experience in Foreign Language Teaching

In order to help students construct their identities in the era of globalization, this paper proposes the learning of Cultural Experience (CE) in foreign language teaching, which is based on an integration of cultural learning with experiential learning. CE emphasizes a wide and deep study of different cultures' people, products, behaviors and spirits and the acquiring of students' affectional, intellectual, behavioral and spiritual experience of the world. By applying strategies of accepting, rethinking, criticizing, generating and constructing to the learning of CE, students are able to know more about who they are.

Keywords: identities, Cultural Experience, accepting, rethinking, criticizing, generating, constructing.

For citation: Meihua Zhu. Construction of identity through cultural experience in foreign language teaching. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 48–51. DOI 10.17746/0295-7.2019.048-051.

Джу Мейхуа

Классический университет Центрального Китая,
г. Ухань, Хубэй, Китай

Конструирование культурной идентичности через культурный опыт в преподавании иностранного языка

В статье представлены материалы изучения культурного опыта в преподавании иностранного языка. Культурный опыт акцентирован на широком и глубоком изучении культуры различных народов, деятельности, поведения и духовной жизни, в нем задействован эмоциональный, интеллектуальный, поведенческий и духовный опыт студентов. Использование стратегий принятия, обдумывания, критики, продуцирования и конструирования через изучение культурного опыта может помочь обучающимся в формировании своей идентичности в эпоху глобализации.

Ключевые слова: идентичность, культурный опыт, принятие, обдумывание, критика, продуцирование, конструирование.

Для цитирования: Мейхуа Джу. Конструирование культурной идентичности через культурный опыт в преподавании иностранного языка. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 48–51. DOI 10.17746/0295-7.2019.048-051.

English has been taught as a foreign language in China since 1862. It is a compulsory course for every student from Grade Three (or Grade One in big cities) in primary school to postgraduates in universities in China. Years of foreign language learning, or more exactly, English learning have had huge impacts on the students' way of living, as English Language Teaching (ELT) introduces to students not only a different language but also different ways of life, different thought patterns, cultural values, attitudes, beliefs and so on.

The changes of students in terms of their language, behavior and values are showing that they are no longer traditional Chinese. ELT has promoted and is still promoting the

change of their identities. It is the English teachers' responsibility to help them clarify and construct their identities.

I. Significance of Identity Construction (IC)

The construction of one's identity is a dynamic and never-ending process. In the new era and environment of globalization, no one can avoid the reconceptualization, redefinition, or reconstruction of one's own identity, or of seeking to clarify the identity of the "the Other" [Wu Boxiang, 2014]. Students in China need to reconstruct basically four kinds of identities: global identity, national identity, personal identity and social identity.

The Global Identity (GI) refers to the fact that everyone is a dweller in the globe and shares the common humanity. It requires everyone to care about the common destiny of mankind, forgetting the differences between each other, discarding the stereotypes and prejudices, learning to tolerate and appreciate each other. So far, GI has not been effectively and widely constructed and is easily overlooked and forgotten.

National Identity (NI) is a person's identity or sense of belonging to one's nation. It is not only based on the birthplace and citizenship that one gains naturally but also tied tightly with the national culture and characteristics. The construction of NI is to inherit and pass on the national culture, to develop one's sense of pride and patriotism and to avoid both betrayal and chauvinism. Nowadays, many Chinese cultural traditions are despised, for example, the tradition of being obedient to elders, which makes the construction of NI particularly important.

Personal Identity (PI) refers to the personal characteristics that make one different from the other people. Both one's outward appearance or physicality (such as the color of hair, skin, eyes, height, weight, shape of face, gender) and inward nature (such as disposition, temperament, morality and spirituality) are characteristics of a person. Facing the popularity of individualism, self-centeredness and utilitarianism, people need to widen their horizons, cultivate and elevate their inwardness.

Social Identity (SI) is a collection of different social roles that a person plays in different circumstances. As roles provide people with self-meaning and the worth of living, a clear understanding of SI enhances one's sense of responsibility and obligation and promotes the harmony and prosperity of the society. However, in such a competitive world, many individuals are too busy or too indifferent to fulfill or perform their roles well. Helping students sort out their roles and devote to them is why construction of SI is needed.

The construction of SI and PI facilitates each other mutually and provides benefits to NI and GI. The development of GI is not to remove cultural boundaries or wipe out NI, but to encourage more sharing, caring, collaborating between nations. People's NI is incorporated into their PI and PI reflects their NI and aligns with NI.

II. Cultural Experience: A Way of IC

In accordance with the impact of ELT on identity, ELT undoubtedly shares a great responsibility in helping students construct their identities. Cultural Experience (CE), as a new philosophy of teaching in English cultural teaching, plays an important role in IC.

CE is based on an integration of cultural learning and experiential learning. It refers to the process in which the learners mobilize their "body", "mind", "heart" and "soul" to interact with the people, products, behaviors and spirits of different cultures including

not only the target culture but also the native and other cultures, acquiring affectional, intellectual, behavioral and spiritual experience of the world. It aims at not only cultivating learners' competence of intercultural communication, improving their cultural literacy but also promoting students' identity achievements.

Firstly, CE emphasizes the involvement of the learner as a whole person in cultural learning to make sure a deep and lasting understanding of cultures. It means more doing, more thinking, more feeling and more understanding. For example, introducing "western food" by showing only several photos mobilizes merely the learners' visual sense, while teaching by making, smelling, tasting and discussing a certain type of food, say, pizza is more effective and fun. Questions like "Who invented pizza? How to make a pizza? How does it taste? Why do people like it? Is it good for health? What are the differences between pizza and Guokui (a kind of crusty pancake in China)? How can Chinese improve the quality of Guokui? What is the other similar food in the world?" can help eliminate superficial and one-sided knowledge about western food.

Secondly, "the people, products, behaviors and spirits" of a culture are the major contents of CE. People refer to the individuals and groups that have lived under the same cultural background, especially heroes and important figures; products mean objects and articles in a certain culture, which are related to people's hearing, vision, touch, smell and taste; behaviors mean the communicative behavior or activities of the social individual or group in accordance with the established norms in a culture; spirits refer to the soul of a culture, including values, beliefs, aesthetic taste, mode of thinking and etc. which are formed through long-term social practice. These components of culture can best facilitate the realization of cultural assimilation and acculturation. What's more, CE doesn't limit the content to the target culture, i.e. English and American culture, but cultures of other languages and the native culture.

Thirdly, during the process of CE, learners are expected to attain affectional, intellectual, behavioral and spiritual experiences of the world. The purpose of cultural learning is not confined to accumulation of knowledge intellectually, or the ability of doing things properly in different contexts. The capabilities of appreciating the beauty of humanity, the enrichment of one's emotions and spirits, and the ambition of living a lofty and worthy life are what learners should develop urgently. The content of "people" in CE may mostly lead to affectional experience; "spirits" mostly lead to spiritual experience, "products" to intellectual experience and "behaviors" to "behavioral experience". In reality, different types of experience usually occur at the same time, for example, getting to know Martin Luther King, students are not only to develop the worship of Martin's courage, the hatred of inequality, but also the desire for freedom, the courage to fight for freedom and the understanding of American Civil Rights Act.

Therefore, CE is far from "knowing" but more about "doing", "thinking" and "being". The experiences learners get based on each type of the content of CE lay a solid foundation for the construction of one's identities. They provide IC with rich and indispensable resources and serve as cornerstones for the building of identities.

III. Learning Strategies of IC through CE

On the basis of learners' psychological and behavioral changes, learning strategies can be divided into four types: accepting, rethinking, criticizing, generating and constructing. They are like a ladder, helping learners to climb the peak of IC through CE.

Accepting means to accept who I am, who we are and who they are, that is, to be confident in one's PI and NI and ready to inherit the essence of one's own culture, to recognize and accept the differences of other cultures. Learners need to learn how people in different cultures live their lives and be able to adapt intelligently to different cultures so as to achieve at least NI and GI.

Rethinking refers to the reflection on the causes for or background knowledge behind different cultural phenomena. Learners need to develop their abilities of tracing back and exploring further in cultural studies. Knowing more about the origins of cultures and thinking more about the reasons for differences in cultures help one to become a better world citizen and a wiser person. The exploration and comparison also enable the learners to understand deeply about their native culture.

Criticizing is related to the critical thinking, stressing fair and objective understandings of different cultures. None of the cultures in this world is superior or inferior to another. Personal ideas of a culture should be based on solid evidences and personal experiences and formed gradually not instantly. Following the biased ideas of others is never the way to learn cultures, nor is neglecting the biased ideas completely and worshipping blindly. Knowing what is right and wrong, what is good and bad helps to construct one's PI and SI.

Generating and constructing mean to form a well-grounded understanding about different cultures, develop advanced abilities of doing and thinking, and be able to innovatively contribute to the development of one's own culture and the civilization of the whole world. Learners are expected to become good citizens of the nation and the world, and good people. Moreover, they need to learn to produce new cultural ideas and find new cultural outlets to solve the problems in the country or in the world.

To sum up, by applying the above strategies to the learning of CE, the achievement of GI, NI, PI and SI can be realized.

Acknowledgements

This work is supported by the Teaching Project of Central China Normal University "On the Teaching Model of College English Based on Cultural Experience" and Special Funds of Educational Science Planning of Hubei Province "Teaching Research on the 'Trinity' of New Media, Language and General Education" (Grants No. CCNU2018037 and No. 2018ZA068).

References

Wu Boxiang. Analyzing Media Hero Reports and Intercultural Identity Construction. In *The New York Times* and *Guangming Daily*. Zhejiang Univ. Press, 2014, p. 1.

Сведения об авторе:

Meihua Zhu – Associate Professor of English, School of Foreign Languages, Central China Normal University, Wuhan, Hubei, China,

e-mail: zoezmh@mail.ccnu.edu.cn,

<https://orcid.org/0000-0003-2361-0402>.

Этнокультурная идентичность монгольских народов (новый ориентализм versus незападная современность)

Народные традиции монгольских народов, их трансформация и роль в современной культуре требуют всестороннего исследования, в котором концептуальный анализ должен быть увязан с мировоззренческими и методологическими тенденциями современного философского и общекультурного дискурса. При анализе современной этнокультурной идентичности монгольских народов представляется интересным обращение к таким методологическим подходам, как «новый ориентализм» и «незападная современность».

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, монгольские народы, монгольский мир, Запад, Восток, незападная современность, новый ориентализм.

Для цитирования: Бадмаев В.Н. Этнокультурная идентичность монгольских народов (новый ориентализм versus незападная современность). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 52–54. DOI 10.17746/0295-7.2019.052-054.

V.N. Badmaev
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russia

Ethnocultural Identity of the Mongolian Peoples (New Orientalism versus Non-Western Modernity)

The cultural traditions of the Mongolian peoples, their transformation and role in modern culture require a comprehensive study, where its conceptual analysis should be tied to the worldview and methodological trends of contemporary philosophical and general cultural discourse. When analyzing the modern ethnocultural identity of Mongolian peoples, it is interesting to refer to such methodological approaches as “new orientalism” and “non-western modernity”.

Keywords: *ethnocultural identity, Mongolian peoples, Mongolian world, West, East, non-Western modernity, new orientalism.*

For citation: Badmaev V.N. Ethnocultural identity of the Mongolian peoples (new orientalism versus non-Western modernity). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 52–54 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.052-054.

Культурные традиции монгольских народов, их трансформация и роль в современной культуре требуют всестороннего исследования, где должен быть увязан ее концептуальный анализ с мировоззренческими и методологическими тенденциями современного философского и общекультурного дискурса. Отсюда возникает целый ряд важных для философского осмысления данной проблемы вопросов, в частности

вопрос о границах, разделяющих универсальное и самобытное, общечеловеческое и этническое, традиции и новации.

Сегодня в условиях процессов глобальной унификации культур необходимость изучения этнокультурной идентичности монгольских народов мира обусловлена стремлением сохранить их культурные ценности, особенные черты, исторический опыт, традиционные формы культуры и гармонично развивать их в современных условиях.

Монголоязычные народы России (калмыки, буряты) и монголов связывают общие историко-культурные корни, культурно-генетические связи, принадлежность к единой языковой общности. Исследование их взаимосвязей имеет большое значение в контексте поиска новых моделей межгосударственного культурного сотрудничества и в контексте трансграничья.

Объективная историческая картина мира в XXI в. является мозаичной, сложносоставной и уже не может быть только «европоцентристской». По этой причине в наши дни в научных кругах Запада и России растет интерес к разработке философского, культурного наследия Запада и Востока мыслителями незападного направления, к исследованиям незападных цивилизаций.

При анализе современной этнокультурной идентичности монгольских народов представляется интересным обращение к таким методологическим подходам, как «новый ориентализм» и «незападная современность».

Как известно, европейская трактовка Востока получила название «ориентализм», имеющее негативные коннотации на самом Востоке [Саид Эдвард].

В условиях кризиса глобальной экономики и модели однополярного мира вновь возрождаются идеи равноправного диалога. Темпы и специфика интеграции должны быть приведены в соответствие с особенностями каждой участвующей в ней страны. Особого внимания заслуживает дихотомия «Запад – Восток», «Запад – не-Запад», которая имеет долгую историю эволюции и приобретает сегодня новые характеристики. Она может быть осмыслена с учетом интеллектуально-духовных реалий современной жизни, а именно в дискурсе незападной современности. В незападных странах процесс адаптации к постоянно меняющимся условиям характеризуется своими особенностями.

В этом смысле проблема философского осмысления культурной самобытности монголоязычных народов мира как целостности в контексте теории «незападной современности» представляет чрезвычайную методологическую важность. При характеристике «незападной» современности оперируют такими терминами, как «плюральные современности» («многообразные модерности»), «альтернативный модерн (современность)», «локальная современность» и др. Понятие «незападная современность» основывается на той идее, что национальная социокультурная традиция обуславливает вариативность процессов «осовременивания» в мире, это конституирует неприменимость к ней «западноевропейской матрицы». Для теоретизации незападной современности необходимо изменить угол зрения: рассмотреть современность в зеркале незападных обществ, а не западные общества в зеркале современности. Таким образом, в дискурсе идентичности монгольских народов необходимо понимание ориентализма как равноправного диалога Востока и Запада, как способа восприятия Востока Западом и наоборот.

В данном контексте обратимся к цивилизационному контексту монгольского мира, «монгольской цивилизации».

Монгольские народы мира, расположившиеся на огромных просторах Евразии, прошли исторические этапы своего культурно-цивилизационного развития, приобрели устойчивую способность к саморазвитию, самоорганизации, конкурентоспособность в координатах развитых государств. В этом смысле можно говорить о ценностно-культурном единстве монгольского мира, о культурно-исторических основаниях монгольской цивилизации.

Монголоязычные народы России, по своим социокультурным характеристикам относящиеся к «монгольской цивилизации», имеют «свои» центры притяжения за пределами российского государства, представляя собой интегрированные в Россию фрагменты локальных цивилизаций. Их конфессиональная, цивилизационная и этнокультурная идентичности выходят за пределы российского социокультурного пространства. В этой ситуации важным представляется изучение культурных взаимосвязей и этнической идентичности монголоязычных народов евразийского мира.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-23-03002а(м).

Список литературы

Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – М.: Русский мир, 2006. – 640 с.

References

Said Edvard V. Orientalism. Zapadnye kontseptsii Vostoka. Moscow: Russkii mir, 2006, 640 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Бадмаев В.Н. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова,

e-mail: badmav07@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-1066-8314>.

Трансформации идентичности сибирских поляков. Теоретические и историко-культурные аспекты

Сила и характер национальной идентичности предков нынешних «сибирских поляков», появившихся в Сибири во второй половине XIX и в начале XX в., были очень разными, дифференцированными. Переселившиеся в Сибирь поляки были выходцами из разных регионов Польши и представителями разных общественных сословий. Мобильность населения и страх репрессий привели к перемещению значительной части «сибирских поляков» из деревни в город, прежде всего в крупные города Сибири, где происходит сегодня своеобразная «встреча» традиций, носителями которых являются разные представители переселенцев (модели «польскости»). Формируется особая, качественно новая культура, объединяющая людей, которые называют себя: поляки, поляки-россияне, сибирские поляки, сибиряки, русские с польскими корнями.

Ключевые слова: *Сибирь, поляки, идентичность, трансформации.*

Для цитирования: Ольшевский В. Трансформации идентичности сибирских поляков. Теоретические и историко-культурные аспекты. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 55–58. DOI 10.17746/0295-7.2019.055-058.

W. Olszewski
*Nicolaus Copernicus University,
Torun, Poland*

Transformation of the Identity of the Siberian Poles. Theoretical, Historical and Cultural Aspects

Most of the ancestors of the present-day “Siberian Poles” arrived in Siberia in the second half of the 19th and at the beginning of the 20th century. They differed regionally and socially and their national identity varied in strength and construction. Therepression of the majority of Polish villages in Siberia during the Soviet Union times, along with the rural-urban migrations of people had led to the concentration of significant numbers of Poles in big cities. There they have been merging their very diverse traditions, various patterns of Polish identity. This results in a totally new specific cultural quality, unifying people who presently call themselves Polish, Russian Poles, Siberian Poles, Russians with Polish roots.

Keywords: *Siberia, Poles, identity.*

For citation: Olszewski W. Transformation of the identity of the Siberian Poles. Theoretical, historical and cultural aspects. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories,* 2019, 55–58 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.055-058.

Польская диаспора в Сибири составляет предмет научных интересов как польских, так и российских ученых. Их исследования, проводимые порою совместно, до сих пор были сосредоточены на изучении исторического прошлого «сибирских по-

ляков» [Kuczyński, 1995; Śliwowska, 1998; Мулина, 2012; Шостакович, 2015; Островский, 2016; Leończyk, 2017]. Настоящая статья затрагивает менее исследованные проблемы, связанные с процессами развития культурной идентичности сибирской колонии в современных условиях.

Сила и характер национальной идентичности у предков нынешних «сибирских поляков», появившихся в Сибири во второй половине XIX и в начале XX в., были очень разными, дифференцированными. В плане этнической идентичности они еще находились в процессе динамичного становления – и не только в Сибири, но даже на территории самой Польши. Большинство поляков уже обладало сильным национальным самосознанием, их польская идентичность была связана с активным и сознательным участием в развитии общей национальной культуры и в реализации целей, сформулированных и поставленных перед народом его национальными лидерами. Однако часть польского общества, главным образом, крестьянская масса, имела более консервативную идентичность, основанную на повторении традиционных моделей и образцов, о чем заботились местные авторитеты [Olszewski, 2007, s. 58–78; Ольшевский, 2011; Ольшевский, 2016]. Переселенцы в Сибирь, как добровольные, так и вынужденные, т.е. привезенные сюда насильно, в ссылку, также сильно отличались друг от друга по регионам своего происхождения и прежнего места проживания, по языку, образованию, по принадлежности к разным социальным слоям [Ольшевский, 2016].

Российские власти не допускали формирования крупных скоплений поляков в Сибири – их компактного проживания в одном месте. Это был один из факторов, способствовавших процессам русификации «сибирских поляков» [Leończyk, 2017, s. 85–126, 131–158].

Быстрее других теряли национальную идентичность оказавшиеся в Сибири польские крестьяне, что объясняется самой природой (культурной конструкцией) этой идентичности. К тому же прежние местные авторитеты, попавшие в Сибири в новые природные, общественно-культурные и политические условия, оказывались неспособными к успешному выступлению в роли лидеров. Осуществленная в советский период в результате «политики укрупнения» ликвидация большинства польских деревень как якобы «неперспективных» (их было 60), а также усилившаяся мобильность населения в СССР и современной России привели к перемещению значительной части «сибирских поляков» из деревни в город, прежде всего, в такие крупные города, как Омск, Томск, Новосибирск, в которых и сегодня проживает большинство «сибирских поляков» [Там же, s. 191–210].

В Сибири оказались вместе потомки ссыльных и добровольных переселенцев, потомки дворян (шляхты), крестьян, военнослужащих, чиновников и тех, кто попал в СССР против своей воли в результате политических пертурбаций. В сформировавшихся в условиях «перестройки» польских общественных организациях (число которых ныне измеряется двумя десятками) потомки переселенцев способствуют сближению и соединению друг с другом совершенно разных моделей «польскости» (представлений о собственной идентичности), носителями которых они являются [Там же, s. 154–158].

Таким образом формируется особая, качественно новая культура, объединяющая людей, которые называют себя: поляки, поляки-россияне, сибирские поляки, сибиряки, русские с польскими корнями. Это разнообразие облегчает сибирской

полонии выполнение функций моста между культурами, соединяющего сегодня Польшу с Россией (см. также: [Жигунова, 2018].

Список литературы

Жигунова М.А. Концепт «сибиряк»: современные трактовки и образы // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 351–368.

Мулина С.А. Мигранты поневоле. Адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. – СПб.: Алетейя, 2012. – 199 с.

Ольшевский В. Историко-культурный контекст отношения поляков к жителям Сибири // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2016. – № 4 (42). – С. 80–85.

Ольшевский В. Культурная идентичность: избранные аспекты // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность: сб. науч. тр. – Омск: Полиграф. центр «КАН», 2011. – С. 68–87.

Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века. – Новосибирск: Сибстрин, 2016. – 808 с.

Шостакович Б.С. Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.). Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. – М.: МИК, 2015. – 750 с.

Kuczyński A. Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory. – Warszawa: Stowarzyszenie „Wspólnota Polska”, 1995. – 436 s.

Leończyk S. Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku. – Warszawa: Kulturalno-Narodowa Organizacja Społeczna „Polonia” Republiki Chakasja, 2017. – 315 s.

Olszewski W. Tożsamość kulturowa Kresów w humanistycznym nurcie polskiej myśli etnologicznej do roku 1939. – Toruń: Wydawnictwo UMK, 2007. – 325 s.

Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. – Warszawa: DiG, 1998. – 835 s.

References

Kuczyński A. Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory. Warszawa: Stowarzyszenie „Wspólnota Polska”, 1995, 436 p.

Leończyk S. Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku, Warszawa: Kulturalno-Narodowa Organizacja Społeczna „Polonia” Republiki Chakasja, 2017, 315 p.

Mulina S.A. Migranty ponevole. Adaptaciya ssyl'nyh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoj Sibiri. St. Petersburg: Aleteya, 2012, 199 p. (in Russ.).

Olszewski W. Tożsamość kulturowa Kresów w humanistycznym nurcie polskiej myśli etnologicznej do roku 1939. Toruń: Wydawnictwo UMK, 2007, 325 p.

Olszewski W. Kul'turnaya identichnost': izbrannye aspekty. In *Naselenie Sibiri: mezhnacional'nye otnosheniya, obrazovanie i kul'turnaya identichnost': sb. nauch. tr.* Omsk: Poligraf. centr “KAN”, 2011, pp. 68–87 (in Russ.).

Olszewski W. Istoriko-kul'turnyj kontekst otnosheniya polyakov k zhitelyam Sibiri. In *Vestn. Tom. Gos. Univ. Ser.: Istoriya*, 2016, No. 4 (42), pp. 80–85 (in Russ.).

Ostrovskij L.K. Polyaki v Zapadnoj Sibiri v konce XIX – pervoj chetverti XX veka. Novosibirsk: Sibstrin, 2016, 808 p. (in Russ.).

Shostakovich B.S. Fenomen pol'sko-sibirskoj istorii (XVII v. – 1917 g.). Osnovnye aspekty sovremennyh nauchnyh traktovov, rezul'tatov i zadach dal'nejshej razrabotki temy. Moscow: MIK, 2015, 750 p. (in Russ.).

Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa: DiG, 1998, 835 p. (in Polish).

Zhigunova M.A. Koncept “sibiryak”: sovremennye traktovki i obrazy. In *Algoritmy chelovechnosti. Opyt antropologicheskogo issledovaniya*. Sost. i otv. red. M.N. Guboglo. Moscow: IEA RSN, 2018, pp. 351–368 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Ольшевский В. – доктор исторических наук, профессор кафедры этнологи и культурной антропологии Университета Николая Коперника, г. Торунь, Польша,

e-mail: wojol@umk.pl,

<https://orcid.org/0002-6497-159X>.

Н.А. Куперштох, О.Н. Шелегина
*Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Россия*

Новосибирский Академгородок: новые перспективы через призму ретроспективы

Работа посвящена изучению исторических предпосылок для появления нового проекта развития Новосибирского научного центра СО РАН – проекта «Академгородок 2.0». Анализируются основные принципы его организации как центра науки, образования и инноваций мирового уровня. Показаны актуальные направления формирования регионально-локальной идентичности научного сообщества (научного топоса). Обозначен социокультурный потенциал научного топоса в рамках проекта «Академгородок 2.0».

Ключевые слова: *Новосибирский Академгородок (Новосибирский научный центр СО РАН), «треугольник Лаврентьева», проект «Академгородок 2.0», концепт научного топоса.*

Для цитирования: Куперштох Н.А., Шелегина О.Н. Новосибирский Академгородок: новые перспективы через призму ретроспективы. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 59–62. DOI 10.17746/0295-7.2019.059-062.

N.A. Kupershtokh, O.N. Shelegina
*Institute of History, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Novosibirsk Academgorodok: New Perspectives through the Prism of Retrospectives

The work is devoted to the study of the historical prerequisites for the appearance of the new project «Akademgorodok 2.0» for the development of the Novosibirsk Scientific Center (NSC) of the SB RAS. The basic principles of the organization of the NSC as a center of world-class science, education and innovation are analyzed. The actual directions of the formation of the regional-local identity of the scientific community (scientific topos) are shown. The socio-cultural potential of scientific topos in the framework of the project «Akademgorodok 2.0» is indicated.

Keywords: *Novosibirsk Academgorodok (Novosibirsk Scientific Center of the SB RAS), “Lavrentiev’s triangle”, project “Akademgorodok 2.0”, concept of scientific topos.*

For citation: Kupershtokh N.A., Shelegina O.N. Novosibirsk Academgorodok: new perspectives through the prism of retrospectives. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories,* 2019, 59–62 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.059-062.

Развитие инновационной экономики в мире опирается на интеллектуальный потенциал общества, в первую очередь – на научные центры (кластеры), обеспечивающие технологическое лидерство. В России одним из таких центров является Новосибирский Академгородок (Новосибирский научный центр – ННЦ), органи-

зованный в 1957 г. по инициативе академиков М.А. Лаврентьева, С.Л. Соболева, С.А. Христиановича. Принципы, заложенные в его основу («треугольник Лаврентьева»), доказали свою эффективность на протяжении более чем шести десятилетий. Это междисциплинарность фундаментальных исследований, интеграция науки и образования, содействие продвижению инноваций в промышленность.

Создать центр мирового уровня в Сибири было непросто. Успех замысла обеспечили такие факторы, как выделение на строительство ННЦ мощного финансирования, помощь центральных научно-исследовательских учреждений, переезд в новые институты ведущих ученых страны вместе с учениками, организация одновременно с институтами вуза нового типа – Новосибирского государственного университета, а затем и системы технологических организаций. В 1991 г. в составе ННЦ действовали 37 научно-исследовательских и технологических организаций, в которых было занято более 30 тыс. человек, в т.ч. более 6,5 тыс. научных сотрудников [Куперштох, 2017, с. 10].

Одновременно с ростом кадрового потенциала формировалась регионально-локальная идентичность научного сообщества. Фоном для формирования этоса ученых стали свобода дискуссий; демократизм в общении научных лидеров и молодежи; высокий культурный и образовательный уровень жителей научного центра. Такие черты, как интеллигентность, креативность, активная гражданская позиция, позволяют научному сообществу инициировать проекты, значимые не только для региона, но и для всей страны.

8 февраля 2018 г., во время визита Президента РФ В.В. Путина в Новосибирский Академгородок, председатель СО РАН академик В.Н. Пармон предложил использовать ННЦ в качестве пилотной модели для развития современных научных центров в России. Президент РФ поручил к сентябрю 2018 г. разработать такую модель и представить ее на рассмотрение Совета по науке и образованию при Президенте РФ. В настоящее время проект «Академгородок 2.0» (его полное название – «Концепция развития Новосибирского научного центра (Новосибирского Академгородка) как территории с высокой концентрацией исследований и разработок») уже рассматривается в соответствующих инстанциях.

Целью проекта является формирование современного научно-технологического комплекса, способного обеспечить: достижение научного и технологического лидерства региона и России; рост доходов на душу населения, сопоставимый с передовыми странами; оптимальные условия для реализации и развития человеческого капитала. Проект «Академгородок 2.0» объединил свыше 30 проектов, среди которых эксперты выделяют создание трех ключевых центров: 1) Сибирский кольцевой источник фотонов «СКИФ»; 2) Центр компетенций «Генетические технологии»; 3) Центр высокопроизводительных вычислений, обработки и хранения данных «СНЦ ВВОД» [Корк, 2018]. Площадкой для реализации проекта «Академгородок 2.0» становится не только ННЦ, а практически вся Новосибирская область. Реализуется ли этот проект комплексно, в соответствии с замыслами его авторов, или реализуется частично – покажет время.

В связи с новыми задачами возрастает роль социогуманитарных проектов. В Институте истории СО РАН на основе комплексного анализа развития всех сфер жизни ННЦ [Шелегина и др., 2016] разработан исследовательский концепт «научный топос – феномен регионально-локальной идентичности». Новосибирский Академгородок в соответствии с ним характеризуется как социокультурное пространство

со сложной идентичностью (исторической, региональной, локальной, гражданской, профессиональной), динамичной системой отношений «человек – пространство – наука – культура – наследие».

На основе концепции научного топоса ведется разработка пространственной модели освоения научного и историко-культурного наследия Новосибирского Академгородка как достопримечательного места Сибирского региона. Выделение в концепте Новосибирского Академгородка как регионально-локального феномена идентичности значительного личностного компонента актуализировало изучение проблем научного наследия.

Организация персональных архивов, в т.ч. электронных, соотносится с потребностью в социально-культурной и профессиональной идентификации. В Институте систем информатики СО РАН создан «Открытый архив СО РАН» (<http://odasib.ru>), который включает электронные архивы известных ученых, работавших в ННЦ: академика А.П. Ершова (1931–1988), чл.-кор. АН СССР А.А. Ляпунова (1911–1973), д-ра физ.-мат. наук Ю.Б. Румера (1901–1985). Ресурс «Открытого архива СО РАН» (ок. 33 тыс. сканов документов) продолжает активно пополняться новыми материалами в контексте развития российской и мировой науки [Крайнева, 2017, с. 374]. Электронные архивы как новационная форма представления, накопления и систематизации научного наследия имеют практически неограниченные возможности для дальнейшего развития.

Совокупность теоретических и научно-практических разработок, связанных с научной идентичностью, социокультурным наследием Новосибирского Академгородка, может и должна стать основой для создания перспективных концептуальных проектов в рамках мегапроекта «Академгородок 2.0».

Список литературы

Корк Б. Академгородок. Перезагрузка // Эксперт. – 2018. – № 40. – URL: <https://expert.ru/expert/2018/40/akademgorodok-perezagruzka/> (дата обращения: 01.10.2018 г.).

Крайнева И.А. Феномен исторической идентичности в поле науки // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. – М.: Этерна, 2017. – С. 374–386.

Куперштох Н.А. Шесть десятилетий академической науки Сибири: СО АН СССР в советский период // История науки и техники. – 2017. – № 2. – С. 3–14.

Шелегина О.Н., Куперштох Н.А., Запороженко Г.М., Покровский Н.Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки Сибири. – 2016. – Т. 23, № 3. – С. 117–122.

References

Kork B. Akademgorodok. Perezagruzka. In *Expert*, 2018, No. 40. URL: <https://expert.ru/expert/2018/40/akademgorodok-perezagruzka/> (accessed: 01.10.2018) (in Russ.).

Krajneva I.A. Fenomen istoricheskoy identichnosti v pole nauki. In *Rol' arkhivov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sb. statej*. Avtor-sost. E.A. Vorontsova; отв. red. V.Yu. Afiani, Yu.A. Petrov. Moscow: Eterna Publ., 2017, pp. 374–386 (in Russ.).

Kupershtokh N.A. Shest' desyatiletij akademicheskoy nauki Sibiri: SO AN SSSR v sovetskij period. *History of Science and Engineering*, 2017, No. 2, pp. 3–14 (in Russ.).

Shelegina O.N., Kupershtokh N.A., Zaporozhchenko G.M., Pokrovskij N.N. Identichnost' lokal'nykh nauchnykh soobshhestv: opyt formirovaniya i translyatsii (po materialam Novosibirskogo nauchnogo tsentra SO RAN). *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2016, vol. 23, No. 3, pp. 117–122 (in Russ.).

Сведения об авторах:

Куперштох Н.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая сектором истории социально-экономического развития Института истории СО РАН,

e-mail: nataly.kuper@gmail.com,

https://orcid.org/0000-0003-1522-1837;

Шелегина О.Н. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора «Музей Сибирского отделения РАН» Института истории СО РАН,

e-mail: oshelegina@yandex.ru,

https://orcid.org/0000-0003-3715-4380.

И.В. Шапошникова
*Институт филологии СО РАН,
Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск, Россия*

Междисциплинарное психолингвистическое исследование этнокультурной и гражданской идентичности студентов в азиатских регионах России

Содержательно-смысловая специфика процессов идентификации исследуется психолингвистами на моделях ассоциативно-вербальных сетей. Новейшие экспериментальные материалы регионального и общероссийского масштаба показывают сохранение социокоммуникативных установок с унаследованными от перестройки противоречиями смыслоутратности у молодых россиян, недостаточную сформированность цивилизационной идентичности на фоне этнизации социальных практик. Полученные этносоциологами на ином материале выводы дают сходный результат.

Ключевые слова: *ассоциативно-вербальная сеть, этнизация сознания, идентичность как гибкий ресурс цивилизационного развития.*

Для цитирования: Шапошникова И.В. Междисциплинарное психолингвистическое исследование этнокультурной и гражданской идентичности студентов в азиатских регионах России. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 63–68. DOI 10.17746/0295-7.2019.063-068.

I.V. Shaposhnikova
*Institute of Philology, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia*

Interdisciplinary Psycholinguistic Research of Ethnocultural and Civilizational Identity of Russian Students in Asian Regions of Russia

The content-semantic manifestations of identification processes are studied by psycholinguists on the models of associative-verbal networks. The latest experimental materials from regional and all-Russian databases reveal the preservation of socio-communicative attitudes among young Russians with inherited from perestroika cognitive contradictions as markers of the deficiency of civilizational identity against the background of ethnization of social practices. Ethno-sociological findings from other empirical sources give convergent results.

Keywords: *associative-verbal network, ethnization of consciousness, identity as a flexible resource of civilizational development.*

For citation: Shaposhnikova I.V. Interdisciplinary psycholinguistic research of ethnocultural and civilizational identity of Russian students in Asian regions of Russia. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 63–68 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.063-068.

Идентичность – особо чувствительная сфера концентрации базовых противоречий в жизни современного человека. Вкладывая свою идентичность в деятельность, люди становятся производительной силой вскормившего их общества, это важнейший гибкий ресурс для прорыва, что ставит гуманитариев перед необходимостью не только актуализации идентичности в качестве объекта исследования, но и выработки способов защиты социокультурной идентичности, гражданской сплоченности и этики коллективного служения.

Идентификационные процессы имеют содержательную, смысловую структуру. Попавшая в фокус внимания носителей языка, а потому вербализованная часть этого содержания составляет предмет рассмотрения лингвистическими методами. Поиск доступа к смысловой реальности осуществляется в психолингвистике преимущественно с помощью экспериментов. Они направлены на измерение и интерпретацию смысловых акцентуаций русской языковой личности, т.е. ее мотивационно-прагматических социокоммуникативных установок и доминант.

Специфика текущего этапа заключается в том, что у психолингвистов появился ассоциативно-вербальный инструментарий для исследования смысловых акцентуаций русской языковой личности в синхронно-диахронном аспекте. В настоящее время имеются не только срезы с 1970-х гг., эпохи перестройки, но и новейшие данные, полученные в параллельном для азиатской и европейской частей РФ эксперименте. Институтом филологии СО РАН совместно с Новосибирским государственным университетом создан электронный ресурс – Сибирский ассоциативный словарь русского языка (далее СИБАС), который представляет собой пополняемый корпус вербальных ассоциаций молодых русских, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке. Он дает эталонные языковые материалы азиатских регионов России, позволяющие строить сетевые модели языка.

Отечественные сетевые модели языкового сознания имеют ряд преимуществ, которые позволяют использовать их не только для анализа собственно вербально-грамматического материала языка, но и для рассмотрения процессов идентификации русской языковой личности. После компьютерной обработки экспериментальных материалов проводится исследование на всем массиве данных с выделением ассоциативных доминант. Анализ ассоциативных полей, представляющих конкретные образы сознания, показывает смысловые акцентуации (психоглоссы) идентификации. Так, в новейшее время резко возросла на фоне перестроечных времен актуализация этнически окрашенных смыслов. В смысловой структуре автостереотипа «русский» фиксируется многократное усиление связи с образом языка, его этнизация по отношению к прошлому веку [Шапошникова, 2018]. Несмотря на явную перестройку автостереотипа, образы «русский», «советский», «российский» сохраняют свою преимущественно позитивную акцентуацию. Однако с установлением потребительских доминант наблюдается усиление смысловых акцентов, отождествляющих эти образы с вещными объектами. В значительной степени «овеществление» проявляет себя в структуре образов «советский», в особенности, «российский»; «русский» же отличается большей устойчивостью во времени. Имеющиеся в распоряжении психолингвистов экспериментальные данные об изменении этого сегмента ассоциативно-вербаль-

ной сети в период с 70-х гг. прошлого века по настоящее время говорят сами за себя. В устойчивой (интенсивной) части ассоциативного поля «советский» доля смысловых акцентуаций, номинирующих объекты материального мира, в 1970-е гг. составляла не более 5 %, в перестройку выросла до 46–47 %, а в настоящее время на фоне общей трансформации структуры этого образа в сторону обеднения сохраняется на уровне 13–14 % во всех регионах России. Остается высоким и показатель укорененности этих смыслов в разнообразии вербальных связей (от 16,66 % в 1970-е гг., до 27 % в перестройку и 25–31 % в настоящее время) на периферии ассоциативного поля. Еще ярче этот процесс проявил себя в ассоциативном поле «русский». Актуальность материализованных смыслов со времен перестройки устойчиво держится на уровне 65–68 %! При этом их укорененность в разнообразии связей существенно обновилась по составу (в связи с изменением продуктов потребления) и выросла почти в три раза и сейчас держится на уровне 31–34 %! Это очень высокие показатели. Содержание номинаций объектов материального мира, ассоциирующихся с образом «русский», а также «советский» и «русский», почти исключительно относится к вещно-бытовой, потребительской сфере, например *водка, сыр, борщ, телевизор, пломбир, кепка, ликер, шоколад, автомобиль* и пр. Сравнительный анализ всех смысловых акцентов в структуре образа «русский» приводит нас к выводу о несформированности (на начало 2014 г.) в сознании молодых россиян содержательно-смысловых доминант этого идентификатора вне материально-потребительской сферы [Там же]. То есть актуальное содержание цивилизационных маркеров «советский», «русский» и даже «русский» наследует противоречия смыслоутратного состояния эпохи перестройки. Таким образом, гражданская и социокультурная (цивилизационная) идентификация в российском воплощении нуждаются в социальной детерминации.

Наши данные сходятся по ряду позиций с заключениями этносоциологов и этнополитологов (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН), полученными в тот же период времени, но другими методами, на ином, не только русском, эмпирическом материале [Этнополитическая ситуация..., 2011; Этносоциология..., 2016; Этническая и этнополитическая карта..., 2017]. Думается, что предмет общей обеспокоенности ученых различных направлений может быть описан как опасность цивилизационного развоплощения русских при отсутствии должной гражданской солидарности на фоне роста этнизации социальных практик (которая наблюдается у представителей разных народов постсоветского мира) во многих сферах жизнедеятельности.

Внедрение этнополитических концепций геополитического конкурента при сужении сознания до якобы оправданного рыночными стихиями потребительски-гедонистического абсурда с полным пренебрежением высшими потребностями человека не проходит бесследно и может привести к очень быстрой утрате цивилизационного духа в межпоколенном плане. Тенденция к редукции образа человека до его рыночного, сугубо экономического воплощения просматривается и на системном уровне сетевой модели языкового сознания. Ресурс СИБАС позволяет проводить анализ ассоциативно-вербальной сети не только на уровне отдельных ее сегментов, ассоциативных полей конкретных вербальных единиц, но и на всем массиве ассоциатов, т.е. на макроуровне. Для системного анализа через обратный

ассоциативный словарь выводятся *ассоциативные доминанты* (узлы ассоциативно-вербальной сети) с наибольшей силой (интенсивностью) и разветвленностью (экстенсивностью) связей. Так, по количеству реакций (а значит по силе связей), полученных в массовом ассоциативном эксперименте в азиатских регионах России на начало 2014 г., лидируют *человек* (10 011), *деньги* (4036), *дом* (2584), *друг* (2342); по количеству стимулов (а значит разветвленности, укорененности смыслов в разнообразии связей): *человек* (450), *жизнь* (345), *дом* (335), *деньги* (263), *хорошо* (261), *плохо* (260), *друг* (253), *нет* (235), *мир* (232), *я* (230) [СИБАС]. Сходную (хотя и не совсем идентичную) системную иерархию находим и в европейской части России на начало 2014 г.: *человек* (594), *жизнь* (497), *дом* (465), *плохо* (269), *хорошо* (264), *нет* (257), *деньги* (249), *мир* (240), *друг* (236), *я* (215) (Европейские данные взяты из: [Уфимцева 2017, с. 95]). Совокупность ассоциативных доминант, формирующих наиболее яркие узлы ассоциативно-вербальной сети, получила название «ядра языкового сознания». В годы перестройки в Институт языкознания РАН Н.В. Уфимцевой были проведены работы по исследованию «ядра языкового сознания» русских, в ходе которых были выявлены некоторые закономерности его функционирования в качестве обладающего существенной устойчивостью образования, во многом определяющего нашу социокультурную идентичность [Уфимцева, 2002, с. 159–164]. При сопоставлении приведенных выше новейших данных об ассоциативных доминантах с материалами перестроечного периода Н.В. Уфимцевой, становится очевидным факт очень существенного изменения социокоммуникативных установок русских как в европейской, так и в азиатской части РФ (см. соответствующие табл. в: [Уфимцева, 2002, с. 159–164; 2017, с. 93–95]). Среди абсолютных лидеров (первых десяти ассоциативных доминант) особенно ярко эти изменения проявили себя в резкой актуализации и разработке смысловых узлов *деньги* и *я* в новейшее время. Такого рода изменения не могут не быть связанными с мотивационно-прагматической сферой жизни, содержанием и характером практикуемых занятий.

Ассоциативно-вербальные маркеры идентификационной динамики смыслового поля русской языковой личности, как показали первые итоги обработки диахронного материала, могут использоваться наряду с другими гуманитарными подходами для взаимной верификации данных и выработки этнополитической концепции российской цивилизации.

Ассоциативно-вербальный материал в части социокоммуникативных установок позволяет косвенно судить о том, каковы эффекты позитивного или негативного санкционирования обществом процессов смыслообразования в ходе социализации. Сформировавшиеся смысловые акцентуации в ассоциативно-вербальной сети способны поставлять материалы для комплексной гуманитарной экспертизы в целях прогнозирования и оценки результатов социального проектирования, влияния языковой ситуации в регионе на точки напряжения в межэтнических отношениях и др.

Весь инструментарий СИБАС может и должен совершенствоваться под поставленные исследователем задачи, при этом он может быть в полном объеме применен к материалам любого другого языка, что позволяет задокументировать не только текстовое наследие (где оно сохранилось), но и актуальную смысловую структуру модели мира ныне живущих малых народов и иных социальных групп.

СИБАС дает возможность работы в единой системе координат при сборе и обработке информации на местах. Оптимизация ресурса СИБАС (совместная задача для программистов и лингвистов) связана с развитием технологий оперирования большими данными применительно к специфике материала, созданием экспертных систем, помогающих пользователю извлечь информацию из наших материалов для практических целей.

Список литературы

СИБАС. – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2018) / авт.-сост. И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. – URL: <http://adict.ru.nsu.ru> (дата обращения: 30.01.2019 г.).

Уфимцева Н.В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2002. – С. 152–170.

Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Нео) психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева. – М.: Гнозис, 2017. – С. 21–96.

Шапошникова И.В. Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию российских студентов (по материалам массовых ассоциативных экспериментов) // Сибирский филол. журнал. – 2018. – № 3. – С. 255–273. – DOI 10.17223/18137083/64/23.

Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / под. ред. В.Ю. Зорина, Р.А. Старченко, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2017. – 216 с.

Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году: ежегодн. докл. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под. ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 513 с.

Этносоциология вчера и сегодня / отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. – М.: ИЭА РАН, 2016. – 474 с.

References

Etnicheskaya i etnopoliticheskaya karta Kryma. Organizatsiya monitoringa i rannego preduprezhdeniya etnicheskikh i religioznykh konfliktov. Red. V.Yu. Zorin, R.A. Starchenko, V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAS, 2017, 216 p. (in Russ.).

Etnopoliticheskaja situacija v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah v 2010 godu. Ezhegodnyj doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdenija konfliktov. Pod. red. V.A. Tishkova i V.V. Stepanova. Moscow: IEA RAS, 2011, 513 p. (in Russ.).

Etnosociologija vchera i segodnja. Otv. red. i sost. L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina. Moscow: IEA RAS, 2016, 474 p. (in Russ.).

Shaposhnikova I.V. Psihoglossy, markiruyushchie civilizacionnyu identifikaciju rossijskih studentov (po materialam massovyh associativnyh ehksperimentov). *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 2018, No. 3, pp. 255–273. DOI 10.17223/18137083/64/23 (in Russ.).

SIBAS – Russkaya regional'naya associativnaya baza dannyh (Sibir' i Dal'nij Vostok): 2008–2019. Avtory-sostaviteli Shaposhnikova I.V., Romanenko A.A. URL:<http://adict.ru.nsu.ru> (accessed: 30.01.2019) (in Russ.).

Ufimceva N.V. Kul'tura i problema zaimstvovaniya. In *Vstrechi ehtnicheskikh kul'tur v zerkale yazyka (v sopostavitel'nom lingvokul'turnom aspekte)* / Nauch. sovet po istorii mirovoj kul'tury. Moscow: Nauka, 2002, pp. 152–170 (in Russ.).

Ufimceva N.V. Ehtnopsiholingvistika kak razdel teorii rechevoj deyatel'nosti. In *(Neo)psiholingvistika i (psih)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem.* I.A. Bubnova, I.V. Zykova, V.V. Krasnyh, N.V. Ufimceva. Moscow: Gnozis, 2017, pp. 21–96 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Шапошникова И.В. – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН; профессор кафедры межкультурной коммуникации, профессор кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>.

Т.Н. Золотова

*Сибирский филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
им. Д.С. Лихачева,
г. Омск, Россия*

Изучение и сохранение историко-культурного наследия как основа формирования региональной идентичности (на примере деятельности Омского культурологического центра)

В статье рассматривается научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии (1993–2014 гг.), преобразованного в Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (2014–2018 гг.), как фактор формирования омской и сибирской региональной идентичности. Культурологический центр, координируя деятельность научных, культурных, образовательных учреждений по изучению и сохранению историко-культурного наследия, способствует созданию единого научно-культурного пространства Омского региона и Сибири в целом, тем самым оказывая влияние на складывание региональной идентичности.

Ключевые слова: *Сибирский филиал, Российский институт культурологии, Институт Наследия, культурологический центр, историко-культурное наследие, региональная идентичность.*

Для цитирования: Золотова Т.Н. Изучение и сохранение историко-культурного наследия как основа формирования региональной идентичности (на примере деятельности Омского культурологического центра). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 69–77. DOI 10.17746/0295-7.2019.069-077.

T.N. Zolotova

*Siberian Branch of the Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Omsk, Russia*

The Study and Preservation of Historical and Cultural Heritage as the Basis for the Formation of Regional Identity (for Example, the Activities of the Omsk Cultural Center)

The article discusses the scientific and organizational activities of the Siberian Branch of the Russian Institute for Cultural Research (1993–2014), transformed into the Siberian Branch Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (2014–2018), as a factor in the formation of the Omsk and Siberian regional identity. The cultural center, coordinating the activities of scientific, cultural, educational institutions for the study and preservation of historical and cultural heritage, contributes to the creation of a single scientific and cultural space of the Omsk region and Siberia as a whole, thereby influencing the formation of regional identity.

Keywords: *Siberian Branch, Russian Institute of Cultural Research, Institute of Heritage, Cultural Research Center, scientific research, scientific and organizational activities, historical and cultural heritage, regional identity.*

For citation: Zolotova T.N. The study and preservation of historical and cultural heritage as the basis for the formation of regional identity (for example, the activities of the Omsk Cultural Center). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 69–77 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.069-077.

Вопросы идентичности сегодня встают особенно остро в связи с тем, что происходит, на наш взгляд, все большая индивидуализация общества. Идентичность как свойство человека, связанное с его осознанием собственной принадлежности к какой-либо группе или сообществу, формируется на основе информации о себе, своей семье, своем городе, своей стране. В этой связи этнокультурная, региональная и национальная идентичности переплетаются между собой самым тесным образом. Цель нашего сообщения – проследить, как изучение и сохранение историко-культурного наследия позволяет актуализировать этнокультурную идентичность и сформировать идентичность региональную, базирующуюся на осознании территориальной общности и особенностей региональной жизни.

Дефиниции, которые мы используем в своей статье, требуют уточнения. Под «этнокультурной идентичностью» мы понимаем осознание человеком своей принадлежности к этнической группе на основании общности происхождения, территории проживания, особенностей языка и культуры. Если в понятии «региональная идентичность» делается акцент на осознании общности территории проживания, то осознание принадлежности к какому-либо этносу отходит на второй план, а на первый план выдвигается понимание общего «дома» и, соответственно, общих культурных особенностей, общих социальных и экономических проблем, которые необходимо решать всем вместе.

Понятие «регион» в современном российском политическом и экономическом правовом поле рассматривается в нескольких вариантах: 1) как территория субъекта Российской Федерации; 2) как часть территории субъекта РФ, требующая в силу особых условий специального государственного регулирования; 3) как территориальный комплекс из нескольких субъектов РФ, объединившихся для обеспечения общих экономических и социально-политических интересов. В данной статье мы рассматриваем регион в первом варианте – как территорию субъекта России и говорим о региональной идентичности жителей Омской обл., хотя не исключаем возможности использования термина «региональная идентичность» по отношению к жителям мегарегионов, которыми являются, например, Урал и Сибирь. Дефиниция «локальная идентичность», на наш взгляд, наиболее логично применима к жителям мелких населенных пунктов или даже их частей, что связывается напрямую с понятием «локальной традиции», имеющей этническое основание. Наоборот, в дефиниции «национальная идентичность» делается акцент на гражданско-правовом аспекте понятия, хотя и этнокультурная составляющая здесь играет немало важную роль.

В формировании любого вида идентичности помимо объективных условий важна деятельность субъекта. В Омском регионе таким субъектом стал культурологиче-

ский центр, образованный в 1993 г. как Сибирский филиал Российского института культурологии (далее СФ РИК), а затем в 2014 г. преобразованный в Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Сибирский филиал Института Наследия).

Образование единственного в своем роде научного центра на огромной территории от Урала до Дальнего Востока было предопределено объективными процессами, протекавшими на рубеже 1980–1990-х гг. в стране и требовавшими серьезного осмысления. В этот период в научном сообществе сформировалось представление о культуре как о сложном многоуровневом феномене, требующем комплексного изучения с использованием методов и данных многих гуманитарных наук. Возникновение новой социогуманитарной науки культурологии происходило на пересечении истории, философии, социологии, этнологии, антропологии, социальной психологии, искусствознания и других гуманитарных дисциплин. В связи с этим закономерным стал процесс институционализации нового научного знания, что привело в 1992 г. к переименованию научно-исследовательского института культуры Министерства культуры РСФСР в «Российский институт культурологии»; расширение области культурологических исследований настоятельно требовало образования филиалов в регионах России, и первым таким филиалом стал СФ РИК, открывшийся в Омске.

В начале 1990-х гг. исследователи, занимавшиеся изучением культурологии, работали в нескольких сибирских городах – Кемерово, Иркутске, Новосибирске, Барнауле, но то, что именно Омск стал географической точкой притяжения для создания культурологического центра, не случайно. В Омске созрели все предпосылки для образования своеобразного научного ядра культурологических исследований. С одной стороны, проводилась большая исследовательская работа по изучению культурного наследия региона: в Омском государственном университете (ОмГУ) на кафедре этнографии, историографии и источниковедения истории СССР изучалась культура сибирских этносов, история культуры сибирского региона, историческая урбанистика, на кафедре философии – философия культуры. В Омском педагогическом институте проблемами региональной культуры занимались археологи и фольклористы, в Омском государственном историко-краеведческом музее и Омском областном музее изобразительных искусств им. М.А. Врубеля проводилась большая музееведческая работа по сохранению регионального культурного наследия. Вместе с тем существовала заинтересованность омских органов власти в научном сопровождении проводимой ими региональной культурной политики.

22 февраля 1993 г. в Омске согласно приказу № 7 по Российскому институту культурологии Министерства культуры РФ был создан Сибирский филиал РИК, который на долгие годы определил вектор культурологических исследований в Сибири. Своим созданием филиал обязан трем выдающимся личностям: директору РИК К.Э. Разлогову, профессору ОмГУ Н.А. Томилову и председателю Комитета по культуре и искусству Администрации Омской области Н.М. Геновой. Идею создания филиала в Омске поддержал академик Е.П. Челышев. Импульс научной деятельности филиала был дан сразу из нескольких научных центров разных городов России – Томского, Московского, Ростовского, Омского государственных университетов.

Приоритетными направлениями деятельности филиала являлись проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в области теории и истории культуры, культурного наследия, динамики культурных процессов, выполнение разного рода культурологических экспертиз, организация научных мероприятий, научно-издательская деятельность.

Образованный культурологический центр постепенно начал втягивать в орбиту своего влияния другие субъекты: научно-исследовательские, образовательные и общественные организации, учреждения культуры, органы власти. Притягивающим механизмом служили научная и организационная деятельность. В 2000-е гг. научные исследования велись по следующей проблематике: 1) региональные социокультурные особенности модернизации в России; 2) провинциальная культура: опыт, традиции, проблемы исследования; 3) национально-культурные процессы и пути достижения устойчивого развития в современном мире; 4) информационные технологии в культуре.

В 1993–2012 гг. научная деятельность филиала развивалась в рамках шести секторов, каждый из которых имел свои направления деятельности. В декабре 2012 г. в составе СФ РИК работало 33 человека. Возглавляли работу филиала его директор, д-р ист. наук, проф. Н.А. Томилов, заместитель директора, д-р ист. наук, проф. Д.А. Алисов и ученый секретарь, канд. ист. наук Т.Н. Золотова.

После реорганизации института в 2014 г. филиал возглавила канд. ист. наук, доцент И.А. Селезнева, а научная работа Сибирского филиала Института Наследия стала осуществляться по двум направлениям: «Городская среда: историко-культурные процессы и современное состояние» и «Национальные культуры и историко-культурное наследие народов Западной Сибири».

Актуальность первого направления «Городская среда: историко-культурные процессы и современное состояние» определяется возможностью стратегического планирования развития территорий и выработки практических рекомендаций по гармонизации культурного пространства городов. В рамках данного направления особое внимание уделяется изучению городской среды и населения в динамике социокультурных трансформаций, исследованию образных характеристик городской среды и их отражения в художественном творчестве, анализу историко-культурного потенциала территории и исторической памяти горожан, вопросам культурной политики и инфраструктуры учреждений культуры и искусства.

Работа по второму направлению «Национальные культуры и историко-культурное наследие народов Западной Сибири» необходима для формирования исторической памяти и актуализации традиционных форм культуры с целью сохранения многообразия современного мира. В рамках этого направления ведется исследование исторической ретроспективы и современных форм функционирования традиционной культуры у русских, украинцев, белорусов, сибирских татар, казахов, немцев и других народов, проживающих на территории западносибирского региона, изучаются этнокультурные и этноконфессиональные особенности населения, анализируется состояние межнациональных и межконфессиональных отношений, исследуются новые религиозные течения и региональный туристический потенциал.

Результатом исследования историко-культурного наследия региона становятся монографии, брошюры, статьи в научных журналах, основанные в т.ч. на создан-

ных этнографами архивах полевых материалов. Значимый вклад в исследование городоведческой проблематики внесли публикации по культурному пространству административных центров региона (Омска, Тобольска, Томска) Д.А. Алисова, культурно-историческим процессам в сибирских городах В.Г. Рыженко, образным характеристикам городской среды и динамике образного каркаса г. Омска Ю.Р. Гореловой [Алисов, 2006, Горелова, 2014, Рыженко, 2003].

Среди наиболее важных изданий по второму направлению — многотомные научные серии «Интеграция археологических и этнографических исследований», «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев», «Культура народов России», «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума», серии сборников «Русский вопрос: история и современность», «Немцы Сибири: история и культура», «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития», монографии по этнической истории русских сибиряков М.Л. Бережной, русской и немецкой праздничной культуре Т.Н. Золотовой и С.А. Рублевской, народным формам ислама А.Г. и И.А. Селезневых, этнокультурным процессам у русских М.А. Жигуновой, сибирских татар Н.А. Томилова, немцев Т.Б. Смирновой, прибалтийских народов И.В. Лоткина [Бережная, 2007, Золотова, 2002, Селезнев, Селезнева, 2004; Смирнова, 2002].

Основным научным изданием Сибирского филиала долгие годы являлся общероссийский журнал «Культурологические исследования в Сибири», который издавался с 1999 по 2015 г., а в 2016 г. эстафета была подхвачена научным электронным журналом «Культурное наследие Сибири». В целом в 1993–2017 гг. было опубликовано 124 монографии, 225 сборников, брошюр, учебных пособий, журналов и авторефератов диссертаций.

Важную роль в деятельности культурологического центра играет научно-организационная составляющая. В рамках тематики историко-культурных процессов в течение многих лет проводились всероссийские научно-практические конференции «Катаньевские чтения» и «Культура и интеллигенция России», всероссийские научно-практические семинары «Проблемы культуры городов России» и «Досуг. Творчество. Культура».

По направлению культурного наследия были проведены десятки научных конференций и научно-практических семинаров, носивших регулярный характер: международные (научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований», научно-практические конференции «Немцы Сибири: история и культура» и «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития») и всероссийские (научная конференция «Русский вопрос: история и современность», научно-практические конференции «Лютеране в России: к 300-летию распространения лютеранства в Сибири», «Мосты мира», «Ядринцевские чтения», «Аношинские чтения»). Конференции становились своеобразными коммуникационными площадками для ученых различных специальностей из разных городов и стран, а центром притяжения служил Омск. Это особенно ярко проявилось на примере конференции «Сибирская деревня», которая за 20 лет своего существования из локального мероприятия превратилась в заметное событие в научном сообществе не только Сибири, но и России, ближнего и дальнего зарубежья, объединив в едином научном пространстве историков, философов, культурологов, социологов, педагогов, аграриев из России, Поль-

ши, Болгарии, Германии, Украины, Казахстана, Армении, Узбекистана [Золотова, Слабодцкий, 2014].

Всего за 25 лет сотрудниками филиала было организовано и проведено 184 научных и научно-практических мероприятия (конгрессы, конференции, симпозиумы и семинары), в их числе: 42 международных, 95 всероссийских, 47 региональных.

Научно-организационная деятельность привела к следующим результатам:

1) привлечено внимание общественности и органов региональной власти к историко-культурному наследию;

2) показаны пути решения некоторых исторических, социальных, образовательных и другого рода проблем;

3) создано единое научно-исследовательское пространство ученых социогуманитарного направления;

4) произошла интенсификация научных и краеведческих исследований.

Прикладная общественно полезная деятельность института ведется по нескольким направлениям, способствующим формированию различных видов идентичности: национальной, региональной, этнокультурной. Рассмотрим ее основные виды.

1. Результаты научных исследований подаются в органы управления в виде проектов, записок, справок, решений конференций, методических рекомендаций и пособий. Среди наиболее важных можно назвать проект «Решение национально-культурных проблем Омской области» (1994 г.), «Основные направления программы социокультурного развития г. Тары» (1994 г.), аналитические справки по межнациональным отношениям Т.Б. Смирновой. В последние годы были подготовлены и опубликованы «Методические рекомендации для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации Сибири и Дальнего Востока о порядке и идеологическом сопровождении реализации историко-культурных проектов в приграничных регионах» (2014 г.), «Справочно-методические материалы для информационно-разъяснительной работы по вопросам гармонизации межнациональных отношений в Омской области» (2015 г.), «Информационное обеспечение государственной национальной политики: справочно-методические материалы для СМИ» (2016 г.). Большое прикладное значение имело научно-методическое пособие для работников культуры и образования «Русский народный праздник», выдержавшее, в виду его востребованности в Омском регионе, два издания (Омск, 2005, 2006 гг.).

2. Участие в общественно значимых проектах совместно с различными общественными и образовательными организациями, учреждениями культуры и органами исполнительной власти. Так, в 2017 г. совместно с Министерством культуры Омской обл. был реализован пилотный Региональный культурный проект «Иртышский берег», который позволил включить историко-культурные и туристические объекты центральной части Омска и парковой зоны «Зеленый остров» в единый культурно-природный ландшафт. Сотрудники института регулярно участвуют в организации юношеских конференций «Многоликое Прииртышье» (вместе с Министерством образования Омской обл.) и «Омское Прииртышье: природа, история, культура» (с Омским историко-краеведческим музеем), входят в состав жюри финала детской интеллектуальной игры «Знатоки краеведения», которую проводит Омский историко-краеведческий музей, жюри регионального праздника традиционных ремесел «Покровская ярмарка» совместно с ООО «Центр славянских тра-

диций» и т.д. Помимо этого, филиал сотрудничает с омскими региональными отделениями Союза краеведов России, Русского географического общества, Фонда культуры, Фонда защиты мира и др.

3. Проводятся научно-практические семинары и круглые столы с участием широких кругов общественности. Полезными в плане получения прикладных знаний для работников культуры и образования стали научно-практические семинары по использованию этнокультурного потенциала славянских, кавказских и прибалтийских народов. В 2015–2016 гг. был проведен цикл семинаров «Реализация государственной национальной политики в Омской области» для специалистов муниципальных районов Омского региона. Эти мероприятия вызвали большой интерес национально-культурных центров и, безусловно, способствовали актуализации историко-культурного наследия и формированию этнокультурной и региональной идентичности.

4. Значимое направление деятельности – популяризация научных знаний. Оно наибольшим образом способствовало формированию этнокультурной идентичности в Омском регионе. Были изданы научно-популярные книги и брошюры, в числе которых «От Урала до Енисея», «Народная культура Муромцевского района», энциклопедии города Омска и Омской обл. Вышла в свет новейшая публикация научно-популярного энциклопедического издания «Народы Омской области», отразившего этническую историю и культуру 44 этносов Омского региона [Народы Омской области, 2018]. Научно-популярный лекторий «Культура народов Западной Сибири», проведенный в 2016 г., имел большой успех у студентов, преподавателей вузов и всех тех, кто интересуется историей и культурой родного края. Сотрудники института продолжают читать лекции в рамках краеведческих лекториев музея и Омской областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина. С целью популяризации историко-культурного наследия региона были записаны CD-диски «Традиции русской семьи», «Культура народов Западной Сибири: история и современность», «Щедривочка щедрувала: календарно-обрядовый фольклор украинцев Омской области».

Результаты проведенного в 2016 г. мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений свидетельствуют о благополучной межэтнической ситуации в регионе, чему способствовала, на наш взгляд, в числе прочих и многолетняя работа Сибирского филиала совместно с Омским госуниверситетом, Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН и другими учреждениями науки, культуры, образования.

Деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии, а затем Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева в 1993–2018 гг. способствовала сохранению историко-культурного наследия Сибири и России в целом, укреплению связей между научными сообществами российских городов. Его сотрудничество с вузами, научными центрами, культурными учреждениями Омска и Сибири внесло вклад в формирование единого научно-культурного пространства Омского региона, сделаны серьезные шаги к созданию единого культурологического пространства Сибири. Результаты научных исследований филиала имеют не только теоретическое, но и практическое значение в качестве оснований для выработки региональной политики в сфере гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, популяризации знаний об истории и культуре Сибири. Во многом благодаря деятельности культу-

рологического центра по изучению и сохранению историко-культурного наследия Омского Прииртышья сформировалась и укрепилась региональная идентичность жителей Омского региона, заложены прочные основы для укрепления сибирской идентичности.

Список литературы

Алисов Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.). – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2006. – 337 с.

Бережнова М.Л. Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2007. – 266 с.

Горелова Ю.Р. Архитектурная среда города: культурное наследие и современный контекст: учеб. пособие. – Омск: Наука, 2014. – 231 с.

Золотова Т.Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX в.). – Омск: Издатель-Полиграфист, 2002. – 234 с.

Золотова Т.Н., Слабодцкий В.В. Научно-практическая конференция «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» как явление в научном и социокультурном пространстве Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию освоения целинных и залежных земель (Омск, 23–26 апреля 2014 г.): в 3-х ч. – Омск: Изд-во Ом. гос. аграрн. ун-та, 2014. – Ч. I. – С. 20–27.

Народы Омской области. – Омск: Омская картограф. фабрика, 2018. – 272 с.

Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования. – Екатеринбург; Омск, 2003. – 370 с.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 72 с.

Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск: ИЦ «РУСИНКО», 2002. – 210 с.

References

Alisov D.A. Administrativnye tsentry Zapadnoi Sibiri: gorodskaya sreda i sotsial'no-kul'turnoe razvitie (1870–1914 gg.). Omsk: Om. State Univ. Press., 2006, 337 p. (in Russ.).

Berezhnova M.L. Zagadka cheldonov: Istoriya formirovaniya i osobennosti kul'tury starozhil'cheskogo naseleniya Sibiri. Omsk: Om. Univ. Press., 2007, 266 p. (in Russ.).

Gorelova Yu.R. Arkhitekturnaya sreda goroda: kul'turnoe nasledie i sovremennyi kontekst: ucheb. posobie. Omsk: Nauka, 2014, 231 p. (in Russ.).

Narody Omskoi oblasti. Omsk: Omskaya kartograf. fabrika, 2018, 272 p. (in Russ.).

Ryzhenko V.G. Intelligentsiya v kul'ture krupnogo sibirskogo goroda v 1920-e gody: voprosy teorii, istorii, istoriografii i metodov issledovaniya. Ekaterinburg; Omsk, 2003, 370 p. (in Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A. Sibirskii islam: regional'nyi variant religioznogo sinkretizma. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, 72 p. (in Russ.).

Smirnova T.B. Nemtsy Sibiri: etnicheskie protsessy. Omsk: RUSINKO, 2002, 210 p. (in Russ.).

Zolotova T.N. Russkie kalendarnye prazdniki v Zapadnoi Sibiri (konets XIX – XX vv.). Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2002, 234 p. (in Russ.).

Zolotova T.N., Slabodtskii V.V. Nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya” kak yavlenie v nauchnom i sotsiokul’turnom prostranstve Sibiri. In *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: mat-ly X Mezhdunar. nauch.-prakt. Konf., posvyash. 60-letiyu osvoeniya tselinnykh i zalezhnykh zemel’* (Omsk, 23–26 aprelya 2014 g.): in 3 pt. Omsk: Omsk State Agrar. Univ. Press, 2014, pt. I, pp. 20–27 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Золотова Т.Н. – кандидат исторических наук, заместитель директора Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,

e-mail: zolotovat2012@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0002-7884-281X.

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

DOI: 10.17746/0295-7.2019.078-081
УДК 101.1:316

А.М. Олешкова

*Нижнетагильский государственный
социально-педагогический институт – Филиал
Российского государственного
профессионально-педагогического университета,
г. Нижний Тагил, Россия*

Реляционный поворот в социальной конструкции: проблемы политики идентичности

Методология конструкционизма сопряжена с исследованием процесса формирования идентичности. Ключевой тезис, разрабатываемый в рамках данного подхода, можно свести к тому, что любая структура по своей природе искусственна, ибо является следствием действий социальных акторов. В рамках теории конструкционизма формирование идентичности связано с «дискурсом жертвы» и «дискурсом критика». По способу трактовки социокультурного пространства конструкционизм в своей крайней версии близок постмодернистским релятивным оценкам, согласно которым мир множественен и не сводится ни к какому единому началу.

Ключевые слова: конструкционизм, политкорректность, идентичность, дискурс, жертва, актор, структура, релятивизм, модернизм, постмодернизм.

Для цитирования: Олешкова А.М. Реляционный поворот в социальной конструкции: проблемы политики идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 78–81. DOI 10.17746/0295-7.2019.078-081.

A.M. Oleshkova

*Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute,
Branch of Russian State Vocational Pedagogical University,
Nizhny Tagil, Russia*

Relational Turn in the Social Construction: Identity Policy Issues

Constructionism methodology entails research of the identity shaping process. The key statement developed within this approach can be summarized as follows: any structure is artificial by its nature because it is a consequence of social actors' doing. By the mode of interpretation of the socio-cultural space, in its

extreme constructionism is close to postmodern relative estimates, according to which the world is plural and does not have a single origin.

Keywords: *constructionism, political correctness, identity, discourse, victim, actor, structure, relativism, modernism, postmodernism.*

For citation: Oleshkova A.M. Relational turn in the social construction: identity policy issues. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 78–81 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.078-081.

Модернистская научная традиция трактует язык как способ репрезентации мира. В этой логике подразумевается, как минимум, сама возможность представления реального, поскольку язык заключает в себе истину и способен объективно отражать мир. Однако постмодернистский поворот обусловил критические тенденции в науке, в частности выраженные в социально-конструкционистских формах.

Последовательный конструкционист не будет оперировать неоспоримыми и абсолютными истинами, он способен менять позиции и понимать, что не существует таких трансцендентных рациональностей, которые раз и навсегда объяснят тот или иной феномен. Во-первых, если ученые являются носителями идеологии и это свойство непреодолимо, то они занимаются такой же политической деятельностью, как журналисты, политики, общественные деятели. Таким образом, не идеи и знание создаются для общества, а формируется само общество. Во-вторых, еще М. Фуко обозначил, что понятие «норма» (чего-либо) всегда исторически обусловлено [1994, с. 379–380]. То, что порицалось в одну эпоху, может восхваляться или считаться безобидным – в другую. Сложившаяся историческая традиция может быть подкреплена разнообразными риторическими практиками в средствах массовой информации, социальных сетях, литературном дискурсе. Любое очерченное поле ценностей, их проговаривание авторитетными субъектами и группами (референтами) обуславливает обслуживание идеологий, укрепление институтов власти, закрепление престижа и привилегий отдельных социальных групп.

Не только тоталитарные, но и демократические феномены культуры могут быть основаны на идее диктата. Конструкционизм в совокупности с критическим методом позволяет увидеть «господствующее означающее». [Жижек, 2017, с. 19–20]. Риторика в реализации политики идентичности построена в оппозиции жертва – критик [Герген, 2016, с. 95, 275, 278], что определяет самопровозглашенную идентичность. Артикулирование дискурса идентичности может сильно отличаться от иных социальных акций, связанных с манифестацией религиозных или политических задач. Особенно это различие заметно на примерах дискурса, фиксирующего границы гендера, расы, этноса.

Стоит говорить и о персональном измерении идентичности, когда опредмечивание своей коллективной субъектности проходит через индивидуальную манифестацию. При анализе феномена идентичности возможен выход за пределы «группизма». Как отмечает Брубейкер, такие категории, как расизация, этнизация, национализация должны пониматься не в субстанциональном, а в ситуативном отношении [Брубейкер, 2012, с. 29–30].

В политике идентичности доминирует популистская лексика, происходит явное возведение границ между «своими» и «чужими». «Чужие» попадают в изоляцию.

Р. Водак выделяет два элемента правопопулистской политики идентичности: ревизия прошлого и построение на этой основе национализма, а также модели поведения, близкие к евроскептицизму [Водак, 2018, с. 88].

С точки зрения Гергена, конструкционизм оспаривает три важных методологических и мировоззренческих ориентира: реализм, который основывается на деконструкции объективной позиции Другого; эссенциализм; этический фундаментализм. В первом случае (реализм) конструкционистов не устраивает постулирование некоторой объективной истины, которая есть ни что иное, как доминирующий дискурс в рамках данной исторической перспективы. Во втором случае (эссенциализм) конструкционизм трактует совокупные черты группы, претендующей на артикулирование собственного статуса и прав, как референтность, которая, в свою очередь, представляет собой проявление социального движения, контекстуальное по своей природе [Герген, с. 281–282].

В этой логике социального конструкционизма прослеживается связь с критическим дискурс-анализом, поскольку категория «раса» может быть понята как «троп», «обманчивая стратегия», «проблематичный стереотип», «ярлык», «базисная фикция» [Там же, с. 282; Слотердаjk, 2009, с. 117].

Идентичность сводит индивидуальное к коллективному. Реляционная концепция идентичности подразумевает учет Другого и его границы. Без этих двух факторов идентичность невозможна. Другой – это фоновый объект, в отношении любой группы он является собирательным образом, помимо равновесной группы, могут быть страны, идеологии, конфессии – маркеры разного масштаба, как автономного самостоятельного значения, так и атрибутивного свойства. Реляционный принцип имеет два измерения: относительно идентифицируемой группы и относительно субъекта (субъектов), определяющего вектора идентификации (пресса, идеология, политика, власть).

Можно не соглашаться с абсолютистским характером взглядов конструкционистов, однако ракурс этой методологии позволяет по-новому посмотреть на традиционные проблемы политики и науки. Конструкционизм является способом определения и интерпретации границ социальных групп. С его позиции любой феномен есть не отражение природы, а следствие социокультурного процесса, который обладает множественной альтернативностью. Баланс в отношении политики идентичности, политкорректности в условиях реляционного поворота – сложная задача как в отношении внутренней и внешней политических повесток отдельных государств, так в рамках эвристических возможностей социально-гуманитарной мысли.

Список литературы

Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2012. – 408 с.

Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? – Харьков: Гуманитарный центр, 2018. – 404 с.

Герген К.Дж. Социальная конструкция в контексте / пер. с англ. А.А. Кисилева, Ю.С. Вовк. – Харьков: Гуманитарный центр, 2016. – 328 с.

Жижек С. Чума фантазий. – М.: Гуманитарный центр, 2017. – 415 с.

Слотердаик П. Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева. – Испр. изд. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009. – 800 с.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сэд, 1994. – 406 с.

References

Brubeiker R. Etnichnost' bez grupp. Moscow: Publ. house of High School of Economics, 2012, 408 p. (in Russ.).

Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. St. Petersburg, A-cad publ., 1994, 406 p. (in Russ.).

Gergen K.Dzh. Sotsial'naya konstruktsiya v kontekste. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr publ., 2016, 328 p. (in Russ.).

Sloterdaik P. Kritika tsinicheskogo razuma. Yekaterinburg: U-Faktoriya publ., Moscow: AST publ., 2009, 800 p. (in Russ.).

Vodak R. Politika strakha. Chto znachit diskurs pravyykh populistov? Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr publ., 2018, 404 p. (in Russ.).

Zhizhek S. Chuma fantazii. Moscow, Gumanitarnyi tsentr publ., 2017, 415 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Олешкова А.М. – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского государственного социально-педагогического института – Филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета,

e-mail: oleshkova@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-8542-6067>.

Ценности индивидуализма/коллективизма как этнодифференцирующие признаки этнической идентичности

Западные ученые противопоставляют индивидуализм и коллективизм, считая индивидуализм более высокой стадией развития, в то время как российские ученые давно отмечают сочетание коллективистских и индивидуалистских ценностей в русской культуре. Автор считает, что традиционно сложившийся гармоничный синтез коллективизма/индивидуализма сохраняется и в современной русской культуре.

Ключевые слова: коллективизм, индивидуализм, гармоничное соединение, русская культура, традиционные ценности, этнодифференцирующие признаки.

Для цитирования: Зарицкая Ж.В. Ценности индивидуализма/коллективизма как этнодифференцирующие признаки этнической идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 82–85. DOI 10.17746/0295-7.2019.082-085.

Zh.V. Zaritskaya
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

Values of Individualism/Collectivism as Ethno-Differentiating Attributes of Ethnic Identity

Western scholars oppose individualism/collectivism considering individualism as a higher stage of development, Russian scholars have long noted the existence of both collectivistic and individualistic values in Russian culture. The author argues that this traditional harmonious unity of collectivism/individualism values is still preserved in the modern Russian culture.

Keywords: *collectivism, individualism, harmonious unity, Russian culture, traditional values, ethno-differentiating attributes.*

For citation: Zaritskaya Zh.V. Values of individualism/collectivism as ethno-differentiating attributes of ethnic identity. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 82–85 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.082-085.

Межцивилизационные процессы современного глокализирующегося мира актуализируют изучение глубинных пластов мировоззрения различных этнических групп. Система ценностей как один из основополагающих этнодифференцирующих признаков этнической идентичности определяет тип этнической культуры. Ценности индивидуализма/коллективизма (далее *И/К*), по-разному представлены в системах ценностей этнокультур.

Прежде чем измерять эти отличия, сделаем одно методологическое замечание. Представители «объективистской» парадигмы обычно ищут отражение объективно существующих этнопризнаков в самоидентификации рядовых представителей той или иной этничности. Учитывая, что ценности относятся к малоосознаваемым элементам культуры, мы считаем более продуктивным рассмотреть, как этнопризнаки отражаются в сознании и трудах ученых, в большей степени осознающих ценности своей и чужой этничности, чем рядовые ее представители. Таким образом, мы рассмотрим этнодифференцирующие признаки ценностей И/К не как объекты внутренней типизации, а как в некоторой степени объекты внешней типизации.

В западной традиции изначально противопоставляли индивидуализм-коллективизм, считая, что культуры и общества, развиваясь, движутся от коллективизма к индивидуализму, от этнокультур с приоритетом общества над индивидом к этнокультурам с приоритетом индивида над обществом.

С началом масштабных эмпирических исследований [Hofstede, 2001] об И/К как этнодифференцирующих признаках заговорили несколько в ином ключе. Предложенные Хофстеде шкалы измерения признака от 0 до 100 баллов отражали разную степень выраженности признака. Например, у Хофстеде Китай получил индекс 20, Россия — 40, а США — 70 баллов. Такой подход предполагал соединение коллективистских и индивидуалистских начал в определенной пропорции. Этнические культуры, сочетающие в себе разные ценности, стали называть культурами смешанного типа.

Важным шагом на пути изучения И/К как этнодифференцирующих признаков стала четырехмерная типология этнических культур [Triandis, Gelfand, 1998]. В культурах с *вертикальным* индивидуализмом и коллективизмом, помимо ценностей И/К соответственно, ценят также социальную иерархию, а в культурах с *горизонтальным* индивидуализмом и коллективизмом, ценят социальное равенство. Триандис первым предложил выделять разные типы коллективизма и индивидуализма.

Еще одной значимой чертой западной школы является выделение внутри каждой этнической культуры разной степени И/К по отношению к разным социальным группам, что также может существенно отличать этнокультуры друг от друга. Учеными обнаружено, что, например, по отношению к семейной группе люди разных этнических идентичностей проявляют обычно бóльшую степень коллективизма, чем в отношении к рабочей группе [Мацумото, 2002].

В российской традиции исследователи русской этничности изначально относили русскую культуру к коллективистскому типу, но уже в конце XIX в. отмечали особый тип русского коллективизма, выраженный в принципе «соборности». Соборный коллективизм, понимаемый как свободное единение индивидов, включал в себя индивидуалистские компоненты.

В постреволюционный период исследователи русской этничности старались разграничить коллективизм и тоталитаризм [Бердяев, 1995], а в постперестроечный период — снять обвинения с русского коллективизма в обязательном перерастании в тоталитаризм [Панарин, 2002].

В советское время коллективизм восхвалялся в качестве идеального принципа социального устройства, а индивидуализм третировался как эгоизм и основа эксплуатации человека человеком.

С началом эмпирических исследований в постперестроечное время в русской этнической идентичности наряду с коллективизмом обнаружили индивидуализм. В настоящее время существует три направления мысли по этому вопросу. Одни исследователи относят русскую культуру к безусловно коллективистскому типу, другие считают ее индивидуалистской, третьи, отмечая наличие коллективистских и индивидуалистских компонентов, часто объясняют появление индивидуализма влиянием западных культур в ходе постперестроечных реформ [Лебедева, Татарко, 2009].

Мы считаем, что более оправданно искать корни такого соединения И/К в традиционной русской культуре, аксиологическое ядро которой сложилось в дореволюционный период и, как свидетельствуют некоторые социальные факты, продолжает сохраняться в определенном виде, несмотря на серьезные социокультурные катаклизмы XX в. Историко-культурный анализ показал, что в русской этнической идентичности (в крестьянской общине во многом под влиянием православия) традиционно сложился гармоничный равноценный синтез ценностей коллективизма и индивидуализма, при предпочтении коллективистской формы жизнедеятельности [Зарицкая, 2014]. Эмпирические замеры русской идентичности подтверждают этот вывод, показывая средний показатель по параметру И/К.

Особенности этнических культур (и целых цивилизаций) во многом определяются пропорцией ценностей И/К в их аксиологическом ядре. В антропоцентричных и социоцентричных культурах ценности индивидуализма и коллективизма являются системообразующими, основными, а в теоцентричных и природоцентричных культурах они играют значимую, но инструментальную роль.

Список литературы

- Бердяев Н.А.** Царство Духа и царство Кесаря. — М.: Республика, 1995. — 384 с.
- Зарицкая Ж.В.** Специфика русского коллективизма через призму результатов эмпирических исследований // Сибирский философ. журнал. — 2014. — Т. 12, № 2. — С. 87–95.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н.** Культура как фактор общественного прогресса. — М.: Юстицинформ, 2009. — 408 с.
- Мацумото Д.** Психология и культура. — СПб.: Питер, 2002. — 414 с.
- Панарин А.С.** Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: Алгоритм, 2002. — 496 с.
- Hofstede G.** Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. — CA: SAGE, 2001. — 596 p.
- Triandis H., Gelfand M.** Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism // Journal of Personality and Social Psychology. — 1998. — No. 74 (1). — P. 118–128.

References

- Berdyayev N.A.** Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya. Moscow: Respublika publ., 1995, 384 p. (in Russ.).
- Hofstede G.** Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. CA: SAGE, 2001, 596 p.
- Lebedeva N.M., Tatarko A.N.** Kultura kak factor obshchestvennogo progressa. Moscow: Yustitsinform publ., 2009, 408 p. (in Russ.).

Matsumoto D. Psikhologiya i kultura. St. Petersburg: Piter publ., 2002, 414 p. (in Russ.).

Panarin A.S. Pravoslavnaya tsivilizatsiya v globalnom mire. Moscow: Algoritm publ., 2002, 496 p. (in Russ.).

Triandis H., Gelfand M. Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998, No. 74 (1), pp. 118–128.

Zaritskaya Zh.V. Spetsifika russkogo kolektivizma cherez prizmu rezultatov empiricheskikh issledovaniy. *Sibirskiy filosof. zhurnal*. Novosibirsk: House of the Novosibirsk State Univ. Press, 2014, No. 2, pp. 87–95 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Зарицкая Ж.В. – старший преподаватель Гуманитарного института Новосибирского государственного университета,

e-mail: zhannazaritskaya@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0003-2019-8395>.

Информационное пространство как детерминанта формирования этнокультурной идентичности индивида

Работа посвящена исследованию роли информационного пространства в формировании этнокультурной идентичности индивида. Дан анализ основных подходов по представленной проблеме. Показаны возрастные особенности влияния информационного пространства, а также проведена дифференциация семантических структур информационной среды по роли и влиянию на формирование у индивида отношения к этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: *информационное пространство, информационная среда, детерминанты, семантические структуры, этнокультурная идентичность, индивид.*

Для цитирования: Абрамова М.А. Информационное пространство как детерминанта формирования этнокультурной идентичности индивида. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 86–89. DOI 10.17746/0295-7.2019.086-089.

M.A. Abramova
*Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Information Space as a Determinant of the Formation of Ethnocultural Identity of the Individual

The work is devoted to the study of the role of information space in the formation of ethnocultural identity of the individual. The analysis of the main approaches to the presented problem is given. The age peculiarities of the information space influence are shown, as well as the differentiation of semantic structures of the information environment by the role and influence on the formation of the individual's attitude to ethnocultural identity.

Keywords: *information space, information environment, determinants, semantic structures, ethnocultural identity, individual.*

For citation: Abramova M.A. Information space as a determinant of the formation of ethnocultural identity of the individual. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 86–89 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.086-089.

Формирование этнокультурной идентичности в процессе социализации и инкультурации обычно рассматривают как один из этапов функционирования механизма социального наследования, охватывающего и стихийное воздействие среды, и организованное – воспитание, образование (А. Бандура, У. Бронфенбреннер, М. Мид, И.С. Кон). Факторно-институциональный подход формирования этно-

культурной идентичности предполагает ее анализ через призму детерминант, институтов и агентов социализации и инкультурации (Р. Линтон, Р. Мертон, Т. Парсонс, Б.Д. Парыгин, А.В. Петровский). Интеракционистский подход информационную среду рассматривает в качестве одной из детерминант, определяющей межличностное взаимодействие, общение, без которого невозможны становление личности и восприятие ею картины мира (Дж. Мид, Ч.Х. Кули, Р. Хофштеттер, Т. Шибутани).

Основными механизмами формирования этнокультурной идентичности индивида являются: традиционный (через семью и микросоциальное окружение), институциональный (через образование и другие институты общества), стилизованный (через субкультуры), межличностный (через значимых лиц), рефлексивный (индивидуальное переживание и осознание) [Тесленко, 2009].

Детерминация этнокультурной идентичности индивида происходит через усвоение в процессе социализации системы общественных ценностей, но в динамической конкуренции с ее организатором – архетипической системой ценностей, представленной в культуре общества [Языков, 2006]. Таким образом, личность, попадая с рождения в определенное информационное пространство, находится постоянно под воздействием различных систем ценностей конкретных социальных групп, всего общества в целом, что обуславливает формирование ситуации выбора наиболее рациональной модели поведения в конкретной ситуации. Человек, сопоставляя, расширяя свои представления об окружающем мире и совершенствуя процесс отображения реальности, формирует свою концепцию «Я», составным элементом которой выступает также этнокультурная идентичность [Абрамова и др., 2011].

В современных условиях информационное пространство создается с участием многих заинтересованных лиц, сообществ, регулирование данного процесса — это весьма сложная задача. В рамках нашей публикации акцент ставится на рассмотрении влияния информационной среды, в частности СМИ, как мезофактора формирования этнокультурной идентичности молодежи.

Особый интерес представляют взгляды Б. Андерсона на роль печатных СМИ в формировании наций как воображенных политических сообществ, а также тезис П. Бурдьё о том, что любое использование языка представляет собой властные отношения. Понимание языка как системы, которая не зависит от реальности, восходит к Ф. де Соссюру. Теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф основывается на постструктуралистской идее о том, что дискурс формирует социальный мир с помощью значений. В рамках данного подхода мы можем сделать вывод, что на формирование этнокультурной идентичности индивида влияет не только язык информационного пространства, но и закрепляемые в сознании и подсознании модели поведения, стереотипы восприятия, которые оно транслирует. Так, одним из механизмов, используемых рекламой, является разрушение стереотипов, устойчиво закрепленных моделей поведения, общественных норм, в т.ч. морали.

Важно отметить, что каждому возрастному периоду свойственны свои агенты, формирующие информационное пространства индивида. Например, в возрасте от пяти до пятнадцати лет на ребенка, кроме семьи, все большее влияние оказывают сверстники, школа, телевидение, компьютер, ранее незнакомые люди (учителя, воспитатели, врачи, руководители кружков и т.д.). В этот возрастной период дети знакомятся со знаками и символами, а позже с понятиями, принимая мир и идентифицируя себя в нем.

В старшем возрасте информация, предоставляемая СМИ, позволяет усложнять, подкреплять и выстраивать новые смысловые цепочки в формируемой личностью картине мира, которые обуславливаются ее этническим мировоззрением, национальным менталитетом, а ядром картины является «национальная языковая картина мира» [Корнилов, 2003].

Анализ семантического пространства, проведенный Е.В. Улыбиной, позволил выделить два типа семантических структур, представляющих информационное пространство. В соответствии с одним формируются простые, гармоничные образы, а в соответствии с другим – противоречивые, сложные [Улыбина, 2001, с. 138].

Простые чаще всего связаны с ценностями группы (общества в целом), ценностями стабилизации, сохранения имеющегося положения, а сложные – с ценностями личностного развития, разрушения, преодоления сложившегося положения вещей [Улыбина, 1993].

Простой, гармоничный образ мира обеспечивает сохранение ценностей стабильности, принадлежности к группе, работает на внутригрупповую интеграцию – «свои, хорошие – чужие, плохие» и укрепляет позитивность этнокультурной идентичности. Противоречивый, амбивалентный образ мира в большей степени соответствует индивидуальным ценностям, занимающим окраинное, маргинальное положение по отношению к роду, этносу и может формировать противоречивое отношение индивида к своей этнической идентичности.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях».

Список литературы

Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций (на материалах исследований в Республике Саха (Якутия)). – Новосибирск: Нонпарель, 2011. – 311 с.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

Тесленко А.Н. Культурная социализация молодежи в условиях транзитивного общества (на примере Республики Казахстан): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Саратов, 2009. – 36 с.

Улыбина Е.В. Образы правильного и неправильного мира в обыденном сознании // Социально-психологические проблемы ментальности: мат-лы 3 междунар. науч. конф. – Смоленск, 1993. – С. 56–61.

Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.

Языков К.Г. Психосемантические пространства ценностей личности при нарушении психического здоровья // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Психология. – 2006. – Вып. 2 (53). – С. 115–118.

References

Abramova M.A., Goncharova G.S., Kostyuk V.G. Sociokul'turnaya adaptatsiya molodezhi Severa k usloviyam sovremennykh transformacij (na materialah issledovanij v Respublike Saha (Yakutiya)). Novosibirsk: Nonparel', 2011, 311 p. (in Russ.).

Kornilov O.A. Iazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsionalnykh mentalitetov. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: CheRo, 2003, 349 p. (in Russ.).

Teslenko A.N. Kul'turnaya socializatsiya molodezhi v usloviyah tranzitivnogo obshchestva (na primere Respubliki Kazahstan): D. Sc. (Sociology) dissertation abstract. Saratov, 2009, 36 p. (in Russ.).

Ulybina E.V. Obrazy pravil'nogo i nepravil'nogo mira v obydennom soznanii. In *Social'no-psihologicheskie problemy mental'nosti: mat-ly 3 mezhdunar. nauch. konf. Smolensk, 1993*, pp. 56–61 (in Russ.).

Ulybina E.V. Psihologiya obydennogo soznaniya. Moscow: Smysl, 2001, 263 p. (in Russ.).

Yazykov K.G. Psikhosemanticheskie prostranstva tsennosti lichnosti pri narushenii psikhicheskogo zdorov'ya. In *Vestn. Tom. gos. ped. un-ta. Ser.: Psikhologiya, 2006*, iss. 2 (53), pp. 115–118 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Абрамова М.А. – доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН,

e-mail: marika24@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>.

Классификация субъектов информационного взаимодействия в системе воспроизводства этнической идентичности

Классификация субъектов информационного взаимодействия рассматривается в качестве сущностной характеристики системы воспроизводства этнической идентичности. В основе классификации – критерий погруженности субъекта в этническую культуру. Классификация служит инструментом, с помощью которого выявляется степень зависимости направления воспроизводства этнической идентичности от особенностей субъекта.

Ключевые слова: *этническая идентичность, информационное взаимодействие, система воспроизводства этнической идентичности, субъект, абстрагирование, рефлексия, инструментальные и терминальные ценности.*

Для цитирования: Долженкова О.В. Классификация субъектов информационного взаимодействия в системе воспроизводства этнической идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 90–92. DOI 10.17746/0295-7.2019.090-092.

O.V. Dolzhenkova
*Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Classification of the Actors of Communication in the System of the Ethnic Identity Reproduction

The classification of the actors of communication is considered here as the essential trait of the system of the ethnic identity reproduction. The criterion that is the basis of classification is actor's involvement into the ethnic culture. The classification may be used as the tool that can help to show how the direction of reproducing is depended on actor's feature.

Keywords: *ethnic identity, communication, system of the ethnic identity reproduction, actor, abstraction, reflection, instrumental and terminal values.*

For citation: Dolzhenkova O.V. Classification of the actors of communication in the system of the ethnic identity reproduction. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 90–92 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.090-092.

В качестве компонентов системы воспроизводства этнической идентичности рассматриваются субъект и этническая культура, которые связаны информационным взаимодействием. Классификация субъектов основана на критерии, отражающем сущностные характеристики системы воспроизводства – степени погруженности субъекта в этническую культуру.

На основании этого критерия было выделено четыре типа субъектов. Первый тип – субъект, бытовая и производственная деятельность которого обладают этнической спецификой, а этническая культура является основой жизнеобеспечения. Он характерен для традиционного общества.

Второй тип субъекта так же является носителем этнической культуры, но она перестает быть основой его жизнеобеспечения. Этот тип появляется с переходом к современному обществу. Он частично погружен в этническую культуру и частично абстрагирован от нее.

Частичное абстрагирование – основа символизации этнической культуры. Вещи являются знаком связанных с ними человеческих отношений. Различие между знаком и символом заключается в степени значимости обозначаемого [Лосев, 1976, с. 134, 193]. Отстраненность от этнической культуры создает условия для роста ее значимости. Поэтому здесь этническая идентичность воспроизводится в символической форме.

Третий и четвертый типы абстрагированы от этнической культуры. Различие между ними в том, что для одного этническая культура – это терминальная ценность, а для другого инструментальная. Терминальной она является для научного сообщества, инструментальной – для СМИ.

Отношение к этнической культуре как к терминальной ценности влияет на ее воспроизводство. В результате абстрагирования этническая культура становится предметом рефлексии, осуществляемой по нормам научного этоса. Этот путь предполагает сохранение старых и появление новых, раскрывающих сущность этнической культуры, кодов.

В результате инструментального подхода к этнической культуре абстрагирование направлено на ее использование для достижения терминальных ценностей, одной из которых для СМИ является прибыль [Бурдые, 2002, с. 28]. Этническая культура преобразуется здесь в товарную форму. СМИ не преодолевают абстрагирование, а углубляют его. Это приводит к деформации свойственных этнической культуре знаковых систем. Она выражается в сужении интенционала знаков, появлении новых значений и построении вторичных знаковых систем.

В современном обществе можно говорить о трех основных направлениях воспроизводства этнической идентичности. Их существование обусловлено спецификой субъектов. Поскольку в условиях стандартизации возрастает отстраненность субъекта-носителя от этнической культуры, воспроизводимая им информация все более зависит от содержания, передаваемого СМИ и научным сообществом. Воспроизводство в СМИ ведет к симуляции этнической идентичности [Бодрийяр, 2015, с. 12], поэтому научное сообщество становится основным субъектом, обеспечивающим сохранение аутентичных значений для ее воспроизводства.

Список литературы

- Бодрийяр Ж.** Симулякры и симуляции. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
- Бурдые П.** О телевидении и журналистике. – М.: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры». Ин-т эксперим. социологии, 2002. – 157 с.
- Лосев А.Ф.** Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976. – 367 с.

References

Baudrillard J. Simulyakry i simulyatsii. Moscow: Postum, 2015, 240 p. (in Russ.).

Bourdieu P. O televidenii i zhurnalistike. Moscow: Fond nauch. issled. "Pragmatika kul'tury", In-t eksperim. sotsiologii, 2002, 157 p. (in Russ.).

Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. Moscow: Iskusstvo, 1976, 367 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Долженкова О.В. – аспирант Института философии и права СО РАН,

e-mail: corpusdva@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3468-1118>.

Реализация Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года и вызовы современности

В работе анализируется опыт реализации «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.». На основе сравнительного анализа двух нормативных актов: Концепции 1996 г. и Стратегии 2012 г. проведен ретроспективный обзор, рассмотрены тенденции нациестроительства на современном этапе. Изучение законодательных, политических и организационных мер по регулированию проблем этнонациональных отношений в Санкт-Петербурге является попыткой комплексного исследования эффективности и результативности национальной политики.

Ключевые слова: национальная идентичность, национальная политика, Стратегия государственной национальной политики, нация, нациестроительство, этнос, этнонациональные отношения, согражданство, этничность, стратегическое планирование.

Для цитирования: Малахиева О.М. Реализация Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года и вызовы современности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 93–95. DOI 10.17746/0295-7.2019.093-095.

O.M. Malakhieva
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Implementation of the State National Strategy Policy until 2025 and Challenges of Modern World

In this research is analyzed the realization experience of “The Strategy of the national state policy of the Russian Federation for the period until 2025”. At the current stage the retrospective review of nation-building will be done based on comparative analyses and legislation: “The Concept 1996” and “Strategy 2012”. The study of legislative, political and organizational measures to manage the problems of ethno-national relations in St. Petersburg is an attempt an integrated study of the effectiveness of national policies.

Keywords: national identity, national policy, strategy of state national policy, nation, nation-building, ethnos, ethno-national relations, co-citizenship, ethnicity, strategic planning.

For citation: Malakhieva O.M. Implementation of the state national strategy policy until 2025 and challenges of modern world. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 93–95 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.093-095.

Какую роль в реализации национальной политики играет Стратегия государственной национальной политики? Отвечают ли приоритетные направления Стратегии тем вызовам, которые присутствуют в области нациестроительства на сегодняшний день? Способна ли она на уровне реальных механизмов воздействия решать имеющиеся в стране проблемы?

За период существования новой России сложились новая система федеративного устройства, социальная структура общества, новые образовательные и культурные институты. При этом процесс национального строительства в сфере общественной ментальности и восприятия россиянами себя как единого народа нельзя назвать успешным. В 1996 г. была принята «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации» [Указ..., 1996]. В 2012 г. ей на смену пришла «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [Указ..., 2012], документ, в основе которого лежит идея обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов. В Стратегии проявляется принципиальное изменение подхода в определении ориентиров государственной национальной политики: от понимания нации как этнокультурного феномена — к рассмотрению нации как исключительно нации-согражданства. В то же время наблюдается отождествление гражданского с этническим. Введенное в правовом акте понятие «российская нация» противоречит содержанию используемого во всех других случаях понятия «национальный», где оно употребляется не в гражданском, а в этническом смысле. В Стратегии отсутствуют четкое осмысление и должная проработка механизма обеспечения взаимосвязи, с одной стороны, общероссийского гражданского самосознания и основанного на нем национального единства, с другой — этнокультурного многообразия. Э.А. Паин и С.Ю. Федюнин пишут: «В российском обществе и его правящем слое отсутствуют непротиворечивые представления об основаниях национальной идентичности» [Паин, Федюнин, 2017, с. 148]. Нами проведен обзор мероприятий по реализации Стратегии. Из позитивных тенденций отметим следующие: разработка и внедрение научно-методических и образовательно-просветительских мероприятий, увеличение количества их участников, стремление к привлечению для участия в них молодежи. Однако в проведенных мероприятиях выявлен их однотипный характер, отсутствует модерация поведенческой реакции в разрезе «до» и «после». Такая группа показателей эффективности, как «показатели влияния», должна быть в поле зрения акторов реализации национальной политики. Задачи, которые касаются гражданской составляющей мер реализации национальной политики, получают недостаточную практическую реализацию. Эта тенденция фактически наблюдается на примере профильных комитетов и некоммерческих организаций. Их деятельность сосредоточена на проведении тех мероприятий, которые актуализируют этнокультурную повестку.

В Стратегии и плане мероприятий нет ограничений на реализацию программ в онлайн-сфере, поэтому необходима разработка SMM-стратегии, реализация единой комплексной маркетинговой кампании. Как отмечает В.А. Тишков: «Национальная идентичность утверждается, прежде всего, через обеспечение гражданского равноправия, систему воспитания и образования, государственный язык, символы и календарь, культурное и массмедийное производство» [Тишков, 2008, с. 87]. Необходимо масштабирование уже реализуемых мер и актуализация «гражданского ракурса» нации, назначение ответственных лиц, разработка современной маркетинговой кампании, соучастие гражданских лидеров, достраивание механизмов вертикального и горизонтального сотрудничества, привлечение специалистов из области этнопсихологии, лингвистики, юриспруденции. Особое внимание стоит уделить активизации деятельности неинституциональных акторов и нематериальным активам регионального развития.

Обзор проводимой национальной политики позволяет сделать вывод о понимании на государственном уровне того, что без регулирования этой сферы невозможно благополучное развитие государства, но меры по ее совершенствованию можно охарактеризовать отсутствием системного подхода и целостного комплекса взаимосвязанных мер. Ясно одно: без анализа идентичности и разработки национальной политики на его основе невозможно предотвратить ни один из вызовов современности.

Список литературы

Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. – М.: Мысль, 2017. – С. 145–148.

Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. – С. 87–88.

Указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации». – URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/> (дата обращения: 01.10.2018 г.).

Указ Президента РФ от 19.12.2012 N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350 (дата обращения: 06.10.2018 г.).

Языков К.Г. Психосемантические пространства ценностей личности при нарушении психического здоровья // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Психология. – 2006. – Вып. 2 (53). – С. 115–118.

References

Pain E.A., Fedyunin S.Yu. Natsiya i demokratiya: perspektivy upravleniya kul'turnym raznoobraziem. Moscow: Mysl', 2017, pp. 145–148 (in Russ.).

Tishkov V.A. Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie – osnova stabil'nosti i razvitiya rossiiskogo obshchestva: Stat'i i interv'yuu. Moscow: Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, "Academia", 2008, pp. 87–88 (in Russ.).

Ukaz Prezidenta RF ot 15.06.1996 № 909 “Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii”. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/> (accessed: 01.10.2018) (in Russ.).

Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 “O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350 (accessed: 06.10.2018) (in Russ.).

Yazykov K.G. Psikhosemanticheskie prostranstva tsennostei lichnosti pri narushenii psikhicheskogo zdorov'ya. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo uniwersiteta*. Ser.: Psikhologiya, 2006, iss. 2 (53), pp. 115–118.

Сведения об авторе:

Малахиева О.М. – магистр кафедры этнополитологии Санкт-Петербургского государственного университета,

e-mail: oliviahere87@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3609-6967>.

Альтернативы идентичности как выбор между направлениями интеграции

В работе анализируется динамика коллективной идентичности современных россиян (национальной идентичности), выявляется взаимосвязь изменений базисных этических и ценностных представлений современного российского общества с особенностями социально-экономических, политических преобразований последних десятилетий, а также роль стратегий национальной самоидентификации в интеграционной политике (от цивилизационного выбора до выбора направления международной интеграции национального сообщества).

Ключевые слова: *национальная идентичность, трансформация, ценностный сдвиг, идеология, стратегии, направления, международная интеграция, коммеморационные практики.*

Для цитирования: Самсонов В.В. Альтернативы идентичности как выбор между направлениями интеграции. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 96–99. DOI 10.17746/0295-7.2019.096-099.

V.V. Samsonov
*Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Alternative Identity as a Choice between Directions of Integration

The paper analyzes the dynamics of the collective identity (national identity) of modern Russians, reveals the relationship of changes in the basic ethical and value concepts of modern Russian society with the peculiarities of socio-economic and political transformations of recent decades, as well as the role of national identity strategies in the integration policy (from civilizational choice to the choice of the direction of international integration of the national community).

Keywords: *national identity, transformation, value shift, ideology, strategies, trends, international integration, commemorative practices.*

For citation: Samsonov V.V. Alternative identity as a choice between directions of integration. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 96–99 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.096-099.

Кризис идентичности рассматривается как одна из ключевых социальных проблем современного мира. В странах бывшего социалистического лагеря новые политические условия, возникшие после распада СССР и соцлагеря, предопределили трансформацию в сфере национальной идентичности, выражающейся в лояльности к государству и основывающейся на отождествлении индивидуума со своей нацией.

При этом, как показал 20-летний опыт постсоветской трансформации, процессы выработки национальной идентичности включены в акт самоопределения новых национальных сообществ: от цивилизационного выбора до выбора стратегии (направления) интеграции.

Повсеместной характеристикой идеологических условий раннего этапа трансформации было максимальное дистанцирование от системы «коммунизма/социализма», а наиболее эффективной стратегией отказа от социалистического прошлого выступила его экстернализация – стратегия объяснения предыдущего режима как чуждого, навязанного извне. Ранее данная стратегия активно использовалась европейскими странами, когда ответственность за разрушительную войну, с ее преступлениями и жертвами, была возложена на нацистскую Германию, в то время как другие страны «предпочли забыть» о своих собственных режимах, сочувствующих идеям нацизма, о своей добровольной или принудительной причастности к нацистским преступлениям [Judt, 2005]. А социалистическое прошлое в восточноевропейских странах рассматривается как навязанное внешней иностранной силой (СССР). Одна из ярких версий этого дискурса представлена метафорой, характеризующей социалистическую Европу как «похищенный Запад» [Kundera, 1984].

Идеологическая ситуация в России начала 1990-х гг. характеризуется схожими тенденциями. Предметом общественных дебатов и осуждения становятся коллективизация, сталинский террор, принудительное переселение целых народов. В официальном дискурсе преобладает тема «возвращения в цивилизованный мир», т.е. стратегия интеграции с западным сообществом. Однако социальные и экономические проблемы, обострившиеся в период трансформационного спада, затруднили процессы десоветизации и внедрения либерально-демократических ценностей в массовое сознание россиян, связывающих антикоммунизм ельцинского периода с поражением в холодной войне и упадком роли и авторитета России на международной арене. Разочарование в реформах 1990-х гг. привело к обесцениванию идеалов демократии, породило в обществе заметную тягу к «сильной руке» (порядку) и справедливости. К концу 1990-х гг. назрела ясно выраженная потребность в изменении идентификационных стратегий – в целях консолидации общества, разорванного между националистическим экстремизмом, прозападным пораженчеством и постсоветской ностальгией.

В первую очередь изменения затронули официальные трактовки советского периода. Вектор оценки советского прошлого в начале 2000-х гг. существенно изменяет свое направление, встраиваясь в логику возрождения «патриотической» компоненты. Оправдание советского прошлого как «части нашей истории» соответствует восстановленной идеологии преемственности как основы российской идентичности. Немаловажно, что данное отношение к советскому прошлому было встроено в идеологическую парадигму «суверенной демократии», которая отрицает универсальность западной нормативной модели и узаконивает «собственный путь России», постулируя переход к новой стратегии международной интеграции. В ней постсоветская Россия является региональным центром, к которому стремятся культурно и исторически близкие страны СНГ. Идеологема «собственного пути России» основывается на символическом репозиционировании предшествующих этапов развития российского общества; при этом, учитывая его полиэтнический характер, определяющим становится советский этап («социалистический интер-

Таблица 1. Оценка значимости праздника 9 мая россиянами, %

Ответ	2003	2004	2005	2006	2007	2010	2011	2012
9 мая – значимый день	83	88	91	92	94	92	93	94
9 мая не является значимым днем	13	9	7	6	5	5	5	5
Затрудняюсь ответить	4	2	2	2	1	3	2	1

Источник: проект «Доминанты» [Опрос..., 2012].

Таблица 2. Намерения респондентов принять участие в праздновании Дня Победы, %

Ответ	2012	2015	2017
Приму участие	60	75	79
Не приму участие	30	17	18
Затрудняюсь ответить	10	8	3

Составлено по: [Опрос..., 2017].

национальный солидаризм») с комбинацией символических элементов предмодерного характера.

В центре формирующегося дискурса находится нарратив Победы в Великой Отечественной войне. Как отмечает российский социолог Б. Дубин, на фоне падения символической значимости Октябрьской революции, вытеснения из коллективного сознания болезненных напоминаний о коллективизации и репрессиях сталинской эпохи общее значение победы в войне только росло. Формируются отрицательные значения событий, предшествовавших войне, а негативные оценки оказались перенесены в более близкие периоды, сконцентрировавшись в «эпохе перестройки», девяностых годах [Дубин, 2004, с. 72]. Следует отметить, что с течением времени эта конструкция, вместо того чтобы стать устаревшей, только приобретает значимость в сознании россиян (табл. 1, 2).

Этот феномен обусловлен встречным движением: с одной стороны, ностальгией масс по советскому прошлому, с другой стороны – коммеморационными (памятными) практиками элит, для которых апелляция к историческому прошлому служит важным легитимационным фактором. Немаловажное значение имеет и внешнеполитическая функция обращения к истории. Во-первых, напоминание о роли СССР во Второй мировой войне подчеркивает статус России как великой державы и повышает уровень морального капитала правопреемницы «победителя фашизма». Во-вторых, коммеморационные практики, обращенные в советское прошлое, подкрепляют стремления России к новым, более сильным позициям на международной арене – особенно на постсоветском пространстве, где воспоминания о Великой Победе по-прежнему значимы как для элит, так и для рядового населения.

Список литературы

Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. – 2004. – № 5 (20). – С. 68–84.

- Опрос** «ФОМнибус», 22 апреля 2012. — URL: <http://fom.ru/Proshloe/10430>.
- Опрос** «ФОМнибус», 2 мая 2017. — URL: <https://fom.ru/Proshloe/13313>.
- Judt T.** *Postwar. A History of Europe Since 1945*. — London: The Penguin Press, 2005. — 933 p.
- Kundera M.** *A Kidnapped West, or Culture Bows Out* // *Granta*. — 1984. — No. 11. — P. 95–118.

References

- Dubin B.** “Krovavaya” voina i “velikaya” pobeda. In *Notes of the Fatherland*, 2004, No. 5 (20), pp. 68–84 (in Russ.).
- Judt T.** *Postwar. A History of Europe Since 1945*. London: The Penguin Press, 2005, 933 p.
- Kundera M.** *A Kidnapped West, or Culture Bows Out*. In *Granta*, 1984, No. 11, pp. 95–118.
- Опрос** “FOMnibus”, 22 aprelya 2012. URL: <http://fom.ru/Proshloe/10430>. (in Russ.).
- Опрос** “FOMnibus”, 2 maya 2017. URL: <https://fom.ru/Proshloe/13313>. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Самсонов В.В. — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН,
e-mail: highbook@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0231-2759>.

Концепт «малой родины» в формировании социально-культурных символов идентичности

В работе дается описание концепта малой родины, раскрывается его структура. Перечислены основные функции, которые определяют проявление гражданской идентичности личности, приверженности к месту рождения, социализации, человеческой памяти. Раскрывается роль концепта малой родины как важного направления изучения социально-гуманитарных проблем.

Ключевые слова: *малая родина, Родина, идентичность, функции, ценности, социализация, личность, место жительства, концепт, характер.*

Для цитирования: Бороноев А.О. Концепт «малой родины» в формировании социально-культурных символов идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 100–102. DOI 10.17746/0295-7.2019.100-102.

А.О. Boronoev
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

The Concept of “Small Motherland” in the Formation of Socio-Cultural Symbols of Identity

The author defines the concept of a small homeland, reveals its structure, describes the main functions that determine the manifestation of the civil identity of the individual, commitment to the place of birth, socialization, human memory. The author argues that the concept of a small homeland is an important area of study of social and humanitarian problems.

Keywords: *small homeland, Motherland, identity, functions, values, socialization, personality, place of residence, concept, character.*

For citation: Boronoev A.O. The concept of “small Motherland” in the formation of socio-cultural symbols of identity. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 100–102 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.100-102.

Жизнь человека имеет различные временные этапы, они формируют его образ, характер, ценностные ориентации, в целом понимание и возможности активности и выбора его жизненной стратегии. Формирование ценностно-рациональных (М. Вебер) и эмоциональных элементов сознания человека на разных этапах жизни проходит своеобразно и имеет свои характеристики. Этот процесс связан особенно с такими этапами жизни, как детство, отрочество.

В системе ценностно-эмоциональных структур сознания человека отражаются социальные среды: дом и его ценности, соседство, люди семьи, места памяти, радости досуга, формы хозяйственной деятельности, ландшафт и т.д. В процессе форми-

рования в сознании человека ценностно-эмоциональных отношений к окружающей среде, его людям, общему «духу» жизни на разных этапах жизни воспроизводится память о месте рождения, дополненная конструкциями, связанными с поисками хорошего, доброго, с желанием выразить благодарность доброжелательной среде с добрым духом и традициями.

На этой основе возникает понятие (концепт) «малой родины» как конструкт, определивший биологическое и духовное развитие человека. На втором этапе возрастной жизни человека понятие малой родины с определенной долей мифологизации становится чрезвычайно важной ценностно-эмоциональной ориентацией человека, определяющей память о его ранних годах жизни, о родителях, близких ему людях, о тех отношениях, которые существовали, о природе, о формах хозяйственной деятельности. Концепт малой родины чаще всего включает в себя радость, чувство удовлетворенности и счастья, «самую жгучую, самую смертную связь» человека [Рубцов, 1982, с. 34].

Малая родина пространственно может быть различной – улицей, двором, деревней, городом, областью, республикой (в определенном государстве). Она в своем содержании имеет некое противопоставление большому, внешнему, в то же время определяет вхождение человека в большой мир. В этом плане она становится основой гражданской и этнической идентичности человека.

Для выдающегося русского мыслителя С.Н. Булгакова родиной (малой родиной) является город Ливны. Он писал: «Моя родина, носящая священное для меня имя Ливны, небольшой город Орловской губернии, – кажется, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его – в нагорье реки Сосны, – не блещет никакими красотами, скорее даже некрасотами... Однако она не лишена того, чего не лишена почти всякая земля в нашей средней России: красоты лета и зимы, весны и осени, закатов и восходов, реки и деревьев. Но все это так тихо, просто, скромно, незаметно и – в неподвижности своей – прекрасно. То, что я любил и чтил больше всего в жизни своей – некричащую, благородную скромность и правду, высшую красоту и благородство целомудрия, – все это мне было дано в восприятии родины» [Булгаков, 1989, с. 204]. Булгаков среди радостей малой родины называет также свою семью, родителей, их быт, горести и радости и делает вывод: «Родина – святыня для каждого, и, как таковая, она всегда дорога и прекрасна» [Там же, с. 211]. Она освящена могилами близких, что возвращает нас туда постоянно.

Функции концепта малой родины весьма значимы. Во-первых, она влияет на проявление гражданской идентичности. Во-вторых, концепт малой родины включает в себя знание быта, элементы народной культуры, традиций, природные особенности месторождения и т.д., что в целом называется повседневной жизнью, которая интересует многие науки: социологию, социальную антропологию, этнологию, психологию.

В-третьих, понятие малой родины связано с вопросами социализации индивида, конструированием жизненных ценностей в период детства и отрочества, мифологизацией места рождения. Этому процессу способствует и художественная литература. Например, Расул Гамзатов создал прекрасный образ аула Цада и Дагестана в книге «Мой Дагестан», где представлены традиции, обычаи, история конкретных людей, проявления доброты, любви и в целом души его места рождения. Автор, говоря о малой родине, затрагивает темы родителей, дома, человеческих качеств, характера народа в различных обстоятельствах, места памяти, песни [Гамзатов, 1969].

В-четвертых, понятие малой родины определяет приверженность и некую ностальгию к прошедшему, но очень близкому. Человек без памяти о малой родине не имеет достаточной скрепы в ценностных ориентациях и, следовательно, в поведении. К сожалению, как утверждают некоторые исследователи, сегодня смыслы малой родины активно теряются у людей урбанистской культуры (Т. Владимирова). Тем не менее есть примеры, когда городская среда может приобретать черты малой родины (Окуджава «Арбат, мой Арбат, ты мое Отечество») или их конструирование (проект «Малые Родины большого Петербурга» на канале «Санкт-Петербург»).

Актуализация концепта малой родины важное направление для решения социально-гуманитарных проблем общества. Поэтому понятен интерес к этой теме в современной научной литературе и публицистике. Например, писатель А. Неверов считает, что возврат к «федеральной раздробленности», к местным интересам является значимым фактором ликвидации «пустующих территорий», «восстановления связей россиян со своим местом жительства, приобретения привычки культивировать его, вместо того чтобы искать счастья в других местах». Это, по его мнению, является утверждением многоэтажного патриотизма, идентичности разных уровней [2011].

Концепт малой родины актуален для понимания и других проблем. Одной из них является проблема семьи, поскольку малая родина связана прежде всего с понятием места рождения, т.е. с семьей.

Таким образом, становится видно, что концепт малой родины есть один из главных принципов понимания человеческих ценностей в современном обществе и движения идентичностей различных уровней.

Список литературы

- Булгаков С.Н.** Моя родина // Новый мир. — 1989. — № 10.
Гамзатов Р.Г. Собр. соч.: в 3-х т. — М.: Худ. лит., 1969. — Т. 3. — 320 с.
Неверов А. Демографические проблемы — город и деревня // Литературная газета. — 23–29.11.2011.
Рубцов Н. Избранное / Сост. С. Викулова, В. Оботурова. — М.: Худ. лит., 1982. — 319 с.

References

- Bulgakov S.N.** Moya Rodina. In *New world*, 1989, No. 10 (in Russ.).
Gamzatov R.G. Izbrannoe / Sost. S. Vikulova, V. Oboturova. Moscow: Khud. lit., 1982, 319 p. (in Russ.).
Neverov A. Demograficheskie problemy — gorod i derevnya. In *Literary newspaper*, 23–29.11.2011 (in Russ.).
Rubtsov N. Sobr. soch.: v 3-h t. Moscow: Khud. lit., 1969, vol. 3, 320 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Бороноев А.О. — доктор философских наук, профессор, почетный профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета,
e-mail: a.boronoev@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4278-8786>.

Этнонимия региона как зеркало этнической идентичности

В статье рассматривается этнонимия региона в качестве зеркала этнической идентичности. На примере функционирования названий народов в художественных текстах региональных авторов анализируются отдельные компоненты идентичности и делается вывод о том, что данный вид языковых единиц помогает авторам произведений отразить оппозицию «свой – чужой», существующую в языковой картине мира любого этноса, а также выразить идею толерантного существования представителей разных культур на определенной многонациональной территории.

Ключевые слова: этнонимия, этническая идентичность, названия народов, языковая картина мира, этническая общность, категория этничности, этнос, этноним, Пермский край, этнонимикон.

Для цитирования: Сироткина Т.А. Этнонимия региона как зеркало этнической идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 103–106. DOI 10.17746/0295-7.2019.103-106.

T.A. Sirotkina
Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia

Ethnonymy of the Region as a Mirror of Ethnic Identity

The article considers the ethnonymy of the region as a mirror of ethnic identity. On the example of the functioning of the names of peoples in the artistic texts of regional authors, the individual components of identity are analyzed and the conclusion is made that this type of language units helps the authors of works to reflect the opposition “one’s friend” in the language picture of the world of any ethnic group, as well as to express the idea of tolerant existence representatives of different cultures in a certain multinational territory.

Keywords: ethnonymy, ethnic identity, names of peoples, linguistic picture of the world, ethnic community, category of ethnicity, ethnos, ethnonym, Perm region, ethnonym.

For citation: Sirotkina T.A. Ethnonymy of the region as a mirror of ethnic identity. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 103–106 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.103-106.

Понятие «этническая идентичность» является одним из базовых для современной этнографии и понимается как «человеческая потребность отождествлять себя со всей этнической общностью или ее внутренними подразделениями – этнографическими группами первого порядка, возникшими в результате территориальной аннексии, и второго, сформировавшимися главным образом из мигрантов» [Чагин, 2002, с. 214].

Актуальным представляется и взгляд на этническую идентичность через призму языка. Одной из существенных для языкового сознания категорий, на наш взгляд, является категория этничности. Под категорией этничности мы понимаем универсальную познавательную категорию, посредством которой человек определяет принадлежность себя и других к тому или иному этносу. Для этого он использует стандартный набор классификаторов, к которым относятся: язык, особенности внешности, характера и поведения, определенные черты материальной и духовной культуры представителей этноса. Языковой составляющей данной категории являются названия народов (этнонимы), составляющие этнонимиию данного языка.

Особенно актуальным представляется рассмотрение функционирования этнонимов в рамках отдельного региона. Это, по нашему мнению, помогает, с одной стороны, расширить лингвистические знания о региональном этнонимиконе, с другой – выстроить некую структуру категории этничности: выявить, какие единицы ее образуют, как они меняются с течением времени, а также то, каким образом они представлены в различных типах дискурса.

Материалом настоящей статьи послужил один из региональных этнонимиконов – этнонимикон Пермского края, многонационального региона, в котором процессы этнической идентификации и самоидентификации протекают с достаточной степенью наглядности. Проблемы этнической идентичности рассмотрены через призму функционирования этнонимов в художественных текстах уральских писателей. Рассмотрим, какие компоненты этнической идентичности отражены в произведениях А. Иванова, Н. Никонова, Ф. Решетникова, Е. Туровой, Е. Федорова.

1. Внешний вид представителя того или иного этноса. Именно внешние отличия прежде всего бросаются в глаза и становятся объектом описания в художественном тексте: «Заходили они в кибитки, где у чувалов над котлами хлопотали черноглазые *башкирки*: волосы у них иссиня-черные, заплетены в тонкие косы» [Федоров, 1946, с. 98].

2. Общность материальной культуры, представленная в многообразии ее традиционных составляющих. Многие предметы быта, описываемые в текстах исторических романов, имеют этническую маркировку, отражающую их принадлежность к культуре того или иного этноса: «Взор ее упал на кривой *башкирский нож*, который валялся у порога; она подобрала его и спрятала» [Там же, с. 89].

3. Общность языка. Как известно, именно языковая принадлежность служит основанием для лексикографической дефиниции этнонимов, именно язык и общность исторического прошлого являются одними из основных составляющих этнической идентичности: «Подлиповцы *говорят по-пермякски*, плохо понимая наши слова, или хотя и выговаривают их, но в исковерканном виде. Выговор их походит на выговор крестьян Вятской и Вологодской губерний» [Решетников, 1977, с. 96].

4. Особенности вероисповедания. Являясь неотъемлемой частью духовной культуры этноса, религия позволяет отличить «своих» и «чужих», оценить поступки представителя определенного этноса через призму духовной идентичности: «*А пермские боги* похожи на половцев, что привязывали пленников к хвостам диких кобылиц» [Иванов, 2003, с. 142]; «Подлиповцев не любят жители других деревень еще

и за то, что подлиповцы своей *пермякской веры* держатся, слынут за ленивых, самых бедных, и их называют колдунами» [Решетников, 1977, с. 32].

5. Территориальный компонент национальной идентичности репрезентируется в художественных текстах с помощью контекстов, в которых функционируют топонимы: «Дошли до места, где впадает в *Чусовую* крупнейший ее приток – река *Сылва*. *По-вогульски* – талая вода» [Никонов, 1973, с. 15]; «А вот скала *Вогулинская гора* так и не доползла до берега, чтобы тоже стать бойцом, и застряла в лесу: торчала там над еловыми острями обиженной кучей» [Иванов, 2005, с. 551].

6. Исторический компонент национальной идентичности отражается в текстах художественной прозы чаще всего с помощью сочетаний с отэтнотимными прилагательными и топонимов: «Такой провал называют *чудской ямой*, говорят, не то чудь белоглазая ушла в землю, не то ихний бог Кудэ-водэж сам собой закопался» [Турова, 2007, с. 162]; «В октябре 1582 года под *Чувашским мысом* разразилась решающая битва» [Иванов, 2007, с. 194].

Таким образом, этнонимы в художественных текстах являются маркерами национальной идентичности, репрезентируя такие ее компоненты, как особенности внешнего вида, общность языка и культуры, территории, исторического прошлого, а также традиции именования. Данный вид языковых единиц помогает авторам произведений отразить оппозицию «свой – чужой», существующую в языковой картине мира любого этноса, а также выразить идею толерантного существования представителей разных культур на определенной многонациональной территории.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-412-86002 «Образы Сибири в разных типах дискурса»).

Список литературы

- Иванов А.В. Чердынь – княгиня гор. – Пермь, 2003. – 348 с.
Иванов А.В. Золото бунта, или Вниз по реке теснин. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 704 с.
Иванов А.В. Message: Чусовая. – М., 2007. – 488 с.
Никонов Н.Г. Ермак // Уральский следопыт. – 1973. – № 4. – С. 15–25.
Решетников Ф.М. Подлиповцы. – М., 1977. – 192 с.
Турова Е. Кержаки. Проза. – Пермь: Маматов, 2007. – 320 с.
Федоров Е.А. Демидовы. – М.: Советский писатель, 1946. – 343 с.
Чагин Г.Н. Этности и культуры на стыке Европы и Азии. – Пермь, 2002. – 384.

References

- Chagin G.N. Ethnic groups and cultures at the crossroads of Europe and Asia. Perm, 2002, 384 p. (in Russ.).
Fedorov E.A. Demidovy. Moscow: Soviet writer, 1946, 343 p. (in Russ.).
Ivanov A.V. Cherdyn – the princess of the mountains. Perm, 2003, 348 p. (in Russ.).

Ivanov A.V. Zoloto bunta, ili Vniz po reke tesnin. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2005, 704 p. (in Russ.).

Ivanov A.V. Message: Chusovaya. Moscow, 2007, 488 p. (in Russ.).

Nikonov N.G. Ermak. In *Ural Pathfinder*, 1973, No. 4, pp. 15–25 (in Russ.).

Reshetnikov F.M. Podlipovtsy. Moscow, 1977, 192 p. (in Russ.).

Turova E. Kerzhaki. Prose. Perm: Mamatov publ., 2007, 320 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Сироткина Т.А. – доктор филологических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета,

e-mail: sirotkina71@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3494-0968>.

Традиционная культура как стратегический ресурс в сохранении идентификационных характеристик народа

Главным ресурсом идентификации современного человека является ценностно-нормативный пласт культуры. В традиционной культуре заложены глубинные связи, определяющие смысл жизни отдельной личности и целого народа. Изучение традиционной культуры способствует включению заинтересованных лиц в процесс сохранения и трансляции маркерных элементов культуры и, как следствие, идентификационных характеристик народа в целом.

Ключевые слова: культура, традиционная культура, ресурс, идентификация, этническая культура, сохранение идентификации народа.

Для цитирования: Русина Н.В. Традиционная культура как стратегический ресурс в сохранении идентификационных характеристик народа. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 107–108. DOI 10.17746/0295-7.2019.107-108.

N.V. Rusina

*Katanov Khakass State University,
Abakan, Russia*

Traditional Culture as a Strategic Resource in Preserving the Identity of the People

The main resource for the identification of modern man is the value-normative layer of culture. In traditional culture there are deep-seated bonds that determine the meaning of the life of an individual and an entire people. The study of traditional culture contributes to the inclusion of stakeholders in the process of preserving and transmitting the marker elements of culture and as a result, the identification characteristics of the people as a whole.

Keywords: culture, traditional culture, resource, identification, ethnic culture, preservation of identification of the people.

For citation: Rusina N.V. Traditional culture as a strategic resource in preserving the identity of the people. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 107–108 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.107-108.

Актуальность исследования традиционной культуры как стратегического ресурса в сохранении идентификационных характеристик народа определяется необходимостью бережного отношения к культуре, являющейся базовой предпосылкой духовной безопасности общества важнейшим условием развития личности в целом. Главным ресурсом идентификации современного человека является ценностно-нормативный пласт культуры, разрушение которого ведет к утрате смысла существования человека и общества. В традиционной культуре заложены глубинные связи, определяющие смысл жизни отдельной личности и целого народа.

Территория современной Хакасии является поликультурным регионом, в котором проживают представители более ста национальностей. В разные исторические периоды территория современной Хакасии становилась принимающей стороной для переселяющихся потоков людей разной этнической принадлежности. Трансформирование этнических культур в культуру этнической диаспоры происходило за достаточно длительный исторический период функционирования этнической культуры в «пограничном режиме», когда осуществляется выбор возможных вариантов дальнейшего существования. Идентификационные характеристики представителей разных этнических культур складывались в первую очередь в семейном окружении, в условиях поликультурного региона, где процесс идентификации имеет свои особенности.

В современных условиях для каждого национально-этнического объединения региона традиционная культура становится одним из базовых ресурсов сохранения идентификационных характеристик народа. Ее активное изучение и трансляция становятся приоритетным направлением в деятельности этнических организаций. Обращение к народному и декоративно-прикладному искусству народа дает возможность глубже изучать и понимать мировоззрение народа.

Среди значимых мероприятий, проходящих на территории Республики Хакасия, ориентированных на сохранение идентификационных характеристик народов средствами традиционной культуры, можно выделить: Региональный фестиваль дружбы народов, Дни славянской культуры, Фестивали культур отдельных этнических групп. Изучение традиционной культуры через языковые курсы, организацию и проведение мастер-классов по технологии изготовления национального костюма способствует включению заинтересованных лиц в процесс сохранения и трансляции маркерных элементов культуры и, как следствие, идентификационных характеристик народа в целом.

Сведения об авторе:

Русина Н.В. – кандидат исторических наук, доцент Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,

e-mail: Rusina-nv@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-8020-035X>.

Потенциал этнокультурного неотрадиционализма в формировании идентификационных стратегий молодежи

Работа посвящена анализу феномена этнокультурного неотрадиционализма и его роли в формировании идентификационных стратегий молодежи. Выявлены специфические маркеры этнокультурного неотрадиционализма и показано место этнической идентичности в структуре идентификационной матрицы современного россиянина. Сделан вывод об интеграционном потенциале этнокультурного неотрадиционализма, объединяющего вариационное множество субкультур этноса, а также об аналогичных процессах в становлении общероссийской гражданской идентичности.

Ключевые слова: *неотрадиционализм, этнос, этнокультура, этническая идентичность, традиция, неотрадиция, молодежь, общероссийская идентичность.*

Для цитирования: Мадюкова С.А. Потенциал этнокультурного неотрадиционализма в формировании идентификационных стратегий молодежи. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 109–111. DOI 10.17746/0295-7.2019.109-111.

S.A. Madyukova
Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

Potential of Ethnocultural Neotraditionalism in the Formation of Youth Identification Strategies

The work is devoted to the analysis of the phenomenon of ethnocultural neotraditionalism and its role in shaping the identification strategies of young people. The specific markers of ethnocultural neotraditionalism are revealed and the place of ethnic identity in the structure of the identification matrix of a modern Russian is shown. The conclusion is drawn about the integration potential of ethnocultural neotraditionalism, which unites a variation set of subcultures of an ethnos, as well as about similar processes in the formation of all-Russian civic identity.

Keywords: *neotraditionalism, ethnos, ethnoculture, ethnic identity, tradition, neotradiation, youth, all-Russian identity.*

For citation: Madyukova S.A. Potential of ethnocultural neotraditionalism in the formation of youth identification strategies. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories,* 2019, 109–111 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.109-111.

Современность характеризуется усилением различных форм фрагментации, в т.ч. основанных на повышении роли этнокультур и этнической идентификации. В связке «традиция — этнос — идентичность» особую актуальность приобретает исследование этнокультурных традиций как способа самоидентификации общества.

С.С. Апажева определяет традицию как «средство самоидентификации общества, устойчивую форму идентичности» [2003, с. 12]. Стоит отметить особую роль этнической культуры в выработке адаптационных и интеграционных механизмов: «культура внутри каждой цивилизации рождает органический метод адаптации “своих” к “чужакам”, т.е. индивидам, принадлежащим к другим цивилизациям, имеющим иную идентификацию. Она обеспечивает на рефлекторном уровне поддержку “своим” и создает достаточно четкую градацию психологических реакций на “чужака”. Этот “чужак” — опаснее другого, а тот — совсем почти домашний, с близкородственной идентификацией» [Володихин и др., 2004, с. 11]. Е.Н. Николаева с культурологических позиций приходит к выводу, что «глубокая историчность неотрадиционализма в период социокультурной модернизации связана с размыванием и, в предельном случае, потерей коллективной идентичности, а для построения новой коллективной идентичности необходимы некие глубинные основания» [2004, с. 14]. Результатом является введение разума, рефлексии в традицию, что, на наш взгляд, означает нарушение специфики традиционного. В рамках социокультурного неотрадиционализма сакральное содержание традиции может частично или полностью подменяться рациональным объяснением необходимости выполнять определенные действия для того, чтобы ощущать себя включенным в конкретное сообщество.

Проявлениями этнокультурного неотрадиционализма являются рост интереса к религиозной традиции (в т.ч. этническим верованиям); повышение самооценности родного языка (без корреляций его использования с экономической целесообразностью); распространенность «своих» имен (либо имен на двух языках), этнической атрибутики в одежде, прическе, убранстве дома, архитектуре; мода на национальную кухню; популярность (в частности за рубежом) горлового пения, формирование этнотуристического кластера, ориентированного на потребителя «этнически брендированного» товара и др. И это органично сочетается с современными условиями жизни, стремлением «идти в ногу со временем».

На первый взгляд, этнокультурная идентичность современной российской молодежи с опорой на неотрадиционализм означает альтернативу идентичности со страной как социокультурной общностью. Однако при более подробном изучении структуры идентификационной матрицы актуализируется идея не противопоставления, а совмещения общенациональной (государственно-гражданской) и этнической идентичностей. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. главными акцентами определены укрепление государственного единства и целостности России, а также сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России, их этнокультурной самобытности. Как нам представляется, задача по укреплению целостности России обоснованно поставлена во главу угла государственной национальной политики. Тем не менее неправомерно рассматривать общероссийскую идентичность как альтернативу этнической идентичности. Эти виды социальной идентичности не противоречат друг другу в сознании их носителей, напротив, гармоничное развитие межэтнических сообществ российских регионов возможно только на основе их одновременного позитивного стимулирования. При сохранении политического, экономического и правового единства российского общества этнокультурное многообразие в стране не является фактором угрозы и раздробленности страны, а, наоборот, выполняет функцию определенного механизма «распознавания себя» российским

сообществом через выбор собственных этнокультурных традиций. Этнокультурный неотрадиционализм осуществляет «сборку» этноса, вариационное множество его субкультур и традиций, в процессе которой его представителями осознается его *дифференцированная целостность* [Мадюкова, Попков, 2018]. Аналогичны процессы формирования общенациональной идентичности, где в процессе «сборки» гражданской нации участвуют уже не этнические субкультуры, а полноценно сформированные на основе этнокультурного неотрадиционализма этносы.

Список литературы

Апажева С.С. Традиция в российском социуме: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нальчик, 2003. – 23 с.

Володихин Д.М., Алексеев С.В., Бенедиктов К.С., Иртенина Н.В. Традиция. Сила постоянства (историко-философский феномен традиции). – М.: Мануфактура, 2004. – 184 с.

Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Интеграционный потенциал этнокультурного неотрадиционализма // Знание. Понимание. Умения. – 2018. – № 3. – С. 146–156.

Николаева Е.В. Неотрадиционализм в культуре повседневности: российская версия конца XX века: автореф. дис. ... канд. культурологии. – М., 2004. – 27 с.

References

Apazheva S.S. Traditsiya v rossiyskom sotsiуме: cand. sc. (philosophy) dissertation abstract. Nal'chik, 2003, 23 p. (in Russ.).

Madyukova S.A., Popkov Yu.V. Integratsionnyi potentsial etnokul'turnogo neotraditsionalizma. In *Knowledge. Understanding. Skills*, 2018, No. 3, pp. 146–156 (in Russ.).

Nikolayeva Ye.V. Neotraditsionalizm v kul'ture povsednevnosti: rossiyskaya versiya kontsa XX veka: cand. sc. (cultural studies) dissertation abstract. Moscow, 2004, 27 p. (in Russ.).

Volodikhin D.M., Alekseyev S.V., Benediktov K.S., Irtenina N.V. Traditsiya. Sila postoyanstva (istoriko-filosofskiy fenomen traditsii). Moscow: Manufaktura publ., 2004, 184 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Мадюкова С.А. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН,

e-mail: sveiv7@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0003-3295-1778.

С.Ш. Аязбекова

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова – Казахстанский филиал,
г. Астана, Казахстан*

Цивилизационная общность и этнокультурная идентичность народов Севера

Формирование этнокультурной идентичности народов Севера рассматривается в контексте тенгрианской цивилизации, тогда как распад цивилизационной общности и изменение культурной парадигмы анализируются в свете распространения буддизма и расширения границ российского государства.

Ключевые слова: *народы Севера, культурная идентичность, Небесная тенгрианская цивилизация, петроглифы, Тенгри, поза адорации.*

Для цитирования: Аязбекова С.Ш. Цивилизационная общность и этнокультурная идентичность народов Севера. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 112–114. DOI 10.17746/0295-7.2019.112-114.

S.Sh. Ayazbekova

*Lomonosov Moscow State
University – Kazakhstan Branch,
Astana, Kazakhstan*

Civilisational Commonality and Ethnocultural Identity of the North Nations

The article considers formation of ethnocultural identity of the ‘North nations’ in the context of Tengrian Civilisation and analyses disintegration of civilisational commonality and change of cultural paradigm in the context of the broadening of the borders of the Russian state.

Keywords: *cultural identity, North nations, Tengian Civilisation, petroglyphs, Tengri, adoration posture.*

For citation: Ayazbekova S.Sh. Civilisational commonality and ethnocultural identity of the North nations. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 112–114 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.112-114.

Современные археологические, культурологические, генетические и лингвистические исследования свидетельствуют об общности народов Севера со многими народами Азии и Америки. Это единство обусловлено принадлежностью к одной из самых древних цивилизаций, существовавшей уже в период позднего палеолита. Речь идет о Небесной тенгрианской цивилизации. По своему статусу, охвату и той роли, которую она оказала на становление других мировых конфессиональных цивилизаций: христианской, исламской и буддийской, тенгрианская цивилизация является мировой цивилизацией.

Цивилизационные признаки тенгрианской цивилизации нами уже анализировались в ряде работ. В них ареал распространения тенгрианской цивилизации рассматривался на обширной территории Сибири, Алтая, Средней и Малой Азии, Кавказа, Монголии, Северного Причерноморья. При этом в качестве доминирующего признака, объединяющего всю цивилизацию, определялось тенгрианство. Однако культурная общность северных народов с народами Азии и Америки позволяет предположить, что границы тенгрианской цивилизации значительно шире. Так, на основе общеизвестных и общепринятых фактов, а также исследований Г. Фрейзера [1975] и К. Балла [Sumerand Shem, 1915] можно полагать, что Небесная религия распространилась у многих народов Евразии, а затем приблизительно 20–30 тыс. л.н. была перенесена и на территорию Америки. Это дало основание Г. Фрейзеру утверждать, что «американские континенты были населены зрелыми людьми, которые принесли с ними название Живущий на Небесах для Самого Высшего Бога» [1975].

Представление о Тенгри – Высшем Боге, Небесном духе было распространено у многих кочевых и оседлых народов. Позже, в процессе этногенеза, возникли и языковые варианты: Тенгри – у древнетюркских народов, Дингир, Дигир, Димир – у шумер (знак Дингир был распространен также в хиттской, угаритской, халдейской, вавилонской и староперсидской клинописи [Там же]); Тенир – у киргизов; Тенре – у башкир и татар; Тангри – у узбеков; Танри – у турков, азербайджанцев и уйгур; Танру – у туркмен; Тангра – у болгар; Тэнир – у казахов; Тэнгэр – у монголов; Тенгери – у алтайцев, калмыков, половцев и венгров; Тэнгири – у кумыков; Тангара – у якутов; Тэнре – у башкир; Тэнгэри – у бурят; Дээыр – у тувинцев; Тиир, Тер – у хакасов; Тура – у чувашей; Тангара – у якутов, долган; Тангароа – в Южно-Тихоокеанском архипелаге, в американских индийских языках. В древности Небесный Высший Бог присутствовал и у китайцев – Ти, Тиен; айнов – Нис Ти, корейцев – Сианг Тиеи; у племен Австралии – Дарамулен; Полинезии – Танé; на о-ве Таити – Та’ароа; на о-ве Банкс – Тагаро; на Самоа о-вах – Тагалоа-лаг, т.е. Тагалоа небес; в долине Миссисипи – Трауа.

Эта языковая общность находит отражение и в осмыслении Небесного бога, обозначающего (а зачастую, объединяющего) следующее: само Небо, имя Бога, высший Бог, общее нарицательное имя для божеств, священные понятия, почетный титул для предков или королей [Там же]. Существование и по сей день у многих народов этого понятия свидетельствует о сохранении тенгрианства как религии с периода палеолита и по сегодняшний день.

Единство тенгрианской цивилизации отчетливо просматривается в петроглифах. Один из самых древних знаков, изображающих Тенгри, сохранных в настоящее время у тюркских народов, – знак «аджи». Изображенный в форме равносоставленного креста он обозначает Пра-начало, Вселенную – неуничтожимый Мир, откуда все берет свое начало и куда все возвращается.

Знак «аджи» найден среди петроглифов всего ареала распространения тенгрианства – Хая-Бажи (Тува), Белобог (Амур), Ленские и Шалаблинские писаницы (Красноярский край), Бэшегтуу, Шаман-гора (Забайкалье); Канозера, Еловый-3, Каменный-1 (Мурманская обл.); «Большая земля» (Якутия); Катунь (Алтай); Исаковская писаница (Урал); Максатихинский р-н (Тверская обл.); Аризонское плоскогорье (Северная Америка); Национальный монумент Петроглиф, Каньон Лошадина подкова (США); Цагаан-айриг (Монголия), Каратау (Казахстан); Саймалы-Таш,

Сулайман-Тоо(Кыргызстан); Карачаевск (Северный Кавказ); пещерный город Качи-Кальон (Горный Крым); Хой (Чечено-Ингушетия); Белдиби (близ Анталы, Турция); Чатал-Хююк (Турция) и др.

С периода эпохи бронзы, когда возникает антропоморфизм Небесного Бога, начинают распространяться многочисленные солнцеголовые божества – Мугур-Саргола (Енисей); Шишкинская писаница (Прибайкалье), Бижиктиг-Хая, Алды-Мозага (Тува); грот Куйлю, Каракол (Алтай); Тиуновское святилище (Вологодская обл.); Иньшань (Монголия); Ешкиольмес, Тамгалы, Тарбагатай (Казахстан); Чолпон-ата (Иссык-Куль) и др.

Распад тенгрианской мировой цивилизации связан со становлением и распространением буддийской, христианской и исламской мировых цивилизаций, а также многих локальных цивилизаций, часть из которых сохранила Небесный тенгрианский генотип. К ним можно отнести шумерскую, китайскую, анатолийскую, скифо-сакскую, тюркскую, а позже – монгольскую цивилизации. Поэтапное формирование данных локальных цивилизаций привело к изменению идентичности и формированию особенностей всех народов, проживающих на территории распространения некогда единой Небесной тенгрианской цивилизации. С XV в. процесс цивилизационной локализации дополнился процессами формирования народностей и наций, что привело к дальнейшей дезинтеграции.

Цивилизационная парадигма, а вслед за ней и идентичность народов Севера претерпели существенные изменения, начиная с распространения буддизма, а затем – расширения границ Российского и Советского государств. Однако и до сих пор не теряется вера в Тенгри и тенгрианское мироощущение, что свидетельствует о сохранении культурного кода народов Севера.

Список литературы

Фрейзер Г.Х. Тенгри, Худай, Деос и Год. Слово «Бог» на различных языках. – Kentwood: Baker Book House Company, 1975. – URL: <http://s155239215.onlinehome.us/turkic/50Religion/TengriKhudayDeosGodRu.htm> (дата обращения: 05.05.2018 г.).
Sumer and Shem. – New York: Oxford Univ., 1915. – P. 14–15.

References

Freizer G. Kh. Tengri, Khudai, Deos i God. Slovo “Bog” na razlichnykh yazykakh. Kentwood: Baker Book House Company, 1975. URL: <http://s155239215.onlinehome.us/turkic/50Religion/TengriKhudayDeosGodRu.htm> (accessed: 05.05.2018 (in Russ.)).
Sumer and Shem. New York: Oxford Univ., 1915, pp. 14–15 (in Engl.).

Сведения об авторе:

Аязбекова С.Ш. – доктор философских наук, академик JASHE, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,

e-mail: ayazbekova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-2430-6747>.

Indigenous Methodology и изучение тувинской идентичности

Работа посвящена обоснованию эвристической ценности индигенной методологии для изучения тувинской идентичности.

Ключевые слова: *индигенная методология, тувинцы, тувинская идентичность, идентичность, Тува, методология, менталитет, метод изучения культуры.*

Для цитирования: Ламажаа Ч.К. Indigenous Methodology и изучение тувинской идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 115–118. DOI 10.17746/0295-7.2019.115-118.

Ch.K. Lamazhaa
*Moscow University for Humanities,
Moscow, Russia*

Indigenous Methodology and the Study of Tuvan Identity

The article substantiates the heuristic value of the indigenous methodology for the study of Tuvan identity.

Keywords: *indigenous methodology, Tuvans, Tuvan identity, identity, Tuva, methodology, mentality, method of studying culture.*

For citation: Lamazhaa Ch.K. Indigenous methodology and the study of Tuvan identity. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 115–118. DOI 10.17746/0295-7.2019.115-118.

Глобальные процессы социокультурных изменений, связанных с усилением межкультурных коммуникаций, с вестернизацией и пр., обусловили актуальность и интенсивность изучения идентичностей, в т.ч. этнокультурных. Не стала исключением и идентичность тувинцев, коренного населения Республики Тыва (Тува), входящей в состав России. По этой проблематике выходили работы ряда авторов [Донгак, 2003; Монгуш, 2010, и др.].

В этом круге публикаций, как и во всем исследовательском поле темы идентичности, присутствуют теоретико-методологические проблемы (см.: [Попова, 2017; Самаркина, 2017]). В частности, есть работы, опирающиеся на определенный методологический подход, а есть работы, не содержащие в себе четкого методологического обоснования. Одни придерживаются стратегии «понимающей» или качественной методологии (этнографические), другие – «измеряющей», количественной (этносоциологические). При этом, на наш взгляд, существенным дополнением к «объемному» представлению об исследуемом объекте может быть философский подход, в основе которого будет феноменологическая

традиция, ориентированная на познание жизненного мира человека, помогающая рефлексивно подходить к вопросам взаимосвязи субъекта и окружающего мира [Самаркина, 2017]. Речь идет об исследованиях идентичности в русле тенденции усиления роли и значения субъекта познания в гуманитарном знании, которая выражается в самых разных формах в науке и определяется учеными и как изменение научной парадигмы (в концепции типов научной рациональности В.С. Степина [2003]) и как субъективизация науки на основе субъективизации самой культуры (в тезаурусной концепции В.А. и Вл.А. Луковых [2008]).

Данное направление научных исследований в отношении тувинского менталитета, особенностей тувинского национального характера нами уже рассматривалось [Ламажаа, 2017]. Мы выделили три группы работ, так или иначе раскрывающих тему тувинского менталитета. Историографический обзор исследований тувинской ментальности показал, что субъективность исследователей присутствовала всегда.

Изучение менталитета этноса, особенностей тувинской идентичности может быть глубже, полнее у тех исследователей, которые сами являются субъектами данной культуры. Академическая подготовка позволяет таким авторам применять к анализу культурного материала научные подходы, а знание самого культурного материала – применять научные подходы без ущерба для него. В западной науке данное направление исследований имеет название *Indigenous Methodology* (индигенная методология, методология коренных народов) (см. там же).

Основания для появления этой тенденции были сформулированы известным социологом, одним из основателей социологии как науки Р. Мертоном [Merton, 1972]. Различия в доступе к новым социологическим знаниям обусловлены положением исследователей – тех, кто находится внутри изучаемой группы (инсайдеры), и тех, кто находится извне (аутсайдеры). Группы и коллективы становятся более сознательными и солидарными в отношении к доступу к знаниям о них. Это обстоятельство дает основания для формулирования учения об инсайдерском и аутсайдерском знании. В антропологии с 1990–2000-х гг. это выразилось в формировании *Indigenous Methodology* [Chilisa, 2012]. Индигенизация также стала отмечаться и в других научных отраслях – психологии, педагогике и др.

Оставляя в стороне политическую подоплеку сторонников методологии, отметим ее эвристичность для исследований этнических культур, в т.ч. проблем этнической идентичности. Здесь учитывается соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностными и целевыми установками субъекта познания [Степин, 2003, с. 633–634]. Данный подход интересно выражен и в варианте тезаурусной концепции, которую я предложила применить для разработки концепции тувинской культуры [Ламажаа, 2012], а также составления энциклопедии тувинской культуры [Ламажаа, 2014].

Список литературы

Донгак В.С. Этническая идентичность тувинцев: дис. ... канд. социол. наук. – СПб., 2003. – 183 с.

Ламажаа Ч.К. Тезаурусный подход для тувиноведения // Знание. Понимание. Умения. – 2012. – № 2. – С. 38–45.

Ламажаа Ч.К. Энциклопедия тувинской культуры: актуальность, концепция, проблемы // Новые исследования Тувы. – 2014. – № 4. – URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/86> (дата обращения: 12.01.2017 г.).

Ламажаа Ч.К. Исследования менталитета тувинцев и тенденция субъективизации гуманитарного знания // Новые исследования Тувы. – 2017. – № 3. – URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/724>. DOI: 10.25178/nit.2017.3.2. (дата обращения: 12.08.2018 г.).

Луков В.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. – М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. – 782 с.

Монгуш М.В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. – Осака: Нац. музей этнологии, 2010. – 358 с.

Попова О.В. Теоретико-методологические проблемы и модели концептуализации идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика: энцикл. / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – С. 44–49.

Самаркина И.В. Методы и методики изучения идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика: энцикл. / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – С. 50–60.

Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 743 с.

Chilisa B. *Indigenous Research Methodologies*. – London: Sage publ. Ltd., 2012. – 343 p.

Merton R.K. *Insiders and Outsiders: A Chapter in the Sociology of Knowledge* // *American Journal of Sociology*. – 1972. – Vol. 78, No. 1: Varieties of Political Expression in Sociology. – P. 9–47.

References

Chilisa B. *Indigenous Research Methodologies*. London: Sage publ. Ltd., 2012, 343 p.

Dongak V.S. *Etnicheskaya identichnost' tuvintsev: cand. sc. (sociology) dissertation abstract*. St. Petersburg, 2003, 183 p. (in Russ.).

Lamazhaa Ch.K. Tezaurusnyi podkhod dlya tuvinovedeniya. In *Knowledge. Understanding. Skills*, 2012, No. 2, pp. 38–45 (in Russ.).

Lamazhaa Ch.K. Entsiklopediya tuvinskoi kul'tury: aktual'nost', kontseptsiya, problem. In *The New Research of Tuva*, 2014, No. 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/86> (accessed: 12.01.2017) (in Russ.).

Lamazhaa Ch.K. Issledovaniya mentaliteta tuvintsev i tendentsiya sub"ektivizatsii gumanitarnogo znaniya. In *The New Research of Tuva*, 2017, No. 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/724>. DOI: 10.25178/nit.2017.3.2 (accessed: 12.08.2018) (in Russ.).

Lukov V.A., Lukov V.A. Tezaurusy: Sub"ektnaya organizatsiya gumanitarnogo znaniya. Moscow: Natsional'nyi institut biznesa publ., 2008, 782 p. (in Russ.).

Merton R.K. *Insiders and Outsiders: A Chapter in the Sociology of Knowledge*. In *American Journal of Sociology*, 1972, iss. 78, No. 1: Varieties of Political Expression in Sociology, pp. 9–47.

Mongush M.V. *Odin narod: tri sud'by. Tuvintsy Rossii, Mongolii i Kitaya v sravnitel'nom kontekste*. Osaka: Natsional'nyi muzei etnologii, 2010, 358 p. (in Russ.).

Popova O.V. *Teoretiko-metodologicheskie problem i modeli kontseptualizatsii identichnosti*. In *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika: entsykl.* Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' mir, 2017, pp. 44–49 (in Russ.).

Samarkina I.V. Metody i metodiki izucheniya identichnosti. In *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika: entsikl.* Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' mir, 2017, pp. 50–60 (in Russ.).

Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie: Struktura, istoricheskaya evolyutsiya. Moscow: Progress-Traditsiya, 2003, 743 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Ламажаа Ч.К. – доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета,

e-mail: chlamazhaa@mosgu.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-1813-3605>.

Языковые стратегии в условиях современной этничности (на примере татар в Республике Татарстан)

На основе материалов микропереписи РФ 2015 г., массового опроса населения в Республике Татарстан 2018 г., проведенного социологами Казанского федерального университета, данных фокус-групповых исследований 2016–2018 гг. раскрываются языковые практики татар, проживающих в Татарстане. Вариативность стратегий реализации языкового репертуара служит подтверждению тезиса о модусах этничности в условиях индивидуализации, диверсификации и вместе с тем устойчивости отношений этнической общности в современных условиях.

Ключевые слова: общество модерна, этничность, модусы этничности, языковые стратегии, языковой репертуар, двуязычие, языковой конфликт, татары, русские, Татарстан.

Для цитирования: Низамова Л.Р. Языковые стратегии в условиях современной этничности (на примере татар в Республике Татарстан). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 119–121. DOI 10.17746/0295-7.2019.119-121.

L.R. Nizamova
Kazan Federal University,
Kazan, Russia

Language Strategies in Conditions of the Modern Ethnicity (Case of Tatars in the Republic of Tatarstan)

Materials of the micro-population census of 2015, mass survey of Tatarstan Republic residents, conducted by sociologists of Kazan Federal University in 2018, and data of the focus group discussions helped to reveal the language practices of Tatars living in Tatarstan. The variability of strategies for the implementation of the language repertoire serves to confirm the thesis on pluralization of ethnicity in the context of individualization, diversification and at the same time stability of relations of ethnic community in contemporary society.

Keywords: modern society, ethnicity, modi of ethnicity, language strategies, language repertoire, bilingualism, language conflict, Tatars, Russians, Tatarstan.

For citation: Nizamova L.R. Language strategies in conditions of the modern ethnicity (case of Tatars in the Republic of Tatarstan). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 119–121 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.119-121.

(Пост)модерная этничность отличается усиливающейся плюрализацией; происходит смешение и фрагментация того, что ранее допускалось только в единственном числе: если родной язык и язык общения – то только один, если национальная территория – всегда одна и постоянная, если религия – то религия предков, если гражданство – то полученное «по наследству» и определяемое фактом рождения.

В современных условиях, напротив, все более распространенными стали двуязычие и даже многоязычность граждан, миграции и смена страны проживания, изменение гражданства и религии при сохранении этнической идентичности (иногда в символической форме).

Из холистической и детерминистской позиции [Phillips, 2007] следует, что татарин — это тот, кто в полной мере обладает всеми признаками татарской культуры и идентичности, не только считает себя татарин, но свободно владеет родным татарским языком, придерживается традиций и обычаев народа, исповедует ислам, проживает на исторической родине. Однако такая теоретическая перспектива не способна раскрыть множественность проявлений «татарскости», т.е. этническую вариативность и фактическое существование «модусов этничности». Этничность в современном обществе становится все более индивидуализированной, что проявляется и в языковых стратегиях освоения и использования родного языка, местных и региональных языков, национального и иностранных языков, т.е. в устойчивых способах реализации языкового репертуара (совокупности всех языковых способностей).

До лета 2017 г. языковая политика Республики Татарстан для многих являла позитивный пример регулирования межэтнических отношений, но осенью того же года в школах прошли проверки Рособнадзора и прокуратуры, которые выявили многочисленные нарушения, прежде всего в преподавании русского языка. «Этноязыковой конфликт», о существовании которого с начала 2010-х гг. заявляли лидеры Общества русской культуры в Татарстане, хотя его и отрицало руководство республики и большинство экспертов, был признан в кругах татарской и мусульманской общественности осенью 2017 г. в связи с «изгнанием» обязательного татарского языка из школ.

В социологическом опросе Казанского федерального университета летом 2018 г. 2000 жителям Татарстана был задан вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением, что в Татарстане существует конфликт на языковой почве?» Две трети респондентов (66 %) не согласились с наличием языкового конфликта в республике. В крайних позициях шкалы ответов (полностью согласен/не согласен) доли татар и русских были примерно одинаковыми, однако доля татар, склонных скорее согласиться с существованием конфликта на языковой почве, как и русских, склонных отрицать наличие конфликта, были чуть более высокими.

По данным микропереписи РФ 2015 г. (по Татарстану приняло участие более 53 тыс. человек) [Микроперепись...], подавляющее большинство татар заявили, что используют татарский язык в повседневной жизни; 2/3 татар двуязычны, лишь 1/3 использует только один язык. Более 2/3 жителей региона используют два языка, но данные о языковых практиках этнических русских свидетельствуют о доминирующем монолингвизме — менее 500 человек из 21 тыс. заявили о применении татарского языка.

Вариативность языковых стратегий татар и наличие модусов «татарскости» подтверждаются мнениями о том, можно ли быть представителем своей национальности, не обладая ключевыми признаками этничности: не владея родным языком, не придерживаясь традиционной религии, не соблюдая традиций и обычаев, проживая вдали от исторической родины, имея супруга иной национальности. 57 % опрошенных татар считают, что можно быть татарин, не владея вообще языком своей национальности; им возразили 29 %, еще 14 % затруднились с ответом.

Отсутствие консенсуса внутри этнических групп само по себе свидетельствует о неправомерности холистического видения культуры. Об этом же говорит готовность многих татар признать, что можно оставаться представителем своей национальности, не отвечая вышеперечисленным коллективным ожиданиям. Пространство «татарскости» не исключает как общих интересов для объединения татарского народа, так и широкой вариативности идентичности «быть татарин(ой)».

Жители республики по-прежнему связывают будущее с двуязычием. На вопрос о желательном развитии языковой ситуации в Татарстане в опросе 2018 г. большинство (71 %) ответили, что «Татарстан должен быть двуязычной республикой», еще 19% считают, что «русский язык должен стать основным языком во всех сферах общения», о татарском так высказались не более 5% респондентов.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Фонда Фольксваген в рамках трилатерального проекта «Bi- and multilingualism between conflict intensification and conflict resolution. Ethno-linguistic conflicts, language politics and contact situations in post-Soviet Ukraine and Russia» AZ № 90217.

Список литературы

Микроперепись населения – 2015. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 06.11.2018 г.).

Phillips A. Multiculturalism without Culture. – Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press, 2007. – 202 p.

References

Mikroperepis' naseleniya – 2015. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (accessed: 06.11.2018) (in Russ.).

Phillips A. Multiculturalism without Culture. Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press, 2007, 202 p.

Сведения об авторе:

Низамова Л.Р. – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук Казанского федерального университета,

e-mail: lnizamov@kpfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5439-0636>.

Транскультуральность идентичности жителей Приграничья

В мире поликультурных (мультикультурных) сообществ и сообществ, возникающих и исчезающих на границах различных этноконфессиональных и иных групп и субгрупп, а также на границах государств, вопрос отношений культур и этносов — один из наиболее важных. Современная транскультурная модель рассматривает такие отношения как попытку понимания культурами друг друга одновременно и как «иных», и как «своих», формирования транскультурной идентичности, в которой сочетаются и переплетаются порой самым причудливым образом фрагменты разных культур.

Ключевые слова: *идентичность, приграничье, транскультурный подход, конфессии, этносы, гибридная идентичность, понимание, диалог, мультикультурализм, транскультурализм.*

Для цитирования: Арпентьева М.Р. Транскультуральность идентичности жителей Приграничья. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 122–124. DOI 10.17746/0295-7.2019.122-124.

M.R. Arpentieva

*Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski,
Kaluga, Russia*

Transkulturalizm and Identity of the Inhabitants of the Borderland

In the world of multicultural (multicultural) communities and communities emerging and disappearing on the borders of various ethno-confessional and other groups and subgroups, as well as on the borders of states, the issue of relations between cultures and ethnoses is one of the most important. The modern transcultural model regards such relations as an attempt to understand each other's cultures simultaneously, both as "different" and as "their own", the formation of a transcultural identity in which fragments of the most diverse cultures are combined and interwoven at times in the most bizarre way.

Keywords: *identity, borderland, transcultural approach, confessions, ethnoses, hybrid identity, understanding, dialogue, multiculturalism, transculturalism.*

For citation: Arpentieva M.R. Transkulturalizm and identity of the inhabitants of the borderland. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 122–124 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.122-124.

Современная транскультурная модель рассматривает отношения в мире поликультурных (мультикультурных) сообществ как попытку понимания культурами друг друга одновременно и как «иных», и как «своих», формирования транскультурной идентичности, в которой сочетаются и переплетаются порой самым причудливым образом фрагменты разных культур [Минигалиева, 2012]. «В транс-

культурации “иное” не просто видимо, но и рассматривается не как препятствие, а как самостоятельный субъект, общение с которым может происходить только на подлинно паритетных условиях». При этом транскультурация реабилитирует пространство и время бытия, субъектность и социальность «иного» [Тлостанова, 2008, с. 126, 143]. Транскультурация «прославляет самосознание периферии, точку схождения противоположностей, которая позволяет людям превратить границу в центр и создать текучие, но значимые идентичности взамен фрагментированных историй» [Anzaldua, 2012; Coronil, 1995, p. XLI]. В целом транскультурация — альтернатива мультикультурализму, «транскультурационные модели осмысления мира представляют собой продукты контекстных, альтерглобалистских, деколонизальных течений» [Тлостанова, 2008, с. 6]. «Пограничье... в постоянном состоянии метаморфозы и его населяют отверженные и объявленные вне закона» [Anzaldua, 2012, p. 3, i-ii]. Это бытие и сознание, которое «находится постоянно в шоке, в состоянии культурного столкновения и выходом может быть растущая способность к пластичности и постоянной смене точек зрения» [Тлостанова, 2008, с. 157]. В языке это проявляется в языковых коллажах и интерференциях: несоотнесенности некоторых базовых для культур понятий, вплоть до их отсутствия (несуществования) в языках доминирующих культур («культурного диктата») или в языках культур меньшинств (маргинальных по отношению к господствующей культуре «наречиях»), возникает проблема культурной непереваемости, вне которой невозможно полностью осмыслить транскультурационные процессы. Особенно явно видно на уровне языковых особенностей, что культура может существовать в форме ложной дихотомии: запретное — разрешенное, плохое — хорошее, свое — чужое, цивилизованное — варварское и т.д.), но культуры не изолированы и не герметичны в своих границах, ценностях и принципах, ритуалах, моделях поведения и взаимодействия носителей, языках и понимании себя и мира. В. Миньоло и Ф. Чиуи предложено переосмысление понятия «трансляция» как движения в двух направлениях, «двойного перевода» с мерцающими смыслами и контекстами смыслов, «обращения», связанного с толкованием, привносящим не только свои смыслы и слова, но и ценности [Mignolo, Schiwy, 2003, p. 6].

Список литературы

Минигалиева М.Р. Толерантность и мультикультурализм. — Калуга: Калуж. гос. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2012. — 332 с.

Тлостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскультурации. — М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2008. — 251 с.

Anzaldua G. Borderlands/La Frontera: The New Mestiza. — San Francisco: Spinsters/Aunt Lute, 2012. — 312 p.

Coronil F. Transculturation and the Politics of Theory: Countering the Center, Cuban Counterpoint. — Introduction to: Ortiz, F. Cuban Counterpoint. — Durham: Duke Univ. Press, 1995. — P. I—XLI.

Mignolo W.D., Schiwy F. Transculturation and the Colonial Difference: Double Translation / ed. by T. Maranhao and B. Streck // Translation and Ethnography. The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding. — Tuscon: Univ. of Arizona Press, 2003. — pp. 3—29.

References

Anzaldúa G. *Borderlands/La Frontera: The New Mestiza*. San Francisco: Spinsters/Aunt Lute, 2012, 312 p.

Coronil F. *Transculturation and the Politics of Theory: Countering the Center, Cuban Counterpoint*. In Ortiz F. *Cuban Counterpoint*. Durham: Duke Univ. Press, 1995, pp. I–XLI.

Mignolo W.D., Schiwy F. *Transculturation and the Colonial Difference: Double Translation*. Ed. by T. Maranhao and B. Streck. In *Translation and Ethnography. The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding*. Tuscon: Univ. of Arizona Press, 2003, pp. 3–29.

Minigaliyeva M.R. *Tolerantnost' i mul'tikul'turalizm*. Kaluga: Tsiolkovskiy Kaluga State Univ. Press, 2012, 332 p. (in Russ.).

Постанова М.В. *Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii*. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2008, 25 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Арпентьева М.Р. – профессор кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского,

e-mail: mariam_rav@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>.

Память и забвение – два спутника идентичности.

Идентичность и память в городской топонимике Грозного

В исследовании анализируется процесс постсоветской трансформации урбанонимов Грозного в их связи с конструированием новой чеченской идентичности и памяти. В центре внимания – социальные практики по топонимическому переделу урбанонимов столицы Чечни. Основных результатов передела три: а) деконструкция и забвение советской идентичности (революционной, трудовой, идеологической, особенно атеистической); б) конструирование новой чеченской символики в городском пространстве (годонимы, агоронимы, хоронимы); в) сохранение региональной/внутрикавказской и общероссийской компоненты корпуса символов.

Ключевые слова: *идентичность, память, Грозный, урбанонимы, чеченская символика, топонимический передел, герои чеченской истории.*

Для цитирования: Тхакахов В.Х. Идентичность и память в городской топонимике Грозного. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 125–127. DOI 10.17746/0295-7.2019.125-127.

V.H. Thakahov

*St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

Identity and Memory in the Urban Toponymy of Grozny City

The article analyses the process of post-Soviet transformation of urbanonyms of Grozny City as they relate to the construction of the new Chechen identity and memory. At the center of attention – social practices on toponymic redistribution of urbanonyms of the capital of Chechnya. The main results of the redistribution are three: a) deconstruction and oblivion of Soviet identity (revolutionary, labor, ideological, especially atheistic); b) construction of a new Chechen symbols in urban space; c) the persistence of regional an Russian national components case symbols.

Keywords: *identity, memory, Grozny City urbanonyms, Chechen symbols, toponymic redistribution, heroes of Chechen history.*

For citation: Thakahov V.H. Identity and memory in the urban toponymy of Grozny City. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 125–127. DOI 10.17746/0295-7.2019.125-127.

Процесс конструирования идентичности и памяти тесно связан с трансформацией символического пространства человеческих поселений. Научный интерес представляет ситуация в столичных центрах Северного Кавказа. Столицы – центры концентрации политического, экономического и символического капиталов регионов.

Здесь вырабатывается идеология и политика идентичности и памяти, апробируются практики по их реализации как внутри региона, так и за его пределами.

Наиболее интенсивно новые наименования и переименования улиц и площадей в Грозном стали появляться после 2004 г. Вторая половина 2000-х гг. — поворотный пункт в топонимическом переделе символического пространства города. Практически разрушенный двумя войнами, в процессе своего возрождения Грозный стал изобретать собственную идентичность и урбанонимы. Милитарный период в постсоветской истории города способствовал мемориализации одних урбанонимов и забвению других. У процесса поэтапного восстановления и нового изобретения чеченской символики есть свой и общий контекст: социально-демографический, политический, идеологический и социокультурный.

Изучение процессов символической трансформации Грозного предполагает обнаружение связи между изменениями в городской топонимике и конструированием новой чеченской идентичности. Анализ социальных практик по топонимическому переделу — важный шаг в прояснении смысла происходящего в городском пространстве региона. Чеченская столица избавляется от экзогенных символов советской и коммунистической идентичности. А именно:

1) от топонимов с именами идеологов международной пролетарской революции (К. Маркс, В.И. Ленин, К. Цеткин, Р. Люксембург и др.);

2) от урбанонимов с именами идеологов и практиков русской революции и гражданской войны (В.И. Ленин, С.М. Киров, М.Н. Тухачевский, В.В. Маяковский, Н.Г. Чернышевский).

Процесс топонимического передела включает также деконструкцию трудовой символики советского периода (ул. Стахановцев, ул. Рабочая и др.) и минимизацию русской (славянской) символики.

Персонализация и тематизация городской топонимике Грозного на сегодняшний день представляет собой симбиоз:

а) из этнокультурных мемориальных символов — светских и религиозных (проект «чеченизации»). Речь идет о конструировании топонимического пантеона героев чеченской истории — прошлой и современной, память о которых закрепляется в городском пространстве и включена в актуальную культуру Чечни и образовательный процесс.

Мемориализация городского пространства Грозного включает и сакральные ценности вайнахов. В отличие от других столиц Северо-Кавказского федерального округа здесь активно формируется единство, симбиоз светского и религиозного в городской архитектуре, антропологии, урбанизме и топонимике. Особое значение в процессе топонимического обновления придается двум ключевым духовным источникам чеченцев — учениям тарикатов Кадирийя и Накшбандийя. Память о подвижниках-учителях и их потомках, сохранивших веру и религиозные практики, закрепляется в городском топонимическом пространстве (шейхи Кунта-Хаджи Кишиев, Денни Арсанов, Али Митаев, А.Х. Яндаров и др.). В мемориальном пантеоне героев прошлого легализованы и героини сопротивления — чеченского и кавказского (Дадин Айбика, А. Авторханов, имам Шамиль). Мемориализация затронула и политических лидеров современной истории Чечни (А.-Х. Кадыров, Д.-В. Абдурахманов);

б) из региональных — внутрикавказских урбанонимов. Речь идет о сохранении практики обменов наименованиями между регионами Северного Кавказа, сложив-

шейся еще в советский период. В Грозном можно встретить следующие улицы: Грузинская, Кабардинская, Калмыцкая, Махачкалинская, Нальчикская, аллея Дружбы Кабардино-Балкарской и Чеченской республик;

в) из общероссийских национальных символов, отражающих прошлое культурное наследие, признаваемое агентами конструирования:

– классиков русской литературы (Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Толстой, Чехов);

– пионеров технических достижений в области космонавтики (Гагарин, Терешкова, Николаев, Титов, Попович);

г) из современных российских символов политического и военного характера (В.В. Путин, Г.Н. Трошев, Г. Угрюмов).

Таким образом, деконструкцию постигли городские топонимы, отражающие официальную память о революции и гражданской войне, репрессиях, героике труда и Великой Отечественной войне, идеологии коммунизма. Процесс изобретения урбанонимов Грозного продолжается, а чеченская идентичность закрепляется и легитимируется на его улицах, площадях, аллеях и скверах.

Благодарности

Работа подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-011-00832).

Сведения об авторе:

Тхакахов В.Х. – доктор социологических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета,

e-mail: atalik7@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4220-4648>.

Региональная идентичность уральцев в дискурсе СМИ: проблемы научного моделирования

Рассматриваются основные проблемы дискурсивных исследований идентичности и предлагается собственный подход к ее научному моделированию. В качестве примера представлена модель региональной идентичности уральцев, конструируемой на материалах свердловской «Областной газеты».

Ключевые слова: *идентичность, региональная идентичность, дискурс, дискурс-анализ, медиадискурс, СМИ, Урал.*

Для цитирования: Каблуков Е.В. Региональная идентичность уральцев в дискурсе СМИ: проблемы научного моделирования. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 128–131. DOI 10.17746/0295-7.2019.128-131.

Regional Identity of the Urals in Media Discourse: the Problems of Scientific Modeling

The author examines main problems of discursive identity studies and offers a new approach to the scientific modeling of identity. As an example, the model of regional identity of the Urals constructed in “Oblastnaya gazeta” (the Sverdlovsk region newspaper) is presented.

Keywords: *identity, regional identity, discourse, discourse analysis, media discourse, media, Ural.*

For citation: Kablukov E.V. Regional identity of the Urals in media discourse: the problems of scientific modeling. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 128–131 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.128-131.

Идентичность как дискурсивный феномен складывается из идентификаций субъекта и отличается динамичностью, ситуативностью и фрагментарностью (см.: [Проблемы..., 2017, с. 21]). Мы выявим основные проблемы дискурсивных исследований идентичности и предложим собственный подход к научному моделированию региональной идентичности уральцев на материале текстов свердловской «Областной газеты».

Анализ дискурсивных исследований идентичности выявляет следующие проблемы:

1. Дискурсивный радикализм, который утверждает исключительно дискурсивную природу идентичности: «...идентичность складывается в языке и ни в какой

другой форме, кроме форм языка, не существует» [Сандомирская, 2001, с. 45]. Между тем дискурсивный подход, с нашей точки зрения, лишь определяет угол зрения на данный феномен, который, безусловно, может интерпретироваться и по-иному, в т.ч. как ментальный конструкт [De Cillia et al., 1999, p. 153].

2. Отождествление идентичности говорящего субъекта и образа персонажа или адресата [Чепкина, 2016]. Представляется, что идентификация другого не является конструированием его идентичности. В то же время согласимся с Л. Филлипс и М. Йоргенсен, которые показывают, что субъект может моделировать идентичность адресата, а последний — ее присваивать [Филлипс, Йоргенсен, 2008, с. 80–81]. Это происходит, например, когда СМИ предлагают модель идентичности «своих», а реципиенты принимают ее.

3. Ограниченные возможности исследователя. Идентичность конструируется во всех высказываниях субъекта, и потому исследователь не может воспроизвести ее во всей сложности, а лишь реконструирует идентичность, получая в результате ее упрощенную модель.

Перейдем к моделированию региональной идентичности уральцев на материале свердловской «Областной газеты». Ядром модели является совокупность пространственных и темпоральных идентификаций. Пространство, в котором живут *уральцы*, структурируется топонимами. В его центре находится Екатеринбург — *столица Среднего Урала, столица Урала*, а также *третья столица России* и город, претендующий на лидирующий статус в различных сферах: *майонезная столица, столица единоборств, столица уличного искусства*. Далее выделяется *Средний Урал*: данный топоним выступает в качестве перифразы, обозначающего Свердловскую обл. Активно конструируются и соседние уральские территории: *Южный Урал, Зауралье и Предуралье*. Важными оказываются и соседние вернакулярные регионы, особенно Сибирь, во многих контекстах соседствующая с Уралом. Значимыми природными объектами становятся Уральские горы и уральские реки. Следует отметить, что регион конструируется как безусловная часть России, чему способствуют перифразы *третья столица России и опорный край державы*.

Для темпоральной идентификации значим образ прошлого, ключевыми событиями которого становятся строительство железодельных заводов в петровский период и Великая Отечественная война, в которой уральцы играли важную роль: не только воевали на фронте, но и трудились в тылу. Особое место занимает также расстрел царской семьи в Екатеринбурге, используемый для брендинга региона. Настоящее конструируется — в соответствии с требованиями журналистского дискурса — как «информационный образ актуальности» [Калмыков, Коханова, 2005, с. 8], в котором положительная миссия отводится областным властям и, прежде всего, губернатору Свердловской обл. Будущее связано с мегапроектами типа чемпионата мира по футболу, всемирной выставки, строительства скоростной железной дороги и т.п., а также последствиями этих событий для города, области и региона.

Кроме того, можно выделить другие направления идентификации уральцев, тесно связанные с ядерными характеристиками пространства — времени и актуальные для исследуемого дискурса:

1. Этническая и конфессиональная идентификация: подчеркивается многонациональный и поликонфессиональный характер Урала и Свердловской обл., однако

авторы текстов, как и руководители области, ассоциируют себя с русскими и православными, в связи с чем представители прочих этносов и конфессий хоть и становятся персонажами журналистских материалов, но предстают как «другие уральцы».

2. Для культурной идентификации оказывается важной уральская горнозаводская мифология и фольклор, в т.ч. сказы Бажова, а также некоторые современные персонажи, события и явления: уральский рок и группа «Чайф», Николай Коляда и его постановки, фестиваль песни студотрядов «Знаменка» и др.

3. Экономическая идентификация закрепляет исторически сложившийся образ региона: уральцы по-прежнему живут в мире заводов, главным образом металлургических, с которыми связаны и экономические успехи, и некоторые проблемы, особенно в жизни моногородов.

4. Политическая идентификация не обнаруживает деления на «патриотов» и «либералов», свойственного официозным федеральным СМИ. В центре политической жизни оказываются областные власти и лично губернатор, участие которого становится маркером значимости того или иного события.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00143 «Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: единство и разнообразие».

Список литературы

- Калмыков А.А., Коханова Л.А.** Интернет-журналистика. — М.: Юнити-Дана, 2005. — 384 с.
- Проблемы** конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война». — М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. — 196 с.
- Сандомирская И.** Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. — Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien, 2001. — 281 с.
- Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В.** Дискурс-анализ: теория и метод. — Харьков: Гуманитарный центр, 2008. — 352 с.
- Чепкина Э.В.** Дискурсивные практики конструирования адресата региональной прессы: национально-гражданская идентичность // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2016. — № 4. — С. 61–68.
- De Cillia R., Reisigl M., Wodak R.** The discursive construction of national identities // *Discourse & society*. — 1999. — No. 10 (2). — P. 149–173.

References

- Chepkina E.V.** Diskursivnye praktiki konstruirovaniya adresata regional'noi pressy: natsional'no-grazhdanskaya identichnost'. In *Izvestia Ural Federal University Journal. Ser. 1: Issues in Education, Science and Culture*, 2016, No. 4, pp. 61–68 (in Russ.).
- De Cillia R., Reisigl M., Wodak R.** The discursive construction of national identities. In *Discourse & society*, 1999, No. 10 (2), pp. 149–173.
- Fillips L., Jorgensen M.** Discourse Analysis as Theory and Method. Khar'kov: Humanitarian Center publ., 2008, 352 p. (in Russ.).

Kalmykov A.A., Kokhanova L.A. Internet-zhurnalistika. Moscow: Yuniti-Dana publ., 2005, 384 p. (in Russ.).

Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta “informatsionnaya voina”. Moscow; Yekaterinburg: Armchair scientist publ., 2017, 196 p. (in Russ.).

Sandomirskaya I. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien, 2001, 281 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Каблуков Е.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики департамента «Факультет журналистики» Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,

e-mail: evgeny.kablukov@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9112-4145>.

II. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА: ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ МАТРИЦЫ И СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ

DOI: 10.17746/0295-7.2019.132-136
УДК 394, 314

З.А. Тычинских

*Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
г. Тобольск, Россия*

К вопросу об этнической идентичности сибирских татар

Работа посвящена изучению современной этнической идентичности татарского населения Западной Сибири по данным этносоциологических исследований и Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг. Актуальность исследования связана с дискуссионностью вопроса об этнической идентичности татарского населения Западной Сибири, включающего в себя коренное татарское население и татар-переселенцев. Показано, что для татар региона характерен многоуровневый характер самоидентификации, что отразилось в различиях результатов переписи и этносоциологических исследований. Если в ходе Всероссийской переписи для подавляющего большинства респондентов на первый план вышло осознание себя, прежде всего, представителями татарской общности, то, по данным этносоциологического исследования, большинство опрошенных отнесли себя к сибирским татарам.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, Западная Сибирь, татарское население, сибирские татары, социологическое исследование, перепись населения.

Для цитирования: Тычинских З.А. К вопросу об этнической идентичности сибирских татар. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 132–136. DOI 10.17746/0295-7.2019.132-136.

Z.A. Tychynskikh

*Tobolsk complex scientific station,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
Tobolsk, Russia*

On the Issue about Ethnic Identity of Siberian Tatars

The work is devoted to the study of contemporary ethnic identity of the Tatar population of Western Siberia according to the data of ethno-sociological studies and National Population census 2002 and 2010. The Relevance of research is connected with the debatable question of the ethnic identity of the Tatar population of Western Siberia, including the native Tatar population of the Tatars and immigrants. It is shown that the Tatars of the region are characterized by a multi-level character of self-identification, which is reflected in the differences between the results of census and ethnosociological studies. If in the course of

the all-Russian census for the vast majority of respondents came to the fore awareness of themselves, first of all, representatives of the Tatar community, then, according to ethnosociological research, the majority of respondents attributed themselves to the Siberian Tatars.

Keywords: *ethnocultural identity, Western Siberia, Tatar population, Siberian Tatars, sociological research, population census.*

For citation: Tychynskikh Z.A. On the issue about ethnic identity of Siberian Tatars. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 132–136 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.132-136.

Вопрос об этнической идентичности татар, проживающих в Западной Сибири, является одним из дискуссионных в научном и общественном дискурсе постсоветского периода. К причинам дискуссионности, на наш взгляд, можно отнести следующие аспекты: многокомпонентность татарского населения Западной Сибири; разновременность заселения территории Западной Сибири татарами-переселенцами, неравномерность их расселения; актуальность проблем сохранения самобытного языка и культуры для коренного татарского населения; политические аспекты, связанные с определением исторического статуса населения Сибири, как коренного; деятельность татарской интеллигенции, общественных организаций по формированию идентичностей; ситуация конструирования идентичностей «сверху».

По итогам Всероссийской переписи населения – 2010 численность татарского населения Западной Сибири (Тюменская, Омская, Новосибирская, Кемеровская, Курганская, Томская области, Хакасия, Алтайский край, Республика Алтай) составила свыше 380 000 чел. [Всероссийская перепись..., 2010].

Татарское сообщество Западной Сибири включает в себя коренное татарское население, самоназванием части которого является этноним «себер татарлар», а также значительную группу татар, под влиянием различных факторов переселившихся из Поволжья и Приуралья в течение XVI–XX вв. Наибольший приток татар-мигрантов пришелся на XX в., активизировавшись в 60–70-е гг. XX столетия в связи с освоением нефтегазовых месторождений Севера Западной Сибири.

На сегодняшний день одна группа коренного татарского населения региона идентифицирует себя как составная часть единого татарского этноса, другая считает себя самостоятельным этносом «сибирские татары» («себер татарлар», «себерлар», «себер халык»).

На массовом уровне научное обследование состояния и содержания идентичности современного татарского населения Западной Сибири масштабно не проводилось. На наш взгляд, наиболее адекватным, научно верифицированным подходом к рассмотрению вопроса могут стать этносоциологические исследования, позволяющие на материалах репрезентативного опроса понять реальные представления людей.

Первые исследования самосознания и самоидентификации татарского населения Западной Сибири были проведены в 70–80-е гг. XX в. Н.А. Томиловым [Томилов, 1993, с. 170–184]. В 90-е гг. XX в. – начале 2000-х гг. на юге Тюменской обл. проводились социологические исследования под руководством Н.Г. Хайруллиной, актуализированные во многом происходящими в стране политическими процессами [Хайруллина, Салихова, 2004].

Следующий этап исследований, направленных на изучение современной этничности и самоидентификации татарского населения Тюменской обл., относится к 2010 г., когда в соответствии с проектом создания «Программы развития татарского населения субъекта РФ на 2010–2020 гг.» у татар юга Тюменской обл. был проведен анкетный опрос, в котором принял участие 721 респондент. По итогам была издана монография «Татары Тюменской области: история и современность» [Татары..., 2011]. И, наконец, в 2014 г. были проведены масштабные этносоциологические исследования в Тюменской, Омской, Новосибирской и Томской областях под руководством Г.Ф. Габдрахмановой, результаты которых отражены в коллективной монографии [История..., 2015, с. 576–631].

Актуальность исследований, проведенных в 2010 г. в Тюменской обл., была связана с тем, что здесь наиболее наглядно просматриваются проблемы самоидентификации татар. Среди сибирских татар юга Тюменской обл. периодически поднимается вопрос о признании их коренным малочисленным этносом, отличным от поволжских татар. Особенно эта тема актуализировалась после оглашения результатов Всероссийской переписи 2010 г.

Еще до начала переписи представители сибирско-татарской общественности юга Тюменской обл. неоднократно поднимали вопрос о том, чтобы при проведении переписи их записывали сибирскими татарами. В итоге, по переписи 2010 г. в РФ сибирскими татарами записалось 6779 чел., из которых 6676 – жители Тюменской обл., что составляет 7,5 % от общей численности татар (239 995 чел.) Тюменского региона [Всероссийская перепись..., 2010].

К сравнению: по итогам предыдущей переписи 2002 г. сибирскими татарами определили себя 9611 чел., из которых ок. 7800 чел. – жители Тюменской обл., на территории которой, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, проживало, по данным переписи 2002 г., 242 325 татар [Всероссийская перепись..., 2002].

Безусловно, цифра 6779 <сибирских татар> далеко не отражает реальную численность коренного татарского населения, т.к. уже в начале XX в. татар Сибири, без переселившихся из Поволжья и Приуралья, насчитывалось свыше 90000 человек, а в настоящее время, по примерным подсчетам, их число составляет свыше 200 тыс. чел. Эта цифра определена различными причинами, включая и такие субъективные, как уровень подготовленности переписчиков, агитационная деятельность в Татарстане перед переписью 2002 г., рекомендовавшая людям записываться общим этнонимом «татары» (при переписи 2010 г. такая агитация отсутствовала) и др. Но все же, на наш взгляд, эти цифры отражают, в первую очередь, многоуровневый характер самоидентификации современного татарского населения региона. Видимо, в ходе Всероссийской переписи для подавляющего большинства татарского населения на первый план вышло осознание себя прежде всего представителями татарской общности.

Остановимся на результатах этносоциологических исследований 2010 г. по югу Тюменской обл. На вопрос анкеты «К какой национальности Вы себя относите?» (предлагались варианты ответов) 62,4 % назвали себя сибирским татаринком (татаркой), 28,2 % опрошенных назвали себя просто татаринком (татаркой), 7,8 % – казанским татаринком (татаркой). Как видим, процентное соотношение лиц, определивших себя сибирскими татарами, по результатам нашего анкетирования и по

итогах переписи 2002 г. (где 7800 сибирских татар составляют лишь 3 % от общей численности татарского населения региона), далеко не совпадает, даже учитывая тот факт, что в опросе участвовали жители юга области, где преимущественно живет коренное татарское население, а в переписи — население как юга области, так и Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, где значительна доля татар-мигрантов.

Активные миграционные процессы обусловили и значительную ассимиляцию между разными группами татар. Вероятно, в 28,2 % людей, назвавших себя в ходе социологического опроса татарами, вошли дети, родившиеся в «смешанных» семьях. Хотя не исключено и проявление собственно «татарского» самосознания.

90,3 % опрошенных выразили удовлетворенность своей национальной принадлежностью. Как отмечает Н.Г. Хайруллина, в 2001 г. лиц татарской национальности, высказавших удовлетворенность своей национальной принадлежностью, было на 12,6 % меньше, чем в 2010 г. [Хайруллина, Салихова, 2004].

В целом анализ ответов респондентов позволяет говорить о достаточно высокой степени этнического самосознания татарского населения области. Большинство опрошенных обеспокоены проблемами сохранения национальной самобытности. Даже в условиях стремительной унификации культуры сохраняется устойчивый интерес к национальной культуре, желание сохранить традиции, обряды, язык.

Итоги исследования отразили сложные этнические процессы, происходящие в настоящее время у сибирско-татарской этнической общности, на которые влияют как объективные, так и субъективные факторы. Но вместе с тем, на наш взгляд, они показали и итоги деятельности татарских общественных организаций, СМИ, которые за прошедшую четверть века повысили этническое самосознание татарского народа, что выразилось в ответах респондентов, демонстрирующих гордость за свой народ, желание знать и изучать свой язык, знать историю народа, соблюдать обычаи и традиции.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы фундаментального научного исследования «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтничном регионе в XVIII – начале XX в.» (№ 0408-2018-0003 ФНИ № 0408-2018-0003), а также в рамках научных проектов РГНФ №16-01-00476/17-ОГН, РФФИ № 18-013-0094.

Список литературы

Всероссийская перепись населения 2002 года: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 12.09.2018).

Всероссийская перепись населения 2010 года: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.09.2018).

История и культура татар Западной Сибири. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2015. – 728 с.

Татары Тюменской области: история и современность. – Тюмень: Вектор Бук, 2011. – 309 с.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – 222 с.

Хайруллина Н.Г., Салихова А.Р. Динамика социокультурной ситуации на юге Тюменской области. – Тюмень: Тюм. гос. нефтегаз. ун-т, 2004. – 117 с.

References

Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoi Sibiri. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan, 2015, 728 p. (in Russ.).

Khairullina N.G., Salikhova A.R. Dinamika sotsiokul'turnoi situatsii na yuge Tyumenskoi oblasti. Tyumen: Indust. Univ. of Tyumen, 2004, 117 p. (in Russ.).

Tatary Tyumenskoi oblasti: istoriya i sovremennost'. Tyumen': Vektor Buk, 2011, 309 p. (in Russ.).

Tomilov N.A. Problemy etnicheskoi istorii (po materialam Zapadnoi Sibiri). Tomsk: Tom. Univ. Press, 1993, 222 p. (in Russ.).

Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2002 goda: [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed: 12.09.2018) (in Russ.).

Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 goda [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 12.09.2018) (in Russ.).

Сведения об авторе:

Тычинских З.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН,

e-mail: zaituna.09@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5378-8909>.

Сибирские татары: особенности этносоциального развития в условиях глобализации

Охарактеризованы особенности этносоциального развития сообществ татар, компактно проживающих в сельских районах Сибири. Выделена структура практик, лежащих в основе экономики обследованных сообществ. Показано, что на современном этапе возможные риски развития и сохранения этнокультурного своеобразия связаны не с влиянием иноэтничного окружения, а с социально-экономическими факторами. Работа проведена на материалах социологических исследований 2014–2015 гг.

Ключевые слова: *сибирские татары, сельские сообщества, глобализация, экономическая диверсификация, этносоциальное развитие, этнос, этнолокальные сообщества, экономические практики, экономические институты, социальные институты.*

Для цитирования: Зазулина М.Р. Сибирские татары: особенности этносоциального развития в условиях глобализации. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 137–139. DOI 10.17746/0295-7.2019.137-139.

M.R. Zazulina
*Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Siberian Tatars: Features of Ethnosocial Development in the Context of Globalization

The features of ethno-social development of Tatar communities living compactly in rural areas of Siberia are characterized. The structure of economic practices of the studied communities is highlighted. It is shown that, at the present stage, the possible risks of development and preservation of ethnic and cultural identity are not associated with the influence of a foreign environment, but with socio-economic factors. On the materials of sociological research in 2014–2015.

Keywords: *Siberian Tatars, rural communities, globalization, economic diversification, ethno-social development, ethnos, ethnocultural communities, economic practices, economic institutions, social institutions.*

For citation: Zazulina M.R. Siberian Tatars: features of ethnosocial development in the context of globalization. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 137–139 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.137-139.

Россия является многонациональным и мультикультурным государством, а процессы развития этнической идентичности и связанные с ними процессы культурного и социального развития сохраняют свою значимость для всех насе-

ляющих ее этносов. В то же время этносоциальные процессы в современном мире оказываются крайне зависимы от целого ряда внешних факторов: экономических условий существования, государственной национальной политики. Влияние этих факторов и, соответственно, изменение этносоциальных процессов под их воздействием может оказаться неожиданно быстрым. В работе показаны особенности современного этапа этносоциального и экономического развития сообществ татар, проживающих в сельских районах Сибири. В качестве эмпирической основы послужили данные полевых исследований, проведенных в местах компактного проживания татар в Тюменской (Заболотский, Тюменский, Ялуторовский р-ны) и Новосибирской областях (Куйбышевский, Барабинский и Чановский р-ны) в 2014–2015 гг.

Современные этнокультурные процессы в этнолокальных сообществах сибирских татар характеризуются повышением престижа родного языка и высоким уровнем владения им, сохранением культурной преемственности и традиционной обрядности на уровне национальных праздников, а также сохранением традиционной религии – ислама. Этому в немалой степени способствуют такие факторы, как удаленность от урбанистических центров, сельский образ жизни, компактное проживание и моноэтничность. Все эти факторы в сочетании с сознательной установкой на воспроизводство традиционных образцов способствуют созданию уникальной социокультурной ситуации, позволяющей сохранить этническое своеобразие в достаточном полном объеме.

Однако влияние современных глобализационных процессов на развитие этнолокальных сообществ является крайне противоречивым. Удаленность этнолокальных сообществ, их моноэтничность и обособленность в наибольшей степени способствуют сохранению национальной культуры и языка. С другой стороны, с точки зрения перспектив развития этноса именно подобный тип сообществ демонстрирует тенденцию к старению, депопуляции, что обусловлено, прежде всего, низким потенциалом социально-экономического развития территорий его проживания. Напротив, близость этнолокальных сообществ к крупным урбанистическим центрам, неминуемо приводящая к усилению их воздействия на традиционную культуру, гарантирует возможности для активного социально-экономического развития села и его сохранения в дальнейшем в качестве места компактного проживания этнолокальных сообществ.

Как показывают наши исследования, основные проблемы, стоящие перед сибирскими татарами в местах их компактного проживания, имеют не столько культурный, сколько социально-экономический характер (плохое качество дорог, бедность, безработица), т.е. связаны не с влиянием иноэтничного окружения, а с социально-экономическими факторами. Таким образом, состояние этнокультурной сферы и, соответственно, перспективы дальнейшего воспроизводства этничности должны рассматриваться в контексте социально-экономической ситуации.

В современных условиях проживание в сельской местности подразумевает использование в качестве основной адаптационной стратегии диверсификацию экономических практик, при которой сельские семьи (в т.ч. и в этнолокальных сообществах) вынуждены совмещать различные практики хозяйствования, прежде всего современные и традиционные. Основными разновидностями экономических практик, используемыми в сельской местности, являются:

- 1) собирательство;
- 2) ведение личного подсобного хозяйства;
- 3) занятость в месте проживания (сюда мы относим любую занятость формально-го и неформального характера в бюджетной и небюджетной сферах, осуществляемую в пределах села либо предполагающую выезд за его пределы в рамках рабочего дня);
- 4) занятость, связанная с долговременными отлучками из села (вахта, долговременные приработки в городе, например строительство и пр.).

Если первые две практики могут быть отнесены к группе традиционных, то третья и четвертая являются современными. Процессы увеличения в обществе доли современных практик и уменьшения доли традиционных практик на первый взгляд кажутся вполне логичными. Однако структура экономических практик находится в процессе трансформации, поскольку население этнолокальных поселков, так же как и все сельское население, вынуждено приспосабливаться к постоянно меняющимся экономическим условиям. В реалиях перманентного социально-экономического кризиса именно традиционные практики стали основой выживания этнолокальных сообществ татар (развалились колхозы, задерживают зарплату – татары начинают заниматься сбором грибов, ягод, дикоросов; дорого покупать комбикорм для кур – держат сезонно гусей и т.д.).

Диверсификационная экономическая стратегия (сочетание всех практик) характерна для каждого из обследованных поселков, при этом конкретное сочетание практик зависит от доступных ресурсов, удобных рынков сбыта, а также сложившихся локальных традиций хозяйствования. В последнее десятилетие основными тенденциями в экономической сфере выступают увеличение масштабов работы вахтовым методом (ведущее к сворачиванию личных подсобных хозяйств), но одновременно усиливается специализация в рамках сектора личных подсобных хозяйств и выделение его в главную сферу экономической деятельности для многих домохозяйств. Стоит упомянуть также увеличение доли практик, связанных с собирательством.

В результате складывается ситуация, при которой развитие традиционных практик и даже работа в любой нетрадиционной сфере, но в пределах села способствуют замкнутости и сохранению этнокультурного своеобразия. И напротив, экономические стратегии, связанные с отходничеством, размывают традиционный образ жизни. Поскольку современным отходничеством из села занято пока лишь первое поколение представителей этнолокальных сообществ, постольку масштабы и скорость деградации этнической культуры можно прогнозировать с некоторой степенью приближенности.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00942 А).

Сведения об авторе:

Зазулина М.Р. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН,

e-mail: zamashka@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-8984-1129>.

Н.П. Миронова, С.А. Симакова
*Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр УрО РАН»,
г. Сыктывкар, Россия*

**Алтайские коми:
трансформация идентичности во второй половине XX века
(по материалам экспедиции Л.Н. Жеребцова 1969 года)**

В работе представлены исследования этноареальной группы алтайских коми этнографами Коми филиала АН СССР в 1960–1980-х гг. под руководством Л.Н. Жеребцова. Рассмотрены вопросы сохранения языка, фольклора, особенностей материальной культуры и самосознания различных поколений жителей сел Зырянновка, Новозырянново, потомков переселенцев из Коми края в середине XVIII – начале XX в. Данные исследования позволяют дать оценку содержания исторической памяти представителей различных поколений потомков переселенцев из Коми края, их этнокультурных ориентаций в конце 1960-х гг., показать формирование региональной сибирской идентичности в этноареальной группе алтайских коми.

Ключевые слова: *этноареальные группы, алтайские коми, миграционные процессы, межэтническое взаимодействие, этническое самосознание, региональная идентичность, Коми филиал АН СССР, Л.Н. Жеребцов.*

Для цитирования: Миронова Н.П., Симакова С.А. Алтайские коми: трансформация идентичности во второй половине XX века (по материалам экспедиции Л.Н. Жеребцова 1969 года). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 140–143. DOI 10.17746/0295-7.2019.140-143.

N.P. Mironova, S.A. Simakova
*Federal Research Centre of the Department of Interdisciplinary Researches
in the Humanities, Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

**The Altai Komi:
Transformation of Identity in the Second Half of 20th Century
(on Materials of L.N. Zherebtsov's Expedition in the 1969)**

The study of the ethno-areal group of the Altai Komi on the basis of scientific and organizational documentation of the 1960–1980-s of the Department of Ethnography and Archeology of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences is presented in the article. In the summer of 1969 the ethnographic group of the Siberian folklore and ethnographic group under the leadership of L.N. Zherebtsov conducted researches in the Altai Region. It shows the multiplicity of forms of ethnic identity and the formation of regional Siberian identity in the ethno-areal group of the Altai Komi.

Keywords: *ethno-areal groups, the Altai Komi, migration processes, interethnic interaction, ethnic self-awareness, regional identity, the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, L.N. Zherebtsov.*

For citation: Mironova N.P., Simakova S.A. The Altai Komi: transformation of identity in the second half of 20th century (on materials of L.N. Zherebtsov's expedition in the 1969). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 140–143 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.140-143.

За последнюю четверть века роль этнологической науки в нашей стране значительно возросла, что связано с резким увеличением значения этнического фактора в обществе и необходимостью его всестороннего изучения. Этнологическая проблематика тесно сопряжена с вопросами геополитики, государственности, национальной, региональной, этнической форм идентичности, историко-культурными доминантами общества.

С середины 1960-х гг. в рамках исследований историко-культурных взаимоотношений коми с соседними народами этнографами Коми филиала АН СССР под руководством Любомира Николаевича Жеребцова* началось изучение этноареальных групп коми [Жеребцов, 1982; Конаков, Котов, 1991]. В работе на основе анализа научной и научно-организационной документации отдела этнографии и археологии Коми филиала АН СССР за 1960–1980-е гг. рассматривается изучение этноареальной группы алтайских коми этнографами Коми филиала АН СССР, прежде всего Л.Н. Жеребцовым, который был руководителем и идейным вдохновителем единственной комплексной экспедиции в Алтайский край в 1969 г. Рассмотренный комплекс документов включает научные отчеты [Жеребцов, 1969; Жеребцов, 1971; Жеребцов, 1980], фотодокументы по материалам экспедиции [Приложение к отчету 1969 г.]. Полученные в ходе экспедиции данные внесли существенный вклад в изучение вопросов этнической истории народов коми и не теряют своей актуальности и сегодня при анализе вопросов исторической памяти и этнической идентичности потомков коми-зырян и коми-пермяков Алтайского края.

В Алтайском крае коми стали селиться с XVIII в. в качестве рабочих Колывано-Воскресенских заводов горнозаводчика Акинфия Демидова. С начала XIX в. поток переселенцев из Коми края усилился, только по одному списку приписных переселенцев числятся 650 чел. из Коми края. В 1803 г. была основана дер. Зырянновка. По данным переписей населения, в Алтайском крае насчитывалось в 1989 г. – 203 коми, 211 коми-пермяков; в 2002 г. – 167 коми, 206 коми-пермяков, в 2010 г. – 63 коми, 119 коми-пермяков [Всероссийская перепись..., 1989; Всероссийская перепись..., 2002; Итоги..., 2010].

Особый интерес в материалах экспедиции представляют интервью и беседы с потомками переселенцев, записи коми песен и частушек, исполненных местными жителями. В записях экспедиционных интервью с жителями с. Новозырянново прослеживается четкая сибирская региональная идентичность, отделение себя от остальной России: «мы сибирские, а они российские».

*Жеребцов Любомир Николаевич (1925–1991), выдающийся коми ученый-этнограф, основоположник коми региональной этнографической школы, канд. ист. наук (1952). С 1952 по 1990 г. работал в Коми научном центре УрО АН СССР, в 1971–1988 гг. руководил сектором этнографии. Его научные интересы охватывали традиционную материальную и духовную культуру коми, этнографическое районирование, этническую историю, вопросы исторического расселения коми, историко-культурного взаимодействия коми с соседними народами.

В целом результаты экспедиции 1969 г. в Алтайский край позволили значительно расширить знания по этнической истории народов коми. Для современных исследований историко-культурных ориентаций народов России особую ценность представляют записи воспоминаний и свидетельства устной истории представителей различных поколений, которые демонстрируют сущность исторической памяти, этнической и региональной идентичности.

Благодарности

Работа подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН на 2018–2020 гг. «Исследователи Севера России: биографика и научное наследие» 18-6-6-2.

Список литературы

Всероссийская перепись населения 2002 года: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 16.04.2018).

Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=57 (дата обращения: 16.04.2018).

Жеребцов Л.Н. Историко-культурные связи народа коми. Итоговый отчет за 1971–1975 гг. // Науч. архив Коми науч. центра УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 142.

Жеребцов Л.Н. Заключительный отчет по теме «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами» 1980 г. // Науч. архив Коми науч. центра УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 264.

Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М.: Наука, 1982. – 224 с.

Жеребцов Л.Н. Научный отчет Сибирского этнографического отряда об итогах 1969 года // Науч. архив Коми науч. центра УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 194.

Жеребцов Л.Н. Отчет (заключительный) о научно-исследовательской работе по теме «Этнокультурные связи народа коми» за 1966–1970 годы, 1971 год // Науч. архив Коми науч. центра УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 6.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 16.04.2018).

Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. – М.: Наука, 1991. – 232 с.

Приложение к отчету 1969 года Сибирского этнографического отряда (альбом 1). Науч. архив Коми науч. центра УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 195.

References

Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010. Chislennost' naseleniya Rossii, federal'nykh okrugov, sub'ektov Rossiiskoi Federatsii, gorodskikh okrugov, munitsipal'nykh raionov, gorodskikh i sel'skikh

poselenii [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 16.04.2018) (in Russ.).

Konakov N.D., Kotov O.V. Etnoareal'nye gruppy komi : Formirovanie i sovremennoe etnokul'turnoe sostoyanie. Moscow: Nauka, 1991, 232 p. (in Russ.).

Prilozhenie k otchetu 1969 goda Sibirskogo etnograficheskogo otryada (al'bom 1). In *Nauch. arkhiv Komi nauch. tsentra UrO RAN*. F. 1. Inv. 13. D. 195 (in Russ.).

Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2002 goda: [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed: 16.04.2018) (in Russ.).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam Rossii: [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=57 (accessed: 16.04.2018) (in Russ.).

Zherebtsov L.N. Istoriko-kul'turnye svyazi naroda komi. Itogovi otchet za 1971–1975 gody. In *Nauch. arkhiv Komi nauch. tsentra UrO RAN*. F. 5. Inv. 2. D. 142 (in Russ.).

Zherebtsov L.N. Zaklyuchitel'nyi otchet po teme “Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami” 1980 goda. In *Nauchnyi arkhiv Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*. F. 5. Inv. 2. D. 264 (in Russ.).

Zherebtsov L.N. Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami. Moscow: Nauka, 1982, 224 p. (in Russ.).

Zherebtsov L.N. Nauchnyi otchet Sibirskogo etnograficheskogo otryada ob itogakh 1969 goda. In *Nauch. Arkhiv Komi nauch. tsentra UrO RAN*. F. 1. Inv. 13. D. 194 (in Russ.).

Zherebtsov L.N. Otchet (zaklyuchitel'nyi) o nauchno-issledovatel'skoi rabote po teme “Etnokul'turnye svyazi naroda komi” za 1966–1970 gody, 1971 god. In *Nauch. arkhiv Komi nauch. tsentra UrO RAN*. F. 5. Inv. 2. D. 6 (in Russ.).

Сведения об авторах:

Миронова Н.П. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН»,

e-mail: sidnap@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1432-7528>;

Симакова С.А. – младший научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН»,

e-mail: simakova74@list.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7361-0692>.

Идентичность езидов в России и на постсоветском пространстве

Статья посвящена проблеме идентичности езидов в России и на постсоветском пространстве, народа, подвергшегося геноциду со стороны террористов ИГИЛ в августе 2014 г. В работе рассматриваются сугубо исторические, научные и политические аспекты идентификации езидов.

Ключевые слова: *идентичность, езиды, курды, Ближний Восток, Россия, СССР, Армения, Грузия, Ирак.*

Для цитирования: Рзгойан Р.В. Идентичность езидов в России и на постсоветском пространстве. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 144–146. DOI 10.17746/0295-7.2019.144-146.

R.V. Rzgoyan
*Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia*

The Identity of the Yazidis in Russia and Post-Soviet Space

This article is devoted to the identity of Yazidis in Russia and post-soviet space, the people who were subjected to genocide by the terrorists of ISIS in August 2014. The publication focuses on the historical, scientific and political aspects of identification of Yazidis.

Keywords: *identity, Yazidis, Kurds, Middle East, Russia, USSR, Armenia, Georgia, Iraq.*

For citation: Rzgoyan R.V. The identity of the Yazidis in Russia and post-soviet space. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 144–146 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.144-146.

Одним из самых спорных вопросов как в научных кругах, так и среди самих езидов является вопрос их идентичности. Данная проблема стала актуальной на территории СССР в конце 1920-х гг. и была связана с национальной политикой государства, основанной на принципе схожести языков. На сегодняшний день езидское сообщество расколото и разделено на две части: одни идентифицируют себя в качестве езидов, а другие – в качестве курдов. Между ними идет скрытая конфронтация, которая отчасти подогревается внешними силами. Официальная наука в лице Института этнологии и антропологии РАН признает езидов в качестве самостоятельного этноса и во Всероссийской переписи населения 2002 г. они были выделены как отдельный народ [Вера..., 2009, с. 67].

По мнению немецкого востоковеда XX в. Г. Виснера, езиды представляют собой этнос, который сложился вследствие того, что курды исключили езидов из своего этноса [Die Yeziden...]. Отчасти с немецким ученым можно согласиться. Многовековые преследования езидов со стороны курдов отдалили их друг от друга, заставили езидов замкнуться в себе и выработать свое собственное самосознание.

Стоит отметить, что вопрос о происхождении езидов всегда вызывал споры ученых. Двухязычие езидской общины, часть которой говорит на курманджи, а другая — на арабском языке, лишь усиливало эти дебаты. Как верно отмечает езидский исследователь Х. Брока, многие народы Ближнего Востока пытались причислить езидов к себе [Broka]. Однако в историческом плане позиция самих езидов отражена в архивных документах, а также в заметках европейских путешественников, которые свидетельствуют о наличии у них своего собственного самосознания. Так, британский миссионер Джозеф Вульф в 1824 г. писал: «...Я спросил христианина, является ли мужчина, сидящий слева от меня курдом. Езид, который понял мой вопрос, ответил, что он не курд, а езид...» [Wolff, 1828, p. 246]. Французский же исследователь Эрнест Шантре, посетив езидов Биреджика (город на территории современной Турции) в 1895 г., отмечал: «Езиды называют свой язык езидским и сообщают, что курды говорят на их языке, а не они на курдском» [Chantre, 1895, p. 74].

В переписках езидских глав племен и эмиров с властями Российской империи или грузинскими царями они всегда подчеркивали свою этническую самостоятельность. Лидер кавказских езидов первой половины XX в. Усуб-бек Теймуров в своем прошении к российским властям о предоставлении помощи езидским беженцам из Турции четко отделял езидов от курдов.

В российской научной литературе XIX в. езиды упоминаются в контексте с курдами и появляется термин *курды-езиды*, который постепенно закрепляется в российском курдоведении и по инерции до сих пор используется многими исследователями, ссылающимися на работы предыдущих авторов.

Вплоть до конца 1920-х гг. езидские интеллигенты позиционировали себя как представителей езидского этноса и в своих статьях они явно на это указывали. Даже советские власти отчетливо разделяли курдов и езидов. Данный тезис подтверждают документы тех лет.

С приходом И.В. Сталина к власти постепенно усиливается этнолингвистическое нивелирование в СССР, которое приводит в конечном счете к унификации родственных народов. Это была вынужденная мера, направленная на решение национального вопроса в стране. После реализации в стране данной политики езиды в российском курдоведении стали рассматриваться как субэтнос курдов, а при проведении переписей в 1930–1980-е гг. езидов не рассматривали как самостоятельный этнос. Несмотря на это, в СССР официально все же учитывалось мнение самого народа. Во всех официальных документах в графе «национальность» у езидов было написано «езид».

Для езидов же их наименование всегда являлось первостепенным. Так, например, согласно переписи населения России 2010 г., езидами по национальности назвались 40,6 тыс. чел., в то время как курдов в стране было 23,3 тыс. чел. По данным переписи населения Армении 2011 г., езидами назвались 35308 чел., а курдами — 2162 чел. [Перепись..., 2011; Всеобщая перепись населения Армении]. Что же касается соседней Грузии, то по последней переписи 2014 г., в стране проживают 12200 езидов [В Грузии...]. Данные же по количеству проживающих в Грузии курдов отсутствуют [Всеобщая перепись населения Грузии].

Таким образом, несмотря на то, что некоторые специалисты обвиняют армян, турок, арабов и другие народы в содействии сепарации езидов, причины этого лежат в исторической и научной плоскости.

Список литературы

- В Грузии** сокращается численность езидов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ezidipress.com/ru/2016/05/01/v-грузии-сокращается-численность-ези/> (дата обращения: 06.07.2018).
- Вера.** Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 368.
- Всеобщая** перепись населения Армении 2011: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.armstat.am/file/doc/99484883.pdf> (дата обращения: 06.07.2018).
- Всеобщая** перепись населения Грузии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.geomigrant.com/2016/04/28/всеобщая-перепись-населения-грузии> (дата обращения: 06.07.2018).
- Перепись** населения Армении 2011 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.armstat.am/file/doc/99484908.pdf> (дата обращения: 06.07.2018).
- Брока Н.** Theoriya “kurdên êzîdî”, û fobya şêxadiyatîyê: Gengeşeyeke vekirî bi Prof. Dr. İlhan Kizilhan re [Электронный ресурс]. URL:<http://www.felsefevan.org/theoriya-kurden-ezidi-u-fobya-sexadiyatîye-gengeseyeke-vekiri-bi-prof-dr-ilhan-kizilhan-re.html> (дата обращения: 02.06.2014).
- Chantre E.** Notes ethnologiques sur les Yésidi. – Paris, 1895. – 74 p.
- Die Yeziden** müssen eine eigene Theologie entwickeln. Gernot Wießner [Электронный ресурс]. URL: http://yeziden.de/yeziden_theolog.0.html (дата обращения: 02.02.2013).
- Wolff J.** Missionary to the Jews. – London, 1828. – Vol 2. – 246 p.

References

- Broka H.** Theoriya “kurdên êzîdî”, û fobya şêxadiyatîyê: Gengeşeyeke vekirî bi Prof. Dr. İlhan Kizilhan re [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.felsefevan.org/theoriya-kurden-ezidi-u-fobya-sexadiyatîye-gengeseyeke-vekiri-bi-prof-dr-ilhan-kizilhan-re.html> (accessed: 02.06.2014) (in Kurd.).
- Chantre E.** Notes ethnologiques sur les Yésidi. Paris, 1895, 74 p.
- Die Yeziden** müssen eine eigene Theologie entwickeln. Gernot Wießner [Elektronnyi resurs]. URL: http://yeziden.de/yeziden_theolog.0.html (accessed: 02.02.2013).
- Perepis’** naseleniya Armenii [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.armstat.am/file/doc/99484908.pdf> (accessed: 06.07.2018) (in Russ.).
- V Gruzii** sokrashchaetsya chislennost’ ezidov [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.ezidipress.com/ru/2016/05/01/v-gruzii-sokrashchaetsya-chislennost’-ezi/> (accessed: 06.07.2018) (in Russ.).
- Vera.** Etnos. Natsiya. Religiozniy komponent etnicheskogoso znaniya. Moscow, 2009, 368 p. (in Russ.).
- Vseobshchaya** perepis’ naseleniya Armenii [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.armstat.am/file/doc/99484883.pdf> (accessed: 06.07.2018) (in Russ.).
- Vseobshchaya** perepis’ naseleniya Gruzii [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.geomigrant.com/2016/04/28/vseobshchaya-perepis’-naseleniya-gruzii> (accessed: 06.07.2018) (in Russ.).
- Wolff J.** Missionary to the Jews. London, 1828, vol. 2, 246 p.

Сведения об авторе:

Рзгоян Р.В. – соискатель степени кандидата исторических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
e-mail: rust1990-russia@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9270-830X>.

Память и формирование родовой идентичности на примере дворянского рода Жандр

Работа посвящена рассмотрению значения памяти в формировании родовой идентичности и ее роли в жизни человека. Объектом исследования избран российский дворянский род Жандр, происходящий из Франции и вынужденный в конце XVI в. покинуть эту страну. Изучение его истории проводилось с помощью изучения разнотипных исторических источников: архивного делопроизводства, периодической печати, публицистики и источников личного происхождения, что позволило отделить «реальную» историю рода от «мифической» (сконструированной искусственно). В результате определены причины реконструкции родовой идентичности и её роль в истории рода в целом.

Ключевые слова: *Жандр, родовая идентичность, память, Гражданская война, Варфоломеевская ночь, дворянство, эмиграция, социокультурный перелом, Оттон де ла Рош, Четвертый крестовый поход, конструирование идентичности.*

Для цитирования: Романов П.И. Память и формирование родовой идентичности на примере дворянского рода Жандр. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 147–150. DOI 10.17746/0295-7.2019.147-150.

P.I. Romanov
*Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia*

Memory and Formation of Family Identity on the Example of a Noble Family Gendre

The article is devoted to the consideration of the value of memory in the formation of a family identity and its role in human life. The Russian noble family Gendre, originated from France and forced to leave that country at the end of the 16th century, was chosen as the object of study. The study of its history was carried out through the study of diverse historical sources: archival records, periodicals, political writings and sources of personal origin, which allowed to separate the “real” history of the family from the “mythical” (artificially constructed). As a result, the reasons for the reconstruction of family identity and its role in the history of the family as a whole are identified.

Keywords: *Gendre, family identity, memory, Civil war, St. Bartholomew’s Day massacre, nobility, emigration, sociocultural crisis, Othon de la Roche, the Fourth Crusade, construction of identity.*

For citation: Romanov P.I. Memory and formation of family identity on the example of a noble family Gendre. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 147–150 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.147-150.

Начало изучению истории рода Жандр было положено в 2013 г., когда новосибирское краеведческое сообщество заинтересовалось личностью инженера-путейца В.К. Жандра, работавшего на территории современного Новосибирска в 1890-х гг.

[Капустин, 2013]. Реконструкция биографии инженера, осуществленная на основе делопроизводственных источников, поставила перед исследователями задачу изучения истории всего рода для понимания контекста формирования личности В.К. Жандра и принимаемых им на протяжении его карьеры решений, в рамках направления «интеллектуальная биография» [Романов, 2016].

В ходе исследования выяснилось, что идентичность (религиозная, национальная, культурная) представителей рода в результате социокультурных потрясений, политических изменений и вызванных ими перемещений подвергалась неоднократной трансформации, вместе с тем родовая идентичность, формируясь на протяжении длительного времени, была к началу XX в. принята многими членами рода.

Наибольший интерес представляет взгляд на ее трансформацию в ходе переломных для русского дворянства событий Гражданской войны и последующей эмиграции.

История рода Жандр изучена нами на основании архивных данных русскоязычного делопроизводства XVIII–XX вв., сохраненных в государственных архивах России (РГИА, СПбФАРАН) (РГИА. Ф. 214. Оп. 22. Д. 42), а также источников личного происхождения: писем, мемуаров периода эмиграции Жандров во Францию в XX в. и истории рода (с XII по XX в.), обобщенной в 1940–1960 гг. на базе легенд, воспоминаний и архивных документов Олегом Георгиевичем Жандром в форме рукописи в тетради, до сих пор находящейся в личном архиве рода Жандр в Париже.

В ходе работы возникла проблема отделения реально происходивших событий и фактов от сконструированных и сфальсифицированных с целью формирования особого родового самосознания уже позднее (по причине разнородности и отсутствия систематизации в личном архиве рода Жандр нет возможности дать ссылки на конкретные документы).

Исторический перекрестный анализ в данном случае не является эффективным, поскольку события, описанные в сочинениях Жандров (мелкие подробности даже масштабных исторических событий – Крестовых походов, Варфоломеевской ночи и т.д.) в большинстве своем не приводятся в источниках, а генеалогические связи данного периода вообще трудно проследить.

Трудно сказать, когда действительно возник род Жандр (Gendre), но очевидно, что к XVI в. он уже был сформирован и, вероятно, представители рода проживали в графстве Бургундия в местечке под названием Gendrey. Легенда, сложившаяся, видимо, уже позднее, свидетельствует о том, что род был образован известным деятелем четвертого крестового похода Оттоном де ла Рошем в XIII в., а фамилия Gendre («Зять») возникла в результате его брака с дочерью короля, что, однако, опровергается исследованиями жизни Оттона де ла Роша [Setton, 1976, p. 417].

В дальнейшем Жандры приняли лютеранство (как и многие передовые феодалы Франции эпохи реформации) и, пострадав от событий 1572 г., эмигрировали сначала в Швейцарию, затем транзитом через Хорватию и Польшу к началу правления Петра I оказались в Немецкой слободе в Москве. С этого времени об истории рода можно судить на основании архивных документов.

В период проживания в России с 1700-х по 1910-е гг. представители рода занимали важные посты на государственной службе и (по воле случая, как гласит легенда) приняли православие. Все без исключения мужчины – члены рода проявили себя в военном деле. Если верить легендарной истории, то с XIII в. все Жандры служили в армии той страны, в которой жили в данное время.

Из переписки членов семьи Жандр конца XIX в. становится понятно, что на пороге масштабных событий в российской истории была окончательно сформирована идентичность рода, критериями которой выступали патриотичность, православие, самоосознание себя как потомков Оттона де ла Роша, готовность отдать жизнь за Россию, рациональное ведение хозяйства. Этими критериями обуславливается вступление всех Жандров-мужчин, находившихся в действующей армии во время Первой мировой войны, в белое движение, представлявшее в ходе Гражданской войны силы, направленные на сохранение монархии.

После катастрофического поражения защитников старого строя важную роль в трансформации представителей рода сыграла память как средство формирования и хранения родовой идентичности. Военные, эмигрировавшие во Францию, в результате полученного сокрушительного удара по их самосознанию впали в долговременную депрессию. Показательна история двух братьев – Константина и Георгия Жандров, сыновей инженера-путейца В.К. Жандра, родившихся в 1894 и в 1895 гг. на территории будущей Новосибирской обл. Константин служил в Иностранном легионе, но, по воспоминаниям Георгия, будучи очень патриотичным и православным человеком, так и не смог пережить потерю родины и покончил с собой. Георгий потратил много сил на адаптацию и, по словам его сына Олега, постарался забыть все, что было в его жизни до Франции. Некоторые представители рода, люди достаточно взрослые к 1920 г., жили в эмиграции своими воспоминаниями с чувством глубокого сожаления о потере страны.

Были и такие, кто во время Гражданской войны в России был еще в очень юном возрасте и, оставшись на родине, смог адаптироваться к жизни в СССР. Константин Николаевич Жандр служил переводчиком и бухгалтером в 1920-е гг. Его сын, Леонид Константинович, с которым нам удалось встретиться, к своему 90-летию не знал абсолютно ничего об истории своего рода и только догадывался о дворянском происхождении отца. Видимо, в этом случае методом выживания стало умышленное забвение.

По итогам проведенного исследования можно с уверенностью говорить о том, что искусственно конструируемая и формируемая памятью родовая идентичность играет большую роль в жизни людей, оказавшихся перед выбором в период переломных и экстремальных ситуаций. Такими масштабными событиями для рода Жандр стали Варфоломеевская ночь в XVI в., в XX в. – Гражданская война и эмиграция.

В настоящее время почти все представители рода Жандр, проживающие в Париже, актуализировали свою родовую идентичность, что наметило тенденцию к возврату к традиции русской культуры, выраженную, прежде всего, обращением к православным обрядам.

Список литературы

Капустин В.П. Владимир Константинович Жандр: к 150-летию со дня рождения (записки рерайтера): [Электронный ресурс] // Интерактивное образование: электронное научное издание. – URL: <http://io.nios.ru/articles2/1/15/vladimir-konstantinovich-zhandr-k-150-letiyu-sodnya-rozhdeniya-zapiski-reraytera> (дата обращения: 25.10.2018).

Романов П.И. Источники для изучения биографии В.К. Жандра // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2016. – № 1 (39). – С. 85–88.

Setton Kenneth M. The Papacy and the Levant (1204–1571). – The American Philosophical Society, 1976. – Vol. I: The Thirteenth and the Fourteenth Centuries. – 523 p.

References

Kapustin V.P. Vladimir Konstantinovich Zhandr: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya (zapiski reraitera) [Elektronnyi resurs]. In *Interaktivnoe obrazovanie: elektronnoe nauchnoe izdanie*. URL: <http://io.nios.ru/articles2/1/15/vladimir-konstantinovich-zhandr-k-150-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-zapiski-reraytera> (accessed: 25.10.2018) (in Russ.).

Romanov P.I. Istochniki dlya izucheniya biografii V.K. Zhandra. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2016, No. 1 (39), pp. 85–88 (in Russ.).

Setton Kenneth M. The Papacy and the Levant (1204–1571). The American Philosophical Society, 1976, vol. I: The Thirteenth and the Fourteenth Centuries. 523 p.

Сведения об авторе:

Романов П.И. – магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета,

e-mail: p.romanov@g.nsu.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4977-8863>.

Представления о «своих» и «других» в условиях бикультурализма исторически полиэтнических регионов: экспериментальное исследование

Работа посвящена исследованию авто- и гетеростереотипов русских, башкир и коми-пермяков (внешность и характер). Установлено, что молодые коми-пермяки, башкиры и русские лишь относительно осознают базовые ценности их культуры: основные черты традиционного менталитета расположены на периферии автостереотипа. Гетеростереотипы лишь частично совпадают с автостереотипами, а также перераспределяются в зоне ядра и периферии. Башкиры и коми-пермяки воспринимают русских осторожно, скорее, негативно. Русские относятся к башкирам и коми-пермякам лучше, чем они к русским.

Ключевые слова: *этническая идентичность, этнические стереотипы, ментальность, региональная полиэтничность, коми-пермяки, башкиры, русские.*

Для цитирования: Шляхова С.С. Представления о «своих» и «других» в условиях бикультурализма исторически полиэтнических регионов: экспериментальное исследование. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 151–153. DOI 10.17746/0295-7.2019.151-153.

Ideas about “Their” and “Others” in the Conditions of Biculturalism Historically Multi-Ethnic Regions: Experimental Study

The thesis is presents the results of an experiment to study auto-stereotypes and hetero-stereotypes Russian, Bashkir and Komi-Perm ethnic groups (appearance and temper). It is established that young Komi-Permyaks, Bashkirs and the Russians are not fully aware of the basic values of their culture: the basic features of traditional mentality located at the periphery auto stereotype or in the field of insignificant (sporadic) reactions. Hetero-stereotypes only partially coincide with auto stereotypes and redistributed in the core zone and the periphery. Bashkirs and the Komi-Permyak people perceive Russian guardedly, rather negative, than positive. Russians see the Bashkirs and the Komi Perm better than the Bashkirs and the Komi-Permyak see the Russian people.

Keywords: *ethnic identity, ethnic stereotypes, regional multi-ethnicity, mentality, Komi-Permyaks, Bashkirs, Russians.*

For citation: Shlyakhova S.S. Ideas about “their” and “others” in the conditions of biculturalism historically multi-ethnic regions: experimental study. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 151–153 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.151-153.

В статье исследуются представления о «своих» и «других» трех базовых культур (финно-угорская, тюркская, славянская), которые исторически образуют культурное пространство Пермского края (коми-пермяки – 3,2 %, башкиры – 1,3 %, русские – 87,1 % населения).

Исследование проводилось среди молодых людей (15–35 лет). Методы исследования – face-to-face и онлайн-анкетирование. Анкета содержала следующие вопросы: Типичный (коми-пермяк/русский/башкир): 1) внешне – *какой?* 2) по характеру – *какой?* Было опрошено 217 человек (64 коми-пермяка, 52 башкира и 101 русский); получено 406 анкет, 2262 реакции.

Внешность. Автостереотипы внешности русских и башкир ориентированы на традиционные этнические представления, автостереотипы коми-пермяков отличаются размытостью этнической самоидентификации и ориентированы на русское культурное пространство. Русские и башкиры представляют свой этнос и друг друга более консолидировано, выделяя «усредненный» вариант внешности. Коми-пермяки более вариативно эксплицируют внешность своего и русского этноса, выделяя черты различных антропотипов.

Ядро авто- и гетеростереотипа о внешности башкир соответствует монголоидному антропотипу: 75 % башкир и 68 % русских указывают на *широкие скулы, круглолицесть, смуглость, узкие глаза*; 7,5 % башкир отмечают европеоидные черты этноса (*часто не отличить от славян*).

Ядро авто- и гетеростереотипов о внешности русских соответствует обобщенному антропологическому портрету русских: башкиры видят русского как *светлого* (45 % респондентов), *светлокожего* (32,5 %), *светлоглазого* (25 %); русские указывают на признаки *светловолосый* (52 %), *светлоглазый* (30 %), *светлокожий* (20 % респондентов); 34 % коми-пермяков идентифицируют русских как европейцев.

Авто- и гетеростереотипы коми-пермяков и русских относительно внешности коми-пермяков ориентированы на европеоидный антропотип (ядро стереотипа), но отмечаются черты *сублапоидного волго-камского типа (периферия стереотипа): невысокий или среднего роста, сильный, красивый блондин, который внешне не отличается от русского* (20,4 % коми-пермяков и 35,4 % русских); 3 % коми-пермяков и 3,8 % русских отмечают монголоидные черты этноса (*широкие скулы, круглолицый, смуглый*).

Характер. В целом русская молодежь лучше относится к башкирам и коми-пермякам, чем они к ней (см. таблицу). Так, единичные реакции башкир: *русский считает, что он самый лучший, при этом унижая все другие нации, за что все его и не любят*. Коми-пермяки часто говорят, что русские *унижают коми-пермяков, их быт и культуру; не толерантны, с пренебрежением смотрят, когда слышат коми-пермяцкую речь; недружелюбно относятся к коми-пермякам*. Однако количество отрицательных характеристик этих этносов у русских значительно меньше (от 9 до 38 % реакций), тогда как башкиры и коми-пермяки чаще дают отрицательные оценки русским (от 46 до 49 %). Это размывает стереотип о якобы негативном, высокомерном отношении русских к т.н. малым народам.

В коми-пермяках русским более всего не нравится *закрытость и необщительность*, в башкирах – *хитрость и грубоватость*. К коми-пермякам русские относятся значительно лучше, чем к башкирам.

Башкиры выше оценивают русских, чем коми-пермяки. Башкиры в качестве отрицательных черт русских отмечают *наглость, несдержанность и лень*, коми-пермя-

Гетеростереотипы этносов-соседей (% реакций)

Гетеростереотипы	Положительная	Нейтральная	Отрицательная
Коми-пермяки о русских	20,4 (<i>веселый, позитивный, добрый, отзывчивый, стоит за русскую землю, щедрый</i>)	30,4	49,2 (<i>высокомерный, дерзкий, наглый, грубый, вредный, капризный, трусливый, слабый, злой</i>)
Башкиры о русских	28,9 (<i>сильный, общительный, добрый, целеустремленный</i>)	25	46,1 (<i>наглый, дерзкий, несдержанный, ленивый</i>)
Русские о коми-пермяках	59,3 (<i>добрый, дружелюбный, отзывчивый, веселый, открытый, приятный в общении, милый, ответственный, радушный, гостеприимный, хозяйственный</i>)	31,8	8,9 (<i>замкнутый, закрытый, скрытный, необщительный</i>)
Русские о башкирах	26 (<i>веселый, отзывчивый, храбрый, серьезный</i>)	36,2	37,8 (<i>хитрый, немного грубый, вредный, выпендрожник</i>)

ки – *высокомерие* и *наглость*. Категоричные оценочные высказывания в описании русских в ответах башкир практически отсутствуют: *открытый, разговорчивый, добрый, смекалистый (придумает все что угодно, лишь бы сделать было меньше и проще), доверчивый, когда надо, может собраться и сделать дело с полной отдачей, трудится не особо усердно, часто ищет халявы; простой, рубаха-парень, любит гульнуть, мало думает о будущем; работает, воспитывает детей, но с каждым годом все хуже, много пьет; говорит часто матом и применяет жаргон.*

Автостереотипы показывают, что молодые коми-пермяки, башкиры и русские лишь относительно осознают базовые ценности своих культур: основные черты традиционного менталитета расположены на периферии автостереотипа или попадают в поле незначимых (единичных) реакций. Гетеростереотипы лишь частично совпадают с автостереотипами, а также перераспределяются в зоне ядра и периферии.

Башкиры и коми-пермяки воспринимают русских осторожно, скорее, негативно, чем позитивно, знают их сильные и слабые стороны. Представления о характере русских принципиально отличаются в авто- и гетеростереотипах, но во многом совпадают в гетеростереотипах башкир и коми-пермяков.

Русские относятся к башкирам и коми-пермякам лучше, чем они к русским. К коми-пермякам русские относятся несколько лучше, чем к башкирам. Русские воспринимают коми-пермяков как более коммуникабельных, свободных и приятных людей, нежели коми-пермяки сами себя. Коми-пермяки видят русских более разнообразно, в нюансах. Стереотипы башкир и русских о характере башкир существенно отличаются.

Сведения об авторе:

Шляхова С.С. – доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков и связей с общественностью Пермского национального исследовательского политехнического университета,

e-mail: shlyahova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5636-4837>.

Критерии «своего – чужого» в организации культурного пространства у народов Нижнего Приамурья

В работе выделяются составляющие оппозиции «свое – чужое» в построении культурного пространства народов Нижнего Приамурья. На примере восприятия и обозначения нанайцами своего окружения выводятся культурные стереотипы, лежащие в основу этико-эстетической системы ценностей нижнеамурского сообщества. Первоначально установление межкультурного диалога между группами базировалось на преодолении расхождений в их мировоззренческих и ритуально-обрядовых комплексах. Интеграция «чужих» культурных элементов в нижнеамурское культурное пространство способствовала его корректировке.

Ключевые слова: *Нижнее Приамурье, культурное пространство, дихотомия «свой – чужой», картина мира, ритуал, промысловое, аграрное общество.*

Для цитирования: Мальцева О.В. Критерии «своего – чужого» в организации культурного пространства у народов Нижнего Приамурья. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 154–156. DOI 10.17746/0295-7.2019.154-156.

O.V. Maltseva
*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Criteria of “Own – Alien” in the Organization of Cultural Space among the Lower Amur Peoples

The paper focuses on some components of the opposition “own or alien” in the construction of cultural space of the Lower Amur peoples. The stereotypical traits of ethical and aesthetic values belonged to the Lower Amur community are derived using the example of the perception and designation own environment by the Nanai people. Initially, the establishment of intercultural dialogue between groups was based on overcoming differences in their ideological and ritual complexes. The integration of “alien” cultural elements into the Lower Amur cultural space contributed to its adjustment.

Keywords: *Lower Amur, cultural space, “own or alien” dichotomy, worldview, ritual, anglers, agrarians.*

For citation: Maltseva O.V. Criteria of “own – alien” in the organization of cultural space among the Lower Amur peoples. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories,* 2019, 154–156 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.154-156.

Нижняя часть долины Амура является территорией проживания представителей двух языковых групп – палеоазиатской (палеосибирской) и тунгусо-маньчжурской. Несмотря на общность их традиционных хозяйственных практик, базирующихся на

рыболовстве и охоте, их комплекс представлений о мире и организация жизненного пространства содержат культурные коды, сложившиеся в различных природных средах. Исследователи коренного населения Нижнего Приамурья условно разделили культурные особенности на присущие «таежному» и «речному» мирам, за которыми скрываются традиции автохтонного населения — потомственных рыбаков, и традиции пеших охотников и оленеводов, мигрировавших из сибирской тайги. Как видно, в одной зоне происходили культурные напластования с выработкой знаковых структур в обозначении окружения и критериев в разделении его на «своих» и «чужих». Согласно этой дихотомии, противопоставлялись социальные группы, этические, эстетические предпочтения, мировоззренческие установки, что выражалось в формах обычного и ритуального поведения. Между палеоазиатскими и тунгусо-маньчжурскими народами одним из таких критериев восприятия соседей являлось неоднозначное отношение к медведю, олицетворявшего у обеих групп предка, покровителя тайги и земного мира. Церемониальное убийство выросшего и воспитанного среди людей медведя, практиковавшееся у нивхов и ульчей, не вписывалось в этические нормы горинских нанайцев, трактовавших это как «непочтительное отношение к таежному божеству». С течением времени ритуальное примирение между обеими сторонами было достигнуто в торгово-обменной коммуникации. Горинцы сбывали ульчам подросших медвежат, использовавшихся у тех в церемониальных целях, в обмен на лодки для дальнего плавания [Смоляк, 1982].

В мировоззренческом комплексе критерием «инаковости» служило происхождение духовных сущностей шаманского пантеона. И.А. Лопатин [1922] и С.М. Широкогоров [1919] в своих трудах приводят сведения, что у тунгусов помимо родовых духов, которых нужно было постоянно ублажать, существовали и инородные *дона*, буквально — это духи других территорий, которые с течением времени становились родовыми. Такая концепция духовного мира приемлема для экзогенных сообществ, пополняющихся элементами из чужеродной среды. Внутри нижнеамурского сообщества даже был выработан механизм адаптации инородных культурных компонентов к местному окружению, что отчетливо проявилось в свадебной обрядности и церемонии посещения родственников, когда приезжих символически обстреливали с целью отпугнуть чужеземных духов. Особенности запаха также служили критерием разделения социального окружения на своих и чужих. Сохранились свидетельства первого восприятия русских местным населением. От «страшных» людей, обладавших еще и другой внешностью, исходил «дурной» запах металла и пороха [Лопатин, 1922, с. 56–60] (ПМА, 2008 г.). Акцент на обонятельном восприятии мы находим у многих народов, он даже выражен в фольклоре, когда герой является носителем духа живых или мертвых.

С маньчжуро-китайским и русским влиянием принципы организации пространства жителей долины Амура постоянно корректировались. В их вертикальном устройстве мира выделялись ниши, аккумулировавшие все инокультурное влияние. Так, нанайцы средний мир считали своим, все чужеземное размещалось в верхнем (небесном) мире, который в свою очередь оказался очень динамичным и восприимчивым к изменениям в обществе. Он стал представлять альтернативную реальность. Связанные с ней какие-либо обряды не имели канонических правил, однако их импровизационный характер базировался на сложившемся кодировании пространства, возникшем из определенного ассоциативного ряда.

События XX в. обусловили сближение амурского промыслового и аграрного, технократического обществ. В период коллективизации и появления ссыльного населения многие нанайские семьи брали на воспитание детей каторжан. Русские дети усваивали язык, модель поведения приемных родителей, в некоторых случаях становились носителями нанайских традиций. Межэтническая коммуникация первоначально привела к размыванию разделительной черты в хозяйственном секторе (чтобы выжить в новых условиях, русские переселенцы перенимали хозяйственные практики от коренных амурских жителей). В организации пространства секторальное размещение и переоформление домов также способствовало стиранию различий. Традиционные компоненты культуры приобрели развлекательно-демонстрационное значение. В последнюю очередь переоформлялось смысловое пространство. В настоящее время в нем сохраняется демаркация на «своих» и «чужих», это проявляется в похоронно-поминальном комплексе, оценочном восприятии отдельных бытовых и промысловых действий.

Список литературы

Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. – Владивосток: [б. и.], 1922. – 371 с.

Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982. – С. 223–257.

Широкогоров С.М. Опыт исследования шаманства у тунгусов // Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке. – Владивосток: [Тип. Областного Земско-го Управления], 1919. – Т. 1. – С. 47–108.

References

Lopatin I.A. Gol'dy amurskie, ussuriiskie i sungariiskie. Vladivostok: [s. n.], 1922, 371 p. (in Russ.).

Shirokogorov S.M. Opyt issledovaniia shamanstva u tungusov. In *Uchenye zapiski istoriko-filologicheskogo fakul'teta v g. Vladivostoke*. Vladivostok: print. in Regional District Management, 1919, vol. 1, pp. 47–108 (in Russ.).

Smoliak A.V. Narody Nizhnego Amura i Sakhalina. In *Etnicheskaiia istoriia narodov Severa*. Moscow: Nauka, 1982, pp. 223–257 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Мальцева О.В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН,

e-mail: olymals@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0003-3694-7434>.

А.А. Кайдалова
*Архивный отдел управления документационного
и информационного обеспечения Администрации г. Сургута,
г. Сургут, Россия*

Медицинское обслуживание коренного населения в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах в середине 1950-х – 1960-х годов

В статье отражены основные формы организации медицинской помощи коренному населению национальных округов, реализация которой была направлена на снижение и дальнейшее искоренение эпидемических заболеваний.

Ключевые слова: *коренное население, заболеваемость, медицинское обслуживание.*

Для цитирования: Кайдалова А.А. Медицинское обслуживание коренного населения в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах в середине 1950-х – 1960-х годов. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 157–159. DOI 10.17746/0295-7.2019.157-159.

A.A. Kaydalova
*Archival Department of documentation and information
support management of the city Surgut Administration,
Surgut, Russia*

The Health Care of the Indigenous Population in the Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets National Districts in the Middle 1950s – 1960s

In the article the main forms of organization medical care of the indigenous population of national districts are reflected, the implementation of which was aimed at reducing and further eradication of epidemic diseases.

Keywords: *indigenous population, morbidity, medical care.*

For citation: Kaydalova A.A. The health care of the indigenous population in the Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets national districts in the middle 1950s – 1960s. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 157–159 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.157-159.

Организация и состояние медицинского обслуживания населения является своеобразным показателем общественного здоровья. Удовлетворительная материально-техническая база, достаточное количество врачебного и среднего медицинского персонала, доступность и своевременность медицинской помощи являются залогом успешного функционирования общества. В этой связи представляется правильным рассмотреть процессы развития здравоохранения в ретроспективе с целью учета опыта и предотвращения возможных негативных процессов в будущем.

Заболееваемость и медицинское обслуживание населения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов в рассматриваемый хронологический период практически не отличались между собой. Документы свидетельствуют о высокой заболееваемости коренного населения описторхозом, бруцеллезом, трахомой, паршой; встречались сыпной тиф, полиомиелит, а заболееваемость туберкулезом называли проблемой № 1 Северных национальных округов (ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 525. Л. 127). Такое массовое поражение эпидемическими болезнями объяснялось рядом причин: несоблюдением элементарных гигиенических норм, скученностью в жилище, неполноценным питанием, совместным проживанием с инфицированными.

Представителям малочисленных народов были доступны как стационарные специализированные медицинские учреждения, так и мобильные отделения экстренной и планово-консультативной медицинской помощи. Постоянно действующие передвижные медицинские отряды и санитарная авиация предназначались для оказания медицинской помощи кочующему населению либо проживающим в труднодоступных местах. Врачебные бригады проводили массовые осмотры населения с целью выявления заболеваний, оказания планово-консультативной и экстренной помощи. Больные, в т.ч. детское население, нуждающиеся в стационарном лечении, направлялись в больницы, диспансеры и санаторно-лесные школы.

В процессе оказания врачебной помощи медицинский персонал сталкивался с рядом трудностей. В информации о ходе выполнения мероприятий по улучшению медобслуживания оленеводов Ямало-Ненецкого национального округа за 1968 г. перечислялись «отсутствие средств передвижения к оленьим стадам ввиду отказа ненцев обеспечить медицинские бригады оленьими упряжками, отсутствие помещений для обследования больных... Переброски врачебных бригад к оленьим стадам вертолетом зависели от метеоусловий и обходились очень дорого. Осмотр каждого человека окружной больнице обошелся свыше 100 рублей» (ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 53. Д. 24. Л. 1).

Правительства округов ежегодно в своих бюджетах предусматривали финансирование медикаментозного лечения коренного населения, транспортировку больных из глубинных районов, выдачу приданого каждому ребенку представителей народностей Севера, родившемуся в медицинском учреждении или с медицинской помощью в тундре. В то же время повсеместно встречались факты неполного охвата иммунизацией детей, отсутствие квалифицированной медицинской помощи роженицам. Так, в 1960-е гг., по документальным свидетельствам, в Ямало-Ненецком национальном округе «49 % коренного национального населения ведут кочевой образ жизни и до 30 % родов проходит в чумах, из которых более одной трети рожают без медицинской помощи» (ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1 Д. 525. Л. 72; ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 53. Д. 24. Л. 9, 25). Анализируя результаты иммунизации детей в 1963 г., работники Ямало-Ненецких окружной санэпидстанции и окружной больницы свидетельствовали о непривитых противодифтерийными прививками детях с подробным указанием причин: по округу 2342 ребенка (11,5 %), из них: 1576 детей (67 %) кочуют с родителями, 191 (8,9 %) имеют временные медотводы, 37 детей (1,1 %) имеют постоянные медицинские отводы, 174 ребенка (7,6 %) приехали в округ без справок о прививках, 149 детей (6 %) не привиты по вине медицинских работников (ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1135. Л. 11).

Оказание практической лечебной помощи работники отрядов совмещали с санитарно-просветительской работой для медработников Красных чумов, фельдшерских пунктов и населения. Медицинские работники проводили лекции, беседы, семинары по гигиеническим навыкам, противотуберкулезным мероприятиям, по возможности используя короткометражные кинофильмы о личной гигиене, уходе за ребенком, профилактике туберкулеза, глистных инвазий, дифтерии, брюшного тифа и дизентерии, кори, скарлатины, туляремии, столбняка, бешенства и других болезней (ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1135. Л. 33), привлекая к своей работе представителей Красного креста, общественных медицинских советов (ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2002. Л. 6). Нередко для коренного населения устраивали бесплатные банные дни, в ходе которых медицинские работники производили осмотр на завшивленность, обрабатывали одежду (ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 53. Д. 24. Л. 29).

Таким образом, органы власти и здравоохранения национальных округов проводили существенную политику, направленную на организацию медицинского обслуживания коренного национального населения.

Сведения об авторе:

Кайдалова А.А. – начальник архивного отдела управления документационного и информационного обеспечения Администрации г. Сургута,

e-mail: anastasys@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9252-5087>.

Этнокультурная идентичность коренных народов Алтая: символическая актуализация

Работа посвящена изучению этнокультурной идентичности коренных народов Алтая. Эта проблема была исследована на примере проживающих в г. Горно-Алтайске трех групп северных алтайцев: кумандинцев, тубаларов и челканцев, а также двух групп южных алтайцев: алтай-кижи и теленгитов. Исследование показало, что городские северные и южные алтайцы обладают выраженной этнокультурной идентичностью, реализуемой через представления о родном языке и традиционной культуре. При этом в постсоветское время этнокультурная идентичность коренных народов Алтая подверглась процессу символизации.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, коренные народы, северные алтайцы, южные алтайцы, Горно-Алтайск, Республика Алтай.

Для цитирования: Чемчиева А.П. Этнокультурная идентичность коренных народов Алтая: символическая актуализация. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 160–162. DOI 10.17746/0295-7.2019.160-162.

A.P. Chemchieva
*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Ethnocultural Identity of Indigenous Altai Peoples: Symbolic Actualization

In the following article we study the ethnocultural identity of indigenous Altai peoples. The issue is analyzed on example of three ethnic groups of Northern Altaians living in Gorno-Altaiisk, namely Tuba, Kumandy, and Chelkans, as well as two Southern Altai groups, Altai-Kizhi and Telengits. Our study shows that Northern and Southern Altaians life in cities possesses strong ethnocultural identities realized through their concepts of native language and traditional culture. At the same time, we see that the ethnocultural identity of indigenous Altai people has undergone symbolization during the post-Soviet times.

Keywords: ethnocultural identity, indigenous peoples, Northern Altaians, Southern Altaians, Gorno-Altaiisk, Republic of Altai.

For citation: Chemchieva A.P. Ethnocultural identity of indigenous Altai peoples: symbolic actualization. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 160–162 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.160-162.

Настоящая работа посвящена изучению этнокультурной идентичности коренных народов Алтая. Эта проблема была исследована на примере проживающих в г. Горно-Алтайске (Республика Алтай) трех групп северных алтайцев — кумандинцев, тубаларов и челканцев и двух групп южных алтайцев — алтай-кижи и теленгитов.

Эмпирическая база работы включает результаты этносоциологического исследования, проведенного в рамках проекта по проблемам урбанизации коренных народов Алтая (2016–2017 гг.). Опрос методом структурированного интервью был проведен в Горно-Алтайске в августе 2016 г. Обследованым было охвачено 369 представителей коренных народов Алтая, в т.ч. 146 представителей северных алтайцев и 223 представителя южных алтайцев. В опросе приняли участие респонденты в возрасте от 18 лет и старше. Средний возраст респондентов составил 38 лет. Выборка репрезентативна по полу и возрасту.

По материалам Всероссийской переписи населения 2010 г., в Горно-Алтайске проживает 13129 представителей коренных народов Алтая, что составляет 23,1 % от общего числа жителей города [Национальный состав..., 2013, с. 23–26]. Основным источником увеличения численности северных и южных алтайцев в Горно-Алтайске явился механический прирост – миграция из села, в особенности нарастающая с начала 1960-х гг. Поэтому подавляющее большинство городских алтайцев – это выходцы из села в первом или во втором поколении.

Несомненно, адаптация к городской среде отразилась на образе жизни представителей коренных народов Алтая, их культурных предпочтениях и образцах поведения. Уже в советское время перед городскими алтайцами встала проблема утраты своей этнокультурной самобытности. В условиях проведения государственной политики, направленной на создание гомогенного «советского народа», знание языка и культуры своего этноса не рассматривалось городскими алтайцами как некая ценность, которую необходимо сохранить. В этой связи новоприбывшие горожане, относительно легко усваивая новые нравы и новый стиль жизни, часто не могли противостоять ослаблению своего этнического самосознания и культурной идентификации.

Однако на исходе 1980-х гг. крутые исторические перемены породили в советском обществе т.н. кризис идентичности, способствовавший утрате гражданами «советской» идентичности и стимулировавший сплочение людей в рамках традиционных общностей – этнических, клановых, конфессиональных. В этот период произошел рост этнического самосознания многих этнических меньшинств страны и их мобилизация вокруг идеи этнокультурного возрождения.

Идея этнокультурного возрождения получила признание и среди коренных народов Алтая. Общественные деятели северных и южных алтайцев отмечали нарастание в жизни как городских, так и сельских алтайцев кризисных процессов утраты традиционной обрядности, угасания духовно-религиозных практик, снижения престижа и уровня владения родным языком, разрушения культурной преемственности. При этом констатировалось, что процесс размывания традиционной культуры приобрел более трагические масштабы в среде северных алтайцев по сравнению с южными алтайцами. В этой связи представители коренных народов Алтая выступили с рядом инициатив, направленных на сохранение культуры и языков своих этнических групп.

Этнический ренессанс оказал заметное воздействие на самосознание городских алтайцев. В течение двух последних десятилетий немало горожан, до этого не задумывавшихся над своей культурной идентичностью, стали проявлять интерес к своим корням, культуре и языку. В настоящее время, по результатам рассматриваемого этносоциологического исследования, многие из городских алтайцев чувствуют

причастность к своему народу. Так, на вопрос «Что роднит Вас с людьми из вашего народа?» большинство респондентов дали ответ «язык» (77 %). На втором и третьем месте оказались «обычаи и традиции» (75,6 %) и «культура» (в целом) (66,1 %) соответственно. На четвертое место респонденты поставили признак «родная земля – Алтай» (41,5 %).

В то же время городские представители коренных народов Алтая, обладая выраженной этнокультурной идентичностью, заметно различаются по степени сохранения культурного наследия своих предков. Например, по результатам опроса свободно владеют языком своей этнической группы только 27,4 % северных алтайцев. Среди южных алтайцев этот показатель составляет 81,2 %. Северные алтайцы также уступают южным сородичам в знании своих обычаев и традиций. По итогам опроса, лишь 15,8 % северных алтайцев хорошо знают обычаи и традиции, а 47,9 % обладают знаниями только о наиболее характерных обычаях и традициях. Среди южных алтайцев хорошо знают обычаи и традиции 33,6 % опрошенных, а знаниями о наиболее характерных обычаях и традициях обладают 60,1 % респондентов.

Приведенные эмпирические данные позволяют говорить о том, что этнокультурная идентичность северных и южных алтайцев, проживающих в Горно-Алтайске, обретает новые формы. Для большинства из них этническая культура и язык выступают особой ценностью, все более приобретающей символическое значение. Городские алтайцы, прежде всего северные, могут не владеть родным языком и не понимать сакральных смыслов обычаев и традиций своего народа, но это не мешает им чувствовать и считать себя представителями своей этнической группы. Тем не менее символически актуализированная этнокультурная идентичность северных и южных алтайцев успешно определяет реальность и транслирует представления о коренных народах Алтая как целостных образованиях, обладающих коллективной идентичностью.

Список литературы

Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сб. – Горно-Алтайск: ООП Алтайстата, 2013. – Т. 4. – 419 с.

References

Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda: statisticheskii sbornik. Gorno-Altaiisk: Altaistat OOP, 2013, vol. 4, 419 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Чемчиева А.П. – кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН,

e-mail: chemchieva@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0003-3090-859X>.

Своеобразие этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Кузбасского Притомья

В статье анализируются этапы сложения современной идентичности коренных малочисленных народов Кузбасского Притомья: шорцев, бачатских телеутов, нижнетомских татар-калмаков под влиянием сибирских казаков и вольных русских переселенцев, клириков Русской православной церкви и мусульманских проповедников, а также советских административных властей разных уровней и представителей национально-политических элит.

Ключевые слова: *этнокультурная идентичность, шорцы, бачатские телеуты, татары-калмаки, коренные малочисленные народы Кузбасского Притомья.*

Для цитирования: Кимеев В.М. Своеобразие этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Кузбасского Притомья. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 163–168. DOI 10.17746/0295-7.2019.163-168.

V.M. Kimeev

*Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia*

The Originality of the Cultural Identity of the Small-Numbered Indigenous Peoples of the Kuzbass Pritomye

This article analyzes the stages of adding modern identity of the small-numbered indigenous peoples of the Kuzbass Pritomye: Shors, Bachat, Teleuts Nizhnetomsk Kalmak Tatars under the influence of the Siberian Cossacks and free Russian immigrants, clergy of the Russian the orthodox church and Muslim preachers, as well as soviet administrative authorities of different levels and representatives of national political elites.

Keywords: *ethnocultural identity, Shors, Bachat Teleuts, Kalmak Tatars, small-numbered indigenous peoples, Kuzbass Pritomye.*

For citation: Kimeev V.M. The originality of the cultural identity of the small-numbered indigenous peoples of the Kuzbass Pritomye. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 163–168 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.163-168.

Этническая идентичность тюркоязычных коренных малочисленных народов Кузбасского Притомья – шорцев, бачатских телеутов, нижнетомских татар-калмаков, а также ассимилировавшихся среди телеутов и русских среднетомских тюльберов в том виде, как ее фиксировали исследователи на рубеже XIX–XX вв., стала формироваться с началом освоения русскими Притомья. Первое, что сделали воюводы, а вслед за ними другие царские чиновники, это составили ясачные списки

возможного мужского населения с определением мест их основного расселения. Не остались без внимания и особенности традиционного хозяйства и ремесел, которые могли принести пользу для укрепления царской власти. Так, в первые годы после основания Кузнецкого острога воеводы пытались организовать сбор ясака железными изделиями кузнецких татар, а также поступления мяса от охотничьего промысла аборигенов. Но зерно для выпечки хлеба долгое время поступало из тобольского земледельческого района, отчего казаки были крайне заинтересованы в заведении пашен у подгородных заимок.

Социальной структурой у верхнетомских, мрасских и кондомских предков современных шорцев сибирские власти интересовались в основном для выявления, а затем и прямого назначения старейшин — «паштыков» или как их вначале именовали в отписках и учетных документах «князцов». Именно паштыки после принятия шерти обязаны были обеспечить ежегодную сдачу ясака в царскую казну пушшиной с каждого из сородичей мужского пола. Воеводы с паштыками проводили ежегодную раскладку ясака на семьи, не забывая при этом и о своем личном обогащении.

На формирование идентичности современных шорцев оказали влияние три основных фактора. Первое — это существование в 1925–1938 гг. Горно-шорского национального района, оригинального продукта советской национальной политики. В эти годы за большинством тюркоязычных этнолокальных групп «кузнецких татар» закрепился новый этноним «шорцы», который и был записан в паспортах. Несмотря на трудности в формировании системы образования на шорском языке, все же укрепилось общенациональное самосознание. Способствовали этому слеты сказителей и издаваемая литература на родном языке. Повысился статус шорских мужчин, особенно руководителей разного уровня, рабочих горняков и строителей в бурно развивающемся Кузбассе.

Ситуация изменилась после ликвидации национального района, репрессий среди шорской интеллигенции и чиновников, гибели мужчин (восьмая часть всех шорцев) в Великой Отечественной войне, прекращения преподавания шорского языка и выпуска литературы на шорском языке. Ликвидация колхозов в 1960-х гг., закрытие сельских школ вызвали массовую миграцию из таежных улусов в города и поселки. Оставшиеся предметы быта и традиционная одежда постепенно перекочевали в музеи России или были выброшены, а навыки и потребность в изготовлении новых традиционных предметов исчезла. Результатом этих событий к середине 1980-х гг. стал переход большинства населения на общение только на русском языке уже более двух поколений, а значит и мышление становилось уже русско-советским.

Современный этап т.н. этнокультурного возрождения, или этнокультурного ренессанса, характеризуется «мифотворчеством» большинства городской шорской интеллигенции при активной поддержке кузбасских властей. Дизайнерами был создан новый «изысканный» сценический костюм и женские прически, почти ежемесячно стали проводиться многочисленные праздники, сменившие свое смысловое значение. Появились «неошаманки», а в пос. Кичи Таштагольского р-на при финансовой помощи местных властей был построен и торжественно открыт тэнгрианский храм.

Сельские шорцы сохранили только традиционную систему природопользования из-за отсутствия других источников доходов кроме социальной пенсии, возрождать

же свои ремесла и традиционную одежду никто из сельских жителей даже не пытается. У них другие заботы в сравнении с городской интеллигенцией: просто выжить и помочь уехавшим в города детям в трудные постсоветские годы.

Формирование идентичности бачатских и кузнецких телеутов как самостоятельной этнической общности началось еще до прихода русских на обширном лесостепном пространстве Верхнего Приобья и в предгорьях Алтая. После колонизации русскими Притомья в XVII в. и усиления в Монгольском и Русском Алтае влияния джунгаров в XVII – первой половине XVIII в. приобские телеуты распались на несколько этнотерриториальных групп: горно- алтайских *теленгетов*, выезжих телеутов (*бачатских ачкешитымов* и *телеутов*, *ускатских телеутов*), а также родственных бачатским телеутам нижнетомских *калмаков* и среднетомских *тюльберов*. Под влиянием русских переселенцев и бухарцев, духовенства и царской администрации часть калмаков приняла ислам и слилась с томскими татарами, тюльберы частично вошли в состав кузнецких и бачатских телеутов, частично приняли православие и полностью обрусели к началу XX в. Отселившиеся в начале XX в. в Горный Алтай приобские и бачатские телеуты составили ядро современных алтайцев [Батьянова, 1997; Функ, 1992].

Большинство бачатских телеутов с середины XVIII в. продолжают проживать преимущественно в сельской местности, а общая их численность увеличилась с 2500 чел. в 1816 г. до 3500 чел. в 1924 г. К 2010 г. из-за миграций и естественной смертности численность вновь уменьшилась до 2643 чел. Численность бачатских телеутов между переписями 2002 и 2010 гг. увеличилась в Беловском р-не (Бековская сельская территория – села Челухоево, Беково и деревня Верховская с 1194 до 1841 чел.; в Гурьевском р-не (д. Малосалаирская (разъезд 20 км) – с 35 до 40 чел.; (д. Шанда) – с 252 до 280 чел. Часть телеутских поселков вошла в 1970-1980-х гг. в черту городов Белово (поселки Черта, Телеут, Заречная) и Новокузнецк (пос. Телеут в районе Запсиба, откуда телеутские семьи расселили по разным районам г. Новокузнецка [Батьянова, 1997; Кимеев, 2017].

Историческая судьба телеутов предопределила современный этнический состав их бачатской группы, у которой продолжает сохраняться древний этноним – телеуты, хотя в памяти сохраняется второй – *бачаттар* и третий – *теленгет*. У городских и сельских групп бачатских телеутов проявляется клановая идентичность: «бековские» – с общественным лидером, директором историко-этнографического музея «Чолкой» В.И. Челухоевым и «шандинские» – с руководителем этнокультурного центра Шадеевым [Кимеев, 2017].

У телеутов четко выражено национальное самосознание (они осознают и называют себя телеутами, несмотря на то что долгое время в паспортах были записаны татарами). В XX в. среди телеутов широкое распространение получили элементы общероссийской культуры, т.к., по сути дела, телеуты и русские жили в одинаковых условиях. Прослеживается тенденция к выходу русского языка на первый план в общении телеутов в кругу семьи и друзей, на производстве. Телеуты читают газеты, журналы, получают образование на русском языке. Лица старшего возраста предпочитают общаться на родном языке, но среди их детей широко распространено двуязычие. В школе пос. Беково Беловского р-на открыт факультатив по телеутскому языку, где занимаются несколько человек. Дальнейшее течение этноязыковых процессов может происходить путем развития полноценного двуязычия, а также функ-

ционального взаимодействия телеутского и русского языков, отражающегося в бытовой лексике [Батьянова, 2007].

За последнее десятилетие усилиями властей и представителей национально-политической элиты много делается для актуализации национальных традиций. На окраине д. Верховская стал проводиться национальный праздник «пайрам», созданы и действуют телеутские фольклорно-этнографические ансамбли, историко-этнографический музей в с. Беково, этнокультурный центр в д. Шанда, издан букварь телеутского языка, брошюры по телеутскому фольклору. Культура современных бачатских сельских телеутов синкретична, в ней тесно переплетаются традиционные занятия: животноводство и огородничество, элементы семейных обрядов (свадебного и погребального), национальные праздники (партакай) и общероссийские православные (Ильин день, Благовещение, Рождество), а также общероссийские государственные календарные праздники (Новый год, День Победы и др.). Под влиянием городских шорцев и при поддержке местных властей стал внедряться праздник «иел-пажи». Возрождение традиционных ремесел практикуется только в форме учебных занятий в Бековской средней школе [Кимеева, 2011].

Притомские калмаки – «выходцы на цареву имя» беглые приобские «белые калмыки» (выезжие телеуты), смешавшиеся на новой родине с томско-кузнецкими тюрками «горных порубежных волостей». Выделяются две группы притомских калмаков – левобережная (в районе современного г. Юрга и его пригорода) и правобережная (Яшкинский р-н). Тесные брачные и религиозные связи калмаков с томскими и казанскими татарами привели к сложению своеобразной этнотерриториальной группы искитимских татар-калмаков. Потомки калмаков в 1960-е гг. XX в. проживали только в трех населенных пунктах: Зимнике (31 % татар имеют калмацкие фамилии, из них только 32,5 % считают сами себя калмаками), Юртах-Константиновых (соответственно 48 %-41,7 %), в Большом Улусе (85 %-66,1 %). В целом в то время калмаки составляли в своих исконных названных поселках 48 %, тогда как в 1897 г. их было 53,9 % [Кимеев, Кривоногов, 1996].

В деревнях Шалай, Бобрышева, Усть-Искитим калмаки к началу XX в. полностью ассимилировались русскими, хотя некоторые из пожилых людей еще помнили отдельные слова калмацкого говора. Зимниковские калмаки в значительной степени ассимилировались татарами-мишарями, в небольшой д. Юрты-Константиновы существует относительное равновесие татар и калмаков, и только в Большом Улусе калмаки всегда были преобладающей группой. Влияние татаро-мусульманских элементов культуры способствовало включению части томских телеутов в процесс формирования современных томских татар. Стабильные связи калмаков с сельскими нижнетомскими мусульманами (эуштинцами, чатами и бухарцами), а также с ссыльными и переселенцами (казанскими татарами, мишарями и башкирскими татарами-балябаями) значительно способствовали формированию вначале сибирско-татарского, а затем татаро-исламского этнокультурного ареала с общетатарской идентичностью и самосознанием.

Из 500 калмаков (по происхождению) в середине 1990-х гг. сохраняли свое «калмацкое» самосознание только 300 чел. В 1970–1980 гг. в процессе всеобщей кампании «укрупнения деревень» в Большом Улусе было закрыто производство, а жители переселились в поселки Логовой, Сарсаз, Зимник и г. Юргу. Можно утверждать, что это стало переломным моментом в истории калмаков как самостоятельного наро-

да. Ассимиляционные процессы после этого стали необратимыми. В последнее десятилетие продолжают активные миграции калмакской молодежи в города Юрга и Томск [Кимеев, Кривоногов, 1998, 2012].

Лингвисты считают калмацкий язык одним из диалектов языка томских татар. Большая часть современных калмаков трехязычна: владеют калмацкой речью, знают поволжско-татарский литературный язык, но говорят преимущественно порусски не только на производстве, но и в быту. Существует некоторая разница в соотношении языков по отдельным населенным пунктам. Отсутствие литературных норм, своей письменности сужает функции калмацкой речи, многие слова все больше заменяются татарскими эквивалентами.

Несмотря на эти процессы отдельные семьи потомков калмаков продолжает уверенно относить себя к калмацкой общности, считая ее отдельным народом. Наблюдавшийся в прошлом процесс консолидации калмаков с другими группами сибирийских татар, прежде всего с томскими, так до конца и не завершился и был «перебит» этнокультурным взаимодействием с поволжскими татарами-переселенцами, влияние которых оказалось значительно сильнее. Отсутствие эндогамных барьеров привело к тому, что более половины современных калмаков имеют этнически смешанное происхождение [Кривоногов, 2018].

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 17-11-420003 «Этнокультурное наследие коренных малочисленных народов и русских старожилов Притомья: трансформация в современной социокультурной среде и подходы к актуализации».

Список литературы

Батьянова Е.П. Метаморфозы этнической самоидентификации (на примере телеутов) // Этническая культура: Проблема самосохранения в современном контексте: (Культурологические очерки). – М.; Нальчик, 1997. – С. 148–161.

Батьянова Е.П. Род и община у телеутов в XIX – начале XXI века. – М.: Наука, 2007. – 395 с.

Кимеев В.М. Исторические судьбы телеутов: учеб. пособие. – Кемерово, 2017. – 192 с.

Кимеев В.М., Кривоногов В.П. Трансформация этнического самосознания калмаков // ЭО. – 1996. – № 2. – С. 125–139.

Кимеев В.М., Кривоногов В.П. Современные этнические процессы у притомских калмаков // Притомские калмаки. Историко-этнографический очерк. – Кемерово, 1998. – С. 86–106.

Кимеев В.М., Кривоногов В.П. Этнические процессы у калмаков (опыт интервального исследования) // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2012. – Вып. 1. – С.113–123.

Кимеева Т.И., Тыдыкова Л.И. Традиции и ремесла бачатских телеутов: учеб.-метод. пособие. – Кемерово: Примула, 2011. – 144 с.

Кривоногов В.П. У последних калмаков // Алтай – Западная Сибирь в XIX – начале XX в.: население, хозяйство, культура: мат.-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию со дня рождения этнографа, экономиста и общественного деятеля С.П. Швецова. – Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2018. – С. 212–220.

Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. – М., 1993. – 325 с.

References

Bat'yanova E.P. Metamorfozy etnicheskoi samoidentifikatsii (na primere teleutov). In *Etnicheskaya kul'tura: Problema samosohraneniya v sovremennom kontekste: (Kul'turologicheskie ocherki)*. Moscow; Nal'chik, 1997, pp. 148–161 (in Russ.).

Bat'yanova E.P. Rod i obshchina u teleutov v XIX – nachale XXI veka. Moscow: Nauka, 2007, 395 p. (in Russ.).

Funk D.A. Bachatskie teleuty v XVII – pervoj chetverti XX veka: istoriko-ehnologicheskoe issledovanie. Moscow, 1993, 325 p. (in Russ.).

Kimeev V.M. Istoricheskie sud'by teleutov: uchebnoe posobie. Kemerovo, 2017, 192 p. (in Russ.).

Kimeev V.M., Krivonogov V.P. Transformatsiya etnicheskogo samosoznaniya kalmakov. In *Etnograficheskoe obozrenie*, 1996, No. 2, pp. 125–139 (in Russ.).

Kimeev V.M., Krivonogov V.P. Sovremennye etnicheskie processy u pritomskih kalmakov. In *Pritomskie kalmaki. Istoriko-ehnologicheskij ocherk*. Kemerovo, 1998, pp. 86–106 (in Russ.).

Kimeev V.M., Krivonogov V.P. Etnicheskie protsessy u kalmakov (opyt interval'nogo issledovaniya). In *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*, 2012, iss. 1, pp. 113–123 (in Russ.).

Kimeeva T.I., Tydykova L.I. Traditsii i remesla bachatskih teleutov: uchebno-metodicheskoe posobie. Kemerovo: Primula, 2011, 144 p. (in Russ.).

Krivonogov V.P. U poslednih kalmakov. In *Altaj – Zapadnaya Sibir' v XIX – nachale XX v.: naselenie, hozyajstvo, kul'tura*. Gorno-Altajsk: S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics Press, 2018, pp. 212–220 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Кимеев В.Н. – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета,

e-mail: kimeev@mail.ru.

Ю.М. Аксютин

*Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан, Россия*

Анализ зависимости трансформации структуры идентичностей от степени социально-экономической адаптации жителей Республики Хакасия в постсоветский период

Работа посвящена исследованию корреляции между уровнем экономической адаптации жителей Хакасии в постсоветский период и процессами трансформации структуры идентичностей, обладающих, в случае усиления тенденций традиционализации и локализации, значительным конфликтогенным потенциалом.

Ключевые слова: *постсоветский региональный социум, межэтнические отношения, экономическая ситуация, кризис, конфликт.*

Для цитирования: Аксютин Ю.М. Анализ зависимости трансформации структуры идентичностей от степени социально-экономической адаптации жителей Республики Хакасия в постсоветский период. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 169–173. DOI 10.17746/0295-7.2019.169-173.

Yu.M. Aksutin

*Katanov Khakass State University,
Abakan, Russia*

The Analysis of Identity Structure Transformation and How It Depends on Social and Economic Adaptation of Khakassia Inhabitants in Post-Soviet Times

This article is purposed to a correlation between economic adaptation of post-Soviet Khakassia inhabitants and identities transformations. These identity structures are of great conflict potential if localization and traditionalism increase.

Keywords: *post-Soviet regional society, interethnic relations, economic situation, crisis, conflict.*

For citation: Aksutin Yu.M. The analysis of identity structure transformation and how it depends on social and economic adaptation of Khakassia inhabitants in post-Soviet time. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 169–173 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.169-173.

В начале 1990-х гг. Россия прошла испытание не только шоковыми социально-экономическими и политическими пертурбациями, но также изменением в сознании людей, трансформацией структуры идентичностей бывших советских граждан. Несмотря на то, что изучение особенностей изменений в структуре идентичностей россиян, особенно в национальных регионах, ведется достаточно интенсивно, исследования, опирающиеся на конкретику эмпирических данных, по-прежнему де-

фицитны. В частности, не нашел достаточного освещения вопрос оценки степени воздействия экономической адаптации жителей регионов постсоветской России на процессы трансформации структуры идентичностей [Аксютин, Кочина, 2017, с. 107–108; Евдокимов, 2017, с. 115]. Этот вопрос и составляет предмет нашего исследования, опирающегося на результаты массовых опросов, проводимых в период 1990-х – 2000-х гг. в Республике Хакасия.

Анализ взаимосвязи между социально-экономическим самочувствием и процессами трансформации структуры идентичности населения Хакасии целесообразно, на наш взгляд, предварить краткой методической справкой. Республика Хакасия есть до известных пределов микроотражение многонациональной страны. На небольшой территории живут вместе представители около ста национальностей. Общая численность населения республики, по данным переписи 2010 г., составляла 523 714 чел., а наиболее многочисленными этническими группами были русские (427 647 чел., 81,7 %) и хакасы (63 643 чел., 12,1 %) [Социально-демографический портрет..., 2012, с. 100].

С целью анализа взаимосвязи между социально-экономическим самочувствием и процессами трансформации структуры идентичности жителей республики в постсоветский период привлекались результаты вторичного анализа сопоставимых материалов массовых опросов, проводимых в Хакасии в 1994–2015 гг. Исследования 1994–1996 гг. были осуществлены совместно сотрудниками Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (далее – ХГУ им. Н.Ф. Катанова) и специалистами Центра социологии межнациональных отношений Института социально-политических исследований РАН и Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Всего было опрошено 600 чел. В 2005 г. научным коллективом преподавателей Хакасского государственного университета, по заказу Министерства образования и науки России, был осуществлен опрос 200 жителей Хакасии (70 % – городские жители, 30 % – сельские) [Этносоциальная ситуация..., 2006, с. 19–20]. В 2007 г. силами сотрудников и студентов этого университета в рамках проекта РГНФ (№ 07-01-63702aГ) был проведен очередной социологический опрос 891 респондента (78,5 % – городские жители (699 чел.), 21,5 % – сельские (192 чел.)) в форме личных интервью по формализованной анкете [Религиозно-нравственное сознание..., 2007, с. 190–208].

С 2011 по 2015 г. нами были осуществлены массовые социологические опросы в Республике Хакасия (520 чел.) по стандартизированной программе и анкете с целью анализа динамики развития социокультурных процессов в сравнении с социологическими исследованиями, проведенными ранее. Репрезентативность выборки была обеспечена соблюдением пропорций численности населения, проживающего в населенных пунктах различного типа (78,5 % – городские жители (408 чел.), 21,5 % – сельские (112 чел.)). В качестве основного метода сбора первичных данных применялось личное интервьюирование по формализованной анкете*.

*Социологическое исследование (2011 г.) по проекту «Межнациональные отношения в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания населения», выборочная совокупность в Хакасии – 500 чел. (грант Министерства образования и науки Республики Хакасия (Договор № 3/11 ГРХ от 30.05.2011). Социологическое исследование (2013 г.) в рамках ФЦП по теме «Надэтническая идентичность: анализ состояния и оценка потенциала оптимизации региональной модели межкультурного взаимодействия» (соглашение

Результаты проведенного вторичного анализа реализованных в Хакасии опросов свидетельствуют, что уровень материальной обеспеченности жителей республики в 1996–2005 гг., судя по покупательной способности их доходов, был невысоким. Доля высокообеспеченных («ни в чем себе не отказывающих») людей в 1994 г. не превышала 3,7 %, в 1996 г. – 12 %, а к 2005 г. вновь снизилась до 1 %. Уместно вспомнить, что 1991 г. и 1998 г. отметились экономическими кризисами. Именно в эти годы фиксировались серьезные подвижки в группах людей, которым «денег хватает на продукты и одежду, а дорогие вещи недоступны» (в 1994 г. – 30 %; в 1996 г. – 42 %; в 2005 г. – 42 %) и «денег хватает только на продукты» (в 1994 г. – 40 %; в 1996 г. – 25 %; в 2005 г. – 45 %). Изменения в группе «денег не хватает даже на продукты» имели даже положительный характер (в 1994 г. – 26 %; в 1996 г. – 12 %; в 2005 г. – 12 %). В последующие годы стабильно возрастала доля высокообеспеченных, к таким себя относили в 2011 г. – 27,8 %, в 2014 г. – 28,1 %. Реакция на кризис 2014 г. проявилась в 2015 г., когда доля высокообеспеченных снизилась до 26,4 %. Доля среднеобеспеченных возрастала до кризисного 2014 г. и снизилась к 2015 г. (2011 г. – 39,5 %; 2014 г. – 49 %; 2015 г. – 46,4 %). Изменения значений в группе среднеобеспеченных объясняют подвижки в группе малоимущих. Как и во всех остальных группах, устойчивая положительная тенденция к снижению доли малоимущих (2011 г. – 22,5 %; 2014 г. – 20,6 %; 2015 г. – 21,5 %) и неимущих (2011 г. – 8,3 %; 2014 г. – 2,1 %; 2015 г. – 7,5 %) прерывалась только в кризисный 2014 г. В таком контексте интерес представляет степень корреляции между социально-экономическим самочувствием и процессами трансформации в структуре идентичности жителей Хакасии.

Глубинные трансформации структуры идентичностей жителей региона, по мнению большинства специалистов, связаны с процессами рубежа 1990-х гг. После девальвации советской идентичности представители большинства этнических групп решали проблему обретения чувства общности через актуализацию региональной и этнической идентичности.

Результаты опроса 2007 г. фиксировали приоритет поселенческой самоидентификации (33,4 %) у жителей Хакасии. Идентифицировали себя в первую очередь с россиянами – 28,6 %. На третьей позиции была республиканская (24,0 %), а четвертую поделили этническая и космополитическая идентичности (по 6,1 %). Уже в 2013 г. российская идентичность переместилась на первую позицию (32,3 %), на второй была республиканская (20,4 %), на третьей – региональная (18,7 %), на четвертой – поселенческая (15,4 %), на пятой – этническая (7,5 %), а космополитическая на шестой (4,8 %). Экономический кризис 2014 г. сказался на структуре идентичностей россиян. Российская идентичность оставалась актуальной для 35,4 % опрошенных, поселенческая для 18,5 %, а республиканская для 13 % респондентов. Этническая (9,1 %) и глобальная (11,7 %) идентичность усилились. Региональная идентичность была приоритетна для 8,3 % жителей. Согласно результатам опроса 2015 г., изме-

14.В37.21.0511), выборочная совокупность в Хакасии – 520 чел. Социологическое исследование (2014 г.) в рамках гранта Президента РФ (МК-2456.2013.6), выборочная совокупность в Хакасии – 520 чел. Социологическое исследование (2015 г.) по проекту «Трансформации надэтнической идентичности в контексте трендов традиционализации и модернизации: имперскость, советскость, этничность и российская гражданственность», выборочная совокупность в Хакасии – 520 чел.

нения в структуре идентичностей жителей региона вернулись к значениям 2013 г. (российская – 32,7 %, республиканская – 19,4 %, региональная – 17,7 %, поселенческая – 14 %, космополитическая – 4,8 %). Этническая идентичность (9,8 %) укрепила свои позиции по сравнению с 2013–2014 гг.

Таким образом, анализ результатов массовых социологических опросов, проведенных в республике, выявил ситуацию корреляции между степенью материально-экономического благополучия и динамикой трансформации структуры идентичности жителей Хакасии. Экономическая адаптация не имеет статуса определяющего фактора. Тем не менее заметно, что в периоды экономической дестабилизации усиливается значение идентичностей, обладающих значительным ресурсом адаптации, в т.ч. традиционалистских, сулящих обретение чувства общности и поддержку.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ и Правительства Республики Хакасия в рамках научного проекта № 18-411-190002 «Хакасия в условиях современных трансформаций: социологическое исследование и моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Хакасия (сер. 1990-х – 2018 г.)».

Список литературы

Аксютин Ю.М., Кочина Е.А. Региональное измерение процессов становления российской гражданской нации: на примере Южной Сибири // *Siberian Socium*. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 107–117.

Евдокимов А.И. Оценка факторов межэтнической напряженности в республиках Саяно-Алтая (анализ результатов социологического исследования 2016 года) // *Конфликтология и конфликты в современном мире: мат-лы Всерос. науч. конф.* – Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2017. – С. 115–119.

Религиозно-нравственное сознание населения Республики Хакасия: проблемы и перспективы развития / отв. ред. В.Г. Ибрагимов. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2007. – 208 с.

Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федеральная служба государственной статистики. – М.: Статистика России, 2012. – 183 с.

Этносоциальная ситуация в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания / под ред. Л.В. Анжигановой. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2006. – 96 с.

References

Aksyutin Yu.M., Kochina E.A. Regional'noe izmerenie protsessov stanovleniya rossiiskoi grazhdanskoi natsii: na primere Yuzhnoi Sibiri. In *Siberian Socium*, 2017, vol. 1, No. 2, pp. 107–117 (in Russ.).

Ethnosocial'naya situaciya v Respublike Hakasiya v otsenках i predstavleniyah massovogo soznaniya. Pod red. L.V. Anzhiganovoj. Abakan, Katanov Khakass State Univ. Press, 2006, 96 p. (in Russ.).

Evdokimov A.I. Otsenka faktorov mezhetnicheskoi napryazhennosti v respublikakh Sayano-Altaya (analiz rezul'tatov sotsiologicheskogo issledovaniya 2016 goda). In *Konfliktologiya i konflikty v sovremennom mire*. Omsk: Omsk State Pedagogical Univ. Press, 2017, pp. 115–119 (in Russ.).

Religiozno-nravstvennoe soznanie naseleniya Respubliki Hakasiya: problemy i perspektivy razvitiya. Otv. red. V.G. Ibragimova. Abakan: Katanov Khakass State Univ. Press, 2007, 208 p. (in Russ.).

Sotsial'no-demograficheskii portret Rossii: Po itogam Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda. In *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki*. Moscow: Statistika Rossii, 2012, 183 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Аксютин Ю.М. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Института экономики и управления Хакасского государственного университета им Н.Ф. Катанова,

e-mail: aksutum@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-5996-3686>.

Об этностереотипах в региональной идентичности алтайцев

Работа посвящена исследованию роли этностереотипов в формировании региональной идентичности локальных групп алтайцев, расселенных в речной долине, административном районе, на севере или юге Республики Алтай. Актуальность вопроса заключена в изучении родовой идентичности, связанной с потребностью родового общества алтайцев в соблюдении обычаев. На основе собранного полевого материала сделан вывод о том, что родовой состав локальных групп имеет общие и специфические сёоки-роды, о которых сложены родовые образы и этностереотипы групп, вошедшие в структуру региональной идентичности алтайцев.

Ключевые слова: *региональная идентичность, алтайцы, этностереотип группы, сёок-род, родовая идентичность, место проживания.*

Для цитирования: Тадина Н.А. Об этностереотипах в региональной идентичности алтайцев. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 174–178. DOI 10.17746/0295-7.2019.174-178.

N.A. Tadina
Gorno-Altai State University,
Gorno-Altai, Russia

On Ethno-Stereotypes in the Altai Regional Identity

The work is devoted to the study of the ethno-stereotypes role in the regional identity formation of the local groups of Altaians settled in the river valley, in an administrative region, in the north or south of the Altai Republic. The urgency of the issue lies in the study of the clan identity associated with the needs of the Altai clan society in the observance of customs. On the basis of the field material collected, it was concluded that the clan composition of local groups has common and specific syoks clans, which are composed of clan images and ethno-stereotypes of groups that are included in the structure of Altai regional identity.

Keywords: *regional identity, Altaians, ethno-stereotype group, syok-clan, clan identity, place of residence.*

For citation: Tadina N.A. On ethno-stereotypes in the Altai regional identity. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 174–178 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.174-178.

В современных условиях глобализации и трансформационных изменений общества актуальна проблема этнической идентичности. В родовом обществе алтайцев человек обращен к окружающим своими социальными атрибутами: какого сёока-рода, семьи, родословной, чей потомок. Почти о каждом сёоке сложен образ, особенности родового нрава и облика которого изложены в фольклорной форме [Тадина, 2013]. О локальных группах в районах Республики Алтай, включающих несколько сёоков, сложены этностереотипы. Посредством их выражена региональ-

ная идентичность алтайцев, ставшая основой этнической идентичности. При проведении последних всероссийских переписей было отмечено, что «именно принадлежность к сёоку является наиболее важной и очевидной формой идентичности» [Тюхтенева, 2015, с. 78]. В связи с этим обстоятельством была направлена просьба в Правительство РФ о проведении родовой (сёочной) переписи [Степанов и др., 2011]. Впервые она была проведена С.П. Швецовым во время переписи населения Горного Алтая в 1897 г.

Издавна алтайцы жили по логам (*öзök*), а не в селах, основанных русскими переселенцами в XIX в. Проживание в логах было обосновано тем, что семья у алтайцев имела многочисленный скот и жила там, где были лучшие условия для него. В результате политики насильственной оседлости, проводимой российской администрацией, и коллективизации, осуществлявшейся советской властью, алтайцы стали жить в деревнях. Поселения в логах исчезли, но представление об общности локальных групп сохраняется. Несколько населенных логов составляли более крупную территориальную единицу – речную долину (*суу ичи*). В этническом сознании представителей группы и ее соседей сложилось название группы по месту локализации, т.е. по названию речной долины, например *Урсул ичиныг алтайлары* (алтайцы долины р. Урсул).

До сих пор место проживания определяют по реке, а именно по речной долине, где находятся села. Алтай-кижи расселены в селах бассейна рек Чарыша, Песчаной, Катуня, а их локальные группы названы по притокам. Так, на территории Онгудайского р-на проживают *каракольские*, *урсульские*, *яламанские* алтайцы, Усть-Канского р-на – *кан-ябаганские* и *чарышские*, Усть-Коксинского р-на – *абайские* и *оймонские*, Шебалинского р-на – *чергинские* и *бешичинские*. Теленгиты Кош-Агачского р-на включают *чуйскую* и *архытскую*, а Улаганского р-на – *чулышманскую* и *башкаусскую* группы [Тащина, 2007].

Живущие в одной речной долине осознают себя как единая группа (*бир жердин улусы*), которая представлена двумя-тремя брачующимися сёоками. Группы, сформировавшиеся в конкретных речных долинах, отличаются друг от друга родовым составом: кроме общих сёоков, имеются специфические роды, характерные только для данной речной долины. Например, в селах долины р. Каракол большинство жителей сёоков майман и тодош, а соседней долины р. Урсул – кыпчак и тёлёлс (Онгудайский р-н). Другой пример, в селах долины р. Чарыша в Усть-Канском р-не и долине р. Песчаной в Шебалинском р-не преобладают сёоки ирkit и тодош. Порой по названию села можно предположить сёок сельчанина, т.к. в каждом алтайском селе преобладают определенные сёоки. Даже в соседних селах может быть общий родовой состав, что необходимо знать для проведения собраний *курултай*, соблюдения обычая экзогамии, принятых норм общения с родственниками сёока матери и сёока отца, а также представителями сватовских и других сёоков [Ябыштаев, 2013].

Территориальную группу алтайцев объединяет не только родство и сватовские отношения, но и общность говора, поведенческих стереотипов, обрядовой специфики. Для данного уровня региональной идентификации наиболее показательным является осознание себя единой группой со своим составом сёоков, расселенной в общей речной долине. На этой основе выработался обобщенный образ локальной группы: какого сёока, какого облика и нрава, на каком наречии говорят, какое хозяйство ведут и пр.

В названии группы по речной долине заключена информация о ее этнокультурных особенностях: например, говоря о чулышманцах, имеют в виду теленгитов долины р. Чулышман (Улаганского р-на), подверженных крещению в XIX в., но не утративших родной язык и традиционные верования. Название «*чуйдын теленгиттери*» объединяет теленгитов, живущих по р. Чуи (Кош-Агачский р-н), смуглых, считающихся сдержанными и немногословными. У алтай-кижи и теленгитов есть общие сёоки: тёлёлс, кёбёк, кыпчак, могол – и специфические, например, сёоки сагал, алмат, жабак, оргончы – теленгитские сёоки, а сёоки очы, тонжаан, иркит, коболы, байлагас, ара и пр. встречаются у алтай-кижи.

В речных долинах Онгудайского и Усть-Канского р-нов расселены алтай-кижи основных сёоков – майман, кыпчак, тёлёлс, тодош, иркит, и здесь находятся их родовые горные вершины. В формировании местных этностереотипов имеет значение исторический факт – на территории этих районов в начале прошлого века широко распространилось бурханистское движение «*Ак жан*», лежащее в основе традиционного мировоззрения алтайцев. Другой факт, укрепивший региональную идентичность, диалект алтай-кижи данного региона был положен в основу литературного алтайского языка, хотя просветительство под эгидой Духовной миссии начиналось с телеутского и тубаларского диалектов.

Считается, что для онгудайцев важна идеология общества, мораль и нравственность, качество воспитания поколений по традиционным канонам. Большинство писателей, докторов и кандидатов наук вышло из Онгудайского р-на. Бытует мнение, что онгудайцы по складу мышления в основном гуманитарного направления, а усть-канцы – коммерческого, т.к. среди них больше юристов, экономистов, чиновников. Алтайцы говорят о немаловажном факте для формирования регионального стереотипа: в Усть-Канском р-не невесты дорогие – приходится сватать в сорока домах. Это определение образное: в наши дни увеличивается количество родственников в списке, составленном родителями невесты, из-за чего стороне жениха становится финансово сложнее.

Используемый метод этнографического наблюдения позволяет прийти к выводу о том, что установленные границы административных районов не отвечают этническому делению алтайцев. Например, алтай-кижи долины р. Песчаной (Шебалинский р-н) в этническом и этнокультурном отношении ближе к алтай-кижи Усть-Канского р-на. Другой пример: алтай-кижи с. Сугаш (Усть-Коксинского р-на) «по духу» ближе к алтай-кижи долины р. Чарыш (Усть-Канского р-на). Среди критериев общности – язык, брачные связи и сватовские отношения сёоков. Иные случаи свидетельствуют об утрате этнокультурной общности, произошедшей в результате ассимиляции и аккультурации в русскоязычной среде. В советский период произошло обрусение алтайского села Тюдрала Усть-Канского р-на после его вхождения в состав колхоза соседних сел Талицы и Коргона, где живут кержаки. Подобная ситуация сложилась в другом алтайском селе Ороктой, бывшем в составе Онгудайского р-на до 1960-х гг., затем вошедшего в Шебалинский р-н, позже Чемальский р-н с преимущественно русским населением. Алтайцы последнего района, прозванные «*Кадын ичинын алтайлары*» (алтайцы низовья р. Катунь), относятся к сёокам комолош, мундус, чарга, кёжё, жарык, јус и имеют этностереотип обрусевших.

В каждом районе есть райцентр, крупные села, в которых большинство населения русские. Алтайцы, живущие в таких селах, чаще не владеют родным языком, либо

понимают его, но не говорят на нем, либо говорят на разговорном уровне. Их называют «орусып калган», или «туба» по примеру обрусевших северных субэтносов – тубаларов, челканцев и кумандинцев [Тадина, 2008]. Первоначально этностереотип «туба» был этнического содержания. Таежный образ жизни северных алтайцев дал общее название «*йыш кижы*», что значит «таежный человек», «таежник». Неслучайно, их река названа Иша – от слова «*йыш*» (густой лес, тайга). Другая часть северных алтайцев, живущая по р. Бии и ее притоку р. Лебеди, имеет общее название «*куу кижы*». Одна из распространенных версий строится на понимании слова «*куу*» как «лебедь», дескать, «жители по р. Лебедь», или «лебединцы».

Этностереотипы локальных групп алтайцев свидетельствуют о значимости региональной идентичности. В ней наблюдается многосоставной принцип формирования – группа, живущая в речной долине, входит в состав административного района, десять районов представляют Республику Алтай. В северных районах локализируются северные субэтносты алтайцев, которые раньше южных алтайцев испытывали аккультурацию в среде русских, ставших этническим большинством региона. У южных алтайцев родовая идентичность является основой этнической идентичности. По данным полевого материала идентификация по сёоку будет сохраняться до тех пор, пока остается необходимость в соблюдении родовых обычаев взаимопомощи, экзогамии и авнуклата.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ-ОГН и Министерства образования и науки Республики Алтай, проект № 17-11-04004р_а.

Список литературы

Степанов В.В., Тюхтенева С.П., Функ Д.А. «Этническая идентичность» и «национальная принадлежность» // Этнологический мониторинг переписи населения. – М.: ИЭА РАН, 2011. – С. 326–350.

Тадина Н.А. Река как образ родины у алтайцев // Реки и народы Сибири: сб. науч. ст. – СПб.: Наука, 2007. – С. 151–159.

Тадина Н.А. Алтайцы: между «севером» и «югом» (к проблеме внутриэтнического общения) // Изв. Алт. гос. ун-та: Сер.: «История». – 2008. – № 4/2 (60). – С. 178–184.

Тадина Н.А. Шуточные присказки как маркер сёока-рода в традиции общения алтайцев // Традиционная культура. – 2013. – № 2. – С. 47–56.

Тюхтенева С.П. Личность и общество у алтайцев: от родовой принадлежности до общеалтайской идентичности // Вест. Калмык. ин-та гуманитарных исследований. – 2015. – № 4. – С. 72–81.

Ябыштаев Т.С. Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе Республики Алтай // Вест. археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 1 (20). – С. 112–117.

References

Stepanov V.V., Tyukhteneva S.P., Funk D.A. “Etnicheskaya identichnost” i “natsional’naya prinaldlezhnost”. In *Etnologicheskii monitoring perepisi naseleniya*. Moscow: IEA RAN, 2011, pp. 326–350 (in Russ.).

Tadina N.A. Reka kak obraz rodiny u altaitsev. In *Reki i narody Sibiri: sb. nauch. statei*. St. Petersburg: Nauka, 2007, pp. 151–159 (in Russ.).

Tadina N.A. Altaitsy: mezhdru “severom” i “yugom” (k probleme vnutrietnicheskogo obshcheniya). In *Izv. Altaisk State Univ. Ser.: Istoriya*, 2008, No. 4/2 (60), pp. 178–184 (in Russ.).

Tadina N.A. Shutochnye priskazki kak marker seoka-roda v traditsii obshcheniya altaitsev. In *Traditsionnaya kul'tura*, 2013, No. 2, pp. 47–56 (in Russ.).

Tyukhteneva S.P. Lichnost' i obshchestvo u altajcev: ot rodovoj prinadlezhnosti do obshchealtajskoj identichnosti. In *Vestnik Kalmykского instituta gumanitarnyh issledovanij*, 2015, No. 4, pp. 72–81 (in Russ.).

Yabyshtaev T.S. Rodovye prazdniki altaitsev v etnokul'turnom diskurse Respubliki Altai. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2013, No. 1 (20), pp. 112–117 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Тадина Н.А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Горно-Алтайского государственного университета,

e-mail: ntadina@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-1363-8735>.

Модели интеграции в рамках урбанизованных межэтнических сообществ (на примере Новосибирска)

Работа посвящена описанию возможных в современных социально-культурных условиях моделей интеграции урбанизованных полиэтнических обществ. На основе анализа данных экспертного опроса выявлено, что взаимодействие принимающего сообщества и мигрантов в Новосибирске имеет для последних формы таких моделей интеграции, как прагматическая интеграция и «соединение разнородностей». Сделан вывод о том, что гармонизация межэтнических отношений в городе возможна через интенсификацию практик межэтнических взаимодействий.

Ключевые слова: *межэтническое сообщество, межэтнические отношения, межэтнические взаимодействия, миграция, мегаполис, модели интеграции, диаспора, социокультурная трансформация.*

Для цитирования: Персидская О.А. Модели интеграции в рамках урбанизованных межэтнических сообществ (на примере Новосибирска). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 179–182. DOI 10.17746/0295-7.2019.179-182.

O.A. Persidskaya
Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

Models of Integration within Urbanized Interethnic Communities (on the Example of Novosibirsk)

The work is devoted to the description of models of integration of polyethnic societies possible in modern sociocultural conditions. Based on the analysis of the expert survey data, it was revealed that the interaction of the receiving community and migrants in Novosibirsk takes such forms of integration models as pragmatic integration and “mix of dissimilarities”. It is concluded that harmonization of interethnic relations in the city is possible through the intensification of practices of interethnic interactions.

Keywords: *interethnic community, interethnic relations, interethnic interaction, migration, megalopolis, integration models, diaspora, sociocultural transformation.*

For citation: Persidskaya O.A. Models of integration within urbanized interethnic communities (on the example of Novosibirsk). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories,* 2019, 179–182 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.179-182.

Анализ моделей интеграции (или дезинтеграции) полиэтнических сообществ современных крупных городов имеет значение для выявления возможных сценариев их развития и оптимизации практик гармонизации межэтнических отношений.

В традициях Новосибирской школы этносоциологии [Костюк, Персидская, 2007] в качестве интегрированного полиэтнического сообщества традиционно рассматривается межэтническое сообщество [Мархинин, Удалова, 2014]. Такое сообщество складывается в ходе продолжительного совместного проживания представителей разных этнических групп в рамках социокультурных локусов и представляет собой целостный объект, элементы которого (этнические группы) одновременно интегрированы в сообщество, но при этом сохраняют свою этнокультурную отличительность. Такое сообщество характеризуется высокой степенью внутренней интеграции благодаря тому, что в процессе совместного проживания у этнических групп вырабатываются стабильные практики бесконфликтных межэтнических отношений. Межэтнические сообщества имеют разный масштаб: они могут складываться на уровне регионов или даже цивилизаций [Ерохина, 2017], но для нас интерес представляют межэтнические сообщества современных крупных городов. Миграционные процессы последних лет являются существенным вызовом для их устоявшейся структуры: недостаточно ограничиваться заключением, что миграция изменяет лишь распределение долей разноэтнического населения в городе; важно, что она вызывает качественные трансформации межэтнического сообщества на уровне структурно-функциональной организации и социально-антропологических характеристик, порождая новые модели интеграции сообщества с группами иноэтнических мигрантов.

Среди таких моделей В.М. Хачатурян выделяет две противоположные: интеграция может идти по модели анклавизации (изоляция, замкнутость культур, их капсулизация) или гибридации (полной адаптированности культур друг другу). Интересна промежуточная между этими крайностями модель прагматической интеграции: этнические мигранты адаптируются только к новым социально-экономическим условиям, сохраняя внутреннюю сегрегацию группы от принимающего сообщества [Хачатурян, 2013]. Модель, описанная А.В. Виноградовым и А.Д. Богатуровым, — «соединение разнородностей» заключается в параллельном сосуществовании разноэтнических групп при условии, что они «не сливаются, не образуют сплава, не приобретают новых качеств за счет утраты исходных» [Богатуров, Виноградов, 2002, с. 116]. Очередная модель взаимодействия с «иной» культурой со стороны «принимающей» выражается в стратегии подавления — превращении «иного» в экзотическое зрелище, привлекательное по форме, но лишенное внутреннего культурно-ценностного содержания [Барт, 1989, с. 122].

Как правило, говоря об этнической принадлежности представителей наиболее крупных групп мигрантов, постоянно или временно проживающих в нашей стране, выделяют украинцев, армян, казахов, азербайджанцев, белорусов [Аругонян, 2013, с. 36]. В Новосибирске, помимо отмеченных, также весомы доли проживающих в городе узбеков, татар, немцев, таджиков, киргизов. Межэтническое сообщество Новосибирска, с одной стороны, имеет сложившийся этнокультурный облик, а с другой — существенно трансформируется под воздействием миграционных процессов.

Анализ моделей интеграции мигрантов и межэтнического сообщества, которые складываются в Новосибирске, с точки зрения экспертов, выполнен на основе результатов экспертных полуструктурированных интервью, проведенных в 2016–2017 гг. сотрудниками Института философии и права СО РАН и Новосибирского государственного технического университета при участии автора. В качестве экспертов

были задействованы работники вузов и научных институтов, специалисты администраций и культурных учреждений города, представители диаспор. Анализ сосредоточен на восприятии экспертами моделей интеграции диаспор, т.к. именно диаспоры являются наиболее устойчивыми в иноэтничной среде этнокультурными образованиями и могут рассматриваться как агенты интеграции. Характеризуя диаспоры Новосибирска по этнической принадлежности, эксперты чаще всего говорили о выходцах из регионов Средней Азии, которые приезжают в Новосибирск с долговременным или краткосрочным трудовым визитом.

В ходе анализа экспертных интервью были выявлены две группы характеристик, на основе которых можно сформировать два образа диаспор. Важно отметить, что эти образы противоположны друг другу: в первом из них преобладают позитивные характеристики, во втором — негативные. Так, в первом из этих образов акцентирована этнокультурная составляющая жизни диаспоры: говоря о ней, эксперты вспоминают о городских праздниках и фестивалях, на которых представляются обычаи, традиции и фольклор этнических групп. Еще одна характеристика данного образа диаспоры — упоминания об известных в городе главах диаспор, которые являются медийными лицами. Второй образ диаспоры, сформулированный экспертами, характеризует ее как закрытую, недружественную структуру. В данном образе диаспоры явно акцентирована возможная криминальная составляющая; такие диаспоры, по мнению экспертов, демонстрируют тенденции к созданию мест концентрированного проживания иноэтничного населения, к анклавизации; диаспора закрыта для контактов, взаимодействия принимающего сообщества с ее членами носят эпизодический, поверхностный характер.

На основе анализа образов диаспор, выявленных в ходе экспертных интервью, можно заключить, что диаспоры крайне ограниченно вовлечены в жизнь принимающего сообщества. Поверхностность взаимоотношений, складывающихся, по мнению экспертов, между диаспорами и принимающим сообществом, затрудняет полноценное встраивание групп иноэтничных мигрантов в межэтническое сообщество. Декларируемая усилиями этнических элит установка на культурную открытость, как представляется, не находит необходимой поддержки у принимающего сообщества, которое все же склонно возводить границы между собой и диаспорой и по возможности ограничивать межэтнические взаимодействия. Можно предположить, что в таких условиях этнические праздники и фестивали способствуют скорее реализации сценария экзотизации образов представителей других этнических групп, а значит, их упрощению и схематизации, нежели равноценному культурному обмену.

В том, что касается не декларируемого, а реального взаимодействия этнических культур, анализ результатов экспертного опроса позволяет предположить потенциал к развертыванию сценария «соединения разносущностей». Помимо этого, эксперты фиксировали у диаспор черты модели прагматической интеграции — адаптацию к социально-экономическим условиям при исключении из области культурно-ценностного обмена.

Эксперты часто отмечали в интервью, что формы непосредственного, живого взаимодействия мигрантов и местного населения могут обеспечить необходимый уровень их доверия друг другу. Были названы такие формы взаимодействия, как дворовые спортивные мероприятия, праздники, субботники, решение общих проблем. Представляется, что механизмы национальной политики, направленные на

интенсификацию практик такой коммуникации, могли бы сделать границы между принимающим сообществом и диаспорами более проницаемыми и способствовали бы гармонизации межэтнической ситуации в целом.

Список литературы

Арутюнян Ю.В. Об этнических диаспорах в российской среде // Социологические исследования. – 2013. – № 7. – С. 34–44.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития: опыт транс-системной теории // Восток – Запад – Россия: сб. ст. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 109–128.

Ерохина Е.А. Межэтнические сообщества: проблема атрибуции // Сибирский философский журнал. – 2017. – Т. 15, № 3. – С. 86–96.

Костюк В.Г., Персидская О.А. Новосибирская школа этносоциологии: этапы становления, основные результаты // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 1. – С. 14–18.

Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2014. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 70–78.

Хачатурян В.М. К проблеме трансформаций культурного пространства в эпоху глобализации: гибридизация и анклавизация // Культурологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 3.

References

Arutyunyan Yu.V. Ob etnicheskikh diasporah v rossijskoj srede. In *Sociological research*, 2013, No. 7, pp. 34–44 (in Russ.).

Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika. Moscow: Progress, 1989, 616 p. (in Russ.).

Bogaturov A.D., Vinogradov A.V. Anklavno-konglomeratnyj tip razvitiya: opyt transsistemnoj teorii. In *Vostok – Zapad – Rossij: sb. st.* Moscow: Progress-Tradicija Publ., 2002, pp. 109–128 (in Russ.).

Erokhina E.A. Mezhetnicheskie soobshchestva: problema atributsii. In *Sibirskii filosofskii zhurnal*, 2017, vol. 15, No. 3, pp. 86–96 (in Russ.).

Hachaturyan V.M. K probleme transformacij kul'turnogo prostranstva v epohu globalizatsii: gibridizatsiya i anklavizatsiya. In *Culturological Journal*, 2013, No. 1, p. 3 (in Russ.).

Kostyuk V.G., Persidskaya O.A. Novosibirskaya shkola etnosotsiologii: etapy stanovleniya, osnovnye rezul'taty. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2007, No. 1, pp. 14–18 (in Russ.).

Markhinin V.V., Udalova I.V. Mezhetnicheskoe soobshchestvo kak sociokulturnyj koncept (postanovka problemy). In *Vestnik of Novosibirsk State University. Ser.: Philosophy*, 2014, vol. 12, No. 1, pp. 70–78 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Персидская О.А. – младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН,

e-mail: olga_alekseevna@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>.

И.В. Давыдова
*Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана,
Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Музейный комплекс»
Горноуральского городского округа,
г. Нижний Тагил, Россия*

Культурологический подход к анализу региональной идентичности социального субъекта (на материалах Урала)

Работа посвящена обоснованию значимости и характеристике культурологического подхода к анализу проблемы региональной идентичности. Содержание подхода состоит в аргументации выбора методологической позиции (аксиологической концепции культуры) и ее применении к анализу конкретного материала Урала. Он заключается в выявлении структуры объекта: детерминанты регионального образа жизни, каналы воздействия на формирование социального субъекта, собственно сознание и поведение человека, а также определении ключевого звена в региональной культурной идентификации – сознательной деятельности человека.

Ключевые слова: культурологический подход, аксиологическая концепция культуры, региональная культурная идентичность, Урал, региональный социокультурный субъект.

Для цитирования: Давыдова И.В. Культурологический подход к анализу региональной идентичности социального субъекта (на материалах Урала). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 183–186. DOI 10.17746/0295-7.2019.183-186.

I.V. Davydova
*A.E. Fersman Mineralogical Museum,
Municipal budgetary institution of culture “Museum complex”
Gornouralsk urban district,
Nizhny Tagil, Russia*

Culturological Approach to an Analysis of the Regional Identity of a Social Subject (Urals Region)

The thesis is dedicated to substantiate significance and to describe the culturological approach to an analysis of the problem of a regional identity. This approach consists of reasoning choice for a methodology (axiological conception of culture) and using it for an analysis of the concrete materials of Ural. This is clearly defined a structure of an object: the determinations of a regional way of life, the channels of influence formation of the social subjects, a consciousness and a behavior of a man. And this is also a definition of the key element of a regional cultural identity: a conscious activity of a man

Keywords: *culturological approach, axiological conception of culture, regional cultural identity, Ural, regional-cultural subjekt.*

For citation: Davydova I.V. Culturological approach to an analysis of the regional identity of a social subject (Urals region). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 183–186 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.183-186.

Актуальность темы исследования определяется особенностями настоящего времени. В условиях переходного социального периода и сопровождающей его напряженности в международных отношениях (санкции, тенденция пересмотра результатов Второй мировой войны, беспрецедентное внешнее идеологическое давление) Россия нуждается в максимальном использовании ресурсов, имеющихся в ее распоряжении. Это предполагает в т.ч. привлечение знаний, которые до сих пор находились на периферии общественного внимания, но могут иметь существенное эвристическое значение для решения современных социальных проблем, т.е. содержат ответы (варианты ответов) на вызовы времени.

Одним из таких возможных путей является стремление к наиболее полному использованию знаний о человеке как общественном субъекте: к последовательной дифференциации представлений о специфических чертах членов социума (индивидов, групп, локальных сообществ). Учет разнообразных знаний о социальных субъектах позволяет более адекватно отразить не только актуальные, но и потенциальные возможности, преимущества общества, привлекать разного рода дополнительные сведения о значимых социальных факторах. А это обеспечивает поиск новых рычагов (способов, каналов, средств) для оптимизации общественных процессов, достижения более взвешенной и, соответственно, эффективной социальной политики, т.е. выработку более тонких механизмов социального управления в современных условиях.

В советский период социальная дифференциация включала в себя ряд основных критериев: классовый, национальный (этнический), различия между городом и деревней, умственным и физическим трудом. Разумеется, они и сейчас имеют определенное значение для понимания образа жизни и образа мыслей человека. Но длительность и наращивание опыта межэтнических взаимодействий, существование социальных лифтов для выравнивания социального положения между различными группами населения, динамичные процессы миграции между городом и селом исторически постепенно сглаживают остроту противоречий. Поэтому на повестку дня могут встать и другие критерии различий, не такие очевидные, но, возможно, так же значимые.

Представляется, что к числу важных факторов – в силу территориальных масштабов страны – можно отнести региональную дифференциацию социальных субъектов, которая до сих пор реально не принималась в расчет. Между тем Россия включает в себя десятки регионов, имеющих выраженную специфику. Очевидно, что в данном контексте имеется в виду не только и не столько материальная сфера жизнедеятельности (географическое место проживания, климатическая адаптированность, профессионально-трудовая профилированность и т.п.), сколько гуманитарная. Речь идет о сознании, сознательной деятельности человека (его ценностях, смыслах, мотивации деятельности, предпочтениях), т.е. собственно человеческом компоненте общественной жизни. Он фокусирует в себе всю региональную специфику жизнедеятельности и воплощен в культуре.

Именно культура содержит в себе накопленные за века ресурсы (знаний, опыта, норм целесообразного поведения), тем самым остается базой конструктивных результатов. Вследствие чего она обладает эвристическим потенциалом для использования ее достижений в целях решения актуальных социальных проблем.

При этом каждый конкретный субъект культуры, тем более такой крупный как региональный, идет своим путем создания культурных ценностей. Формируется

собственный фонд, который исторически образуется под влиянием и в контексте целого комплекса региональных особенностей (природных, социальных, духовных). А он неизбежно включает культурные ценности, которые, будучи созданы в конкретных пространственно-временных условиях, могут являться общезначимыми, обладать потенциальной протяженностью из прошлого в настоящее и будущее, содержать региональный (гуманитарный) вариант ответа на вызовы современности.

В данном исследовательском контексте эвристические возможности культурологического подхода раскрываются в последовательном, поэтапном истолковании его содержания и применении к анализу конкретного материала. Прежде всего, это обоснование выбора методологического инструмента для исследования реалий конкретного региона — Урала, а именно философско-культурологическая интерпретация термина «культура»: определение ее места и в общественной жизни, и среди других характеристик человека. Это — понимание культуры как «качественного состояния общества», выражающегося в «достигнутом уровне развития общества» [Уледов, 1974, с. 28–29]. Затем это — логическое развертывание данной позиции, содержательная интерпретация, аксиологическая трактовка феномена культуры: сущность культуры есть развитие человека как разумного существа [Межуев, 2005, с. 121]. Наконец, обоснование аксиологической версии культуры в качестве наиболее фундаментальной в сравнении с множеством других, как единственной, позволяющей использовать обоснованный критерий для дифференциации и оценки деятельности социальных субъектов с точки зрения ее качественных параметров [Исакова, 2001, с. 60–71, 86–88].

Далее, подобная трактовка культуры позволяет структурировать объект и предмет анализа (региональный вариант культуры). Здесь сначала анализируются разносторонние (природно-географические и социально-исторические) детерминанты формирования культурной специфики регионального субъекта как производного феномена от комплекса условий его существования. После этого рассматриваются разнообразные каналы влияния на человека как наиболее значимые для формирования регионального социокультурного субъекта. И завершает анализ дифференцированная характеристика особенностей регионального субъекта (региональных социальных групп) в социальном и культурном аспектах с конечной целью достигнуть понимания механизма формирования регионального социального субъекта, в частности, образной содержательной интерпретации региональной специфики: «Урал — опорный край державы».

Список литературы

Исакова Н.В. Культура и человек в этническом пространстве. — Новосибирск: Изд-во МОУ ГЦРО, 2001. — 344 с.

Межуев В.М. Философская идея культуры // Теоретическая культурология. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. — С. 114–123.

Уледов А.К. К определению специфики культуры как социального явления // Философские науки. — 1974. — № 2. — С. 22–29.

References

Isakova N.V. Kul'tura i chelovek v etnicheskom prostranstve. Novosibirsk: MOU GTsRO Publ., 2001, 344 p. (in Russ.).

Mejuev V.M. Filosofskaya ideya kul'turi. In *Teoreticheskaya kul'turologiya*. Moscow: Akademicheskii proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga; RIK, 2005, pp. 114–123 (in Russ.).

Uledov A.K. K opredeleniju spetsifiki kul'tury kak sotsial'nogo yavleniya. In *Filosofskie nauki*, 1974, No. 2, pp. 22–29 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Давыдова И.В. – директор Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН,

e-mail: irina_dav_asp.nv@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-6232-0793>.

Региональная идентичность в трансграничном регионе Российской Арктики: проблемы формирования и роль русского языка

Цель работы — проанализировать роль русского языка в процессе формирования региональной идентичности в полиэтническом пространстве Мурманской обл. Проведен анализ документов государственной статистики и архивных документов по Мурманской обл., который показал доминирование русского языка на территории региона как минимум с XVIII в., что имело свои явные экономические и коммуникативные преимущества, в частности в образовательной среде. В современной полиэтнической языковой ситуации Мурманской обл. преобладание русского языка объясняется, кроме позиции языка титульной нации, численным превосходством русских в регионе.

Ключевые слова: *региональная идентичность, русский язык, доминирование языка, полиэтническая языковая ситуация, трансграничный регион.*

Для цитирования: Иванищева О.Н. Региональная идентичность в трансграничном регионе Российской Арктики: проблемы формирования и роль русского языка. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 187–189. DOI 10.17746/0295-7.2019.187-189.

O.N. Ivanishcheva
*Murmansk Arctic State University,
Murmansk, Russia*

Regional Identity in the Transboundary Region of the Russian Arctic: Problems of Formation and the Role of the Russian Language

The article aims to analyze the functioning of the Russian language within the ethnic space of the Murmansk Region. The analysis of the state statistical and archive documents for the Murmansk Region has shown that the Russian language has dominated within the region since at least the 18th century, and this had its obvious economic and communicative advantages, in particular, in education. The Russian language dominates within the current polyethnic linguistic environment of the Murmansk Region due to the numerical superiority of the Russians in the region, as well as due to its position as the language of the dominant ethnic group.

Keywords: *Russian language, language domination, polyethnic linguistic environment, transboundary region.*

For citation: Ivanishcheva O.N. Regional identity in the transboundary region of the Russian Arctic: problems of formation and the role of the Russian language. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 187–189 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.187-189.

Понятие Кольский Север, наряду с геополитическим и историческим представлением, в сознании жителя Кольского п-ова ассоциируется с образом северянина. Под региональной идентичностью понимается осознание человеком принадлежности к общности людей, отграниченной от других определенными территориально-административными границами. Она может быть рассмотрена как высокая степень адаптации к данному месту. Поэтому признание себя северянином строго не детерминировано ни этнической принадлежностью, ни длительностью проживания на севере, ни фактом рождения здесь, ни иными социально-демографическими или биографическими факторами.

Мурманская область – территория, на которой живут представители разных национальностей: в настоящее время на ее территории проживают представители 160 национальностей [Основные итоги..., 2010, с. 6].

Уменьшение количества представителей иных этнических групп, которые считают русский язык своим родным, связано в первую очередь с тем, что в СССР в русском общественном сознании укоренился стереотип, согласно которому в стране достаточно владеть только одним языком – русским.

В Мурманской обл. самой многочисленной национальностью в 2010 г. по-прежнему остаются русские. Их численность составила 642 310 чел. (89 %). Из языков, которыми, кроме русского (им владеет 92,4 % населения), владеет население области, выделены английский (8,8 %), украинский (3,8 %), немецкий (1,5 %), белорусский (0,6 %), татарский (0,4 %), молдавский (0,2 %) [Доклад..., 2012, с. 14].

В 2002 г. в Мурманской обл. были зарегистрированы 1995 представителей коренных малочисленных народов Севера, что составляет 0,19 % от общего числа населения. В 2002 г. саами составляли 88,6 % общего числа населения коренных малочисленных народов Севера. Увеличение численности населения коренных малочисленных народов Севера в Мурманской обл. связано с фактором национального самосознания: все больше и больше представителей народности осознают себя частью своего народа и заявляют о своей национальности.

Русскоязычное окружение саамов всегда было на Кольском п-ове. Ассимиляция кольских саамов во многом зависела от народностей, с которыми соприкасались саами в своем хозяйственном быту, это – русские, финны, коми-ижемцы, самоеды, норвежцы, карелы. Браки с русскими у кольских саамов всегда были нередки, но эти браки почти всегда влекли за собой потерю племенных саамских черт.

В настоящее время примерно до 80 % саамов России в возрасте до 50 лет родились в смешанных межнациональных браках. Поэтому народом забыт родной язык, отношение к национальным промыслам стало безразличным и как результат утрачен оригинальный образ жизни.

Сведения о знании русского языка саамскими учащимися начиная с 1930-х гг. на территории Мурманской обл., по данным архивных документов, противоречивы. С одной стороны, указывается, что ученики саамской школы не знают русского языка, но знают русские политические и финские песни, с другой – отмечается, что преподавание нигде, кроме с. Ловозеро, на саамском языке не проводится (ГАСО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 5. Л. 44; Ф. 194. Оп. 1. Д. 30. Л. 30), т.е. преподавание ведется на русском языке. Русский язык был очень важен для коренного населения Мурманской обл. и в те годы. Это подтверждается и тем фактом, что кильдинский диалект (язык) в качестве опорного для создания кольско-саамской письменности был вы-

делен среди туломского и иоканьгского по причине наличия в районах распространения кильдинского диалекта хорошо подготовленных кадров учителей, владеющих и русским, и саамским языками.

Анализ документов государственной статистики и архивных документов по Мурманской обл. показал доминирование русского языка на территории региона как минимум с XVIII в., что имело свои явные экономические и коммуникативные преимущества, в частности в образовательной среде. В современной полиэтнической языковой ситуации Мурманской обл. преобладание русского языка объясняется еще и численным превосходством русской нации.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Мурманской обл. в рамках научного проекта № 18-412-510001.

Список литературы

Доклад об основных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Мурманской области. — Мурманск: Мурманскстат, 2012. — 30 с. — URL: urmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010 (дата обращения: 20.11.2018).

Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года в Мурманской области. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской обл. — Мурманск: Мурманскстат, 2010. — 130 с.

References

Doklad ob osnovnykh itogakh Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda v Murmanskoi oblasti. Murmansk: Murmanskstat, 2012, 30 p. URL: urmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010 (accessed: 20.11.2018) (in Russ.).

Osnovnye itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda v Murmanskoi oblasti. Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Murmanskoi oblasti. Murmansk: Murmanskstat, 2010, 130 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Иванищева О.Н. — доктор филологических наук, профессор, Мурманский арктический государственный университет,

e-mail: oivanishcheva@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0001-8495-0502>.

«Сибиряки»: медиатизация региональной идентичности в социальных сетях

В статье исследуются тематические сообщества в социальных интернет-сетях о Сибири и сибиряках с целью определения их идентификационных возможностей и содержательного наполнения. Выявлено доминирование территориального измерения в составе конструируемой сибирской идентичности. Продолжают широко воспроизводиться стереотипы о Сибири и сибиряках. Автор усматривает симулятивный характер подобного способа идентификации, поскольку он совершенно не требует реального взаимодействия с территорией, что ранее считалось неотъемлемым механизмом формирования сибирской идентичности.

Ключевые слова: социальная идентичность, Сибирь, сибиряки, интернет, социальные сети, территория.

Для цитирования: Пискунова А.Е. «Сибиряки»: медиатизация региональной идентичности в социальных сетях. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 190–192. DOI 10.17746/0295-7.2019.190-192.

A.E. Piskunova
*Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University,
Novokuznetsk, Russia*

“Siberians”: Mediatization of Regional Identity in Social Networks

The paper investigates thematic communities in social Internet networks about Siberia and Siberians in order to determine their identification capabilities and meaningful content. The dominance of the territorial dimension in the structure of the constructed Siberian identity is revealed. Stereotypes about Siberia and Siberians continue to be widely reproduced. The author sees the simulative nature of such a method of identification, because it does not require any real interaction with the territory.

Keywords: social identity, Siberia, Siberians, Internet, social networks, territory.

For citation: Piskunova A.E. “Siberians”: mediatization of regional identity in social networks. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 190–192. DOI 10.17746/0295-7.2019.190-192.

В современной социальной науке в качестве реакции на процессы, происходящие в современных трансформирующихся обществах, все чаще осуществляется пересмотр концепта «социальная идентичность». Возникновение и развитие сетевых форм социальной организации и мобилизации создает новые пространства и инструменты для формирования новых солидарностей и идентичностей [Касьянов, Нечипуренко, 2018]. Идентичность в условиях сети теряет свое «ядро», становится фрагментарной и временной, ее реализация происходит через лингвистические и текстуальные структуры, стили обращения и символику интернета. В таком контексте можно говорить об интернете как «производителе идентичности».

Существенное влияние на преобразование современных обществ оказывают процессы глобализации и локализации [Анисимова, Ечевская, 2012]. С этим связан неослабевающий интерес к исследованию коллективных форм идентичности. И к числу лидирующих, если не самой выраженной и активно растущей среди таковых в современном социокультурном пространстве России, относится сибирская идентичность [Головнева, 2017].

В литературе выделяют территориальное, региональное, этническое, культурное, психологическое, историческое представления о сибирской идентичности [Жигунова, Фурсова, 2009], среди которых преобладают территориальный и региональный взгляды на нее. В настоящее время идентичность сибиряка включает в себя четыре важные составляющие: территориальный признак, социокультурный фон, биографический след и политический аспект [Анисимова, Ечевская, 2012].

В обозначенном контексте центральным вопросом исследования становится вопрос о том, какими возможностями обладают социальные интернет-сети в деле идентификации человека как сибиряка и каково их содержательное наполнение.

Эмпирическим материалом исследования выступил визуальный контент социальной сети «ВКонтакте», являющейся наиболее посещаемым порталом во всем русскоязычном Интернете, а также самой многофункциональной и многочисленной платформой коммуникации.

Нас интересует медийная активность тематических сообществ о Сибири. Территория представляется наиболее очевидным фактором формирования сибирской идентичности. Она служит важнейшим символическим ресурсом для формирования устойчивых идентификационных схем, состоящих из наиболее ярких и положительных территориальных смыслов [Федотова, 2016].

Природно-климатические условия являются ярким контекстом, в котором актуализируется «сибирскость». До сих пор тайга остается важнейшим геокультурным синонимом Сибири; также географическими и квазигеографическими маркерами региона являются заснеженные склоны, скалы, горные озера и реки. Сибирь активно предьявляется как место, захватывающее своей бескрайностью. В реальной визуальной практике фотографического предьявления Сибири фокус настроен на запечатление пустых территорий: в объектив попадает ничем не ограниченная, выходящая за границы изображения линия горизонта. Признается «уникальность» Сибири, она часто преподносится через призму «волшебного» и «загадочного», в основе которой лежит культивируемый смысловой сбой, отстранение, экзотизация.

В качестве устойчивого территориального стереотипа активно эксплуатируются климатические условия Сибири: сибирские морозы, короткое и холодное лето. Природа вносит большой вклад в социализацию сибиряка, «воспитывая» холодом, и определяет его особый, сибирский характер.

Сибиряков также отличает особый «дух свободы» (с привкусом бунтарства), который в сочетании с большими просторами складывается в представление о «широте души» как одной из ключевых черт сибирского характера.

Сибирь богата не только рельефами и природно-зональными подразделениями, такими как горы, леса, степи, реки, и открывающимися на них видами, но и обитающими здесь разнообразными живыми существами “from Siberia”: птицы, белки, собаки, зайцы, лисы, волки, тигренок, нерпы, зубры, венчает этот список непрменный атрибут Сибири — медведи.

Итак, территориальное измерение доминирует в составе конструируемой сибирской идентичности, где в контексте взаимодействия с природой, через ощущение простора и свободы, преодоление трудностей и выживание в непростых климатических «получается» настоящий сибиряк. Медиа контент подкреплен идеологией «дикой и бескрайней» Сибири, с особой «морозной энергетикой» и неизведанной экзотикой.

Обратим внимание на то, что в рамках такого агента региональной идентификации сам процесс становится самореферентным. Теперь человеку не нужно родиться, жить на территории Сибири или хотя бы приезжать туда: причастность к общности сибиряков можно получить, подписавшись на сообщество в сети или просто пролистав его сообщения. В целом по результатам исследования можем предположить симулятивность сибирской идентичности, «добываемой» в интернете: ее достаточно спекулятивный характер не мешает считать себя сибиряком с твердым характером, самобытной таинственностью и искренностью в реальной жизни.

Список литературы

Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2012. – 176 с.

Головнева Е.В. Сибирская идентичность как конструкт: к постановке проблемы // Изв. Урал. фед. ун-та. – 2017. – № 1. – С. 144–153.

Жигунова М.А., Фурсова Е.Ф. Сибиряки // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. – Т. III. С–Я. – С. 101–102.

Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология интернета: учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2018. – 424 с.

Федотова Н.Г. Конструирование территориальной идентичности: коммуникативные аспекты // Учен. зап. Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. – 2016. – № 1 (5). – С. 1–4.

References

Anisimova A.A., Echevskaya O.G. Sibirskaya identichnost': predposylki formirovaniya, konteksty aktualizatsii. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2012, 176 p. (in Russ.).

Fedotova N.G. Konstruirovaniye territorial'noi identichnosti: kommunikativnye aspekty. In *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*, 2016. No. 1 (5), pp. 1–4 (in Russ.).

Golovneva E.V. Sibirskaya identichnost' kak konstrukt: k postanovke problemy. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*, 2017, No. 1, pp. 144–153 (in Russ.).

Kas'yanov V.V., Nechipurenko V.N. Sotsiologiya interneta: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. Moscow: Yurait, 2018, 424 p. (in Russ.).

Zhigunova M.A., Fursova E.F. Sibiryak. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009, vol. III. S–Ya, pp. 101–102 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Пискунова А.Е. – студент Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета,

e-mail: alexpiskunova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1928-0722>.

III. РОЛЬ КОМПОНЕНТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИДЕНТИФИКАЦИИ НАРОДОВ

DOI: 10.17746/0295-7.2019.193-198
УДК 947 (470.11) + 39 (470.11)

А.Б. Пермиловская
Федеральный исследовательский центр
комплексного изучения Арктики
им. акад. Н.П. Лаверова РАН,
г. Архангельск, Россия

Деревянный православный храм как маркер русской этнокультурной идентичности

Исследование посвящено изучению культового деревянного зодчества в контексте русской традиционной культуры. Значимость данной работы заключается во введении в круг отечественной этнографии северного деревянного храмостроительства. Культовая народная архитектура послужила фактором адаптивного механизма освоения, организации и защиты жизненного и сакрального пространства Русского Севера и Арктики. Церковное деревянное зодчество – своеобразное ответвление русской архитектуры, впитавшее в себя мировоззрение этноса в контексте христианского мировоззрения, где деревянный храм выступает как маркер русской этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: *деревянный храм, православие, традиционная культура, этнокультурная идентичность, Русский Север, Арктика.*

Для цитирования: Пермиловская А.Б. Деревянный православный храм как маркер русской этнокультурной идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 193–198. DOI 10.17746/0295-7.2019.193-198.

A.B. Permilovskaya
*N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research,
Russian Academy of Sciences,
Arkhangelsk, Russia*

Wooden Orthodox Temple as a Marker of the Russian Ethnocultural Identity

The research is devoted to the study of the cult wooden architecture in the context of the Russian traditional culture. The significance of this work is the introduction into the circle of domestic ethnography the northern wooden temple construction. Church folk architecture served as an adaptive mechanism factor for the development, organization and protection of the vital and sacred space of the Russian North and the

Arctic. Church wooden architecture is the kind of the branch of the Russian architecture. It absorbed the world outlook of the ethnos in the context of the Christian world view, where the wooden temple acts as the marker of the Russian ethnocultural identity.

Keywords: *wooden temple, Orthodoxy, traditional culture, ethnocultural identity, Russian North, Arctic.*

For citation: Permilovskaya A.B. Wooden Orthodox temple as a marker of the Russian ethnocultural identity. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 193–198 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.193-198.

Русский Север был контактной зоной различных этнических культур, но особые условия исторического развития превратили его в заповедник древнерусской культуры. Образ жизни людей Русского Севера сыграл выдающуюся роль в становлении русской идентичности как таковой, в создании общерусских культурных символов, а их творцы: свободолюбивые новгородские ушкуйники, былинные певцы, староверы, гениальные зодчие и иконописцы, мореплаватели и землепроходцы – стали олицетворением лучших черт национального духа и характера. В этом отношении феномен Севера имеет для России огромное значение, поскольку очевидно, что в его культуре сконцентрировались в семиотические образы вековые духовно-моральные и социокультурные искания русского народа. «Этническая карта» региона не претерпела существенных изменений до настоящего времени. Население является носителем культурных традиций, которые сложились за долгий период исторического развития и адаптации к суровой природной среде. Севернорусский этнос сформировал как социальные механизмы сохранения этих традиций, так и способы их передачи новым поколениям через систему отличительных символов (знаков, святынь, мифов), которые выступают маркерами этнокультурной идентичности вплоть до XXI в. Таким этническим маркером было уникальное деревянное зодчество.

Ранее проведенное исследование позволило доказать, что культурным кодом Русского Севера является народная деревянная архитектура, а история русской деревянной архитектуры в значительной степени – это история деревянного зодчества Русского Севера [Пермиловская, 2010, 2013]. Северный край с его традиционной архитектурой «...был создан исключительно русскими мастерами. Самобытность его форм не может вызывать никаких сомнений... И до сих пор дерево там единственный строительный материал, и поэтому на Русском Севере можно составить себе несравненно более близкое представление о внешнем облике деревянной Руси былых времен» [Грабарь, 1910, с. 4–11]. Деревянные храмы – знаковое наследие, они сохранились в республиках Карелия, Коми, в Вятской, Вологодской, Новгородской, Мурманской и Ленинградской обл. Но наибольшее их число всегда отмечалось на территории Архангельской обл. Многие памятники деревянного зодчества сохранены в северных музеях под открытым небом (Архангельск, Великий Новгород, Кижи, Вологда), в национальных парках «Кенозерский» и «Водлозерский», исторических поселениях [Пермиловская, 2010, 2013; Жигальцова, 2018]. Северная модель культуры, реализованная в народной деревянной архитектуре, имеет инновационное научное значение, поскольку эта модель сохранилась и зафиксирована в ее уникальном материальном качестве именно на Русском Севере [Пермиловская, 2013]. Здесь «были выработаны все те совершенные формы деревянного зодчества,

которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства» [Грабарь, 1910, с. 336].

Культовое деревянное зодчество – своеобразное ответвление русской архитектуры, впитавшее в себя мировоззрение этноса и являющееся отражением традиционной картины мира в контексте христианского мировоззрения. Культовая архитектура долгое время не изучалась этнографами. Цель нового проекта: введение в круг отечественной этнографии северного деревянного храмостроительства, что позволит произвести переосмысление некоторых явлений материальной и духовной культуры русского народа.

Первые храмы Древней Руси строились из дерева, к ним относился новгородский храм Святой Софии (конец X в.). Традиции Византии с установившимися архитектурными формами были приняты русскими зодчими и оставались неизменными на протяжении столетий. Но деревянное храмостроительство развивается своим путем и постепенно приобретает черты яркой индивидуальности и самобытности. Этому способствовали значительная трудность передачи в дереве архитектурных модулей каменных храмов и отсутствие у греческих мастеров опыта строительства из дерева. На Русском Севере заказчиками (храмоздателями) строящихся храмов в большинстве случаев являлись крестьяне (волостной мир), а подрядчиками – плотницкие артели, состоящие из местных жителей или включавшие их в качестве наемных рабочих – *помочников*. Во главе артели стоял староста, который заключал договор (*порядную*) с нанимателями и руководил всей постройкой, исполняя таким образом функции архитектора. Уникальные по технике строительства и редкие по

Рис. 1. Церковь Архангела Михаила (сгорела), с. Юрома, Мезень, 1685 г. Фото Ф. Горностаева, конец XIX в.

Рис. 2. Одитритиевская церковь, с. Кимжа, Мезень, 1709 г.
Фото А. Пермиловской, 2007 г.

красоте пинежско-мезенские храмы «шатер на крещатой бочке», вероятно, строила одна артель, использовавшая общие приемы в строительстве культовых сооружений и передававшая свой опыт следующим поколениям. Поэтому неслучайно, церкви деревень Юромы и Кимжи особенно близки по конфигурации плана и внешним формам (рис. 1–3). «Первый плотник, который ту церковь (Кимженскую. – А.П.) строил и с мирскими людьми рядился» был местный житель д. Лампожня – Иев Проккопьев, выступавший как руководитель артели [Пермиловская, 2013, с. 417]. *Порядные*, по существу выполнявшие функции «словесных чертежей», регламентировали взаимоотношения коллективных заказчиков и подрядчиков, обеспечивая первым из них возможность «блюсти обычай». При строительстве северных деревянных храмов указывалась на то, что архитектурный облик новой церкви должен соответствовать традиции и старым образцам, культовые постройки возводились «*по подобию*», что зафиксировано в *порядных* документах.

Рис. 3. Троицкая церковь (сгорела), д. Лампожня, Мезень, 1871 г.
Фото из архива ГНИМА им. А.В. Шусева, конец XIX в.

Семантика и архитектурно-художественный образ северного приходского храма являются отражением коллективной ментальности крестьянства, соотносясь с культурными смыслами православной картины мира. В связи с этим в основе сохранения традиционной культуры и деревянного зодчества утверждаются православие и мифопоэтическое мировоззрение русского народа, где деревянный храм выступает как маркер русской этнокультурной идентичности.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-49-290001_р_а «Деревянный храм в контексте изучения русской традиционной культуры: синкретизм материального и духовного (по материалам Русского Севера и Арктики)».

Список литературы

Грабарь И.Э. История русского искусства: в 6 т. – М.: И. Кнебель, 1910. – Т. 1: Архитектура. – 508 с.

Жигальцова Т.В. Село Ворзогоры: пространственная организация и памятники культового деревянного зодчества // Человек и культура. – 2018. – № 4. – С. 57–66.

Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. — Архангельск: Правда Севера; Екатеринбург: УрО РАН, 2010. — 552 с.

Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. — Екатеринбург: УрО РАН; Архангельск: Правда Севера; Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского; 2013. — 608 с.

References

Grabar' I.E. Istoriya russkogo iskusstva: in 6 vol. Moscow: I. Knebel', 1910, vol. 1: Arhitektura, 508 p. (in Russ.).

Permilovskaya A.B. Russkij Sever kak osobaya territoriya naslediya. Arkhangelsk: Pravda Severa; Yekaterinburg: UB RAS, 2010, 552 p. (in Russ.).

Permilovskaya A.B. Kul'turnye smysly narodnoj arhitektury Russkogo Severa. Yekaterinburg: UB RAS; Arkhangelsk: Pravda Severa; Yaroslavl: K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical Univ. Press, 2013, 608 p. (in Russ.).

Zhigal'cova T.V. Selo Vorzogory: prostranstvennaya organizaciya i pamyatniki kul'tovogo derevyannogo zodchestva. In *Chelovek i kul'tura*, 2018, No. 4, pp. 57–66 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Пермиловская А.Б. — доктор культурологии, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. акад. Н.П. Лаверова РАН,
e-mail: annaperm@fciaarctic.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3221-7197>.

Т.А. Коновец
*Институт искусств
Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан, Россия*

Историко-культурный ландшафт как фактор формирования этнической идентичности хакасов

Работа посвящена исследованию влияния историко-культурного ландшафта Южной Сибири на формирование этнической идентичности хакасского народа. В статье рассматриваются утилитарное, семантическое и символическое освоение этносом вмещающего ландшафта. Помимо этого, проводится определение в ландшафте компонентов этнической идентичности: мифологического происхождения народа, родной земли, культурных традиций.

Ключевые слова: *природа, культурный ландшафт, этнокультурная идентичность, этнос, окружающая среда, образ мира, миф, территория, традиция.*

Для цитирования: Коновец Т.А. Историко-культурный ландшафт как фактор формирования этнической идентичности хакасов. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 199–201. DOI 10.17746/0295-7.2019.199-201.

T.A. Konovets
*Institute of Arts,
Katanov Khakass State University,
Abakan, Russia*

Historical and Cultural Landscape as a Factor in the Formation of the Ethnic Identity of the Khakas

The work is devoted to the study of the influence of the historical and cultural landscape of Southern Siberia on the formation of the ethnic identity of the Khakass people. The article discusses the utilitarian, semantic and symbolic development of the surrounding landscape by an ethnos. Definition in the landscape of components of ethnic identity: the mythological origin of the people, native land, cultural traditions.

Keywords: *nature, cultural landscape, ethnocultural identity, ethnos, environment, image of the world, myth, territory, tradition.*

For citation: Konovets T.A. Historical and cultural landscape as a factor in the formation of the ethnic identity of the Khakas. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories,* 2019, 199–201 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.199-201.

Показателем успешного существования народа является состояние устойчивости и равновесия между этносом и природными ресурсами. Условия обитания народа способствуют появлению и закреплению психологических особенностей мировосприятия, стереотипов поведения человека, его самоопределению в организованном

пространстве. Организация и использование пространства в соответствии с культурной традицией народа являются важным фактором культурной идентичности. Культурный ландшафт рассматривается как объективно существующее физическое пространство, в котором соединяются в целое природные и культурные компоненты; утилитарно освоенное пространство и то, как оно понимается и проживается человеком. Ландшафт становится важнейшим фактором формирования этнической идентичности народа.

Древние ландшафты Южной Сибири являются богатейшим культурно-историческим наследием Минусинской котловины. Многочисленные племена, проживавшие на берегах Енисея, оставили большое количество исторических памятников в виде уникальных культурных ландшафтов. Несколько тысячелетий древние курганы органично вписываются в степной пейзаж и являются характерной чертой Хакасско-Минусинской котловины. Монументальные памятники оригинального первобытного искусства, каменные изваяния и стелы, — это уникальное явление в степях Хакасии. Каменные изваяния безмолвны, таинственны и загадочны. Как преобразованная часть мира они отделились от объективной реальности и превратились в культурную среду, которая значительно повлияла на последующие культуры.

Создание мифов о происхождении народа на определенной территории есть важнейший акт самоидентификации человека. Осмысление и понимание ландшафта хакасским народом выражаются в образе Вселенной. В образе мира традиционного общества зафиксированы представления народа о строении мироздания, отражающие особенности окружающей среды. Из мифологических сюжетов хакасов мы узнаем об эпохе первотворения Вселенной. Божественные Утки Ульген и Эрликхан сотворили весь мир из песка со дна реки. Вслед за землей Утка сотворила Человека. Хакасы считают, что живут на своей земле с момента сотворения мира. Весь мир был создан из воды песка-земли и воздуха. По представлениям народа, текущая вода священной мировой реки объединяет три разные сферы пространства, символизируя его вечное движение. Протекавшая сквозь существующие миры река представляет не только картину трехмерного мира, но и путь человеческой души после смерти в место ее вечного обитания. Мир вод — это олицетворение Нижнего мира — владение духов и вход в иной мир. Вода выступает как символ всеобщего рождения, женского начала, это — аналог материнского лона и чрева. У хакасов «темные» воды родников, текущие из глубин земли, ассоциируются с родовыми водами и являются сакральными. Реки и озера имели своих духов-хозяев.

Сотворенный богами средний мир — это мир человеческой жизни, упорядоченный, теплый и солнечный. Родившись в среднем мире, хакасы называли его «земля-вода» (чир-суг), что отождествляется с понятием Родины, которую важно сохранить и защитить. Родная земля для хакасов значила очень много, к ней обращались: «Моя родная земля, моя Благословенная земля». Эмоционально воспринимаемое пространство родной земли было маркировано священными родовыми горами, реками, землями.

Устремленная к небу вертикаль горы — это ось мира, символизирующая вертикальную структуру организации пространства, соединяющую три сферы мира. Формой одухотворенного, чувственного отношения человека к миру природы был культ священных гор. Эстетическое восприятие горных хребтов сопровождалось чувством глубокого духовного наслаждения и восторга, способствовало формированию глу-

бочайшего достоинства и воли. «Золотая гора» — прародительница хакасского народа хранила в своих недрах души всего живого и была символом зарождения новой жизни, равновесия и порядка. Хакасы считают себя народом гор, каждый род имел свою священную гору. Хакасы верят в неразрывную связь с природными силами, у народа существовали верования, связанные с представлениями об одушевленности природы.

В горах, занимающих значительную часть Хакасии, находятся богатейшие залежи железной руды. Большое обилие металла привело к подъему хозяйства и созданию сильного Древнехакасского государства.

Наряду с вертикальным освоением пространства существует и горизонтальное — это четыре стороны света. Хакасские степи подарили народу душу — коня. Этот народ, оторвавшись от земли, познал даль мира и свободу передвижения. Большая часть хакасских степей благоприятна для развития сельского хозяйства. Развивается кочевое скотоводство, оленеводство, охота, рыболовство и собирательство. Из шкур диких и домашних животных хакасы шили одежду, изготавливали войлок, шерстяные ткани, производили конопляное, льняное и крапивное полотно. На территории Хакасии очень рано возникли высочайшего уровня земледелие, сложные оросительные системы, города, в которых жили ремесленники, ювелиры, ткачи, кузнецы и другие мастера.

Разнообразие форм жизнедеятельности хакасского этноса в среде обитания говорит о высшей степени адаптации хакасов к вмещающему ландшафту. Для использования ресурсов окружающей среды применялись специфические технологии обработки различных природных материалов: плавка металла, выделка шкур животных, обработка дерева.

В историко-культурном ландшафте Хакасско-Минусинской котловины ярко представлены компоненты этнической идентичности: мифологическое происхождение земли и Человека, родная земля и культурные традиции. Эстетическое восприятие окружающей природы возбуждает в сознании человека целостный образ окружающего мира. Осмысление, переживание ландшафта становится той основой, на которой формируется самосознание, чувство духовного единства и самоценности народа, его нравственная укорененность на своей земле — Родине.

Сведения об авторе:

Коновец Т.А. — старший преподаватель кафедры декоративно-прикладного искусства Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,

e-mail: konovets-t-a@mail.ru.

Значение титулатуры правителей для определения этнокультурной идентичности господствующего этноса в государстве енисейских кыргызов в Южной Сибири

В статье рассматривается роль разных титулов для определения этнокультурного значения правителей государства енисейских кыргызов в Южной Сибири в периоды Средневековья. Исследуются различные титулы, которые принимали кыргызские правители, заявляя свои претензии на независимое существование кыргызского государства. Оцениваются исторические события, в ходе которых кыргызские правители претендовали на принятие титула «кагана» и вели борьбу за господство над кочевыми племенами Центральной Азии. Анализируются исторические события, связанные с принятием оригинального кыргызского титула «Ажо».

Ключевые слова: *Южная Сибирь, енисейские кыргызы, господствующий этнос, правители, титулатура, этнокультурная идентичность.*

Для цитирования: Худяков Ю.С. Значение титулатуры правителей для определения этнокультурной идентичности господствующего этноса в государстве енисейских кыргызов в Южной Сибири. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 202–205. DOI 10.17746/0295-7.2019.202-205.

Yu.S. Khudiakov
*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Significance of Rulers' Titulature for Defining of Ethnical and Cultural Identity of the Leading Ethnos in the State of the Yenisei Kyrgyz in Southern Siberia

It is considered in a report the significance of different titles for defining of ethnical and cultural importance of the state of the Yenisei Kyrgyz rulers in Southern Siberia in the periods of the Middle Ages. It is analyzed different titles, that were taken by the Kyrgyz rules, basing their claims for independent lives of the Kyrgyz state. It is evaluated the historical events, that in the course of the Kyrgyz rulers were pretending to take a title "Qaghan" and combating for dominance over nomadic tribes of Central Asia. It is analyzed the historical events, affiliated with acceptance of the original Kyrgyz title "Ajo".

Keywords: *Southern Siberia, Yenisei Kyrgyz, leading ethnos, rulers, titulature, ethnical and cultural identity.*

For citation: Khudiakov Yu.S. Significance of rulers' titulature for defining of ethnical and cultural identity of the leading ethnos in the state of the Yenisei Kyrgyz in Southern Siberia. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 202–205 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.202-205.

В середине I тыс. н.э. жужани поставили во главе кыргызов представителя тюркского рода Ашина. Он «царствовал между реками Афу и Гянь, под наименованием Цигу» — главы кыргызов [Бичурин, 1998, с. 225–226].

После разгрома жужаней в 552 г. н.э. кыргызы подчинились тюркам. Тюркский каган Мухан «на севере покорил Цигу» — кыргызов [Там же, с. 233]. В 629 г. они подчинились кагану из племени Сйеяньто, который «имел там своего Гйелифу для верховного надзора» [Там же, с. 362]. Титул «гйелифа», или «сылифа», означал старейшину.

В 648 г., «получив известие» о крушении каганата Сйеяньто, кыргызский «Сылифа» Шибокюй Ачжань приехал ко двору империи Тан. «Император переименовал его владения областью Гянь-гунь». Сылифа получил от императора военный чин и был назван «главноначальствующим своей области» [Там же, с. 363]. Принятие китайских титулов не ограничивало власть кыргызского правителя.

После возрождения в конце VII в. Восточного Тюркского каганата кыргызы возглавили коалицию против восточных тюрков. Каган восточных тюрков Капаган был вынужден признать за главой кыргызов Барс-бегом право именовать себя каганом и выдал за него замуж свою племянницу из рода Ашина. Впервые каган восточных тюрков был вынужден признать свое равноправное положение с правителем кыргызов и его право именоваться «каганом». Выдав за него замуж свою племянницу, Капаган породнился с правящим родом кыргызов.

Несмотря на принятие титула «кагана», кыргызский правитель Барс-бег сохранил в составе своего титула термин «бег», который был характерен для родовой аристократии. Он проводил независимую политику. Каган восточных тюрков признал, что «кыргызский сильный каган» стал для него самым опасным врагом. Зимой 710–711 гг. войско восточных тюрков совершило поход через Саяны и внезапно напало на кыргызов. В сражении в Черни Сунга погиб кыргызский каган Барс-бег. По территории Минусинской котловины были размещены отряды тюркских воинов.

В VIII в. кыргызы выступили против экспансии уйгурского кагана Моюн-Чура. В Селенгинской надписи правитель кыргызов назван «ханом киргизским», который направил против уйгуров свои «летучие отряды». В 758 г. уйгурам удалось разгромить эти отряды. После этого кыргызский правитель утратил титул «хана», и получил от уйгуров титул «Пицьейе Тунге Гинь», т.е. «тегин», что равносильно званию «принц». В 795 г. в Уйгурском каганате пришел к власти каган Кутлуг из племени эдизов. Это стало поводом к восстанию кыргызов, правитель которых назван в Карабалгасунской надписи «гянь-гуньским Кэ-ханем», т.е. «кыргызским каганом». Кутлугу удалось нанести поражение кыргызам, их каган погиб в сражении. После этого новый кыргызский правитель снова лишился звания «каган» и принял титул «Ажо». Этот титул известен только у енисейских кыргызов. Вероятно, он должен соответствовать уровню эльтебера. Возможно, что принятие такого не претендующего на титул «кагана» звания стало результатом компромисса с уйгурами. Титул «Ажо», не известный у других тюркских народов, был по отношению к тюркской титулатуре нейтральным. Благодаря его принятию, кыргызский правитель избавлялся от титула «тегин» — принц, ставившего его в неравноправное положение с уйгурским каганом.

В китайском источнике по поводу титула кыргызского правителя сказано: «Государь называется Ажо; почему и прозывается Ажо» [Бичурин, 1998, с. 360]. Знамя кыргызского правителя было постоянно «водружено» в его ставке. Оно символизировало его власть. «Их Ажэ установил один штандарт, низ его весь красный» [Кюнер, 1961, с. 60].

Однако в 820 г. компромисс в отношении признания титулов кыргызского и уйгурского правителей был нарушен. Кыргызский Ажо, узнав о междоусобицах и ослаблении власти в Уйгурском каганате, бросил вызов уйгурскому кагану. «Но только что хойху начали упадать, то Ажо сам объявил себя ханом» [Бичурин, 1998, с. 363]. Принятие титула «кагана» стало поводом для войны, поскольку означало претензию на верховную власть в Центральной Азии. Война кыргызов с уйгурами продолжалась двадцать лет и закончилась разгромом Уйгурского каганата.

После разгрома уйгуров кыргызы завоевали Центральную Азию. Они попытались подчинить телесские племена, которые бежали от них в разные направления. Кыргызы направили в Китай ряд посольств, в одном из которых была китайская принцесса Тайхэ, побывавшая замужем за несколькими уйгурскими каганатами. Но она была перехвачена уйгурским принцем У-цзе, который взял ее в жены чтобы добиться помощи от империи Тан. Большой энтузиазм у китайцев вызывало происхождение кыргызского правящего рода от ханьского полководца Ли Лина. Император дал двум сменившим друг друга кыргызским каганам китайские почетные титулы [Бичурин, 1998, с. 365]. Китайцы неоднократно обращались к кыргызам с требованием «уничтожить» уйгуров. Однако они стремились вернуть бежавшие телесские племена и совершили ряд походов в Забайкалье и Восточный Туркестан.

В начале X в. кидани разделили единый кыргызский этнический массив на две части. Часть кыргызов осталась в Саяно-Алтае, другая часть на восточном Тянь-Шане. Правитель енисейских кыргызов утратил реальную власть, но сохранил титул «хыргыз-хакан». В конце X в. его ставка была перенесена в Минусинскую котловину. Власть кагана была сакрализована. Реальная власть перешла наместникам отдельных областей — «иналам». В начале XIII в. кыргызские земли в Южной Сибири были завоеваны монголами. Одно из кыргызских владений Еди-Орун возглавлял правитель Урус-инал. В последующие периоды часть енисейских кыргызов была переселена в Монголию, Китай и Маньчжурию.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2016-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы: Жалын баспасы, 1998. — Т. I. — 390 с.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М.: Вост. лит., 1961. — 392 с.

References

Bichurin N.Ya. Sbranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena. Almati: Zhalyn baspasy Publ., 1998, part. 1, 390 p. (in Russ.).

Kyuner N.V. Kitaiskie izvestia o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsentralnoi Azii i Dalnego Vostoka. Moscow: Vost. lit. Publ., 1961, 392 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Худяков Ю.С. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН,
e-mail: khudjakov@mail.ru.

Языковая идентичность нагайбаков как средство этнической мобилизации

Языком нагайбаков с момента их возникновения был татарский. В народном понимании язык является одной из главных этномаркирующих. Цель нашей работы — провести мониторинг языковой идентичности нагайбаков и выявить ее соотношение с этническим самосознанием. В период этнической мобилизации общественные элиты конструируют собственную лингвистическую идентичность на противопоставлении ближайшему по родству и реально доминирующему языкам. У нагайбаков ближайший родственник — литературный татарский, а реально доминирующий — русский.

Ключевые слова: *идентичность, этническое самосознание, этническая мобилизация, нагайбаки, нагайбакский язык, татарский язык, Южный Урал.*

Для цитирования: Атнагулов И.Р. Языковая идентичность нагайбаков как средство этнической мобилизации. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 206–208. DOI 10.17746/0295-7.2019.206-208.

I.R. Atnagulov
Institute of History and Archaeology, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Language Identity Nagaibaks as a Means of Ethnic Mobilization

The language of Nagaibaks from the moment of their origin was Tatarian. In the popular understanding of the language it is one of the main of ethnic marker. Our goal was to monitor the language identity of the Nagaibaks and its correlation with ethnic identity. During the period of ethnic mobilization, social elites construct their own linguistic identity in opposition to the nearest and really dominant languages. At the Nagaibaks the closest related is the literary Tatar, but in reality the dominant is Russian.

Keywords: *identity, ethnic identity, ethnic mobilization, Nagaibaks, Nagaibak language, Tatar language, Southern Ural.*

For citation: Atnagulov I.R. Language identity Nagaibaks as a means of ethnic mobilization. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 206–208 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.206-208.

Рассмотрим новую идентичность, возникшую в результате государственной деятельности в XVIII–XIX вв. по социальному обустройству Оренбургской губ., идентичность нагайбаков [Атнагулов, 2016, с. 138]. Маркирующими их идентичности были религиозная (православие) [Атнагулов, 2007] и сословная (казачество) при-

надлежности [Атнагулов, 2015]. Обе отделяли их от «материнского этноса» – волжских татар. Другие этнографические признаки (одежда, жилища, язык и т.п.) до начала XX в. еще сближали нагайбаков с крещеными татарами. На фоне перемен, произошедших в XX в. в сфере материальной культуры, наше внимание привлекла языковая идентичность нагайбаков. Актуальность усиливается на фоне подъема этнического самосознания, наблюдающегося с начала 1990-х гг. Цель работы – мониторинг языковой идентичности нагайбаков и ее соотношение с этническим самосознанием. Исследования проводились в Нагайбакском р-не Челябинской обл. в 2005–2015 гг. [Атнагулов, 2016] методами беседы, интервью и анкетирования. Мы используем выражение «родной язык нагайбаков», понимая под этим язык тюркской группы, хотя часть нагайбаков русскоговорящие. Родной язык для большинства нагайбаков – обязательный этнический признак. Даже русскоговорящие считают нагайбакский одним из главных своих этнокультурных признаков.

В представлении о близости родного языка к татарскому прослеживаются две тенденции: понимание их родства и позиционирование нагайбакского как самостоятельного языка, особенно после обретения в 1993 г. нагайбаками статуса «коренного малочисленного народа». С 2005 по 2015 г. доля нагайбаков, использующих родной язык как основной, существенно не изменилась, она составляет около трети населения. Почти вдвое увеличилась доля русскоговорящих и уменьшилась доля двуязычных.

Несмотря на изученность вопроса, в общественной среде продолжается обсуждение родства нагайбакского с татарским [Минеев, 2008, с. 68]. Краеведом О.И. Барышниковой издан «Нагайбакско-русский – русско-нагайбакский словарь» [Барышникова, 2015]. Реализация идеи нагайбакского языка осуществлена посредством ревизии правописания литературного татарского и лексической селекции в пользу архаичного пласта, где отсутствуют фонемы, используемые в современном нагайбакском, например – «в», «ф», «ц», «ч» и др.

Представление о языке как одном из главнейших признаков, усвоенное еще со времен советского «национального строительства» [Соколовский, 2009, с. 45–55], до сих пор отражается не только в научных публикациях, но и в общественном мнении. По нашим полевым данным, среди отличительных признаков нагайбаков от русских язык занимает третье место, от татар – второе.

Часть нагайбаков в этнических различиях между ними и татарами языковую разницу усматривают в большей степени, чем с русскими. Это важный показатель поиска народом оснований этнической идентичности. Значительная часть нагайбаков едва ли не главную угрозу потери идентичности видит в том, что их долго «учили говорить по-татарски». До 1960-х гг. школьные учебники доставлялись из Казани. Литературный язык, которому обучали детей, конечно, отличался от нагайбакского говора, в равной степени как и от большинства остальных говоров татар. Этот факт продолжает вызывать беспокойство среди нагайбаков. Вместе с тем треть респондентов назвала язык главным сближающим их с татарами признаком. Несмотря на это, многие респонденты считают, что нагайбакский и татарский отличаются друг от друга скорее значительно (более 91 %), чем незначительно (более 8 %).

В период этнической мобилизации, с целью более четкого маркирования этнических границ, местные общественные элиты при поддержке части населения конструируют собственную лингвистическую идентичность на противопоставлении

ближайшему по родству и (или) реально доминирующему языкам. В случае с нагайбаками таковыми являются: ближайший родственный – литературный татарский и реально доминирующий – русский.

Список литературы

Атнагулов И.Р. Религиозная идентичность нагайбаков: история формирования и современное состояние // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2007. – № 18. – С. 305–312.

Атнагулов И.Р. Структура нагайбакских идентичностей: история и факторы формирования // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2 (47). – С. 133–143.

Атнагулов И.Р. Нагайбаки: от сословия к этносу (к вопросу о генезисе идентичности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 1. – С. 137–146.

Барышникова О.И. Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь / Научно-исследовательская словарная лаборатория Инновационно-технологического центра: гл. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. тех. ун-та им. Г.И. Носова, 2015. – 175 с.

Минеев П.М. По берегам реки Гумбейки. Топонимический словарь. – Челябинск: Цитцеро, 2008. – 115 с.

Соколовский С.В. Крышены во Всероссийской переписи населения 2002 года. – 2-е изд. – Набережные Челны: КрышИздат, 2009. – 248 с.

References

Atnagulov I.R. Religioznaya identichnost' nagaibakov: istoriya formirovaniya i sovremennoe sostoyanie. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2007, No. 18, pp. 305–312 (in Russ.).

Atnagulov I.R. Struktura nagaibakskikh identichnostei: istoriya i faktory formirovaniya. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2015, No. 2 (47), pp. 133–143 (in Russ.).

Atnagulov I.R. Nagaibaki: ot sosloviya k etnosu (k voprosu o genezise identichnosti). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 1, pp. 137–146 (in Russ.).

Baryshnikova O.I. Nagaibaksko-russkii slovar'. Russko-nagaibakskii slovar'. Magnitogorsk: Nosov Magnitogorsk State Technology Univ. Press, 2015, 175 p. (in Russ.).

Mineev P.M. Po beregam reki Gumbeiki. Toponimicheskii slovar'. Chelyabinsk: Tsitsero, 2008, 115 p. (in Russ.).

Sokolovskii S.V. Krysheny vo Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda. Naberezhnye Chelny: KryashIzdat, 2009, 248 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Атнагулов И.Р. – доктор исторических наук, заведующий сектором этноистории Института истории и археологии УрО РАН,

e-mail: i.atnagulov@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-7453-0720>.

Е.Г. Алфёрова

*Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси,
г. Минск, Беларусь*

Мифопоэтика жилого пространства в русских и белорусских внеобрядовых песнях: общее и национальное

В статье раскрыты особенности мифопоэтики жилого пространства в русских и белорусских внеобрядовых песнях. Для анализа были выбраны объекты, выступающие своеобразными этническими маркерами, характеризующие особенности национальной традиции: город — двор — жилище (изба, хата, терем). Сделан вывод о том, что поэтические описания названных образов непосредственно зависят от исторических и природных предпосылок, глубинных сакральных верований и представлений восточных славян.

Ключевые слова: русский фольклор, белорусский фольклор, мифопоэтика, семантика, традиционное жилище, этническая традиция.

Для цитирования: Алфёрова Е.Г. Мифопоэтика жилого пространства в русских и белорусских внеобрядовых песнях: общее и национальное. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 209—211. DOI 10.17746/0295-7.2019.209-211.

E.G. Alfiorova

*Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research,
National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus*

Mythopoetics of Living Space in Russian and Belarusian Non-Sacred Songs: the General and National

The paper reveals some mythopoetic peculiarities of living space in Russian and Belarusian non-sacred songs. The objects selected for analysis act as a kind of ethnic markers that characterize the peculiarities of the national tradition: city — courtyard — dwelling (“izba”, hut, “terem”). It was concluded that the poetic descriptions of these images are directly dependent on the historical and natural prerequisites, deep sacred beliefs and ideas of Eastern Slavs.

Keywords: Russian folklore, Belarusian folklore, mythopoetics, semantics, traditional housing, ethnic tradition.

For citation: Alferova E.G. Mythopoetics of living space in Russian and Belarusian non-sacred songs: the general and national. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 209—211 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.209-211.

В русских и белорусских внеобрядовых песнях особое внимание уделено мифопоэтике пространства. Одним из этнически маркированных образов здесь выступает город: в русском фольклоре — как отдаленный локус, в белорусском — как ря-

довой объект расселения: «Я уеду жить во дальни города» [Лирические песни, 1990, № 395]; «Ой, паехаў міленькі ў гарадочак» [Песні..., 1978, № 55].

В русских лирических песнях чаще упоминаются конкретные города, что подчеркивает реальность происходящих событий, их историчность. При этом с топонимом согласуется емкий поэтический эпитет, тем самым придавая данному локусу индивидуальность и эмоционально выделяя его среди других: «Ох, как я завтра отъезжаю / В славный город Петербург» [Лирические песни, 1990, № 413]; «Далеко ты, степь, протянулася, / Дале города, дале Питера, / Дале матушки каменной Москвы» [Там же, № 496]. В белорусском внеобрядовом фольклоре конкретные географические названия чаще встречаются в солдатских и рекрутских песнях: «Вязуць мяне ў гарадочак / Ў гарадочак Навагрудочак» [Сацыяльна-бытавыя песні, 1987, № 25]; «А ў Бабруйску салдаты стаялі» [Там же, № 198].

В обеих традициях поэтически и семантически насыщенным является непосредственно жилое пространство (двор – изба, хата, терем), где происходят основные события. При этом характеристики двора и в русской, и в белорусской традиции идентичные: постоянным атрибутом выступает его широта как символ достатка и гармонии: «Он и ходит по широкому двору» [Лирические песни, 1990, № 421]; «На дварэ на шырокім мой конь спатыкнуўся» [Сацыяльна-бытавыя песні, 1987, № 122]. В любовных и семейно-бытовых песнях противопоставляется пространство, где живет молодая женщина после замужества, и ее прежний «родительский» дом, что подчеркивается эпитетом «батюшкин» (реже – «матушкин, матулін»): «Далеко, далеко батюшкин двор» [Лирические песни, 1990, № 443]; «Пад'ехаў мазур пад матулін двор» [Песні..., 1978, № 25].

Этническая составляющая очевидна при характеристике непосредственно жилища. Так, в русских лирических песнях количественно преобладает упоминание терема, в белорусских – хаты.

Неизменным атрибутом терема, отраженным в соответствующем эпитете, будет его высота: «На высок терем взойду / Красной девицею» [Лирические песни, 1990, № 259]. В одном из вариантов социально-бытовых песен дается развернутая поэтическая характеристика такого жилища: «Стоял терём большой высокой, да высокий. / ... ой да с изукрашенным... / Изукрашенным своим крыльцом» [Там же, № 620]. Семантика белорусской хаты во внеобрядовых песнях довольно разнообразна и, как правило, помогает раскрыть эмоционально-психологическое состояние лирического героя. Так, родительское жилище в солдатских песнях описывается как «стара хатка»; у семьи с достатком и живущей дружно «хатачка багатая»; уют в жилище непосредственно связан с теплом, поэтому гармоничное пространство выступает как «цёплая хата»; могила в солдатских и семейно-бытовых (сиротских) песнях ассоциируется с «новой хатой». Основной чертой жилища является его защищенность, недоступность для вредных воздействий. Нарушение данного качества в песнях отождествляется с открытостью пространства и, соответственно, с изменениями в жизни героя (свадьба, служба в армии): «Младой-то мне во сне много видится: / Будто мой терем растворен стоит, / Да все окошечки в терему, / Да они все распечатаны» [Там же, № 366]; «Злыя людзі і знайшліся, / Сені, хату абступілі, / Колам дзверы праламілі» [Сацыяльна-бытавыя песні, 1987, № 84]. В песнях также отразилось представление восточных славян о том, что весь домашний быт держится на женщине, от умения которой вести хозяйство зависит жизнь домочадцев и гармония в семье: «Да за что же мне жену бить, за

что сердце крушить? / Жена – дом, жена – стан, жена – радость моя» [Лирические песни, 1990, № 435]; «І дай мне жонку харашу. / Штоб была добра гаспадыня... / І каб хаты пільнавала» [Песні пра каханне, 1978, № 218].

Как видим, поэтические характеристики образов жилого пространства в русских и белорусских внеобрядовых песнях становятся маркерами устойчивых этнических традиций. Так, для русских по сравнению с белорусами была характерна более низкая плотность расселения, что и определило удаленность городов от сельских поселений и отразилось в фольклоре. В русских лирических песнях, как правило, упоминаются крупные города. В Беларуси сельских поселений было больше, чем городских. В свою очередь, крупных городов существовало немного, основную массу составляли местечки, имевшие с деревнями (селоми, хуторами) тесные связи (ярмарки, приобретение товаров, поиск заработка и т.д.). В русских лирических песнях распространен образ терема, характерного для зажиточной части сельского населения, в то же время изба упоминается значительно реже. В белорусском фольклоре терем приобретает дополнительную семантику, выступая либо как объект обрядового действия (колядки), либо как сакрально маркированное жилище невесты в свадебных песнях. Основным же жилым пространством простых крестьян являлась хата, которая и упоминается часто в белорусском фольклоре. Данные характеристики позволяют дополнить мифопоэтическую картину мира определенного этноса, подчеркнуть его самобытность на европейском пространстве, показать необходимость сохранения этой самобытности и репрезентативности ее для других культур.

Список литературы

Лирические песни / сост., предисл., подг. текстов и примеч. П.С. Выходцева. – М.: Современник, 1990. – 653 с.

Песні пра каханне / склад., сістэм. тэкстаў, уст. арт. і камент. І.К. Цішчанкі; рэд. тома А.С. Фядосік, Г.І. Цітовіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – 616 с.

Сацыяльна-бытавыя песні / уклад., сістэм. тэкстаў, уст. арт. і камент. І.К. Цішчанкі, В.І. Скідана; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1987. – 488 с.

References

Liricheskie pesni / sost., predisl., podg. tekstov i primech. P.S. Vykhodtseva. Moscow: Sovremennik, 1990, 653 p. (in Russ.).

Pesni pra kahanne / sklad., sistem. tekstau, ust. art. i kament. I.K. Cishchanki; red. toma A.S. Fjadosik, G.I. Citovich. Minsk: Navuka i tehnika, 1978, 616 p. (in Belarus.).

Sacyjal'na-bytavyja pesni / ukklad., sistem. tekstau, ust. art. i kament. I.K. Cishchanki, V.I. Skidana; red. toma A.S. Fjadosik. Minsk: Navuka i tehnika, 1987, 488 p. (in Belarus.).

Сведения об авторе:

Алфёрова Е.Г. – кандидат филологических наук, доцент, заведующая сектором духовных традиций в народной архитектуре Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,

e-mail: alforava@tut.by,

https://orcid.org/0000-0002-7496-1096.

Образ русалки как маркер этнокультурной идентичности локальных групп русских в Западной Сибири

Мифологический образ русалки в разных регионах России имеет ряд существенных различий. Анализ полевых материалов выявил специфические особенности представлений о русалках у различных этнолокальных групп русских в Западной Сибири. У русских старожилов традиционные представления о русалках практически исчезли или значительно изменились. Сибирские «новоселы», напротив, активно воспроизводят сюжеты сказочной устной прозы о русалках, которые хорошо сохранились или не сильно трансформировались в процессе переселения. Специфические признаки образа русалки могут быть маркерами этнокультурной идентичности локальных групп русских сибиряков.

Ключевые слова: русалка, русские, этнолокальные группы, Западная Сибирь, мифология, фольклор, этнокультурная идентичность, полевая этнография.

Для цитирования: Голубкова О.В. Образ русалки как маркер этнокультурной идентичности локальных групп русских в Западной Сибири. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 212–215. DOI 10.17746/0295-7.2019.212-215.

O.V. Golubkova
*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

The Features of the Mythological Character of a Mermaid as a Marker of the Ethnocultural Identity of Local Groups of Russians in Western Siberia

The mythological characters of a mermaid in different regions of Russia vary considerably. An analysis of ethnographic materials revealed the specific features of the ideas about mermaids in various ethnological local groups of Russians in Western Siberia. The traditional concepts about mermaids among the descendants of the first Russian migrants to Siberia (“starozhily”) have changed significantly or disappeared. Migrants to Siberia of the early 20th century (“novosely”), on the contrary, actively reproduce oral stories about encounters with mermaids, which were not much transformed during the resettlement process. The specific features of the mermaid concept are markers of the ethnocultural identity of local groups of Russian Siberians.

Keywords: mermaid, Russians, ethnocultural groups, Western Siberia, mythology, folklore, ethno-cultural identity, ethnographic practical materials.

For citation: Golubkova O.V. The features of the mythological character of a mermaid as a marker of the ethnocultural identity of local groups of Russians in Western Siberia. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 212–215 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.212-215.

Русалка является одним из наиболее вариативных, полисемантических образов славянской мифологии. Верования о русалках в разных областях России существенно различаются. Представления о местах обитания русалок, их происхождении, внешнем облике, отличительных признаках, способностях, типичных занятиях, отношении к человеку неоднозначны. Согласно материалам полевых исследований, проведенных в Западной Сибири (ПМА*: Тюменская, Омская, Новосибирская области, Алтайский край), мнения русских сибиряков о русалках тоже разнообразны и противоречивы.

Цель данной работы заключается в определении характерных признаков мифологических представлений о русалках. Эти признаки могут стать маркерами, характеризующими этнокультурную идентичность локальных групп русских в Западной Сибири – потомков переселенцев из различных мест Европейской России, переехавших за Урал в конце XVII – XVIII в. (сформировавших группы сибиряков-старожилов) и на рубеже XIX–XX вв. («столыпинских» переселенцев, образовавших группы новоселов, которые в той или иной степени сохраняли традиционную культуру родных регионов).

Анализ полевых материалов выявил специфические особенности представлений о русалках и связанных с ними сюжетов несказочной устной прозы у различных этнолокальных групп русских сибиряков (старожилов и новоселов), которые сопоставлялись с аналогичными воззрениями жителей Европейской части России.

Западно-Сибирский этнографический материал представляет собой разнообразную картину народных верований о русалках, в т.ч. об их происхождении и внешности. У разных этнографических групп можно выделить различные черты облика русалки, нередко противоположные. Русалки могли быть как привлекательными, так и безобразными. Такое различие, по всей видимости, было связано с происхождением информантов и обычно соответствовало традиционным представлениям тех мест, откуда переселились в Сибирь их предки. Некрасивыми и уродливыми, косматыми, с большими обвислыми грудями, порой чудовищами-людоедами русалки представлялись потомкам переселенцев с Русского Севера, Поволжья, Приуралья, из некоторых центральных областей России. *Русалки ходят грязные, косматые. Зубы у них острые, а глаза как угли горят. Раньше детей русалками пугали, чтоб на речку не шли* (ПМА: Новосибирская обл., Болотнинский р-н, д. Баратаевка, 2013).

Потомки южнорусских (так же как и украинских) переселенцев, напротив, представляли русалок молодыми красивыми девушками, трагически погибшими (утопившимися) в результате несчастной любви или из-за жестокого обращения мачехи. Русалками могли стать дети, проклятые родителями, а также «обещанные» или «подаренные» нечистой силе. *Жила здесь раньше ведьма. У ее мужа была дочка, не родная ей. <...> Решила эта ведьма девку извести. В ночь на Ивана Купалу пошла она в лес, к реке. На воду шептала, колдовала. Потом прошло сколько-то дней, она говорит мужевой дочке: – Иди на речку за водой, стирать будем. Та пошла к реке и не вернулась. Дошла до речки, и никто ее больше не видел. Ведра на берегу остались. Будто утонула, но тело так и не нашли. Говорили, что она русалкой сделалась. Когда подошла к реке, ее нечистая сила схватила и утащила к себе под воду. Мачеха ее нечистой силе обещала,*

*Полевые материалы автора (личный архив) – дневники этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН 1998–2018 гг.

а они дожидались, когда девка к реке подойдет (ПМА: Новосибирская обл., Здвинский р-н, д. Хапово, 2001).

Сибирские старожилы (потомки русских переселенцев конца XVII – XVIII в.) во многом утратили традиционные верования, связанные с русалками. У них вопросы о русалках, с одной стороны, вызывали ассоциации с образами, известными по произведениям литературы, изобразительного искусства, кинематографа. С другой стороны, русалка наделялась характеристиками ведьмы-оборотня. Нами записаны былички о встречах с русалками, которые превращались в животных (лошадь, жеребенка, теленка, собаку, свинью), птиц (курицу, утку, кукушку, ворону) или в стог сена. *На мостках у речки по ночам теленка видели. Ничей теленок, около воды появится и исчезает. Русалка это из воды вылазила, теленком делалась* (ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, с. Воскресенка, 2009). *Там у реки было проклятое место, там русалки жили. Если кто-то едет мимо, за ним лошадь бежит или стог сена катится. Докатится до воды и исчезнет, многие видели* (ПМА: Новосибирская обл., Маслянинский р-н, с. Мамоново, 2018).

Происхождение русалок в Западной Сибири, как и в Европейской России, нередко связывали с преждевременной смертью молодых девушек, часто – с утопленницами. Поэтому в описаниях информантами облика русалки часто присутствуют черты покойника – демонические и пугающие: бледность, синеватый или зеленоватый цвет кожи, распущенные длинные волосы (зеленые, рыжие, русые, золотистые, черные), страшный взгляд, горящие глаза, длинные острые ногти или когти, как у животного, длинные (иногда способные растягиваться) руки, белая одежда, напоминающая саван. Появление русалки, как и покойника, могло сопровождаться ощущением холода, озноба, чувства «жуткого» страха. *Русалок боялись, они как покойники. Шастают по ночам, людей пугают, могут и до смерти загрызть* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, д. Гриневичи, 2005). *У нас тут один рассказывал, за ним русалка гналась от самого озера. Пошел ночью рыбачить, а она из воды выходит, страшная, вся голая, волосища длинные и глаза горят. Он побежал, она за ним, гналась до самого дома. <...> Успел в дом забежать, молитву до утра читал, потом весь дом освящали* (ПМА: Новосибирская обл., Здвинский р-н, с. Верх-Урюм, 2002).

Согласно верованиям жителей Европейской России, русалки «обитали» в различных локусах природного ландшафта: в лесах, полях, водоемах или рядом с ними. В некоторых местах они могли одновременно считаться как водными, так и лесными или полевыми существами. Южнорусская русалка была связана с культом растений, плодородия, влаги, духом водоемов; В.Я. Пропп ее сравнивал с персонифицированной стихией природы [2000, 92–93]. В Западной Сибири представления о способности русалок влиять на природу и плодородие сохранились лишь рудиментарно – в обрядах весенне-летнего периода [Фурсова, 2003, с. 5–17, 33–56; Любимова, 2004, с. 186–190]. В легендах и быличках, записанных у русских сибиряков, русалка обычно связана только с водоемами. Наиболее распространенный мотив таких сюжетов – сидящая на камне у воды русалка, расчесывающая волосы, иногда заманивающая людей в омут.

Итак, на основе полевых материалов были выявлены некоторые особенности образа русалки у представителей различных этнолокальных групп русских в Западной Сибири. Эти различия, прежде всего, связаны с региональными верованиями предков сибиряков, откуда они были родом. Преемственность традиционной культуры

у сельских жителей способствовала сохранению народных верований, характерных для определенной местности. У русских старожилов традиционные воззрения, связанные с русалками, были практически утрачены или сильно изменились. Сибирские новоселы, напротив, сохранили в памяти немало историй о русалках, быличек о встречах с ними. В представлениях сибиряков русалка утратила способность влиять на урожай (в отличие от верований жителей западных и южных областей Европейской России), основным местом обитания русалок стали водоемы.

Проследив развитие образа русалки (одного из ключевых мифологических персонажей в традиционной культуре русских и других славянских народов) в народных верованиях и сюжетах несказочной устной прозы, можно рассматривать его как один из возможных вариантов определения (или маркера) этнокультурной идентичности локальных групп русских сибиряков.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-09-00028а «Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XVII – первой трети XX в.)».

Список литературы

Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 240 с.

Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). – М.: Лабиринт, 2000. – 176 с.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – первая треть XX в.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Ч. 2. Обычаи и обряды летне-осеннего периода. – 268 с.

References

Fursova E.F. Kalendarnye obychai i obriady vostochnoslavianskikh narodov Novosibirskoi oblasti kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeistviia (konets XIX – pervaiia tret' XX v.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. Pt. 2. Obychai i obriady letne-osennego perioda, 268 p. (in Russ.).

Lyubimova G.V. Vozrastnoi simbolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika russkogo naseleniya Sibiri. XIX – nachalo XX veka. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, 240 p. (in Russ.).

Propp V.Ya. Russkie agrarnye prazdniki (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya). Moscow: Labirint, 2000, 176 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Голубкова О.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН,

e-mail: Olga-11100@yandex.ru,

https://orcid.org/0000-0002-9936-8555.

**Тӧс'ы и шайтаны:
к вопросу об этнокультурной идентичности хакасов
(конец XIX – середина XX века)**

В статье на основе лингвистических, исторических и этнографических сведений рассматривается феномен фетишизма у хакасов. В языке этого народа культовые предметы назывались тӧс'ами. В культуре хакасов этот термин обладает широким семантическим полем. В их традиционной обрядовой практике тӧсы использовались в качестве семейно-родовых охранителей. В русской культуре такие сакральные для коренных жителей изделия обозначались словом шайтаны и связывались с «нечистой силой». В процессе этнокультурного взаимодействия русских и хакасов в лексический фонд последних вошел и термин шайтан.

Ключевые слова: хакасы, традиция, фетиши, тӧс, шайтан, обряды, предки, мифология, язычество, культовые предметы.

Для цитирования: Бурнаков В.А. Тӧс'ы и шайтаны: к вопросу об этнокультурной идентичности хакасов (конец XIX – середина XX века). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 216–219. DOI 10.17746/0295-7.2019.216-219.

V.A. Burnakov
Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

**Toses and Shaitans:
on the Question of the Ethnocultural Identity of the Khakas
(Late 19th – Mid-20th Century)**

In the article on the basis of linguistic, historical and ethnographic information the phenomenon of fetishism in Khakas is considered. In the language of this people, these cult objects were called tos. In their culture the term has a broad semantic field. In the traditional ritual practice of the khakas, they were used as family and ancestral guardians. In Russian culture, these are sacred to the indigenous inhabitants of the product denoted by the word devils and were associated with the unclean force. In the process of ethnocultural interaction between Russians and Khakases, the term shaitan was included in the lexical fund of the latter.

Keywords: *Khakas tradition, fetishes, tos, shaitan, rituals, ancestors, mythology, paganism, religious objects.*

For citation: Burnakov V.A. Toses and shaitans: on the question of the ethnocultural identity of the Khakas (late 19th – mid-20th century). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 216–219 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.216-219.

В мировоззрении и традиционной обрядности хакасов особое место отводилось фетишизму. Культовые предметы именовались *tös'ами*. Термин *tös*, в т.ч. и в значении «фетиш», долгое время был малоизвестен русским, несмотря на то, что некоторые из них имели возможность видеть подобные предметы в процессе коммуникации с хакасами. Известно, что начальный этап межкультурного взаимодействия русского и автохтонного населения Сибири проходил в условиях обоюдного довольно слабого, поверхностного знания языков контактирующих сторон, а также разнящегося менталитета и существенно отличающихся религиозных ценностей. Восприятие духовной культуры коренных жителей Сибири русскими неизменно осуществлялось сквозь призму христианского миропонимания [Сагалаев, 1986]. Данное обстоятельство существенно затрудняло процесс точного и адекватного перевода на русский язык отдельных мировоззренческих категорий и понятий, а также названий культовых объектов сибирских народов. Многие явления традиционной культуры местного населения нередко выходили за рамки христианского мировосприятия и православных ценностей. В полной мере это относится к шаманизму и к атрибутам культа *tös'ов*.

Сверхъестественные существа и олицетворяющие их фетиши сибирских народов обычно воспринимались русскими в качестве языческих идолов нечистой силы и обозначались словом «шайтаны». В связи с этим служителей культа — шаманов нередко именовали еще и «шайтанщиками». Утверждению слова шайтан сначала в русскоязычной среде, а затем и в иноэтнических сообществах в немалой степени способствовало православное духовенство. Его представители в своих проповедях, в делопроизводственных документах, этнографических очерках и, конечно же, в бытовой речи широко использовали термин шайтан. При этом он мог употребляться в различных вариациях, например, таких как, шайтанки, шайтанчики и др. Между тем, несмотря на активную прозелитическую деятельность православных священнослужителей, слово шайтан долго приживалось среди хакасов. Так, и к концу XIX в. для многих местных жителей оно все еще оставалось новым и малоизвестным [Катанов, 1897, с. 27].

Надо полагать, что выбор термина шайтан в качестве ключевого маркера языческих духов и идолов хакасов, как собственно и других сибирских народов, по всей видимости, был неслучаен. Само слово было заимствовано русскими от тюркоязычных народов России и Центральной Азии, исповедовавших ислам — одну из авраамических религий, к числу которых, как известно, относится и само христианство.

Данная лексема исторически и теологически была чрезвычайно близка библейскому образу Сатаны. Поэтому заимствование и употребление слова шайтан легко и непротиворечиво вписывалось в христианское мировосприятие русских. В сознании православных верующих языческие идолы — шайтаны сибирских народов, как уже было отмечено выше, являлись материальным изображением и воплощением Вселенского Зла и его слуг. Миссионеры, следуя заветам Священного Писания, в своей прозелитической деятельности должны были не только повсеместно распространять христианское вероучение, но и при этом всемерно искоренять все проявления идолопоклонства у новообращенных.

Полную неприязнь по отношению к культовым объектам и традиционной обрядности коренных жителей Сибири демонстрировали не только представители духовенства, но и рядовые верующие. Более того, последние всегда испытывали

суеверный страх перед магическими практиками, атрибутами культа и шаманами коренных народов Сибири [Ядринцев, 1892, с. 459]. Следуя общепринятой логике, чтобы успешно бороться с врагом или полнее обезопасить себя от его негативного влияния, надо, по крайней мере, знать, кто он такой и как его имя. Данный стереотип мышления нашел свое яркое отражение в известной поговорке «известный черт лучше неизвестного». Для русских же применительно к данной ситуации возникали определенные сложности. Они не имели возможностей, а зачастую из суеверных и иных соображений не испытывали желания углубляться в познание сложной инородческой демонологии. Немалые затруднения для русских, очевидно, вызывала еще и фонетическая специфика и обусловленная этим труднопроизносимость многих лексических единиц сибирских автохтонов. Вот почему наиболее удобным и емким обозначением когорты всевозможных духов и соответствующих им материальных изображений оказался такой специфический «инородческий» термин, как шайтан. Он не вызывал никаких фонетических затруднений у русских. Необходимо заметить, что не представляется возможным с точностью определить время заимствования этого слова. При этом абсолютно не вызывает сомнений тот факт, что слово шайтан уже к XIX в. наряду с выражениями «идолы поганые», «особливые болванчики», «инородческие божки» получил довольно широкое распространение в обиходе русских.

Со временем лексема шайтан в его изначальном значении ‘сатана, дьявол, черт’ утвердилась и в хакасском языке. Это слово бытует в адаптированной форме — *сайтан*, «*сайдан/сайден*». Между тем обращает на себя внимание то, что в традиционной культуре хакасов, как правило, это слово не использовалось для обозначения зловредных сверхъестественных существ, по отношению к которым заведомо употреблялось слово *айна*. Кроме того, рассматриваемые культовые объекты устойчиво назывались *тöс’ами*. Лексема *сайтан/сайдан/сайден* в народе обычно используется лишь в качестве бранного слова и ругательного возгласа, при этом не имеет какого-либо ритуального значения.

Наряду с этим в прошлом употребление хакасами этого термина для обозначения сверхъестественных существ и своих фетишей при определенных обстоятельствах все же допускалось. Однако это происходило не внутри самого этноса, а лишь при коммуникации хакасов с русскоязычными представителями — исследователями, миссионерами и пр. Следует пояснить, что и к концу XIX в. подавляющее большинство коренных жителей, особенно проживающих в отдаленных подтаежных территориях, как правило, не располагало достаточным словарным запасом русского языка, а чаще и вовсе не владело им. Поэтому в процессе межэтнической коммуникации они не всегда имели возможность сделать точный и правильный перевод на русский язык многих явлений собственной культуры. Для быстроты ответа и более адекватного понимания собеседниками специфики их верований, в т.ч. и назначения соответствующих ритуальных изделий, они порой вынужденно их всех называли шайтанами. При этом хакасы, конечно же, вкладывали в это наименование свое понимание, которое по глубинному смыслу могло полярно отличаться от привычного для русского слуха значения произнесенного ими слова.

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов особое место отводилось культовым предметам — *тöс’ам* и мифо-ритуальному комплексу, с ними связанному. В процессе этнокультурного взаи-

модействия автохтонов и русских в поле зрения последних нередко подпадали и хакасские фетиши. В религиозно-мифологическом восприятии русского населения, исповедующего православное христианство, *тӧс'ы* воспринимались в качестве материальных изображений нечистой силы – шайтанов. Это находило свое отражение в соответствующем к ним отношении, особенно со стороны православных миссионеров. Результатом межкультурного взаимовлияния этих народов в духовной сфере явился факт того, что слово шайтан в его адаптированной форме со временем утвердилось в хакасском языке. При этом оно весьма своеобразно и избирательно использовалось в речи коренных жителей.

Список литературы

Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань: [Типо-лит. Имп. Казан. ун-та], 1897. – 104 с.

Сাগалаев А.М. О закономерностях восприятия мировых религий тюрками Саяно-Алтая // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 155–179.

Ядринцев М.Н. Сибирь как колония. – СПб.: Изд-во И.М. Сибирякова, 1892. – 720 с.

References

Katanov N.F. Otchet o poezdke, sovershennoi s 15 maya po 1 sentebrya 1896 g. v Minusinskii okrug Enisseiskoi gubernii. Kazan: Imperial Kazan Univ. Publ., 1897, 104 p. (in Russ.).

Sagalaev A.M. O zakonomernostyakh vospriyatiya mirovykh religiy tyurkami Sayano-Altaya. In *Genesis i evolyutsiya etnicheskikh kultur Sibiri*. Novosibirsk, 1986, pp. 155–179 (in Russ.).

Yadrintsev M.N. Sibir' kak koloniya [Siberia as a colony]. St. Petersburg: I.M. Sibiryakov Publ., 1892, 720 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Бурнаков В.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН,

e-mail: venariy@ngs.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>.

Культовые предметы из собрания Музея Института археологии и этнографии СО РАН как маркер этнической идентичности современных угров

Приполярный этнографический отряд ИАЭТ СО РАН более тридцати лет ведет мониторинг современного состояния священных мест коренного населения Сибири — хантов и манси, изучает духовную культуру обских угров, формирует этнографическое собрание Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН. Особое место занимают культовые предметы, отражающие традиционное мифологическое сознание. В статье приводятся описания фигур духов-покровителей (медведя и лягушки), свидетельствующие об устойчивой традиции почитания родовых тотемов. Данные черты религиозной культуры являются четким маркером этнической идентичности современных обских угров.

Ключевые слова: *этнографическая коллекция, музей, фигура духа, тотем, культ предков, медведь, лягушка, маркер идентичности.*

Для цитирования: Сальникова И.В. Культовые предметы из собрания Музея института археологии и этнографии СО РАН как маркер этнической идентичности современных угров. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 220–224. DOI 10.17746/0295-7.2019.220-224.

I.V. Salnikova
*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Cult Objects from the Collection of Museum of Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS as a Marker of Ethnic Identity of Modern Ob-Ugrians

The ethnographical team of Museum of History and Culture of Peoples of Siberia and Russian Far East of IAET of SB RAS, working in the polar region, for more than thirty years has been monitoring the current state of sacred places in locations of compact habitat of local population in Siberia — Khanty and Mansy, and has been studying spiritual culture of Ob-Ugrians. One of the results of this work is the formation of the ethnographical collection of the Museum of SB RAS. A special place is occupied by cult objects, which reflect traditional mythological consciousness. The article contains the description of figures of guardian spirits (a bear and a frog), indicative of a stable tradition of worshiping clan totems. These features of religious culture present a clear marker of ethnic identity of modern Ob-Ugrians.

Keywords: *ethnographic collection, museum, figure of a spirit, cult of ancestors, bear, frog, marker of identity.*

For citation: Salnikova I.V. Cult objects from the collection of Museum of Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS as a marker of ethnic identity of modern Ob-Ugrians. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 220–224 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.220-224.

Район исследования Приполярной этнографической экспедиции – бассейн р. Оби в районе впадения в нее Сосьвы. По мнению исследователей, территория является контактной зоной хантов и манси, этим объясняется обилие общих черт в мифологических представлениях и обрядовой практике угорского населения.

Важнейшим результатом экспедиционных исследований является формирование уникальной коллекции культовых предметов в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Ритуальные предметы – наиболее традиционные, они отражают мифологическое сознание коренного населения. Обратим внимание на два предмета из последних поступлений в музейное собрание. Их основанием служили бронзовые зооморфные фигурки эпохи раннего Средневековья. Включение археологического изделия в культовый предмет – явление не новое, оно достаточно распространено в обрядовой практике хантов [Бауло, 2002, с. 32].

Цель статьи – представить описание семейных духов-покровителей с археологическими вложениями, которые рассматриваются как древние тотемы обских угров.

Первая фигура духа-покровителя привезена в этом году из Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа. Внешне это антропоморфная, многослойная фигура (размеры 58 × 66 × 11 см). Она сформирована из пятнадцати халатов с большим количеством вложений: фигурки птиц, вырезанные из жести, бронзовая фигурка медведя, монеты, боны, кредитные билеты, куски ткани, позумент (рис. 1, а).

Наблюдается три этапа формирования и использования духа-покровителя. Первый этап датируется началом прошлого века, на что указывает монета 1910 г., завернутая вместе с фигурой медведя, это вложение служит основанием антропоморфной фигуры, сформированной из семи лоскутов ткани. На эту основу было надето три халата, они отделены лоскутами ткани от новой одежды – распашного халата. Нижние халаты отличаются по покрою: горловина украшена воротниками-стойками, отсутствуют капюшоны, их размеры меньше последующих.

Рис. 1. Идол, в основе которого лежит бронзовая фигурка медведя.

а – внешний вид идола; б – основание идола (бронзовая фигурка медведя, стоящего на задних лапах); в – аналогия, фигура медведя с Кулайского культового места.

Рис. 2. Идол, в основе которого лежит бронзовая фигура лягушки.

а – внешний вид идола; *б* – основание идола (фигурка лягушки с вложением); *в* – бронзовая фигурка лягушки.

Ко второму этапу (60–е гг. XX в.) относятся девять халатов с нагрудными карманами, в которых зашиты или вложены монеты 1960-х гг. Все они распашные, некоторые имеют капюшоны. Среди них выделяется халат с поясом, к которому привязан узелок из ткани другого цвета, куда вложены две фигурки птиц и монета 1961 г. По наблюдениям А. В. Бауло, существовала практика замещения, когда «семейным духам-покровителям манси и ханты подносили вместо животных их фигурки» [Бауло, 2018, с. 124].

Последний халат (лицевой) сшит и надет в 90-е гг. XX в. Он меньше по размеру, без нагрудного кармана, единственный с подшитыми краями подола и рукавов. Следовательно, данный семейный идол-покровитель просуществовал около ста лет.

Внимания заслуживает бронзовая фигурка медведя. Изделие (размеры 4,0 × 2,6 × 0,6 см) сильно патинировано, но просматривается образ медведя, изображенного в анфас, стоящего на задних лапах с поднятыми передними лапами (рис. 1, б). Фигура плоская, вытянутая, на обороте имеется овальная петля (размеры 0,7 × 0,4 мм). Обозначена голова с выпуклым носом, круглыми глазами. Отливка нечеткая, очевидно, что сделана вторично по образцу. Ближайшая аналогия предмета – кулайское культовое место VI в. до н.э. – IV–V вв. н.э. [Каталог..., № 2281/57] (рис. 1, в).

Эта находка и длительное существование семейного идола-покровителя дают основание отметить долговременную и устойчивую традицию почитания древнего

родового тотема. «Ем-вожи-ики/Ялпус-Ойка-Старик священного города – эти имена употреблялись для обозначения табуированного слова «медведь» [Бауло, 2004]. Медведь идентифицировался с верховным богом. Он воспринимался и как культурный герой (от него люди получили огонь и лук) и как потомок небесного божества, дух-помощник. Обожествление образа медведя, осознание его как духа-покровителя имеет глубокие исторические корни.

Второй пример использования фигуры древнего тотема выступает найденная в заброшенном селении Березовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югра фигура семейного духа-покровителя, в основании которой бронзовая фигура лягушки.

В духовной обрядовой практике манси лягушка представлялась как родовой или семейный дух-покровитель, считалась одним из главных божеств. З.П. Соколова отмечает, «что культ лягушки известен у манси Нарас-най (“Болотная Великая женщина”) или Лус-Халь эква (“Между кочками живущая женщина”)» [2009, с. 524].

Бронзовая фигурка лягушки вместе с монетами 1920–1950-х гг. была завернута в атласную ленту и обозначала голову духа. На эту импровизированную голову надеты четыре головных платка из хлопчатобумажной ткани фабричного производства и четыре халата. Сформированная платком антропоморфная фигура была подпоясана широким поясом. Фигура лягушки объемная, она отлита в односторонней форме. Образ реалистичен, туловище вытянуто и опирается на поднятые вверх лапы, голова животного приподнята. Скелет подчеркнут рельефом (размеры 6,2 см × 4,3 см) [Сальникова, 2017, с. 500]. Хронологические рамки формирования данного культового предмета – 1930–1950-е гг. Он хранился в священном месте и использовался в ритуальной практике как дух-покровитель мансийской семьи.

Рис. 3. Идол с вложением.

а – внешний вид идола; б – вложение (платок с изображением всадника).

В религиозной практике хантов большое место занимает культ небесного коня, образ которого запечатлен на ритуальных покрывалах, шлемах, жертвенных поясах [Бауло, 2004, с. 45–51]. Длительное существование данного культа подтверждается находкой 2018 г. В фигуре идола одно из вложений – детский носовой платок с изображением всадника (рис. 3).

Примеры использования бронзовых фигурок животных (медведи, лягушки) в обрядовой практике обских угров в качестве основы семейного духа-покровителя, изображения всадника свидетельствуют об устойчивой традиции почитания тотемных и священных животных. Данные черты религиозной культуры являются четким маркером этнической идентичности современных обских угров.

Список литературы

Бауло А.В. Культурная атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 91 с.

Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 89–101.

Бауло А.В. Традиция замещения жертвы у обских угров в XX – начале XXI века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46. – № 3. – С. 122–128.

Каталог коллекций Томского краеведческого музея. Эл. ресурс. – URL: <http://tomskmuseum.ru/catalog/7/19/991> (дата обращения: 29.11.2018 г.).

Сальникова И.В. Фигура семейного духа-покровителя манси с бронзовой лягушкой // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 499–502.

Соколова З.П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. – М.: Наука, 2009. – 756 с.

References

Baulo A.V. Kul'tovaya atributika berezovskikh khantov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, 91 p. (in Russ.).

Baulo A.V. Domashnie (semeinye) svyatilishcha severnykh khantov. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004, No. 1, pp. 89–101 (in Russ.).

Baulo A.V. Traditsiya zameshcheniya zhertvy u obskikh ugrov v XX – nachale XXI veka. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 3, pp. 122–128 (in Russ.).

Katalog kollektzii Tomskogo kraevedcheskogo muzeya. URL: <http://tomskmuseum.ru/catalog/7/19/991> (accessed: 29.11.2018).

Sal'nikova I.V. Figura semeinogo dukkha- pokrovatelya mansi s bronzovoi lyagushkoi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2017, vol. XXIII, pp. 499–502 (in Russ.).

Sokolova Z.P. Khanty i mansi. Vzglyad iz XXI veka. Moscow: Nauka, 2009, 756 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Сальникова И.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН,

e-mail: salnikovair52@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0003-3239-9418>.

Генеалогия бурятских шаманов как идентификационный код

В статье приведен краткий обзор системы шаманского родословия как своеобразного идентификационного кода, в котором отражены универсальные символы передачи шаманского наследства удха по родовому и этническому происхождению. Основной информативной базой послужили родословные и генеалогические легенды и предания бурятских шаманов, именуемые «бөөгэй түүхэ», которые хранятся в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Они являются ценным источником для исследования шаманизма бурят и требуют введения в научный оборот.

Ключевые слова: *бурятский шаманизм, родословная, С.П. Балдаев, шаманская наследственность удха, женское шаманство.*

Для цитирования: Миягашева С.Б. Генеалогия бурятских шаманов как идентификационный код. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 225–228. DOI 10.17746/0295-7.2019.225-228.

S.B. Miyagasheva

*Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russia*

Genealogy of the Buryat Shamans as an Identification Code

The article is devoted to the system of shaman genealogy as a kind of identification code, which reflects the universal symbols of the transfer of the shaman power of udha by descent and ethnic origin. Genealogy and the legends of the Buryat shamans which are stored in funds of the Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs used as informative basis is a valuable source for the study of Buryat shamanism and require the introduction into scientific circulation.

Keywords: *Buryat shamanism, genealogy, S.P. Baldaev, shamanic power of udha, female shamanism.*

For citation: Miyagasheva S.B. Genealogy of the Buryat shamans as an identification code. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories,* 2019, 225–228 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.225-228.

Шаманская родословная, генеалогические легенды о происхождении и истории шаманских родов, а также отдельных знаменитых шаманов назывались у бурят термином *бөөгэй түүхэ* (досл. «шаманская история») [Манжигеев, 1978, с. 26]. Шаманская генеалогия выступала основным критерием шаманского избранничества, выражающегося в сакральности шаманского корня и представляла собой идентификационный код «свой — чужой».

В данном случае большой интерес представляют архивные материалы из личного фонда Сергея Петровича Балдаева, которые хранятся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Многолетняя собирательская деятельность С.П. Балдаева во время экспедиций по местам проживания бурят позволила ему сформировать богатейший архив, среди которого мы выделяем шаманские родословные. Систематизация данных сведений позволит установить символические аспекты представлений о шаманских родословных, т.к. генеалогические древа, выступающие своеобразным фактором этнической идентичности человека, отражали родоплеменную принадлежность каждого его представителя и являлись основным регулятором шаманского избранничества.

Основным критерием шаманской избранности служит наличие шаманского «корня» *удха*. Шаманское *удха* делится на *халуун удха*, унаследованные по линии отцовского рода, а также чужие *хари удха*, имевшие линию преемственности по матери и наследуемые главным образом в результате брачных связей [Болхосоев, 2016, с. 45]. Считается, что для посвящения в шаманы обязательно требуется отцовская наследственность [Базаров, 1999, с. 19]. В случае, если шаман имеет чужеродный *удха*, унаследованный по женской материнской линии, и особенно если имеет иноплеменную основу, то инициация шамана не предусматривается. Однако анализ генеалогических материалов бурятских шаманов в записях С.П. Балдаева демонстрирует превалирование наследственности по материнской линии.

Например, у бубаевского рода Корсукского улуса шаманский род начинается от трех шаманок. Основателем рода был Бубай, его сын Тогной имел сына Нээхэна. У последнего было трое сыновей, которые женились на девушках, имевших шаманский корень. Так, жена Батай – Шаршан тоодэй, была родом из олзоева рода, жена Баахана – Шабархан тоодэй, родом из абаганатского рода, и жена Башууна – Ноен Дарга (Бубайн тоодэй) была родом из хонгодорского рода. От этих трех шаманок-невесток род бубаевский получил шаманский корень и его называли «корсукские двадцать шаманов» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36, оп. 1, д. 1095. Генеалогия шаманов. Л. 8).

Кроме того, клан знаменитых тарасайских шаманов взял *удха* от дочери шамана Игная Хурбэева по имени Яраабха из олзонова рода, которая вышла замуж за Убгэна и родила двух сыновей Игнаана и Хоостэй. Оба стали большими шаманами и заложили клан тарасинских шаманов тарсайн аханад, чьи потомки в течение девяти поколений были шаманами (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36, оп. 1, д. 1095. Генеалогия шаманов. Л. 11–12).

Как видно из примеров, шаманство генетически связано с материнским родом. В материалах С.П. Балдаева встречаем, что у бурят считалось, что если девушка в семье является единственной дочерью шамана или шаманки, то в прежние времена ее обязательно готовили стать шаманкой (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36, оп. 1, д. 1056. Материалы по шаманству. 1948 г. Л. 28). Вероятно, практика наследства по женской материнской линии, родства являлась первичной, т.к. женщины могли принести для рода мужа шаманский корень, и лишь затем, с развитием патриархата, наследование *удха* приобрело смысл отцовского происхождения.

Следующим важным моментом в генеалогии шаманов является наличие идентификационных кодов этнического происхождения, которые можно определить по передаче наследственности от других племенных групп. Так, различаются *хамниган удха* от эвенков, *уряанха удха* от тувинцев, тофаларов и сойотов, *монгол/хара монгол/шишихэ монгол удха* от монголов, *барга удха* от баргутов. Например, шаман Булагат Мангильшеев имел *удха* от *хара* монголов Южной Монголии. По преданию, его отец и мать были изгнаны из Халхи воинствующими ламами, прибывшими из Тибета (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36, оп. 1, д. 1017. Материалы по шаманству. Л. 12). Генеалогия хонзойского улуса шаралдаева 2 рода начинается от баргутского корня *сагаан баргад удха*. Их родословное дерево берет начало от Малаа, мать которого была родом из хорчинского рода из Барги (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36, оп. 1, д. 1095. Генеалогия шаманов. Л. 6–7).

Многие шаманы Предбайкалья представляли тех, которые бежали от гонений буддийских лам из Монголии и Забайкалья. Шаманы и шаманки, отказавшиеся принять буддизм, арестовывались и под конвоем лам высылались в Прибайкалье. Первым шаманом, прибывшим на эти территории, согласно материалам С.П. Балдаева, считается Ута Сагаан ноен. Он дожил до глубокой старости и после смерти стал именоваться эжином острова Ольхон (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36, оп. 1, д. 1140. Шубуун ноен, боди шулуун, буха шубуун. 1913 г. Л. 3).

В целом шаманские предки ждут от потомков периодических угощений в форме брызганий и жертвоприношений, т.е. почитания шаманского корня *удха хундэлхэ*, в противном случае они насылают бедствия и болезни. Умирая, шаман произносил: «Во веки веков не оставлю свой род!», поэтому шаманы после смерти как будто бы «ищут свою кровь», родичей из поколения в поколение, склоняя одного из них к принятию шаманского *удха*, чтобы продолжить шаманскую линию [Галданова, 1987, с. 90]. Поэтому изучение шаманских родословных, равно как и шаманских обрядов, приобретает очевидную актуальность и своевременность.

Список литературы

Базаров Б.Д. Тайна посвящения в шаманы. – Улан-Удэ: Изд-во Буряад унэн, 1999. – Кн. 1. – 55 с.

Болхосоев С.Б. Избранничество: феномен шаманской наследственности *удха* у предбайкальских бурят. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский гос. ин-т культуры, 2016. – 247 с.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 154 с.

Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. – М.: Наука, 1978. – 125 с.

References

Bazarov B.D. Taina posvyashcheniya v shamany. Ulan-Ude: Buryaad unen, 1999, book 1, 55 p. (in Russ.).

Bolkhosoev S.B. Izbrannichestvo: fenomen shamanskoi nasledstvennosti *udkha* u predbaikal'skikh buryat. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture, 2016, 247 p. (in Russ.).

Galdanova G.R. Dolamaistskie verovaniya buryat. Novosibirsk: Nauka, 1987, 154 p. (in Russ.).

Manzhigeev I.A. Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy. Opyt ateisticheskoi interpretatsii. Moscow: Nauka, 1978, 125 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Миягашева С.Б. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

e-mail: surjana.miyagasheva@imbt.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-3646-0370>.

Д.П. Шульга
Сибирский институт управления Российской академии
народного хозяйства и госслужбы,
г. Новосибирск, Россия

Сложности идентификации «южных сюнну»

Работа посвящена исследованию Северного Китая, который стал главной ареной борьбы сил Центральной равнины Китая против сюнну (хунну). Позже, после победы империи Хань, здесь же проживали «умиротворенные» (южные) сюнну, вассалы Китая. При изучении археологии этого региона ряд исследователей связывает некоторые памятники с наследием сюнну. После анализа изделий из металла, керамики и кости автор приходит к выводу, что материальная культура южных сюнну восприняла как прежние кочевые, так и ханьские традиции, нередко с преобладанием последних. На деле очень немного погребений могут быть четко определены как южнохуннские. При этом попытка выделения этноса на основании данных письменных источников и археологических памятников могла бы иметь большое значение. Важно, что в отличие от, например, «моря» скифоидных культур, среди которых достоверно установить этническую привязку невозможно, отведенные имперской администрацией места расселения южных сюнну были достаточно локальным явлением.

Ключевые слова: южные сюнну, поздние сюнну, Северный Китай, Восточная Хань, Поздняя Хань, погребальный обряд.

Для цитирования: Шульга Д.П. Сложности идентификации «южных сюнну». *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 229–231. DOI 10.17746/0295-7.2019.229-231.

D.P. Shulga
Siberian Institute of Management –
the Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Novosibirsk, Russia

Difficulty of Identifying “Southern Xiongnu”

The Northern China is the major battleground of the Central Plain fighting against Xiongnu, and the surrender Xiongnu backle down place. The northern area special location made some researchers consider some of the tombs in this region relate to Xiongnu. Compared with bronze items, potteries, irons and remnants of bones to those in typical Xiongnu’s graves, this paper considers some tombs parts of culturally which were previously considered to be “Southern Xiongnu”, in fact, the factors that impact both Han people and Xiongnu tombs. There are very few Xiongnu cultural traits in these so-called tombs of “Southern Xiongnu”. Belonging to ethnic group determination may effect on the latest ethnological results. The settlements of the Southern Xiongnu were vassals of Empire, so, their habitat were a fairly local phenomenon. The culture of the Southern Xiongnu in Russia is almost not analyzed.

Keywords: South Xiongnu, late Xiongnu, Northern China, East Han, Late Han, exequies.

For citation: Shulga D.P. Difficulty of identifying “Southern Xiongnu”. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 229–231 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.229-231.

В настоящее время на севере КНР известно довольно много хуннских археологических памятников эпохи Хань [Ду Линьюань, 2007, с. 76–79]. За редким исключением, датировка погребений не вызывает больших споров. Примеры западноханьских (II–I вв. до н.э.) захоронений: М140 в могильнике Кэшэньчжуан (в черте г. Сиань, пров. Шэньси), М25 в могильнике Цзаомяо (городской округ Тунчуань пров. Шэньси), а также почти все погребения могильника Даодуньцзы в уезде Тунсин (Нинся-Хуэйский АР). К концу I в. до н.э. – нач. I в. н.э. относятся: могильник Лицзятаоцзы в уезде Тунсин (Нинся-Хуэйский авт. район), могильник Будунгоу в городском округе Ордос (авт. район Внутренняя Монголия), М4 в некрополе Сигоупань в хошуне Джунгар (Внутренняя Монголия). К середине I – началу II в. н.э. относятся: могильник Дабаодан в уезде Шэньму (пров. Шэньси), могильник Дафаньпу в хошуне Джунгар (Внутренняя Монголия). Классическим примером некрополя сюнну II – начала III в. н.э. является могильник Суньцзячжай в уезде Датун пров. Цинхай (рядом с всемирно известной неолитической стоянкой) [Цзян Лу, 2011, с. 244].

Письменные источники свидетельствуют о том, что в эпоху Хань хунну как минимум дважды покорялись Китаю, становясь вассалами. Впервые это произошло во второй год девиза правления Юаньшоу (121 г. до н.э.), когда ок. 40 000 представителей одного из племен сюнну, именуемого кунье, сдались Китаю. Из них было образовано зависимое владение. На территории современного уезда Тунсин существовало вассальное по отношению к Хань государство Тяньшуй, наследие которого мы можем видеть в материалах могильника Даодуньцзы (потому большая часть усопших данного некрополя могут быть отнесены к «умиротворенным» сюнну).

Уже упомянутое захоронение М140 могильника Кэшэньчжуан, очевидно, оставлено сюнну в эпоху Западной Хань. Погребение выглядит довольно ранним, и по артефактам трудно предположить, что его создали позже 121 г. до н.э. При этом Кэшэньчжуан расположен очень близко к тогдашней столице империи – Чананю. Логичной выглядит гипотеза, что М140 является свидетельством отдельных случаев перехода сюнну на службу Хань (хотя, возможно, перед нами могила знатного пленника или заложника).

В 48 г. н.э., на старте Восточной Хань, хунну окончательно раскололись на северных и южных [Чжан Хайбинь, 2000, с. 15–20]. В историческом древнекитайском труде «Хоуханьшу» («История Поздней Хань») есть раздел «Описание южных сюнну». Там говорится, что долгое время сюнну были едины, однако южный шаньюй со временем покорился (использован термин 向化, сяньхуа, досл. «изменился в направлении...») Поднебесной. Таким образом, нарративные источники указывают на то, что все хуннские погребения позже середины I в. н.э., обнаруженные на территории Китая, следует отождествлять с «южанами».

В двадцать шестой год правления под девизом Цзяньу (50 г. н.э.) было проведено административное деление территорий южных сюнну, они расселились на северных и западных рубежах империи. Области поселения «умиротворенных сюнну» именовались Уюань, Юньчжун и Сихэ. Ныне это юг Внутренней Монголии. Как раз здесь мы находим упомянутые выше могильники Сигоупань и Будунгоу.

Могильник Будунгоу по инвентарю и погребальному обряду ближе всего к сюннским некрополям северных областей. Следов китайского влияния здесь немного. Очевидно, перед нами материалы, хронологически предшествовавшие (пусть и всего на несколько десятилетий) Восточной Хань. Разумной выглядит датировка второй поло-

виной I в. до н.э. Погребение М4 могильника Сигоупань относится к раннему периоду Поздней Хань (середина I в. н.э.). Учитывая размеры захоронения, можно сделать вывод, что здесь был погребен представитель знати «южан» вскоре после переселения 50 г.

Упомянутый в начале статьи уезд Шэньму (и находящийся там могильник Дабаодан), хотя и относится к провинции Шэньси в настоящее время, географически близок к хошуну Джунгар. Территория такового еще в Ранней Хань (после 121 г. до н.э.) использовалась для размещения лояльных империи сюнну. Примечательно, что недалеко от могильника расположено городище, которое, по археологическим данным, прекратило свое существование ок. 140 г. н.э. Вероятно, жители этого поселения были «умиротворенными» сюнну, которых поместили сюда центральные власти. По мере ослабления Хань население покидало территорию Шэньму, пока к середине II в. н.э. не исчезло вовсе. Могильник Дафаньпу имел меньшее время бытования (середина I – первая половина II в. н.э.), видимо, южных сюнну сюда поселили уже при Восточной Хань [Цзян Лу, 2011, с. 245–247].

Южные сюнну, которых можно с большой условностью сравнить с римскими федератами, являются чуть ли не единственным случаем, когда можно адекватно определить этническую принадлежность по погребальным материалам. Перемещения лояльных кочевников фиксировались в документах, так что могильник и топоним из летописи хорошо сопоставимы (это резко контрастирует, например, с попытками соотнести сделанные «широким мазками» этнонимы кочевников у Геродота с археологическими культурами ранних кочевников Центральной Азии).

Список литературы

Ду Линьюань. Первичное изучение погребений южных сюнну // Каогу (Археология). – 2007. – № 4. – С. 74–86.

Цзян Лу. Новое исследование погребений «южных сюнну» в северных регионах Китая // Синьцзян каогу янцзю (Археологические исследования Синьцзяна). – 2011. – № 10. – С. 244–253.

Чжан Хайбинь. Восточноханьские захоронения сюнну в границах Китая и смежные вопросы // Нэймэнгу вэньу каогу (Археология и культурное наследие Внутренней Монголии). – 2000. – № 1. – С. 14–22.

References

Du Linyuan. Preliminary study on the tombs of the South Xiongnu, in *Kaogu*, 2007, No. 4, pp. 74–86 (in Chin.).

Jiang Lu. Reanalysis of the South Xiongnu burials in the northern regions of China, in *Xinjiang kaoгу yanjiu*, 2011, No. 10, pp. 244–253 (in Chin.).

Zhang Haibin. About the Xiongnu Tombs of Eastern Han Dynasty and Related Issues. In *Neimenggu wenwu kaoгу*, 2000, No. 1, pp. 14–22 (in Chin.).

Сведения об авторе:

Шульга Д.П. – старший преподаватель Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и госслужбы,

e-mail: alkaddafa@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0001-5820-1743>.

Проблемы этнизации региона Северо-Восточной Азии – освоение domesticiрованного

В статье рассмотрены аспекты изменения динамики социокультурных процессов на территории Северо-Восточной Азии, в междуречье Индигирки и Колымы, с приходом в XVII в. русского населения. Особое внимание уделено мультиэтничности и мультикультурности как ресурсам, способствующим формированию новых адаптивных стратегий. Результатом стало выявление ключевых хозяйственно-культурных моделей, сформировавшихся на этой территории в ходе межкультурного взаимодействия к началу XX в.

Ключевые слова: взаимодействие, хозяйственно-культурный тип, культура, этнокультурные контакты, коренные народы Сибири, процессы аккультурации, хозяйственная трансформация, этнокультурная идентичность, Северо-Восток Сибири, Колымско-Индигирское междуречье.

Для цитирования: Гончаров Н.С. Проблемы этнизации региона Северо-Восточной Азии – освоение domesticiрованного. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 232–235. DOI 10.17746/0295-7.2019.232-235.

N.S. Goncharov
*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(the Kunstkamera),
St. Petersburg, Russia*

Problems of Ethnization of Northeast Asia Region – Habitualization of the Domesticated

In this paper we consider aspects of changing the dynamics of socio-cultural processes in the territory of Northeast Asia, between the Indigirka and Kolyma rivers, with the arrival of the Russian population in the 17-th century. Particular attention is paid to multiethnicity and multiculturalism as resources that encourage the formation of new adaptive strategies. As a result we identify key economic and cultural patterns that emerged on this territory during intercultural interaction by the beginning of the 20-th century.

Keywords: interaction, economic and cultural type, culture, ethnocultural contacts, indigenous peoples of Siberia, acculturation processes, economic transformation, ethnocultural identity, Northeast Siberia, Kolyma-Indigirka interfluve.

For citation: Goncharov N.S. Problems of ethnization of Northeast Asia Region – habitualization of the domesticated. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 232–235 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.232-235.

Приход русского населения на территорию Северо-Востока Сибири привел к изменению векторов функционирования многих культурных механизмов и практик,

существовавших в данном регионе. Продвижение Российского государства на восток, активизировавшееся с конца XVI в., было причиной столкновения представителей разных культур. Население на территории Северо-Восточной Сибири археологически фиксируется с периода палеолита [Питулько, 2004]. В дальнейшем оно не исчезало, что не исключает взаимодействия, борьбы, интеграции, распада и иных проявлений социальной динамики, на археологическом материале фиксируемой через смену археологических культур.

Таким образом, русское население, оказавшееся на севере Якутии в середине XVII в., попало в уже давно освоенный край. Но поскольку землепроходцам пришлось выстраивать механизмы жизнеобеспечения, управления и этнокультурного взаимодействия в совершенно чуждом для них регионе, то можно говорить об «освоении» данной территории.

Характерной чертой низовьев рек Индигирки и Колымы, которым мы уделяем особое внимание, является то, что на этих территориях в течение длительного времени продолжали сосуществовать представители разных народов и культур, как аборигенных, так и пришлых: эвенки, эвены, юкагиры, чукчи, якуты, русские. Это привело к интенсификации процессов аккультурации, определявшихся активным двусторонним социальным и культурным обменом (в широком смысле), в результате чего сложились гибридные формы адаптации к окружающей среде.

Взаимодействие русских с коренными народами началось на ранних этапах, поскольку переселенцы в подавляющем большинстве были мужчинами, которые искали себе жен среди представительниц юкагиров, якутов и других народов. Соответственно, происходило прямое взаимовлияние разных культур. Важным аспектом влияния русской культуры на местное население стало появление рынка и товарно-денежных отношений; эта система обмена благами оказала значительное влияние на интеграцию коренного населения в иное социально-культурное пространство [Карих, 2008].

С конца XVII в. наблюдалось ослабевание административного контроля, что было связано с перепромыслом пушного зверя и последовавшим оттоком промышленных, служилых и торговых людей, но в это же время увеличивалось количество посадского населения, вступавшего в непосредственное общение с коренными народами. Как показывает этнографический материал, универсальными предметами русской культуры, заимствованными практически всеми аборигенными народами, были средства охоты: в XIX в. у большинства народов луки и гарпуны были вытеснены ружьями; сети-пушальни, ловушки на пушного зверя — «пасти», тип лодок — карбасы и русские ветки; металлические изделия — топоры, котлы; в аборигенную среду активно проникали элементы питания русских, такие как хлеб, мука, сахар, чай; огромной популярностью пользовался табак. На коренное население, селившееся рядом с русскими, происходило также влияние в плане организации жилых построек (юкагиры, коряки). Повсеместно распространенным стал введенный русскими пушной промысел, тесно сопряженный с рыночными отношениями.

Влияние со стороны аборигенных народов отразилось в распространении среди русских таких видов охоты, как охота на оленя во время переправы через реку и промысел диких гусей. Индигирщиками и колымчанами были заимствованы якут-

ские типы жилищ балаган и ураса. Тысячелетиями вырабатываемый опыт адаптации к специфике местности, объективированный в одежде, системе питания, также был во многом перенят русскими: они носили малицы, ровдужные штаны, парки, камлейки, торбаса и т.д. Пища тоже во многом совпадала с местной: наиболее универсальными рыбными блюдами были юкола и строганина.

Под влиянием русского населения среди аборигенов стали распространяться охотжие промыслы: извоз, почтовая гоньба и др. Увеличение численности населения на Северо-Востоке привело к резкому сокращению популяций дикого оленя, мясо которого было основным источником питания юкагиров, эвенков и отчасти русских старожилов. В результате этого прекратилась массовая поковка оленей на переправах; однако сокращение численности диких оленей сопровождалось у некоторых народов увеличением роли оленеводства [Боякова, 2001, с. 45]. Отдельные группы юкагиров в результате исчезновения диких оленей стали специализироваться на изготовлении карбасов (навыки строительства которых были получены ими у русских) и продаже их колымчанам.

На наш взгляд, аборигенное население не просто заимствовало то, что принесли русские; коренные народы постепенно адаптировались к новым видам деятельности, менялась специфика этнических процессов. Русское население тоже испытало множественные изменения, связанные с необходимостью адаптироваться к специфическому социально-природному ландшафту и коммуникациям с местным населением. В целом рассмотренный регион представляется «историко-этнографической областью в миниатюре», где столетия взаимодействий разных этнических и этнолокальных групп привели к формированию взаимодополнительных адаптационных механизмов. Люди с разными стереотипами поведения и идентичностью, объединенные одними экологическими условиями, умели находить общий язык, что отразили гибридные формы хозяйственно-культурных параметров.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00309).

Список литературы

Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. – 1917 г.). – Новосибирск, 2001. – 155 с.

Карих Е.В. Анюйская ярмарка во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Том. ун-та. – Томск, 2008. – № 317. – С. 101–103.

Питулько В.В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история российской Восточной Азии в плейстоцене и голоцене: сб. ст. – М., 2004. – С. 99–151.

References

Boyakova S.I. Osvoenie Arktiki i narody Severo-Vostoka Azii (20th century – 1917 g.). Novosibirsk, 2001, 155 p. (in Russ.).

Karikh E.V. Anyuiskaya yarmarka vo vtoroi polovine 19 – nachale 20 v. In *Vestnik Tomskogo universiteta*, 2008, No. 317, pp. 101–103 (in Russ.).

Pitulko V.V. Golotsenovyi kamenniy vek Severo-Vostochnoi Azii. In *Estestvennaya istoriya rossiiskoi Vostochnoi Azii v pleistotsene i golotsene: sbornik statei*. Moscow, 2004, pp. 99–151 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Гончаров Н.С. – аспирант, младший научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,

e-mail: Nikola.gon4arov@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0755-4877>.

Традиционная одежда в идентичности староверов Урала

Статья посвящена обзору постановлений староверческих соборов беспоповских согласий (часовенные, поморцы, федосеевцы), пунктов, касающихся традиционной одежды и того, каким образом старообрядцы подчеркивали и формировали свою идентичность в течение XVIII–XX вв.

Ключевые слова: *федосеевцы, поморцы, часовенные, беспоповцы, Урал, традиционный костюм, старообрядческие соборы, одежда, староверы, старообрядцы.*

Для цитирования: Печняк В.А. Традиционная одежда в идентичности староверов Урала. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 236–240. DOI 10.17746/0295-7.2019.236-240.

V.A. Pechnyak
Center of Traditional Folk Culture of the Middle Ural,
Yekaterinburg, Russia

National Dress in the Identity of Ural's Old Believers

The thesis is dedicated to overview decrees of church councils of Ural's old believers (withoutpriesters denominations). Decrees that indicate to national dress and how this decrees stressed and formed identity of Ural's old believers since 18th century for our days.

Keywords: *Theodosians, pomorians, chasovennye (chapelless), withoutpriesters, Ural, national dress, church councils, Ural's old believers, costume.*

For citation: Pechnyak V.A. National dress in the identity of Ural's old believers. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 236–240 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.236-240.

«Старовер Иван Резанов, бивши жену свою, приговаривал, чтоб не носила юбок и рубах с манжетами, а носила б сарофаны, ибо они, раскольники, обычне в новом платье новую веру, а в сарофанах старую полагают веру» (случай 1748 г.). [Покровский, Зольникова, 2002, с. 62]

Старообрядцы, будучи закрытой этноконфессиональной общностью, как никто другой нуждаются в необходимости проявления идентичности. Проще всего это сделать во внешнем виде. Тема границы, отделения, «несмешения» является одной из краеугольных для идентичности староверов. Первичное отделение имеет место во внешнем виде.

Самоназвание любого старообрядческого согласия на Урале — «старообрядцы», «староверы», «кержаки» и т.д. Но самым распространенным самоназванием являлось «християне». Традиционная одежда в среде старообрядцев именуется «христианской». «Христианская» одежда была одной из самых обсуждаемых тем в старо-

обрядческой среде. Именно она позволяла отделиться от окружающих. Мы посвятим данный текст разбору декларации идентичности при помощи одежды, отраженной в решениях старообрядческих соборов. Сосредоточим наше внимание на беспоповских соглашениях, а именно — часовенных (радикальных беглопоповцах до 1840 г.), федосеевцах и поморцах.

Начиная с XVIII в. староверы часовенные (бывшие тогда еще беглопоповцами) очень подробно регламентируют свою моленную одежду и внешний вид в общем. На Ирюмском соборе 1723 г. в седьмой главе сказано: «Иноземное одеяние христианом не носить... браду и ус не постригать... Главы сверху постригать мужем в воспоминание и отражение печали, понеже истинная вера гонима, и мы имеем печать на главе печали. Молитися должно в кавтанах мужем, по 3 борка на стороне в посаткахе. Женам в черных сарафанах, и на главах черныя платы или коноватныя» [Соборное уложение предков..., 1723].

Постановления Ирюмского собора были действительны более ста лет и впоследствии лишь дополнялись запретами на конкретные вещи, появляющиеся с модой времени. Вызовы времени ставили более конкретные задачи по сохранению среды «христиан» и отделению их от общей массы населения. Тюменский собор 1840 г. — последний после Ирюмского столь подробно описывающий вещи, запрещенные к ношению: «христианом... одежду необычную христианам не носить — мужскому полу и женскому... Мужскому полу иноземного одеяния не носить, сиречь неметския — сертуки, армянския — ярмеки, жидовския — картузы, и шапки ельнинския и жидовския крестиянам не носить. Во время моления полу надевать на кафтаны старинного покроя, женам — сарафаны черныя, девицам носить на главах повлека (повязки — авт.) и главу накрывать платами черными» [Соборное уложение Тюменского..., 1840]. Каждый перечисленный предмет того времени ассоциируется с определенными нехристианскими народами, сама такая одежда воспринимается как код чужой идентичности. В дальнейшем соборам часовенных пришлось запрещать и многое другое: «пинжаки и сапоги со скрипом», тубетейки («тафьи»), патефоны, «направлять челки» на голове, пользоваться «водогрейками» на вокзалах, радиосвязью и т.д.

Впрочем, новшеств появлялось так много, что собор 1941 г. в Романовке уже не дает детальных рекомендаций, ограничиваясь напоминанием слов Максима Грека о том, что христианин и по внешнему виду должен отличаться от «неверных».

Почти во всем сохранившемся отрывке из Соборного уложения в Романовке 1941 г. наставники, говоря «о одеянии странном и неприличном для христиан», подтверждают старый запрет на них авторитетными цитатами из Ветхого завета, Бесед Иоанна Златоуста, мнением Максима Грека [Соборное уложение в населении..., 1941]. Особое внимание было уделено осуждению завивки волос, модных женских шляпок и причесок. Осуждает «одежды необычные» и статья 9 Соборного уложения, в Татинцване [Соборное уложение в Китае...], советуя «более придерживаться обычных одежд» под надзором настоятелей [Покровский, Зольникова, 2002, с. 27].

В среде федосеевцев и поморцев мы наблюдаем аналогичные тенденции. «Устав о христианском житии» прямо говорит о недопустимости носить нерусскую одежду: «Глава 34. О хождении во одежде, еже неподобно христианом. Аще муж или жена облечутся во одежду не по преданию отеческом, да будут анафема»

[О христианской одежде...]. При этом в разных источниках федосеевской среды приводятся конкретные критерии того, что же такое одежда «не по преданию отеческом»: «Краткую одежду, что глаголется телогрея, сие есть нехристианское одеяние, сиречь поганое, или паки женам шити мужескую одежду себе или аще готовую на ся возлагают. Или паки черкесную одежду мужие и жены у себе держат и носят, и в том себе греха не ставят, инии же и на молитве в них стоят», — писал наставник «кинешемских стран» Трофим Иванович. Таким образом, одежда должна быть долгополой, женщинам нельзя надевать одежду, которая считается мужской. Однако не вся долгополая одежда признается допустимой: «...в поддевках на молитве отнюдь не стояти», сообщает нам уложение Московского собора 1883 г. [Уложение Московского..., 1883]. Поддевка — это отрезной по талии кафтан с многочисленными сборками сзади. Такая одежда считалась недопустимой для моления. Новым поддевкам федосеевцы и поморцы противопоставляли «азям» архаичного кроя.

Об одежде для соборного богослужения также говорит и статья 41-я Польского собора 1752 г.: «Юношам рубах красных и штанов каламенковых (из тонкой цветастой ткани — авт.), а девицам сапогов красных и платков красных и в повязках золотых на моление отнюдь не стоять, и поясами чтобы не подпоясывались, и тем бы православных не соблажняли, аще прислушны будут обрящутся да сотворят поклонов 300 до земли» [Устав..., 1752].

Петербургский же собор 1809 г. говорит об одежде для всedневной носки: «Статья 8. Платье немецкое многая видится християны носят и о сем в божественном писании преужасныя запрещения. Сего ради от душевреднаго обычая сего всячески настоятели должны удерживати, а противящихся отлучати» [Старопоморский Собор..., 1809]. Один из наставников Г.Е. Фролов пишет, ставя идентичность в оппозиции «христианская одежда» — «антихристов мундир»: «Вот мы называемся староверами, но наша наружность свидетельствует о противоположном. Часто отвечают: “Надо в душе хранить заветы благочестия”... Твоя нечестивая наружность... исходит от твоей воли, от твоей приверженности всему новому и развращенному... обличает пустое внутреннее содержание. На тебе мундир не Христова воина, а антихристов. Если стыдно на улице показать себя христианином перед развращенным миром, то зачем ты являешься в моленную и на христианские собрания и съезды в антихристовом виде?» [Фролов, 1999, с. 47]. По воспоминаниям ученицы Г.Е. Фролова, клирошанки преображенской моленной (Москва) Н.А. Сергеевой, когда к ним в деревню Раюши (Эстония) приехал молодой человек из города в модном пиджаке, некто из стариков подошел к нему со спины и с низа до верху рванув, разорвал пиджак!

Одежда как первый и самый заметный маркер идентичности была важным вопросом для староверов в XVIII—XX вв. Ей уделялось большое внимание. Из-за начавшихся в XX в. гонений «христианская» одежда уходит из повседневного обихода староверов-беспоповцев, оставаясь только в глухих деревнях и переходя полностью в разряд моленной [Фурсова, 2015, с. 80].

Список литературы

О христианской одежде: [Эл. ресурс]. — URL: [http://staropomor.ru/Osnovy\(3\)/odezhda1.html](http://staropomor.ru/Osnovy(3)/odezhda1.html).

Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. – М.: Памятники исторической мысли, 2002. – 471 с., ил.

Соборное уложение предков на Ирюме в деревне Крысановой от 29.05.1723 г. // Собр. Ин-та истории СО РАН, № 9/71-г. – Л. 109–111 об.

Соборное уложение Тюменского собора от 13.11.1840 г. // Собр. Ур. гос. ун-та, № XV. – Л. 1–7 об.

Соборное уложение в населении Романовке..., в Китае от 23–24.06.1941 г. // Собр. Ин-та истории СО РАН, № 10/90-г. – Л. 164 об. – 165 об.

Соборное уложение в Китае, в пос. Татинцван от 31.03.1953 г. // Собр. Ин-та истории СО РАН, № 10/90-г. – Л. 162–164 об.

Старопоморский Собор 1809 года г. Санкт-Петербург. – URL: [http://www.staropomor.ru/Osnovy\(3\)/spb1809.html](http://www.staropomor.ru/Osnovy(3)/spb1809.html).

Уложение Московского собора от 1883 г.

Устав Польский или Чин от 1752 г. – URL: [http://www.staropomor.ru/Osnovy\(3\)/polskij1752.html](http://www.staropomor.ru/Osnovy(3)/polskij1752.html).

Фролов Г.Е. Заветы старины. Месяцослов на лето 1999 христиан древлеправославно-кафолического исповедания и благочестия старопоморского согласия. – М. 1999. – 47 с.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. – 296 с., ил.

References

Frolov G.E. Zavety stariny. Mesyaceslov na leto 1999 christian drevlepravoslavno-kafolicheskogo ispovedaniya i blagochestiya staropoomorskogo soglasiya. Moscow, 1999, p. 47 (in Russ.).

Fursova E.F. Traditsionnaya odezhda russkogo i drugikh vostochnoslavjanskikh narodov yuga Zapadnoi Sibiri. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, 296 p., il. (in Russ.).

O khristijanskoi odezhde: [El. resurs]. URL: [http://staropomor.ru/Osnovy\(3\)/odezhda1.html](http://staropomor.ru/Osnovy(3)/odezhda1.html) (in Russ.).

Pokrovskii N.N., Zol'nikova N.D. Starovery-chasovennye na vostoке Rossii v XVIII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2002, 471 p., il. (in Russ.).

Sobornoe ulozhenie predkov na Iryume v derevne Krysanovoi ot 29.05.1723 g. Sobr. In-ta istorii SB RAS, No. 9/71-g. L. 109–111 ob. (in Russ.).

Sobornoe ulozhenie Tyumenskogo sobora ot 13.11.1840 g. Sobr. Ur. gos. un-ta, No. XV. – L. 1–7 ob. (in Russ.).

Sobornoe ulozhenie v naselenii Romanovke..., v Kitae ot 23–24.06.1941 g. Sobr. In-ta istorii SB RAS, No. 10/90-g. L. 164–165 ob. (in Russ.).

Sobornoe ulozhenie v Kitae, v pos. Tatintsvan ot 31.03.1953 g. Sobr. In-ta istorii SB RAS, No. 10/90-g. L. 162–164 ob. (in Russ.).

Staropomorskii Sobor 1809 goda g. St. Petersburg. URL: [http://www.staropomor.ru/Osnovy\(3\)/spb1809.html](http://www.staropomor.ru/Osnovy(3)/spb1809.html) (in Russ.).

Ulozhenie Moskovskogo sobora ot 1883 g. (in Russ.).

Ustav Pol'skii ili Chin ot 1752 g. URL: [http://www.staropomor.ru/Osnovy\(3\)/polskij1752.html](http://www.staropomor.ru/Osnovy(3)/polskij1752.html) (in Russ.).

Pokrovskiy N.N., Zolnikova N.D. Starovery-chasovennye na vostoкеRossii v XVIII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshhestvennogo soznaniya. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2002, 471 p., il. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Печняк В.А. – методист по научно-практической деятельности Центра традиционной народной культуры Среднего Урала,

e-mail: swarogwinter@mail.ru.

Традиционный костюм и этнокультурная идентичность уймонских старообрядцев

В работе традиционный костюм рассматривается как один из основных маркеров этнокультурной идентичности представителей конфессиональной этнографической группы уймонских старообрядцев. На основании полевых материалов автора прослеживаются изменения в бытовании традиционного комплекса одежды в течение XX – начала XXI в. Привлечение сравнительных материалов позволяет интерпретировать эти изменения как тенденцию к нивелированию локальных различий в традиционном костюме. При этом у старообрядцев юга Сибири формируется и начинает преобладать унифицированный комплекс русского традиционного костюма.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, русские, традиционная одежда, старообрядцы, стариковские, унификация, сарафан на лямках, сарафан-горбач, Горный Алтай, верховья Енисея.

Для цитирования: Шитова Н.И. Традиционный костюм и этнокультурная идентичность уймонских старообрядцев. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 241–244. DOI 10.17746/0295-7.2019.241-244.

N.I. Shietova
Gymnasium № 3,
Gorno-Altaiisk, Russia

The Traditional Costume and the Ethnocultural Identity of the Uymon Old Believers

The study observes a traditional costume as one of the main markers of ethnocultural identity of representatives from a confessional ethnographical group of the Uymon Old Believers. The researcher uses her field work materials to trace changes in making and usage of traditional complex during the 20th – the beginning of 21st century. The use of the comparative materials allows interpreting these changes as a tendency to reduce the local differences in the traditional costume. The paper notes that the old believers of the South Siberia develop features of the Russian traditional costume, which dominate in the unified complex of the Old Believers' costume later.

Keywords: ethnocultural identity, Russian, traditional during, old believers, starikovskiye, unification, dress on straps, dress-gorbach, Gorny Altay, headwaters Yeniesy.

For citation: Shietova N.I. The traditional costume and the ethnocultural identity of the Uymon Old Believers. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 241–244 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.241-244.

Как один из неотъемлемых элементов старообрядческой культуры традиционный русский костюм продолжает бытовать в Уймонской долине Горного Алтая

вплоть до настоящего времени и является важнейшим маркером этнокультурной идентичности уймонских старообрядцев. Символом уймонской традиции в costume является, на наш взгляд, сарафан с передним продольным швом и специфичным оформлением нагрудной части сарафана [Шитова, 2005, с. 59].

В уймонском costume можно проследить традиции бытования поликовых и туникообразных женских рубах, которые предположительно можно соотнести с основными старообрядческими группами, вошедшими в состав уймонской. Некоторая связь с местами прежнего проживания женщин семьи присутствует в одежде, бытовавшей в середине XX в. По этой причине фиксируются различные типы и варианты кроя сарафанов [Там же, с. 52–57]. С конца прошлого столетия набирает популярность горбач, который все более вытесняет лямочные сарафаны. Как показывают наши наблюдения (ПМА, 2018), уже значительная часть старообрядок пользуется горбачами. И лишь самые старшие участницы общин продолжают использовать лямочный сарафан.

Новации в крое традиционной одежды прослеживаются в течении всего XX в. [Шитова, 2011, с. 150]. Традиция самостоятельного изготовления одежды уходит в прошлое, теперь ее заказывают мастерице из общины. При этом изготовленные ею вещи будут отличаться однообразием и упрощением кроя. Унификации кроя способствует и ширина покупного полотна.

Понять фиксируемые изменения в costume уймонцев помогает сравнительный материал, собранный у старообрядцев верховьев Енисея (с. Эржей, ПМА, 2016). Исторически указанная группа близка уймонцам, поскольку переселенцы из Уймонской долины и были первопоселенцами этих мест [Татаринцева, 2006, с. 27]. В отличие от уймонского, старообрядческий социум здесь изолирован, строгие правила, «закон» соблюдают представители всех поколений. Здесь более явно наблюдается пестрый этнокультурный состав при отчетливом конфессиональном единстве. Локальные формы costume, привезенные невестами (например, американские «талички»), не приживаются (ПМА, 2016).

Исследовательница старообрядцев Тувы М.П. Татаринцева наблюдала в этих местах бытование комплексов женской одежды как на основе туникообразного сарафана-горбача, так и лямочных сарафанов [2006, с. 85]. В настоящее время фиксируется господство горбача в комплексе женской обрядовой одежды, при этом крой его со временем меняется (более ранние образцы на кокетке, с «хвостом», современные – с продольными складками в нагрудной части) (ПМА, 2016).

Когда традиционные формы одежды используются представителями всех поколений еще более отчетливо прослеживается роль портнихи, изделия которой отличаются однообразным кроем. Из разговора с мастерицей становится понятным, что формы традиционного женского costume должны быть целомудренны, скрывать фигуру. Этим требованиям соответствует комплекс женской одежды с горбачом и туникообразной рубахой (ПМА, 2016).

Как показывают наши полевые наблюдения, и старообрядцы верховьев Енисея, и уймонцы находятся в тесном духовном общении со старообрядческими центрами Красноярского края, Дубчесом (ПМА, 2016, 2018). Очевидно, современная популярность горбача обусловлена культурным влиянием этих скитов.

Преобладание этого вида одежды не случайно. Как отмечает Е.Ф. Фурсова, широкое распространение горбача и его названия на обширной территории Ев-

ропейской России, Прикамья, Урала и Сибири свидетельствует об устоявшейся давней традиции [2015, с. 61]. Некоторые наши самые пожилые информанты вспоминали, что в старину уймонки молились в одежде туникообразного покроя, глухой, пропускной. Воспоминания о более закрытом покрое сарафана, вероятно, сохранились в обозначениях деталей сарафана («проймы», «спинка») [Фурсова, 2015, с. 56]. Скорее всего, забытый старинный сарафан вновь возвращается в уймонский старообрядческий социум уже как современный, унифицированный вид одежды (горбач).

Можно говорить о том, что мы наблюдаем процесс унификации традиционного костюма в старообрядческой среде Юга Сибири. Унификация эта происходит в контексте функционирования живой старообрядческой культуры. При этом бытование традиционного костюма обусловлено, в первую очередь, мировоззренческими, религиозными представлениями и требованиями к костюму (христианская аскеза, следование решениям соборов, поучениям святых отцов) [Шитова, 2008].

Распространяющиеся универсальные формы одежды демонстрируют, вероятно, преобладание конфессиональной компоненты в символическом содержании костюма над региональной, локальной. Последняя постепенно нивелируется. Все это, по нашему мнению, является выражением процесса размывания локальной этнокультурной идентичности при выдвигании на первый план конфессиональной идентичности и общей идеи русскости костюма. В текущем столетии мы наблюдаем у старообрядцев юга Сибири складывание некоего универсального русского костюма (которого никогда не существовало в традиционной культуре). В контексте процессов унификации и глобализации складывается общерусский силуэт упрощенного покроя, свидетельствующий собственно о русской идентичности в контексте принадлежности к старообрядчеству.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 18-09-00028а «Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XVII – первая треть XX в.)».

Список литературы

Татаринцева М.П. Старообрядцы в Туве: историко-этнографический очерк. – Новосибирск: Наука, 2006. – 216 с.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX – первая треть XX века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 296 с.

Шитова Н.И. Традиционная одежда уймонских старообрядцев. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2005. – 112 с.

Шитова Н.И. Христианская символика в одежде уймонских старообрядцев // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 3. – С. 87–90.

Шитова Н.И. Традиционная одежда уймонских старообрядцев: этнокультурные и этноконфессиональные особенности (XX – начало XXI в.). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publ., 2011. – 273 с.

References

Fursova E.F. Traditsionnaya odezhda russkogo i drugikh vostochnoslavjanskikh narodov yuga Zapadnoi Sibiri (konets XIX – pervaya tret' XX veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, 296 p. (in Russ.).

Shietova N.I. Traditsionnaya odezhda uimonskikh starobryadtsev. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2005, 112 p. (in Russ.).

Shietova N.I. Khristianskaya simbolika v odezhde uimonskikh starobryadtsev. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2008, No. 3, pp. 87–90 (in Russ.).

Shietova N.I. Traditsionnaya odezhda uimonskikh starobryadtsev: etnokul'turnye i etnokonfessional'nye osobennosti (XX – nachalo XXI v.). Saarbruken: LAP LAMBERT Academic Publ., 2011, 273 p. (in Russ.).

Tatarintseva M.P. Starobryadtsy v Tuve: istoriko-etnograficheskii ocherk. Novosibirsk: Nauka, 2006, 216 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Шитова Н.И. – кандидат исторических наук, гимназия № 3, г. Горно-Алтайск,
e-mail: natalja.sni2011@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1325-255X>.

М.Н. Тихомирова
*Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Омск, Россия*

Этнотерриториальные комплексы системы питания татар Омской области XX – начала XXI века

В работе выделяются три этнотерриториальных комплекса на материалах системы питания. Даются качественные характеристики каждого из комплексов.

Ключевые слова: *этнотерриториальный комплекс, пища, татары, Омская область, традиционная кухня, обряд, традиционная культура.*

Для цитирования: Тихомирова М.Н. Этнотерриториальные комплексы системы питания татар Омской области XX – начала XXI века. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 245–248. DOI 10.17746/0295-7.2019.245-248.

M.N. Tikhomirova
*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Omsk, Russia*

Ethnoterritorial Complexes of a System of Food of Tatars of the Omsk Region 20 – the Beginnings of the 21st Century

Three ethnoterritorial complexes based on the materials of the food system are distinguished in the work. The qualitative characteristics of each of the complexes are given.

Keywords: *Ethnoterritorial complexes, food, Tatars, Omsk Region, traditional dishes, rite, traditional culture.*

For citation: Tikhomirova M.N. Ethnoterritorial complexes of a system of food of Tatars of the Omsk region 20 – the beginnings of the 21st century. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories,* 2019, 245–248 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.245-248.

Этнокультурное районирование элементов является важным приемом, позволяющим установить механизмы формирования пространственно-временной неравномерности культуры, наличие специфики и уникальности ее элементов.

В данной работе мы рассмотрим предварительные результаты, которые были получены после осуществления следующих исследовательских процедур: фиксации элементов в ландшафте при почти сплошном полевом обследовании, предпринятом нами в 2000–2003, 2008, 2014, 2016–2018 гг., и далее картографировании элементов по населенным пунктам. Поскольку результаты предварительные и материалы изложены вкратце, здесь не полностью отражены два важных факта: динамика культурных элементов и полная количественная их характеристика.

В результате изучения системы питания татар Омской обл. XX — начала XXI в. нам удалось выделить три этнотерриториальных комплекса, характеризующихся набором отличительных признаков (или характерных черт), выделяемых в таких элементах, как блюда, технологический процесс, диалектная лексика, способ употребления и др. Обнаруженные признаки могут также существовать не только в Омской обл., но и повсеместно у татар Западной Сибири, однако на территории комплекса они будут обладать более выразительными количественно-качественными свойствами, например усовершенствованным способом приготовления или быть многократно зафиксированными в ходе изучения.

Характерные черты детерминируются следующими факторами: этническая история народа, природно-географическая среда, общественный уклад и др. По причине краткости изложения результатов изучения мы не будем указывать зависимость всех признаков от факторов. Однако в тех случаях, когда установлена их связь с этнической историей, мы будем указывать, т.к. речь идет про культуру этноса.

Территории выделенных нами комплексов совпали с расселением территориально-этнических групп татар Омской обл. Первый — с курдакско-саргатской, Второй и Третий — с тарской. Для того чтобы читателю была понятна локализация комплексов, мы будем указывать административный район.

Первый этнотерриториальный комплекс нами был выделен на севере Омской обл. (Усть-Ишимский, Тевризский р-ны). В нем выделяется два локальных варианта, их территории совпадают с перечисленными административными районами.

Среди признаков Первого этнотерриториального комплекса у татар Усть-Ишимского р-на мы выделяем: каленые зерна пшеницы (*коурмач*) и смлотую из них муку (*талкан*); изделия из обжаренного теста разной формы и средней толщины, называемые *кабач баусак*, *урама баурсак*, *цальбак* и др. Причем изделие *цальбак* в данном локальном варианте еще было обязательным поминальным блюдом. Все перечисленные выше элементы мы считаем обусловленными происхождением носителей — коренных сибирских татар [Корусенко, Кулешова, 1999, с. 129–130], соответственно они могут быть этнически маркированы.

В Тевризском р-не проживает большое число татар-переселенцев [Там же, с. 143–144, 158–159 и др.], поэтому здесь в повседневной пище зафиксировано большое число элементов, восходящих к их традициям: *ипи*, *кукэй*, *бэрэнге*, *зур пич/урус пич* и др. (диалектная лексика); лепешка, начиненная картофелем, — *кыстыбий*; по сравнению с Усть-Ишимским р-ном наблюдается массовое изготовление колбасы из конины (*козлык*); употребление в довольно больших объемах сливочного или топленого масла.

Еще к локальным традициям, которые мы зафиксировали в поселениях татар данного района, но не можем однозначно связать их с этническим происхождением носителей, относится особый порядок приготовления чая с молоком. Сначала наливали молоко, затем заварку, потом кипяток. У татар Тевризского р-на также были свои изделия из обжаренного теста — *ййма* и *урама*, которые по составу теста и внешнему виду напоминали хворост, а не куски теста средней толщины.

В обрядовой пище у татар Тевризского р-на зафиксировано немало элементов, связанных с волго-уральским этническим компонентом: символом удачного сватовства было вкушение масла или масла с хлебом (*май–икмак*); во второй день свадьбы невестой готовились оладьи (*килен коймак*); наличие завершающего свадьбу блюда,

например пельменей; на праздник по случаю прилета птиц (*кара бокчар туге / карга туй*) дети залазили на крышу с продуктами (оладьями, яйцами, конфетами, чаем) и там их съедали; угощение из гуся после взаимопомощи по случаю ощипывания гусей при заколе (*каз өмәсә*).

В пище татар Знаменского р-на встречаются элементы Первого и Второго этно-территориальных комплексов, поэтому мы считаем эту территорию переходной зоной. Среди характерных черт здесь выявлены элементы, связанные с различными этническими компонентами, которые принимали участие в сложении населения. Из традиций коренных сибирских татар здесь в прошлом встречалось употребление *талғана* из пшеницы; изделия из обжаренного теста, называемые *кабац баурк*, *калач баурсак / курлы баурсак*; диалектная лексика: *баурсак*, *буряк*, *икмак* и др.; блины, подаваемые на рождение ребенка или поминки, милостыня (*гур садака*), которая давалась живой курицей перед погребением умершего.

Из элементов, относимых к волго-уральским традициям, здесь зафиксированы: на сватовство сторона жениха относила масло (*май тобак*), на второй день свадьбы подавали пельмени и блины.

Влияние бухарских этнокультурных традиций здесь обусловлено соседством со Вторым этнокультурным комплексом. Под влиянием бухарцев здесь готовят *хальву* из пшеничной муки на обрядовые и праздничные трапезы.

Второй этнотерриториальный комплекс является самым крупным. Он простирается с севера на юг по территории Седельниковского, Тарского, Колосовского, Большереченского р-нов и подразделяется на два варианта, условно нами называемых Левый берег Иртыша и Правый берег Иртыша.

Он характеризуется следующими блюдами: обжаренными кишками на костре (*шешләү*); яичным супом с колбасой или сушеными кишками (*кайгәнә*); мясом с картофелем; изделиями из обжаренного теста средней толщины (*клок баурсак*, *кабац баурсак*, *курлы баурсак*, *вак баурсак*), кисломолочным напитком (*айран*). У этого комплекса также выделяются особенности в технологии: для сыровяленой колбасы фарш смешивался из двух видов мяса (из говядины или баранины и гусятины); использование душицы в качестве приправы к постным жидким блюдам и др.

В Левобережном варианте получили большее распространение следующие элементы: изготовление муки (*талкан*) из каленых зерен овса, а не пшеницы, также блюда *бишбармак* и пироги, называемые *қақ шаньга* и *ширпурек*.

Для понимания уникальности данного комплекса отметим, что здесь культурный облик сложился из этнического смешения коренных сибирских татар и бухарцев [Корусенко, 2006, с. 57–58]. С определенной уверенностью часть из вышеперечисленных элементов (блюда *талкан* и *баурсак*, диалектная лексика: *ацәгей*, *саңса баурсак* и *кыйгац баурсак*) можно соотнести с традициями коренных сибирских татар.

Влияние традиций бухарцев прослеживается в терминологии (*нон*, *сумса*), использовании душицы как приправы в еде, наличии обрядового блюда *хальва* и свадебного напитка *щербет*.

Третий этнотерриториальный комплекс находится на территории Муромцевского р-на. В этническом плане население здесь неоднородное: в ряде поселений (Инциссе, Черталах) был очень сильный переселенческий компонент из Волго-Уральского региона, который взаимодействовал с местными сибирскими татарами, в д. Гузенево, Юрт-Бергамак представлены больше коренные сибирские татары

[Там же, с. 67, 71]. Поэтому в д. Инцисс, Черталы зафиксированы элементы, связанные с традициями волго-уральских татар: диалектная лексика (*бэрэнге, ипи, кукай, махан, пашетет* и др.), блюда (лепешка, начиненная картофелем, — *кыстыбий*), выпечка *чахолдак*, массовая заготовка сыровяленой конской колбасы, как и в Тевризском р-не. Перед похоронами здесь давали милостыню (*гур садака*) чашкой соли, тарелкой муки, но параллельно была традиция, восходящая к коренным сибирским татарам, — помимо вышеперечисленных предметов, еще отдавали курицу.

К традициям местных тартар может быть отнесена лексика (*баурсак, кауцряк, саңса*). К традициям бухарцев восходят использование *щербета* на мусульманском обряде бракосочетания, изготовление *хальвы* для обрядовой трапезы. Однако бухарцы на территории Третьего комплекса не проживали, хотя их культурное влияние неоспоримо.

Список литературы

Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Приртышья в XVIII–XX веках. — Омск: Наука, 2006. — 2018 с.

Корусенко С.Н., Кулешова Н.В. Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. — Новосибирск: Наука, 1999. — 312 с. — (Культура народов России; т. 5).

References

Korusenko S.N. Etnosotsial'naya istoriya i mezhetnicheskie svyazi tyurkskogo naseleniya Tarskogo Prirtysh'ya v XVIII–XX vekakh. Omsk: Nauka, 2006, 2018 p. (in Russ.).

Korusenko S.N., Kuleshova N.V. Genealogiya i etnicheskaya istoriya barabinskikh i kurdaksko-sargatskikh tatar. Novosibirsk: Nauka, 1999, 312 p. (Kul'tura narodov Rossii; vol. 5) (in Russ.).

Сведения об авторе:

Тихомирова М.Н. — кандидат исторических наук, научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН,

e-mail: marinat24@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-8271-8451>.

Е.А. Давыдова

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
(Кунсткамера),
г. Санкт-Петербург, Россия*

Идентичность и представления о «русской» и «чукотской» пище на Чукотке

В статье рассмотрены пищевые практики и связанные с ними представления жителей Чукотки. Выявлены причины того, как они становятся движущей и креативной силой, создающей этнокультурную идентичность. Изучение данного процесса основано на анализе представлений о чукотской и русской пище. Сделан вывод, что пищевой опыт людей, являясь формой телесной памяти, а также, будучи связан с ностальгическими воспоминаниями, способен конструировать и поддерживать этнокультурную идентичность людей.

Ключевые слова: *пища, этнокультурная идентичность, ностальгия, телесная память, Чукотка, этнография чукчей, традиционное природопользование.*

Для цитирования: Давыдова Е.А. Идентичность и представления о «русской» и «чукотской» пище на Чукотке. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 249–252. DOI 10.17746/0295-7.2019.249-252.

E.A. Davydova

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(the Kunstkamera),
St. Petersburg, Russia*

Identity and Representations of Russian and Chukchi Food in Chukotka

This paper examines how Chukotka residents' food practices and perceptions become the driving and creative force for building ethnocultural identity. The study of this process is based on the analysis of the ideas about Chukchi and Russian food. It concludes that the people's food experience, being an embodied form of memory and associated with nostalgic moods, is able to construct and maintain the people's ethnic and cultural identity.

Keywords: *food, ethnic and cultural identity, nostalgia, body memory, Chukotka, Chukchi ethnography.*

For citation: Davydova E.A. Identity and representations of Russian and Chukchi food in Chukotka. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 249–252 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.249-252.

Взаимосвязи между пищевыми практиками и представлениями людей, с одной стороны, и их этнокультурной идентичностью, с другой, нередко становились предметом исследования среди антропологов (см., напр.: [Appadurai, 1988; Searls, 2002]). Как отметили С. Минц и М. Боис, «пища способствует и укреплению групповой солидарности, и разделению людей на группы» [2002, р. 109]. В данной статье рас-

смачивается, как пищевые привычки, предпочтения, воспоминания, переживания и представления жителей Чукотки становятся движущей и креативной силой, создающей их этнокультурную идентичность.

Представления о русской и чукотской пище, существующие на Чукотке, формируются под воздействием личного пищевого опыта людей, политики, проводимой государством в регионе, и контактов с приезжим населением. Критериями, позволяющими людям относить то или иное блюдо к чукотскому или русскому, могут выступать: 1) способ добычи продуктов питания, 2) технологии обработки пищи, 3) форма организации приема пищи, 4) субъективное вкусовое восприятие блюда, например ощущение сытости.

Получение пищи посредством традиционных видов деятельности, на первый взгляд, предопределяет ее «чукотскость». В политическом дискурсе пищи именно данный критерий занимает центральное место, а представления о чукотской пище становятся инструментом приобретения политической власти или экономических выгод – пищевых ресурсов.

Но пищевые практики людей свидетельствуют, что корреляция с данным критерием не всегда прямолинейна. Так, лепешки, которые не добываются традиционным способом, а готовятся из русских продуктов, репрезентируются в качестве неотъемлемого элемента национальной чукотской кухни и являются типичным примером «изобретенной традиции» [The invention..., 1983].

Технологии обработки пищи, применявшиеся чукчами в досоветский период (варка, вяление, заморозка, ферментация), продолжают использоваться сегодня. Порой они начинают придавать блюду этнокультурную аутентичность. Например, употребление рыбы в мороженом виде считается чукотским способом потребления пищи. Параллельно с этим круглогодичная заморозка продуктов, ставшая возможной благодаря холодильникам, служит отличительным знаком современности и перемен XX в. на Чукотке. В этой связи «квашеные» блюда становятся символом чукотской кухни. Люди часто подчеркивают полезные, питательные и вкусовые свойства ферментированной пищи. Как отметил А. Аппадурай, аутентичная пища не может обладать плохими качествами [1986, р. 25].

Рассуждая о чукотской пище, местные жители часто подчеркивают ее способность быстро и надолго насыщать людей. В противовес ей люди приводят русскую пищу, которая не насыщает в полной мере.

Способ приема пищи (использование различных видов посуды и кухонного инвентаря, пространственное размещение людей, место приема пищи) так же может быть чукотским и русским, что в свою очередь влияет на восприятие потребляемых блюд. Например, использование *кэмэны* (деревянных блюд), приготовление пищи на костре в тундре, размещение участников трапезы на полу создает ситуацию потребления чукотской пищи.

Перечисленные критерии образуют калейдоскоп, который в каждом конкретном случае приема пищи складывается по-разному и который всегда воспринимается и рефлексировается людьми через призму их личного опыта и воспоминаний, имеющих ностальгический привкус. Многие жители Чукотки в рамках своей жизни осуществили переход от диеты оленевода или морского зверобоя к диете, наполненной европейскими продуктами. Столь резкий сдвиг пищевых паттернов, происходивший в детстве или юности, сформировал ощущение утраты и тоски по ушедшим временам.

Многие информанты ностальгируют по прошлому, ассоциируемому с семьей и детством. Пробуя его воскресить, люди готовят блюда, которыми их кормили в детстве. Характерно, что у разных людей разные представления о том, что является «настоящей чукотской пищей». Кто-то вырос в поселке и ел олени головы с забойного пункта на протяжении детства, кто-то жил в тундре с родителями, которые употребляли в основном одну оленину, кто-то отравился в детстве ферментированным мясом и питался свежей бараниной, добываемой любящим дедушкой, кто-то жил в семье, в которой рыбачили и заготавливали много рыбы. Другими словами, каждая биография имеет свою историю и свои вкусовые впечатления.

Мощная связь между едой и памятью в антропологии не подвергается сомнению [Holtzman, 2006, p. 362]. Пищевой опыт людей, представляя собой форму телесной памяти, способен конструировать и поддерживать этнокультурную идентичность. Пища, как машина времени, может легко переносить людей в прошлое, где они черпают представления о чукотском образе жизни. В то же время еда как «исчезающая материальность» [Баранов, Гуляева, 2017] крепко держит вкушающего ее человека в сиюминутном отрезке времени, побуждая размышлять о его нынешнем образе жизни.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10125 «Изменение системы питания жителей тундры и прибрежных поселков на Чукотке в XX–XXI: динамика, причины, социокультурные последствия»).

Список литературы

Баранов Д., Гуляева Е. Об этнографическом описании пищи // *Expertocrede Alberto*: сб. ст. к 70-летию А.К. Байбурина. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2017. – С. 46–65.

Appadurai A. On cultural authenticity // *Anthropology today*. – 1986. – Vol. 2. – N 4. – P. 25.

Appadurai A. How to make a national cuisine: Cookbooks in contemporary India // *Comparative studies in society and history*. – 1988. – Vol. 30. – N 1. – P. 3–24.

Holtzman J. Food and memory // *Annual Review of Anthropology*. – 2006. – Vol. 35. – P. 361–378.

Mintz S., Bois M. The anthropology of food and eating // *Annual Review of Anthropology*. – 2002. – Vol. 31. – P. 99–119.

Searls E. Food and the making of the modern Inuit identities // *Food and foodways*. – 2002. – N 10 (1). – P. 55–78.

The invention of tradition. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. – 322 p.

References

Baranov D., Gulyaeva E. Ob etnograficheskom opisanii pishchi. In *Expertocrede Alberto: sbornik statei k 70-letiyu A.K. Baiburina*. St. Petersburg, Europe Univ. Press, 2017, pp. 46–65 (in Russ.).

Appadurai A. On cultural authenticity. In *Anthropology today*, 1986, vol. 2, No. 4, p. 25.

Appadurai A. How to make a national cuisine: Cookbooks in contemporary India. In *Comparative studies in society and history*, 1988, vol. 30, No. 1, pp. 3–24.

Holtzman J. Food and memory. In *Annual Review of Anthropology*, 2006, vol. 35, pp. 361–378.

Mintz S., Bois M. The anthropology of food and eating. In *Annual Review of Anthropology*, 2002, vol. 31, pp. 99–119.

Searls E. Food and the making of the modern Inuit identities. In *Food and foodways*, 2002, No. 10 (1), pp. 55–78.

The invention of tradition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983, 322 p.

Сведения об авторе:

Давыдова Е.А. – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,

e-mail: elenav0202@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-9299-7551>.

И.З. Борисова, Д.М. Винокурова, А.А. Винокурова
*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Россия*

Аналитическое исследование этнической идентичности народов севера через культуру питания

Коренные малочисленные народы Севера и якутский народ, один из древних тюркских народов, пронесли сквозь века уникальную культуру питания. Жизнь в суровых северных условиях, резко континентальный климат сформировали особенности питания Саха. Тюркские блюда кочевого народа в северных условиях были адаптированы под влиянием богатого опыта местных северных народностей. Питание северных народов состоит в основном из оленины, рыбы, дикоросов. Использование в питании северной рыбы и ягод обогатило пищевой рацион пришлых якутов, который в основном состоял из жеребятины, молочных продуктов. Овощи и мука появились позже, с приходом первых русских. Трансформация и взаимовлияние культуры питания соседних народов позволило появиться новой северной культуре питания Саха.*

Ключевые слова: *культура питания, народ Саха, культурное наследие, северные народы, тюркская культура, трансформация, взаимообогащение.*

Для цитирования: Борисова И.З., Винокурова Д.М., Винокурова А.А. Аналитическое исследование этнической идентичности народов севера через культуру питания. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 253–256. DOI 10.17746/0295-7.2019.253-256.

I.Z. Borisova, D.M. Vinokurova, A.A. Vinokurova
*M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia*

Analytical Study of the Ethnic Identity of the Peoples of the North through Food Culture

The indigenous peoples of the North and the Yakut people, one of the ancient Turkic peoples, carried through the centuries a unique food culture. Life in the harsh northern conditions, sharply continental climate was dictated by the peculiarity of the Sakha diet. The Turkic dishes of the nomadic people in the northern conditions were adapted under the influence of the rich experience of the local northern peoples. The food of the northern peoples consists mainly of venison, fish and wild plants. Use in the nutrition of northern fish, berries enriched the diet of alien Yakuts, which mainly consisted of foals, dairy products. Vegetables and flour appeared later, with the arrival of the first Russians. The transformation and interaction of the food culture of neighboring nations allowed the emergence of a new northern food culture.

Keywords: *food culture, Sakha people, cultural heritage, northern peoples, Turkic culture, transformation, mutual enrichment.*

For citation: Borissova I.Z., Vinokurova D.M., Vinokurova A.A. Analytical study of the ethnic identity of the peoples of the north through food culture. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 253–256 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.253-256.

*Самоназвание якутского народа.

Северная культура питания является одним из достижений человечества, позволяя выживать в суровых климатических условиях. Профессор М.А. Тырылгин указывает, что с приходом якутов северный рацион претерпел существенные изменения: «До якутов в этом обширном регионе планеты, населенном около 30 народами Севера, в рационе жителей не было молока, сливок, сметаны, масла, творога, кисломолочных продуктов, кумыса, тара, говядины, жеребятины и заболоневой муки. Усовершенствовав орудия улова, якуты значительно расширили и рыбный ассортимент своего питания» [Николаев-Сомоготто, 2016, с. 171].

Этнограф С.И. Николаев (Сомоготто) неповторимой особенностью северной кухни считает ее многослойность. Она состоит из кухонь якутскоязычных, тюркоязычных, тунгусоязычных народов с самодийскими пластами и, наконец, заимствованных элементов русской кухни [Молочная пища...].

С приходом русских на якутскую землю рацион местного населения заметно изменился и расширился: жители стали выращивать пшеницу и картофель, благодаря чему оладьи из пшеничной муки прочно вошли в традиционную пищу коренных народов. Сегодня на севере редко употребляют сосновую заболонь (наружный молодой слой древесины) и *сыму* (ферментированную рыбу). Повседневная еда северных народов: оленина, замороженная рыба – вошла в рацион других народов.

Молочная пища занимает значительное место в питании Саха. Из молочных продуктов коренные народы севера прежде использовали только оленье молоко, которое сегодня употребляется очень редко. Кислые продукты из коровьего молока вошли в рацион северных народов совсем недавно. Свои впечатления о молочной пище оставили путешественники, исследователи, побывавшие в Якутии. Они, прежде всего, описывали особенности главного якутского напитка «богатырей» – кумыса (напитка из ферментированного кобыльего молока). О кумысе впервые упомянуто в записках Исабрана Идеса: «Этот кумыс представляет собой водку из молока, которую якуты обычно употребляют в основном во время ысыахов*» [Идес, 1967].

Мясная еда имеет большое значение в питании традиционно кочевых народов, проживающих в суровом климате. В якутской кухне довольно широко представлены аналоги супов и вторых блюд. Коренные народы Севера не едят такого большого количества супов, как якуты. Популярность мяса определяется богатством витаминов, питательностью, свойством восстанавливать силы. С древних времен северяне питались блюдами из мяса диких животных и пернатой дичи, водившихся в богатых лесных угодьях. Особым деликатесом считались лосятина, оленина, зайчатина. В засушливые годы, когда удача покидала охотников, людям приходилось особенно тяжело. Поэтому, в силу объективных обстоятельств, обусловленных природно-климатическими условиями, в постоянной борьбе за выживание население было вынуждено держать домашний скот. Саха разводили коров и лошадей, северные якуты – оленей. На протяжении нескольких веков сформировались уникальные породы якутской коровы и лошади, приспособившиеся к суровому климату.

Северные охотники употребляют в пищу почти все виды своей добычи. Ограничения касаются медвежатины. В культуре многих народов Севера большое количество поверий и запретов связано с поеданием медвежьего мяса. При трапезе, состоящей из блюд с медвежатиной, разыгрывается целый спектакль. Якуты и другие

*Якутский новый год, праздник поклонения духам и божествам народа Саха.

северные народы (эвены, эвенки, долганы, юкагиры) используют все части домашних животных, ничего не оставляя без пользы. Ферментированной оленьей кровью и внутренностями, набитыми в очищенный олений рубец, питаются в пути и в кочевье. Засушенные мясо и рыба, будучи удобными при транспортировке, составляют основной рацион северных кочевников.

Блюда из рыбы стали частью культуры питания тюркоязычных якутов с переселением их на Север. Северные народы питались рыбой «испокон веков», что существенно обогащало рацион, поскольку северная рыба отличается жирностью и богатым содержанием витаминов. Саха освоили разные способы приготовления рыбы, заимствовав их у народов Севера: вяление, копчение, сушение на деревянных палках. Вилюйские якуты владели технологией проквашивания рыбы – *сыма*. Их в народе называли «сымаһыттар» – ‘едоки сыма’. Н.Г. Васильев писал, что правильно приготовленная *сыма* полезна для здоровья, богата витаминами и высококалорийна [Молочная пища...].

Среди рыб выделяется *собо* – ‘карась’, он играет большую роль в картине мира народа Саха. Церемония улова имеет много обычаев и табу. Зимний улов карасей превращается в большой праздник. Являясь основной белковой пищей, эта рыба популярна и сегодня. Северные коренные народы Якутии карасю предпочитают другие виды северной рыбы – муксуна, чира, хариуса.

Холодные закуски из рыбы пользуются большой популярностью. Прежде всего, это *строганина*, которая представляет собой холодную закуску из тонких стружек свежемороженой рыбы. Рыба должна быть заморожена сразу после улова. Рыбу моментально умерщвляют ударом по голове, затем ей создают условия для быстрого замерзания на льду. После этого она готова к тонкой нарезке.

Питание как культурное наследие народов Севера начало осознаваться совсем недавно. Это обстоятельство требует дальнейшего признания традиций северного питания как культурного наследия, их изучения, возрождения и адаптации национальных блюд.

Благодарности

Исследование проводилось в рамках проекта РФФИ № 17-21-08001 «Проблема валоризации и популяризации питательной культуры народов Севера в современных условиях (на примере Якутии)».

Список литературы

- Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. – 404 с.
- Молочная пища якутов: [Электронный ресурс]. – URL: www.yakutskhistory.net/...согомотто/молочная-пища-якутов/ (дата обращения: 30.10.2015).
- Николаев-Согомотто С.И. Пища якутов (в свете соседних культур). – Якутск: Якутский край, 2016. – 171 с.

References

- Ides I., Brand A. Zapiski o russkom posol'stve v Kitaj (1692–1695). Moscow, 1967, 404 p. (in Russ.).

Molochnaya pishcha yakutov: [Elektronnyi resurs]. URL: www.yakutskhistory.net/...somogotto/molochnaya-pishcha-yakutov/ (accessed: 30.10.2015) (in Russ.).

Nikolaev-Somogotto S.I. Pishcha yakutov (v svete sosednih kul'tur). Yakutsk: Yakutskij kraj, 2016, 171 p. (in Russ.).

Сведения об авторах:

Борисова И.З. – кандидат педагогических наук, доцент Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,

e-mail: Isborissova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3620-7452>;

Винокурова Д.М. – кандидат социологических наук, доцент Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,

e-mail: dorofdm1@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3259-3907>;

Винокурова А.А. – кандидат филологических наук, зав. кафедрой северной филологии Института языков и культур народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,

e-mail: antonina-vinokurova@bk.ru.

DOI: 10.17746/0295-7.2019.257-262
УДК 641

Д.Г. Зубко, Чжан Хуэйцин
*Второй Пекинский институт иностранных языков,
г. Пекин, Китай*

Элементы традиций питания белорусов в Китае (сравнительный анализ)

Работа посвящена исследованию пищевой адаптации белорусов в Китае и рассмотрению ее элементов. Составлена классификация групп пищевых продуктов в Беларуси и Китае.

Ключевые слова: *пищевая адаптация, система питания, традиционность, белорусы, Китай, хлеб, овощи, каша.*

Для цитирования: Зубко Д.Г., Чжан Хуэйцин. Элементы традиций питания белорусов в Китае (сравнительный анализ). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 257–262. DOI 10.17746/0295-7.2019.257-262.

D.G. Zubko, Zhang Huietin
*Beijing International Studies University,
Beijing, China*

The Elements of Traditional Byelorussian Eating Habits in China (Comparative Analysis)

The thesis is dedicated to the research of Byelorussians adaptation to food in China. The author was the first to compile the classification of food products in Belarus and in China. There are different elements of food adaptation presented.

Keywords: *food adaptation, nutrition system, tradition, Byelorussians, China, bread, vegetables, cereal.*

For citation: Zubko D.G., Zhang Huietin. The elements of traditional Byelorussian eating habits in China (comparative analysis). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 257–262 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.257-262.

Активное взаимодействие Беларуси и Китая приводит к необходимости описывать и изучать культуру обеих стран, в связи с чем появляется интерес к исследованию проблем адаптации белорусов в Китае, одной из которых является пищевая адаптация. Цель исследования – определить подходы к выработке адаптационной стратегии белорусов в питании в условиях Китая. Наша задача – сопоставление элементов традиций питания белорусов в Китае. Исследование традиций питания, распространенных в Китае, проводилась автором путем непосредственного наблюдения.

Основу традиционного питания белорусов на протяжении многих столетий составляет ржаной хлеб [Гурко, 1999, 2017]. В разных районах Китая наблюдаются свои особенности питания, однако базу традиционного питания издавна составляли рис, лапша либо китайский хлеб Маньтоу [Куликов]. В повседневную практику питания

белорусов вошли китайские виды хлеба, хотя, когда есть выбор между привычным хлебом и китайским, предпочтение отдается первому. Другим популярным продуктом питания, белорусов являются блины и оладьи. В Китае белорусам полюбились блины и лепешки с острыми овощными начинками.

В Беларуси традиционно распространено употребление каш, особенно из гречневых и пшеничных круп. Каши готовятся в чистом виде или с добавлением овощей либо мяса. Белорусские каши по своей консистенции густые. Китайские каши варят в большом количестве воды, поэтому они жидкие и их пьют. В Китае очень много различных сортов круп, из которых готовят привычные для белорусов каши. Если есть любители гречки или перловки, то они заказывают ее по Интернету либо привозят из дома.

Среди овощей почетное место на территории Беларуси отводится блюдам из картофеля. В Китае тоже имеются блюда из картофеля, одним из любимых является запеченный сладкий картофель (батат), также картофель входит в состав других блюд, в частности салатов, при этом картофель нарезают соломкой и слегка ошпаривают, что для непривычного белоруса больше напоминает салат из сырого картофеля.

Из овощей для белорусских блюд берутся капуста, огурцы, морковь, горох, свекла, которые употребляются в свежем виде или же их квасят, тушат, маринуют. В Китае в состав каждого блюда входит огромное количество овощей. Там принято, чтобы овощей было больше, чем мяса. Отличительной особенностью является то, что в Китае овощи слегка ошпаривают либо обжаривают, иногда слегка маринуют в салате с помощью уксуса. Белорусам нравится, что в китайском блюде много разных наполовину свежих овощей и не так много мяса, только некоторым не по вкусу большое количество масла, поэтому они стараются выбирать менее жирные блюда.

На территории Беларуси среди фруктов наиболее востребованы яблоки, груши, ягоды, которые употребляют в сыром виде либо с добавлением сахара и последующей тепловой обработкой. В Китае фрукты есть круглый год, поэтому их в основном употребляют в сыром виде либо делают чипсы или сушат. Недостатка во фруктах белорусы не испытывают, легко вводят в свой повседневный рацион новые экзотические фрукты.

Молочные продукты у белорусов выступают как самостоятельная еда, либо в составе различных блюд. В Китае эта отрасль производства не так популярна.

Особое место в белорусской системе питания отводится свинине, из которой делают соленые колбасы, паляндвицу, варят холодец и др. В Китае необычны для белорусов сладкие мясные блюда и колбасные изделия.

Рыбу в Беларуси фаршируют, вялят, тушат с овощами или без, солят, жарят. В Китае блюда из морепродуктов богаче и разнообразнее, что очень привлекательно для наших соотечественников.

Наиболее употребительными в Беларуси являются куриные яйца, из которых готовят различные блюда. В Китае популярны не только куриные яйца, но гусиные и утиные, они входят в состав многих блюд либо выступают как самостоятельное блюдо.

Таким образом, сравнение традиций питания белорусов и китайцев показывает, что имеются большие различия в употреблении всех продуктов питания и в способах их приготовления. Если овощи белорусы едят в сыром либо тушеном виде, то

Группы пищевых продуктов

Категория	Белорусская пища	Китайская пища
1	2	3
зерновые и мучные изделия орехи бобовые и стручковые масличные	<i>Растительного происхождения</i> гречка, пшено, перловка, овсянка, изделия из пшеничной муки (макароны, хлеб, батон) грецкий орех, арахис, кедровые орешки, миндаль горох, фасоль, бобы, спаржевая фасоль (стручки) подсолнечное масло, льняное масло	пшеница, рис, чумиза, кукуруза, овсянка, изделия из пшеничной муки (лапша, китайский хлеб Маньтоу) грецкий орех, арахис, кунжут, финик китайский, корень лилии, семена лотоса соя, бамия, фасоль Вигна, Джикама (Хикама) или ямсовая фасоль арахисовое масло, кунжутное масло, кукурузное масло, подсолнечное масло
фрукты ягоды	<i>Фрукты и ягоды</i> апельсины, бананы, яблоки, груши, персики, мандарины, виноград черника, клубника, малина, клюква, голубика, брусника, смородина черная и красная, вишня	яблоки, груши, бананы, персики, ананасы, мандарины, виноград, хурма, абрикосы, гранаты черника, клубника, вишня, арбуз
плодовые корнеплоды и клубневые лиственные цветковые душистая зелень луковичные стеблевые и побеги	<i>Овощи</i> кабачки, тыква, огурцы, помидоры картофель, морковь, редис, свекла, репа салат, капуста, шпинат цветная капуста укроп, петрушка лук, чеснок лук-порей	дыня (разные сорта), восковая тыква, водяной огурец, баклажаны, люффа картофель, морковь, корень лотоса, редис, дайкон, момордика, батат, ямс, таро, имбирь бок-чой, пак-чой, пекинская капуста, латук, рукола, шпинат брокколи, цветная капуста укроп, кориандр лук, чеснок, душистый лук (черемша) спаржа, спаржевый салат, бамбуковые побеги, лемонграсс, лук-порей, бобовые ростки

1	2	3
пряности	перец черный, тмин, тертый хрен, кориандр	перец чили, имбирь, тмин, кориандр, Усянмянь (из пяти специй), концентрат вэйзин (глутамат натрия), бадьян
соки деревьев овощные соки фруктовые соки морсы	<i>Соки</i> березовый, кленовый томатный, морковный яблочный, апельсиновый, вишневый, мультифруктовый, гранатовый клюквенный, брусничный	не употребляются » яблочный, апельсиновый, мультифруктовый, гранатовый не употребляются
мясо птица пресмыкающиеся и земноводные молоко и молочные продукты яйца и икра рыба моллюски и ракообразные насекомые и паукообразные	<i>Животного происхождения</i> свинина, говядина курятина, утятина не употребляются молоко, сыр, творог, сметана, ряженка, масло сливочное куриное яйцо, икра черная и красная сельдечные, осетровые, карп, линь, окунь кальмары, креветки, мидии не употребляются	свинина, говядина, баранина курятина двух видов: белая и черная, утятина, индошатиная, лягушки, черепахи молоко (в основном соевое) куриное яйцо, утиное яйцо, гусиное яйцо карп, карась, белый толстолобик, белый амур, лосось, окунь устрицы, кальмары, креветки, улитки, моллюски, раки, крабы, пангусты, мидии куколка шелкопряда
грибы водоросли	<i>Прочие органические продукты</i> белый гриб (боровики), опята, подберезовики, сыроежки, вешенки,лисички морская капуста	Шитаке, вешенки, шамеджи, белые грибы эринги, эноки, соломенный гриб, агроцибе (или полевик), древесный гриб Муэр морская капуста

в Китае овощи подвергаются только небольшой тепловой обработке. Мясо в Беларуси часто едят в чистом виде с добавлением гарнира, а в Китае мясо готовится вместе с овощами. Огромное количество специй также характерно для китайской кухни и не особо популярно в белорусской.

С целью систематизации групп пищевых продуктов, мы условно составили их классификацию (см. *таблицу*).

Пищевые продукты мы условно поделили на шесть основных блоков: продукты растительного происхождения, фрукты, овощи, соки, пища животного происхождения и прочие органические продукты. Каждый блок делится на мелкие категории. Из первого блока мы видим, что в Китае не представлены такие продукты, как гречка, перловка, но гораздо богаче ассортимент других категорий. Фрукты особо разнообразны в категории цитрусовые и менее в категории ягоды. Овощи весьма разнообразны в Китае по всем категориям, а вот соки представлены только в категории фруктовых, хотя очень много холодного чая и свежесжатого сока. В продуктах животного происхождения весьма богатый выбор в категориях млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся и земноводные, рыба, моллюски и ракообразные, насекомые и паукообразные, яйца, а вот выбор икры, молока и молочных продуктов беден. В Китае в большом разнообразии присутствуют грибы, некоторые из них по своим вкусовым качествам напоминают привычные для нас.

Таким образом, в магазинах Китая мало представлены либо вовсе нет на прилавках таких продуктов, как гречка, свекла, соленая и слабосоленая рыба, икра, селедка, к которой привыкли наши соотечественники. Тяжело найти черный хлеб, молочные продукты, минеральную газированную воду. Большинство белорусских хозяек научились заказывать эти продукты по Интернету либо покупать в европейских магазинах. Те, кто готовит дома, в основном делают привычную и знакомую для белорусской семьи еду. В смешанных семьях китайские блюда готовит муж-китаец или жена-китаянка. Как отмечают многие соотечественники, большинство из них дома не готовят, а питаются в общественных местах.

Список литературы

Гурко А.В. Движение вайшнавов («Харе Кришна») и его последователи в Беларуси. — Минск: Ин-т соц.-пол. иссл., 1999. — С. 52–59.

Гурко А.В. Да пытання аб месцы і ролі этнакультурнай спадчыны беларусаў Польшчы ў развіцці сучасных святочных традыцый беларусаў замежжа / *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі* / навук. рэд. А.І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. — Мінск: Права і эканоміка, 2017. — Вып. 23. — С. 178–185.

Куликов С.В. Неизвестный Китай. — URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=34478>: (дата обращения: 04.03.2018).

References

Gurko A.V. Dvizhenie vaishnavov (“Khare Krishna”) i ego posledovateli u Belarusi. Minsk: Institute of Social and Political Studies, 1999, pp. 52–59 (in Belarus.).

Gurko A.V. Da pytannya ab mestsy i roli etnakul'turnai spadchyny belarusau Pol'shchy u razvitssi suchasnykh svyatochnykh tradytsyi belarusau zamezhzha. In *Pytanni mastatstvaznaustva, etnologii i fal'klarystyki*. Navuk. red. A.I. Lakotka; Tsentr dasledavannyau belaruskai kul'tury, movy i litaratury NASB. Minsk: Prava i ekanomika, 2017, iss. 23, pp. 178–185 (in Belarus.).

Kulikov S.V. Neizvestnyi Kitai. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=34478>: (accessed: 04.03.2018) (in Russ.).

Сведения об авторах:

Зубко Д.Г. – магистр педагогических наук, преподаватель Второго Пекинского института иностранных языков,

e-mail: dasha.zubko.2018@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-1299-1115>;

Чжан Хуэйцин – доктор филологических наук, профессор, начальник Центра исследования Беларуси при Втором Пекинском институте иностранных языков.

**Коллекция земледельческих орудий труда в собрании
Алтайского государственного краеведческого музея
как источник по изучению хозяйственной деятельности
русского населения Алтая**

В статье рассматривается комплекс земледельческих орудий труда русского населения Алтая из собрания Алтайского государственного краеведческого музея как один из источников по изучению хозяйственной деятельности русских. Формирование комплекса орудий труда во второй половине XIX – начале XX в. проходило под влиянием природно-географических, природно-климатических и экономических условий, тем самым способствуя частичному сохранению земледельческих орудий труда старожилов и внедрению усовершенствованных переселенцами.

Ключевые слова: *Алтай, русские, хозяйственная деятельность, земледелие, орудия труда, музей, коллекция, источник.*

Для цитирования: Мамонтова О.С. Коллекция земледельческих орудий труда в собрании Алтайского государственного краеведческого музея как источник по изучению хозяйственной деятельности русского населения Алтая. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 263–266. DOI 10.17746/0295-7.2019.263-266.

**Collection of Agricultural Tools in the Collection
of the Altai State Regional Studies Museum
as a Source for the Study
of Economic Activity Russian Population of Altai**

The article deals with the complex of agricultural tools of the Russian population of Altai from the collection of the Altai State Regional Studies Museum as one of the sources for the study of economic activity of Russian. The formation of a set of tools in the second half of the 19th – early 20th century passed under the influence of natural and geographical, climatic and economic conditions, thereby contributing to the partial preservation of agricultural tools of old-timers and the introduction of improved immigrants.

Keywords: *Altai, Russian, economic activity, agriculture, tools, museum, collection, source.*

For citation: Mamontova O.S. Collection of agricultural tools in the collection of the Altai State Regional Studies Museum as a source for the study of economic activity Russian population of Altai. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 263–266 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.263-266.

Одним из источников по изучению хозяйственной деятельности русских Алтая в конце XIX — начале XX в. являются сельскохозяйственные орудия труда, хранящиеся в музейных собраниях региона. Экспонаты музейных коллекций дополняют имеющиеся документальные источники. Несмотря на то, что данные орудия труда в Сибири и России были сходны, имелись некоторые конструктивные особенности, разница в темпах внедрения и степени распространения усовершенствованных орудий. Будет неверным утверждать, что в конце XIX — начале XX в. новые орудия труда повсеместно вытесняли старые образцы. Напротив, диапазон сельскохозяйственных орудий, применявшихся русскими на Алтае в указанный период, складывался в процессе адаптации населения к природно-географическим и природно-климатическим условиям. Свой отпечаток накладывали и экономические условия — высокая стоимость привозных товаров.

В данной статье рассматривается комплекс земледельческих орудий труда русского населения Алтая в собрании Алтайского государственного краеведческого музея, который иллюстрирует симбиоз старожильческих и переселенческих традиций. На текущий момент коллекция насчитывает более 40 единиц хранения. Формирование началось в 1959 г. и продолжается в настоящее время. Экспонаты поступали из центральных, предгорных и таежных районов Алтайского края, из мест компактного и дисперсного проживания русских старожилов и переселенцев. Предметы датируются серединой XIX — началом XX в. Помимо этого, в фондах представлен предметный ряд, относящийся к 1920-м — 1940-м гг. Средства земледельческой техники в собрании музея по видам основных сельскохозяйственных работ можно подразделить на орудия обработки почвы, посева и уборки урожая, провеивания и сортировки зерна.

Орудия обработки почвы включают в себя орудия пахоты и бороньбы. Среди пахотных орудий в коллекции музея представлены образцы, использовавшиеся как старожилами, так и переселенцами. Для старожилов характерным являлись орудия сошного типа, которые в 1880-х гг. связывались с «первобытным способом обработки земли» [Алтай, 1890, с. 59]. Устройство сохи зависело от почвы и рельефа, различалось по числу сошников. Распространенность этого орудия пахоты определялась дешевизной и несложностью конструкции, делавшей соху широкодоступной, а также универсальностью применения. Соха подходила для вспашки неровных ландшафтов, легко ремонтировалась в полевых условиях. В собрании музея хранятся односошные сохи середины XIX — начала XX в. (АГКМ, ОФ 14359, 14373/1). Конструктивно они относятся к бесподошвенным сохам, которые использовались на лесных почвах.

С приездом переселенцев и введением новых видов зерновых менялся, совершенствовался инвентарь. Новоселы пользовались пахотными орудиями плужного типа, которые получили распространение в пореформенный период. Расширение использования плугов в Сибири и на Алтае в конце XIX — начале XX в. связано с увеличением железнодорожных перевозок, а также с появлением российских и сибирских производителей сельскохозяйственных орудий труда. [Там же, с. 62; С. М-й, 1913, с. 6]. В собрании Алтайского краеведческого музея хранятся однолемешные плуги первой четверти XX в. из центральных и предгорных районов Алтайского края, как железные фабрично-заводской работы, так и деревянный колесный плуг с металлическим лемехом (АГКМ, ОФ 12455, 12549, 13561/3).

Однако природно-географические и природно-климатические условия вносили коррективы в стремления переселенцев к усовершенствованию орудий труда. Так, крестьяне Бийской и Кривошековской волостей перенимали опыт от старожилов, т.к. для привозного инвентаря были неудобны ландшафт и почвы [Алтай, 1890, с. 60].

Модель борона была одинакова для всех групп русского населения Алтая – деревянная с железными зубьями. Подобная борона рубежа XIX–XX вв. хранится в собрании музея (АГКМ, ОФ 12455). Железная борона первой четверти XX в., представленная в коллекции, по устройству рамы идентична деревянной рамочной бороне (АГКМ, ОФ 13561/2). Но широкого распространения в указанный период она не получала в связи с высокой стоимостью.

Ручные орудия для обработки почвы представлены multifunctionalными деревянными граблями, деревянными и железными вилами первой четверти XX в.

Орудия посева и уборки урожая включают в себя подсевы, серпы, косы. Подсевы были распространены на Алтае вплоть до 1930-х гг. и напоминали решето с днищем, выполненным из текстиля, или льняную суму. В собрании музея хранятся подсевы начала XX в. переселенцев из Курской и Тамбовской губерний (АГКМ, ОФ 13558/4, 13821/17).

Вплоть до 1930-х гг. серп использовался при уборке урожая, оставаясь женским и детским орудием труда. В музейной коллекции представлены серпы конца XIX – начала XX в. из Европейской части России, изготовленные на заводах П. Виноградова, В.А. Назарова, братьев Первовых. Предметы были привезены на Алтай и переданы потомками переселенцев из Калужской, Вятской губерний (АГКМ, ОФ 13402/1-3, 13410/2, 13413/1). Кроме того, на Алтае бытовало два типа кос – «горбуша», характерная для старожилов (АГКМ, ОФ 14768/6), и «литовка», распространенная повсеместно.

Молотьбу проводили цепями, несмотря на то что переселенцы ввели молотилки с конным приводом. Дороговизна делала их доступными только для зажиточных крестьян. Для провеивания и сортировки зерна длительное время использовали деревянные лопаты и грохоты.

Таким образом, относительно медленное распространение усовершенствованных орудий труда и сохранение старых образцов было связано с рядом объективных и субъективных факторов. Среди них высокая стоимость ввозимого инвентаря и нежелание крестьян уделять внимание качеству обработки почвы, сева и уборки, что вело к экстенсивному методу ведения хозяйства. Коллекция земледельческих орудий труда зафиксировала длительное бытование старых образцов в указанный период как у старожилов, так и у переселенцев.

Список литературы

Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / под ред. П.А. Голубева. – Томск: [Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1890]. – 436 с.

С. М.-й. Распространение сельскохозяйственных машин в Сибири // Алтайский крестьянин. – 1913. – № 6. – С. 6–9.

References

Altai: istoriko-statisticheskii sbornik po voprosam ekonomicheskogo i grazhdanskogo razvitiya Altaiskogo gornogo okruga. Pod red. P.A. Golubeva. Tomsk: [Tipo-Litografiya Mikhailova i Makushina], 1890, 436 p. (in Russ.).

S. M-i. Rasprostranenie sel'skokhozyaistvennykh mashin v Sibiri. In *Altaiskii krest'yanin*, 1913, No. 6, pp. 6–9 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Мамонтова О.С. – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Алтайского государственного краеведческого музея,

e-mail: slon7980@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9231-3164>.

Конструирование идентичности жителей г. Остяко-Вогульска в условиях национальной урбанизации (1930-е годы)

В статье характеризуется процесс выбора новой столицы и присвоение ей имени в период создания Остяко-Вогульского национального округа в начале 1930-х гг. Показано, что наименование окружного центра определялось движением социалистической, городской и этнической идентичностей.

Ключевые слова: *Комитет Севера, Остяко-Вогульск, Остяко-Вогульский национальный округ, городская идентичность, этничность.*

Для цитирования: Стась И.Н. Конструирование идентичности жителей г. Остяко-Вогульска в условиях национальной урбанизации (1930-е годы). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 267–270. DOI 10.17746/0295-7.2019.267-270.

I.N. Stas
Surgut State University,
Surgut, Russia

Construction of the Identity of the Residents of Ostyako-Vogulsk in the Conditions of National Urbanization (in the 1930s)

The article describes the process of choosing a new capital and giving it a name during the creation of the Ostyako-Vogul national district in the early 1930s. It is shown that the name of the district center was determined by the movement of socialist, urban and ethnic identities.

Keywords: *Committee of the North, Ostyako-Vogulsk, Ostyako-Vogul national district, urban identity, ethnicity.*

For citation: Stas I.N. Construction of the identity of the residents of Ostyako-Vogulsk in the conditions of national urbanization (in the 1930s). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 267–270 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.267-270.

В 1930 г. повсеместно на Крайнем Севере стали образовываться национальные районы, которые обеспечивали «ленинскую национальную политику» и «социалистическую реконструкцию» в отношении малых народов. 10 декабря 1930 г. Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета утвердил создание Остяко-Вогульского национального округа с окружным центром в с. Самарово.

Однако Самарово намечалось временной столицей новообразованного округа. На период строительства окружного центра в Самарово расположились административные учреждения, но в то же время было принято решение о строительстве неподалеку от Самарово новой столицы, поскольку село, в силу географических

причин, не могло расширить свои границы, как того требовал статус центра округа [Белобородов, 1996, с. 121].

В 1931 г. началось строительство новой столицы в пригороде Самарово. Первоначально строящийся окружной центр не имел официального названия. Первое время его именовали просто «городом». Затем чаще стали использоваться ойконимы, аккумулирующие этническую и городскую идентификации: «тузгородок», «туземный городок», «туземный город». Кроме того, использовались слова, воссоздающие образы нового общественного и государственного строя: «новый социалистический туземный город», «советский туземный город». Строительство окружного центра тем самым обусловило формирование городской идентичности, а уже в процессе переезда административных окружных учреждений из Самарово в «туземный город» происходил отказ от сельской идентичности в пользу этнической и городской.

В декабре 1931 г. газета «Остяко-Вогульская правда» объявила конкурс на лучшее имя города: «Новостроящийся город – центр национального Остяко-Вогульского округа пока не имеет названия. В газету поступил ряд предложений, как назвать новый город. Газета выносит на обсуждение районных партийных и комсомольских конференций, райсъездов советов и туземных колхозных, батрацко-бедняцких и середняцких единоличных масс этот вопрос и объявляет конкурс на лучшее название города» [Советскому туземному городу..., 1931, с. 2].

Однако предполагалось, что имя будет в первую очередь отражать формирование новой социалистической идентичности: «По мнению редакции, название города должно быть увязано с именами и фамилиями вождей нашей партии или говорить о перестройке отсталого Севера в Север социалистический» [Там же]. Вместе с тем социалистическое название соотносилось с этническими установками, тем самым для малых народов вырабатывался навязанный императив в процессе городской самоидентификации: «Широкая масса трудящихся, особенно туземцев, должна принять участие в конкурсе, горячо обсудить название своего национального города, с тем, чтобы первый Окр. Съезд Советов, руководствуясь этими суждениями, мог утвердить наиболее подходящее из этих названий» [Там же].

Неудивительно, что значительная часть предложенных для конкурса названий имела «социалистическое» содержание. Некий Зброжек выдвигал имена, в которых актуализировались критерии территориальности, северности и новшества. Сотрудники Окроно и Окрздрава, советовали название «Виленвош», что означало – город Владимира Ильича Ленина, как писалось «в честь основоположника национальной политики» [Там же]. Отблеск «ленинской национальной политики» в ойкониме строящейся столицы являлся важнейшим условием отбора. Так, житель Молоков выдвигал название «Национальный Ленинск», обосновывая выбор тем, что «вся перестройка отсталого Севера в культурный Север теснейшим образом связана с правильным проведением в жизнь ленинской национальной политики в туземном Остяко-Вогульском округе. Предлагалось название, которое формировало образ культурного туземца: «Владитехкульт», что должно означать призыв – «туземец, овладей техникой и культурой» [Там же]. Таким образом, этнический фактор, воспроизводящий «ленинскую национальную политику» с ее принципом права на самоопределение народов, становился ключевым в выборе наименования столицы.

Впервые принятое будущее название окружного центра «Остяко-Вогульск» было зафиксировано в газете «Остяко-Вогульская правда» 14 декабря 1931 г. Название пред-

лагали некие Глазкова и Селиванов: «По нашему мнению, новый туземный город нужно назвать Ханты-Манчи Вош – Остяко-Вогульск» [Там же]. Это название очерчивало этническую составляющую нового города. Товарищ Спасенников также выдвигал названия «в честь национальных меньшинств – хозяев города»: «Нацмен» и «Ханты Манчи Вош (Остяко-Вогульск)». Причем редакция газеты выступила резко против первого варианта: «С мнением т. Спасенникова о наименовании нового туземного города «Нацмен» редакция не согласна, т.к. остяки и вогулы в нашем округе являются не нацменами, а коренным населением» [Как назвать туземный город, 1932, с. 4].

В январе 1932 г. в газете публиковался стих т. Ряма «Так его и назовем», о том как «туземный, северный, царями угнетенный люд в рядах с рабочим классом» взялся строить город и «свою культуру»:

«Вековой урман теперь уже покорен,
С каждым днем Остяко-Вогульск растет на нем,
Пускай скорей туземный город будет строен,
Давайте дружно, так его и назовем!» [Рям, 1932, с. 4].

В итоге отсылки к малым народам Крайнего Севера, вероятно, выступили первостепенным критерием при определении нового имени городу, которое создавало своего рода тождество и гармонию между коренным населением и «ленинской национальной политикой».

Новое имя было принято на I Съезде советов Остяко-Вогульского национального округа в марте 1932 г. Докладывал о наименовании «вновь строящегося города» т. Артамонов из окружкома ВКП(б). В результате съезд постановил: «строящийся город, где будет помещен окружной центр национального Остяко-Вогульского округа, – назвать «Остяко-Вогульск» [Материалы..., 1932, с. 32].

Примерно тогда же весной 1932 г. столица окончательно переносилась из Самарово в Остяко-Вогульск. С процессом переноса административных учреждений осуществлялось отдаление городской идентичности от ассоциации с самаровским селом. Новая столица в первые годы упоминалась как город, хотя такого официального статуса она не имела. Но жители и власти воспринимали ее только в качестве города, противопоставляя его «сельскости» соседнего Самарово.

Таким образом, конструирование городской идентичности в новом окружном центре сочетало мобилизацию этничности малых народов, вектор «ленинской национальной политики» и отрицание пасторали в новой городской истории Остяко-Вогульска.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-860003 «Строительство окружной столицы г. Ханты-Мансийск: конструирование этничности и национальная урбанизация (1930-е – начало 1990-х гг.)».

Список литературы

Белобородов А.С. Столица Северного края. Очерки истории Самарова – Остяко-Вогульска – Ханты-Мансийска. – М.: УНИСЕРВ, 1996. – 158 с.

Как назвать туземный город // Остяко-Вогульская правда. – 7 января 1932 г. – № 2 (44). – С. 4.

Материалы I-го национального Остяко-Вогульского окружного Съезда советов. 25 февраля – 3 марта 1932 г. – г. Остяко-Вогульск: Изд-во Остяко-Вогульского окрисполкома, 1932. – 34 с.

Рям. Так его и назовем // Остяко-Вогульская правда. – 7 января 1932 г. – № 2 (44). – С. 4.

Советскому туземному городу – советское туземное название // Остяко-Вогульская правда. – 14 декабря 1931 г. – № 36. – С. 2.

References

Beloborodov A.S. Stolitsa Severnogo kraja. Oчерki istorii Samarova – Ostyako-Vogulska – Nanty-Mansiyska. Moscow: UNISERV, 1996, 158 p. (in Russ.).

Как назvat' tuzemnyi gorod. In *Ostyako-Vogulskaya Pravda*, 1932, No. 2 (44), p. 4 (in Russ.).

Materialyi I-go natsionalnogo Ostyako-Vogulskogo okruzhnogo S'ezda sovetov. 25 fevralya – 3 marta 1932 g. Ostyako-Vogulsk: Ostyako-Vogulsk okrispolkom Press, 1932, 34 p. (in Russ.).

Рyam. Так его i nazovem. In *Ostyako-Vogulskaya Pravda*, 1932, No. 2 (44), p. 4 (in Russ.).

Sovetskому tuzemnomu gorodu – sovetskoe tuzemnoe nazvanie. In *Ostyako-Vogulskaya Pravda*, 1931, No. 36, p. 2 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Стась И.Н. – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии Сургутского государственного университета,

e-mail: igor.stas@mail.ru.

Особенности территориальной идентичности жителей малых городов Западной Сибири в дореволюционный период

В статье рассматриваются особенности территориальной идентичности жителей малых городов Западной Сибири в дореволюционный период, которые являлись самым распространенным типом городских поселений в регионе и стране в целом. Территориальная идентичность складывалась, с одной стороны, под влиянием общих факторов, способствовавших формированию сибирской общности, а с другой стороны, имела свои особенности, обусловленные локализмом физического пространства и преобладанием социальных связей личного типа.

Ключевые слова: *территориальная идентичность, малые города, ментальность, восприятие пространства, социальные связи личного типа, отношение к «чужим».*

Для цитирования: Тяпкина О.А. Особенности территориальной идентичности жителей малых городов Западной Сибири в дореволюционный период. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 271–274. DOI 10.17746/0295-7.2019.271-274.

О.А. Tyapkina
*Altai State University,
Barnaul, Russia*

Peculiarities of Territorial Identity of Small Towns' Citizens in Western Siberia in the Prerevolutionary Period

The article deals with the peculiarities of territorial identity of small towns' citizens in Western Siberia in the prerevolutionary period which were the prevalent type of urban settlements in the region and the country as a whole. The author came to the conclusion that it was formed under the influence of general factors that contributed to the formation of the Siberian community, as well as had its own characteristics due to the localization of physical space and the prevalence of personal social connections.

Keywords: *territorial identity, small towns, mentality, perception of space, social connections of personal type, attitude to strangers.*

For citation: Tyapkina O.A. Peculiarities of territorial identity of small towns' citizens in Western Siberia in the prerevolutionary period. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 271–274 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.271-274.

В 1990-е гг. с началом процессов регионализации в России усилилась потребность людей в осознании своей причастности к той или иной территории, поиске особых черт характера, поведения, образа жизни, отличающих их от населения других российских регионов. Особый интерес представляет изучение территориальной

идентичности сибирского субэтноса, специфика которой определяется историей освоения региона, географическими и природно-климатическими факторами, этническим и конфессиональным составом населения, удаленностью от центра и рядом других факторов.

По мнению Б.Б. Родомана, территориальная идентичность имеет многоуровневую структуру и тесно связана с картиной мира, которая складывается под влиянием многих факторов, в т.ч. и географической среды [Герасименко, Родоман, 2017, с. 128]. В нашей работе в качестве объекта выступает территориальная идентичность жителей малых городов Западной Сибири, которые были и до сих пор остаются самым распространенным типом городских поселений в регионе и стране в целом.

Выделение жителей малых городов в качестве субъекта идентичности является исследовательской гипотезой, которая заключается в попытке показать, несмотря на неоднородность социальной структуры городского населения, факт проживания людей на одной территории накладывал отпечаток на стереотипы восприятия и мышления.

Еще в начале XX в. немецкий социолог Г. Зиммель выделил несколько особенностей в «портрете» жителя малого города: медленный, привычный и равномерный ритм душевной и умственной жизни; личное знакомство жителей друг с другом; замкнутость жизни малого города, ограниченность ее самой собой и др. [1905]. Современные социологи также указывают на зависимость между числом городских жителей и их образом жизни, полагая, что в городах с населением свыше 20–30 тыс. жителей создаются возможности для перехода от связей общины к связям общества.

Поскольку территориальная идентичность является одной из устойчивых ментальных характеристик, ее изучение тесно связано с рассмотрением таких ментальных установок, как представление о пространстве; отношение к «чужим» и рядом других.

Формирование ментального образа пространства у жителей малых городов, в первую очередь, обуславливалось географическим положением городских поселений и отдаленностью их друг от друга и от центра страны. Одни жители малых городов за всю свою жизнь не покидали пределы родного города. Ментально освоенное пространство других включало в себя близлежащие селения и соседние города, что во многом диктовалось хозяйственной деятельностью человека.

В то же время физическое и ментальное освоение нового пространства зачастую порождало негативное отношение у жителей малых городов к своим родным «пенатам». С.П. Швецов на примере г. Сургута довольно точно подметил эту особенность: «Те из них, кому удалось побывать в иных более привлекательных местах, например, в Тобольске или Тюмени (не говорим уже о Томске, который представлялся сургутянам чем-то сказочным по своему богатству и великолепию), — смотрят на Сургут и все сургутское с нескрываемым презрением, даже с враждой; их уже не удовлетворяет все местное, кажется диким, смешным...» [Тяпкина, 2005, с. 124]. Нередко были случаи, когда человек, уезжая на заработки в другие места, уже никогда не возвращался в родной город. Таким образом, восприятие пространства имело тесную связь с отношением горожан к своей малой родине.

Что касается ментальной оппозиции «свои — чужие», то ее формированию способствовал как постоянный приток ссыльных на протяжении второй половины

XIX в., так и растущее число добровольных переселенцев. Уже в 1860-е гг. местные общества ходатайствовали о приостановлении и даже прекращении водворения ссыльных в малые города. Отношение к ссыльным было неоднозначным: с одной стороны, им сочувствовали и помогали, нанимали на работу, но если они начинали грабить и убивать, тогда им оказывали достойный отпор. Некоторые ссыльные оставались жить на новом месте, что способствовало их постепенному превращению из «чужих» в «свои».

С.Я. Елпатьевский писал, что «многие жители России помнили еще свои родные места, знали, что там остались их родственники, дядья, тетки, но когда я спрашивал: «Неужели их никогда не тянет в свою Владимирскую губернию – посмотреть родное село?», они равнодушно отвечали: «А чего мы там забыли? Чего смотреть?» – и всегда оканчивали фразой, которую часто приходилось слышать от сибиряков: «Сибирь-то у вас, а не у нас» [Елпатьевский, 1991, с. 56]. Все это являлось свидетельством процесса «осибиричавания», когда группы людей, принадлежащих к уже сформировавшемуся этносу, и дисперсно расселенные этносы, оказавшись в тесном контакте с другим народом и особенно в его среде, воспринимали язык и культуру этого народа и постепенно, обычно в последующих поколениях, причисляли себя к этому народу. В Сибири данный процесс имел свои особенности, т.к. ассимиляции подвергались не только коренные народы Сибири, но и сами русские, жившие в тесном контакте с ними.

Таким образом, территориальная идентичность жителей малых городов Западной Сибири в дореволюционный период складывалась, с одной стороны, под воздействием общих факторов, способствовавших формированию сибирской общности, а с другой стороны, имела свои особенности, обусловленные локализмом физического пространства и преобладанием социальных связей личного типа.

Список литературы

Герасименко Т.И., Родоман Б.Б. Территориальная идентичность как фактор и результат геополитических предпочтений России // Геополитические процессы в современном евразийском пространстве: сб. ст. – Баян-Лука, 2017. – С. 127–140.

Елпатьевский С.Я. В Сибири (Из воспоминаний) // «Былое»: неизданные номера журнала. – Л., 1991. – Кн. 1. – С. 41–61.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. – СПб., 1905. – С. 117–136.

Тяпкина О.А. Темпорально-пространственные аспекты ментальности жителей малых городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в.: сб. науч. тр. – Барнаул: Аз Бука, 2005. – С. 117–127.

References

Elpat'evskii S.Ya. V Sibiri (Iz vospominanij). In “Byloe”: *neizdannye nomera zhurnala*. Leningrad, 1991, book 1, pp. 41–61 (in Russ.).

Gerasimenko T.I., Rodoman B.B. Territorial'naya identichnost' kak faktor i rezul'tat geopoliticheskikh predpochtenij Rossii. In *Geopoliticheskie protsessy v sovremennom evrazijskom prostranstve*: sbornik statei. Banya-Luka, 2017, pp. 127–140 (in Russ.).

Тяпкина О.А. Temporal'no-prostranstvennyye aspekty mental'nosti zhitelei malykh gorodov Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. In *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVII – nachala XX v.: sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul: Az Buka, 2005, pp. 117–127 (in Russ.).

Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'. In *Bol'shie goroda, ikh obshhestvennoe, politicheskoe i ekonomicheskoe znachenie*. St. Petersburg, 1905, pp. 117–136 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Тяпкина О.А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры рекреационной географии, туризма и регионального маркетинга Алтайского государственного университета, e-mail: olgaat@rambler.ru.

DOI: 10.17746/0295-7.2019.275-278
УДК 712.25:630*27(571.14)

Л.Н. Чиндяева, В.М. Доронькин, Е.А. Королук
*Центральный сибирский ботанический сад,
г. Новосибирск, Россия*

Система озеленения как основа территориальной идентичности новосибирского Академгородка

Новосибирский Академгородок, основанный в естественном лесном массиве, в результате рекреационной нагрузки преобразованный для современного проживания, обладает своеобразными ландшафтными особенностями. При участии Центрального сибирского ботанического сада СО РАН здесь была сформирована уникальная система озеленения, ставшая основой территориальной идентичности Академгородка благодаря выразительным ландшафтным элементам и растительным композициям.

Ключевые слова: *система озеленения, новосибирский Академгородок ННЦ, ландшафтные композиции, рекреационная нагрузка, территориальная идентичность.*

Для цитирования: Чиндяева Л.Н., Доронькин В.М., Королук Е.А. Система озеленения как основа территориальной идентичности новосибирского Академгородка. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 275–278. DOI 10.17746/0295-7.2019.275-278.

L.N. Chindyaeva, V.M. Doronkin, E.A. Korolyuk
*Central Siberian Botanical Garden,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

System of Greening as a Basis of Territorial Identity of the Novosibirsk Akademgorodok

Novosibirsk Akademgorodok, founded in a natural forest area, as a result of recreational load transformed for modern living has a unique landscape features. With the participation of the Central Siberian Botanical garden of SB RAS, a unique system of landscaping was formed here, which became the basis of the territorial identity of Akademgorodok thanks to the expressive landscape elements and plant compositions.

Keywords: *system of greening, Novosibirsk Akademgorodok, Novosibirsk scientific center, landscape composition, recreational activity, territorial identity.*

For citation: Chindyaeva L.N., Doronkin V.M., Korolyuk E.A. System of greening as a basis of territorial identity of the Novosibirsk Akademgorodok. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 275–278 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.275-278.

Новосибирскому Академгородку почти 60 лет. Уже второе поколение жителей выросло в среде зеленого города, и территориальная идентичность места для этих людей не пустые слова. Помимо собственно научного вклада в сущность городка,

озеленение также несет в себе признаки места. Особенно это чувствуется с высоты лет, когда деревья стали большими и задумки авторов ландшафтных проектов в полной мере придают неповторимую атмосферу «нашему Городку».

Академгородок формировался в благоприятном природном окружении. Близость Обского моря и естественные лесные массивы способствовали созданию полноценной жизненной среды, обеспечению лучших условий проживания, труда и отдыха. При строительстве городка живописные приобские леса рассматривались как один из главных компонентов, определяющих облик молодого города науки. Организация селитебной территории Новосибирского научного центра (ННЦ СО РАН) основывалась на микрорайонном принципе застройки, который обеспечил комплексность в удовлетворении культурно-бытовых потребностей жителей, а также возможность применения различных планировочных решений и сохранения компонентов природной среды. Система озеленения ННЦ формировалась как органичная градостроительная инфраструктура на основе действующих нормативов по обеспечению жителей озелененными территориями, включая требуемую номенклатуру ландшафтных объектов и их пространственное распределение. В течение нескольких лет с начала 1960-х гг. в Академгородке была создана сеть парков, садов, скверов, бульваров, насаждений улиц и проспектов, жилых дворов, детских и учебных заведений, исследовательских институтов. В 1966 г. силами сотрудников Лесозащитной опытной станции проведена первая инвентаризация зеленых насаждений ННЦ, материалы которой хранятся в архиве «Ботанического музея Сибири Ц Центрального сибирского ботанического сада СО РАН» (ВФ № 11-14). Позже была разработана «Генеральная схема лесопаркового устройства и озеленения Научного городка» [1967], хранящаяся в фондах музея. Большой вклад в развитие озеленения ННЦ внесли сотрудники Центрального сибирского ботанического сада, внедряя прогрессивные технологические разработки, агротехнические и композиционные приемы, широкий ассортимент декоративных растений.

Можно говорить об уникальности системы озеленения Академгородка, которая обусловлена его местоположением в живописном природном ландшафте, адресными мероприятиями по сохранению лесов, пространственной непрерывностью озелененных и лесных территорий, индивидуальными композиционно-планировочными решениями по организации ландшафтных объектов, подбором декоративных видов, форм и сортов растений. При формировании объектов ландшафтной архитектуры в ННЦ были использованы композиционные приемы пейзажного стиливого направления, способствующие гармоничному соединению урбанизированных и природных компонентов [Чиндяева, Гончар, 2008]. Художественно организованная ландшафтная среда определила характерную для Академгородка идентичность, возможность ориентации человека в своем окружении, отождествления с ним, появления чувства привязанности.

Природные компоненты составили визуальный код городского пространства. Использование характерных растительных форм, включая экзотические виды древесных растений, обеспечило своеобразие каждого фрагмента территории, послужило средством преодоления монотонности типовой застройки, способом формирования узнаваемых жилых и общественных пространств. Население Академгородка всегда отличалось высокой культурой отношения к природе. Професси-

онально выполненные объекты озеленения, художественно обогащенные естественные насаждения развивали эстетический вкус, умение оценить красоту пейзажа. Была сформирована система выразительных растительных элементов и композиций, наполняющих городскую среду и являющихся своеобразными символами, характерными именно для нашего Академгородка. Жилые микрорайоны здесь отделены от основных артерий – улиц березовыми аллеями, местами отороченными живыми изгородями из яблони и боярышника. Переход к каждому научному институту индивидуален, часто оформлен могучими елями и лиственницами, живописными рябинами. Удивительны «букетные» посадки лиственницы сибирской на ул. Жемчужной, «розовые облака» яблони Сиверса на ул. Золото долинской и «белые облака» яблонь во дворе на ул. Иванова, которые ежегодно привлекают сотни новосибирцев на весенние фотосессии. Уникальны пейзажные группы – черемуха Маака у Дома ученых и на ул. Ильича, рощицы ореха маньчжурского и рябины сибирской в жилых микрорайонах, группы, в которых главными элементами являются величественные вековые сосны, сохраненные в парках и скверах, или монументальные группы посаженных елей сибирской, европейской, колючей. Опыту озеленения ННЦ как примеру определенной территориальной идентичности [Таран, Агапова, 1981, 1987; Чиндяева, Гончар, 2008] и вопросам влияния рекреационной нагрузки на леса ННЦ и города Новосибирска были посвящены многолетние исследования сотрудников ЦСБС [Таран, Спиридонов, Беликова, 2004; Природа..., 2007].

Кропотливая работа по созданию уникальной ландшафтной системы Академгородка, проведенная в середине прошлого века, на многие десятилетия обеспечила благоприятную жизненную среду в сибирском городе науки и до сих пор вдохновляет подрастающие поколения жителей сохранять и продолжать традиции удивительного паркового искусства при постоянно возрастающей рекреационной нагрузке и появлении новых селитебных территорий в городке.

Список литературы

Генеральная схема лесопаркового устройства и озеленения Научного городка СО АН СССР. – Академгородок, 1967. – 146 с. (рукопись).

Природа Академгородка: 50 лет спустя / отв. ред. И.Ф. Жимулев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 250 с.

Таран И.В., Агапова А.М. Пейзажные группы для рекреационного строительства. – Новосибирск: Наука, 1981. – 241 с.

Таран И.В., Агапова А.М. Зеленое строительство в малых городах. – Новосибирск: Наука, 1987. – 200 с.

Таран И.В., Спиридонов В.Н., Беликова Н.Д. Леса города. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 196 с.

Чиндяева Л.Н., Гончар А.А. Ландшафтное искусство Сибири. Пейзажи и пейзажные композиции новосибирского Академгородка. – Новосибирск: Арта, 2008. – 256 с.

References

Chindyayeva L.N., Gonchar A.A. Landshaftnoe iskusstvo Sibiri. Peizazhi i peizazhnye kompozitsii novosibirskogo Akademgorodka. Novosibirsk: Arta, 2008, 256 p. (in Russ.).

General'naya skhema lesoparkovogo ustroistva i ozeleneniya Nauchnogo gorodka SB AS SSSR. Akademgorodok, 1967, 146 p. (rukopis') (in Russ.).

Priroda Akademgorodka: 50 let spustya. Otv. red. I.F. Zhimulev. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2007, 250 p. (in Russ.).

Taran I.V., Agapova A.M. Peizazhnye gruppy dlya rekreatsionnogo stroitel'stva. Novosibirsk: Nauka, 1981, 241 p. (in Russ.).

Taran I.V., Agapova A.M. Zelenoe stroitel'stvo v malykh gorodakh. Novosibirsk: Nauka, 1987, 200 p. (in Russ.).

Taran I.V., Spiridonov V.N., Belikova N.D. Lesa goroda. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2004, 196 p. (in Russ.).

Сведения об авторах:

Чиндяева Л.Н. – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центрального сибирского ботанического сада РАН,

e-mail: lnich@yandex.ru;

Доронькин В.Н. – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Центрального сибирского ботанического сада РАН,

e-mail: norbo@ngs.ru,

http://orcid.org/0000-0001-6344-7588;

Королюк Е.А. – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центрального сибирского ботанического сада РАН,

e-mail: L_Koroljuk@ngs.ru,

http://orcid.org/0000-00002-3763-0466.

Объекты нематериального культурного наследия Хакасии как фактор этнокультурной идентичности

Работа посвящена исследованию в области нематериального культурного наследия народов Южной Сибири, определению объектов как ценностного феномена этнической культуры. Рассмотрен опыт включения таких объектов в юридическую сферу государственных законодательных актов.

Ключевые слова: *этнокультурная идентичность, народы Южной Сибири, объекты нематериального культурного наследия, возрождение традиций.*

Для цитирования: Киштеева О.В. Объекты нематериального культурного наследия Хакасии как фактор этнокультурной идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 279–282. DOI 10.17746/0295-7.2019.279-282.

O.V. Kishteeva
*Katanov Khakass State University,
Abakan, Russia*

Objects of the Intangible Cultural Heritage of Khakassia as a Factor of Ethnocultural Identity

The thesis is devoted to research in the field of intangible cultural heritage of the peoples of Southern Siberia, the definition of objects as a value phenomenon of ethnic culture, the experience of including such objects in the legal sphere of state legislation acts.

Keywords: *ethnocultural identity, peoples of Southern Siberia, objects of intangible cultural heritage, revival of traditions.*

For citation: Kishteeva O.V. Objects of the intangible cultural heritage of Khakassia as a factor of ethnocultural identity. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 279–282 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.279-282.

В настоящее время с развитием цивилизационных процессов мультикультурализм российского общества рассматривается как несомненное преимущество в сфере социального и образовательного развития государства. Этническая самоидентификация на основе общего территориального, языкового, генетического и культурного единства является одним из вариантов идентичности современного человека. Понятие «идентичность» имеет несколько уровней от индивидуальной до групповой, которая определяется уже при рождении и связывает человека с его семьей, этносом, расовой группой, она остается постоянной на протяжении всей жизни. Этническая культура имеет для человека базовую ценность, сквозь призму которой рассматриваются другие явления и процессы окружающего со-

временного мира. На международном уровне важность культурного многообразия декларируется в соответствующих документах ЮНЕСКО «Всеобщая декларация о культурном разнообразии» (2001 г.), «Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия» (17 октября 2003 г., Париж). В конвенции вводится понятие «репрезентативный список объектов нематериального культурного наследия человечества», который разрабатывается соответствующим комитетом и представляется на утверждение Генеральной ассамблеи. Таким объектам может быть оказана международная помощь (финансовая, научная, техническая) в сохранении и охране, при этом заявка на получение помощи может быть оформлена одним или несколькими государствами, на территории которых находится объект.

Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 17.12.2008 г. № 267 была утверждена «Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 гг.», в частности был разработан пилотный вариант электронного каталога объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. Данный электронный каталог является официально действующим, на сайте размещены как сами объекты, так и методические материалы по составлению их паспортов. Объекты объединены по рубрикам: устное народное творчество, исполнительские искусства, празднично-обрядовая культура, игровая культура, техники и технологии. В разработке паспортов учитывался опыт Реестра объектов нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

В Южной Сибири пионером (в юридическом смысле) в отношении нематериального культурного наследия стала Республика Алтай, в которой Закон № 120-РЗ «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» приняли 5 декабря 2008 г. (с изменениями в 2016 г.), а 16 марта 2009 г. было принято Постановление № 50 «Об утверждении порядка формирования государственного реестра и проведения экспертизы объектов нематериального культурного наследия Республики Алтай» [Закон Республики Алтай...].

В Республике Тыва Закон «Об охране нематериального культурного наследия Республики Тыва» № 1770-ВХ-1 был принят 17 января 2013 г. [Закон Республики Тыва...]. Основные положения в законе взяты из Конвенции ЮНЕСКО, приведены определения «Каталога нематериального культурного наследия республики Тыва», при этом решение о включении объекта в Каталог принимается Правительством Республики Тыва по представлению Министерства культуры.

В Республике Хакасия работа в этой области началась в 2016 г. с принятия Закона Республики Хакасия от 12.05.2016 № 31-ЗРХ «О нематериальном культурном наследии в Республике Хакасия» [Закон Республики Хакасия...]. Министерством культуры Республики Хакасия утверждены список объектов нематериального культурного наследия, «Положение о каталоге объектов нематериального культурного наследия Республики Хакасия», перечень организаций, уполномоченных осуществлять формирование и заполнение анкеты-паспорта на объект нематериального культурного наследия. В течение 2017 г. велась экспертная работа по составлению анкеты-паспорта на первый объект «Женское нагрудное свадебное украшение «погó». В апреле 2018 г. анкета-паспорт прошла экспертизу и была утверждена, в настоящее время электронный формат паспорта выставлен на официальном сайте Министерства

культуры Республики Хакасия. В ходе работы экспертный совет опирается на научность, достоверность фактов, анкета носит междисциплинарный характер и требует участия экспертов различных гуманитарных направлений (историков, культурологов, лингвистов, искусствоведов). В апреле 2018 г. был утвержден список объектов нематериального культурного наследия Республики Хакасия, перспективный план по составлению паспортов и определены организации, которые отвечают за составление документации. В перспективный план по формированию каталога включены: хакасский героический эпос «*Алыптыг нымах*» (2020 г.), *тахпах* – жанр хакасского песенного фольклора (2018 г.), хакасская традиционная вышивка (2018 г.), технология изготовления музыкального инструмента – *чатхан* (2020 г.), технология изготовления *талғана* (2020 г.), технология изготовления хакасской деревянной юрты *Ағас иб* (2019 г.) и др. Таким образом, в республике начата работа по фиксации, определению объектов нематериального культурного наследия. Необходимо отметить, что некоторые из фиксированных объектов находятся под угрозой исчезновения, паспорт позволит выявить, своевременно зафиксировать данные объекты и разработать меры по их возрождению.

Южная Сибирь богата своими культурными артефактами, которые необходимо зафиксировать. Одновременно с созданием реестров и каталогов на уровне регионов и республик может быть проведена масштабная аналитическая работа по оценке историко-культурных процессов в современной России и глобальном пространстве. Работа по фиксации объектов нематериального культурного наследия может распространить позитивный опыт и методiku работы с разными видами культурных объектов с целью их сохранения и развития, в т. ч. с применением инновационных информационных технологий, что позволит расширить преемственность культурных традиций и развитие творческого потенциала человека.

Список литературы

Закон Республики Алтай «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» от 5 декабря 2008 г. № 120-ПЗ: [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/819079142> (дата обращения: 02.10.2018).

Закон Республики Тыва «Об охране нематериального культурного наследия Республики Тыва» от 17 января 2013 г. № 1770 ВХ-1: [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/453363273> (дата обращения: 02.10.2018).

Закон Республики Хакасия «О нематериальном культурном наследии в Республике Хакасия» от 12 мая 2016 г. №31-2РХ: [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/432991911> (дата обращения: 02.10.2018).

References

Zakon Respubliki Altai “O regulirovanii otnoshenii v oblasti razvitiya nematerial’nogo kul’turnogo naslediya Respubliki Altai” ot 5 dekabrya 2008 goda No. 120-RZ: [Elektronnyi resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819079142> (accessed: 02.10.2018) (in Russ.).

Zakon Respubliki Khakasiya “O nematerial’nom kul’turnom nasledii v Respublike Khakasiya” ot 12 maya 2016 goda No. 31-2RKh: [Elektronnyi resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/432991911> (accessed: 02.10.2018) (in Russ.).

Закон Respubliki Tyva “Ob okhrane nematerial’nogo kul’turnogo naslediya Respubliki Tyva” ot 17 yanvarya 2013 goda No. 1770 VKh-I: [Elektronnyi resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/453363273> (accessed: 02.10.2018) (in Russ.).

Сведения об авторе:

Киштеева О.В. – кандидат культурологии, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,

e-mail: okishteeva@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-6570-9668>.

Круговые танцы как фактор интеграции и консолидации в межэтническом диалоге

Круговые танцы являются точкой соприкосновения мультикультурального мира и одновременно фактором идентификации между народами. Факт существования исполняемых в честь Солнца круговых танцев в культуре тюркских народов представлен в перечисленных примерах. Объединение разных народов посредством таких танцев в едином кругу дает возможность достичь установления мира и безопасности во всем мире.

Ключевые слова: *круговые танцы, ритуал, церемония, этнос, поклонение солнцу, культ огня, диалог, интеграция, консолидация, идентификация*

Для цитирования: Набиева Ф.Р. Круговые танцы как фактор интеграции и консолидации в межэтническом диалоге. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 283–285. DOI 10.17746/0295-7.2019.283-285.

F.R. Nabyeva
Azerbaijan National Conservatory,
Baku, Azerbaijan

Circular Dances as a Factor of Integration and Consolidation in Interethnic Dialogue

In article the attention of the reader is directed to functions of circular dances as to a source of integration and consolidation in interethnic dialogue. The relevance of such dances which are a common ground of the multicultural world is brought into account them as identification factor among nations. The fact of existence of the circular dances executed in honor of the Sun in the culture of the Turkic people is presented in the listed examples. In conclusion, it is assumed that in an effort to unite different nations in a uniform circle through such dances, it will again become possible to achieve the establishment of peace and safety throughout the world.

Keywords: *circular dances, ritual, ceremony, ethnos, worship of the sun, fire cult, dialogue, integration, consolidation, identification.*

For citation: Nabyeva F.R. Circular dances as a factor of integration and consolidation in interethnic dialogue. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 283–285 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.283-285.

Традиция кругового танца столь же древняя, как и богата. Это богатство есть проявление общего знаменателя между контрастными культурами Востока и Запада. Сравнительное изучение круговых танцев создает огромные возможности для тщательного изучения первоначальных культурных связей между нациями. И по сей день существуют общие традиции и отношения между народами, независимо от их языка и религии, а также проживания в разных географических регионах.

Исполняемые совместно женщинами и мужчинами вне зависимости от возраста круговые танцы имеют глубокие корни в качестве идентификационного фактора между народами в их музыкальном фольклоре. В зависимости от темперамента каждого народа такие танцы отличаются национальной спецификой, собственными вариациями.

Говоря о происходящем межкультурном диалоге народов мира и универсальности круговых танцев, следует отметить факторы взаимного влияния. Проявляющееся сходство в хореографии круговых танцев, количестве частей, ритмах, аккомпанементе, музыкальном языке и структуре, очевидно, явилось результатом этого взаимного влияния. В музыкальном фольклоре соседних, с географической точки зрения, народов встречаются круговые танцы с похожими названиями. На наш взгляд, это связано с процессами интеграции и ассимиляции в диалоге между народами. К примеру, танец «Коло» исполняется в Словении, Хорватии, Богемии, Сербии и Югославии. «Хора» известен как танец болгар, молдаван, евреев, а и массовый танец румын (“*Hora*”). «Оро» является одним из известных танцев, исполняемых в Македонии, Черногории и Албании. «Хоровод» же считается круговым танцем русских, беларусов.

В культуре народов мира можно встретить круговые танцы, исполняемые по часовой стрелке или против нее. Сходства таких танцев проявляют себя в их темпах, аккомпанементе с пением или рукоплесканиями и пр. Танец венгров под названием «Кариказо» исполняется как пением, так и рукоплесканием, «Хоровод» русских только пением, «Спрсенгисанди» исландов, «Хора» болгар и евреев, «Коло» словенцев, «Оро» цыган, танцы, называемые азербайджанцами «Яллы», тюрками Турции «Халай», исполняются под аккомпанемент с пением и музыкальными инструментами. «Халай» как отдельный жанр широко распространен в южном регионе Азербайджана – в Масаллы, Ленкорани, Астаре, Лерике. Между исполняемыми в Турции песенными танцами «Халай» и танцевальными песнями «Халай» в Азербайджане наблюдаются различия. Обладая одинаковым названием, они исполняются массово и составляют различные жанры фольклора.

Хорошо известно, что поклонение Солнцу и огню во все времена являлось знаменателем общих моральных ценностей, объединявших разные народы. При исследовании нами было обнаружено, что круговые танцы азербайджанцев «Яллы», «Осуохай», «Ункуу» якутов (в целом это слово означает круговой танец. *Унк* – ‘поклонение’, *кун* – ‘Солнце’), «Хеиро» долган связаны с культом Солнца. Отметим и то, что славянские народы при исполнении танцев «Коло» и «Хора» вращаются по кругу справа налево. Тем самым они образуют солнечный круг.

На современном этапе мы наблюдаем исполнение круговых танцев под открытым небом или в закрытых помещениях. Как сообщается в источниках, в ранний исторический период вращающиеся вокруг огня участники ритуала считали огонь, являющийся источником тепла и жизни, символом солнца на земле [Фархадова, 2001, с. 159]. Можем предположить, что древними людьми, поклоняющимися Гёк Танры – Солнцу, устраивались ритуалы и церемонии в честь него. Верящие в святость огня участники ритуала оберегали его. Сведения, полученные нами из наскальных изображений, обнаруженных как в Азербайджане, так и в других уголках мира, связанность солнечных храмов круглой формы и круговых танцев с культом Солнца позволяют сделать нам такой вывод.

Ранние формы современных круговых танцев на ритуальной и церемониальной фазе можно рассматривать как проявление поклонения древних людей Богу на раннем историческом этапе. По нашему мнению, перечисленные нами предположения являются ключевыми факторами, обусловившими выживание людей, продолжение человеческих поколений и существование универсальной культуры за всю историю. Следствием чего, по сути, явилось то, что и сейчас независимо от возраста, социального статуса, пола, люди разного темперамента танцуют, объединившись в единый круг в массовом порядке. Мы наблюдали это в 2012 г. в Якутии, когда в исполнении танца тюрков Саха «Осуохай» приняло участие 15293 человека. Державшиеся рука об руку участники, образовав 36 ритуальных кругов и вращаясь в направлении движения Солнца, повторяли песнопения [Романова, 2014, с. 253]. Данный факт позволяет предположить, что в ходе нынешнего процесса глобализации круговые танцы могут создать порядок в обществе, выполнить консолидирующую функцию между этническими группами. Считаем, что в настоящее время, когда происходят противоречивые процессы, мы сможем снова достичь установления мира и спокойствия во всем мире, стремясь объединить разные народы в единый круг. Тем самым мы, как и наши предки, не нарушая гармонии мира, сможем восстановить и сохранить равновесие между природой и человеком, между человеком и человеком.

На наш взгляд, изучение этой проблемы не только в области этнохореологии, но и в междисциплинарных направлениях может оказаться весьма перспективным для развития науки.

Список литературы

- Романова Е.Н.** Наследие степных кочевников: круговой танец осуохай как компонент этнокультурного брендинга РС (Я) (между югом и севером) // Круговой танец: Природа – Человек – Космос: коллект. моногр. / отв. ред. А.Г. Лукина. – Якутск: Офсет, 2014. – С. 251–253.
- Фархадова С.М.** Муга-манодия как тип мышления. – Баку: Элм, 2001. – 365 с.

References

- Farkhadova S.M.** Muga-manodiya kak tip myshleniya. Baku: Elm, 2001, 365 p. (in Russ.).
- Romanova E.N.** Nasledie stepnykh kochevnikov: krugovoi tanets osuokhai kak component etnokul'turnogo brendinga RS (Ya) (mezhd u yugom i severom). In *Krugovoi tanets: Priroda – Chelovek – Kosmos: kollektivnaya monografiya*. Otv. red. A.G. Lukina. Yakutsk: Ofset, 2014, pp. 251–253 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Набиева Ф.Р. – доктор философии (искусствоведение), научный сотрудник лаборатории «Усовершенствование национальных музыкальных инструментов» Азербайджанской национальной консерватории,
e-mail: nebiyeva.fazile@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0359-23>.

Современный якутский круговой танец осуохай как маркер национальной идентичности в условиях культурной глобализации

Современный круговой танец осуохай, являясь, наряду с праздником ысыах, ядром духовной культуры народа саха (якутов), первым попал под процесс трансформации традиционной культуры. Осуохай в городской среде, в условиях усиления культурной глобализации, урбанизационных процессов, начинает приобретать другие формы и значения. В трансформации кругового танца осуохай можно увидеть процесс развития государственности в Республике Саха (Якутия), и в какой-то мере он может отразить социокультурные процессы, существующие в современной России. Городской осуохай становится основным предметом для формирования новой публичной памяти, опорой для развития общенациональной идентичности.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, народы Сибири, якуты, трансформация традиционной культуры, ренессанс традиционализма, культурная глобализация.

Для цитирования: Яковлев А.И. Современный якутский круговой танец осуохай как маркер национальной идентичности в условиях культурной глобализации. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 286–289. DOI 10.17746/0295-7.2019.286-289.

A.I. Yakovlev
*M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia*

The Modern Yakut Round Dance Osuokhay as a Marker of National Identity in Conditions of Cultural Globalization

The research deals with the modern circle dance Osuokhay. Osuokhay as along with the festival of Esekhe, the core of the spiritual culture of the Sakha people (Yakuts), the first yields under the process of transformation of traditional culture. Osuokhay in the urban environment in the context of increasing cultural globalization, urban processes begins to take on other forms and meanings. In the transformation of the circular dance of Osuokhay can be seen the process of development of statehood not only in the Republic of Sakha (Yakutia), but also to some extent can reflect the sociocultural processes existing in modern Russia. Modern city Osuokhay becomes the main subject for the formation of a new public memory, support for building a national identity.

Keywords: ethnocultural identity, peoples of Siberia, Yakuts, transformation of traditional culture, Renaissance of traditionalism, cultural globalization.

For citation: Yakovlev A.I. The modern Yakut round dance osuokhay as a marker of national identity in conditions of cultural globalization. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 286–289 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.286-289.

Можно смело утверждать, что в XXI в. из-за ускорения процесса культурной глобализации (сдвиг идентичности) наблюдается ответная реакция среди коренных народов Якутии, которая выливается в различные формы социальных конфликтов. В результате их разрешения начинают проявляться новые формы культурной идентичности, опираясь на традиции, самобытные религиозные воззрения, создавая новые формы культуры (трансформация традиционной культуры [Брагина, 2016, с. 120]). В этом процессе особое место занимает якутский народ, у которого в ходе взаимодействия с процессами культурной глобализации проявляются все формы «культурного шока» – начиная от «геттоизации», «ассимиляции» и заканчивая «ассимиляцией» [Ионин, 1998]. Исследование традиционного мировоззрения якутов, как и у других народов Сибири, всегда привлекает внимание исследователей. В постсоветский период в мировоззрении некоторой части населения восстанавливается религиозная составляющая. Сегодня в обрядах жизненного цикла и повседневной жизни якуты стараются придерживаться традиций, ритуалов умилоствления духов *иччи*, обитающих, согласно традиционному мировоззрению, в окружающей их среде.

Это многогранное социальное явление можно объяснить усилением процесса урбанизации в Якутии: 62 % населения республики проживает в городах, увеличение числа городского населения идет за счет внутренней миграции (из села в город). Первыми причинами оттока населения из села являются проблемы поиска работы и повышения образования молодежи. Известно, что носителями традиционной культуры часто выступает сельское население, у которого повседневная жизнь меняется не столь быстро, как в городской среде. Столкнувшись с вызовами времени, продуктами культурной глобализации (культурным шоком) в городской среде, часть населения поддерживает и самостоятельно формирует новые формы традиционной культуры, которые в своей основе опираются на опыт предков (сельская среда), а также на исследования ученых этнографов.

В данной статье мы описываем одно из ярких и значимых социальных явлений в жизни Якутии – осуохай (*ohyohai*), традиционный круговой танец. О нем поведано в эпосе олонхо, он всегда присутствует в легендах и мифах, описывается этнографами. Сегодня этнокультурная ситуация позволяет утверждать, что в основе возрождения элементов традиционного мировоззрения якутов во многом лежит круговой танец – осуохай, символ национальной идентичности народа саха. Когда мы рассматриваем традиционный круговой танец осуохай в контексте трансформации традиционной культуры, мы наблюдаем осовременивание традиций, сдвиги в материальной и нематериальной культуре. «В прошлом якуты придавали огромное значение связи человека с природой. Танец осуохай символизировал вечный круговорот жизни, ее обновление. Круг – неумолимое движение, адекватное кругу бытия». Как отмечает А.Г. Лукина, «Осуохай состоит из трех частей – *сагалааһын* (зачин), *хаамы ункуу* (танец шагов), *котуу* (полет). Но осуохай понимается одновременно как танец и песня, когда центральное место в танце занимает не сам танец, а песня и ритм. Текст и мотив доминируют над танцем. Эта формула, объясняющая суть осуохая, хранится до сих пор, не меняясь» [Лукина, Докторова, 2014, с. 268]. Что делает осуохай объектом нематериального культурного наследия в основе мировоззрения современных якутов? Чтобы говорить предметно, ограничимся городской средой, конкретным примером осуохай в Якутске. Проанализируем осуохай не с точки

зрения сакральной стороны, не как кинетическую культуру (танец) и не как нематериальное культурное наследие. В данном исследовании мы рассмотрим осуохай как продукт культурной глобализации.

Осуохай в современности тесно переплетен с историческим развитием государственности в Республике Саха (Якутия). В некотором роде он отражает процессы культурного развития в различные исторические периоды России. В центральной Якутии в период Советского Союза осуохай практически исчез, превратившись в концертную часть спартакиады (*ысыах*). Главный, сакральный стержень песнопения сменился на «песнопения хороводного танца (осуохай) с целью достижения победы над врагом под руководством Коммунистической партии подтверждают тезис о реактивизации прагматической функции фольклорной культуры как механизма поддержания коллективной памяти» [Илларионов, 2011, с. 134]. В Усть-Алданском улусе был эпизод, когда вместо традиционного запевания осуохай начали петь советскую песню «Хайысар». Осуохай в XX в. в традиционном виде остался лишь в сельской глубинке, в частности в Вилюйских улусах.

В прошлом в городской среде осуохай не был повсеместным явлением, исполнялся только в сельской среде как незначительная часть празднования *ысыах*. Однако в настоящее время осуохай становится яркой частью практически всех городских мероприятий, являясь красочным примером консолидации разных социальных слоев горожан. В Якутске, население которого чуть больше 500 000 чел., осуохай проходит в трех формах. Первая форма опирается на традиции якутов: осуохай танцуют во время празднования *Ысыах* – Праздника Белого (молочного) Изобилия (*Юрюнг Тунах Ысыах*). Вторая форма осуохай проходит на площадях Якутска в дни республиканских и всероссийских праздников. В майские праздники осуохай начинается, когда заканчиваются демонстрации. Третья форма современного осуохай проходит в помещениях. Осуохай чаще танцуют зимой во время различных мероприятий как официальных, так и частных праздников.

В настоящее время особое место занимает т.н. мужской осуохай, который в отличие от других форм осуохай в городской среде проходит не только на площади, но и в здании Центра духовной культуры «Арчы Дьийэтэ» (Дом Очищения). В этом же доме находится творческое объединение «Осуохай» – основной организатор осуохай на площадях Якутска. «Мужской осуохай» является одним из множества примеров трансформации культуры, когда осовременивание традиционной культуры включает в себя признаки «архаизации современности»: запевала стоит на сцене (вне круга), в центре круга – государственные флаги России и Якутии, это придает осуохайу политизированный вид. Основными участниками являются студенты, работающая молодежь и мужчины среднего возраста. Как особый момент можно выделить необоснованную гендерную дифференциацию – искусственное разделение мужской и женской сферы. Данное социальное явление широко освещалось в интернет-СМИ, где вызвало неоднозначную реакцию, начиная от полной поддержки, заканчивая вопросами о том, «насколько это традиционно».

Пытаясь охватить это сложное явление в повседневной жизни, мы описали продукт столкновения культурной глобализации и традиционной культуры. Этим продуктом можно назвать феномен современного якутского общества – ренессанс традиционализма, который, в свою очередь, апеллирует к возрастающему интересу к самобытной культуре. Главное место, центр, где зарождается, материализуется

и начинается ренессанс традиционализма, — это мировоззрение человека, культурная, религиозная идентичность.

Таким образом, современный осуохай в городской среде можно назвать продуктом трансформации традиционной культуры якутов. Современный осуохай — это ответ вызовам культурной глобализации. Он позиционируется современными якутами как прямая отсылка к самобытной, традиционной культуре. Продемонстрировав свое отношение к осуохай, ысыах, олонхо, «менеджеры публичной (коллективной) памяти» могут дать ответ, раскрывающий их отношение к проблемам коренных народов Сибири.

Это не искусственный процесс, навязанный сверху, а естественное, не всегда однозначное, развитие культуры, ускоренное культурной глобализацией. Трансформация традиционной культуры якутов опирается, прежде всего, на проблемы культурной идентичности народа перед «угрозой» культурной глобализации.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Гранта Президента РФ «Неоязыческие культовые сооружения в современном ландшафте Якутии» МК-3046.2018.6.

Список литературы

Брагина Д.Г. Трансформация традиционной культуры якутов: (конец XX — начало XXI в.). — Новосибирск: Наука, 2016. — 120 с.

Илларионов В.В. Роль С.А. Зверева в сохранении и возрождении фольклора и традиционной культуры якутского народа // Вестн. Северо-Вост. фед. ун-та. — 2011. — № 1. — С. 130—134.

Ионин Л.Г. Культурный шок: конфликт этнических стереотипов // Психология национальной нетерпимости: хрестоматия / сост. Ю.В. Чернявская. — Минск, 1998. — С. 104—114.

Лукина А.Г., Докторова Н.И. Круговой танец в контексте мировоззренческих представлений // Круговые танцы: Природа — Человек — Космос: коллект. моногр. / отв. ред. А.Г. Лукина. — Якутск: Офсет, 2014. — 268 с.

References

Bragina D.G. Transformatsiya traditsionnoi kul'tury yakutov: (konets XX — nachalo XXI v.). Novosibirsk: Nauka, 2016, 120 p. (in Russ.).

Illarionov V.V. Rol' S.A. Zvereva v sohranении i vrozozhdenii fol'klora i traditsionnoj kul'tury yakutskogo naroda. In *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta*, 2011, No. 1, pp. 130—134 (in Russ.).

Ionin L.G. Kul'turnyi shok: konflikt etnicheskikh stereotipov. In *Psichologiya natsional'noi neterpimosti: hrestomatiya* / Sost. Yu.V. Chernyavskaya. Minsk, 1998, pp. 104—114 (in Russ.).

Lukina A.G., Doktorova N.I. Krugovoi tanets v kontekste mirovozzrencheskikh predstavlenii. In *Krugovye tantsy: Priroda — Chelovek — Kosmos: kollektivnaya monografiya*. Otv. red. A.G. Lukina. Yakutsk: Ofset, 2014, 268 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Яковлев А.И. — кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель исторического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
e-mail: aytalyakovlev@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3233-780X>.

Е.А. Рублев

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск, Россия*

Мужская состязательная культура как способ выражения этнокультурной идентичности русских старожилов Западной Сибири

По этнографическим материалам Новосибирской и Кемеровской областей было выявлено явное противостояние русских старожилов и переселенцев-«хохлов», которое наблюдалось как в повседневной жизни, так и в рукопашных состязаниях. Русские старожилы через строгое следование этнокультурному принципу разделения на противоположные партии подчеркивали свое отличие от переселенцев и выстраивали границы между «своими» и «чужими».

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, старожилы, переселенцы, рукопашные состязания, кулачные бои, Западная Сибирь, противостояние.

Для цитирования: Рублев Е.А. Мужская состязательная культура как способ выражения этнокультурной идентичности русских старожилов Западной Сибири. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 290–293. DOI 10.17746/0295-7.2019.290-293.

E.A. Rublev

*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Men's Controversial Culture as a Way of Expressing the Ethnocultural Identity of Russian Sourdough in Western Siberia

This article attempts to consider the male competitive culture as a way of expressing the ethnocultural identity of the Russian sourdough of Western Siberia. The ethnographic materials of the Novosibirsk and Kemerovo regions revealed a clear confrontation between Russian sourdough and Ukrainians settlers, which was observed both in everyday life and in hand-to-hand competitions. The Russian old-timers, through strict adherence to the ethnocultural principle of division into opposing parties, emphasized their difference from the migrants and built the boundaries between “their” and “alien”.

Keywords: *ethnocultural identity, sourdough, displaced persons, hand-to-hand competitions, fist fights, Western Siberia, opposition.*

For citation: Rublev E.A. Men's controversial culture as a way of expressing the ethnocultural identity of Russian sourdough in Western Siberia. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 290–293 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.290-293.

В российской этнографии на сегодняшний день достаточно подробно изучены признаки и способы выражения этнокультурной идентичности. Языковые особен-

ности, культура питания, материальная культура и многие другие проявления культуры этнических сообществ и этнокультурных групп в той или иной степени являются признаками и способами выражения этнокультурной идентичности. Однако мужская состязательная культура в подобном ключе до сих пор не рассматривалась отечественными этнографами.

Мужская состязательная культура русских на сегодняшний день изучена достаточно подробно. Такими исследователями, как А.А. Лебедев [1913], Н.П. Новоселов [1948], Б.М. Чесноков [1955], Б.В. Горбунов [1997], А.С. Тедорадзе [2002], были изучены и описаны все виды рукопашных состязаний, правила их проведения, рассмотрены их социально-психологические, военно-практические функции и определено место рукопашных состязаний в культуре русских и других восточнославянских народов.

Исследователями состязательной культуры русских было давно отмечено, что одной из определяющих особенностей проведения рукопашных состязаний было деление на противоборствующие партии, которые формировались как по территориальному, так и по этнокультурному признаку. В большинстве случаев деление на партии происходило именно по территориальному признаку, т.е. столкновения происходили между представителями разных «концов» деревни, представителями разных деревень и даже округов. Как отмечает Б.В. Горбунов, этнокультурный принцип был характерен для неоднородных в этническом плане районов, однако случалось и такое, что в одной и той же «партии» могли выступать представители разных народов и этнокультурных групп [1997, с. 62].

Как показывают исследования рукопашных состязаний на территории Западной Сибири, до появления «столыпинских» переселенцев у сибирских старожилов лидирующее положение среди рукопашных состязаний занимала борьба, тогда как кулачные бои происходили значительно реже [Там же, с. 167]. Кроме этого, по данным последних экспедиций автора, старожилы вообще не устраивали кулачные бои между собой, предпочитая состязаться в борьбе на поясах или других силовых состязаниях. *«Я вам расскажу, когда я еще маленький был, у нас была борьба. По рассказам только знаю... Драться не дрались, а бороться боролись...»* (ПМА: Айкин Анатолий Иванович, 1930 г.р., д. Ботьева, Яшкинский р-н, Кемеровская обл.).

С появлением на территории Западной Сибири новых этнокультурных групп ситуация поменялась. Прибывшие переселенцы с самого начала были встречены старожилами враждебно, о чем свидетельствуют и документальные источники, и этнографические материалы. Особенно сильно это противостояние проявилось между старожилами-чалдонами и переселенцами из Украины, которых называли «хохлами». Оно отразилось и на состязательной культуре. Практически во всех поселениях, где проживали совместно люди из этих групп, происходили кулачные бои. Проводились кулачные бои и между чалдонскими и «хохлатскими» деревнями. То есть этнокультурный принцип разделения на партии усиливался в этом случае еще и территориальным. Большой интерес в кулачном противостоянии «хохлов» и чалдонов вызывает место проведения боев. Таким местом мог быть мост, если представители этих групп жили в разных «концах» одной деревни (ПМА: Гулик Михаил Тимофеевич, 1940 г.р., д. Алаево, Юргинский р-н, Кемеровская обл.); или же река, если бой происходил между жителями разных деревень (ПМА: Чахлов Илья Егорович, 1916 г.р., д. Чахлово, Юргинский р-н, Кемеровская обл.).

Мост и река в таком случае выступали как некая условная «граница» между «своей» и «чужой» территорией.

Строгое следование разделению на партии именно по этнокультурному признаку говорит о том, что рукопашное противостояние было одним из способов подчеркнуть, что есть «мы» — «свои», а есть «они» — «чужие». Этот факт подтверждается еще и тем, что старожилы в кулачных боях позволяли себе определенные вольности, которые пришлому населению не были знакомы. Так, например, в некоторых старожильческих поселениях Черепановского р-на Новосибирской обл. были разрешены удары ногами, что было большим удивлением для переселенцев (ПМА: Якутин Леонтий Кузьмич, 1914 г.р., д. Чашино, Черепановский р-н, Новосибирская обл.). Зачастую старожилы использовали в кулачных боях оружие, как правило, колы от забора. Иногда это могли быть кастеты.

Учитывая напряженные отношения между переселенцами-«хохлами» и русскими старожилыми в повседневной жизни и быту, а также различия в материальной и духовной культуре, языке, можно сделать вывод о том, что русские старожилы чувствовали свою «инаковость» по отношению к переселенцам, ощущая их «чужими». Состязательная культура в таком случае выступала способом выражения идентичности, позволяющим подчеркнуть свои особенности культуры и осознать свое единство как некоторой общности. Такое положение дел сохранялось до 1930-х гг. При проведении кулачных боев в 1930-е гг. и в последующие периоды практически перестал соблюдаться этнокультурный принцип деления на враждующие партии, что, скорее всего, свидетельствовало о снижении роли этнокультурной идентичности для старожильческого населения Западной Сибири.

Список литературы

Горбунов Б.В. Традиционные рукопашные состязания в народной культуре восточных славян XIX — начала XX в. — М., 1997. — 198 с.

Лебедев А.А. К истории кулачных боев на Руси // Русская старина. — СПб., 1913. — Т. 155, № 7. — С. 103—123; № 8. — С. 323—340.

Новоселов Н.П. Военные игры русского народа и их отношение к эпохе военной демократии: дис. ... канд. ист. наук. — М., 1948. — 346 с.

Телорадзе А.С. Русские рукопашные состязания как явление социальной истории аграрного общества. Тамбовская губерния, вторая половина XIX — первая половина XX в.: дис. ... канд. ист. наук. — Тамбов, 2002. — 310 с.

Чесноков Б.М. Русская народная борьба // Теория и практика физической культуры. — М., 1955. — № 11. — С. 842—847.

References

Chesnokov B.M. Russkaya narodnaya bor'ba. In *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury*. Moscow, 1955, No. 11, pp. 842—847 (in Russ.).

Gorbunov B.V. Traditsionnye rukopashnye sostyazaniya v narodnoi kul'ture vostochnykh slavyan XIX — nachala XX v. Moscow, 1997, 198 p. (in Russ.).

Lebedev A.A. K istorii kulachnykh boev na Rusi. In *Russkaya starina*. St. Petersburg, 1913, vol. 155, No. 7, pp. 103—123; No. 8, pp. 323—340 (in Russ.).

Novoselov N.P. Voennye igry russkogo naroda i ikh otnoshenie k epokhe voennoi demokratii: cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 1948, 346 p. (in Russ.).

Tedoradze A.S. Russkie rukopashnye sostyazaniya kak yavlenie sotsial'noi istorii agrarnogo obshchestva. Tambovskaya guberniya, vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.: cand. sc. (history) dissertation abstract. Tambov, 2002, 310 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Рублев Е.А. – соискатель степени кандидата исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН,

e-mail: rublev-student@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1325-0522>.

Роль традиционного народного декоративно-прикладного искусства в процессе этнической идентичности современной молодежи Саяно-Алтая

В статье представлены результаты исследования роли традиционного декоративно-прикладного искусства в процессе этнической идентификации современной молодежи Саяно-Алтая, рассмотрены возможности учреждений культуры и образования для реализации этого процесса.

Ключевые слова: *этническая идентичность, молодежь Саяно-Алтая, декоративно-прикладное искусство, возрождение традиций, Южная Сибирь, патриотизм.*

Для цитирования: Гузеватова Е.Н. Роль традиционного народного декоративно-прикладного искусства в процессе этнической идентичности современной молодежи Саяно-Алтая. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 294–297. DOI 10.17746/0295-7.2019.294-297.

E.N. Guzevatova

*N.F. Katanov Khakass State University,
Abakan, Russia*

The Role of Traditional Folk Arts and Crafts in the Process of Ethnic Identity of Modern Youth of Sayano-Altai

The article presents the results of the study of the role of traditional arts and crafts in the process of ethnic identification of modern youth of Sayano-Altai, the possibilities of cultural and educational institutions for the implementation of this process.

Keywords: *ethnic identity, youth of Sayan-Altai, arts and crafts, revival of traditions, South Siberia, patriotism.*

For citation: Guzevatova E.N. The role of traditional folk arts and crafts in the process of ethnic identity of modern youth of Sayano-Altai. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 294–297 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.294-297.

Одной из форм протестного сознания по отношению к агрессивной глобализации всех сфер жизни общества является растущая потребность практически всех народов мира в национальной, этнокультурной идентификации. Духовное возрождение предполагает эффективное сохранение историко-культурного наследия, значительной частью которого является традиционное декоративно-прикладное искусство.

Проведенное нами исследование роли традиционного народного декоративно-прикладного искусства в процессе этнической идентификации современной городской молодежи Саяно-Алтая позволило отметить ряд моментов.

У народов Южной Сибири, как и у жителей многих других регионов страны и мира, в настоящее время наблюдается тенденция оживления этничности. Стремление людей подчеркнуть свое этническое своеобразие проявляется, в частности, в ревитализации традиционных обрядов жизненного цикла.

Как отмечают исследователи, на Алтае, Туве, Хакасии, да и в России в целом, в конце XX – начале XXI в. народная художественная культура переживает один из сложнейших периодов своей многовековой истории. С одной стороны, наблюдаются бурное возрождение интереса к национальным корням культуры, рост национально-культурного самосознания, возрождение празднично-обрядовой, семейно-бытовой культуры, фольклорно-этнографических коллективов, возрождение и изготовление самобытных музыкальных инструментов, традиционных народных костюмов, создание многочисленных общественных и коммерческих образований в этнофольклорном движении. С другой стороны, налицо хаотичность, разобщенность в действиях, неясность целевых установок у практиков, недостаток квалифицированных специалистов, как теоретиков, так и практиков-исполнителей [Ултургашева, 2002].

Педагогическая практика последних лет убедительно доказывает, что без интереса к народным культурным традициям образование не может быть полноценным и нравственным, теряется личность гражданина, патриота, уважение к своему этносу и стране. Приобщение учащихся к родной культуре рассматривается российскими учеными и как источник духовно-нравственного развития личности ребенка, и как возможность прочувствовать свою национальную, этническую принадлежность, что особенно актуально для современной городской молодежи.

Анализ роли традиционного народного декоративно-прикладного искусства в процессе этнической идентификации городской молодежи Саяно-Алтая позволил сделать выводы, что во многих регионах РФ наблюдается проявление активного интереса различных национальных групп к изучению, сохранению и трансляции своей этнической культуры. Один из путей повышения общего уровня культурного развития народов Саяно-Алтая, способствующий формированию этнической идентификации молодежи, – популяризация традиционного декоративно-прикладного искусства как части народной культуры. Для реализации этого на территории Республики Хакасия в настоящее время выстраивается инфраструктура по сохранению и использованию богатого наследия региона, включающая различные учреждения культуры (музеи, дома культуры и библиотеки) и образования, общественные организации и национальные центры, деятельность которых также направлена на сохранение художественных традиций этнической культуры народов Южной Сибири, формирование национальной идентичности подрастающего поколения.

В учреждениях образования Республики Хакасия выстроена многоуровневая система изучения основ художественных традиций декоративно-прикладного искусства и ремесел народов Южной Сибири, способствующих формированию этнической идентичности обучающихся. Региональный компонент включен в содержание дошкольного, школьного, дополнительного, среднего профессионального

и высшего образования. На каждом из этих уровней образования решаются задачи развития творческой активной личности, воспитания патриотизма и толерантности.

В Хакасском государственном университете им. Н.Ф. Катанова в формировании этнической идентичности участвуют в той или иной степени все структурные подразделения. Одно из основных направлений работы преподавателей кафедры декоративно-прикладного искусства — создание художественно-эстетической среды в образовательном пространстве Хакасского государственного университета как условие сохранения и возрождения культурных традиций народов Сибири. Коллективом кафедры исследуются теоретические и методические аспекты приобщения молодежи к изучению традиционных народных ремесел, декоративно-прикладного искусства как части культурно-исторического наследия народов, населяющих регион.

В проведенном нами исследовании были рассмотрены процесс этнической идентичности подрастающего поколения, особенности молодежной политики Саяно-Алтая [Гузеватова, 2017]. Отмечено участие молодежных объединений в формировании этнической идентичности, раскрыто значение традиционного народного декоративно-прикладного искусства как фактора этнической идентификации современной городской молодежи Саяно-Алтая, проанализирована организационная городская инфраструктура традиционного декоративно-прикладного творчества народов, проживающих в Хакасии, роль творческих ассоциаций и организаций в процессе этнической идентификации молодежи. Таким образом, культурно-образовательный потенциал городского пространства выступает фактором формирования этнической идентичности средствами образования.

В результате оценки современного состояния этнической идентичности современной городской молодежи в Республике Хакасия можно сделать вывод о назревшей необходимости усиления работы в этом направлении через организацию мероприятий этнической направленности, деятельность молодежных творческих объединений.

Список литературы

Гузеватова Е.Н. Роль молодежной политики республик Саяно-Алтая и творческих объединений в формировании этнической идентичности городской молодежи: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Государственная молодежная политика в системе развития человеческого капитала: наука и практика», 24–25 апреля 2017 г. / под ред. Т.К. Ростовской, Н.Л. Смакотиной, С.Н. Фоминой. — М.: ПЕРСПЕКТИВА, 2017. — С. 123–126.

Ултургашева Н.Т. Народная художественная культура в системе трансляции ценностей народов Саяно-Алтая: дис. ... д-ра культурол. наук: 24.00.01. — Абакан, 2002. — 350 с.

References

Guzevatova E.N. Rol' molodezhnoi politiki respublik Sayano-Altaya i tvorcheskikh ob'edinenii v formirovanii etnicheskoi identichnosti gorodskoi molodezhi. In *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v sisteme razvitiy achelovecheskogo kapitala: nauka i praktika: materialy Vserossiiskoi*

nauchno-prakticheskoi konferentsii 24–25 aprelya 2017. Pod red. T.K. Rostovskoi, N.L. Smakotinoi, S.N. Fominoi. Moscow: PERSPEKTIVA, 2017, pp. 123–126 (in Russ.).

Ulturgasheva N.T. Narodnaya khudozhestvennaya kul'tura v sisteme translyatsii tsennosti narodov Sayano-Altaya: doct. sc. (cultural studies) dissertation abstract: 24.00.01. Abakan, 2002, 350 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Гузеватова Е.Н. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства Института искусств Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,

e-mail: GElNa219@yandex.ru,

<https://orcid.org/00000-0002-1746-8852>.

IV. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКОГО И ДРУГИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В СИБИРИ (XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА)*

DOI: 10.17746/0295-7.2019.298-301
УДК 94(571)

В.Д. Пузанов

*Шадринский государственный педагогический университет,
г. Шадринск, Россия*

Особенности формирования этнокультурной идентичности служилых людей Сибири в конце XVI – начале XVIII века

В городах Сибири на протяжении XVII в. сформировалась местная служилая знать, которая делила власть с присылаемыми воеводами и играла большую роль в сибирском обществе. После Смуты ссыльные выходцы из Польши и Литвы занимали значимые позиции в Сибири. К середине XVII в. в Тобольске на первый план выходят представители сосланных после Смуты русских семей детей боярских Толбузиных, Шульгиных, Ушаковых.

Ключевые слова: *служилые люди, дети боярские, город, острог, гарнизон, уезд, ссылка.*

Для цитирования: Пузанов В.Д. Особенности формирования этнокультурной идентичности служилых людей Сибири в конце XVI – начале XVIII века. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 298–301. DOI 10.17746/0295-7.2019.298-301.

V.D. Puzanov

*Shadrinsk State Pedagogical University,
Shadrinsk, Russia*

Features of the Formation of the Ethnocultural Identity of Service People of Siberia in the Late 16th – Early 18th Century

The work is devoted to the factors of the formation of the ethnocultural identity of the military people of Siberia in the late 16th – early 18th century. The military people of Siberia were the predominant group of the Russian population throughout the 17th century. In the cities of Siberia during the 17th century formed its own local military nobility, which shared power with the sent voivods and played a very large role in Siberian society. Great importance in Siberia after the Troubles was played by exiled immigrants

*Материалы этого раздела подготовлены в рамках проекта РФФИ № 18-09-00028 «Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XVII – первой трети XX в.)».

from Poland and Lithuania. By the middle of the 17th century the situation in Tobolsk is changing. Representatives of the children of the boyar Tolbuzins, Shulgins and Ushakovs who were exiled after the Troubles come to the fore.

Keywords: *military people, boyar children, city, prison, garrison, county, link.*

For citation: Puzanov V.D. Features of the formation of the ethnocultural identity of service people of Siberia in the late 16th – early 18th century. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 298–301 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.298-301.

Важнейшим фактором в формировании этнокультурной идентичности служилых людей Сибири являлась особая роль этой группы населения в колонизации края. Именно служилые люди Сибири были преобладающей группой русского населения на протяжении всего XVII в. В 1625 г. во всех 13 сибирских городах жило 2696 служилых людей, к 1628 г. в 14 городах количество служилых выросло до 3449 чел., а в 1635 г. гарнизоны Сибири были увеличены до 5146 чел. Гарнизон Тобольска был увеличен с 851 до 1309 чел., Тары – с 313 до 735 чел., а служилый мир Тюмени возрос в 3 раза, с 331 до 981 чел. [Газенвинкель, 1892, с. 58]. В Тобольске – главном городе всей Сибири количество служилых людей постоянно росло: 1645 чел. в 1663 г., 1990 чел. в 1684 г. и 2156 чел. в 1699 г. [Никитин, 1988, с. 29]. В результате Тобольск надолго приобрел особый характер преимущественно военно-служилого города.

Северные города Тобольского разряда Березов и Сургут в XVII–XVIII вв. так же оставались военными городами, где единственной категорией населения были служилые люди и их семьи [Миненко, 1975, с. 208]. В южном Тарском уезде и через 50 лет после основания Тары служилые люди оставались фактически единственной группой русского населения. По сообщению списка Тобольска и Тобольского разряда городов за 1633 г., в Таре «при служилых людях у государевых дел быть некому, посадских людей на Таре нет» (РГАДА. Ф. 214. Кн. 46. Л. 41). Во всем Тарском уезде в 1624 г. имелось семь дворов пашенных крестьян и два двора гулящих людей. К 1645 г. в Тарском уезде было только 29 крестьян, живших у стен города. В Томске, который с 1629 г. стал центром не только уезда, но и особого разряда, охватывающего все восточные уезды Сибири, так же в это время абсолютное большинство населения составляли служилые люди и члены их семей. В 1626 г. 386 из 531 чел. русского населения Томского уезда были служилыми людьми, в 1632 г. – 555 из 719 чел., в 1646 г. – 767 из 1045 чел. [Бояршинова, 1950, с. 121].

Даже к 1699 г. в уездах Сибири жило всего 25 000 семей русского населения, из которых 11 500 было служилых людей, 11 000 крестьян, 2 500 посадских людей. Города Сибири в первое столетие русской колонизации представляли главным образом военные и административные центры. К 1703 г. в Сибири служили два полковника, три подполковника, 14 голов, 32 дворянина, 786 детей боярских, 71 сотник, 1 поручик, 2 прапорщика, 2374 конных казака, 6022 пеших казака, 1000 драгун, 28 беломестных казаков, 75 пушкарей, 477 служилых татар – всего 10 884 чел. (РГАДА. Ф. 24. Д. 1. Л. 13). Характерно, что в XVII в. служилое население преобладало над посадскими людьми и в городах Европейской России. У служилых людей Сибири формировалась своя особая «служилая» идеология, в челобитных они с гордостью отмечали свое происхождение из служилых семей Русского государства, наличие в их роду «отечества и службы».

В городах Сибири на протяжении XVII в. сформировалась своя местная служилая знать, которая делила власть с присылаемыми воеводами и играла крупную роль в сибирском обществе. После Смуты большое значение в Сибири имели ссыльные выходцы из Польши и Литвы. Как отмечал С.В. Бахрушин, «правительство Михаила Федоровича, благоразумно удаляя из центра государства бывших участников интервенции, охотно использовало их в далекой колонии, где их зачисляли в службу с денежным и хлебным жалованием» [Бахрушин, Токарев, 1953, с. 15]. Из гарнизонов Сибири ссыльным европейцам бежать на родину было крайне сложно. В первые годы ссылки отношения европейцев и русских служилых людей были очень сложными. В 1621 г. в экспедиции на оз. Ямыш литовские и немецкие люди Тобольска хотели перебить русских служилых людей и убежать на р. Яик. По данным летописи, в движении участвовали 70 служилых людей иноземцев.

Сотни иноземцев были посланы из Москвы в Тобольск в 1614–1624 гг. Так, в январе 1614 г. из Москвы в Тобольск по государеву указу был послан среди «изменников литовских людей» Павел Хмелевский с наказом заключить его в «крепкую тюрьму» с кормом на 2 деньги на день (РГАДА. Ф. 199. Д. 541. Л. 5–6). В августе 1614 г. в Тобольск был сослан «новокрещен» Савва Французанин, в июне 1621 г. в Тобольск были посланы литовские люди и поляки из полка Лисовского — Самсон Навацкий с женой, Ян Ржицкий, Остафей Михалевский, Трубач Матьяш Киржицкий и с ними пять пахолков (слуг). По указу их надо было верстать в Тобольске в службу и отправить на восток в Томский город, откуда никуда не отпускать (РГАДА. Ф. 199. Д. 541. Л. 150).

За ними были посланы в Тобольск литовцы и поляки Ян Павлоцкий, его племянник Якуб Кордацкий с пахолком и Матьяш Высоковский также для отправки на службу в Томск. Однако воеводы Тобольска на 10 лет оставили ссыльных литовских людей в городе, поверстав в дети боярские по Тобольску под предлогом, что «в Томском городе и так в твоей государевой службе иноземцев много, а Томский, государь, город стоит на степи, и орды, государь, сидячие и кочевные прилегли к Томскому городу блиско» [Бахрушин, Токарев, 1953, с. 15]. Можно предположить, что в Тобольске ссыльные европейцы пользовались покровительством ряда разрядных воевод — князя И.С. Куракина, М.М. Годунова, Ю.Я. Сулешова, князя Д.Т. Трубецкого, князя А.А. Хованского, князя А.Н. Трубецкого, в прошлом также участников Смуты. Для части этих аристократов служба в Сибири была почетной ссылкой, в т.ч. и за действия в Смуту, а ссыльные поляки и литовцы — старыми боевыми товарищами по Тушинскому лагерю или по частям польских войск.

Благодаря этой поддержке и своим способностям, в Сибири сосланные в край поляки и литовцы быстро заняли особое положение среди служилых людей города. В Тобольске воеводы верстали их в состав элиты служилых людей — детей боярских, причем величина окладов ссыльной «литвы» показывала важную роль пленной шляхты даже среди начальных людей города. В списке детей боярских города Тобольска 1627/1628 г. были отмечены ссыльные Павел Хмелевский с высоким годовым окладом в 20 руб., Ян Павлоцкий и Самсон Навацкий с окладом 18 руб., Савва Французанин, Остафей Михалевский, Петр Сабанский, Павел Рыхлевский, Ян Ржицкий с окладом 17 руб., Трубач Матьяш Киржицкий с окладом в 14 руб. Лишь один Якуб Кордацкий получил оклад в 12 руб. (РГАДА. Ф. 214. Кн. 14. Л. 365–378).

Только в августе 1631 г. Самсон Навацкий, Павел Рыхлевский, Ян Ржицкий, Остафей Михалевский, Петр Сабанский и Трубач Матьяш Хозинский прибыли из

Тобольска в Томск, где были зачислены в состав детей боярских города. В списке 1627/1628 г. по Тобольску отмечен только один сын боярский – Данило Мартынов, оклад которого в 25 руб. превосходил содержание ссыльной литвы, еще один старый представитель детей боярских Тобольска Богдан Аршинский имел высокий оклад 20 руб., как и Павел Хмелевский. Все остальные тобольские дети боярские по окладам уступали недавно сосланным шляхтичам. В целом значительная часть детей боярских Тобольска в эпоху Михаила Федоровича версталась из ссыльных военнопленных. В 1630 г. Михаил Федорович указал, чтобы все ссыльные иноземцы Сибири, принявшие православие, верстались в дети боярские [Буцинский, 2003, с. 204].

Однако к середине XVII в. положение в Тобольске меняется. На первый план выходят представители русских семей детей боярских – кланы Толбузиных, Шульгиных, Ушаковых. Все это были потомки русских служилых людей, сосланных в Сибирь в конце Смуты, они же и получали почти все серьезные назначения на должности.

Список литературы

- Бахрушин С.В., Токарев С.А.** Якутия в XVII в. Очерки. – Якутск, 1953. – 439 с.
- Бояршинова З.Я.** Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Тр. Том. гос. ун-та. Историко-филол. науки. – Томск, 1950. – Т. 112. – С. 23–210.
- Буцинский П.Н.** Заселение Сибири и быт ее первых насельников // К истории Сибири. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2003. – С. 4–253.
- Газенвинкель К.Б.** Книги разрядные в официальных их списках как материал для истории Сибири XVII в. – Казань, 1892. – 75 с.
- Миненко Н.А.** Северо-западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. – 308 с.
- Никитин Н.И.** Служилые люди в Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – 256 с.

References

- Bahrushin S.V., Tokarev S.A.** Yakutiya v XVII v. Ocherki. Yakutsk, 1953, 439 p. (in Russ.).
- Boyarshinova Z.Ya.** Naselenie Tomskogo uyezda v pervoj polovine XVII v. In *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriko-filologicheskie nauki*. Tomsk, 1950, vol. 112, pp. 23–210 (in Russ.).
- Butsinskii P.N.** Zaselenie Sibiri i byt ee pervyh naseľnikov. K istorii Sibiri. Tyumen: Yu. Mandriki Publ., 2003, pp. 4–253 (in Russ.).
- Gazenvinkel' K.B.** Knigi razryadnye v ofitsial'nykh ikh spiskakh kak material dlya istorii Sibiri XVII v. Kazan, 1892, 75 p. (in Russ.).
- Minenko N.A.** Severo-zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoi polovine XIX v. Novosibirsk: Nauka. Sib. otделение, 1975, 308 p. (in Russ.).
- Nikitin N.I.** Sluzhilye lyudi v Zapadnoi Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1988, 256 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Пузанов В.Д. – доктор исторических наук, профессор Шадринского государственного педагогического университета,
e-mail: alan1971@bk.ru.

Ф.С. Татауров

*Омский государственный технический университет,
г. Омск, Россия;*

*Томский государственный Национальный исследовательский университет,
г. Томск, Россия*

Отражение процесса формирования локальной идентичности русского сибиряка в XVII–XVIII веках в археологических материалах Западной Сибири

Процесс формирования локальной идентичности русских сибиряков в XVII–XVIII вв. неизменно нашел отражение в их материальной культуре. Это фиксируется по данным, полученным в ходе археологических исследований. В настоящей работе представлены группы артефактов, в совокупности характерных только для социально-культурного облика русского сибиряка в изучаемый период.

Ключевые слова: Западная Сибирь, XVII–XVIII вв., русские сибиряки, локальная идентичность, социально-культурный облик.

Для цитирования: Татауров Ф.С. Отражение процесса формирования локальной идентичности русского сибиряка в XVII–XVIII веках в археологических материалах Западной Сибири. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 302–305. DOI 10.17746/0295-7.2019.302-305.

F.S. Tataurov

*Omsk State Technical University,
Omsk, Russia;*

*Tomsk State National Research University,
Tomsk, Russia*

Reflection of the Formation Process of Local Identity of Russian Siberians of 17th–18th Centuries in Archaeological Materials of Western Siberia

The formation process of local identity of Russian Siberians in the 17th–18th centuries was reflected in their material culture. His confirmed by materials of archaeological excavations. In this paper, groups of artifacts reflecting the socio-cultural appearance of Russian Siberians of 17th–18th centuries are presented.

Keywords: Western Siberia, XVII–XVIII centuries, Russian Siberians, local identity, sociocultural appearance.

For citation: Tataurov F.S. Reflection of the formation process of local identity of Russian Siberians of 17th–18th centuries in archaeological materials of Western Siberia. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 302–305 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.302-305.

Вырываясь из привычной культурной среды и попадая в новые условия, человек вынужден перестраивать свою жизнь. В ходе адаптации неизбежно происходят изменения как мировоззрения индивида и всего социума в целом, так и характерного для него материального комплекса. Формируется т.н. локальная идентичность — «сложное, многокомпонентное социально-психологическое явление, включающее в себя то или иное самоотождествление людей с локальным сообществом, представление о современном состоянии своего локального сообщества, оценочные суждения об этом локальном сообществе и его социально-культурной и природной среде, а также местную историческую память» [Савоскул, 2011, с. 83].

Русские, придя в Западную Сибирь в конце XVI в., оказались оторваны от прежней среды проживания. Им пришлось налаживать контакты с местным сибирским населением и с соседними народами, приспосабливаться к суровому климату. Изучением того, как под влиянием этих факторов происходил процесс формирования локальной идентичности русского сибиряка в XVII—XVIII вв., исследователи ранее занимались лишь на базе письменных и этнографических источников. Археологические материалы с русских памятников региона практически не учитывались. Анализируя их, можно выявить отличия и особенности элементов материальной культуры русских сибиряков в сравнении с данными, полученными в ходе изучения русского общества центральной России. Отражение культурно-мировоззренческих установок через вещевой комплекс обозначается понятием социально-культурный облик. Он транслируется через социально-бытовую среду (дом, усадьба, населенный пункт) и через индивидуальный имущественный комплекс (костюм, столовая утварь, посуда, курительные трубки и т.п.).

В социально-бытовой среде новации связаны с приемами домостроительства и новыми элементами в интерьере жилища. В Сибири русские первоначально строили привычные избы, затем, развив известные приемы домостроения, перешли к созданию многокомнатных домов, площадью, по археологическим данным, от 30 до 80 кв. м [Татаурова и др., 2014, с. 191]. Суровый сибирский климат привел к распространению в XVIII в. глинобитных печей с трубами и слюдяных оконниц; последние были обнаружены на всех изученных памятниках региона [Там же, с. 188, 291—297].

В индивидуальном имущественном комплексе русских сибиряков XVII—VIII вв. по археологическим материалам мы фиксируем проникновение в средние слои русского общества Западной Сибири предметов, ранее недоступных. Это одежда из дорогих статусных тканей, к примеру, из шелка [Пархимович, 2008; Глушкова, 2008, с. 332], европейское сукно [Татаурова и др., 2014, с. 298]), вилки [Пархимович, 2008; Черная, 2015, с. 211]. Находки тувель западноевропейского образца первой половины XVIII в. говорят о влиянии иностранной моды [Татаурова, Богомолов, 2016]. Особенной сибирской новацией стало распространение в регионе в XVII в. чая и фарфоровой посуды, фрагменты которой фиксируются и на городских, и на сельских памятниках региона, а также табакокурения, свидетельством которого стали находки головок курительных трубок [Татауров, 2014, с. 293—296].

Процессы формирования социально-культурного облика и локальной идентичности русского сибиряка неразрывно связаны. Это подтверждают археологические данные. Через предметы материальной культуры переселенцы стремились показать отличие как от коренных жителей Сибири, так и от того общества, которое им

пришлось покинуть. Изменения, нехарактерные для русской культуры европейской части России, прослеживаются как в социально-бытовой среде, так и в личном имущественном комплексе всех социальных слоев русского западносибирского общества XVII–XVIII вв. Это повсеместное строительство многокамерных домов, появление подклетов, печных труб и слюдяных окон, распространение у средних слоев общества элитарных предметов, новации и заимствования в одежде. Раньше, чем в Европейской России, в Западной Сибири познакомились с культурой чаепития и табакокурением.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00487 «Русское население Сибири XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении»).

Список литературы

Глушкова Т.Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк I и Ананьино I // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2008. – С. 326–333.

Пархимович С.Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2008. – С. 215–227.

Савоскул С.С. Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов Центральной России) // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 6. – С. 83–99.

Татауров Ф.С. Систематизация археологических коллекций как инструмент для воссоздания социального облика русского населения Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 293–298.

Татауров Л.В., Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Тихомиров К.Н., Татауров Ф.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII в. (по материалам археологических исследований). – Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. – 374 с.

Татаурова Л.В., Богомолов В.Б. Женские кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII вв. (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 44 (2). – С. 109–117.

Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. – Томск: Д'Принт, 2015. – 276 с.

References

Chernaya M.P. Voevodskaya usad'ba v Tomske. Tomsk: D'Print, 2015, 276 p. (in Russ.).

Glushkova T.N. Tkani XVII veka iz russkikh mogil'nikov Izyuk I i Anan'ino I. In *Kul'tura russkikh v arkhelogicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, 2008, pp. 326–333 (in Russ.).

Parkhimovich S.G. Kolleksiya artefaktov iz raskopok Berезovskogo gorodishcha. In *Kul'tura russkikh v arkhelogicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, 2008, pp. 215–227 (in Russ.).

Savoskul S.S. Kraevedenie i lokal'naya identichnost' (na primere malykh gorodov Tsentral'noi Rossii). In *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2011, No. 6, pp. 83–99 (in Russ.).

Tataurov F.S. Sistematizatsiya arkhelogicheskikh kollektсий kak instrument dlya vossozdaniya sotsial'nogo oblika russkogo naseleniya Zapadnoj Sibiri kontsa XVI – pervoj poloviny XVIII v. In

Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniyakh. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg, 2014, vol. I, pp. 293–298 (in Russ.).

Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Tikhomirov K.N., Tataurov F.S. Adaptatsiya russkikh v Zapadnoj Sibiri v kontse XVI – XVIII v. (po materialam arkhеologicheskikh issledovaniy). Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2014, 374 p. (in Russ.).

Tataurova L.V., Bogomolov V.B. Zhenskie kozhanye tuflі na vysokom kabluke XVII–XVIII vv. (po materialam arkhеologicheskikh kompleksov russkikh Omskogo Priirtysh'ya). In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, No. 44 (2), pp. 109–117 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Татауров Ф.С. – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра материальной культуры и дизайна Омского государственного технического университета,
e-mail: fil_opossum@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9447-1035>.

Инвентарь русского происхождения в погребениях коренных жителей Средней Сибири XVII – начала XIX века

Исследуются процессы русского влияния на культуру коренного населения Средней Сибири XVII – начала XIX в. Цель работы – характеристика вещевого комплекса русского происхождения, выявленного в археологических памятниках местных жителей. Ее актуальность объясняется слабым уровнем развития научных представлений об этнической идентичности различных групп коренного населения в дохристианский период. В ходе исследования выявлен предметный состав вещевого комплекса, осуществлена его идентификация. В результате показано, что уже к концу XVII в. в регионе сложился, а в течение XVIII в. развивался единый как для коренного, так и русского населения комплекс предметов материальной культуры.

Ключевые слова: народы Средней Сибири, памятники археологии, предметы русского происхождения, этнокультурная идентичность коренных жителей.

Для цитирования: Скобелев С.Г. Инвентарь русского происхождения в погребениях коренных жителей Средней Сибири XVII – начала XIX века. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 306–311. DOI 10.17746/0295-7.2019.306-311.

S.G. Skobelev
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

Inventory of Russian Origin in the Burials of Indigenous Inhabitants of Middle Siberia 17th – Early 19th Century

The thesis is dedicated to research of the processes of Russian influences on the culture of the indigenous population in Middle Siberia in the 17th – early 19th century. Its goal is a meaningful description of a subject complex of Russian origin, revealed in the burial and settlement sites belonging to native population. The relevance of the work is explained by the low level of development of scientific ideas about the ethnic identity of various groups of the indigenous population in the pre-Christian period. In the course of the study, the objective composition of the property complex was revealed, its identification was carried out. As a result, it was shown that by the end of the 17th century and during the 18th century, a complex of objects of material culture, both for the indigenous and the Russian population, had arisen and developed.

Keywords: peoples of Middle Siberia, archaeological sites, things of Russian origin, ethnocultural identity of indigenous people.

For citation: Skobelev S.G. Inventory of Russian origin in the burials of indigenous inhabitants of Middle Siberia 17th – early 19th century. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 306–311 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.306-311.

Большая часть территории Средней Сибири вошла в состав Русского государства еще в первой половине XVII в.; в начале XVIII в. была включена и оставшаяся территория юга Приенисейского края (кроме Тувы). Здесь появилось постоянное русское население, и к концу XVII в. оно было уже достаточно многочисленным. В регионе сложились районы чересполосного расселения русских людей и коренных жителей [Быконя, 1981, с. 110]. Соответственно, имели место контакты в области материальной и духовной культуры между русским и коренным населением. Археологические памятники на конкретных вещевых материалах хорошо подтверждают данные предположения относительно дохристианского времени (т.е. до начала XIX в.).

Известны материалы раскопок достаточно большого количества памятников коренных жителей региона XVII–XVIII вв. Это могильники Монашка, Шишка, Высокое, Бадалык, Чегерак, Ортызы-Оба, Линево I, Черновой Лог, Абаканская Степь, Енисей, Койбалы, Койбалы I, Бельтыры, Новоселовская Гора, Поповка и др., одиночные погребения Березка, Солонцы, Киприно, Означенное, Иннокентьевский, Курагино и др., а также поселение Айканова Деревня. Памятники русского происхождения – это часть острога и Покровского некрополя Красноярска, часть Енисейского острога, полностью двор Саянского острога, временное поселение у Саянского острога (Соян-Сеё) и постройка на заимке Дрокино. Совокупный вещевой материал исчисляется сотнями экземпляров. На его основе можно решить ряд важных вопросов развития материальной культуры коренного населения, в т.ч. и взаимодействия с русскими людьми.

Характерными вещами в указанных памятниках являлись предметы вооружения. Заметной разницы между ними и материалами с площади русских поселений в целом не прослеживается. Элементов защитного вооружения немного, но даже несколько разнотипных панцирных пластин из шаманского погребения Ортызы-Оба [Худяков, Скобелев, 1984, с. 111] и Айканского селища [Мандрыка, 1992; Скобелев, Мандрыка, 1999, с. 212] аналогичны таким же предметам из состава культурного слоя Саянского острога [Скобелев, 1999а, с. 196]. Предметов наступательного вооружения известно значительно больше. Почти все типы железных наконечников стрел из памятников коренного населения, в т.ч. и дорусского времени (узкие небольшого размера, несколько расширяющиеся к острию со слабо выраженными ребрами жесткости по кончику пера и с треугольным оформлением острия; вытянуто-ромбические; ланцетовидные; срезни вильчатые, лопаточковидные и ромбовидные), находят свои аналогии в культурном слое Саянского острога [Там же, с. 197].

Костяные и роговые наконечники из погребения Курагино (Минусинский музей), Айканского селища и Саянского острога абсолютно аналогичны друг другу. В памятниках обеих групп населения найдено всего по одной роговой свистунке на стрелу бочонковидной формы с прямоугольными отверстиями, но эти предметы как будто вышли из-под руки одного мастера [Скобелев, Мандрыка, 1999, с. 213; Скобелев, 1999а, с. 197]. Единственный предмет из Саянского острога, определяемый как колчаный крюк, почти не отличается от таковых из могильников Койбалы I, Новоселовская Гора, Поповка. В обнаруженных в этом остроге роговых заготовках для деталей луков можно видеть очертания центральных плечевых накладок и клиновидных вкладышей луков, аналогичных происходящим из могильников Монашка [Скобелев, 1999б, с. 177] и Высокое, одиночного погребения Солонцы. Свинцовые пули диаметром ок. 1 см известны как для погребений коренных жителей, так и Са-

янского острога. Железный вислообушный проушной (коротколезвийный) топор, ножи крупных размеров из погребения Ортызы-Оба и Айканского селища имеют свои прямые аналогии в Саянском остроге и памятнике того же времени Соян-Сеё [Худяков, 2000]. Боковые обкладки складного ножа (или бритвы) из Ортызы-Оба аналогичны железной боковой обкладке предмета (вероятно, такого же ножа) из Саянского острога.

Многочисленные предметы снаряжения из железа (рамчатые пряжки крупного размера прямоугольной и трапециевидной формы, тренчики, кольца, калачевидные и скобчатые кресала, пробой и гвозди разных размеров) также одинаковы. Как правило, они очень просты (за исключением нескольких пряжек с фигурным оформлением одной стороны рамки) и функциональны. Это же можно сказать и о предметах конской упряжи. Распределители ремней с кольцом в основе конструкции (тройники и четверники), седельные пробой с упорами, скобы небольшого размера, сбруйные накладки в виде пластин с округлым или заостренным расширением на одном из концов из погребений Ортызы-Оба, Монашка, Койбалы I, Новоселовская Гора и Поповка аналогичны подобным находкам (или их фрагментам) с площади Саянского острога. Характерный элемент седельных пробоев из ряда погребений коренных жителей – упор в виде стилизованного четырехлепесткового цветка также находит точную копию в Саянском остроге.

Почти все предметы украшения и принадлежности одежды из памятников коренных жителей имеют аналогии в составе культурного слоя русских поселений [Тарасов, 2014] и погребениях Покровского кладбища [Тарасов, 2000, с. 150]. Это бусы разных цветов из стекла, бисер голубого цвета, стеклянные подвески в виде бусин со впаянными бронзовыми проволочками, бронзовые пуговицы восьмерковидной и многих иных форм, бронзовые шаровидные бубенчики и другое. Единственная найденная нами серебряная монета-«чешуйка» XVII в. из погребения могильника Высокое сопутствует такой же единственной «чешуйке» из Саянского острога. Орнамент в виде вписанных между двумя параллельными линиями треугольников известен на фрагменте берестяного изделия из погребения Чегерак I [Митько, 1991, рис. 20] и на керамике Саянского острога.

Анализ малочисленных пока находок фрагментов керамики в памятниках коренных жителей позволяет предполагать, что они пользовались глиняной посудой как собственного, так и русского производства. Но и в культурном слое Саянского острога наблюдается аналогичная ситуация. Здесь бытовали сосуды по назначению, форме, характеру изготовления и составу теста как явно русского происхождения, так и подобные тому, что в погребениях коренных жителей мы привыкли считать местными изделиями. В культурном слое Красноярского острога керамика русского производства составляет подавляющее большинство находок, однако и здесь имеются изделия местного происхождения [Николаева, 1963, с. 120]. Деревянная ложка из детского погребения могильника Монашка [Скобелев, 1984, с. 165] аналогична подобному костяному предмету из Саянского острога.

Но, естественно, в памятниках коренного населения присутствовали предметы, которые были принадлежностью лишь их культуры. Таковы характерные бронзовые сегментовидные подвески («солнечное колесо»), предметы шаманского культа («стреляющий змей», дудкообразные шаркунцы и др.), наконечники из толстых ниток с вплетенными бусами, подвесками и пуговицами, височная подвеска в виде

женской фигуры, которые никогда еще не встречались в памятниках русского происхождения. Одновременно в этих погребениях, выполненных по дохристианской обрядности, не встречались обычные для русского населения нательные кресты и бронзовые нательные иконки, даже если предположить, что некоторыми местными жителями они могли рассматриваться лишь как украшения.

Наличие большого количества предметов, находящихся в употреблении одновременно как у коренных, так и русских жителей региона в XVII–XVIII вв., позволяет сделать вывод о том, что уже на первоначальном этапе освоения территории Средней Сибири здесь существовали очень тесные связи в сфере материальной культуры. Сложение единого вещевого комплекса ускорялось также тем, что ряд категорий предметов был широко распространен в Евразии и в дорусское время (многие предметы вооружения, снаряжения, конской сбруи, отдельные элементы украшений). Вместе с тем с приходом русских людей уже в XVII в. в употреблении у коренных жителей в большом количестве появилось много новых вещей русского происхождения (или производимых на месте по таким образцам), а также предметов импорта из зарубежной Европы. Русские люди быстро заимствовали (приобретали или производили по местным образцам) предметы вещевого комплекса материальной культуры коренных жителей (например, «седла красные», луки, стрелы). В результате уже к концу XVII в. в регионе сложился, а в течение XVIII в. развивался единый как для коренного, так и русского населения комплекс предметов материальной культуры. Несомненно, этническая идентичность коренного населения данного региона в указанное время должна оцениваться иначе, чем это имело место в дорусский период.

Благодарности

Работа выполнена по государственному заданию в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

Список литературы

Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1981. – 248 с.

Мандрыка П.В. Отчет об археологических исследованиях 1991 г. в Емельяновском, Большемуртинском, Казачинском и Мотыгинском районах Красноярского края. – Красноярск, 1992. – 90 с.

Митько О.А. Отчет о работе Красноярского археологического отряда в 1990 г. – Новосибирск, 1991. – 28 с.

Николаева И.Б. Раскопки на территории бывшего Красноярского острога: мат-лы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск, 1963. – С. 115–123.

Скобелев С.Г. Детские погребения хакасов у г. Красноярска // Вопросы древней истории Южной Сибири. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1984. – С. 160–168.

Скобелев С.Г. Саянский острог – памятник русской эпохи в истории Евразии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999а. – Вып. 2. Горизонты Евразии. – С. 185–207.

Скобелев С.Г. Позднесредневековый лук редкой формы с Енисея // Российская археология. — 1999б. — № 3. — С. 175–180.

Скобелев С.Г., Мандрыка П.В. Проблемы хронологии некоторых предметов из археологических памятников Евразии русского времени (на материалах Саянского острога и Айканского селища) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1999. — Вып. 2. Горизонты Евразии. — С. 208–214.

Тарасов А.Ю. Некрополь Покровской церкви Красноярского острога // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 2000. — Т. 2. — С. 150.

Тарасов А.Ю. Сохранение объектов археологического наследия на территории г. Енисейска // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. — Казань: Отечество, 2014. — Т. IV. — С. 418–421.

Худяков Ю.С. Средневековые культовые комплексы на памятнике Соян-Сеё // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. — № 5. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2000. — С. 119–124.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г. Позднесредневековое шаманское погребение в могильнике Ортызы-Оба // Этнография народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 105–119.

References

Bykonya G.F. Zaselinye russkimi Priyeniseyskogo kraya v XVIII v. Novosibirsk: Nauka, 1981, 248 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Srednevekovyye kul'tovyye komplekсы na pamyatnike Soyana-Seyo. In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii*, No. 5. Gorno-Altaysk: Altai State Univ. Press, 2000, pp. 119–124 (in Russ.).

Khudyakov Yu.S., Skobelev S.G. Pozdnesrednevekovoye shamanskoye pogrebeniye v mogil'nike Ortyzy-Oba. In *Etnografiya narodov Sibiri*. Novosibirsk, Nauka, 1984, pp. 105–119 (in Russ.).

Mandryka P.V. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1991 g. v Yemel'yanovskom, Bol'shemurtinskom, Kazachinskom i Motygin'skom rayonakh Krasnoyarskogo kraya. Krasnoyarsk, 1992, 90 p. (in Russ.).

Mit'ko O.A. Otchet o rabote Krasnoyarskogo arkheologicheskogo otryada v 1990 g. Novosibirsk, 1991, 28 p. (in Russ.).

Nikolayeva I.B. Raskopki na territorii byvshego Krasnoyarskogo ostroga. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii, etnografii i istorii Krasnoyarskogo kraya*. Krasnoyarsk, 1963, pp. 115–123 (in Russ.).

Skobelev S.G. Detskiye pogrebeniya khakasov u g. Krasnoyarska. In *Voprosy drevney istorii Yuzhnoy Sibiri*. Abakan: Hakass Research Institute of Language, Literature and History, 1984, pp. 160–168 (in Russ.).

Skobelev S.G. Sayanskiy ostrog — pamyatnik russkoy epokhi v istorii Yevrazii. In *Yevraziya: kul'turnoye naslediyе drevnikh tsivilizatsiy*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 1999a, iss. 2. Gorizonty Yevrazii, pp. 185–207 (in Russ.).

Skobelev S.G. Pozdnesrednevekovyi luk redkoy formy s Yeniseya. In *Rossiyskaya arkheologiya*, 1999b, No. 3, pp. 175–180 (in Russ.).

Skobelev S.G., Mandryka P.V. Problemy khronologii nekotorykh predmetov iz arkheologicheskikh pamyatnikov Yevrazii russkogo vremeni (na materialakh Sayanskogo ostroga i Aykanskoego selishcha). In *Yevraziya: kul'turnoye naslediyе drevnikh tsivilizatsii*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 1999, iss. 2. Gorizonty Yevrazii, pp. 208–214 (in Russ.).

Tarasov A.Yu. Nekropol' Pokrovskoy tserkvi Krasnoyarskogo ostroga. In *Naslediye drevnikh i traditsionnykh kul'tur Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2000, vol. 2, p. 150 (in Russ.).

Tarasov A.Yu. Sokhraneniye ob'ektov arkheologicheskogo naslediya na territorii g. Yeniseyska. In *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani*. Kazan: Otechestvo Publ., 2014, vol. IV, pp. 418–421 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Скобелев С.Г. – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией гуманитарных исследований Новосибирского национального исследовательского государственного университета,

e-mail: sgskobelev@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-4056-0670>.

Знаки, выделяющие среди сибирского сообщества служилых людей категорию «дети боярские»

Представлена развернутая характеристика высшего слоя служилых людей Сибири XVII в. — сынов боярских в плане выделения их идентичности на фоне основного контингента служилых. Определена серия идентификационных знаков, которые обособляли сынов боярских как в служебной деятельности, так и в быту. Собственная идентификация сказалась и на таком факте, как проживание сынов боярских компактными анклавами внутри сибирских городов. Делается вывод о том, что знаковое выделение сынов боярских демонстрировало реальное положение вещей, характеризовавшееся превращением служилого населения Сибири в активную движущую силу.

Ключевые слова: *идентичность, знак, Сибирь, служилые люди, дети боярские, казаки.*

Для цитирования: Люцидарская А.А. Знаки, выделяющие среди сибирского сообщества служилых людей категорию «дети боярские». *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 312–315. DOI 10.17746/0295-7.2019.312-315.

A.A. Lyutsidarskaya
*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Signs that Distinguish the Category “Boyers’ Children” among the Siberian Community of Service People

The author presents a detailed description of the upper stratum of Siberian servicemen called boyar sons identity. The main aspect of this description is their symbolic assignment among the main contingent of service people identity in the 17th century. In article she defines the identity signs that isolate boyar sons of both in official activity and in everyday life. Boyar sons have increased salaries, benefits, use prisoners in the households, active involve in trade and agricultural production. The symbolic identity is also reflected in the fact that boyar sons live in compact enclaves inside Siberian settlements. The author concludes that the symbolic isolation of boyar sons and their specific identity demonstrates the reality, characterizes by the transformation of Siberian servicemen into an active driving force.

Keywords: *identity, sign, Siberia, servicemen, boyar sons, Cossacks.*

For citation: Lyutsidarskaya A.A. Signs that distinguish the category “Boyers’ children” among the Siberian community of service people. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 312–315 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.312-315.

Сибирские дети боярские в конце XVI — начале XVIII в. представляли собой высший слой служилого населения вновь осваиваемого зауральского региона. В зависимости от индивидуальных способностей каждого из них: личной активности, склон-

ности к адаптации, предприимчивости и грамотности — дети боярские по многим параметрам обуславливали успешное, поступательное развитие сибирского региона. Они руководили военными и оборонительными операциями, осуществляли дипломатические переговоры на различных уровнях: от налаживания отношений с аборигенной родоплеменной знатью до переговоров с руководителями государственных объединений и военно-потестарных организаций. Подобная деятельность требовала приложения сил и умений, адекватного восприятия действительности и поиска компромиссных решений. Кроме того, дети боярские выполняли многие правительственные и воеводские поручения, связанные с административным и хозяйственным развитием Сибири.

В процессе исторического развития сибирского региона эта группа служилых людей выработала свою субкультуру, в целом мало отличающуюся от субкультуры служилого населения как такового. Однако по ряду показателей дети боярские все же отличались и выделялись из общей среды служилого населения. Это проявлялось как в служебной деятельности, так и в быту.

Дети боярские были русскими государевыми людьми, отличавшимися своими индивидуальными способностями на военном и административном поприще. Эту когорту с успехом дополняли ссыльные военнопленные, попавшие в Сибирь в результате военных действий на западных границах России, например вследствие польско-литовской интервенции. Причем, помимо выходцев из Речи Посполитой, среди военного контингента присутствовали и другие представители Западной Европы. Найденные в архивах факты убеждают в этом. Попавшие в Сибирь пленные «западники» в большинстве случаев имели военные навыки и были грамотны, кроме этого, обладали достаточно широким кругозором, поэтому назначались на высшие административные и военные должности [Соколовский, 2004, с. 115—120]. Таким образом, можно отметить субэтничность этой группы населения. Однако для скорой и успешной реализации своих устремлений необходимо было обладать достаточной степенью способности к адаптации к новым условиям существования. И те, кто обладал этим качеством, успешно вписались в сибирскую действительность. Это позволяло наладить отношения с воеводской администрацией и со своими «сотоварищами» по принадлежности к статусной группе служилых людей. Конечно, среди детей боярских были свои градации: различное жалованье, обладание льготами, поручения властей, но все они составляли особую субкультурную группу, выделявшуюся в сибирском социуме XVII в., прежде всего, своим стабильным материальным положением и близостью к властным структурам.

При довольно пестром этническом составе компактной субкультурной группы, какой являлись дети боярские, возникала естественная проблема взаимной адаптации. Адаптация происходила естественным образом в военно-оборонительных операциях и совместной хозяйственной деятельности.

Дети боярские получали высокое по сравнению с рядовыми казаками государево жалованье, а частое участие в военных походах предоставляло возможности приобретения пушнины для дальнейшей ее реализации. Кроме того, особенно в первой половине XVII в. военные операции сопровождались захватом пленных (ясырей) из среды автохтонного населения Сибири. Подавляющая часть захваченных в плен аборигенов становилась зависимыми дворовыми людьми, обслуживающими хозяй-

ства своих приобретателей. Это давало возможность использовать их труд в своих экономических интересах.

Реализация указанных возможностей способствовала накоплению капиталов у сынов боярских. Немалые доходы приносила им и дипломатическая деятельность в сопредельные государства и государственные объединения. Это позволяло большинству детей боярских обзаводиться крепкими дворами и обустроить свои заимки в уездах. Сыны боярские активно принимали участие в торговле. Поначалу это была почти исключительно пушнина, а затем и иные товары. Доказательством тому являются таможенные документы конца XVI – начала XVIII в. Сельскохозяйственное производство приносило хозяйствам сынов боярских значительные доходы, особенно это становится заметно к началу XVIII в.

Примером может служить томский сын боярский Иван Серединин и его родственники, находящиеся в том же социальном статусе. Иван Серединин имел в 1703 г. пять пашенных заимок общей площадью не менее 2 тыс. десятин, сена он заготавливал до 1150 копен в год. Его хозяйство было ориентировано на развитие животноводства [Люцидарская, 1992, с. 117]. Он и его родственники использовали в своих хозяйствах труд дворовых людей.

Иной пример являет собой сын боярский Кругликов (Круглин, Круглинский). Степана Кругликова в полной мере можно отнести к томским старожилам. По происхождению он шляхтич Мстиславского воеводства, в 1655 г. был взят в плен и сослан в Томск. Кругликов отказался «идти на размен» и получил в награду увеличение денежного жалованья. Он имел значительные угодья в уезде. На его заимке был поставлен двор, где помимо семьи, состоящей из взрослых сыновей и внуков, проживали девять дворовых работников [Болонев, Люцидарская, Шинковой, 2007, с. 44]. Биография Степана Кругликова по многим параметрам схожа с перипетиями иных западных иноземцев, достигших высоких служилых чинов.

Таким образом, этнокультурная группа служилого населения, коими являлись дети боярские, выработала свою идентичность, отличавшую и выделявшую ее из общей среды служилого населения. Это проявлялось как в служебной деятельности, так и в быту: личная активность, склонность к адаптации, предприимчивости, поиску компромиссных решений, грамотность, широкие познания в военно-технической сфере и дипломатии.

Список литературы

Болонев Ф.Ф., Люцидарская А.А., Шинковой А.И. Ссылные поляки в Сибири: XVII, XIX вв. Исследования и материалы. – Новосибирск: Книжница, 2007. – 228 с.

Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 197 с.

Соколовский И.Р. Служилые иноземцы в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). – Новосибирск: Сова, 2004. – 209 с.

References

Bolonev F.F., Lyutsidarskaya A.A., Shinkovoy A.I. Ssyl'nye polyaki v Sibiri: XVII, XIX veka. Issledovaniya i materialy. Novosibirsk: Knizhitsa Publ., 2007, 228 p. (in Russ.).

Lyutsidarskaya A.A. Starozhily Sibiri: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVII – nachalo XVIII veka). Novosibirsk: Nauka, 1992, 197 p. (in Russ.).

Sokolovskiy I.R. Sluzhilye inozemtsy v Sibiri XVII veka (Tomsk, Yeniseysk, Krasnoyarsk). Novosibirsk: Sova Publ., 2004, 209 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Люцидарская А.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СОРАН,

e-mail: lucid1@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-3131-5350>.

**В поисках утраченной идентичности:
стратегии и практики адаптивного поведения
российских переселенцев в Степном крае*
(вторая половина XIX – начало XX века)**

В статье на материалах переселенческого движения в Степной край выявлены факторы формирования и эволюции сословной и этнокультурной идентичности российского крестьянства как субъекта аграрной колонизации. Установлено, что в процессе земледельческого освоения степных областей складывались особые условия, признаком которых являлся конфликт имперских намерений и обстоятельств адаптации мигрантов. Этнокультурное своеобразие региона водворения способствовало росту конфронтации между переселенцами и индигенными народами, что привело к кризису идентичности и актуализации новых сценариев и стратегий адаптации.

Ключевые слова: *Степной край, колонизация, переселения, стратегии адаптивного поведения, сословная идентичность, этнокультурная идентичность.*

Для цитирования: Чуркин М.К. В поисках утраченной идентичности: стратегии и практики адаптивного поведения российских переселенцев в Степном крае (вторая половина XIX – начало XX века). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 316–319. DOI 10.17746/0295-7.2019.316-319.

M.K. Churkin
Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

**In Search of Lost Identity:
Strategies and Practices of Adaptive Behavior
of Russian Immigrants in the Steppe Region
(Second Half of the 19th – Early 20th Century)**

In the article, on the materials of the migration movement in the Steppe Region, the factors of the formation and evolution of estate and ethnocultural identity of the Russian peasantry as a subject of

*После проведения административных реформ 1867–1869 гг. наиболее привлекательные для переселенцев Акмолинская и Семипалатинская области были включены в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а с 1882 г. выделены в Степное генерал-губернаторство с административным центром в Омске. В специальной литературе второй половины XIX – XX в. в отношении Акмолинской и Семипалатинской областей использовался широкий спектр определений: «Степной край», «Степные области», «Степь», «Киргизская (казахская) степь», применяемых для обозначения административного пространства Степного генерал-губернаторства. Термин «Степной край» становится менее поливариативным и более общепотребимым после исключения Семиреченской обл. из состава Степного генерал-губернаторства и перевода ее в юрисдикцию Туркестанского генерал-губернаторства в 1897 г.

agrarian colonization are revealed. It was established that in the process of agricultural development of the steppe regions there were special conditions, a symptom of which was the conflict of imperial intentions and circumstances in which migrants were adapted. The ethnocultural peculiarity of the region of the settlement promoted the growth of confrontation between immigrants and indigenous peoples, which led to a crisis of identity and the actualization of new scenarios and strategies of adaptation.

Keywords: *Steppe region, colonization, resettlement, strategies of adaptive behavior, estate identity, ethnocultural identity.*

For citation: Churkin M.K. In search of lost identity: strategies and practices of adaptive behavior of Russian immigrants in the Steppe Region (second half of the 19th – early 20th century). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 316–319 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.316-319.

Тема колонизации окраин Российской империи уже практически два столетия является предметом оживленных дискуссий в отечественной и зарубежной исторической науке. В последние годы интерес к колонизационной проблематике актуализировался в контексте антропологизации исторического знания, обращения к новым исследовательским подходам, что предопределило смещение акцентов от изучения событийно-описательной канвы «колонизационного дела» в России к осмыслению поведенческих стратегий и практик субъектов переселенческого процесса [Эткинд, 2013].

В новом теоретическом формате особое значение приобретает опыт мобилизации и рефлексии тех исторических сюжетов колонизации, которые направляют исследователя к выявлению факторов формирования и эволюции крестьянской идентичности в обстоятельствах принимающего региона, а также стратегий адаптивного поведения, реализуемых в новой социокультурной среде.

Государственное продвижение в районы Степного края во второй половине XIX – начале XX в., в отличие от освоения Западной Сибири, территории которой имели статус «внутренних» губерний России, имело ряд особенностей. Во-первых, аграрная колонизация степных областей шла в условиях преобладания индигенных народов, что предопределило столкновение оседлого (земледельческого) и кочевого (скотоводческого) хозяйственно-культурных типов. Во-вторых, необходимость заселения Степного края в дискурсе власти мотивировалась внешнеполитическими обстоятельствами – «желтой опасностью», наличие которой неоднократно озвучивали представители государственной власти. В частности, князь Б.А. Васильчиков, выступая в Государственной Думе по переселенческому вопросу, констатировал: «Эта богатая пустыня непосредственно граничит с такими перенаселенными странами и государствами, как Китай и Япония, и мы уже имеем определенные данные о тех мероприятиях, которые “дремлющий Китай” предпринимает для заселения смежных с нами областей» [Васильчиков, 1907, с. 419].

В консервативном сегменте общественно-политического дискурса начиная с 1860-х гг. центральное место занимал вопрос безопасности Российской империи. В данном контексте территории Степного края рассматривались в качестве «полигона» реализации политики «большой русской нации». В результате сложилось мнение, что именно крестьянин должен взять на себя роль транслятора русской культуры и православного мировоззрения, способствуя распространению начал гражданственности среди инородцев. Эксперт Г. Чиркин писал по этому поводу:

«Там, где врезался в грудь земли плуг пахаря, начались уже разложение пастушеского быта и рост быта земледельческого» [1908, с. 59]. Еще более категоричен в оценке ситуации А. Успенский: «Перед правительством лежит прямая задача расширить программу своего вмешательства в степные отношения... устанавливать такие правила, обусловленные действительностью, которые соответствуют представлениям о высшей социальной жизни» [1907, с. 25].

Непосредственно в процессе аграрной колонизации региона идея русского культуртрегерства «пробуксовывала», что было связано с двумя обстоятельствами: неустойчивой идентичностью крестьянства и, как следствие, напряженностью процесса адаптации, сопровождаемого частой и вынужденной сменой сценариев адаптивного поведения в условиях региона-реципиента.

Сословная идентичность крестьян-переселенцев формировалась в условиях традиционного общества, в русле традиционализма происходило образование крестьянских представлений об идеальном мироустройстве, центральное место в котором занимала земля как признак сословной принадлежности и источник существования.

При этом водворение российских переселенцев в областях Степного края сопровождалось естественными ограничениями в возможностях землепользования. Аргументируя свою правоту в процессе оседания на «иностранческих» землях, переселенцы оперировали миссионерскими доводами: «киргиз не вправе пользоваться удобными землями и покосами», «он не крещен», «с японцем не дрался» [Чиркин, 1908, с. 61]. В тех ситуациях, когда коренное население препятствовало захватам, миссионерский апломб сменялся алармическими настроениями: «Царь нас отпустил землю оглядеть, пахать ее, чтобы вволю было, а где земля-то?» [Пономарёв, 1884, с. 141]. В результате традиционный опыт трансляции русским крестьянством стереотипов хозяйственного поведения с ориентацией на земледельческие практики способствовал регулярному воспроизводству поземельных конфликтов с «иностранцами». Регулярные конфликты между переселенцами и индигенными группами как бы исключали крестьянина из привычной системы производственных отношений. Они также приводили к кризису идентичности и усиленным поискам своей сословной тождественности, что обращало их к новым сценариям и стратегиям адаптации: аренде земли у кочевников на кабальных условиях, ремиграциям, участию в неземледельческих промыслах, обратном возвращении на родину.

Проявления кризиса идентичности усиливались в обстоятельствах тесных контактов с «иностранцами». Косвенно об этом свидетельствуют практики предоставления им самостоятельного обособленного управления, мотивированного влиянием культуры аборигенов на русских через территориальное соседство. Власти высказывали оправданные опасения, что, попав в Степном крае под влияние «иностранцев», русские переселенцы утратят собственные национально-конфессиональные черты, а также свойственные русскому человеку верноподданнические чувства. По мнению правительственных чиновников, в условиях мирного сосуществования с «иностранцами» русский человек, оторвавшись от привычной социокультурной среды, легко поддавался чужому влиянию. В этой связи возникало и множилось беспокойство, что в колонизируемом регионе русский человек растеряет свойственные ему национальные черты и привычки. Свидетельства современников событий до некоторой степени подтверждали эти опасения. Писатель И.А. Гончаров упоминал об «объяку-

чивании» русских в Восточной Сибири, подразумевая, что такое воздействие оказывают не только якуты, но и другие народы, чьи привычки и образ жизни усваивают русские переселенцы [Путевые письма..., 1935, с. 29].

Таким образом, процесс аграрной колонизации Степного края, сопровождался коррекциями сословной и этнокультурной идентичности российских крестьян-переселенцев. Преодоление кризиса идентичности происходило в обстоятельствах конфликта между имперскими декларациями о просветительской и культуртрегерской миссии крестьянства и объективными реалиями, в которых реализовывалась производственная деятельность мигрантов.

Список литературы

Васильчиков Б.А. Речь Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием в комиссии Государственной Думы по переселенческому делу, 5 декабря 1907 г. // Вопросы колонизации. – 1907. – № 2. – С. 418–426.

Пономарёв С.О. Лето среди переселенцев // Вестн. Европы. – 1884. – Т. 5. – С. 133–165.

Путевые письма И.А. Гончарова из кругосветного плавания // Литературное наследство. – М.: Журнально-газетное объединение, 1935. – Т. 22/24. – 804 с.

Успенский Ал. Действительность, а не мечты. Влияние колонизации на киргизское хозяйство // Вопросы колонизации. – 1907. – № 2. – С. 1–28.

Чиркин Г. Землеотводное дело в Киргизской степи и необходимость землеустройства киргиз // Вопросы колонизации. – 1908. – № 3. – С. 59–79.

Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.

References

Chirkin G. Zemleotvodnoe delo v Kirgizskoi stepi i neobkhodimost' zemleustroistva kirgiz. In *Questions of colonization*, 1908, No. 3, pp. 59–79 (in Russ.).

Etkind A.M. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 448 p. (in Russ.).

Ponomarev S.O. Leto sredi pereselentsev. In *European Herald*, 1884, vol. 5, pp. 133–165 (in Russ.).

Putevye pis'ma I.A. Goncharova iz krugosvetnogo plavaniya. In *Literary heritage*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, 1935, vol. 22/24, 804 p. (in Russ.).

Uspenskii Al. Deistvitel'nost', a ne mechty. Vliyanie kolonizatsii na kirgizskoe khozyaistvo. In *Questions of colonization*, 1907, No. 2, pp. 1–28 (in Russ.).

Vasil'chikov B.A. Rech' Glavnoupravlyayushchego Zemleustroistvom i Zemledeliem v komissii Gosudarstvennoi Dumy po pereselencheskomu delu, 5 dekabrya 1907 g. In *Questions of colonization*, 1907, No. 2, pp. 418–426 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Чуркин М.К. – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета,

e-mail: proffchurkin@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>.

М.В. Шиловский

*Новосибирский государственный университет,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Россия*

Г.Н. Потанин о формировании идентичности русских старожилов Сибири к началу XX века

Выявляются и рассматриваются основные характеристики этносоциального облика русских старожилов Сибири, сформулированные выдающимся ученым и общественным деятелем Г.Н. Потаниным в 1860–1908 гг. По его мнению, в ходе колонизации Сибири россиянами под воздействием комплекса факторов (климат, этнический и социальный состав переселенцев, территориальная протяженность) к середине XIX в. оформился особый тип сибирского поселенца-старожила. Среди наиболее важных проявлений региональной идентичности он выделяет демократизм, предприимчивость, чувство собственного достоинства, атеизм, расчетливость, стремление к получению знаний.

Ключевые слова: *сибиряк, старожил, казак, инородец, региональная идентичность, община.*

Для цитирования: Шиловский М.В. Г.Н. Потанин о формировании идентичности русских старожилов Сибири к началу XX века. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 320–324. DOI 10.17746/0295-7.2019.320-324.

M.V. Shilovskiy

*Novosibirsk State University, Institute of History,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

G.N. Potanin on Formation of Identity of the Russian Old-Settlers in Siberia by the Early 20th Century

The article identifies and considers main characteristics of ethnosocial image of the Russian old-settlers in Siberia defined by an outstanding scholar and public figure G.N. Potanin in the 1860s–1908. In his opinion, in the course of Russian colonization of Siberia under the impact of the array of factors (climate, ethnical and social composition of settlers, territorial expanse) a special type of the Siberian old-settler had been formed by the mid-19th century. Among the key characteristics of the regional identity, G.N. Potanin gave special importance to democratism, enterprise, self-respect, atheism, prudence and the desire to acquire knowledge.

Keywords: *Siberian, old-settler, Cossack, foreigner, regional identity, commune.*

For citation: Shilovskiy M.V. G.N. Potanin on formation of identity of the Russian old-settlers in Siberia by the early 20th century. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 320–324 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.320-324.

Как известно, проблема региональной и социокультурной идентичности сибиряков относится к дискуссионной. Я попытаюсь выявить наиболее типичные черты

русского старожила Азиатской России в представлении идеолога сибирского областничества и выдающегося ученого Г.Н. Потанина (1835–1920). Он много сделал для теоретической разработки и эмпирического изучения феномена региональной идентичности, сформулировав к началу XX в. вывод о существовании в Сибири особого этнографического типа русского поселенца [Потанин, 1908]. Кстати, мой герой являлся носителем наиболее важных характеристик региональной идентичности: коренной сибиряк, выходец из старинного казачьего рода первозасельщиков региона. Среди «казачьих черт» психоментальности традиционно выделяют свободолюбие, демократизм, коллективизм, удаль, смелость, бесшабашность и т.д.

Пожалуй, самую емкую (интегральную) и краткую характеристику выдающемуся сибиряку как ученому дал его старший товарищ и добрый ангел-хранитель П.П. Семенов-Тянь-Шанский: «Г.Н. Потанин соединил в себе редкие для путешественника по внутренней Азии качества: закаленное трудами и лишениями здоровье, неимоверную неприхотливость и выносливость, достаточное знакомство с местными языками и умение ладить с туземцами... но более всего любовь к делу и полнейшую самоотверженную преданность науке» [1896, с. 282].

Поскольку Сибирь относилась и относится к зоне активных межэтнических контактов, типичными чертами характера местных старожилов являются доброжелательность, толерантность и терпимость во взаимоотношениях с представителями аборигенных этносов. В роли буферной группы между русскими и «инородцами» (казахами, бурятами, якутами и т.д.) выступали казаки, активно усваивавшие элементы культуры сопредельных этносов. Г.Н. Потанин, будучи выходцем из казаков, с детства впитал в себя опыт общения с казаками, накопленный поколениями своих предков. Эти качества сыграли положительную роль в ходе его экспедиций в малоизученные районы Центральной Азии.

По мнению Григория Николаевича, заселение и хозяйственное освоение территории за Уралом связано с инициативой народных масс, ее наиболее предприимчивых и вольнолюбивых элементов. «Сибирь завоевана и населена народом, — утверждал он в 1860 г., — она открыта Ермаком и занята казаками. Все главные предприятия в ее колонизации исполнены частными лицами без правительственного участия» [1860, с. 196]. Отсутствие крепостного права, дворянства, на его взгляд, способствовало формированию демократических традиций у сибиряков и таких качеств, как предприимчивость, стремление к знаниям, чувство собственного достоинства.

Мой герой считал, что Сибирь по природно-климатическим условиям существенно отличается от Европейской России, но внутри нее царит единообразие, оказавшее нивелирующее «действие на всех разнохарактерных переселенцев в нее, великорусы, малороссы, поляки принимают в ней общий, смешанный тип сибиряка» [Потанин, 1865]. В 1908 г. он повторил: «Главный фактор в природе, который обуславливает физиономию страны, — климат. Он обуславливает флору страны и ее пейзаж, фауну и наконец культуру человека. Изучение сибирского климата показало, что разница между ним и климатом Европейской России громадна» [Потанин, 1908].

Подобно идеологам раннего областничества (С.С. Шашков, Н.М. Ядринцев, Н.С. Шукин), Г.Н. Потанин придерживался вывода об образовании в Сибири нового этнографического типа. Причем, если он в цитированном выше отрывке ведет речь о смешении славянских народов, то Шашков и Ядринцев заявляли о слиянии

европейско-русской расы с азиатскими (финно-угорскими и тюрко-монгольскими) народами [Ядринцев, 1865]. По мнению первого, этот процесс происходил при доминировании великоросского (новгородского) племени (ГАОО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 18756. Л. 40), Ядринцев обе исходные группы рассматривал как равнодействующие. Но в совокупности все они предсказывали в обозримом будущем формирование нового этнического типа сибиряка.

По мере хозяйственного освоения Азиатской России служилые люди и промышленники (звероловы) постепенно консолидировались в крестьянский социум. Правильно заметили А.М. Сагалаев и В.М. Крюков: «Потанин считает, что и крестьянство Сибири ощущало свою выделенность из остального крестьянского мира державы. О соседстве с Европейской Русью, сходной по языку и вере, сибирским крестьянам ощутимее всего напоминала ссылка и переселения. Их сосуществование с этим миром протекало в обстановке довольно напряженной. Так закреплялось в уме сибиряка сознание его обособленности» [2004, с. 18–19].

Характерной чертой сибиряка, зафиксированной многими современниками и исследователями, являлся религиозный абсентизм. Как ученый Г.Н. Потанин активно разрабатывал концепцию единого источника эпического наследия восточных и западных народов, полагая, что даже корни евангелического сказания о Христе ведут в Центральную Азию. По авторитетному мнению А.М. Сагалаева и В.М. Крюкова, «в утверждении Потанина, что “образ самого Христа был создан по образу, за много веков раньше существовавшему в глубине Азии”, есть зерно истины, хотя нелегко согласиться с выводом об азиатской родине Христа» [Там же, с. 167].

Атеизм Г.Н. Потанина, как и других видных областников (Н.М. Ядринцев, Н.И. Наумов, С.С. Шашков), проявлялся в негативном отношении к любым видам миссионерской деятельности как своеобразного насилия над мировоззрением аборигенов. Единственным радикальным средством в борьбе с религиозной нетерпимостью он считал развитие светской культуры у коренных народов. Анализируя деятельность Алтайской духовной миссии, Григорий Николаевич в 1877 г. замечал: «Духовная миссия — это оптический обман, ловкий фокус. Кажется, что миссия создала в среде инородцев ряд оседлых поселений, обрусил несколько тысяч, приучила их к полевым работам; есть уже хорошенькие селения, например Улала». Но выделенные деньги расходуются на приличное жалование миссионерам, которые только назидают. «Превращение же Улалы, Мыюты, Сарака в русские деревни объясняется влиянием крестьян; по Семе и Найме начали селиться русские мужики-переселенцы, и здесь не только новокрещенные построили себе дома и оделись по-русски, но и кочующие шаманисты начали понемногу распахать земли. В Онгудае же до сих пор запрещено селиться крестьянам, и вот результат — стан [миссионерский. — М. Ш.] существует 25 лет, а крещенные живут в берестяных шалашах, спят на голой земле и, кроме котла да долбленного ведра, не имеют другой утвари; ни изб, ни скота, ни русской одежды, ни русского языка здесь нет. Позвольте нашему мужику переселиться в Онгудай, и все те, которые записаны в крещенные, в 15 лет обрусеют» [Письма..., 1989, с. 112].

Отчасти атеистический склад характера сибиряка объясняется Г.Н. Потаниным особенностями его психологии: «Сибиряк, напротив, простак: ум его не гибок, логические приемы не развиты, ассоциации идей не многосложны; зато в сибирском народе рассудок, кажется, гораздо более преобладает над чувством, чем в велико-

русском народе. Холодно рассудочная практическая расчетливость сибиряков подавляет в них идеалистическое настроение. Оттого сибиряки гораздо менее мистичны и религиозны, чем российские люди. Ум сибиряка больше руководствуется естественными внушениями или непосредственными чувствами и побуждениями человеческой природы, хотя и самыми низшими, чем какой-нибудь историческими традициями... Ум сибиряка есть отражение дикой сибирской природы и продукт влияния полудиких азиатских племен» [Потанин, 1873, с. 182–183].

Последний сюжет мы обозначим как вопрос о сочетании индивидуалистских и общинных традиций в психоментальности и общественной организации сибирских старожилов. Существование общины в их среде идеологом областничества связывалась с историей освоения региона. «Древняя русская жизнь на окраинах государства, — пояснял он, — организовывалась в народоправстве: на Севере она организовала Новгород, Псков, Вятку; на юге — Донской и Уральский казачьи круги. Ермак проложил путь в Сибирь для массы из казачьего юга и новгородского севера» (РГАЛИ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 235а. Л. 4). Но «великорусский общинник, перевалив через Урал, не принес с собой тогда же поземельной общины; простор земли сделал то, что русская община при переходе через Урал рассыпалась. Из земледельца коллективиста сибирский крестьянин обратился в земледельца индивидуалиста» [Потанин, 1908]. В ситуации массовых миграций российского крестьянства в Сибирь в 1909 г. Григорий Николаевич пророчески заявил: «Сибирское крестьянство само решит, как ему быть, индивидуалистом или коллективистом. В кругу земельных распоряжений «да придет царствие его и да будет воля его» [Потанин, 1909].

Список литературы

- Письма Г.Н. Потанина.** — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. — Т. 3. — 296 с.
- Потанин Г.Н.** Заметки о Западной Сибири // Русское слово, 1860. — № 9. — С. 189–207.
- Потанин Г.Н.** Климат и люди Сибири // Томск. губ. ведомости, 1865, 26 марта.
- Потанин Г.Н.** Русская народность в Сибири (1873) // Потанин Г.Н. Избр. соч. в трех томах. — Павлодар: ЭКО, 2005. — Т. 2. — С. 182–187.
- Потанин Г.Н.** Нужды Сибири // Сибирь ее современное состояние и нужды: сб. ст. под ред. И.С. Мельника. — СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1908. — с. 260–294.
- Потанин Г.Н.** Перспективы сибирского крестьянства // Сиб. жизнь (Томск), 1909, 31 марта.
- Сагалаев А.М., Крюков В.М.** Потанин, последний энциклопедист Сибири. — Томск: НТЛ, 2004. — 204 с.
- Семенов П.П.** История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. — СПб., 1896. — Т. 1. — С. 282.
- Ядринцев Н.М.** Этнологические особенности сибирского населения // Томск. губ. ведомости, 1865, 23 апр.

References

- Pis'ma G.N. Potanina.** Irkutsk: Irkutsk Univ. Press, 1989, vol. 3, 296 p. (in Russ.).
- Potanin G.N.** Zametki o Zapadnoi Sibiri. In *Russkoe slovo*, 1860, No. 9, pp. 189–207 (in Russ.).
- Potanin G.N.** Klimat i lyudi Sibiri. In *Tomskie gubernskie vedomosti*, 1865, March, 26 (in Russ.).

Potantin G.N. Russkaya narodnost' v Sibiri (1873). In *Potantin G.N. Izbrannye sochineniya v trekh tomakh*. Pavlodar: EKO, 2005, vol. 2, pp. 182–187 (in Russ.).

Potantin G.N. Nuzhdy Sibiri. In *Sibir' ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy*: sbornik statei pod red. I.S. Mel'nika. St. Petersburg: A.F. Devrien Publ., 1908, pp. 260–294 (in Russ.).

Potantin G.N. Perspektivy sibirskogo krest'yanstva. In *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk), 1909, March, 31 (in Russ.).

Sagalaev A.M., Kryukov V.M. Potantin, poslednii entsiklopedist Sibiri. Tomsk: NTL, 2004, 204 p. (in Russ.).

Semenov P.P. Istoriya poluvekovoi deyatelnosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. St. Petersburg, 1896, vol. 1, p. 282 (in Russ.).

Yadrintsev N.M. Etnologicheskie osobennosti sibirskogo naseleniya. In *Tomskie gubernskie vedomosti*, 1865, April, 23 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Шиловский М.В. – доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, заведующий сектором Института истории СО РАН,

e-mail: istorik.novosib@gmail.com.

**Этническая идентичность
славянских этнодисперсных групп
сквозь призму персональных текстов
(на материалах Томской области)**

Задача исследования – показать информативность персональных текстов по вопросу этнической идентичности. Источниковой базой стали тексты жителей Томского региона, созданные в последней четверти XX – начале XXI в. Анализ персональных текстов показал, что историко-этнографический контекст включает основные признаки этнической идентичности: этноним, историческую память, национальный язык, религиозную принадлежность, и содержащиеся в них сведения могут сыграть важную роль в изучении этнической идентичности славянских диаспор.

Ключевые слова: *этническая идентичность, славянские диаспоры, персональный текст, этноним, национальный язык, историческая память.*

Для цитирования: Гончарова Т.А. Этническая идентичность славянских этнодисперсных групп сквозь призму персональных текстов (на материалах Томской области). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 325–328. DOI 10.17746/0295-7.2019.325-328.

T.A. Goncharova
*Tomsk State Pedagogical University,
Tomsk, Russia*

**Ethnic Identity of Slavic Ethnic Dispersed Groups
through the Lens of Personal Texts
(Based on the Data of Tomsk Region)**

Current research activities are characterized by the growing interest to personal texts. Research objective is to demonstrate their information value on the issue of ethnic identity. The source base was the texts of Tomsk regions residents written in the last quarter of 20th – beginning of 21st century. Analysis of personal texts demonstrated that historical-ethnographic context includes the basic features of ethnic identity: ethnonym, historical memory, national language, religious affiliation, and the content of these texts can play an important role in studying ethnic identity of Slavic diasporas.

Keywords: *ethnic identity, Slavic diasporas, personal text, ethnonym, national language, historical memory.*

For citation: Goncharova T.A. Ethnic identity of Slavic ethnic dispersed groups through the lens of personal texts (based on the data of Tomsk region). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 325–328 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.325-328.

Современная научная ситуация характеризуется все возрастающим интересом к персональным текстам — мемуарам, автобиографиям, дневникам и т.д. В этом же русле развивается и этнология. Как отмечают ведущие специалисты, наряду с уверенностью в том, что возможности полевых исследований многогранны и практически неисчерпаемы, все более широко начинают использоваться письменные, в т.ч. мемуарные источники [Фурсова, 2007, с. 491]. Однако системно персональные тексты в этнологические исследования до сих пор не привлекаются. В данной работе стоит задача показать информативность персональных текстов по вопросу этнической идентичности.

Источниковой базой стали персональные тексты жителей томского региона, созданные в последней четверти XX — начале XXI в. К наиболее заметным можно отнести семейную историю «Быль о родных», написанную А.А. Малиновским — уроженцем ныне исчезнувшего украинского села Чесноки (Бороковка) Асиновского р-на, а также мемуарные тексты жителей белорусской деревни Ломовицк Первомайского р-на — Ф.А. Юбина, Н.М. Бабуль и А.А. Селевича.

Важным признаком этнической идентичности является этноним. Автор может задействовать его уже на уровне названия мемуарного текста: «Это было в России: история жизни семьи польских переселенцев» [Винокурова, 2004]. Хотя такие этнически маркированные названия встречаются редко. Для обозначения этнической принадлежности украинцев в текстах часто используется этноним «хохлы». А.А. Малиновский в «Были о родных» также предпочел его: «...таких в Сибирь прибыло много “хохлов” — потомков кобзаря, ...хохлы красиво пели про леса долины Чесноки казались им частью Украины*» [с. 3, 5]. В мемуарных текстах авторы не ограничиваются использованием только общеизвестных этнонимов. Так, собственный вариант этнонима для жителей д. Ломовицк, население которой в большинстве составляли белорусы-католики, предложила Н.М. Бабуль: «В нашей деревне преобладали белорусские поляки-католики» [Бабуль, л. 2]. Очевидно, в «изобретении» этого названия свою роль сыграл этноконфессиональный стереотип «католичество — польская вера».

Учитывая, что мы имеем дело с текстами представителей этнодисперсных групп, объединяющим для них является сюжет о переселении в Сибирь как неперменной составляющей исторической памяти переселенцев. В нем может содержаться как фактическая информация: «Ломовицк заселяли многосемейные крестьяне, прибывшие из различных губерний Белоруссии — Костени, Шаринские, Барилы...» [Юбин, с. 6], так и наполненный особой эмоциональностью образ исторической Родины: «Украина моя нянька богатый ты край» [Малиновский, с. 1].

Важная роль в формировании и поддержании этнической идентичности принадлежит языку. Для переселенческих групп этот вопрос актуализируется в связи с сохранением родного языка в условиях иноэтничного окружения. Рассматриваемые мемуарные тексты затрагивают 1920–1930-е гг. — период функционирования национальных школ и включают сведения по белорусским школам в деревнях Ломовицк, Петровск, Константиновка и украинской — в с. Чесноки [Бабуль, л. 2; Малиновский, с. 15–16; Селевич, 2003, с. 39, 49–50; Юбин, с. 31–34]. Кроме

*Сохранена пунктуация автора.

того, в произведениях местами встречается белорусская и украинская речь, что не только придает им особый колорит, но и служит подтверждением трепетного отношения автора к родному языку: «“Не цурайся своей мовы” – читал Повх букварь...» [Малиновский, с. 15].

Значимым фактором идентификации для католиков в ситуации окружающего православного большинства была религиозность. Строительство и судьба костела в д. Ломовицк, где большинство населения являлись католиками, стало неотъемлемым сюжетом в повествованиях местных жителей. Противопоставление по религиозному признаку в своем тексте отразила Н.М. Бабуль: «В нашей деревне преобладали белорусские поляки-католики и поэтому был костел, а православные жители на все церковные обряды ездили в деревню Успенка» [Бабуль, л. 2].

Итак, анализ персональных текстов показал, что историко-этнографический контекст включает основные признаки этнической идентичности: этноним, историческую память, национальный язык, религиозную принадлежность, содержащиеся в них сведения могут сыграть важную роль в изучении этнической идентичности славянских диаспор.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-49-700002 «Этническая история томских деревень в XX в. сквозь призму персональных текстов местных жителей».

Список источников и литературы

Бабуль Н.М. Автобиографический очерк // Муниципальный архив администрации Первомайского р-на Томской обл. Ф. 91. Оп. 1. Д 3. 20 л.

Винокурова Р.М. Это было в России: история жизни семьи польских переселенцев. – Варшава: [б. и.], 2004. – 342 с.

Малиновский А.А. Быль о родных // Личный архив Т.А. Гончаровой.

Селевич А.А. Марьянины внуки: биографическая повесть. – Томск: [б. и.], 2003. – 338 с.

Фурсова Е.Ф. Историко-этнографические материалы в дневниках и заметках белорусского переселенца В.В. Щастного // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 491–494.

Юбин Ф.А. Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны и педагогического труда // Первомайский районный краеведческий музей. – [б. и.]. – 157 с.

References

Babul' N.M. Avtobiograficheskii ocherk. In *Munitsipal'nyi arkhiv administratsii Pervomaiskogo raiona Tomskoi oblasti*. F. 91, Op. 1, D. 3, 20 l. (in Russ.).

Fursova E.F. Istoriko-etnograficheskie materialy v dnevnikakh i zametkakh belorusskogo pereselentsa V.V. Shchastnogo. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII, pp. 491–494 (in Russ.).

Malinovskii A.A. Byl' o rodnnykh. In *Lichnyi arkhiv T.A. Goncharovoi* (in Russ.).

Selevich A.A. Mar'yaniny vnuki: biograficheskaya povest'. Tomsk, 2003, 338 p. (in Russ.).

Vinokurova R.M. Eto bylo v Rossii: istoriya zhizni sem'i pol'skikh pereselentsev. Varshava: [s.l.], 2004, 342 p. (in Russ.).

Yubin F.A. Vospominaniya veterana Velikoi Otechestvennoi voiny i pedagogicheskogo truda. In *Pervomaiskii raionnyi kraevedcheskii muzei*, [s.l.], 157 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Гончарова Т.А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета,

e-mail: gta.76@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5051-9965>.

Персональные тексты по истории деревень томского региона как источник исследования этнокультурной идентичности

На примере воспоминаний потомков старожилов об истории семей и сельских поселений томского региона дается характеристика персональных текстов как источника по исследованию этнокультурной идентичности. Актуальность темы обусловлена недооценкой методологического потенциала персональных текстов и их системного использования. Выявлен информационный потенциал источника, содержащего такие маркеры этнокультурной идентичности, как историческое прошлое, происхождение (социальное, этническое), отличительные черты представителей этнокультурной группы, границы этнической идентичности (оппозиция «мы – они»).

Ключевые слова: *этнокультурная идентичность, народы Сибири, этническая история, томский регион, томские деревни, старожилы, персональные тексты.*

Для цитирования: Грошева Г.В. Персональные тексты по истории деревень томского региона как источник исследования этнокультурной идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 329–332. DOI 10.17746/0295-7.2019.329-332.

G.V. Grosheva
*Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russia*

Personal Texts on the History of Villages in Tomsk Region as the Source for Studying Ethnocultural Identity

Based on the memories of old residents' descendants about the history of families and rural settlements of Tomsk region characteristic to personal texts was provided defining them as the source for studying ethnocultural identity. The relevance of the research subject is proved by underestimate of methodological potential of personal texts and their systematic use. Information potential of the source was revealed containing such features of ethnocultural identity as historical past, origin (social, ethnic), distinctive features of representatives of ethnocultural group, the borders of ethnic identity (opposition "we – they").

Keywords: *ethnocultural identity, peoples of Siberia, ethnic history, Tomsk region, Tomsk villages, old residents, personal text.*

For citation: Grosheva G.V. Personal texts on the history of villages in Tomsk Region as the source for studying ethnocultural identity. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 329–332 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.329-332.

Актуальность темы исследования обусловлена возросшим интересом научного гуманитарного сообщества к феномену социальной памяти и его значимости в формировании образа этнокультурного прошлого и недостаточным привлечением в качестве источника его изучения увеличившегося в последние десятилетия массива персональных текстов (автобиографических материалов, воспоминаний, писем и пр.).

Целью исследования является выявление информационного потенциала персонального текста как источника по изучению феномена этнокультурной идентичности. Обращение к этому виду источников позволяет получить информацию, не ограниченную заранее заданными исследовательскими рамками, а свободно излагаемую и актуальную для автора текста.

Источниковую базу составили персональные тексты об истории семей и сельских поселений томского региона – воспоминания потомков старожилов, написанные в конце XX – XXI в. Наиболее информативными являются сочинения уроженца д. Пристань Каргасокского р-на Томской обл. И.К. Голещихина «Нарымские были» (фамилия Голещихиных упоминается в числе наиболее известных среди старожилов [Бардина, 2014]) и Т.Д. Соколовой, уроженки с. Молчаново Молчановского р-на. Воспоминания Т.Д. Соколовой, написанные ею собственноручно в 1996 г., были опубликованы Е.И. Доровенчик. Использовались также мемуарные тексты жителей сельских населенных пунктов Томского региона Г.И. Игнатова (д. Цыганово Зырянского р-на) и Н.И. Михайлиной (д. Вороно-Пашня Асиновского р-на).

Предки старожилов, называемые по всей Сибири «чалдонами» или «челдонами», переселились сюда в дореформенное время (до 1861 г.) и сложились в достаточно однородную группу со своими культурно-бытовыми и языковыми особенностями [Там же]. Маркеры этнокультурной идентичности этой группы населения нашли прямое отражение в воспоминаниях потомков старожилов.

Во всех текстах отмечается давность проживания предков на земле Сибирской: «...интересная личность мой дед Сергей. Родился в 1886 году в семье казака Чернова Ивана, осевшего на Вороно-Пашенских землях с незапамятных времен» [Михайлина, 2016, с. 39], «Мой дед, Крымский Иван Афанасьевич, родился в деревне Костарево в девятнадцатом веке» [Голещихин, 2015, с. 3]. Это обстоятельство выступает важной отличительной характеристикой старожильского населения от более поздних переселенцев.

В качестве маркера этнокультурной идентичности в текстах выступают такие самоназвания старожилов, как «первые русские» [Доровенчик, 2014], «потомственные нарымчане», «чалдоны», «исконные чалдоны», «сибирские чалдоны» [Голещихин, 2015, с. 6, 8, 20, 227] и др. Самоназвание «челдон» фиксируется в текстах и как название компактного места проживания: «старинное чалдонское село Казальцево» [Там же, с. 20], «Средина же деревни называлась Челдоны» [Игнатов, 2005, с. 35]. Отмечается и принадлежность к служилому сословию – казачеству [Михайлина, 2016, с. 39]. В случае со смешанными семьями для авторов текстов важным оказывается указание на этническую составляющую идентичности, отличную от русской: «Моя бабушка – остячка (мать моей мамы)» [Доровенчик, 2014], «Бабушка моя Мария Максимовна ...беленькая звонкоголосая хохлушечка...» [Михайлина, 2016, с. 19].

Авторы текстов в качестве отличительных характеристик старожилов отмечают внешность, характер и деловые качества: «Это село славилось исконными чалдонами, людом трудолюбивым и отчаянным» [Голещихин, 2015, с. 20]; «...уважали татары наших нарымских мужиков с отменным здоровьем, не унывающих. Перед глазами стоит образ крепкого собой сибирского мужика. <...> Бывало, возьмет такой мужик голыми руками на морозе железо, и ничего его рукам не делается [Там же, с. 40–41]; «Наум Игнатьевич был хорошим столяром и плотником, владел семью ремеслами. Был жаден в работе, и в любое время года у него находилось много дел» [Игнатов, 2005, с. 23]; «Умели сибирские чалдоны работать, а в праздники – гулять, хранить свою честь... <...> ...защищать Отечество Российское» [Голещихин, 2015, с. 227].

При описании жизни старожильческих поселений упоминаются коренные народы и другое иноэтничное окружение: в бытовых сценах («школьные друзья – остячата» [Там же, с. 69], «Слышу исашные как закричат...» [Игнатов, 2005, с. 31]), при описании населения поселков, в зарисовках хозяйственного уклада, традиций, жилища [Доровенчик, 2014; Игнатов, 2005, с. 89, 95; Голещихин, 2015, с. 62, 187, 219–221]. Для авторов оказывается важным обозначение границ этнокультурной идентичности через противопоставление «мы – они».

Информативность персональных текстов не вызывает сомнения. Они являются носителями сведений о таких составляющих этнокультурной идентичности, как историческое прошлое, социальное и этническое происхождение, отличительные характеристики представителей своей этнокультурной группы (внешность, характер, деловые качества), границы собственной этнокультурной идентичности, определяющиеся через оппозицию «мы – они».

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-49-700002 «Этническая история томских деревень в XX в. сквозь призму персональных текстов местных жителей».

Список источников и литературы

Бардина П.Е. Старожилы и переселенцы на томской земле (особенности взаимоотношений по этнографическим материалам) // Сибиряки вольные и невольные: сайт мемориального проекта. Часть I. Старожилы. – 2014. – URL: <https://сибиряки.онлайн/documents/starozhily-i-pereselency-na-tomskoj-zemle-osobennosti-vzaimootnoshenij-po-etnograficheskim-materialam-chast-1-starozhily/> (дата обращения: 18.10.2018 г.).

Голещихин И.К. «Нарымские были». – Томск: Иван Федоров, 2015. – 274 с.

Доровенчик Е.И. Воспоминания Таисьи Дмитриевны Соколовой. 2014 // Сибиряки вольные и невольные: сайт мемориального проекта. – URL: <https://сибиряки.онлайн/documents/vospominaniya-taisi-dmitrievny-sokolovoj/> (дата обращения: 18.10.2018 г.).

Игнатов Г.И. Далекое и близкое. Очерки. Воспоминания. – Асино: Изд-во Асиновское, 2005. – 223 с.

Михайлина Н. Дорога домой: книжка о родном селе Вороно-Пашня. – Томск: [б. и.], 2016. – 60 с.

Referenses

Bardina P.E. Starozhily i pereselentsy na tomskoj zemle (osobennosti vzaimootnoshenii po etnograficheskim materialam). Pt. 1. Starozhily, 2014. In *Sibiriyaki vol'nye i nevol'nye: sait memorial'nogo proekta*. URL: <https://sibiriyaki.onlain/documents/starozhily-i-pereselency-na-tomskoj-zemle-osobennosti-vzaimootnoshenij-po-etnograficheskim-materialam-chast-1-starozhily/> (accessed: 18.10.2018) (in Russ.).

Dorovenchik E.I. Vospominaniya Tais'i Dmitrievny Sokolovoi, 2014. In *Sibiriyaki vol'nye i nevol'nye: sait memorial'nogo proekta*. URL: <https://sibiriyaki.onlain/documents/vospominaniya-taisi-dmitrievny-sokolovoj/> (accessed: 18.10.2018) (in Russ.).

Goleschikhin I.K. Narymskie byli. Tomsk: Ivan Fedorov, 2015, 274 p. (in Russ.).

Ignatov G.I. Dalekoe i blizkoe. Ocherki. Vospominaniya. Asino: Asinovskoe Publ., 2005, 223 p. (in Russ.).

Mikhailina N. Doroga domoi: knizhka o rodnom sele Vorono-Pashnya. Tomsk: [s.l.], 2016, 60 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Грошева Г.В. – кандидат исторических наук, доцент Томского государственного педагогического университета,

e-mail: groshevagv@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9011-1200>.

Особенности этнокультурной идентичности белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока

Работа посвящена исследованию этнокультурной идентичности потомков белорусских крестьян-переселенцев второй половины XIX – начала XX в., проживающих на территории Сибири и Дальнего Востока. Рассмотрены формы региональной, локальной и этнической идентичности переселенцев, а также сложившиеся по отношению к ним этнокультурные стереотипы. Установлено, что важную роль в формировании идентичности переселенцев играла мировоззренческая дихотомия «свой – чужой», которую можно считать проявлением универсальной социально-психологической потребности локальных сообществ разного масштаба.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, этнокультурные стереотипы, крестьянские переселения, локальные сообщества, белорусы, челдоны, самоходы.

Для цитирования: Федоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 333–335. DOI 10.17746/0295-7.2019.333-335.

R.Yu. Fedorov
*Tyumen Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Tyumen, Russia*

The Features of Ethnocultural Identity of Belarusian Peasant-Migrants of Siberia and the Far East

The work is devoted to a research of ethnocultural identity of descendants of the Belarusian peasant-migrants of the second half 19th – the beginnings of the 20th centuries living in the territory of Siberia and the Far East. Forms of regional, local and ethnic identity of migrants as well as its ethnocultural stereotypes are considered. It is established that an important role in formations of migrant's identity was played a world outlook dichotomy "us vs them" which may be considered as manifestation of universal social and psychological requirement of local communities of different scales.

Keywords: *ethnocultural identity, ethnocultural stereotypes, peasant resettlements, local communities, Belarusians, Cheldony, Samokhody.*

For citation: Fedorov R. Yu. The features of ethnocultural identity of Belarusian peasant-migrants of Siberia and the Far East. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 333–335 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.333-335.

Массовые переселения белорусских крестьян на территорию Сибири во второй половине XIX – начале XX в. способствовали возникновению у них новых форм этнокультурной идентичности. Ввиду того, что в период миграций национальное самосознание большинства представителей белорусского крестьянства еще не было

сформировано, в их среде первоначально доминировала региональная идентичность. Она, как правило, отождествлялась с губерниями, откуда были родом переселенцы. Выходцы из них называли себя «могилевскими», «витебскими» и т.д. В Сибири переселенцы из одного региона стремились сформировать на новом месте свои земляческие микрообщности. Эту тенденцию можно хорошо проследить по наличию в целом ряде сибирских деревень отдельных улиц или районов, где селились выходцы лишь из определенных мест.

На территории Сибири сложилось несколько основных моделей расселения белорусских крестьян-переселенцев. Наиболее устойчивой из них являлся куст переселенческих деревень, жители которых вступали в совместные браки, сохраняя на долгие годы не только земляческую, но и семейно-родовую общность. Менее устойчивыми моделями расселения оказались смешанные деревни и хутора.

На территории значительной части земледельческой зоны Сибири широкое распространение имели названия «челдон» и «самоход». Первым из них было принято называть русских старожилов Сибири, большинство предков которых обосновались на ее территории в XVII – первой половине XIX в. Вторым названием обычно обозначали переселенцев конца XIX – начала XX в. В Сибири название «самоход» широко применялось по отношению к переселившимся на ее территорию белорусам, нередко выступая в качестве их самоназвания. По материалам полевых исследований в ряде регионов Сибири нами были уточнены границы смыслового поля и ареалов географического распространения названия «самоход». Сделан вывод о том, что первоначально слова «челдон» и «самоход» имели свои узкие, локальные значения, но позднее, по мере развития переселенческого движения, они превратились в своеобразные этнокультурные стереотипы. При этом ареал их массового распространения простирался в пределах земледельческой зоны от Зауралья до Прибайкалья.

Следует отметить, что сложившееся в Сибири разделение старожилов на челдонов и самоходов далеко не исчерпывает круг этнокультурных стереотипов, которые применялись к белорусским крестьянам-переселенцам. К их распространенным примерам также можно отнести название «лапотники», которое давали переселенцам старожилы, носившие кожаную обувь, а также название «хохлы», которое в Сибири иногда использовалось не только в отношении украинцев, но и белорусов. В разных районах и поселениях также всегда существовало большое многообразие локальных коллективных прозвищ.

После создания советского государства на территории Белорусской ССР начала проводиться политика белорусизации, она отразилась на этническом статусе крестьян, которые ранее переселились из нее в Сибирь. Важной вехой в формировании этнического самосознания переселенцев стало проведение Всесоюзной переписи населения 1926 г., в ходе которой впервые была произведена дифференциация восточнославянского населения СССР на русских, украинцев и белорусов. По ее данным, на территории Сибирского края проживало 320 320 белорусов, из них сельское население, состоявшее из крестьян-переселенцев, составляло абсолютное большинство – 311 329 чел. В Дальневосточном крае проживало 41 124 белоруса, из них сельское население насчитывало 36 186 чел. [Всесоюзная перепись..., 1926].

В 1930–1940-е гг. коллективизация и индустриализация, а также последствия Великой Отечественной войны привели к серьезным демографическим изменениям в местах компактного проживания белорусских крестьян-переселенцев. Во второй

половине XX в. в результате увеличения количества смешанных браков, процессов урбанизации и модернизации жизненного уклада советской деревни все больше потомков белорусских крестьян-переселенцев стали отождествлять себя с русскими либо просто не задумывались о своем этническом происхождении. Исходя из этого, в качестве современного этнокультурного статуса рассмотренной нами группы мы считаем более уместным использовать понятие не «белорусы», а «потомки белорусских крестьян-переселенцев».

В настоящее время большинство из описанных в статье форм этнокультурной идентичности носят реликтовый характер и не играют заметной роли в повседневной жизни деревень, основанных белорусами в Сибири. Несмотря на это, изучение граней идентичности переселенческих сообществ не теряет своей актуальности, т.к. именно оно дает возможность получить целостное и объективное представление об их этнических и социокультурных особенностях, а также об истоках, взаимодействиях и трансформации отдельных компонентов их традиционной культуры.

Опираясь на ряд общих тенденций, выявленных в ходе исследования, можно сделать вывод о том, что у каждого локального сообщества существуют свои индивидуальные доминирующие компоненты этнокультурной идентичности, которые находятся в процессе постоянных трансформаций. Важную системообразующую роль в них играет мировоззренческая дихотомия «свой – чужой», выступающая главным источником формирования и сохранения любой формы идентичности. При этом она распространяется на разные иерархические уровни этнокультурной идентичности, относясь не только к взаимодействиям переселенцев и внешнего этнокультурного окружения, но и к внутренней структуре переселенческих общностей. Поэтому ее можно рассматривать в качестве проявления универсальной социально-психологической потребности локальных сообществ разного масштаба.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00028а.

Список литературы

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1082 (дата обращения: 14.09.2018).

References

All-Union Population Census of 1926. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/archiv04.php>. (accessed: 14.09.2018) (in Russ.).

Сведения об авторе:

Федоров Р.Ю. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Тюменского научного центра СО РАН,

e-mail: r_fedorov@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>.

Особенности женской идентичности в городах Пермской губернии в конце XIX – начале XX века

Работа посвящена исследованию формирования новой женской идентичности в городах Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. Данный процесс происходил неравномерно, наиболее динамично в крупных торгово-промышленных центрах, таких как Пермь, Екатеринбург, в среде образованных слоев. Основными составляющими новой идентичности женщин стали повышение роли образования, занятие профессиональной, общественной деятельностью, участие в культурной жизни, а также воспитание детей в соответствии с передовыми взглядами медицины и педагогики; наблюдалась демократизация семейных отношений.

Ключевые слова: *женская идентичность, город, Пермская губерния, профессиональная деятельность, благотворительность, досуг, демократизация.*

Для цитирования: Кончаковская Н.Б. Особенности женской идентичности в городах Пермской губернии в конце XIX – начале XX века. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 336–338. DOI 10.17746/0295-7.2019.336-338.

N.B. Konchakovskaya
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Features of Female Identity in the Cities of the Perm Province at the End of 19th – the Beginning of the 20th Century

Article is devoted to a research of formation of new female identity in the cities of the Perm province at the end of 19th – the beginning of the 20th century. This process happened unevenly, is the most dynamic in the large commerce and industry centers, such as Perm, Yekaterinburg, in the environment of the literate. The author has considered the main components of new identity of women was increase in a role of education, the humane attitude towards children, professional activity, participation in charitable, cultural life of the cities.

Keywords: *female identity, city, Perm province, professional activity, charity, leisure, democratization.*

For citation: Konchakovskaya N.B. Features of female identity in the cities of the Perm province at the end of 19th – the beginning of the 20th century. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 336–338 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.336-338.

В конце XIX – начале XX в. в России в процессе модернизационных изменений шло формирование новой женской идентичности. В рассматриваемый период в идентичности российских женщин возросла роль образования, наблюдалась рационализация поведения, реализация себя в общественной жизни, в т.ч. в профессиональной, благотворительной, культурно-просветительной сферах [Пушкарева, 2002; Котлова, 2003]. В городах Пермской губернии, как и в других провинциаль-

ных городах, в той или иной мере получала развитие урбанизация с формированием особой городской культуры, оказывавшая влияние на ценности и образ жизни женщин.

Формирование новой женской идентичности в городском пространстве Пермской губ. шло неравномерно, новации сочетались с традиционными установками, создавая многовариантность. Наиболее восприимчивыми для новаций в гендерной идентичности являлись представительницы образованных слоев населения городов. В среде крестьян, мещан, мелкого и среднего купечества традиционные устои трансформировались медленно. Города Пермской губ. отличались по своему экономическому и культурному развитию, к примеру, в крупных торгово-промышленных городах Перми и Екатеринбурге процессы урбанизации происходили наиболее динамично; города, оставшиеся вдали от транспортных узлов, без объектов производства и торговли, не получили должного развития.

Одним из важных изменений в женской идентичности в городах Пермской губ., как и в России в целом, в данный период было повышение роли образования. В городах Пермской губ. резко увеличилось число учебных заведений для девочек, как начальных, так и средних школ. Появлялись возможности получения образования на высших женских профессиональных курсах в крупных российских городах. Все больше родителей начинали понимать необходимость получения образования их дочерями, однако, по оценкам местной общественности, в ряде семей «низших классов» сохранялось негативное отношение к женскому образованию.

В процессе модернизации происходили изменения в сфере семейно-брачных отношений. Можно говорить об их демократизации, постепенном уходе от патриархальных основ. В это время нормой для российской общественности являлись отношения между супругами, основанные на взаимном уважении, любви, воспитание детей должно было строиться на гуманности и любви. Такие отношения были наиболее распространены среди семей образованных горожан; в среде мещан, крестьян, в небольших городах, по словам современников, могли господствовать «старинные нравы» со строгим отношением к домочадцам, с побоями жен и детей.

Замужество являлось важной жизненной установкой большинства женщин, проживавших в городах Пермской губ. Как и по России в целом, ранняя брачность встречалась очень часто. Однако выбор брачного партнера становился более свободным от воли родителей [Бушмаков, 2006]. Помимо этого, имела место определенная степень эмансипации сексуальности в среде городской молодежи. По статистике, в городах Пермской губ. в 1887–1914 гг. доля женщин, вышедших замуж в 20 лет и младше, в общем числе вышедших замуж была более низкой, нежели в уездах. Самый высокий возраст выхода замуж наблюдался в губернской Перми. Большую роль в выборе невесты мог играть экономический фактор.

В городском пространстве менялось отношение к материнству. Понимание роли матери в воспитании детей в среде аристократии, интеллигенции обычно строилось в соответствии с новыми достижениями медицинской и педагогической наук, в русле идеологии «сознательного материнства, новой культуры родительства» [Мицюк, 2015]. Все больше женщин рожали в городских роддомах. Вместе с этим сохранялась высокая детская смертность, и медицинская общественность заявляла, что многие матери из бедных слоев населения, из среды крестьянства и мещанства не соблюдали элементарных правил по уходу за маленькими детьми.

Распространенным явлением в городской среде Пермской губ. стало участие женщин в общественной жизни. Передовые женщины из слоев аристократии, интеллигенции, богатого купечества, в т.ч. и в небольших городах (например, в Ирбите, Чердыни, Алапаевске), активно участвовали в культурно-просветительской, благотворительной деятельности.

Расширялся выбор профессий: женщины из образованных слоев имели возможность работать учителями, репетиторами, гувернантками. Для женщин стали доступны профессии в медицинской сфере, работа телеграфистками, телефонистками, приказчиками, канцелярскими служащими. Представительницам «низших» слоев населения по-прежнему предлагалась низкоквалифицированная работа — по большей части в качестве прислуги. Женский труд также использовался на льнопрядильных, швейных, свечных, мыловарных и др. фабриках. Наблюдалось увеличение числа женщин-предпринимательниц.

Появление новых видов городского досуга и развитие традиционных тоже оказывало влияние на образ жизни горожанок. Участие в любительских спектаклях, городских гуляниях, посещение театров, концертов, балов, кинематографа, чтение, путешествия становились признаками новой женской идентичности.

Список литературы

Бушмаков А.В. Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX — начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. — Пермь, 2006. — 268 с.

Котлова Т.В. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX—XX веков. — Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2003. — 418 с.

Мицюк Н.А. Тандем «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX—XX вв. // Женщина в российском обществе. — 2015. — № 1. — С. 17–20.

Пушкарева Н.Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801–1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. — 2002. — № 6. — С. 52–66.

References

Bushmakov A.V. *Izmeneniya mental'nosti gorodskogo naseleniya rossijskoj provintsii v kontse XIX — nachale XX veka: cand. sc. (history) dissertation abstract, Perm, 2006, 268 p. (in Russ.).*

Kotlova T.V. *Rossijskaya zhenshchina v provintsial'nom gorode na rubezhe XIX—XX vekov. Ivanovo, 2003, 418 p. (in Russ.).*

Micyuk N.A. *Tandem “soznatel'noj materi” i vracha: zarozhdenie pедиатрического patronazha nad grudnymi det'mi v Rossii na rubezhe XIX—XX vv. In Zhenshchina v rossijskom obshchestve, 2015, No. 1, pp. 17–20 (in Russ.).*

Pushkareva N.L. *“Derzkie i bespokojnye” (“Zhenskaya istoriya” Rossii 1801–1905 gg.: formy sotsial'noj aktivnosti). In Otechestvennaya istoriya, 2002, No. 6, pp. 52–66 (in Russ.).*

Сведения об авторе:

Кончаковская Н.Б. — соискатель кафедры истории России Уральского федерального университета,

e-mail: natalia_konchak@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7619-5631>.

Обрядовая поэзия как показатель самоидентификации русского старожильского населения Якутии (XVIII–XXI века)

В статье рассмотрены основные особенности русского обрядового фольклора в среднем Приленье и на Северо-Востоке Якутии. В Приленье отдается предпочтение хороводным песням, они до сих пор исполняются в деревнях Хангаласского и Олекминского р-нов. Носителями фольклора выступают билингвы. Языковые изменения в основном наблюдаются в тексте произведений русского фольклора. На Колыме и Индигирке практически перестали исполнять песни, связанные со свадьбой.

Ключевые слова: анкетирование, старожилы, старообрядцы, обрядовый фольклор, традиция, песни, взаимовлияние, билингвизм, исполнители, локальные особенности.

Для цитирования: Чарина О.И. Обрядовая поэзия как показатель самоидентификации русского старожильского населения Якутии (XVIII–XXI века). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 339–341. DOI 10.17746/0295-7.2019.339-341.

O.I. Charina

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Yakutsk, Russia*

Ceremonial Poetry as an Indicator of Self-Identification of the Russian Old Resident's Population of Yakutia (the 18th–21st Centuries)

The article is devoted to the main features that characterize Russian ritual folklore in the middle of the Prilenye and in the North-East of Yakutia. In Prilenye people prefer dance songs. All these works are still alive in the villages of Khangalassky and Olekminsky districts. The performers of folklore are bilingual, mainly linguistic changes are observed in the compositions of Russian folklore. In Kolyma and Indigirka, they practically stopped singing songs related to the wedding.

Keywords: questioning, old-timers, Old Believers, ritual folklore, tradition, songs, mutual influence, bilingualism, performers, local features.

For citation: Charina O.I. Ceremonial poetry as an indicator of self-identification of the Russian old resident's population of Yakutia (the 18th–21st centuries). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 339–341 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.339-341.

Русские расселялись в Среднем Приленье и в устье рек Колыма и Индигирка начиная с XVIII в. Длительная история освоения края, связанная с установлением постоянной почтовой связи между Якутском и Иркутском, сложный этнокультурный

состав населения, образованный из разных групп сосланных сюда людей, ассимиляционные процессы — все эти факторы послужили формированию специфичности фольклора у населения данной местности. За долгие годы совместного проживания в Хангаласском, Олекминском улусах сложилась особая группа населения, которая в просторечии называет себя «пашенными». Все слушатели — билингвы, но бытовая речь у якутов и русских Хангаласского и части Олекминского улусов — якутская.

Русские старожилы Колымы и Индигирки, с тех пор как пришли в эти места в середине XVIII в., многое освоили и развили в суровых условиях природы, а также восприняли от аборигенов края. Для нас было важно понять особенности самосохранения русских в местах, расположенных далеко от основных мест их проживания.

В 2016 и 2017 гг. нами проводились анкетирования, связанные с темой исторической памяти в поликультурном пространстве Якутии. Часть вопросов касалась темы бытования русского фольклора в с. Синск Хангаласского р-на, которое находится примерно в 300 км от г. Якутска. Заметим произошедшую к настоящему времени смену состава населения в с. Павловск Мегино-Кангаласского р-на. В этом селе в основном проживают якуты, а когда-то населявшие с. Павловск русские, главным образом старообрядцы, постепенно разъехались либо в Нижний Бестях, Якутск, либо в другие города России.

Применительно к устной народной традиции в селах задавались следующие вопросы, связанные с традицией исполнения песен в семье. Некоторые результаты опросов были приведены в публикации о состоянии традиции в с. Синск Хангаласского р-на [Чарина, 2017].

В с. Синск на протяжении нескольких десятилетий существует ансамбль «Реченька», который собрал в свой репертуар песни предков. В группу входят мужчины и женщины средних лет, есть молодые — тридцатилетние. В с. Павловск также есть ансамбль — «Павловские вечорки». Костяк этого ансамбля составляют семь женщин старшего возраста (более пятидесяти лет), в основном якутки.

Если в песенный репертуар ансамбля с. Синск Хангаласского улуса включены в большинстве своем хороводные песни, песни о любви [Фольклор..., 1994, с. 19—44], то песни, которые исполняют женщины ансамбля с. Павловск, — авторские песни советского времени. Помимо этого, женщины поют песни и на якутском языке.

Анализ хороводно-игровых песен показывает, что они вошли в репертуар местных якутов, у русских же этот репертуар мог актуализироваться заново уже от якутов, что мы наблюдаем в записях Г.В. Ксенофонтова еще начала XX в. Поэтому так часты во многих хороводных песнях фонетические, лексические и грамматические изменения, показывающие влияние якутского языка.

Заметно, что при продолжительном влиянии якутского языка возможны дальнейшие отклонения от «канонических» текстов. Так, исполнитель не задумывается над припевом «Вотильеновый люли» в песне «Я по горенке хожу».

Использование взаимного двуязычия обусловлено, прежде всего, средой. Все слушатели — билингвы, но бытовая речь у якутов и русских Хангаласского и части Олекминского улусов якутская. Описанная ситуация, обусловленная особенностями самосознания местного населения, привела к формированию форм устного народного творчества, отличного от фольклора других мест Сибири.

Список литературы

Фольклор русского населения Якутии (Русские песни Ленского тракта) / сост. О.И. Чарина. — Якутск, 1994. — 130 с.

Чарина О.И. Село Синск Хангаласского улуса РС (Я) как заповедное место в бэкграунде культурологической глобализации // Гражданское общество в эпоху глобализации: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. 17 мая 2016 г. / под общей ред. И.И. Подойницыной. — СПб.: Изд-во СПб. академ. ун-та, 2017. — С. 87–92.

References

Charina O.I. Selo Sinsk Hangalasskogo ulusa RS (Ya) kak zapovednoe mesto v bekgraunde kul'turologicheskoy globalizatsii. In *Grazhdanskoe obshchestvo v epohu globalizatsii. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 17 maya 2016 g. pod obshchej red. I.I. Podojnitsynoj*. St. Petersburg: St. Petersburg Academic Univ. Press, 2017, pp. 87–92 (in Russ.).

Fol'klor russkogo naseleniya Yakutii (Russkie pesni Lenskogo trakta). Sost. O.I. Charina. Yakutsk, 1994, 130 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Чарина О.И. — доцент, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,

e-mail: ochar@list.ru,

https://orcid.org/0000-0002-9705-6806.

Проявление этнической и локальной идентичности в погребально-поминальной обрядности русских Западной Сибири

Исследования этнической идентичности, как правило, связаны со статистикой, работами социологов и сбором анкет. Однако осознание себя как части историко-культурной группы проявляется в различных сферах жизни, в т.ч. в погребально-поминальной обрядности. Цель данной работы – проанализировать эти проявления. В семейной обрядности русских находят отражение оппозиция «мы – они», этническая и локальная идентичность.

Ключевые слова: *этническая идентичность, локальная идентичность, погребально-поминальная обрядность, русские Западной Сибири, оппозиции, кладбища, немцы, казахи, татары, старообрядцы.*

Для цитирования: Межевикин И.В. Проявление этнической и локальной идентичности в погребально-поминальной обрядности русских Западной Сибири. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 342–345. DOI 10.17746/0295-7.2019.342-345.

I.V. Mezhevikin

*D.S. Likhachev Siberian Branch of the Russian Research
Institute of Cultural and Natural Heritage,
Omsk, Russia*

The Demonstration of Ethnic and Local Identity in the Funeral and Memorial Rites of Russian in Western Siberia

The studies of ethnic identity are usually associated with statistics, sociology and the questionnaires. However, self-awareness of people as part of a historical and cultural group manifests itself in various life spheres, including funeral and memorial rites. This thesis is aimed to analysis of those manifestations. In the family rites of the Russians there are reflections of the opposition “we – they”, ethnic and local identity.

Keywords: *ethnic identity, local identity, funeral and memorial rites, Russian in Western Siberia, oppositions, cemeteries, Germans, Kazakhs, Tatars, Old Believers.*

For citation: Mezhevikin I.V. The demonstration of ethnic and local identity in the funeral and memorial rites of Russian in Western Siberia. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories,* 2019, 342–345 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.342-345.

По определению Л.М. Дробижевой, этническая идентичность – это «сознание общности людей, базирующееся на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении

к ним и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений» [2010, с. 49]. Исследования этнической идентичности, как правило, связаны с социологическими опросами, сбором статистических данных. Однако проявление «сознания общности» происходит в различных ситуациях. В данной работе речь пойдет о практике погребально-поминальной обрядности. Источниковой базой для исследования послужили полевые материалы экспедиций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского и рукописный фонд Государственного учреждения культуры «Курганский областной центр народного творчества и кино».

В беседах с информаторами проявляется их этническая идентичность, причем множественная, в т.ч. локальная, заметны оппозиции вида «мы — они»: «мы — кержаки», «мы — татары», «мы — немцы» и т.д. Н.Н. Гетман из с. Сорокино Сорокинского р-на Тюменской обл. рассказал о том, что сорокинские кержаки просили делать могилы с подбоем, а татары хоронят «сижа», в то время как русские предпочитают могилы с полатами (голубчиком) (МЭЭ ОмГУ, 2009, п.о. 11, л. 14). Полаты изначально были характерны для украинского, белорусского и южнорусского населения [Бережнова, 2008, с. 180; Бережнова, 2006, с. 43]. Они стали своеобразным маркером русского народа в Западной Сибири, где потомки выходцев с белорусских и украинских земель часто считают себя русскими. С.А. Баженов из с. Дубровное Лебяжьевского р-на Курганской обл. на вопрос о могиле с «подкопом» [Бережнова, 2008, с. 180] ответил, что «у казахов подкоп, доску ложат» (МЭЭ ОмГУ, 2018, п.о. 17, л. 46 об.).

В беседах о погребально-поминальной обрядности русских нередко встречается противопоставление: мирских и старообрядцев, чаще всего называемых «кержаками» (ГУ КОЦНТ РФ, папка 11, л. 21). Функционирует основной механизм самоидентификации: «мы — не они». Нередко встречаются сообщения, что старообрядцы делали гробы из колоды, а мирские — из досок: «старики, которы двоедане, долбили, церковны из досок» (Там же, л. 195 об.), «гроб долбленный <...> в таких гробах хоронили кержаки» (МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Оп. 92-3. Д. VI, л. 113). Традиция изготовления долбленных гробов бытовала и у мирян, но у старообрядцев сохранилась дольше.

На кладбище с. Бергамак Муромцевского р-на Омской обл. был «кержацкий угол». Несмотря на то, что последний «кержак» давно умер [Бережнова, 2009, с. 244], а соседние участки кладбища очень плотно заполнены, вокруг его могилы оставлено свободное пространство, которого бы хватило на несколько десятков погребений. В то же время встречаются захоронения русских с татарами или немцами в одной оградке, что неудивительно, учитывая нередкость межэтнических браков в Сибири. По словам информаторов, особого порядка в том, кого рядом с кем хоронить (с этнической точки зрения), нет (МЭЭ ОмГУ, 2009, п.о. 11, л. 3 об.). Основным критерий — родство: «обычно умерших подхоранивают к родственникам» (Там же, п.о. 9, л. 12).

Ориентация могил немцев на русских кладбищах позволяет быстро их идентифицировать. На кладбище с. Готопутово Сорокинского р-на Тюменской обл. зафиксированы случаи, когда расположенные рядом могилы ориентированы в прямо противоположные стороны. Так, похороненные рядом Екатерина Ильинична и Иосиф Иванович Эльзенбах имеют разницу в ориентировке почти в 180°. Могила Екатерины Ильиничны ориентирована на восток (крест поставлен в ногах покойной),

согласно православному обряду, а могила Иосифа Ивановича – на запад (памятник стоит со стороны головы умершего), что характерно для немецкой традиции. Таким образом, находящиеся рядом могилы выглядят как развернутые в противоположные стороны. Эти могилы расположены на участке кладбища, называемом «Буньковским». На кладбище с. Готопутово хоронят жителей пяти соседних населенных пунктов (Там же, п.о. 13, л. 10 об.), но только жители д. Буньковка решили отгородить свой участок от остального кладбища штакетником. В этой деревне проживает большое количество немцев, что заметно при обследовании некрополя: рядом захоронены люди с русскими и немецкими фамилиями, что говорит о большом количестве смешанных браков; значительная часть могил ориентирована на запад, что для русских кладбищ не характерно. Количество намогильных плит здесь значительно превышает количество крестов (45 плит на 28 крестов, в то время как на кладбище с. Сартам и д. Покровка соседнего Викуловского р-на 112 плит и 147 крестов), и на этих плитах встречаются надписи на немецком языке. Стремление сохранить надпись на национальном языке на надгробии говорит о высокой степени осознания немцами своей этнической идентичности.

В поминальных традициях заметны оппозиции «мы – они». Так, В.Н. Добровольский, описывая поминальные дни на кладбище, говорит: «У нас все тихо делают, а у финнов как будто песня поется. В Озерной было финнов человека три. Они тоже на Ачимовском кладбище [восточная половина кладбища возле села Озерное, отделенная от второй, «Озерновской» половины естественным рвом] хоронились» (Там же, п.о. 11, л. 22). Поминальные плачи в настоящее время являются достаточно редким явлением. Таким образом, получается, что для современного русского обряда «песня» не характерна, а для финской традиции уместна.

Вместе с тем можно отметить, что погребально-поминальная обрядность – явление локальное, идентичность здесь может быть не только на уровне этноса, но и на уровне более мелких групп. В с. Бергамак, прежде чем внести гроб на кладбище, его трижды качают в воротах (МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Оп. 92-3. Д. VI, л. 107; МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Оп. 93-2. Д. V, л. 69). Об аналогичной традиции именно как о необычном явлении рассказывает жительница с. Новологиново Большереченского р-на Т.А. Полинская: «В Муромцево гроб выносят до середины под воротами [кладбища] – качают в воротах несколько раз. Половина гроба там [за воротами], половина – там [перед воротами], давай качать этот гроб» (МЭЭ ОмГУ, 2018, п.о. 17, л. 4).

Если для жителей Муромцевского р-на эти действия не воспринимаются как специфичные, то жители соседнего Большереченского р-на считают их странными.

Обобщив результаты исследования, можно сделать ряд выводов. Во-первых, в погребально-поминальной обрядности проявляют себя как этническая, так и локальная идентичности. Во-вторых, в процессе аккультурации и ассимиляции часть традиций теряет этническую привязку. В-третьих, идентичность может существовать не только на уровне этноса, но и на уровне субэтнических групп, конкретных населенных пунктов (и связана с региональной идентичностью), семей и т.д.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00121.

Список литературы

Бережнова М.Л. Особенности погребального обряда белорусов Омского Прииртышья (о возможности реконструкции традиций погребального обряда прошлого) // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Красноярск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та; Наука, 2006. — С. 41–45.

Бережнова М.Л. Внутримогильные конструкции в погребальном обряде русских // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та; Наука, 2008. — С. 179–182.

Бережнова М.Л. Кладбище села Бергамак: опыт мониторинга (часть I. Вводные замечания) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. — Омск: Наука, 2009. — Т. 11. — С. 236–248.

Дробизева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. — 2010. — № 12. — С. 49–58.

References

Berezhnova M.L. Osobennosti pogrebal'nogo obryada belorusov Omskogo Priirtysh'ya (o vozmozhnosti rekonstruktsii traditsii pogrebal'nogo obryada proshlogo). In *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Krasnoyarsk; Omsk: Omsk State Pedagogical Univ. Publ.; Nauka, 2006, pp. 41–45 (in Russ.).

Berezhnova M.L. Vnutrimogil'nye konstruktсии v pogrebal'nom obryade russkikh. In *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Omsk: Omsk State Pedagogical Univ. Publ.; Nauka, 2008, pp. 179–182 (in Russ.).

Berezhnova M.L. Kladbishche sela Bergamak: opyt monitoringa (pt. I. Vvodnye zamechaniya). In *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: problemy kul'tury i sotsiuma*. Omsk: Nauka, 2009, vol. 11, pp. 236–248 (in Russ.).

Drobizheva L.M. Identichnost' i etnicheskie ustanovki russkikh v svoei i inoetnicheskoj srede. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, No. 12, pp. 49–58 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Межевикин И.В. – магистр истории, младший научный сотрудник отдела национальных культур и историко-культурного наследия Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева,

e-mail: richudovische@inbox.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0833-8773>.

Отражение в фольклоре национальной идентичности сибирских переселенцев

Представлены результаты исследования экспедиционных материалов, в которых отразилась национальная идентичность восточнославянских переселенцев, проживающих в Западной Сибири. С помощью фольклора современный носитель традиции выражает принадлежность к культуре предков и осознает свое отличие от представителей других этнических групп.

Ключевые слова: *переселенческие традиции, носитель традиции, язык фольклора.*

Для цитирования: Москвина В.А. Отражение в фольклоре национальной идентичности сибирских переселенцев. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 346–348. DOI 10.17746/0295-7.2019.346-348.

V.A. Moskvin
Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

Reflection in the Folklore of the National Identity of Siberian Migrants

The theses are the results of the study of expedition materials, which reflected the national identity of the East Slavonic immigrants living in Western Siberia. With the help of folklore, the modern bearer of the tradition expresses belonging to the culture of the ancestors and is aware of its difference from members of other ethnic groups.

Keywords: *migration traditions, tradition carrier, language of folklore.*

For citation: Moskvin V.A. Reflection in the folklore of the national identity of Siberian migrants. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 346–348 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.346-348.

Проблема национальной и этнокультурной идентичности остро стоит в полевой фольклористике, особенно в многонациональных регионах, таких как Омское Прииртышье. Выбирая экспедиционный маршрут, фольклорист в первую очередь ориентируется на этнический состав населения. Но официальные источники не всегда дают реальную картину бытования этнической культуры в выбранном для выезда районе. Так, северные районы Омской обл. – место компактного проживания белорусов-переселенцев, начавших осваивать эти земли в конце XIX – начале XX в. О сохранности в данном регионе белорусской культуры свидетельствуют материалы фольклорных, диалектологических, этнографических экспедиций, проведенных омскими и новосибирскими исследователями. Материалы полевых исследований опровергают утверждение Н.Ф. Морозовой и Р.С. Шевченко о том, что в составе

населения Седельниковского р-на больше всего русских и меньше всего белорусов (2 %) [Морозова, Шевченко, 1999]. Сведения местные краеведы взяли из паспортных данных либо из опроса жителей. В советских паспортах у большинства представителей славянского населения было указано – русские. Информанты на вопрос об их национальной принадлежности часто отвечали, что предки были «из России». Это ввело в заблуждение краеведов, для которых «из России» и «русские» оказались идентичными ответами. Даже предварительный анализ фольклорных материалов, записанных в ряде сел района в разные годы, обнаруживает иную картину: здесь наиболее распространена белорусская традиция, носители которой часто уточняют, что их предки прибыли в Сибирь «из России, из-под Могилева» или «мы витебские».

Причины сохранности белорусской традиции обусловлены ее консервацией. Интересно, что сами потомки белорусов-переселенцев осознают эти причины: «*Как-то почему-то соловьевские парни женились на шелкановских девках, потому что язык сходился, белорусский и русский. Моя мама белоруска, а тятя русский. А я кто – мешанка? А вот Рагзин у нас близко был и там не женились. Это вот сейчас стали в Рагзин идти и в Лизарово. Дак там йны старожилы были. И йны чисто разговаривали, а в Лизарове, у кержяков, своя вера была*» (ФА ОмГПУ. ЭК-1/2006, № 91). Следует пояснить высказывание Авдотьи Алексеевны Морозовой (род. в 1922 г. в Шелкановке): Соловьевка и Шелкановка – деревни, возникшие в результате переселения белорусов в Сибирь в конце XIX в. (в Шелкановку – витебских, в Соловьевку – могилевских). «*Женитесь, мálьцы, на своих девках*», – завещала Павлина Ефимовна Матюкова (1907–1982, шелкановская) своим внукам [Москвина, Малахова, 2006, с. 124]. Такое предпочтение в выборе невест и женихов актуально для потомков этих переселенцев до сих пор. Деревни же Рагозино (*Рагзин*) и Елизарово (*Лизарово*) были с преимущественно русским населением.

В названных селах наблюдается своего рода экспансия белорусских традиций, пришедших сюда в результате укрупнения деревень. Как известно из многолетнего обследования фольклора Омской обл., некоторые календарные обряды сохранились лучше у белорусов-переселенцев. В материалах экспедиций имеются рассказы о том, как отмечали раньше в белорусских деревнях района Рождество, Троицу, Ивана Купалу, Петров день, день Серафима Соровского (1 августа). Информанты, представившие этот материал, помнят обрядовые песни и продолжают отмечать названные праздники, привлекая к совершению ритуальных действий русских соседей.

В настоящее время устойчиво сохраняются приметы, связанные с дождем: в Троицу, чтобы не допустить засухи, нельзя городить заборы, на Купалу необходимо обливаться, чтобы пошел дождь, в сенокос, при уборке огородных культур нельзя убивать лягушку во избежание осадков. В Рагозино во время жаркого засушливого лета 2007 г. исполнительница-белоруска объяснила участникам экспедиции, что на одном краю деревни прошел небольшой дождик, потому что на Купалу ребяташки здесь обливались, на другом же краю дождя не было.

При этом носители близкородственных белорусских и русских традиций осознают отличие своей культуры от культуры соседей. Например, уроженка белорусской деревни Соловьевка, рассказывая о пасхальных обычаях, отметила, что русские куличи пекут, а «мы рыбный пирог».

С 1950-х гг. в экспедиционных материалах Омского государственного педагогического университета стабильно появляются записи о различиях свадебных обрядов

у русских, белорусских и украинских переселенцев. Исполнители сами подчеркивают эти различия. Например, в описании русской старожильческой свадьбы, зафиксированном в д. Орловка Марьяновского р-на, читаем: «Парень из нашей деревни, а ехали к хохлам. <...> А мы закона хохлацкого не знали, что у них тайное голосование, мы-то как сибиряки. А у хохлов сваты выкладывают булку хлеба, отец с матерью берут и, если согласны, то свою сватам выкладывают» [Фольклор..., 1974, с. 48].

Информатор из русско-украинской деревни Красная Поляна Горьковского района отметила: «Венчали у нас одинаково, а гуляли по-разному, гуляют, потом идут по дворам, гуляют по-украински» (ФА ОмГПУ).

Таким образом, через фольклор современные жители, во-первых, выражают свою принадлежность к культуре предков, во-вторых, осознают свое отличие от представителей иных этнических групп, в-третьих, заимствуя иные фольклорные традиции, восполняют утраченные свои, что способствует сохранению и развитию народной культуры.

Список литературы

Морозова Н.Ф., Шевченко Р.С. В заиртышских даях: очерки истории Седельниковского района. – Омск: кн. изд-во, 1999. – 176 с.

Москвина В.А., Малахова Е.П. Итоги фольклорной экспедиции 2006 года в Седельниковский район Омской области // Народная культура Сибири: мат-лы XV науч. семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 123–128.

Фольклор Западной Сибири / сост. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ин-та, 1974. – Вып. 1. – 120 с.

References

Fol'klor Zapadnoi Sibiri. Sostavitel' T.G. Leonova. Omsk: Omsk State Pedagogical Institute, 1974, iss. 1, 120 p. (in Russ.).

Morozova N.F., Shevchenko R.S. V zairtyshskikh dalyakh : ocherki istorii Sedel'nikovskogo raiona. Omsk: book publ., 1999, 176 p. (in Russ.).

Moskvina V.A., Malakhova E.P. Itogi fol'klornoi ekspeditsii 2006 goda v Sedel'nikovskii raion Omskoi oblasti. In *Folk culture of Siberia: materialy XV nauchnogo seminarasimpoziuma Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru*. Omsk: Omsk State Pedagogical Univ. Press, 2006, pp. 123–128 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Москвина В.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета,

e-mail: moskvina_va@mail.ru,

<http://orcid.org/0000-0003-1428-7017>.

О.А. Рудецкий
*Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
г. Хабаровск, Россия*

Дальневосточный вектор трансформации русской этнокультурной идентичности (XIX–XXI века)

В рамках статьи рассматривается проблема региональных особенностей этнической идентичности русских жителей Дальнего Востока в таких аспектах, как социальная онтология процессов этнокультурной идентификации, основные компоненты русского этнического самосознания, формы репрезентации русской этничности, историческая динамика трансформации русской этнокультурной идентичности на Дальнем Востоке, локальные варианты социального проявления русского самосознания.

Ключевые слова: *этничность, этнокультурная идентификация, идентичность, маркеры этнической идентичности, русские, Дальний Восток.*

Для цитирования: Рудецкий О.А. Дальневосточный вектор трансформации русской этнокультурной идентичности (XIX–XXI века). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 349–353. DOI 10.17746/0295-7.2019.349-353.

O.A. Rudetsky
*Far Eastern State Transport University,
Khabarovsk, Russia*

Far Eastern Transformation Vector of Russian Ethnocultural Identity (19th–21st Centuries)

The article considers the problem of regional peculiarities of ethnic identity of Russians in the Far East in such aspects as social ontology of the processes of ethnocultural identification, the main components of the Russian ethnic identity, forms of representation of Russian ethnicity, the historical dynamics of transformation of Russian ethnocultural identity in the Far East, the local variations of social forms of Russian identity.

Keywords: *ethnicity, ethnocultural identification, identity, markers of ethnic identity, Russians, Far East.*

For citation: Rudetsky O.A. Far Eastern transformation vector of Russian ethnocultural identity (19th–21st centuries). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 349–353 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.349-353.

Российский Дальний Восток представляет собой регион активного межэтнического взаимодействия, взаимопроникновения и взаимообогащения культур: славянских и коренных народов, а также народов Китая, Кореи, Японии, Монголии и т.д. Актуальны в этом плане вопросы этнокультурной идентификации русских, ставших основой переселенческого движения России на Восток: каковы

смыслообразующие основы этнокультурной идентификации русских, существует ли комплекс специфических черт этнического самосознания у русских дальневосточников?

Пластичность этнического самосознания, его гибкость, возможность инокультурных заимствований предполагает поливариативность процесса этнической идентификации, суть которого заключается в субъективном выражении многовекторности и многоаспектности исторической динамики этнического мировоззрения. Поливариативность находит свое непосредственное воплощение в разнообразных типах манифестации собственной идентичности, выборе ценностных установок и организации повседневной жизни, предполагает многообразие видов идентичности. По мнению И.В. Власовой, «идентичность [русского] народа “выступала” в различных видах в тот или иной период в зависимости от того, что было главным для его консолидации. Один ее вид мог превалировать над другим (этничность или гражданственность), мог служить синонимом другого, заменяя его, быть тождественным ему (русские и православные)» [2013, с. 40].

Поливариативность этнокультурной идентификации русских находит свое выражение на уровне этносимволической репрезентации культурных границ. Согласно идеям Ф. Барта, актуальны в этом плане те компоненты культуры, которые лежат в самой основе этнической идентичности, значимы для ее носителей и позволяют им заявить о своем отличии от окружающих. Маркирующие этничность явления в этом плане достаточно разнообразны и для русских дальневосточников имеют целый ряд особенностей.

Экзистенциальный выбор этничности представляет собой многоуровневое отнесение собственного мировоззрения с традиционными идеями, ценностями, нормами этнической культуры; высокую степень переживаемости процессов идентификации и репрезентации. Такой выбор приводит к парадоксам этнокультурной ориентации человека, когда «русскость» выплескивается за собственно этнические границы. В этнокультурном пространстве Дальнего Востока в силу смешения различных народов характерно активное использование таких понятий, как «русский китаец», «русский кореец» и пр.

Одним из ключевых, если не важнейшим, маркером этнической идентичности русских следует признать языковой маркер. Современные лингвистические исследования дают основания выделять т.н. дальневосточный региолект, достаточно крупное территориально-системное образование, не повторяющее классического диалектного членения русского языка (В.И. Трубинский). По мнению Е.А. Оглезнёвой, для восточных окраин России характерны специфические особенности, в частности, заимствования из языков коренных народов и народов соседних государств; активизация для стандарта национального языка лексики, связанной по происхождению с языками автохтонных народов; развитие синонимии за счет наращивания синонимического ряда заимствованными лексемами [2008].

Примечательным в отношении словоупотребления является лексическое заимствование из языков азиатских народов, проникновение этой лексики в самую основу разговорной и письменной речи. Так, всего в одном маленьком фрагменте известной книги В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» мы можем наблюдать сразу несколько «эпизодов» заимствования из китайского языка. «Нельзя не удивляться предприимчивости китайцев. Одни из них охотятся за оленями, другие ищут жень-

шень, третьи соболуют, четвертые заняты... кабарожьего мускуса, там видишь капустоловов, в другом месте ловят крабов или трепангов, там сеют мак и добывают опий и т.д. Что ни фанза, то новый промысел: ловля жемчуга, добыча какого-то растительного масла, ханшина, корней астрагала...» [2005].

Подход к этнокультурной идентификации русских, который можно назвать этатистским (И.В. Путилова), государственным, был и является активно воспроизводимым в условиях Дальнего Востока как азиатского форпоста России. Отметим, что наряду с крестьянской ранней формой колонизации огромных пространств Тихоокеанской окраины была военная колонизация, укреплявшая оборону этой окраины. Неслучайно военная символика часто сопровождала многочисленные описания и характеристику первых поселений русских людей. Утрата же воинского духа, тем более государственная измена, могли рассматриваться как вариант «отпадения» от русского народа.

Важным аспектом этнокультурной идентификации служит место рождения и субъективное восприятие «малой» родины. Ввиду обширности как территории России, так и, разумеется, этнической территории русских, символически это пространство делилось на разнообразные части. Так, в дискурсе русской культуры можно обнаружить смыслообразы «сердце России» (ее европейская часть), «Хребет России» (Урал) и пр. Ментально «русскость» земли исторически связывалась с географической близостью к древнейшим культурным центрам, удаленность же территории от этого центра могла использоваться и используется для спекулятивных умопостроений в духе «Сибирь — не Россия». Дальний Восток еще дореволюционные исследователи называли «Тихоокеанской окраиной». Особый интерес в этом отношении представляет русская идентичность эмигрантской среды, находящейся дальше остальных от исторического «сердца России». Ведь значительная часть русских эмигрантов проживала в городах Китая: Харбине, Шанхае, Пекине.

В прозе и лирике, в публицистике, в дневниковых записях и воспоминаниях русские эмигранты маркируют зарубежную «малую» родину как русскую, используя те символы и образы, которые наиболее характерны для самой России. Вот как русский поэт Г.Г. Сатовский-Ржевский (1907–1955), большую часть жизни проживший в Харбине, описывает поселение Аньда в Маньчжурии, максимально концентрированно расставляя по тексту указания «русскости» [Мне так страстно хочется в Россию, 2007, с. 76]:

...Тихой грустью внезапно пахнула опять
На перроне родная картина:
Русский стрелочник с выцветшим, серым флажком,
Русский смазчик, бредущий с развальцей,
И с околышком красным, с блестящим жезлом
Вышел к поезду русский начальник.
На вокзале встречает нас русская речь,
Улыбаются русские лица,
Белокурый мальчишка с лозою стеречь
Гонит в траву послушную птицу.
Точно в русской деревне, коровы бредут,
У ворот их хозяйки встречают,
И в любом из домов здесь пришельца зовут
К бесконечному, русскому чаю. ...

Одним из важнейших факторов, определявших процесс этнической идентификации населения России вплоть до революционных событий 1917 г., необходимо признать православие. Несомненно, религиозные символы глубоко проникли в народное самосознание, настолько, что, несмотря на долгий атеистический период советской истории, религиозный маркер этнической идентичности по-прежнему актуален для русского населения.

В то же время необходимо признать исторический пласт не-православной русской культуры, а именно старообрядческое, молоканское, духоборское население, искавшее на обширной и необжитой территории Дальнего Востока спасения от притеснений царской администрации. На сложность конфессионального состава русских переселенцев в Приамурье и Приморье указывают такие исследователи, как Ю.В. Аргудяева, А.А. Хисамутдинов и др. Стоит согласиться с позицией Ю.В. Аргудяевой, отмечавшей, что «этнокультурная история дальневосточного старообрядчества – это история сохранения традиционной русской культуры в ее локальном варианте в специфических местных условиях». Такие локальные варианты могли быть в Приамурье, Приморье, Маньчжурии, где сохранялись традиционные натуральное хозяйство, обычай взаимопомощи и пр. [2010, с. 64].

Психологические различия между категориями верующих русских ощущались достаточно сильно, приводя к весьма сложным формам взаимодействия между представителями одного этноса, включая уход от непосредственного общения друг с другом [Аргудяева, 2012, с. 101].

Таким образом, русская этнокультурная идентификация исторически представляет собой сложный поливариативный феномен. В условиях Дальнего Востока правомерно утверждать о некоторой региональной специфике этой идентификации по целому ряду аспектов: этническая рефлексия и употребление этнонима «русские», происхождение, императив поведения и ценностные ориентиры, гражданско-политический статус, место рождения («малая родина») и пр.

Список литературы

- Аргудяева Ю.В.** Жизнь дальневосточных старообрядцев в Маньчжурии // Традиционная культура. – 2010. – № 3. – С. 64–72.
- Аргудяева Ю.В.** Русские крестьяне Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева // Вестн. ДВО РАН. – 2012. – № 4. – С. 94–105.
- Арсеньев В.К.** По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. – М.: Эксмо, 2005. – 448 с.
- Власова И.В.** Виды идентичности у русских // Русские: этнокультурная идентичность. – М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 13–44.
- «Мне так страстно хочется в Россию...». Антология / сост. Н.П. Гребенюкова. – Хабаровск: Хаб. краевой краевед. музей им. Н.И. Гродекова, 2007. – 200 с.
- Оглезнева Е.А.** Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 119–136.

References

- Argudyayeva Yu.V.** Zhizn' dalnevostochnykh staroobryadtsev v Manchzhurii. In *Traditional culture*, 2010, No. 3, pp. 64–72 (in Russ.).

Argudyaeva Yu.V. Russkie krestyane Primorya v issledovaniyah V.K. Arseneva. In *Bulletin of the far Eastern branch of the Russian academy of sciences*. 2012, No. 4, pp. 94–105 (in Russ.).

Arsenev V.K. Po Ussuriyskomu krayu. Dersu Uzala. Moscow: Eksmo, 2005, 448 p. (in Russ.).

«**Мне** tak strastno hochetsya v Rossiyu...». Antologiya. Sost. N.P. Grebenyukova. Khabarovsk: Khabarovsk local museum, 2007, 200 p. (in Russ.).

Oglezneva E.A. Dalnevostochniy regiolekt russkogo yazyika: osobennosti formirovaniya. In *The Russian language in a scientific coverage*, 2008, No. 2 (16), pp. 119–136 (in Russ.).

Vlasova I.V. Vidy identichnosti u russkih. In *Russian ethnocultural identity*. Moscow: IEA RAS, 2013, pp. 13–44 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Рудецкий О.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения,

e-mail: rudetsky@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-7409-9870>.

Этническая идентичность украинских иммигрантов и их потомков в Иркутской области

В статье кратко рассматривается история переселения украинцев на территорию Иркутской обл. Особое внимание уделяется этнической идентичности украинских иммигрантов, ее корректировке и изменению ее у детей иммигрантов вследствие социальной адаптации и взаимодействия с русскими. В результате проведенного исследования было выяснено, что украинская идентичность иммигрантов, их украинское этническое самосознание не передаются детям. Дети позиционируют себя как русские, а украинские иммигранты не воспринимают русское окружение как иноэтническое.

Ключевые слова: украинские иммигранты, украинцы, этническая идентичность, социальная адаптация, этническое самосознание, Иркутская область.

Для цитирования: Завьялов А.В. Этническая идентичность украинских иммигрантов и их потомков в Иркутской области. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 354–357. DOI 10.17746/0295-7.2019.354-357.

A.V. Zavialov
*Irkutsk State Medical University,
Irkutsk, Russia*

Ethnic Identity of Ukrainian Immigrants and Their Descendants in the Irkutsk Region

The article briefly reviews the history of the resettlement of Ukrainians to the territory of the Irkutsk region. Special attention is paid to the ethnic identity of Ukrainian immigrants, its transformation and change in children of immigrants as a result of social adaptation and interaction with the Russian society. As a result of the study, it was found out that the Ukrainian identity of immigrants, their Ukrainian ethnic identity is not transmitted to their children since children identify themselves as Russians, and Ukrainian immigrants do not perceive the Russian ethnic environment as foreign.

Keywords: *Ukrainian immigrants, Ukrainians, ethnic identity, social adaptation, ethnic consciousness Irkutsk region.*

For citation: Zavialov A.V. Ethnic Identity of Ukrainian immigrants and their descendants in the Irkutsk region. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 354–357 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.354-357.

Украинская диаспора Иркутской обл. относится к т.н. старым диаспорам. Ее не делят по волнам (как канадскую), т.к. промежутки прерывания небольшие и до 1990 г. она относительно стабильна.

Украинцы играли важную роль в экономической, административной и культурной жизни Сибири. Переселившимся с территорий современной Украины (как правило, посланным по «царским делам») удавалось пробиться в высшие эшелоны власти (например, Николай Сулима). Украинцы участвовали в строительстве, развитии и управлении фабриками и заводами. В 1912 г. в Иркутске был зарегистрирован Украинский кружок «Громада». С 1906 по 1917 г., во время столыпинской реформы, наблюдался массовый приток украинцев и южнорусских с территорий Украины в Иркутскую обл. [Завьялов, 2017, с. 75–95].

С началом Великой Отечественной войны из Украинской ССР в Прибайкалье было эвакуировано несколько заводов и фабрик вместе с персоналом. В регионе было множество спецпереселенцев из Западной Украины, обвиненных в пособничестве Украинской повстанческой армии (ок. 100 тыс. чел. – треть от всех спецпереселенцев), а также заключенных в лагерях ГУЛАГ. К середине 1960-х гг. все были освобождены и многие вернулись на родину [Гуршоева, 2006].

С начала 1950-х гг. из-за строек-гигантов в Иркутской обл. начался интенсивный миграционный обмен с Украинской ССР. До 1990 г. наблюдалось постоянное увеличение количества украинцев, но распад СССР переломил эту тенденцию: количество украинцев в Прибайкалье уменьшилось с 1989 г. более чем в три раза (см. *таблицу*). Многие уехали назад в Украину, резко упали темпы новой иммиграции, увеличились темпы «старения» диаспоры и ассимиляции [Завьялов, 2017, с. 75–95]. Украинские иммигранты в России ведут себя наиболее разобщенно по сравнению с другими приезжими (белорусами, гражданами стран Средней Азии и Закавказья), что также способствует быстрой ассимиляции [Васильева, 2007, с. 107]. В Иркутской обл. существует две украинские общественные организации (в Иркутске и Усть-Илимске) и несколько творческих коллективов. Сегодняшние украинцы Прибайкалья, в основном потомки осваивавших регион столыпинских переселенцев, ссыльных, репрессированных, прибывших по распределению.

В 2010 г. украинцы составляли в Иркутской обл. третью по количеству человек этническую группу после русских и бурят – 30 827 чел. (1,27 %) [Всероссийская перепись...]. Интересны данные о количестве уроженцев Украины – 43 301 чел. (2010 г.), что на 12 474 чел. больше, чем самих украинцев; 58 041 чел. (2002 г.), что на 4 410 чел. больше; 97 651 чел. (1989 г.), что на 246 чел. больше [Переписи...]. Налицо ускоряющиеся темпы ассимиляции, т.к. число украинцев снижается намного быстрее, чем число уроженцев Украины. Очевидно, что из Украины уезжали и уезжают не только украинцы, а в Иркутскую обл. после распада СССР возвращались уроженцы Украины других национальностей, имеющие на ее территории родственников и семьи. Однако увеличивающееся из года в год гиперболизированными темпами количе-

Украинцы в структуре населения Иркутской области, по данным переписей населения*

	Годы переписей								
	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Численность, чел.	2177	16333	47110	97184	84356	90767	97405	53631	30827
Удельный вес, %	0,42	2,20	3,61	4,92	3,65	3,55	3,45	2,08	1,27

*По материалам: [Переписи...].

ство уроженцев Украины, не указывающих в переписных листах «украинец» в графе «национальность», свидетельствует о растущих темпах ассимиляции, равно как и то, что немалое количество русских отметило владение украинским языком [Завьялов, 2017, с. 75–95]

В 2010 г. в области украинским языком владело 18 095 чел., из них украинцев – 11 415 чел. (63 % от общего числа владеющих, 37 % от всех украинцев области), русских – 6 071 чел. (33,5 % от общего числа владеющих). Среди украинцев родным украинский язык указали 7 270 чел. (23,5 %), русский язык – 23 489 чел. (76,2 %). Всего украинский язык назвали родным 7 736 чел., из них украинцев – 94 % [Переписи...].

Нами было проведено исследование качественными методами: 15 глубинных полуструктурированных, полужурналированных интервью с переселенцами из Украины после распада СССР о причинах эмиграции, их обустройстве (социальной адаптации), был также затронут вопрос идентификации их самих и детей. Анкета содержала 14 открытых вопросов. Приведем основные полученные данные, касающиеся этнической идентичности, ее преломления и трансформации.

Экономическая (7 чел.) и семейная (6 чел.) причины являются главными при эмиграции в регион. Иммигранты двуязычны в равной степени, языковая составляющая при взаимодействии с местным населением сама собой отпадает. Как и раньше, украинцы иммигрируют из всех регионов Украины в равной пропорции, «перекоsov» нет. Обустройство занимает 5–6 лет. Все опрошенные отметили, что с признаками явной дискриминации никто не столкнулся (двое сталкивались с бытовой неприязнью).

Дети украинских иммигрантов (у 11 из 15 опрошенных они есть) проходят те же стадии социализации, что и дети россиян. Большинство родителей отметили, что дома они разговаривают по-русски и их дети не владеют украинским. Немного тех, кто дома разговаривает исключительно по-украински и даже учит ему своих детей.

Все интервьюированные указали, что ощущают себя неотъемлемой частью российского общества, однако продолжают считать себя этническими украинцами, теперь уже живущими в России. Но у них не происходит передача идентичности детям. Почти все дети, за редким исключением, считают себя русскими, даже если владеют украинским и даже если он у них родной. Практически у всех украинских родителей вырастают дети с русским этническим сознанием, никак не ассоциирующие себя с Украиной, кроме как через родителей и язык [Завьялов, 2017, с. 117–124]. Дети украинцев, часто и сами украинцы России, не воспринимают русское этническое окружение как иноэтническое [Бабута, 2008, с. 61–62]. Конфликтов между детьми и родителями на эту тему не возникает.

Таким образом, мы наблюдаем изменение этнического самосознания у детей, т.к. их родители не прилагают особых усилий по его передаче своим потомкам, происходит постепенное вымывание украинской идентичности и замена его русской у детей. Способствуют этому также антропологическая близость русских и украинцев – они практически не отличаются визуально, культурных и бытовых сходств гораздо больше, чем внешних отличий. Вследствие этого украинские иммигранты адаптируются быстро и их дети социализируются среди сверстников без каких-либо трудностей.

Список литературы

Бабута М.Н. Формирование и современное состояние украинской диаспоры (конец XIX – начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2008. – 162 с.

Васильева В.О. Адаптация мигрантов из зарубежных стран в городах Российской Федерации: дис. ... канд. социол. наук. – СПб., 2007. – 183 с.

Всероссийская перепись населения 2010 года. Росстат: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Гуршоева Т.В. Спецпоселенцы из Западной Украины в Иркутской области: 1940–1960-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2006. – 235 с.

Завьялов А.В. Социальная адаптация украинских иммигрантов: монография. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2017. – 179 с.

Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. Демоскоп Weekly: [Электронный ресурс]. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

References

Babuta M.N. Formirovaniie i sovremennoie sostoianiie ukrainskoi diaspory (konets XIX – nachalo XX v.): cand. sc. (history) dissertation abstract. Tomsk, 2008, 162 p. (in Russ.).

Gurshoieva T.V. Spetsposelentsy iz Zapadnoi Ukrainy v Irkutskoi oblasti: 1940–1960-e gg.: cand. sc. (history) dissertation abstract. Irkutsk, 2006, 235 p. (in Russ.).

Perepisi naseleniia Rossiiskoi imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimykh gosudarstv. Demoskop Weekly. URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (in Russ.).

Vasiliieva V.O. Adaptatsiia migrantov iz zarubezhnykh stran v gorodakh Rossiiskoi Federatsii: cand. sc. (sociology) dissertation abstract. St. Petersburg, 2007, 183 p. (in Russ.).

Vserossiiskaia perepis naseleniia 2010 goda. Rosstat. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (in Russ.).

Zavialov A.V. Sotsialnaia adaptatsiia ukrainskikh immigrantov: monografiia. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2017, 179 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Завьялов А.В. – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии и гуманитарных наук Иркутского государственного медицинского университета,

e-mail: zavialovandriiko@yandex.ru,

http://orcid.org/0000-0002-0407-3421.

Этнокультурная идентичность русских в Республике Беларусь

Целью исследования является изучение этнокультурной идентичности русских в Республике Беларусь, выявление ее специфики и основных тенденций динамики. Актуальность исследования определяется важной ролью этнокультурной идентичности в успешном развитии русской этнической общности. Интерес представляет механизм ее изменения в условиях межэтнических взаимодействий в Республике Беларусь. При приоритете ценности своей этнокультурной идентичности отмечено некоторое снижение ее уровня по сравнению с белорусами, поляками, украинцами Республики Беларусь.

Ключевые слова: *русские, этнокультурная идентичность, языковые процессы, народное творчество, общественные организации, межэтнические взаимодействия, этническая среда.*

Для цитирования: Касперович Г.И. Этнокультурная идентичность русских в Республике Беларусь. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 358–361. DOI 10.17746/0295-7.2019.358-361.

G.I. Kasperovich
*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Russia*

Ethnocultural Identity of Russians in the Republic of Belarus

The article describes ethnocultural identity of Russians in the Republic of Belarus, analyses its peculiar features and the main tendencies of its dynamics. The relevance of the research is determined by the significant role of ethnocultural identity in the development of the Russian community. The author looks at the structure of ethnocultural identity and the directions of change within the context of interethnic cooperation in the Republic of Belarus. With priority given by Russians to their own ethnocultural identity there was recorded a certain decrease in its levels in comparison with Belarusians, Poles and Ukrainians.

Keywords: *Russian, ethnocultural identity, language issues, traditional arts and crafts, Russian community-based organizations, interethnic cooperation, ethnic background.*

For citation: Kasperovich G.I. Ethnocultural identity of Russians in the Republic of Belarus. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 358–361 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.358-361.

Этнокультурная идентичность русских в Республике Беларусь определяется комплексом важных факторов: демографических, политических, социально-экономических, исторических, культурных. Большое значение имеет этническая среда (этническая принадлежность родителей, страна проживания, ее этнический состав).

В 2009 г. в Республике Беларусь проживало 785 тыс. русских, по численности населения они занимали вторую позицию после белорусов в этноструктуре республики. За 1989–2009 гг. произошли существенные сдвиги в динамике численности, расселении русских. Абсолютная их численность уменьшилась на 526 тыс. чел. (на 60 %), а удельный вес во всем населении снизился на пять пунктов. Особенно интенсивно шло уменьшение русских в городах [Национальный состав..., 2011, с. 5–40]. Сравнительный анализ динамики естественного и миграционного движения показал, что уменьшение численности русских в Беларуси связано с миграциями (в 1990-е гг.), и главным образом за счет интенсивного развития этнотрансформационных процессов, когда часть русского населения отнесла себя преимущественно к белорусам. Возможно повлияли и «реассимиляционные» процессы, когда часть нерусского населения, ранее причислявшего себя к русским, вернулась к своей прежней национальности. В Республике Беларусь возрастает влияние фактора белорусской государственности на этническую идентификацию. У русских наблюдается амбивалентная этническая идентичность, характеризующаяся идентификацией преимущественно с двумя этническими общностями «своей» и доминантной – «белорусской». Так, четыре из десяти русских, опрошенных в Белорусском Полесье, отметили множественность этнических принадлежностей, причем каждый шестой респондент идентифицирует себя и с русскими и белорусами: «Считаю себя белорусской, поскольку всю жизнь прожила в Беларуси» (кондитер, 42 года, русская, г. Мозырь), «Раз паспорт белорусский – я белорус, был бы российский – назвался бы русским» (инженер, русский, г. Мозырь). В самосознании русских четко проявляется представление о близком родстве русских, белорусов и украинцев: «Для меня это все наши» (механик, 25 лет, высшее образование, русский, г. Мозырь), «В Беларуси я дома. Двадцать лет прожила в Беларуси, сроднилась с ней и считаю ее второй Родиной» (инженер, 47 лет, высшее образование, русская, г. Новополоцк), «Обижают белорусов – я белорус, обижают русских – я русский» (мастер, 30 лет, среднее образование, отец – русский, мать – белоруска, г. Полоцк) (Архив Центра исследований белорусской культуры..., л. 1–40).

В структуре этнокультурной идентичности русских первостепенное значение имеет русский язык, который наряду с белорусским является государственным языком страны. Согласно данным переписи 2009 г., национальный язык остается устойчивым компонентом этнического самосознания русских (96,3 % назвали его родным). При анализе практического использования языков выявляется приоритетная роль русского языка в различных сферах общения. В семье русские разговаривают на русском языке (96,5 %) и только некоторые из них (2,1 %) – на белорусском языке. Вместе с тем русские в качестве второго языка, которым они свободно владеют, назвали в первую очередь белорусский язык (181 091 русский) [Национальный состав..., 2011, с. 317–414].

По-прежнему определяющая роль в формировании этнокультурной идентичности русских принадлежит семье. Семейные отношения характеризуются стремлением к сохранению лучших традиций русской коммуникативной культуры. В семьях ценятся доброжелательность, уважение между супругами. Довольно значимой считается материальная и моральная поддержка детей в получении образования, специальности, становлении молодой семьи. Позитивная динамика этнокультурных процессов в семье выявляется в сохранении комплекса семейно-бытовых обрядов

(свадебных, родинных, обрядов почитания предков) и восстановлении календарных праздничных традиций.

Кроме того, в условиях интенсивного межэтнического общения растет межэтническая брачность. Согласно данным переписи 1999 г., в Беларуси насчитывалось 130 778 домовладений, где все члены отнесли себя к русским. Общая их численность — 368 388 чел., средний размер семьи составлял 2,8 чел. Среди домовладений, где члены относились к разным национальностям, доминировали по численности русско-белорусские семьи, в них проживали 1 360 444 чел. Средний размер смешанных семей был несколько выше мононациональных — 3,3 чел. [Число..., 2001, с. 242].

Этнокультурная идентичность русских опирается на традиции русской народной культуры (народное творчество, праздники и обряды, народное зодчество, питание и др.), которая имеет сходство с белорусскими традиционными культурными ценностями. В топонимике и топонимах, системе коммуникации и расселения, в народном жилище, застройке двора и усадьбы, эстетических представлениях об обитаемой среде, питании, одежде, праздниках и обрядах сохранилось много общих черт, как восходящих к восточнославянской общности, так и сформировавшихся в результате взаимодействия, инфильтрации элементов и даже целых культурных комплексов белорусского и русского народов.

Преобладающее большинство русских осознают свою причастность к православному культуру, которая определяла их уклад жизни, формировала особый менталитет, была важным фактором консолидации народа. В настоящее время после длительного атеистического периода (почти весь XX в.) религиозная жизнь русских восстанавливается. Большинство опрошенных русских отнесли себя к православному вероисповеданию, из них 51 % назвали себя верующими. Устойчиво сохраняются традиции крещения, празднования религиозных праздников, в особенности Рождества Христова, Крещения, Пасхи и др. Помимо этого, заметно некоторое снижение количества людей, относящих себя к православной традиции, по сравнению с поколением родителей. Так, если среди респондентов Белорусского Полесья (Брестская и Гомельская области) 79,6 % придерживались православного вероисповедания, то среди их родителей — 89,8 %.

Согласно данным социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2013 г. (опрошено 1 545 чел.), у русских несколько снижена оценка своей национальности и осознание себя ее представителями, ослаблено чувство общности с людьми своей национальности и вероисповедания по сравнению с белорусами, евреями, украинцами, поляками, живущими в республике. Так, например, частотность значимости своей национальности составляет у русских 3,3273, у белорусов — 4,5492, у украинцев — 4,2857, у поляков — 4,2593, у евреев — 5,6667 (Архив Института социологии НАН Беларуси).

Актуализации этнокультурной идентичности русских в Республике Беларусь способствуют русские общественные организации. Они проводят разнообразную и многостороннюю работу по сохранению и развитию русской и белорусской культуры, по установлению и укреплению общественно-культурных связей между Беларусью и Россией. Среди них следующие: республиканское общественное объединение «Русское общество», которое имеет шесть зарегистрированных отделений во всех регионах Беларуси (Брестское, Витебское, Гомельское, Гродненское, Минское, Могилевское), Витебская городская общественная организация «Русский культур-

ный центр «Русь» и «Русская община» и др. На 01.01.2015 в Беларуси насчитывалось 17 национально-культурных объединений русских. Ежегодно русские общественные объединения организуют праздники, конференции и литературные чтения, посвященные классикам русской и советской литературы, принимают участие во Всебелорусском фестивале национальных культур, проводят Международный фестиваль русской поэзии «Созвучье слов живых». Русские общественные объединения осуществляют важную работу по оздоровлению детей младшего школьного возраста в летних оздоровительных лагерях Республики Беларусь, организуют ознакомительные поездки школьников старшего возраста по городам России, стажировки учителей русского языка на семинарах, проводимых в России, оказывают благотворительную помощь.

Список литературы

Национальный состав населения Республики Беларусь. Перепись населения 2009. – Минск: Национальный статкомитет Республики Беларусь, 2011. – 433 с.

Число и состав домашних хозяйств Республики Беларусь. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. – Минск: Национальный статкомитет Республики Беларусь, 2001. – 615 с.

References

Chislo i sostav domashnikh khozyaistv Respubliki Belarus'. Itogi perepisi naseleniya Respubliki Belarus' 1999 goda. Minsk: Natsional'nyi statkomitet Respubliki Belarus', 2001, 615 p. (in Russ.).

Natsional'nyi sostav naseleniya Respubliki Belarus'. Perepis' naseleniya 2009 goda. Minsk: Natsional'nyi statkomitet Respubliki Belarus', 2011, 433 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Касперович Г.И. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела народоведения Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной Академии наук Беларуси,

e-mail: bel-centre@bas-net.by.

Праздники Омского региона в формировании этнической, региональной и национальной идентичностей

В статье на примере Омского региона рассматривается роль различных видов праздников в формировании этнической, региональной и национальной идентичностей жителей региона. Делается вывод о том, что праздники являются активными аттракторами создания различных видов идентичности: общественно-гражданские актуализируют национальную идентичность, праздники населенных пунктов (День города, День села) образуют региональную и локальную идентичности, фольклорные праздники – этническую и региональную идентичности, лично-семейные – этническую.

Ключевые слова: *праздники, Омский регион, этническая идентичность, региональная идентичность, национальная идентичность.*

Для цитирования: Золотова Т.Н. Праздники Омского региона в формировании этнической, региональной и национальной идентичностей. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 362–365. DOI 10.17746/0295-7.2019.362-365.

T.N. Zolotova

*D.S. Likhachev Siberian Branch of the Russian Research
Institute of Cultural and Natural Heritage,
Omsk, Russia*

Holidays of the Omsk Region in the Formation of Ethnic, Regional and National Identities

The article considers the role of different types of holidays in the formation of ethnic, regional and national identities of the inhabitants of the region on the example of Omsk region. It is concluded that the holidays are active attractors of formation of various types of identity: social and civic actualize national identity, holidays, human settlements (the city Day, day of the village) provide regional and local identity, traditional holidays, ethnic and regional identity, the person and the family – ethnic.

Keywords: *holidays, Omsk region, ethnic, regional, national identity.*

For citation: Zolotova T.N. Holidays of the Omsk region in the formation of ethnic, regional and national identities. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 362–365 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.362-365.

Происходивший в России в 1990-2000-е гг. процесс модернизации и ускоренного изменения социокультурного пространства стал предпосылкой резкого изменения традиционных социальных связей, механизмов социализации, привычного для многих россиян образа жизни. Появление особых социально-политических

и культурных характеристик переходного общества политологи назвали «кризисом идентичности». Поиск новой идентичности привел к обращению населения к своим корням: народным традициям и советскому культурному наследию. Социальная значимость духовной и материальной составляющих культурного наследия в контексте современных глобализационных процессов состоит в возможности сближения людей и консолидации общества на основе соблюдения разновременных по своему характеру традиций и сохранения культурных символов прошлых эпох.

Современные календарные праздники, в своей структуре имеющие новации и сохраняющие некоторые народные традиции, являются одним из главных факторов социализации личности в современном обществе и играют важную роль в формировании разных видов идентичности: этнической, социальной, культурной, групповой, региональной и др. Именно посредством участия в празднично-обрядовой деятельности человек эффективнее включается в процесс усвоения и дальнейшего развития накопленного до него социально-культурного опыта и в систему общественных отношений.

Анализ данных этносоциологических и этнографических исследований, проведенных автором в 2005–2017 гг. в г. Таре, Омске, Новосибирске, свидетельствует об интенсификации процессов конструирования различных видов идентичности (прежде всего, культурной, этнической, региональной, национальной) в дни календарных праздников. Это происходит в силу большого эмоционального накала, экстраординарности события, его зрелищности, частичного отступления от установленных норм поведения, в связи с возможностью прикоснуться к изобилию, недоступному в обычные дни, и благам современной цивилизации.

В процессе конструирования идентичности основной ритм задает город. Ресурсы, которые предоставляет город, напряженный ритм городской жизни, особое культурное пространство формируют особый тип культуры – микс-культуру, разнообразную по своему содержанию и толерантную по форме. Именно города как центры культурной жизни являются и центрами формирования региональной идентичности. Городские праздники, в основе своей имеющие события прошлых исторических эпох, служат хорошим способом воспитания любви к своей малой родине.

Жители Омского региона, как и жители всей России, отмечают следующие виды праздников и памятных дат: 1) общественно-гражданские праздники; 2) церковные праздники различных конфессий или религиозные; 3) народные (традиционные) календарные праздники различных этносов России, являющиеся синтезом язычества, национальных религий и современных традиций празднования; 4) производственно-трудовые, профессиональные, корпоративные праздники; 5) праздники (годовщины, юбилеи) отдельных населенных пунктов: День города, День села; 6) культурно-гуманитарные праздники и юбилейные торжества; 7) спортивные праздники и мероприятия: олимпиады, чемпионаты, универсиады и т.д.; 8) рекламные праздники: открытие новых супермаркетов, центров сотовой связи и т.д.; 9) лично-семейные праздники и торжественные обряды.

Традиционная празднично-обрядовая жизнь современных людей протекает на двух основных уровнях – семейном и общественном. По результатам этносоциологического опроса, проведенного в июне–августе 2015 г. сотрудниками Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (опрошено 805 респондентов в возрасте от 15 до 80

лет), 40,5 % омичей принимают участие в национальных праздниках своего народа, несколько больше (48,8 %) участвуют в общегосударственных праздниках. В религиозных праздниках и обрядах принимают участие 28,8 % опрошенных. Подавляющее большинство горожан (79,9 %) отдает предпочтение проведению праздника в кругу семьи. И это понятно, поскольку в семье человек реализует потребности самовыражения, в т.ч. своей этничности. Именно семья является своеобразным оплотом этнокультурной идентичности.

У русских Омского региона, составляющих 85,8 % населения, этническая специфика сохраняется в системе питания, нормах поведения и верованиях (народных формах религии), несколько хуже — в песенном фольклоре и одежде. При этом именно в пище наиболее интенсивно происходит взаимовлияние национальных культур. Общественный уровень бытования празднично-обрядовых традиций проявляется в проведении церковных богослужений, крестных ходов, организации празднований религиозными общинами, национально-культурными объединениями и другими общественными организациями, учреждениями культуры и образования. На этом уровне многие традиционные народные и религиозные праздники, такие как Рождество, Святки, Масленица, Пасха, сохраняя определенную этническую специфику, все больше превращаются в синтезированный тип праздников, состоящий из элементов народной, религиозной, профессиональной и модернизационной культуры, что позволяет принимать участие в этих праздниках людям различных этносов. И в этом смысле такие праздники являются механизмом формирования и поддержания региональной идентичности.

Основными традиционными праздничными формами в семьях горожан остаются праздничное застолье с приготовлением различных праздничных блюд, в т.ч. народной кухни, исполнение народных, советских (эстрадных, из кинофильмов, бардовских) и современных песен, общение. В русских семьях сохраняется обычай новогоднего ряженья, колядования с посеванием зерном, крещенское окунание в прорубь. Сохраняют обрядовое значение такие традиции, как проставление крестов на окнах и дверях, заготовка и потребление крещенской воды, масленичное стряпанье блинов, установка букетов из верб в разных местах дома, уборка дома в Чистый четверг, пасхальное бдение, приготовление кулича, творожной пасхи и окрашенных яиц, поминовение умерших в Родительский день и на Троицу, обливание на Ивана Купалу и другие традиции.

Наиболее активно процессы поддержания этнокультурной идентичности происходят в национально-культурных объединениях. В частности, Омский Дом Дружбы занимается популяризацией славянской культуры среди омичей: здесь проводятся стилизованные народные праздники: Святки, Масленица, Троица, Иван Купала, Обжинки, казачий праздник «Вольница». Наиболее массовыми и популярными среди омичей являются городские праздники Рождество, Масленица, которые проходят на различных городских площадках — в парках культуры и отдыха им. 30-летия ВЛКСМ и «Зеленый остров», в скверах, на выставке «Агро-Омск», на территории второй Омской крепости, около Дворцов культуры. Режиссеры праздников стараются вплести в сценарий элементы народных обычаев, такие как колядование, ношение рождественской звезды, вертепный театр, ряженья, используют народные песни и малые фольклорные формы (скороговорки, поговорки, приметы, поверья), традиционные игры и стилизованные народные костюмы. На подобных мероприя-

тиях актуализируется этническая идентичность и в то же время представители разных этносов, находясь в едином праздничном пространстве, осознают свою общность, а значит – формируют региональную идентичность.

С 2000-х гг. наиболее успешной формой функционирования традиционной культуры в Омском регионе являются фольклорные фестивали и праздники: Всероссийский фестиваль русской традиционной культуры «Егорий Хоробрый», Всероссийский праздник традиционных ремесел «Покровская ярмарка», Межрегиональный конкурс детских и юношеских фольклорно-этнографических коллективов «Егорий вешний». В рамках фестивалей воссоздаются локальные культурные традиции и формируется этнокультурная идентичность. День города Омска с многочисленными мероприятиями является наиболее активной формой актуализации региональной идентичности.

Итак, на примере празднично-обрядовой культуры Омского региона можно сделать вывод о том, что праздники являются активными аттракторами формирования различных видов идентичности. А именно: общественно-гражданские – актуализируют национальную идентичность, праздники населенных пунктов (День города, День села) – формируют региональную и локальную идентичности, фольклорные праздники – этнокультурную и региональную идентичности, лично-семейные – этническую.

Сведения об авторе:

Золотова Т.Н. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,

e-mail: zolotovat2012@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-7884-281X>.

Национально-культурные объединения как фактор развития этнической идентичности в современной Беларуси

Работа посвящена одной из актуальных для современной белорусской этнологии проблем — деятельности национально-культурных объединений по сохранению и развитию идентичности общностей и групп, которые образуют состав населения Республики Беларусь. В статье рассматривается участие национально-культурных объединений в этно- и социокультурных процессах, происходящих в современном белорусском государстве. Выявлено, что национально-культурные объединения выполняют значимую роль в процессе этнической самоидентификации граждан Беларуси.

Ключевые слова: национально-культурные объединения, этническая идентичность, Республика Беларусь, межкультурный диалог, взаимодействие.

Для цитирования: Шейбак В.В. Национально-культурные объединения как фактор развития этнической идентичности в современной Беларуси. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 366–369. DOI 10.17746/0295-7.2019.366-369.

National and Cultural Associations as a Factor of Development of Ethnic Identity in Modern Belarus

Work is devoted to one of problems, relevant for modern Belarusian ethnology, — activities of national and cultural associations for preservation and development of identity of communities and groups which form the structure of the population of Republic of Belarus. In article participation of national and cultural associations in ethno- and the sociocultural processes happening in the modern Belarusian state is considered. It is revealed that national and cultural associations carry out a significant role in the course of ethnic self-identification of citizens of Belarus.

Keywords: national and cultural associations, ethnic identity, Republic of Belarus, cross-cultural dialogue, interaction.

For citation: Sheibak V.V. National and cultural associations as a factor of development of ethnic identity in modern Belarus. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 366–369 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.366-369.

В настоящее время в Республике Беларусь значимым элементом социальной структуры общества являются национально-культурные объединения. На протяжении более четверти века, т.е. все время существования государства Беларуси, эти организации занимаются деятельностью по сохранению этническими группами, входящими в состав населения страны, своих традиций и обычаев, этнокультурных особенностей и идентичности, родного языка. Национально-культурные объединения также играют заметную роль в социокультурной жизни республики, вносят заметный вклад в поддержание межэтнического и межконфессионального диалога в белорусском обществе.

Первые официально зарегистрированные этнокультурные общественные объединения в Беларуси (отдельные из них действуют и по сей день), в названиях которых ясно отражалась этническая принадлежность их основателей, появились в последние годы существования СССР. Возникновение в Белорусской Советской Социалистической Республике организаций, идентифицируемых как национально-культурные, было закономерным образом связано с политической и идеологической трансформациями, которые, по мнению советского руководства, должны были способствовать разрешению как назревших социально-экономических проблем, так и начинавшей принимать острый характер межэтнической напряженности в разных частях страны.

Одним из следствий указанных трансформаций явилось «пробуждение этничности» («этнический ренессанс», «национальное возрождение»), выразившееся в стремительном распространении националистических и этнокультурных движений, объединений, организаций. К причинным факторам, повлекшим создание и обеспечившим рост популярности и влияния в обществе организаций, ориентированных на решение круга вопросов, связанных с этничностью, этнической культурой, следует отнести: кризис советской идентичности; рост этнического самосознания и интереса к изучению этнокультурных традиций, языка, исторического прошлого; либерализация законодательства. Для этнических групп, составляющих в границах государственного образования меньшинство по отношению к «титальному» этносу, создание собственных национально-культурных организаций приобретало особую важность в контексте проблемы сохранения своей идентичности, культуры, языка, поскольку именно эта проблема воспринималась как остро актуальная лидерами и активистами движений, представляющих «титальные» этносы. В таких условиях наиболее социально активная часть этнических групп считала своим долгом заявить о праве на защиту этнокультурного своеобразия. Не последнюю роль при этом играло желание избежать вероятных или действительных попыток ассимиляции, поглощения этническим большинством [Шейбак, 2014, с. 327–328]. Ситуация в Беларуси с ее полиэтничным населением в тот период развивалась в русле этих процессов, однако, в отличие от многих других советских республик, здесь не наблюдалось противостояния и резких столкновений, не говоря уже о вооруженных конфликтах на межэтнической почве.

С момента образования Республики Беларусь процесс формирования национально-культурных объединений набирает обороты. В начале 1990-х гг. здесь действовали общественные объединения, выступающие от имени и представляющие интересы как традиционных для нашей страны этнических общностей (русских, поляков, украинцев, евреев, татар), так и, условно говоря, новых, история существова-

ния которых на белорусской территории насчитывает лишь несколько десятилетий (армян, азербайджанцев, корейцев). Происходящий в Республике Беларусь на протяжении 27 лет процесс развития национально-культурных объединений характеризуется количественным ростом, распространением их по всем регионам страны, накоплением практического опыта и расширением сфер деятельности. Наибольших успехов в решении задачи сохранения и развития этнической идентичности добились польское, литовское и еврейское этнокультурные движения.

Согласно данным Уполномоченного по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь, по состоянию на 1 января 2010 г. в Беларуси действовали 124 национально-культурных объединения. Если же акцентировать внимание не на общем количестве, а на маркере этничности, то в состав этих обществ входили граждане — представители 25 этнических групп. В последующие годы количество национально-культурных организаций значительно выросло. По сведениям на 1 января 2018 г., их насчитывалось 193. В совокупности члены объединений идентифицировали себя также с 25 этническими общностями. По количеству действующих организаций лидирующие позиции занимают польская (69) и еврейская (43) этнические группы. Функционирует ряд русских (15) и украинских (12) объединений. Азербайджанских объединений в республике насчитывается почти столько же, сколько и литовских: 9 и 10 соответственно. Свои организации имеют живущие в Беларуси армяне (4), греки (2), грузины (3), казахи (2), корейцы (1), молдаване (1), иранцы (1), сирийцы (1), турки (1), эстонцы (1) и др. Из 193 национально-культурных организаций республики значительная часть (40) находятся в г. Минске [Список..., 2018].

Национально-культурные объединения, действующие в столице и регионах республики, выполняют ряд функций. Во-первых, консолидирующую, которая заключается в обеспечении условий для сплочения граждан, имеющих общее этническое самосознание, чтобы предотвратить их ассимиляцию в условиях проживания в иноэтничной среде. Во-вторых, коммуникативную функцию, которая обеспечивает обмен социально значимой информацией с целью укрепления связей и расширения взаимодействия между членами одного объединения, между различными этнокультурными объединениями, белорусским обществом, органами государственной власти. Кроме того, коммуникативная функция позволяет осуществлять диалог и культурный обмен объединений и стран, воспринимаемых в качестве исторической родины. В-третьих, интегративную функцию, направляющую деятельность национально-культурных организаций на прививание своим членам чувства гражданского патриотизма, принадлежности к белорусской нации как полиэтничной и поликультурной общности. В-четвертых, функцию культурной и языковой адаптации к реалиям проживания в Беларуси. Данная функция характерна в первую очередь для объединений, представляющих интересы новых этнических групп, в составе которых в настоящее время заметную нишу занимают добровольные и вынужденные (беженцы) мигранты. Наконец, в-пятых, функцию сохранения, развития и популяризации культурного наследия и языка. Она заключается в осуществлении национально-культурными организациями внутри них, а также в рамках процесса межэтнического и межкультурного взаимодействия комплекса мероприятий по сохранению и трансляции традиций и языка тех этнических общностей, от имени которых они действуют.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной Беларуси национально-культурные объединения характеризуются как значимый фактор, влияющий на сохранение и развитие этнической идентичности многих групп, входящих в состав населения республики.

Список литературы

Список национально-культурных общественных объединений, зарегистрированных в Республике Беларусь (по состоянию на 1 января 2018 года): [Электронный ресурс] // Уполномоченный по делам религий и национальностей: официальный сайт. — URL: http://www.belarus21.by/Articles/nac_cult_ob (дата обращения: 03.05.2018 г.).

Шейбак В.В. Национально-культурные объединения Гродненской области (1988–2013 гг.): становление, развитие, направления деятельности // Этнокультурные процессы Гродненского Помеманья в прошлом и настоящем. — Минск: Беларуская навука, 2014. — С. 327–360.

References

Sheibak V.V. Natsional'no-kul'turnye ob»edineniya Grodnenskoj oblasti (1988–2013 gg.): stanovlenie, razvitie, napravleniya deyatel'nosti. In *Etnokul'turnye protsessy Grodnenskogo Pomeman'ya v proshlom i nastoyashchem*. Minsk, Belaruskaya navuka, 2014, pp. 327–360 (in Russ.).

Spisok natsional'no-kul'turnykh obshchestvennykh ob»edinenii, zaregistrirovannykh v Respublike Belarus' (po sostoyaniyu na 1 yanvarya 2018 goda): [Elektronnyi resurs]. In *Upolnomochennyi po delam religii i natsional'nostei: ofitsial'nyi sait*. URL: http://www.belarus21.by/Articles/nac_cult_ob (accessed: 03.05.2018) (in Russ.).

Сведения об авторе:

Шейбак В.В. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси,

e-mail: iraraf@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5102-6679>.

В.В. Галиндабаева
Социологический институт РАН – филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
г. Санкт-Петербург, Россия

**Карымы и семейские:
конструирование религиозных границ
в сельском сообществе
(на примере села Хасурты Республики Бурятия)**

Статья посвящена исследованию религиозных границ в метисном сельском сообществе, которые сформировались в конце XIX в. Основное внимание уделяется роли забвения в процессе воспроизводства религиозных границ между группами карымов и семейских. Исследование проводилось в 2017 г. в с. Хасурта Республики Бурятия. Забвение становится важным фактором поддержания этнических границ наравне с религией.

Ключевые слова: забвение, границы, метисность, карымы, семейские.

Для цитирования: Галиндабаева В.В. Карымы и семейские: конструирование религиозных границ в сельском сообществе (на примере села Хасурты Республики Бурятия). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 370–373. DOI 10.17746/0295-7.2019.370-373.

V.V. Galindabaeva
Sociological Institute of Russian Academy of Sciences – Branch
Federal Research Sociological Center of RAS,
St. Petersburg, Russia

**Karymy and Semeiskie:
Constructing Religious Borders in Rural Community
(the Case of Khasurta Village of the Republic of Buryatia)**

The article deals with the study of religious borders in the metis rural community that was formed in the late 19th century. The main attention is paid to the role of oblivion in the process of reproduction of religious borders between the Karym and the Semeiskie. The study was conducted in 2017 in the village of Khasurta of the Republic of Buryatia. Oblivion is becoming an important factor in maintaining ethnic borders on a par with religion.

Keywords: oblivion, borders, metis, Karyms, Semeiskie.

For citation: Galindabaeva V.V. Karymy and semeiskie: constructing religious borders in rural community (the case of Khasurta village of the Republic of Buryatia). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 370–373 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.370-373.

Исследовательский вопрос заключается в том, как забвение оказывает влияние на формирование исторических представлений и тем самым способствуют поддержанию этнорелигиозных границ? Основной функцией памяти в социальной группе, как указывал М. Хальбвакс, является «затушевание» различий и подчеркивание сходств [Хальбвакс, 2005]. Этнические общности и границы создаются на основе тех различий, которые считают важными сами индивиды [Барт, 2006]. Таким образом, память актуализирует события и традиции, которые объединяют членов одной группы и подчеркивают их отличия от другой группы. Забвение, в свою очередь, скрывает те события и воспоминания, которые подрывают единство группы.

Мы рассмотрим, как работает забвение на примере метисного сельского сообщества. Под метисным сообществом мы подразумеваем часть субэтнической группы, сформированной на стыке взаимодействия крупных этнических массивов, в нашем случае русских и бурят.

Объектом исследования было выбрано с. Хасурта Хоринского р-на Республики Бурятия. На его территории проживают уже двести лет семейские и карымы. Карымы – это крещеные в православие буряты [Власова, 1975, с. 22–23; Бураева, 2000, с. 184–185]. Семейские – это потомки русских старообрядцев, семьи которых были высланы в 1760-х гг. с территории Ветки, Гомеля, Дорогобужа, Подолии, Прибужья, Винницы, входивших в то время в состав Польши [Болонев, 2009, с. 76–77]. Часть православных бурят с их приходом приняла старообрядчество. Крещеные буряты, перешедшие в старообрядчество, полностью перенимали быт семейских и поддерживали матримониальные связи с другими старообрядческими семьями. Православные буряты поддерживали матримониальные отношения с русскими православными [Иванов, 2012].

Гипотеза исследования заключается в том, что локальные группы карымов и семейских в Хасурте сформировались в результате русско-бурятских браков (карымы исповедуют православие, а семейские старообрядчество). Исследование проводилось в рамках стратегии кейс-стади, или исследования случая. В июле 2017 г. был осуществлен опрос в с. Хасурта, который охватил 203 дома из 230, восемь индивидуальных предприятий, фельдшерский пункт, сельскую администрацию, отделение почты и районных электрических сетей. Всего было опрошено 169 респондентов (жители села старше 18 лет). Приведем результаты исследования.

Локальные идентичности *карым(ка)* и *семейский(ая)* остаются значимыми для населения села, но «по паспорту» они все себя считают русскими. Семейские, как и карымы, забывают об истории смешанного происхождения. Только 34,3 % семейских отметили, что среди их предков есть буряты, 65,7 % не выбрали этот вариант ответа. Среди карымов процент выше в два раза: 67 % ответили, что среди их предков есть представители бурятского народа.

Граница между двумя группами приобрела сегодня этнорелигиозный характер. Если раньше старообрядцами или семейскими становились только по крещению, то сейчас «семейскость» приобрела черты аскриптивного статуса. Семейским сегодня можно стать по рождению или по крещению. Карымская идентичность отчасти сформировалась на противопоставлении с семейской, и основными ее атрибутами было смешанное этническое происхождение и православное вероисповедание.

Авто- и гетеростереотипы о карымах (в % от числа опрошенных)

Карымы это...	Семейские	Карымы
Отдельный народ, возникший в результате смешения русских и бурят	12,4	24,4
Часть русского народа, возникшая в результате русско-бурятских браков	41,9	33,3
Часть бурятского народа, возникшая в результате русско-бурятских браков	6,7	0
Часть русского и бурятского народов, возникшая в результате русско-бурятских браков	36,2	35,6
Затрудняюсь ответить	2,9	6,7

Семейские и карымы владели свободно бурятским языком до 50-х гг. XX в. Сегодня уровень владения этим языком очень низкий. Только 7 % семейских и 4 % карымов отметили, что владеют бурятским языком в той или иной степени.

Большинство карымов сегодня продолжают исповедовать православие – 62,2 % опрошенных. Буддизм отметили 22,2 % респондентов. Среди карымов есть и те, кто исповедует старообрядчество, но продолжает считать себя карымами, – 11,1 %. Церковь посещают 57,8 %. Число респондентов, исповедующих буддизм, не совпадает с числом респондентов, посещающих дацаны (буддийские храмы): 40 % карымов посещают регулярно дацан, но только 22,2 % исповедуют буддизм.

Среди семейских сегодня есть те, кто исповедует православие – 8,6 %, но большинство остаются в старообрядческой или, как говорят в Хасурте, в «семейской вере» – 86,7 %. Буддизм никто из семейских не отметил, но 34,3 % регулярно посещают дацан.

Праздники, так же как и религиозные обряды, играют важную роль в формировании этнорелигиозных границ. От 90 до 100 % выбрали такие религиозные праздники, как Рождество, Вербное Воскресенье, Пасха, Родительский день. Сагаалган (праздник Белого месяца, или Нового года по лунному календарю) – главный праздник бурятского календаря отмечают 66,7 % карымов и 43,8 % семейских.

В целом существует консенсус о том, кого считать семейскими. Старообрядчество рассматривается как главный признак данной группы. В то же время такого консенсуса по карымам нет. Оказалось, что семейские придают большое значение смешанному происхождению карымов. Почти 7 % семейских считают, что карымы ближе к бурятам, чем к русским, в то время как никто из карымов не выбрал данный вариант ответа. Разница в ответах наблюдается и при выборе первого варианта ответа. Четверть карымов считают себя отдельным от русских и бурят народом, а среди семейских в два раза меньше респондентов, согласных с этим определением.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Метисные сообщества как культурные посредники в межэтнических отношениях (на примере карымов и метисов Бурятии)», № 17-33-01151-ОГН.

Список литературы

Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. – М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.

Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 340 с.

Буряева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – середине XIX в. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 206 с.

Власова И.В. Поселения Забайкалья. История возникновения поселений // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск, Наука, 1975. – Ч. 2: Забайкалье. – С. 21–33.

Иванов В.Ф. В глубь уходящие корни. Хасурта. – Улан-Удэ: Нова Принт, 2012. – 247 с.

Хальбакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 8–27.

References

Barth F. Etnicheskie grupy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii. Moscow: Novoe Izdatel'stvo, 2006, 200 p. (in Russ.).

Bolonev F.F. Staroobryadcy Zabajkal'ja v 18–20 vv. Ulan-Ude: BNC SB RAS Publ., 2009, 340 p. (in Russ.).

Buraeva O.V. Hozjajstvennye i etnokul'turnye svjazi russkih, burjat i evenkov v XVII – seredine XIX v. Ulan-Ude: BNC SB RAS Publ., 2000, 206 p. (in Russ.).

Halbwachs M. Collective and Historical Memory. In *Neprikosnovenniy zapas*, 2005, No. 2–3 (40–41), pp. 8–27 (in Russ.).

Ivanov V.F. V glub' uhodjashhie korni. Hasurta. Ulan-Ude: Nova Print, 2012, 247 p. (in Russ.).

Vlasova I.V. Poselenija Zabajkal'ja. Istorija vzniknovenija poselenij. In *Byt i iskusstvo russkogo naselenija Vostochnoj Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1975, iss. 2: Zabajkal'e, pp. 21–33 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Галиндабаева В.В. – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,

e-mail: vgalindabaeva@gmail.com,

<http://orcid.org/0000-0002-3544-5953>.

V. ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАСЛЕДИЕ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

DOI: 10.17746/0295-7.2019.374-376
УДК 39+303.01

А.Ю. Майничева

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск, Россия*

Инструментарий этносимволизма в этнографических исследованиях

Работа посвящена исследованию актуальной проблемы использования методологии этносимволизма в этнографии. В концепции Э.Д. Смита ведущую роль играют понятия «идентичность», «этнония», «нация», доказываемая связь современной политики с традиционной культурой. Сделан вывод о том, что инструментальный этносимволизм может быть эффективен при использовании в этнографических исследованиях, выполняемых в сравнительно-историческом аспекте и посвященных процессам формирования наций, в отношении определения роли мифов, символов, ценностей, исторической памяти, традиций, обычаев, языковой близости, механизмов этнической мобилизации.

Ключевые слова: этносимволизм, этнокультурная идентичность, мифы, символы, ценности, традиции.

Для цитирования: Майничева А.Ю. Инструментарий этносимволизма в этнографических исследованиях. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 374–376. DOI 10.17746/0295-7.2019.374-376.

A.Yu. Mainicheva

*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Tools of Ethnosymbolism in Ethnographic Studies

The thesis is dedicated to the study of the actual problem of using the methodology of ethnosymbolism in ethnography. In the concept of Antony D. Smith leading role is played by the concepts of “identity”, “ethnia”, “nation”; the connection between modern politics and traditional culture is proved. It is concluded that the toolkit of ethnosymbolism can be effective when used in ethnographic studies performed in a comparative historical aspect and devoted to the processes of the formation of nations, in relation to determining the role of myths, symbols, values, historical memory, traditions, customs, language proximity mechanisms of ethnic mobilization.

Keywords: *ethnosymbolism, ethnocultural identity, myths, symbols, values, traditions.*

For citation: Mainicheva A.Yu. Tools of ethnosymbolism in ethnographic studies. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 374–376 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.374-376.

В разработках современных теорий наций знаковую роль играют труды Энтони Д. Смита (1939–2016), профессора Лондонской школы экономики, президента Ассоциации по исследованию этничности и национализма, главного редактора журнала «Нации и национализм», выдвинувшего концепцию этносимволизма. Смит в своей книге «Этносимволизм и национализм: культурный подход» [2009], изданной в 2009 г., писал, что предложенный им подход не претендует на статус теории, а является инструментом для проведения исследований, т.к. обеспечивает возможность избежать крайностей конструктивистских и перенниалистской парадигм. Не вдаваясь в подробности анализа доказательств ограниченности указанных теорий, поскольку это прекрасно было выполнено самим исследователем, подчеркну, что, видимо, любая теория и создаваемые ими модели имеют свои условия и границы применимости. В данной статье сделана попытка анализа возможностей применения подхода этносимволизма в этнографических исследованиях, т.е. речь пойдет не о доказательстве его действенности, а о возможностях использования специфического инструментария как методологической базы, что ранее не было сделано.

По словам Э.Д. Смита, преимуществом этносимволизма является его способность предложить инструментарий для выполнения сравнительных эмпирических исследований [Там же, р. 119]. Он выступает за учет концепции «идентичности», «национальной идентичности» и «политики идентификации», т.к. проблема идентичности является актуальной не только в научных исследованиях и в деятельности националистов и национальных лидеров, но и важна для рядовых граждан, затрагивая их чувства и переживания [Там же, р. 122–124]. Помимо этого, он вводит еще ряд методологически важных терминов, например, «этнония», который отражает превосходство общности культуры над единством биологического родства [1986, р. 21–22]. Этнония выступает как обладающее самоназванием и самоопределившееся сообщество, имеющее миф об общем происхождении, историческую память, общие элементы культуры и этническую солидарность, сохраняемые при смене поколений [Smith, 2008, р. 30–31]. Этот термин необходим в инструментарии этносимволизма для установления сходств и различий между сообществами прошлого и современными нациями.

Автор много внимания посвятил доказательству важности обращения внимания не только на действия элит, как делают это конструктивисты, но и на роль этнических (национальных) сообществ, «неэлит», исследованию их «внутреннего мира» («inner world») [Smith, 2009, р. 115–116], который воплощается в некоторых культурных феноменах, таких как мифы, символы, ценности, историческая память, традиции, обычаи, языковая близость, механизмы этнической мобилизации. Соответственно, этнографические методики их исследования вполне могут быть включены в инструментарий этносимволизма.

Особенностью концепции этносимволизма является ориентирование на существование причин и особенностей формирования наций как некоей этнополити-

ческой общности. Постулируемая связь современной политики с традиционной культурой накладывает существенные ограничения на этнографические исследования, использующие инструментарий этносимволизма, т.е. исследоваться должны не столько сами, например, мифы, символы, традиции, сколько их роль в формировании той или иной идентичности. Вместе с тем Э.Д. Смит сам не конкретизировал ни одну из процедур исследования, посвятив изыскания теоретическим обоснованиям своего подхода и полемике с существующими теориями. Однако он определил границы применения предложенного подхода, т.к. с его помощью исследуется историческая, а не «каждодневная» (everyday nationhood) национальность. Смит называет методологию этносимволизма «случайно-исторической», поскольку с ее помощью могут изучаться некоторые отдельные черты наций и национализма [Там же, р. 136]. Автор постарался объяснить европоцентричность своих рассуждений (его книга изобилует примерами из истории Западной Европы и Северной Америки) тем, что большинство наций Азии и Африки находятся на стадии становления идентичности [Там же, р. 100] и не имеют устоявшегося положения для сравнения.

Таким образом, инструментарий этносимволизма может быть эффективен при использовании в этнографических исследованиях, выполняемых в сравнительно-историческом аспекте и посвященных процессам формирования наций, в отношении определения роли мифов, символов, ценностей, исторической памяти, традиций, обычаев, языковой близости, механизмов этнической мобилизации.

Список литературы

Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. — Oxford: Blackwell Publ., 1986. — 240 p.

Smith A.D. Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic. — L.: Blackwell Publ., 2008. — 245 p.

Smith A.D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. — N.Y.: Routledge, 2009. — 184 p.

References

Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell Publ., 1986, 240 p.

Smith A.D. Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic. L.: Blackwell Publ., 2008, 245 p.

Smith A.D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. New York: Routledge, 2009, 184 p.

Сведения об авторе:

Майничева А.Ю. — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН,

e-mail: annmaini@gmail.com,

http://orcid.org/0000-0002-0784-4252.

О.Н. Шелегина¹, С.К. Жетпысбаев²

¹*Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Россия*

²*Ассамблея народа Казахстана Павлодарской области,
г. Павлодар, Республика Казахстан*

Наследие и идентичность: государственные программы Республики Казахстан

Дан анализ концепций и хода реализации, результатов выполнения, эффективности государственных программ Республики Казахстан («Мәдени мұра» – «Культурное наследие», «Духовные святыни Казахстана») в сфере актуализации культурного наследия, укрепления национальной идентичности. Показана активная интеграция Казахстана в международный проект Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО «Великий шелковый путь».

Ключевые слова: *Республика Казахстан, национальная идентичность, освоение историко-культурного наследия, государственные программы «Мәдени мұра» – «Культурное наследие», «Духовные святыни Казахстана», проект ЮНЕСКО «Великий шелковый путь».*

Для цитирования: Шелегина О.Н., Жетпысбаев С.К. Наследие и идентичность: государственные программы Республики Казахстан. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 377–380. DOI 10.17746/0295-7.2019.377-380.

O.N. Shelegina¹, S.K. Zhetpisbaev²

¹*Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

²*Assembly of people of Kazakhstan of Pavlodar region,
Pavlodar, Republic of Kazakhstan*

Heritage and Identity: State Programs of the Republic of Kazakhstan

The analysis of concepts and implementation progress, results and efficiency of the state programs of the Republic of Kazakhstan (“Madeni Mura” – “Cultural heritage”, “Spiritual relics of Kazakhstan”) in the field of actualization of historical and cultural heritage and strengthening of national identity is provided. The active integration of Kazakhstan into the international project of the UNESCO World Heritage Committee “The great Silk Road” is shown.

Keywords: *Republic of Kazakhstan, national identity, development of historical and cultural heritage, state programs “Madeni Mura” – “Cultural heritage”, “Spiritual relics of Kazakhstan”, UNESCO project “The great silk road”.*

For citation: Shelegina O.N., Zhetpisbaev S.K. Heritage and identity: state programs of the Republic of Kazakhstan. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories,* 2019, 377–380 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.377-380.

На этапе строительства суверенного Казахстана актуализировалась необходимость консолидации общества вокруг идеи национального развития с учетом исторического и культурного наследия как символа единства народа и целостности страны, укрепления ее международных позиций. С 2004 г. в Республике Казахстан по инициативе президента страны Нурсултана Назарбаева выполняется Государственная программа «Мәдени мұра» — «Культурное наследие». Организационная структура программы предусматривала ее поэтапную реализацию (2004—2006, 2007—2008, 2009—2011 гг., с разработкой последующей 20-летней программы) и финансирование на систематизацию, сохранение и развитие культурного наследия. Цель программы — развитие и укрепление национального самосознания казахстанцев на основе значимого культурного наследия, представление на международном уровне богатств национальной культуры, создание системы изучения национального культурного наследия.

Программу «Культурное наследие» Нурсултан Назарбаев назвал стратегическим национальным проектом, определившим государственный подход к культуре, и подчеркнул, что она продемонстрировала потенциал и гуманистический курс народа, обогатила его исторический опыт и стала надежной опорой в преемственности поколений [Назарбаев, 2011, с. 287].

При финансовой поддержке государства (более 11,6 млрд тенге за 2004—2011 гг.) к 2013 г. по программе «Культурное наследие» выполнены реставрационные работы на 73 археологических и архитектурных памятниках, проведено более 40 археологических, 26 научно-прикладных исследований; выявлено более 10 тыс. новых архивных материалов, артефактов; возвращены на родину 5 тыс. уникальных исторических документов. Помимо этого, издано более 440 наименований книг по истории, этнографии, археологии, 66 томов стотомного издания «Бабалар сөзі» («Слово предков»), 10 томов Энциклопедии Казахстана (5 томов на русском языке, справочник на английском), продолжается выпуск «Ста казахских романов» в 200-х томах [Шелегина, Жетпысбаев, 2018, с. 32].

Геополитическое и социокультурное значение имеет демонстрация широкому кругу жителей и туристов памятников культуры казахской степи в качестве эталонов культур кочевников. Памятники «Алтын Адам» — «Золотой человек», Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, города Отрар и Туркестан стали историческими и культурными брендами Казахстана.

Страна представлена в Комитете Всемирного наследия ЮНЕСКО. В Список Всемирного наследия трансграничной серийной номинации ЮНЕСКО «Великий Шелковый путь» включена сеть маршрутов «Чаньянь — Тянь-Шанского коридора» (5000 км), где Казахстан представлен восьмью объектами, относящимися к всемирному наследию.

С 2015 г. сделан акцент на создание региональных проектов культурно-туристских кластеров: «Астана — сердце Евразии», «Алматы — свободная культурная зона Казахстана», «Единство природы и кочевой культуры», «Жемчужина Алтая», «Возрождение Великого Шелкового пути» и «Каспийские ворота», обеспечивающих мощный мультипликативный эффект.

Одним из базовых элементов каркаса национальной идентичности в настоящее время является государственная программа-проект «Духовные святыни Казахстана». По поручению Президента Правительством Казахстана в диалоге с обществен-

ностью во взаимосвязи трех позиций: образовательной подготовки каждого казахстанца по программе «Культурно-географический пояс»; серьезной и системной работы СМИ; опоры внутреннего и внешнего культурного туризма на символическое наследие народа — была разработана государственная программа «Сакральная география Казахстана». Она рассчитана на 5 лет, ее целью является создание единой сети мест памяти на всей территории страны.

В настоящее время идет процесс реализации этой программы. Научно-исследовательским центром «Қасиетті Қазақстан» («Сакральный Казахстан») разработан специальный методический инструментарий и рекомендации для региональных рабочих групп, включающих известных ученых-краеведов. В Национальном музее Казахстана была представлена версия списка из 100 объектов с выделением следующих групп: особо почитаемые памятники природного наследия; археологические и архитектурные памятники; крупные средневековые городские центры и столицы Казахского ханства; религиозные и культовые объекты, являющиеся местами поклонения; сакральные места, связанные с историческими личностями; сакральные места, связанные с историческими и политическими событиями. Актуализация сакрального наследия в Казахстане осуществляется и путем его музеефикации. Единственный в мире культурно-исторический мегаполис г. Алматы, в черте которого сохранился огромный царский некрополь (47 курганов сакской элиты и вождей усуньских племен), являвшийся сакральным центром для всего скифо-сибирского мира, превращен в знаменитый археологический парк под открытым небом «Боралдайские сакские курганы», самый крупный в странах СНГ. Программа «Сакральная география Казахстана» на организационном, исследовательском и ментальном уровнях аккумулирует и транслирует наследие не только казахского народа, но и каждого казахстанца, а также всех этнических групп, населяющих республику и осознающих Казахстан своей родиной.

Политика Республики Казахстан по реализации государственных программ по освоению культурного наследия является важной составной частью процессов модернизации страны, носит стратегический характер. Она направлена на укрепление идентичности, обеспечение устойчивого гармоничного развития и достижения перспективных целей государства в XXI столетии.

Список литературы

Назарбаев Н.А. Выступление на расширенном заседании Общественного совета по реализации программы «Мәдени мұра-Культурное наследие» // Избранные речи 2006–2007 гг. — Астана: Изд-во Сарыарка, 2011. — Т. 5. — Кн. 1. — 528 с.

Шелегина О.Н., Жетпысбаев С.К. Государственная политика Республики Казахстан по освоению культурного наследия // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. — 2018. — Т. 17. — С. 30–37. DOI: 10.25205/1818-7019-2018-17-8-30-37.

References

Nazarbaev N.A. Vystuplenie na rasshirennom zasedanii Obshhestvennogo soveta po realizacii programmy “Mәdeni mұra-Kul’turnoe nasledie”. In *Izbrannyye rechi 2006–2007gg.* Astana: Saryarka Publ., 2011, vol. 5, book 1, 528 p. (in Russ.).

Shelegina O.N., Zhetpysbaev S.K. Gosudarstvennaya politika Respubliki Kazahstan po osvoeniyu kul'turnogo naslediya. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2018, vol. 17, pp. 30–37. DOI: 10.25205/1818-7019-2018-17-8-30-37 (in Russ.).

Сведения об авторах:

Шелегина О.Н. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора «Музей Сибирского отделения РАН» Института истории СО РАН,

e-mail: oshelegina@yandex.ru,

https://orcid.org/0000-0003-3715-4380;

Жетпысбаев С.К. – кандидат экономических наук, заместитель председателя, заведующий секретариатом Ассамблеи народа Казахстана Павлодарской обл. Республики Казахстан,

e-mail: sank-pavlodar2012@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0002-3802-9509.

Потенциал культурного наследия в формировании идентификационных стратегий регионов Российской Федерации

Рассмотрены идентификационные стратегии, которые используются как инструмент в ходе конструирования культурной идентичности, как направления развития региона и как политические тактики. Культурное наследие служит платформой для идентификационных стратегий. Выявлено, что формирование идентичности происходит в трех стратах культуры: в повседневности, в массовой (популярной) и традиционной формах культуры, определяя и укореняя обыденное, массовое и национальное самосознание.

Ключевые слова: *идентификация, стратегии, регион, массовое сознание, наследие, культурная идентичность, ценности, повседневность, традиционная культура, самосознание, социокультурные практики, национальные проекты.*

Для цитирования: Никифорова С.В., Дьячковская Е.А. Потенциал культурного наследия в формировании идентификационных стратегий регионов Российской Федерации. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 381–383. DOI 10.17746/0295-7.2019.381-383.

S.V. Nikiforova, E.A. Diachkovskaya
*M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Republic of Sakha, Russia*

Potential of Cultural Heritage in the Formation of Identification Strategies of the Regions in the Russian Federation

Identification strategies that are used as a tool in the construction of cultural identity, as a direction for the development of a region, and as political tactics are considered. Cultural heritage serves as a platform for identification strategies. It is revealed that the formation of identity occurs in three strata of culture: in everyday life, in the mass (popular) and traditional forms of culture, defining and rooting the ordinary, mass and national identity.

Keywords: *identification, strategies, region, mass consciousness, heritage, cultural identity, values, everyday life, traditional culture, self-awareness, socio-cultural practices, national projects*

For citation: Nikiforova S.V., Diachkovskaya E.A. Potential of cultural heritage in the formation of identification strategies of the regions in the Russian Federation. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 381–383 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.381-383.

В рамках изучения проблем конструирования культурной идентичности индигенных народов Северо-Востока РФ, которым посвящено диссертационное исследование Е.А. Дьячковской, проводится анализ эффективности национальных

проектов и региональных программ в социокультурной сфере. Указанная работа позволит обозначить актуальные социокультурные практики в регионе, которые объединены идеями сохранения, спасения, реконструкции и возрождения культурного наследия. Используется определение культурного наследия, сформулированное в «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» (ЮНЕСКО, 1972 г.), оно читается как совокупность ценностей, на которой строятся идентификационные стратегии любого региона. Например, таково значение наскальных рисунков Каповой пещеры для башкирского народа, металлопластика пермского звериного стиля для коми и пермяков или фрагмент наскальной живописи, использованный в гербе Республики Саха (Якутия), для якутов. Ни автор мамонтов и лошадей на Урале, ни автор всадника, написанного охрой на отвесной поверхности Ленской скалы, не имели ни малейшего отношения к народам и культурам, использующим их сегодня в качестве символов национального самосознания, брендов и маркеров культур указанных регионов. Но оба названных выше образца культурного наследия активно, если не сказать определяющим образом, участвуют в процессе региональной идентификации современных агентов культуры.

Идентификационные стратегии рассматриваются на данном этапе исследования (не совсем критично, но достаточно валидно) как «модели адаптации» [Данилова, 1995, с. 124]; «комплекс механизмов и приемов, направленных на конструирование идентичности» [Смирнов, 2008, с. 51]; «приоритеты и иерархия ценностей» [Шемякин, 2016, с. 117]. Более того, поскольку в современных социокультурных практиках идентификационные стратегии используются как инструмент в ходе конструирования культурной идентичности, а также как выгодные политические тактики (брендинг, имидж региона, предвыборные обращения к архетипам массового сознания и т.д.), в предполагаемом исследовании они будут рассматриваться в качестве долгосрочных целей и направлений развития региона. При таком понимании культурное наследие есть та ось, вокруг которой они выстраиваются, та константа или универсальный ориентир, объективная статичность которого служит платформой для более общего варианта – культурной идентификации. В основании культурной идентификации В.М. Пивоев выделяет семь аспектов: «мифологическая самоидентификация, социально-ролевая самоидентификация, гендерная идентификация, этническая, профессиональная, возрастная и социально-престижная идентификации» [Пивоев, 2011, с. 170–171].

Механизмы реализации стратегий, по сути, определяют специфику жизнедеятельности населения конкретного региона: помимо ландшафта и климата, к ним относятся традиции, обыденные правила, сложившийся имидж, бренды, реклама, инструкции и циркуляры, социальные сети. Таким образом, идентификационные стратегии органично реализуются в трех стратах региональной культуры: в пространстве повседневности, в пространствах массовой (популярной) и традиционной культур, определяя и укореняя обыденное, массовое и национальное самосознание.

Список литературы

Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: Российский выбор // Социологические исследования. – 1995. – № 6. – С. 120–130.

Пивоев В.М. «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: проблемы идентификации // Мир культуры и культурология. Альманах научно-образовательного культурологического общества России. – СПб., 2011. – С. 162–175.

Смирнов А.В. Идентификационные стратегии повседневности: методологический аспект // Вестн. СПб. ун-та. – 2008. – Сер. 6, вып. 3. – С. 48–55.

Шемякин Я.Г. Феномен модернизации: Цивилизационное измерение. Ст. 2. Ценности модернизации на Западе и в «Незападном» мире: особенности восприятия и динамика эволюции идентификационных стратегий // Общественные науки и современность. – 2016. – № 1. – С. 117–128.

References

Danilova E.H. Identifikatsionnye strategii: Rossiiskii vybor. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1995, No. 6, pp. 120–130 (in Russ.).

Pivoev V.M. “Svoe” i “chuzhoe” v kul'ture narodov Evropeiskogo Severa: problemy identifikatsii In *Mir kul'tury i kul'turologiya. Al'manakh nauchno-obrazovatel'nogo kul'turologicheskogo obshchestva Rossii*. St. Petersburg, 2011, pp. 162–175 (in Russ.).

Shemyakin Ya.G. Fenomen modernizatsii: Tsivilizatsionnoe izmerenie. St. 2. Tsennosti modernizatsii na Zapade i v “Nezapadnom” mire: osobennosti vospriyatiya i dinamika evolyutsii identifikatsionnykh strategii. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2016, No. 1, pp. 117–128 (in Russ.).

Smirnov A.V. Identifikatsionnye strategii povsednevnosti: metodologicheskii aspekt. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6, iss. 3, September*, 2008, pp. 48–55 (in Russ.).

Сведения об авторах:

Никифорова С.В. – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,

e-mail: e-mail: nsv2107@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0002-4875-1757;

Дьячковская Е.А. – старший преподаватель, аспирант кафедры культурологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,

e-mail: kachuuka@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0002-4875-1757.

От «Золотой долины» к «Силиконовому лесу»

В статье представлен опыт концептуализации научного и социально-культурного наследия Новосибирского Академгородка в соответствии с пространственной моделью «научного топоса». Выделен ряд характерных социокультурных комплексов: мемориально-монументальный, топонимический, музейный, интеллектуально-досуговый, экологический, аттрактивный, ивентовый, транслирующих уникальную идентичность Академгородка. Показано, почему международное признание 60-летнего опыта функционирования наукополиса в Сибири выразилось в закреплении за Академгородком названия «Силиконовый лес».

Ключевые слова: научное и культурное наследие, научный топос, наукополис, Сибирское отделение Российской академии наук, Новосибирский Академгородок, «Золотая долина», «Силиконовый лес», «Силиконовая тайга».

Для цитирования: Запорожченко Г.М. От «Золотой долины» к «Силиконовому лесу». Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. 2019. С. 384–387. DOI 10.17746/0295-7.2019.384-387.

G.M. Zaporozhchenko

*Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

From the “Golden Valley” to “Silicon Forest”

The article presents the experience of conceptualization of scientific and sociocultural heritage of Novosibirsk Akademgorodok in accordance with the spatial model of “scientific topos”. Seven distinctive sociocultural complexes are highlighted: the memorial and the monumental, toponyms, museums, intellectual-recreational, ecological, attractive, event, translating the unique identity of Akademgorodok. It is shown why the international recognition of 60 years of experience in the functioning of science city in Siberia was expressed in the consolidation of the name “Silicon forest” for the academic city.

Keywords: scientific and cultural heritage, scientific topos, science city, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk Akademgorodok, “Golden valley”, “Silicon forest”, “Silicon taiga”.

For citation: Zaporozhchenko G.M. From the “Golden valley” to “Silicon forest”. Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories, 2019, 384–387 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.384-387.

В современный период в соответствии с магистральными тенденциями научно-технологического развития в XXI в. [Влияние..., 2017, с. 24–25] руководством Российской Федерации, Новосибирской обл. и г. Новосибирска активно транслируется позиция «Новосибирск – научная столица Сибири». Новосибирск – единственный российский город, являющийся полноправным членом Всемирной ассоциации тех-

нополисов [Топ-6...]. Новосибирская обл. включена в число пилотных регионов по созданию научных кластеров [Кластерная политика].

Ввиду смены концепции *адаптации* к прогрессирующему развитию технологий концепцией *преадаптации* возрастает актуальность научной рефлексии опыта развития науки в Сибири.

В рамках проектов «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе» и «Социокультурное наследие Сибири: традиции и инновации (вторая половина XX – XXI в.)» сектор «Музей СО РАН» Института истории СО РАН на основе историографического ресурса, материалов музейных фондовых коллекций и электронных архивов, эмпирических данных, полученных методом «включенного наблюдения», концептуализировал научное и социально-культурное наследие Новосибирского Академгородка в соответствии с пространственной моделью «научного топоса».

Научный топос, являющийся феноменом регионально-локальной идентичности, понимается как концепт, описывающий отношения «человек – пространство – культура». Он обозначает локально организованные смыслообразующие научные пространства (поселения), сопряженные с определенным географическим местом, репрезентативным культурно-историческим наследием и соответствующей социокультурной инфраструктурой, обладающие ментальной энергией формирования и трансляции научной идентичности в логическом, фактографическом и символическом аспектах.

В топосе «Новосибирский Академгородок» выделены характерные социокультурные комплексы:

– *мемориально-монументальный* (памятники и мемориальные доски, посвященные выдающимся ученым и гражданам),

– *топонимический* (отражение научного профиля в названиях улиц),

– *музейный* (Выставочный центр СО РАН и 22 объекта музейного значения в академических институтах Академгородка),

– *интеллектуально-досуговый* (объекты социокультурной сферы, название которых имеет научный профиль: Дом ученых, Дом культуры «Академия», кафе-клуб «Под интегралом» с научным кафе «Эврика», спортивный клуб «МС²» с баром «Деканат», автостоянка «У мамонта», будки буккроссинга),

– *экологический* (ландшафтно-природные зоны с информационной нагрузкой как воплощение опыта мировой урбанистики по созданию гармоничного союза человека и природы: Утиный пруд на ул. Золотодолинской, Муравьиная тропа в лесопарковой зоне на ул. Ильича, Беличья тропа за Домом ученых),

– *аттрактивный* (тематические аттракции: витражи, панно, барельефы, ковка в оформлении зданий НГУ, Технопарка, Специализированный учебно-научный центр университета, лавочка «Шпаргалка», первый в мире фестиваль граффити «Графит науки»),

– *ивентовый* (традиционные и знаковые события и мероприятия: Интернеделя и Маевка, Всемирные конгрессы выпускников НГУ, Культурно-исторический форум «Место силы и свободы. Академгородок», Городской фестиваль женщин с высшим образованием «Академина», Тотальный диктант по русскому языку, юбилейные капустники университетских клубов КВН – «Квант», «Максимин» и др.) [Запорожченко, 2017].

Выделенные социокультурные комплексы транслируют идентичность Академгородка как наукополиса с более чем 60-летней историей: названия 22 улиц и лесных тропинок носят имена ученых или связаны с наукой, ученым посвящено 6 памятников, 56 мемориальных досок, имена ученых присвоены 13 институтам, 8 учебным аудиториям НГУ, учреждено 22 именных стипендии для студентов и молодых ученых СО РАН, в академических институтах создано семь мемориальных комнат, в «Музее СО РАН» хранятся персональные фонды известных ученых и т.д. Стержнем Новосибирского научного центра СО РАН является пр-т Лаврентьева, что отражено в новом проекте Института истории СО РАН «Проспект Лаврентьева – самая умная улица мира», основанном на версии «Книги рекордов Гиннеса» о самой высокой концентрации на проспекте Лаврентьева научных объектов [23 интересных факта...].

Первопоселенцы – участники первых «зимовок», молодые ученые, прибывшие из столичных городов на работу в Сибирь, назвали берег реки Зырянки с домиком М.А. Лаврентьева – место, откуда начинался Академгородок, – Золотой долиной. Название «Золотая долина» отражает в т.ч. научный статус Академгородка и воспринимается как достойная реплика Силиконовой долины в США, ставшей символом научного прогресса. Сегодня на Западе по аналогии с этим условным топонимом Академгородок называют *Силиконовым лесом* и *Силиконовой тайгой*.

Проект «Золотая долина» реализовался как «Силиконовый лес», создав многообразное и многопрофильное научное и социально-культурное наследие благодаря стратегическому предвидению основателей, целенаправленной деятельности официальных структур, разносторонней работе ученых, общественной инициативе граждан.

В настоящее время в условиях продвижения проекта «Академгородок 2.0» дальнейшая разработка проблем научного и социально-культурного наследия Новосибирского наукополиса как центра концентрации науки, образования и инноваций имеет большое значение для формирования новых технологий эффективной реализации его научно-образовательного и социокультурного потенциала на региональном и мировом уровнях.

Список литературы

23 интересных факта о Новосибирске. – URL: <http://sib100.ru/23-interesnyh-fakta-o-novosibirsk/> (дата обращения: 28.04.2018 г.).

Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической мобильности / под ред. акад. РАН А.А. Кокошина. – М.: Изд-во Мос. ун-та, 2017. – 480 с.

Запороженко Г.М. Достопримечательные места Сибирского региона как ресурс познавательного туризма // Вестн. Алт. гос. пед. ун-та, 2017. – № 30. – С. 52–55.

Кластерная политика. – URL: <https://invest.nso.ru/ru/page/71> (дата обращения: 27.11.2018 г.).

Топ-6 альтернативных столиц России. – URL: <http://globalcity.info/news/globalcity/places/1428055322-top-6-alternativnykh-stolits-rossii> (дата обращения: 07.06.2018 г.).

References

23 interesnykh fakta o Novosibirsk. URL: <http://sib100.ru/23-interesnyh-fakta-o-novosibirsk/> (accessed: 28.04.2018) (in Russ.).

Klasternaya politika. URL: <https://invest.nso.ru/ru/page/71> (accessed: 27.11.2018) (in Russ.).

Топ-6 al'ternativnykh stolits Rossii. URL: <http://globalcity.info/news/globalcity/places/1428055322-top-6-alternativnykh-stolits-rossii> (accessed: 07.06.2018) (in Russ.).

Vliyanie tekhnologicheskikh faktorov na parametry ugroz natsional'noj i mezhdunarodnoj bezopasnosti, voennykh konfliktov i strategicheskoy mobil'nosti. Moscow, 2017, 480 p. (in Russ.).

Zaporozhchenko G.M. Dostoprimechatel'nye mesta Sibirskogo regiona kak resurs poznatel'nogo turizma. In *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, No. 30, pp. 52–55 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Запорожченко Г.М. – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН,

e-mail: galinakoop@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>.

Т.В. Барчунова¹, А.Г. Близнюк²

¹Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск, Россия

²Интегральный музей-квартира повседневности Академгородка,
г. Новосибирск, Россия

Ресурсы идентичности научного сообщества (на примере Новосибирского Академгородка)

Исходя из концепции идентичности, связывающей идентичность с памятью, авторы показывают, что коллективная идентичность и ее политика зависят от коллективной памяти и традиций. Нарративы памяти, в свою очередь, складываются из разных источников и их интерпретаций: мемуаров, официальной истории, символических средств коммеморации типа памятников и памятных знаков. Критические моменты в конструировании коллективной памяти возникают при столкновении конкурирующих нарративов и символов, используемых разными агентами коммеморации.

Ключевые слова: коллективная идентичность, научное сообщество, коллективная память, коммеморация, Новосибирский Академгородок.

Для цитирования: Барчунова Т.В., Близнюк А.Г. Ресурсы идентичности научного сообщества (на примере Новосибирского Академгородка). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 388–390. DOI 10.17746/0295-7.2019.388-390.

T.V. Barchunova¹, A.G. Bliznyuk²

¹Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

²Integral apartment Museum daily campus,
Novosibirsk, Russia

Identity Resources of Scientific Community (the Case of Novosibirsk Academic Center)

Our concept of identity is based on the connection between identity and memory. In other words, the collective identity and its politics depend on collective memory and traditions. Memory narratives, in their turn, are constituted by different resources and their interpretation: memoirs, official history, symbolic means of commemoration such as monuments, and memory tokens. The critical points of the constitution of collective memory result from encounters between competing narratives and symbols, used by different agents of commemoration.

Keywords: collective identity, scientific community, collective memory, commemoration, Novosibirsk Academgorodok.

For citation: Barchunova T.V., Bliznyuk A.G. Identity resources of scientific community (the case of Novosibirsk academic center). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 388–390 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.388-390.

Известный философ и историк философии Николай Плотников выделяет три способа понимания персональности, которые основываются соответственно на трех разных понятиях: автономия, индивидуальность и идентичность. Понятие идентичности, согласно Плотникову, восходит к английской философской традиции. Впервые в развернутой форме оно было эксплицировано Джоном Локком. В этой концепции «...личность — это постоянство пребывания в изменяющихся состояниях сознания, гарантируемое рефлексивным единством памяти. Лишь сознание обеспечивает единство личности, поскольку только посредством рефлексии в сознании я могу обратиться к своим прежним ментальным состояниям и идентифицировать их как принадлежащие мне. Иначе говоря, *личность* — это способность приписывать себе свои прежние состояния как принадлежащие одному и тому же сознанию и памяти (отсюда “тождество”» [Плотников, 2008]. Таким образом, индивидуальная идентичность основывается на памяти. То же можно сказать и о коллективной идентичности: коллективная идентичность предполагает формирование коллективной памяти. Конструирование коллективной идентичности осуществляется путем создания нарративов и символов, которым придается статус исторической традиции, основанной на разнообразных ресурсах. Ресурсами конструирования идентичности выступают мемуары и другие документы личного происхождения, официальная история, научный фольклор. Особое место в ряду этих ресурсов занимают символические формы — искусство, литература, памятные знаки и сооружения. Новосибирский Академгородок является прекрасной моделью для анализа процесса освоения и создания ресурсов коллективной памяти. Наряду с публикацией документов, относящихся к коллективной профессиональной идентичности жителей научного центра, происходит заполнение социального пространства научного центра разного рода памятными местами и знаками. Первыми наиболее заметными публичными памятниками послужили памятники отцам-основателям Академгородка М.А. Лаврентьеву, В.А. Коптюгу, Д.К. Беляеву. Памятная доска, посвященная поэту и музыканту А. Галичу и установленная на стене дома, в котором когда-то размещалась кафе «Под Интегралом», несет в себе множественные смыслы. Это не только знак пребывания в Академгородке знаменитого литератора и барда, но еще и символ свободомыслия и творческого стиля жизни первого поколения жителей Академгородка. Памятник лабораторной мыши — это также символ — научного труда в сфере естествознания и участия в нем братьев наших меньших. На многих научных институтах установлены памятные доски ученым, которые работали в их стенах. Однако создание любого памятника и освоение публичного пространства художественными средствами вызывает конфликты. Основное содержание нашей статьи составляет описание общественных дискуссий по поводу установки памятников и памятных досок. Идея коммеморации руководителей сибирского отделения В.А. Коптюга и М.А. Лаврентьева не вызывала возражения, также не вызывали возражений установки памятных досок другим деятелям науки на стенах академических институтов. Возражение вызывали художественные решения образов.

Гораздо более спорными оказались вопросы установки памятников людям, не занятым в сфере науки. Рассмотрим два таких кейса: установка памятника Михаилу Зуеву, лидеру новосибирской, а затем московской рок-группы «Иван-Кайф» и участнику команды КВН НГУ «Контора братьев Дивановых», и установка памятника Дмитрию Рукавишникову, известному члену той же команды и креативному

менеджеру Торгового центра Академгородка. В обоих случаях создание памятника было инициировано их друзьями, единомышленниками и партнерами по КВН. Однако сама инициатива установить памятник персоналиям, связанным со сферой досуга, совершенно не случайна, т.к. КВН для Академгородка выходит за границы самостоятельного развлекательного шоу. Контора Братьев Дивановых – это не просто юмористический клуб Механико-математического факультета НГУ, но и своего рода гильдейский союз математиков Новосибирского научного центра. Традиционная дата проведения капустника КВН 1 апреля – это День математика, т.е. важный идентификационный код людей, которые считают себя связанными с данной специальностью и академическим сообществом. Интересно, что как всякий механизм идентификации этот код строится на противопоставлении Другому, в данном случае – противопоставлении математического сообщества физическому. Поэтому идея коммеморации Зуева и Рукавишникова выходит за пределы частной инициативы. Вопрос об установке обоих памятников был предметом публичной дискуссии, в конце концов, оба они были установлены. Если памятник М. Зуеву превратился в своего рода народную скульптуру, то публичная апроприация памятника Д. Рукавишникову не состоялась и памятник был демонтирован. В качестве причин демонтажа была предъявлена его эстетическая и техническая непригодность, однако это не единственные причины срыва данного проекта коммеморации. Кроме художественной и технической проблематичности сыграли роль отсутствие переговоров по поводу установки этого памятника с семьей Рукавишникова и местным сообществом – по поводу места размещения памятника в публичном пространстве.

Список литературы

Плотников Н. От «индивидуальности» к «идентичности» (история понятий персональности в русской культуре) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 91. – С. 64–83. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/91/pl5-pr.html> (дата обращения: 27.10.2018).

References

Plotnikov N. Ot “individual’nosti” k “identichnosti” (istoriya poniatii personal’nosti v russkoi kul’ture). In *Novoie literaturnoie obozrenie*, 2008, No. 91, pp. 64–83. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/91/pl5-pr.html>. (accessed: 27.10.2018) (in Russ.).

Сведения об авторах:

Барчунова Т.В. – кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета,

e-mail: tbarch@mail.ru;

Близнюк А.Г. – автор проекта «Интегральный музей-квартира повседневности Академгородка»,

e-mail: german.beznosov@mail.ru.

Е.А. Дегальцева
*Бийский технологический институт (филиал
Алтайского технического университета),
г. Бийск, Россия*

Городская идентичность (на примере сибирского города) как фактор модернизации конца XIX – начала XX века

Работа посвящена исследованию формирования новой формы городской идентичности в конце XIX – начале XX в. Изучается изменение соотношения публичного и частного пространства сибирского города в этот период, возможности заполнения публичного пространства, географический локус этого публичного пространства на карте города. Приводятся данные о появлении новых мест притяжения в городе, сдвигающих его центр на окраины. Дается анализ факторов, формирующих новую форму городской идентичности, связанных в т.ч. с изменением механизмов взаимодействия человека и среды.

Ключевые слова: *Сибирь, модернизация, урбанизация, социокультурная трансформация, город, общественная активность, пространственная структура, городская идентичность.*

Для цитирования: Дегальцева Е.А. Городская идентичность (на примере сибирского города) как фактор модернизации конца XIX – начала XX века. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 391–394. DOI 10.17746/0295-7.2019.391-394.

E.A. Degaltseva
*Biysk Technological Institute,
Branch of the Altay State Technical University,
Biysk, Russia*

Urban Identity (for Example the Siberian Town) as a Factor in Modernization of Late 19th – Early 20th Century

This study is dedicated to the study of the formation of new urban forms of identity in the late 19th – early 20th century, it explores the changing balance of public and private space of Siberian cities in the late 19th – early 20th century, the possibility of filling the public space geographic locus of this public space on the map of the city. Provides information about new places of attraction in town, its Centre on the outskirts of the shear. Gives an analysis of the factors shaping a new form of urban identity, including change of mechanisms of human interaction and environment.

Keywords: *Siberia, modernization, urbanization, socio-cultural transformation, city, public activity, spatial structure, urban identity.*

For citation: Degaltseva E.A. Urban identity (for example the Siberian town) as a factor in modernization of late 19th – early 20th century. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 391–394 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.391-394.

Модернизация в России на рубеже XIX–XX вв. включала в себя целый комплекс связанных между собой процессов. Урбанизация привела к социокультурной трансформации городской среды. На средовые предпочтения перемещающегося населе-

ния влияли не только индустриальные сдвиги. Они связаны как с выбором нового места жительства, так и с локацией в нем самом. К настоящему времени накопилась масса исследований в области психологии среды, проясняющих данные процессы [Blanton, 1976; Low, 1996; Brettell, 2000; Kostourou, Karimi, 2017; Дегальцева, 2014; Шабанов, 2004]. Социальное переформатирование города в эпоху модернизации конца XIX – начала XX в. связано с расширением его публичного пространства. Устоявшаяся приватная зона («пространственный пузырь») в этот период вытесняется новыми практиками и моделями социального взаимодействия, появляются новые досуговые места [Sommer, 1968, p. 249]. Этот процесс в дореволюционном сибирском городе исследователи связывают с деятельностью неполитических общественных организаций и органами местного самоуправления, редакций газет, развитием кинематографа, открытием театров и музеев, притяжением местной интеллигенции в дома, снимаемые политическими ссыльными [Дегальцева, 2002; Сирина, 2004]. «Частный человек», оказавшись в этом публичном дискурсе, формировал новую модель социального поведения, участвовал в событиях, происходивших в городе, актуализировал свою роль в изменении его облика.

Город как специфический локус отражал изменение жизненного пространства горожан, формировал новую идентичность. Появление общественных организаций и новых центров общественного притяжения «сдвигало» центр: например, в Сибири им становились расположенные на окраинах парки, дома политссыльных, общественных активистов. Архитектурные объекты, картирование дореволюционных сибирских городов подтверждает указанные процессы.

Историческое моделирование многослойного города как во времени, так и в системе социальных координат расширяет возможности городской морфологии. Историко-когнитивный компонент дополняет многомерность в исследовании города. При этом ментальные карты создаются не только представлением, но и социальными факторами. Механизм взаимодействия человека и среды открывает новые возможности публичности и формирования городской идентичности. Ведь сама среда понимается как поле активности человека, как процесс и как способ стратификации (Д. Уотсон), как пространственно-временное расширение поведения [Low, 1996].

Обилие храмов в провинциальных городах создавало особое публичное пространство, где проходили службы, православные праздники. Культурно-историческое пространство города разрезается храмами (территория города делилась на приходы). Но и они стали располагаться все дальше от центра. Эта геопространственная метафорика раскрывает изменение образа жизни. Если в середине XIX в. главными публичными местами сибирских городов являлись собор с прилегающим к нему рынком и присутственные места, то к началу XX в. в них начинает проступать полицентричность.

Композиция городского плана, например, г. Тюмени к 1917 г. может рассматриваться как форма выражения общественной жизни города. Она показывает особенности восприятия ее жителями городской среды, места, выделяемые ими для публичного пространства. Местонахождение культурно-просветительных объектов это наглядно показывает. На дореволюционной карте города публичные модули стали лучами расходиться от центра.

История общественных процессов до сих пор преимущественно рассматривается без учета пространственных факторов. Историкам обычно не важно, где про-

исходили события, менялась ли география гражданской активности. Однако данная попытка осмыслить пространственные ориентиры гражданской активности, меняющие пространство города, приводит к пониманию и многих других аспектов социальной истории. Сетевое взаимодействие в разных обществах, клубах, кино-театрах стало новым явлением в социокультурных процессах начального периода модернизации (конец XIX – начало XX в.). Через судьбы многих людей, «зараженных вирусом социальной активности», и места их поселений и публичных интересов можно проследить механизм «вторжения» индивида в социальный процесс и изменение с помощью этого городской идентичности. Мы выделяем такие места публичного пространства, как обычные квартиры активистов, литературно-художественные салоны, редакции газет и журналов, помещения общественных организаций и клубов, парковые зоны. Все они делали понятие прежнего традиционного центра города условным, формируя новое городское пространство и наполняя его новыми смыслами.

Непрерывной линии застройки официальных зданий в центре противостояла расположенная к ней перпендикулярно зона публичной активности горожан – парки, цирки, появившийся кинематограф, здания общественных организаций и клубов. Открытое пространство парков, цирков и ярмарок делало его более доступным для всех слоев горожан.

Итак, изменение городской идентичности в конце XIX – начала XX в. не было связано, как сейчас, с новым качеством архитектуры. Однако существенное обновление и расширение публичного пространства формировало новую модель городской идентичности, способствовало общественной активности горожан. В период модернизации постепенно шла выработка жизненных стандартов, когда участие в деятельности какой-либо организации становилось необходимой нормой поведения успешного горожанина.

Расширение и перемещение публичного пространства приводило и к метаморфозам социальных ролей горожан. Город становился маркером трансформаций и модернизации в конце XIX – начале XX в. Город начинает пульсировать не в заданном сверху публичном пространстве, не в присутственных официальных или культовых местах, а в местах, выбираемых самими людьми.

Список литературы

Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). – Барнаул, 2002. – 288 с.

Дегальцева Е.А. Городская среда и гражданский активизм // Электронный журнал Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. – 2014. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29161912_26196267.pdf. (дата обращения: 19.09.2018).

Сирина А.А. Люди и город. Заметки об идентичности сибирских городов [Электронный ресурс] // Проект Байкал. – Иркутск, 2004. – № 42. – С. 78–81. – URL: www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/download/792/783 (дата обращения: 14.09.2018).

Шабанов Л.В. Средовый подход в психологии и его роль в формировании толерантных экологических пространств // [Электронный ресурс] Сибирский психологический журнал. – 2004. – № 20. – С. 71–75. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000502161> (дата обращения: 30.09.2018).

Blanton R. Anthropological studies of cities // *Annual Review of Anthropology*. – 1976. – N 5 (October). – P. 249–264.

Brettell C. Urban history, urban anthropology, and the study of migrants in cities // *City & Society*. – 2000. – N 12 (2) (December). – P. 129–138.

Kostourou F., Karimi K. The integration of new social housing in existing urban schemes: the case of Cite Manifeste in Mulhouse, France // *Urban Morphology*. – 2017. – N 21 (1). – P. 41–60. – URL: http://www.urbanform.org/online_public/2017_1.shtml (дата обращения: 29.06.2018).

Low S.M. The anthropology of cities: Imagining and theorizing the city // *Annual Review of Anthropology*. – 1996. – N 25. – P. 383–409.

Sommer R. Reading Areas in College Libraries // *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*. – 1968. – Vol. 38. – N. 3. – P. 249–260. – URL: https://www.jstor.org/stable/4305903?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 13.07.2018).

References

Blanton R. Anthropological studies of cities. *Annual Review of Anthropology*, 1976, No. 5, pp. 249–264 (in Engl.).

Brettell C. Urban history, urban anthropology, and the study of migrants in cities. *City & Society*, 2000, No. 12 (2), pp. 129–138 (in Engl.).

Degaltseva E.A. Gorodskaya sreda i grazhdanskiy aktivizm. *Elektronnyi zhurnal Sibirskaya zaimka. Istoriya Sibiri v nauchnykh publikatsiyakh*, 2014. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29161912_26196267.pdf (accessed: 19.07.2018) (in Russ.).

Degaltseva E.A. Obshchestvennyye nepoliticheskiye organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861–1917 gg.). Barnaul: Altay State Technical Univ. Press, 2002, 288 p. (in Russ.).

Kostourou F. & Karimi K. The integration of new social housing in existing urban schemes: the case of Cite Manifeste in Mulhouse, France. *Urban Morphology*, 2017, No. 21 (1), pp. 41–60. URL: http://www.urbanform.org/online_public/2017_1.shtml (accessed: 29.07.2018) (in Engl.).

Low S.M. The anthropology of cities: Imagining and theorizing the city. *Annual Review of Anthropology*, 1996, No. 25, pp. 383–409 (in Engl.).

Sirina A.A. Lyudi i gorod. Zametki ob identichnosti sibirskikh gorodov. In *Proyekt Baykal*, vol. 42. URL: www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/download/792/783 (accessed: 14.07.2018) (in Russ.).

Sommer R. Reading Areas in College Libraries. *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*, 1968, vol. 38, No. 3, pp. 249–260. URL: https://www.jstor.org/stable/4305903?seq=1#page_scan_tab_contents (accessed: 13.07.2018) (in Engl.).

Shabanov L.V. Sredovyy podkhod v psikhologii i yego rol' v formirovaniy tolerantnykh ekologicheskikh prostranstv. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal*, 2004, No. 20, pp. 71–75. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000502161> (accessed: 30.07.2018) (in Russ.).

Сведения об авторе:

Дегальцева Е.А. – доктор исторических наук, заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук Бийского технологического института (филиал Алтайского государственного университета им. И.И. Ползунова),

e-mail: katerina3310@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0100-7290>.

Е.Н. Беневаленская
*Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, Россия*

Краеведческие практики на Алтае в 1965–1985 годы как фактор формирования локальной идентичности

Исследование посвящено анализу места и роли краеведческих практик общественных организаций на Алтае второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг. в социокультурном пространстве регионального сообщества. Рассмотрена деятельность их сотрудников по изучению, постановке на учет и популяризации сохранения объектов историко-культурного наследия. Показано, что проводимая членами организаций работа являлась одним из факторов формирования у местного населения чувств сопричастности и уважения к своему прошлому, укрепления локальной идентичности жителей Алтайского края.

Ключевые слова: *локальная идентичность, краеведческие практики, региональное сообщество, историко-культурное наследие, Алтайский край.*

Для цитирования: Беневаленская Е.Н. Краеведческие практики на Алтае в 1965–1985 годы как фактор формирования локальной идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 395–398. DOI 10.17746/0295-7.2019.395-398.

E.N. Benevalenskaya
*Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russia*

Local History Practices in the Altai in 1965–1985 as a Formation Factor of Local Identity

The study is devoted to the analysis of the place and role of local history practices of public organizations in the Altai in the second half of the 1960s – the first half of the 1980s in the sociocultural space of the regional community. The activities of their employees in studying, registering and promoting the preservation of objects of historical and cultural heritage are reviewed. The work, carried out by members of the organizations, was one of the factors shaping the feelings of ownership and respect for the past among the local population, strengthening the local identity of the residents of the Altai Territory, is shown.

Keywords: *local identity, local history practices, regional community, historical and cultural heritage, Altai Territory.*

For citation: Benevalenskaya E.N. Local history practices in the Altai in 1965–1985 as a formation factor of local identity. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 395–398 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.395-398.

В мировой историографии интенсивно разрабатываются проблемы формирования идентичности, сохранения историко-культурного наследия, традиций и самобытности регионов [Donovan, 2013, 2015; Kelly, 2014, 2016]. В представленном исследовании рассматриваются памятно-охранительные, коммеморативные

и культурно-просветительные практики общественных краеведческих организаций в 1965–1985 гг.

В этот период сотрудники отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в регионах занимались подготовкой Свода памятников истории и культуры РСФСР. Центральным советом Общества и Министерством культуры РФ планировалось выявить и описать более 30 тыс. памятников страны разных типологических групп (ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 334. Л. 32). Для координации этой работы в Сибири и на Дальнем Востоке с конца 1960-х в Новосибирске на базе Института истории, филологии и философии СО АН СССР неоднократно проводились научно-методические совещания (ГАРФ. Ф.Р-639. Оп. 1. Д. 233. Л. 72–79, 151; НА СО РАН. Ф. 58. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–8). Преподавателями и сотрудниками вузов Алтайского края, членами регионального отделения Общества были подготовлены и опубликованы материалы к Своду памятников Алтайского края [Долнаков, 1982; Сергеев, 1982; Бородавкин, Скубневский, 1983].

Активисты Алтайских отделений ВООПИК и Географического общества, студенты Барнаульского пединститута под руководством преподавателя А.Д. Сергеева проводили систематическую работу по мониторингу, обследованию и постановке на учёт памятников металлургического производства Барнаула и Змеиногорска, материальных остатков Алейского, Колыванского, Локтевского, Павловского и Сузунского заводов (ГААК. Ф.Р-1781. Оп. 1. Д. 95. Л. 40).

Распространенной формой локальной коммеморации являлось увековечение памяти о красногвардейцах и погибших партизанах в годы гражданской войны путем сооружения обелисков и установления мемориальных досок на зданиях активистами Барнаульского и Славгородского городских и Родинского районного отделений ВООПИК. Такими мемориальными досками были отмечены здания бывшего Сереброплавильного и Дрожжевого заводов Барнаула (ГААК. Ф.Р-1594. Оп. 1. Д. 29. Л. 2, 4; Д. 95. Л. 40).

В 1965–1985 гг. краеведческие организации региона широко популяризировали охрану историко-культурного наследия. На основе собранных материалов сотрудники ВООПИК оформили альбомы, фотостенды и портретные галереи участников гражданской и Великой Отечественной войны. Они экспонировались в городских и районных школах, клубах и библиотеках Алтая. Для местных жителей проводились беседы и лекции об охране историко-культурного наследия с показом диафильмов и документальных фильмов. В частности, М.Ф. Длуговской и А.М. Родионов создали фильмы о революционных памятниках Бийска, деревянном народном зодчестве и боевых подвигах 42-й Краснознаменной стрелковой бригады, транслировавшиеся в городских и районных клубах и по телевидению (ГААК. Ф.Р-1594. Оп. 1. Д. 29. Л. 2–4; Д. 194. Л. 104).

Региональным отделением ВООПИК выпускались буклеты и плакаты, пропагандировавшие охрану историко-культурного наследия. Бийским отделением Общества были изданы брошюры, буклеты и плакаты об археологических памятниках города и его окрестностей, местных революционерах, записаны и напечатаны воспоминания партизан. В рубрике «Память» краевой газеты Л.А. Паршукова, А.М. Родионов, Т.А. Полухин и другие активисты организации публиковали материалы об охране местного наследия. По инициативе членов региональных отделений ВООПИК и первичных организаций была развернута масштабная работа по созданию исто-

рии сел, колхозов и совхозов, предприятий Алтая, а на основе собранных материалов открывались комнаты боевой и трудовой славы, общественные музеи (ГААК. Ф.Р-1594. Оп. 1. Д. 95. Л. 7; Д. 194. Л. 5–6).

Так, учитель истории С.Г. Верещагин – член Майминского отделения Общества руководил следопытским движением учащихся средней школы с. Паспаул. Выявленные имена бойцов, погибших во время гражданской и Великой Отечественной войны, и все материалы о них были увековечены в экспозициях школьного музея (ГА СПД РА. Ф.Р-651. Оп. 1. Д. 6. Л. 9–10). Фронтовики, члены ВООПИК Г.Н. Блинов, М.Т. Коновалов, П.А. Пименов во второй половине 1960-х – 1980-е гг. создали историко-краеведческие музеи в Залесовском, Косихинском и Советском р-нах (Залесовский районный краеведческий музей. Фонд М.Т. Коновалова. Автобиография Михаила Трифионовича Коновалова. Л. 1–4; Косихинский районный краеведческий музей. История создания музея. Л. 2–4).

Таким образом, в 1965–1985 гг. общественные краеведческие организации Алтая осуществляли памятно-охранительные, коммеморативные и просветительные функции и исполняли роль агентов формирования идентичности локальных социумов.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-39-00047 «Историческое краеведение в региональном социокультурном ландшафте второй половины XX века».

Список литературы

Бородавкин А.П., Скубневский В.А. Памятники истории и культуры Барнаула. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1983. – 141 с.

Долнаков А.П. Памятники архитектуры Барнаула. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. – 158 с.

Сергеев А.Д. Память эпохи. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. – 142 с.

Donovan V.S. The “Old New Russian Town”: Modernization and Architectural Preservation in Russia’s Historic North West, 1961–1982 // Slavonica. – 2013. – Vol. 19. – N 1. – P. 18–35. – URL: <http://dx.doi.org/10.1179/1361742713Z.00000000013> (дата обращения: 25.09.2018 г.).

Donovan V.S. How well do you know your krai? The kraevedenie revival and patriotic politics in late Khrushchev-era Russia // Slavic Review. – 2015. – Vol. 74. – N 3. – P. 464–483. – URL: <http://www.jstor.org/stable/10.5612/slavicreview.74.3.464>. (дата обращения: 25.09.2018 г.).

Kelly C. St. Petersburg: Shadows of the Past. – New Haven, London: Yale Univ. Press, 2014. – 464 p.

Kelly C. Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988. – De Kalb: Northern Illinois Univ. Press, 2016. – 413 p.

References

Borodavkin A.P., Skubnevsky V.A. Pamyatniki istorii i kul'tury Barnaula. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1983, 141 p. (in Russ.).

Dolnakov A.P. Pamyatniki arkhitektury Barnaula. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982, 158 p. (in Russ.).

Donovan V.S. The “Old New Russian Town”: Modernization and Architectural Preservation in Russia’s Historic North West, 1961–1982. *Slavonica*, 2013, vol. 19, No. 1, pp. 18–35. URL: <http://dx.doi.org/10.1179/1361742713Z.00000000013> (accessed: 25.09.2018) (in Engl.).

Donovan V.S. How well do you know your krai? The kraevedenie revival and patriotic politics in late Khrushchev-era Russia. *Slavic Review*, 2015, vol. 74, No. 3, pp. 464–483. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.5612/slavicreview.74.3.464> (accessed: 25.09.2018).

Kelly C. *St. Petersburg: Shadows of the Past*. New Haven, London: Yale Univ. Press, 2014, 464 p. (in Engl.).

Kelly C. *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988*. De Kalb: Northern Illinois Univ. Press, 2016, 413 p. (in Engl.).

Sergeev A.D. *Pamyat’ epokhi*. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1982, 142 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Беневаленская Е.Н. – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета,

e-mail: rabota-ben11@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-3931-8716>.

Е.В. Макарова
Музей «Заельцовка» (филиал Музея Новосибирска),
г. Новосибирск, Россия

Социокультурные практики Музея «Заельцовка» по формированию идентичности

В статье представлены социокультурные практики Музея «Заельцовка» по формированию и трансляции регионально-локальной идентичности, воспитанию патриотизма. Отражен успешный опыт реализации социокультурного и образовательного проекта Новосибирской области «Мы – земляки». Показаны особенности представления этнокультурной идентичности жителей Заельцовского р-на г. Новосибирска на выставке «Мы – земляки: Многоликая Заельцовка».

Ключевые слова: Музей «Заельцовка», социокультурные практики, регионально-локальная идентичность, патриотизм, проект «Мы – земляки», этнокультурная идентичность, выставка «Мы – земляки: Многоликая Заельцовка».

Для цитирования: Макарова Е.В. Социокультурные практики Музея «Заельцовка» по формированию идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 399–401. DOI 10.17746/0295-7.2019.399-401.

E.V. Makarova
Museum “Zaeltsovka”, Branch of the Museum of Novosibirsk,
Novosibirsk, Russia

Sociocultural Practices of the “Zaeltsovka” Museum to Form Identity

The sociocultural practices of the “Zaeltsovka” Museum to form and translate the regional and local identity and to instill patriotism are presented. The successful experience of implementation of the sociocultural and educational project of the Novosibirsk region “We are fellow countrymen” is described. The peculiarities of ethnocultural identity of the inhabitants of Zaeltsovsky District of the city of Novosibirsk are shown at the exhibition “We are fellow countrymen: a Diverse Zaeltsovka”.

Keywords: “Zaeltsovka” Museum, sociocultural practices, regional identity, local identity, patriotism, project “We are fellow countrymen”, ethnocultural identity, exhibition “We are fellow countrymen: a Diverse Zaeltsovka”.

For citation: Makarova E.V. Sociocultural practices of the “Zaeltsovka” museum to form identity. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 399–401 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.399-401.

Историческое развитие нашего Отечества было неразрывно связано с формированием на его огромном пространстве не только этнических, но и территориальных общностей, имеющих свою социокультурную специфику, соотносимую с понятием «региональная идентичность». До сих пор значительную роль в жизни россиян играет фактор «малой родины». В этих условиях региональная и локальная идентифика-

ция служат одним из определяющих и стабилизирующих факторов формирования культурно-исторической и социально-территориальной общности.

Вопросы этнокультурной идентичности, национальных традиций имеют особое значение и для Новосибирска, поскольку он является самым крупным муниципальным образованием в России, многонациональный и поликонфессиональный состав населения которого является неотъемлемой особенностью мегаполиса.

5 июля 2013 г. в статусе муниципального казенного учреждения был открыт «Музей истории и развития Заельцовского района», который в настоящее время носит название Музей «Заельцовка». Проектируя, создавая, развивая музей, его экспозиции, комплектуя фонды, организаторы и сотрудники учитывали важность и особую актуальность тесно взаимосвязанных факторов: патриотизма и идентичности, что составило базовые принципы концепции модели Музея Заельцовского района как культурно-коммуникационной системы.

В настоящее время Музей «Заельцовка» (филиал Музея Новосибирска) – историко-краеведческий музей, занимающийся локальной историей Заельцовского р-на, одного из административных районов мегаполиса. На выполнение задач по формированию идентичности нацелены все направления деятельности музея: поисковая, экспозиционная, культурно-образовательная и др.

Локальная идентичность реализуется музеем через идентификацию с комплексом элементов материальной и духовной культуры, присутствующих в экспозиции музея, экскурсии, другие формы работы. Она связана с местом рождения, местом жительства, особенностями ландшафта, климата, флоры и фауны, значимыми историко-культурными событиями и людьми, экономической специализацией территории и уровнем социально-экономического развития, особыми реальными или приписываемыми чертами коллективного поведения.

Для демонстрации, поддержки локальной идентичности Заельцовского р-на, актуализации его уникальности музей работает с локальными смыслами, например: елец, Заельцовка, зеленый район Новосибирска. В рамках акции «Ночь в музее» отдельная программа была посвящена ельцу (рыбе, водящейся в р. Ельцовка), среди сувенирной продукции – магниты в форме рыбок.

Особое место в деятельности музея отводится формированию и актуализации у заельцовцев, в первую очередь у подрастающего поколения и молодежи, чувства сопричастности к истории района, его настоящему и будущему, освоению подрастающим поколением знаний о своей малой родине, постижению ее уникальности, неповторимости, воспитанию личной ответственности за ее будущее, формированию гордости за сопричастность к созидательным деяниям предков, к подвижническому труду ныне живущих современников.

На реализацию этих задач направлены проекты музея. Среди них следующие: культурно-образовательный проект «Люди, которые делали историю», выставочные проекты: «Запас прочности», «Чемодан, вокзал, Ельцовка», научно-исследовательские проекты: «Ровесники района», «Мочищенская сторона».

С 2014 г. сотрудники музея работают над проблемой формирования региональной идентичности, связанной с осознанием общности интересов и чувством солидарности с населением и территорией политико-административного (область, край), исторического или географического (Сибирь, Урал) региона в составе государства. Эти задачи музей решает путем расширения коммуникационного поля,

создавая проекты, в которые включены организации-партнеры других ведомств: сферы образования, науки, спорта, ветеранских организаций города, области, Сибирского региона в целом.

С 2015 г. Музеем «Заельцовка» разработан и реализуется проект «Мы – земляки», который, по сути, является новой системой музейно-педагогической деятельности, направленной на формирование у подрастающего поколения и молодежи «культурно-эмоциональной и духовно-нравственной оседлости» (по Д.С. Лихачеву), или, иначе говоря, территориальной идентичности. Это культурно-образовательный проект, позволяющий не только познакомить молодых новосибирцев с историей одного из районов Новосибирской области, но актуализировать (а в некоторых случаях – сформировать) чувство сопричастности к своему району, области у его жителей. Более того, факт, что «мой район представлен в областном центре» явился объединяющим ресурсом, который позволяет гордиться «местом, где родился и вырос», что особенно важно для молодежи и подрастающего поколения сибирской глубинки.

В ходе реализации проекта на базе музея, на его выставочных выездных пространствах и мероприятиях проводятся различные формы культурно-образовательной деятельности: музейно-педагогические занятия, уроки, встречи с интересными людьми, викторины, мастер-классы, квесты, организуются специальные тематические фотозоны, изготавливается сувенирная продукция.

Единство страны проявляется через многообразие культуры народов, ее населяющих, их взаимообогащение и взаимодействие. Это реализуется в еще одном направлении проекта «Мы земляки» – выставочном проекте «Мы земляки: Многоликая Заельцовка». В рамках выставки отражен процесс формирования общности, которую мы называем «новосибирцы», с учетом миграционных процессов на примере Заельцовского р-на Новосибирска. Наряду с уникальными памятниками духовной и материальной культуры на выставке были представлены ее главные участники – жители Заельцовского района, представители десяти национальностей. Среди них оперные певцы, олимпийские чемпионы, кулинары, общественные деятели, руководители – в общем, яркие, успешные, талантливые представители своей национальности, внесшие огромный вклад в развитие единой малой родины – города Новосибирска. На базе выставки проводятся творческие встречи, музейные уроки и музейно-педагогические занятия, мастер-классы и пр.

Таким образом, социокультурные практики Музея «Заельцовка» по формированию и трансляции регионально-локальной и этнокультурной идентичности являются одним из важных направлений на пути к превращению традиционного районного историко-краеведческого музея в новационный музей локальной истории, эффективно работающий с местным сообществом над освоением историко-культурного и этнокультурного наследия.

Сведения об авторе:

Макарова Е.В. – руководитель Музея «Заельцовка» (филиал Музея Новосибирска),
e-mail: director-super.muzej@yandex.com.

Идентичность спецпереселенцев в нарративах (на материалах Северо-Западной Сибири)

В работе раскрываются ключевые элементы идентичности спецпереселенцев. Показано, что важнейшим фактором самоидентификации являлась территория «прикрепления» репрессированных.

Ключевые слова: *репрессии, идентичность, спецпереселенцы, депортация.*

Для цитирования: Иванов А.С. Идентичность спецпереселенцев в нарративах (на материалах Северо-Западной Сибири). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 402–404. DOI 10.17746/0295-7.2019.402-404.

A.S. Ivanov
Surgut State University,
Surgut, Russia

The Identity of Special Settlers in Narratives (on Materials of North-Western Siberia)

The work reveals the key elements of the identity of special settlers. It is shown that the most important factor of self-identification was the territory of the “attachment” of repressed people.

Keywords: *repression, identity, special settlers, deportation.*

For citation: Ivanov A.S. The identity of special settlers in narratives (on materials of North-Western Siberia). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 402–404 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.402-404.

Основу режимной идентичности спецпереселенцев составляла идентичность территориальная. Территориальную идентичность современные специалисты определяют как комплекс представлений о принадлежности к территориальному сообществу, об общих интересах, возникающих в связи с местом проживания, особой связи с территорией, которая имеет (или может иметь) административные границы, и с функционирующими в пределах данной территории политическими институтами. Территориальная идентичность опирается на культурную память и повседневные связи в прошлом, настоящем и будущем именно между людьми, проживающими на этой территории, воспринимающими образ территории как рефератную систему ориентиров для выстраивания своих жизненных стратегий [Политическая идентичность..., 2012, с. 135].

Первый документ, на который мы обратим внимание, – заявление спецпереселенца Ярославцева Василия директору Самаровского леспромхоза о разреше-

нии строительства дома в спецпоселке Перековка, от 4 марта 1935 г. (ГАЮ. Ф. 58. Оп. 4. Д. 16. Л. 7).

В данном источнике мы видим яркий пример языка «режимного» человека, который стремится соответствовать «большевицким» стандартам, принятым в официальном дискурсе. На «режимный» статус просителя и соответствующую самоидентификацию прямо указывает просьба «прикрепить к месту жительства» — «поселку Перековка». Спецпереселенец Ярославцев явным образом утратил правосубъектность, смирившись с навязанным (принудительным) статусом. Утрата гражданской правосубъектности указывает на травматический характер опыта репрессированных. Исходя из текста письма, мы также можем говорить об имплицитном характере режимной идентичности, поскольку В. Ярославцев «забывает» сказать о режимном характере поселения, к которому хочет «прикрепиться», автор подразумевает, что адресату известно о статусе Перековки, которая входила в сеть спецпоселений Югры [Спецпереселенцы..., 1996, с. 284–285].

Следующий источник — заявление спецпереселенца Власова Ивана, переведенного комендатурой из спецпоселка Заречный в пос. Остяко-Вогульск, руководству Самаровского леспромхоза о компенсации за дом, от 10 апреля 1935 г. (ГАЮ. Ф. 58. Оп. 4. Д. 16. Л. 11).

Имплицитно указывая на свой режимный статус, Иван Власов говорит о «переброске комендатуры», подразумевая перевод спецкомендатуры НКВД из центра Остяко-Вогульска на его северную окраину — Перековку. В данном письме наиболее отчетливо проявляется многоуровневый характер идентичности спецпереселенцев. Идентичность автора многослойна: с одной стороны, он территориально идентифицирует себя как житель окружной столицы — Остяко-Вогульска, а с другой стороны, в режимном отношении ощущает себя в качестве трудпоселенца перековской спецкомендатуры, прося «ставить вопрос о закреплении» его там. В этом наложении территориально-пространственного и административно-режимного заключается одна из наиболее важных и характерных черт идентификации «режимных» людей.

На основании анализа вышеуказанных источников можно выделить следующие базовые характеристики режимной идентичности:

— имплицитность — стремление носителей данного типа идентичности к ее сокрытию посредством создания «правильных» биографий, табуирования обсуждения репрессий в семье и даже отказа от родителей;

— коллективность — структурируясь на индивидуальном уровне, режимная идентичность утверждалась через социальное взаимодействие, формировалась как коллективная идентичность;

— принудительность и искусственность (административная обусловленность) — навязывание статуса спецпереселенца и режима спецпоселения силой административного принуждения;

— многослойность (многоуровневость) — на базовом уровне идентификация спецпереселенцев осуществлялась на основе осознания принадлежности к общему режимному статусу (мы все «ссылные»), при этом в различных комбинациях она сочеталась с осознанием принадлежности к режимным (трудпоселенцы/спецпереселенцы-выселенцы, и т.д.), социальным (спецпереселенцы — «бывшие кулаки»), этническим (спецпереселенцы — немцы, калмыки и т.д.), пространственно-временным и территориально-режимным группам репрессированных (ссылные

крестьяне, ссыльные 1930-х гг., украинцы, высланные в годы войны и послевоенные годы, жители «такого-то» трудпоселка, жители сельских поселений, горожане, и т.д.);
– травматичность – носители идентичности (ссыльные/спецпереселенцы) стремились избавиться от режимного статуса, который обуславливал ее формирование, т.к. он заставлял их чувствовать себя в социальном и правовом плане неполноценными, травмировал их.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства ХМАО-Югры в рамках научного проекта № 18-49-860012ра.

Список литературы

Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. – Т. 1. – 208 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. – Новосибирск: ЭКОР, 1996. – 311 с.

References

Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: in 2 vol. – Moscow: Russian political encyclopedia, 2012, vol. 1, 208 p. (in Russ.).

Spepereselentsy v Zapadnoj Sibiri. 1939–1945. Novosibirsk: EKOR, 1996, 311 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Иванов А.С. – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Всеобщей истории и археологии Сургутского государственного университета,

e-mail: 88d@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-2701-4720>.

Проблема психологической адаптации тюрков Южной Сибири

В современных условиях динамичного развития общества, вызванных социально-экономическими переменами, особое место занимает проблема адаптации населения к новым условиям жизни. Стремительно развивающееся общество предъявляет высокие требования к социальной мобильности человека. Изучение проблемы адаптации к современным меняющимся реалиям становится важным в теоретико-экспериментальных исследованиях.

Ключевые слова: *Южная Сибирь, психологическая адаптация, хакасы.*

Для цитирования: Канзычакова Н.Г. Проблема психологической адаптации тюрков Южной Сибири. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 405–408. DOI 10.17746/0295-7.2019.405-408.

N.G. Kanzychakova
*Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Abakan, Republic of Khakassia, Russia*

The Problem of Psychological Adaptation of the South Siberian Turks

In modern conditions of the dynamic development of society caused by social and economic changes, a special place is occupied by the problem of adaptation of the population to new living conditions. After all, rapidly developing society places high demands on social mobility of a man. The study of the problem of adaptation to modern changing realities becomes important in theoretical and experimental studies.

Keywords: *South Siberian, psychological adaptation, the Khakass.*

For citation: Kanzychakova N.G. The problem of psychological adaptation of the South Siberian Turks. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 405–408 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.405-408.

Изучение проблемы адаптации личности к современным меняющимся реалиям становится важным в теоретико-экспериментальных исследованиях. Понятие *адаптация* является объектом междисциплинарного исследования: психологического, социального, биологического, философского, исторического, в широком смысле оно описывается как приспособление субъекта к изменениям окружающей среды. Исследователи рассматривают адаптацию как:

– универсальный процесс, охватывающий все многообразие жизни [Шпак, 2001, с. 50–51];

– процесс и результат взаимодействия индивида (группы) с кардинально изменяющейся социальной средой [Шабанова, 1995, с. 82];

– приспособление человека к существующим в обществе требованиям и критериям оценок за счет присвоения норм и ценностей данного общества [Словарь..., 1998, с. 7].

Процесс адаптации затрагивает все аспекты жизни человека. Один из самых важных связан с культурой: другой язык, обычаи, традиции, нормы и ценности. Все это усиливает переживание перемен, культурных различий, чувства одиночества, изоляции и депривации.

Даже при благоприятных обстоятельствах адаптация – трудный и стрессогенный процесс [Адаптация..., 2004, с. 13]. Успешность адаптации во многом зависит от индивидуально-психологических особенностей личности, социального опыта, условий проживания, жизненных установок, ценностей.

Обратимся к проблеме изучения психологической адаптации хакасов к городским условиям. Психологической особенностью хакасов и в целом тюркских народов является чувство единой национальной принадлежности, сплоченности, эмоциональная поддержка, готовность прийти на выручку, уважение к своему народу, а именно его истории, представителям и традициям [Крысько, 1999, с. 81].

Нами планируется проведение исследования социальной адаптации хакасов к городским условиям в постсоветский период. Проблема социальной адаптации сельских мигрантов хакаской национальности к городской среде в постсоветский период в современных условиях приобретает особое значение. Интерес к изучению процессов адаптации тюрков Южной Сибири к социальным изменениям обусловлен, с одной стороны, их социальной значимостью в условиях глобализации и модернизации России, а с другой – недостаточной разработанностью этой темы в современной научно-исследовательской практике [Розин и др., 2009, с. 3].

Хакасы – инертный и мало склонный к перемене места жительства народ. В период с 1990 по 2002 г. национальный состав мигрантов был в среднем на 70,9 % представлен русскими [Тугужекова, 2007, с. 124]. Результаты опроса (проводился в 2006 г. в Абакане среди русских и хакасов, квотная выборка, N = 400) показали, что почти половина хакасов (54 %) была скорее не удовлетворена своим материальным положением и еще примерно треть (31 %) совсем не удовлетворена, среди русских эти показатели были ниже (39 % и 25 % соответственно). Можно предположить, что низкая миграционная подвижность хакасов в городскую местность объяснялась трудностями адаптации в городе, которые не позволяли им там закрепиться и вынуждали возвращаться обратно в сельскую местность. Данные опроса подтверждают это: для русских в качестве причин предполагаемого отъезда из города выступали мотивы личного плана: семейные причины (30 %), а для хакасов – экономические факторы: низкая заработная плата (26 %) и безработица (21 %) [Анайбан, 2006, с. 3–5].

Статистические данные свидетельствуют о том, что хакасы были менее активными в передвижениях и в основном мигрировали в направлении «город – село». Низкая миграционная подвижность хакасов, скорее всего, была связана с трудностями адаптации к условиям городской жизни и социально-экономическими проблемами.

Таким образом, для Хакасии, с учетом ее национальной специфики, проблема адаптации сельских мигрантов к городским условиям является весьма актуальной.

Если для русских, проживающих на территории Хакасии, адаптация проходила спокойнее, то для хакасов она сопровождалась необходимостью преодоления дополнительных барьеров, прежде всего языкового. Данное исследование позволит нам разработать региональную модель адаптационных процессов в городских поселениях Хакасии среди коренного населения.

Новизна исследования заключается в выявлении и обосновании факторов, влияющих на социальную адаптацию к городской среде. В исследовании будет уделено особое внимание изучению характера трудностей адаптации, определению типа адаптации, выявлению уровня удовлетворенности жизнью среди мигрантов.

В целом реализация проекта будет способствовать углублению междисциплинарных взаимодействий по проблеме, обогатит арсенал методологических средств изучения социальной адаптации.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых № МК-6401.2018.6.

Список литературы

Адаптация студентов Северного Кавказа в ВУЗах г. Самары (опыт практической работы) / С.В. Березин, Д.Д. Козлов, К.С. Лисецкий и др. – Самара: Универс-групп, 2004. – 126 с.

Анайбан З.В. Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Хакасия к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования) // Информационно-аналитический бюллетень № 3. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2006. – 14 с.

Крысько В.Г., Иванников С.Ю., Волков Г.Н. и др. Этнопсихологический словарь. – М.: Мос. псих.-соц. ин-т, 1999. – 343 с.

Розин М.Д., Суший С.Я., Озеров А.А., Авдулов Н.С., Добаев И.П., Квициани И.Д., Лубский А.В., Барбащин М.Ю., Андросова С.В. Адаптация народов Юга России к социальным трансформациям: методология исследования. Монография. – Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказ. науч. центра высшей школы Юж. фед. ун-та, 2009. – 308 с.

Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Харвест; Минск, 1998. – 626 с.

Тугужекова В.Н. Этнические и миграционные процессы в современной Хакасии // Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптивные возможности населения. – М., 2007. – С. 114–128.

Шпак Л.Л. Социальная дезадаптация: признаки, механизмы, уровни // Социологические исследования. – 2011. – № 3. – С. 50–55.

Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. – 1995. – № 9. – С 81–88.

References

Adaptatsiya studentov Severnogo Kavkaza v VUZakh g. Samary (opyt prakticheskoi raboty). Berezin S.V., Kozlov D.D., Lisetskii K.S. i dr. Samara: Univars-grupp, 2004, 126 p. (in Russ.).

Anaiban Z.V. Stepen' adaptatsii i factory adaptatsionnogo povedeniya osnovnykh etnicheskikh grupp Respubliki Khakasiya k novym usloviyam zhizni (po materialam etnosotsiologicheskogo

issledovaniya). In *Informatsionno-anaiticheskii byulleten' No. 3*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAS, 2006, 14 p. (in Russ.).

Krysko V.G., Ivannikov, S.Yu., Volkov G.N. i dr. Etnopsikhologicheskii slovar'. Moscow: Moscow psychologic-social Univ. Press, 1999, 343 p. (in Russ.).

Rozin M.D., Sushchii S.Ya., Ozerov A.A., Avdulov N.S., Dobaev I.P., Kvitsiani I.D., Lubskii A.V., Barbashin M.Yu., Androsova S.V. Adaptatsiya narodov Yuga Rossii k sotsialnym transformatsiyam: metodologiya issledovaniya. Monografiya. Rostov-on-Don: North Caucasus Higher School Research Center Southern Federal Univ. Press, 2009, 308 p. (in Russ.).

Shabanova M.A. Sotsialnaya adaptatsiya v kontekste svobody. *Sotsialogicheskie issledovaniya*, 1995, No. 9, pp. 81–88 (in Russ.).

Shpak L.L. Sotsialnaya dezadaptatsiya: proznaki, mekhanizmy, urovni. *Sotsialogicheskie issledovaniya*, 2011, No. 3, pp. 50–55 (in Russ.).

Slovar' prakticheskogo psikhologa . Sost. S.Yu. Golovin. Harvest; Minsk, 1998, 626 p. (in Russ.).

Tuguzhekova V.N. Etnicheskie i migratsionnye protsessy v sovremennoi Khakasii. In *Yuzhnaya Sibir' v epokhu peremen: adaptivnye vozmozhnosti naseleniya*. Moscow, 2007, pp. 114–128 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Канзычакова Н.Г. – научный сотрудник лаборатории этнопсихологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории,

e-mail: kanzychakova.nadia@yandex.ru,

https://orcid.org/0000-0002-6928-8351.

Р.М. Лобацкая
*Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
г. Иркутск, Россия*

Отражение этнокультурной идентичности коренных народов Прибайкалья в ювелирных изделиях постмодерна

Исследована трансформация ювелирных изделий коренных народов Восточной Сибири от древнейших времен до эпохи постмодерна. Показано, что ряд знаковых ювелирных элементов-символов, появившихся на доисторическом этапе и тесно связанных с верованиями, обрядами и обычаями, за несколько тысячелетий сформировал культурный архетип – стержень этнокультурной идентичности, предопределивший характер ювелирного искусства постмодерна и проиллюстрированный на примере работ иркутских ювелиров.

Ключевые слова: *ювелирное искусство, ювелирная этника, этнокультурная идентичность, постмодерн.*

Для цитирования: Лобацкая Р.М. Отражение этнокультурной идентичности коренных народов Прибайкалья в ювелирных изделиях постмодерна. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 409–413. DOI 10.17746/0295-7.2019.409-413.

R.M. Lobatskaya
*Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russia*

Reflection of the Ethnocultural Identity of the Indigenous Peoples of the Baikal Region in Postmodern Jewelry

The transformation of jewelry of Eastern Siberia indigenous peoples from ancient times to the postmodern has been studied. It is shown that a number of iconic elements that appeared at the prehistoric stage and is closely associated with beliefs, symbols, rituals and customs for several millennia formed a cultural archetype – the core of ethnocultural identity, which predetermined the nature of the postmodern jewelry art, shown by the works of Irkutsk jewelers.

Keywords: *jewelry art, ethnic jewelry, ethnocultural identity, post-modern.*

For citation: Lobatskaya R.M. Reflection of the ethnocultural identity of the indigenous peoples of the Baikal region in postmodern jewelry. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 409–413 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.409-413.

Ювелирное искусство с древнейших времен выступает в качестве идентификационного репера для всех без исключения народов и цивилизаций. В доисторические времена оно служило для обозначения трудовой роли и иерархического положения

в племени, отличало одну раннюю цивилизацию и культуру от другой, принадлежало к атрибутам власти. Этнические украшения определяли место, время и этнокультурную принадлежность народов.

С первой трети XX в., с начала эпохи постмодерна, обращение к этнике становится одной из характерных черт ювелирного искусства, особенно там, где оно опирается на многовековой опыт выражения этнокультурной идентичности. Ярким примером является ювелирное искусство народов Прибайкалья.

Изучение археологических артефактов раннего неолита (5 тыс. до н.э.) – раннего бронзового века (2 тыс. до н.э.) свидетельствует о том, что в это время закладываются эстетические основы зооморфных и антропоморфных изображений, базирующиеся на устойчивом символизме, отражающем социально-религиозные устои древних сибирских народов [Пашко, 2005].

Среди зооморфных ювелирных изделий преобладают подвески с изображением северного журавля стерха и головы лося, реже встречается образ змеи. Изделия выполнены из кости, бивней мамонта, гагата, талька. Из нефрита режут крупные пуговицы, ритуальные браслеты и диски.

Ювелирное искусство скифов в VIII–V вв. до н.э., наряду с появлением новой художественной стилистики, продолжает обращаться к тем же ювелирным элементам-символам: стерх, лось, змея, плоскостное изображение человека, чаще его лица. Технологии ювелирной торевтики – бронзовое литье,ковка и чеканка совершенствуются в триаде «оружие, конская сбруя, культовые предметы». В символике впервые появляются ритуальные колокольчики как в характерном для эпохи зверином стиле, так и круглые. Нефритовые диски трансформируются в бронзовые ритуальные зеркала со сложным декором.

Специфические элементы ювелирной стилистики наращиваются с приходом буддизма, в первую очередь с его культовыми персонажами, с новыми ювелирными техниками и орнаменталистикой [Буддийская коллекция..., 2006].

Все однажды появившиеся ювелирные элементы, доходят до XIX в. в шаманском костюме бурят, эвенков, якутов, монголов [Чернявская, 2004, 2005]. Каждый из этих народов, имея индивидуальные обычаи и верования, выбирает собственные символы. Так, у бурят это зеркала-толи, круглые колокольчики, личины и плоскостное стилизованное изображение тотемных зверей. Эвенки и якуты отдают предпочтение образу стерха. Он становится главным атрибутом как костюма шамана, так и личных украшений.

В личных украшениях ведущая роль от формообразования переходит к декору. Буряты используют в орнаменте стилизации скрученных рогов барана, подчеркнутых изгибами филигрании и кораллами. Якуты декорируют личные украшения образами танцующих стерхов и растительными мотивами.

Проведенный анализ показывает, что у народов Прибайкалья цепь ювелирных элементов-символов не прерывалась на протяжении тысячелетий, приобретая всякий раз новые стилистические черты, соответствующие времени, и обогащаясь дополнительными деталями в формообразовании и декоре. Эта устойчивая тенденция привела к образованию вполне узнаваемого архетипа этнокультурной идентичности, отразившегося в ювелирной стилистике постмодерна.

В изделиях постмодерна нет прямого подражания этнической стилистике, а архетип отражается, скорее, в общих принципах формообразования и декорирования,

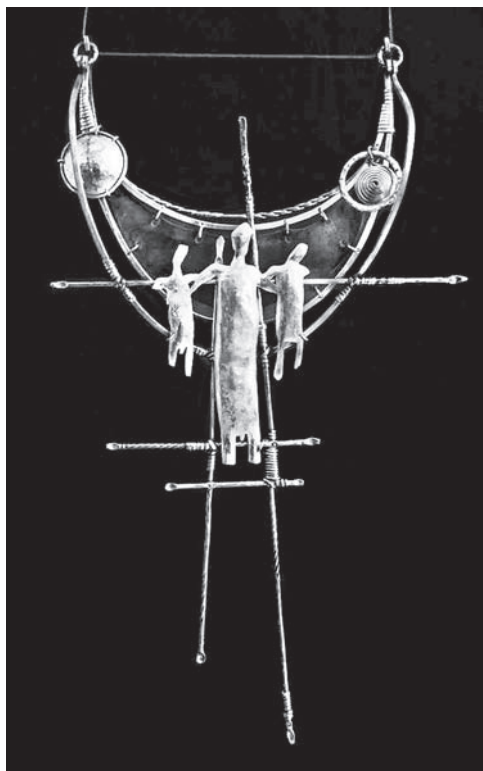

Рис. 1. Колье «Сход богов», латунь, бронза, холодная ковка, крученая проволока, пайка. Алсаткин А., 2015 г.

Рис. 2. Колье, браслет «Ведьмин сон», ней-зильбер, кораллы, чеканка, пайка. Дудкина М., 2010 г.

Рис. 3. Подвеска «Вечность». Золото, серебро, ювелирные камни, литье, чеканка, пайка. Намдаков Д., 2004 г.

в отсылках к эстетическому нарративу древних народов, в используемых материалах и технологиях. Главным художественным принципом постмодерна является синтез хорошо продуманных этнических мотивов и традиционных европейских технологий, композиций и стилизаций.

Так, плоскостное моделирование антропоморфных и зооморфных изображений, использование зеркал-толи, космогонических символов, нарратива шаманистской философии присутству-

ет в торовитке А. Алсаткина (рис. 1), А. Мухамедшина, М. Дудкиной (рис. 2), отдающих предпочтение бронзе, латуни, нейзильберу, обработанным в технике холоднойковки и пайки [Лобацкая, 2011].

Жамсаран Эрдынеев объемной чеканкой воссоздает фантастический мир буддистских религиозно-эпических образов [Огородникова, 2013]. В его работах гаруды, змеи, драконы отсылают зрителя к трансформированным в соответствии с запросом XXI в. древним символам.

Даши Намдаков формирует совершенно иной мир, в котором соседствуют буддистская философия и европейская художественная традиция сюрреализма (рис. 3). Работая в технике литья, он легко воплощает образы и эстетику скифов и художественную культуру более поздних народов, воссоздает дух героев бурятского эпоса [Намдаков, 2010].

Список примеров может быть существенно расширен [Лыкденова, 2009; Лобацкая, 2011]. Однако проведенный выше анализ уже дает основание говорить об устойчивых, пролонгированных на большом временном отрезке тенденциях формирования сибирского ювелирного искусства, каждый из этапов которого внес неопределимый вклад в состояние современной этнокультурной идентичности народов Прибайкалья.

Список литературы

Буддийская коллекция Иркутского областного краеведческого музея. – Иркутск: Артиздат, 2006. – 24 с.

Лобацкая Р.М., Князев А.Д. Кольцо Прометея. Ювелирные коллекции Иркутска. – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. тех. ун-та, 2011. – 304 с.

Лыкденова Л.А. Художники Тунки. Живопись, графика, скульптура, ювелирное искусство. – Улан-Удэ: Нова Принт, 2009. – 36 с.

Намдаков Д. Скульптура, графика, ювелирное искусство. – М.: М-Сканрус, 2010. – 159 с.

Огородникова Т.П. Жамсаран Эрдынеев. – Иркутск: Артиздат, 2013. – 32 с.

Пашко Е.Ю. Первобытное искусство Прибайкалья. – Иркутск: Артиздат, 2005. – 20 с.

Чернявская О.А. Шаманский костюм. – Иркутск: Артиздат, 2004. – 82 с.

Чернявская О.А. Духи предков в звуках бубна. Коллекция предметов шаманского культа народов Сибири и Северо-Восточной Азии. – Иркутск: Артиздат, 2005. – 22 с.

References

Buddiiskaya kollektsiya Irkutskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Irkutsk: Artizdat, 2006, 24 p. (in Russ.).

Chernyavskaya O.A. Shamanskii kostyum. Irkutsk: Artizdat, 2004, 82 p. (in Russ.).

Chernyavskaya O.A. Dukhi predkov v zvukakh bubna. Kolleksiya predmetov shamanskogo kul'ta narodov Sibiri i Severo-Vostochnoi Azii. Irkutsk: Artizdat, 2005, 22 p. (in Russ.).

Lobatskaya R.M., Knyazev A.D. Kol'tso Prometeya. Yuvelirnye kollektsii Irkutsk. Irkutsk: Irkutsk State Technical Univ. Press, 2011, 304 p. (in Russ.).

Lykdenova L.A. Khudozhniki Tunki. Zhivopis', grafika, skul'ptura, yuvelirnoe iskusstvo. Ulan-Ude: Nova Print, 2009, 36 p. (in Russ.).

Namdakov D. Skul'ptura, grafika, yuvelirnoe iskusstvo. Moscow: M-Skanrus, 2010, 159 p. (in Russ.).

Ogorodnikova T.P. Zhamsaran Erdyneev. Irkutsk: Artizdat, 2013, 32 p. (in Russ.).

Pashko E.Yu. Pervobytnoe iskusstvo Pribaikal'ya. Irkutsk: Artizdat, 2005, 20 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Лобацкая Р.М. – доктор геолого-минералогических наук, профессор, заведующая кафедрой ювелирного дизайна и технологий Иркутского национального исследовательского технического университета,

e-mail: lobatskaya@gmail.com,

http://orcid.org/0000-0002-9425-4612.

«Ребрендинг» этнокультурной идентичности посредством современного искусства в Якутии

В статье проанализированы два подхода к экспликации этнокультурной идентичности. Первый, присущий массовой знаковой культуре, объяснен превращенными формами сознания из теории сознания Карла Маркса и зафиксированный вещно в квазипредметах – знаках этнической идентичности, другой – посредством продуктивного механизма современного искусства, эстетики синтетического символизма.

Ключевые слова: символы, символический спектр, сознание, этнос, этническая культура, якуты, саха, этнокультурная модернизация, якутское искусство, теория сознания Карла Маркса.

Для цитирования: Пудов А.Г. «Ребрендинг» этнокультурной идентичности посредством современного искусства в Якутии. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 414–416. DOI 10.17746/0295-7.2019.414-416.

A.G. Pudov
Yakutsk State Agricultural Academy,
Yakutsk, Republic of Sakha, Russia

“Rebranding” of Ethnocultural Identity through Contemporary Art in Yakutia

The article analyzes two approaches to the explication of ethnocultural identity. The first, inherent in the mass culture, is explained by the transformed forms of consciousness from the theory of Karl Marx and fixed in the quasi-objects – signs of ethnic identity, the other – through the productive mechanism of contemporary art, the aesthetics of synthetic symbolism.

Keywords: symbols, symbolic spectrum, consciousness, ethnos, ethnic culture, Yakut, Sakha, ethnocultural modernization, Yakut art, theory of consciousness of Karl Marx.

For citation: Pudov A.G. “Rebranding” of ethnocultural identity through contemporary art in Yakutia. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 414–416 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.414-416.

Эволюция в теории понимания этноса показала уход от примордиализма с жестким нормативизмом родоплеменных устоев, где осевым концептом этносборки была «родная кровь». Затем концепт этносборки с социально-культурными изменениями, волнами миграций в обществе дрейфует к различным вариантам конструктивизма.

Выживаемость этнического в современной культуре и ее эволюция обеспечена эвристической продуктивностью и жизнеспособностью уникального символического спектра. Известно, что выживаемость языка напрямую связана с функциониро-

ванием и стоящим за ним символизмом сознания [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 190]. Этногенез в нашем рассмотрении предстает многовековым процессом передачи «эстафетной палочки», коей является символический спектр сознания. Последний трансформируется под влиянием иных культур и меняющихся хозяйственных занятий. Пример с якутским этногенезом, вобравшим в себя все жизнеспособное из символического спектра «контактных народов», представляет собой длительный эстафетный посыл метафизики, пролонгирующей духовные и хозяйственные предпочтения народа: сакскую мифологию с параллелями с индоарийской религиозно-мифологической системой, культуру скифо-хуннского времени — «стартовую основу якутской культуры»; древнетюркских племен, затем курыкан, монголоязычных племен, кыпчаков и собственно представителей кулун-атахской культуры и тунгусских влияний [Гоголев, 2004, с. 65–102].

Модернизацией этнокультуры на рубеже XX–XXI вв. становится внутренний процесс открытия новых культурных возможностей, данных символическими конструктами сознания [Пудов, 2014]. На онтологическом уровне этническая культура предстает не только хозяйственным занятием, материальной культурой или социально-политической сборкой современности, но и метафизическим способом его обоснования и воспроизводства.

Интересным применением неклассических теорий сознания, к которым нужно отнести теорию сознания Карла Маркса [Мамардашвили, 1968], станет анализ фетишизированных предметностей сознания, чем для Маркса, например, являлось понятие «товар», к современным псевдосимволическим превращенным формам сознания, апеллирующим к идентификационным маркерам национальной культуры.

Маркс сделал «возможным рассматривать сознание как функцию, атрибут социальных систем деятельности, выводя его содержание и формообразования из переплетения и дифференциации связей системы, а не из простого отображения объекта в восприятии субъекта» [Там же, 1968]. Другая особенность его философского метода, это апеллирование к отношениям квазипредметных образований сознания — феноменам феноменологии.

Методологию Маркса вполне продуктивно использовать для анализа таких социальных процессов, как трансформация этнокультурной идентичности и конструирование этноса в условиях массовой культуры, опираясь на предметные, на самом деле, квазипредметные образования в этнической культуре как этносимволы. В действительности этот механизм превращенных форм сознания и использующий его механизм современной культурной идентификации лежит в основе получившей популярность конструктивистской парадигмы теории этноса.

Для «расширения» этнической культуры, другими словами ее модернизации, важно искать точки роста вне и не столько идеологического, значит знакового, а символического содержания. Открываются новые культурные возможности, переданные синтезом символических конструктов [Гоголев, 2004].

Культурные процессы в Республике Саха (Якутия) ясно показали миграцию этнического в современное искусство — театр, кинематограф, живопись и графику, музыку и танец. Оно лишь там живо и находит продуктивное лоно для саморазвития [Пудов, 2016].

Тайна символических мифологических пространств предков, интерес к сакральным символическим конструктам языческих дохристианских культур стали отпра-

ными в творчестве многих якутских художников и артистов – Сергея Зверева (Кыыл Уола), Валериана Васильева, Станислава Катакова, Андрея Борисова, Сергея Потапова, Кирилла Гаврильева-Кинтэн, Михаила Старостина, Надежды Федуловой, Сардааны Ивановой, Туйаары Шапошниковой. Развязать новый виток этногенеза в смысле «изобретения» вторичного уникального символизма невозможно. Этносимвол и универсальный метафизический символ объединяются в культурной форме произведения искусства, даря расширение и новое прочтение этнического, а значит, этнической идентичности.

Список литературы

Гоголев А.И. Этническая история народов Якутии (до начала XX в.). – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 2004. – 104 с.

Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. – № 6. – 1968. – С. 14–25.

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.

Пудов А.Г. Эстетика символического в эпоху транзитивной социальной реальности. – Якутск: РИО медиахолдинга, 2014. – 336 с.

Пудов А.Г. Национальное бытие на театральных подмостках. – Якутск: СММК, 2016. – 92 с.

References

Gogolev A.I. Etnicheskaya istoriya narodov Yakutii (do nachala XX v.). Yakutsk: Yakutsk State Univ. Press, 2004, 104 p. (in Russ.).

Mamardashvili M.K. Analiz soznaniya v rabotah Marksa. *Voprosy filosofii*, No. 6, 1968, pp. 14–25 (in Russ.).

Mamardashvili M.K., Pyatigorskij A.M. Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simbolike i yazyke. Moscow: Shkola “Yazyki russkoj kul’tury”, 1997, 224 p. (in Russ.).

Pudov A.G. Estetika simvolicheskogo v ehpohu tranzitivnoj sotsial’noj real’nosti, Yakutsk, RIO mediaholdinga, 2014, 336 p. (in Russ.).

Pudov A.G. Natsional’noe bytie na teatral’nyh podmostkah. Yakutsk: SMİK, 2016, 92 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Пудов А.Г. – кандидат философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин инженерного факультета Якутской государственной сельскохозяйственной академии,

e-mail: agro_on_line@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-6215-9461>.

Д.Ф. Гатина-Шафикова
*Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

Традиционная культура в интерпретации современных татарских дизайнеров

Работа посвящена исследованию актуализации этнических мотивов в современном обществе с сосуществованием разных стилей и направлений в fashion-индустрии, на примере рецепции татарского народного костюма. Стилистическая эклектика реализуется в виде непосредственного увлечения региональной модой, а использование деталей, элементов традиционной одежды распространяется и в среде обывателей. Переосмысление этнических традиций дизайнерами становится инструментом и проводником для возрождения интереса к своеобразию и различиям разных народов.

Ключевые слова: *татарские дизайнеры, традиционная культура, глобализация, региональная мода, татарский стиль, одежда, украшения.*

Для цитирования: Гатина-Шафикова Д.Ф. Традиционная культура в интерпретации современных татарских дизайнеров. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 417–419. DOI 10.17746/0295-7.2019.417-419.

D.F. Gatina-Shafikova
*Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*

Traditional Culture in the Interpretation of Modern Tatar Designers

The article is devoted to the study of the actualization of ethnic motives in modern society with the coexistence of different styles and trends in the fashion industry, using the example of a Tatar folk costume. Stylistic eclecticism is realized in the form of direct fascination with regional fashion, and the use of parts and elements of traditional clothing is also distributed among the inhabitants. Rethinking ethnic traditions by designers becomes a tool and guide for the revival of interest in the originality and differences of different peoples.

Keywords: *Tatar designers, traditional culture, globalization, regional fashion, Tatar style, clothing, jewelry.*

For citation: Gatina-Shafikova D.F. Traditional culture in the interpretation of modern Tatar designers. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 417–419 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.417-419.

Глобализационные процессы второй половины XX – начала XXI в. предстают во взаимодействии двух противоположных тенденций. С одной стороны, это культурный универсализм, нивелирующий этническую специфику и гомогенизирующий социум, с другой – локальное этническое своеобразие, делающее акцент на культурной отличительности и региональных особенностях [Васильева, 2013]. Общемировые

тенденции, основанные на переосмыслении этнических традиций в системе постмодернизма с сосуществованием разных стилей, направлений и эклектикой в стиле, реализуются в виде непосредственного увлечения региональной модой. Это, в частности, можно наблюдать и в среде татарского сообщества, когда татарское национальное становится модным. Соответственно, данный аспект не мог быть не замечен современными дизайнерами, вдохновением для которых послужила традиционная татарская одежда. При этом главными потребителями и покупателями являются женщины, соответственно, рынок ориентирован в основном на женскую аудиторию.

Одежду, производимую в татарском стиле, необходимо разделить на праздничную/повседневную и религиозную/национальную, в виде общемусульманских и национально-татарских тенденций. Здесь уже выявляются другие специфические элементы одежды. К примеру, национальный стиль тяготеет к традиционным формам костюма, его элементам и декору, а религиозное направление становится ближе к «modest fashion» (скромная мода).

В настоящее время популяризация и распространение одежды, сшитой по традиционным татарским мотивам, идет в нескольких направлениях. Проводятся конкурсы: Международный конкурс дизайнеров национальной одежды «International Fashion» под эгидой Казанского государственного научно-исследовательского технологического университета и журнала «Сююмбикэ»; модные показы «Russia Islamic Clothes», «Kremlin Fashion Show», «ЭтноДар» и др. Организуются ярмарки и фестивали, маркеты, где выставляют продукцию приезжие и местные мастера: дизайн-маркет «Печән базары», «JADIDfest», «Kremlin bazar», «Open Space Market», «Salaam bazaar». Интернет-ресурсы помогают в ознакомлении с продукцией и ее последующей продаже. Практически каждый из дизайнеров/мастеров имеет аккаунт и свои группы в наиболее популярных интернет-сетях — «ВКонтакте», Instagram, Facebook.

В повседневной жизни узнаваемым как татарский стиль стал не полный костюмный комплекс, а определенные его части. Один из доминирующих элементов — головной убор «*кәттәҗи*» или «*мөгез калфак*». Его в зависимости от желания носят или поверх платка в качестве завершающей детали, или самостоятельно. К началу XX в. в городской среде татарская женщина могла носить платье европейского кроя, но при этом проявляла свою национальную принадлежность именно этим миниатюрным убором. Впоследствии из обихода он исчезает и только в последние годы получает второе рождение.

Вероятно, из-за упрощения процесса, большей возможности тиражирования среди мастеров и дизайнеров стало популярным применение орнамента. Автор изделия изготавливает современную одежду или предмет быта и в качестве декоративной детали использует узор, узнаваемый и признаваемый в обществе как татарский.

Общемировые тенденции на oversize (свободный крой) привлекли внимание дизайнеров к традиционному типу туникообразной татарской рубахи, украшенной воланом по нижнему краю. Однако длина такого платья может варьироваться от средней до полностью скрывающей ног.

Для татарской кожаной мозаики в современной интерпретации характерно брать за основу аксессуары, украшения или обувь с привычной для покупателя формой, декорируемой мозаичным узором или вышивкой тамбурным швом. При изготовлении подобных кожаных изделий по национальным мотивам прослеживается определенная тенденция. С целью удешевления процесса мастера используют для декорирования не знаменитый татарский шов, а машинную стежку.

Ряд мастеров и в наши дни изготавливает украшения с применением традиционных техник, типичных для татарских ювелиров (скани, зерни и пр.), однако в силу того, что такого рода изделия дорогие, широкого распространения они не получают. Их относят, скорее, к продукции премиум-класса, не выходящей на широкий рынок продаж. К примеру, И. Фазулзянов, начав свой путь с изучения традиционного татарского ювелирного искусства и изготовления украшений по татарским мотивам, в настоящее время работает в основном в стиле «ар-деко» и «ар-нуво» [Менделевич, 2016]. Популярными стали доступные по цене природные и синтетические материалы. Изменился и сам принцип, где в качестве основы выступает не традиционная форма или способ изготовления украшения, а узор, чаще всего из вышивки или кожаной мозаики.

Следовательно, традиционная культура в работах современных дизайнеров стала своеобразным выразителем идентичности через повседневные образы. Интерес к языку и своей истории проявляется посредством использования особой одежды [Мухаметзянова, 2016, с. 295]. Однако массовое производство и традиционная культура не находятся в равном положении, а являются взаимодополняющими элементами. В рамках современного общества многие люди носят одежду, покупаемую в сетевых магазинах, а в качестве дополнения и выявления своей идентичности через визуальный образ надевают отдельные акценты работы местных дизайнеров и мастеров.

Список литературы

Васильева Ж.В. Влияние процессов глобализации на fashion-индустрию [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. – 2013. – № 2. – URL: http://www.cr-journal.ru/files/file/04_2014_17_07_30_1398517650.pdf (дата обращения: 19.11.2018 г.).

Менделевич Н. Украшения Ilgiz F. в специальной съемке Vogue. – 2016. – URL: https://www.vogue.ru/jewellery/ukrasheniya_ilgiz_f_v_spetsialnoy_semke_vogue/?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=vk_organic (дата обращения: 19.11.2018 г.).

Мухаметзянова А.Р. Этнокультурные проекты современной татарской молодежи в контексте этнической идентичности // Историческая этнология. – 2016. – Т. 1, № 2. – С. 293–312.

References

Mendelevich N. Ukrasheniya Ilgiz F. v spetsialnoy s'emke Vogue. *Vogue Rossiya*. URL: https://www.vogue.ru/jewellery/ukrasheniya_ilgiz_f_v_spetsialnoy_semke_vogue/?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=vk_organic (accessed: 19.11.2018) (in Russ.).

Muhametzyanova A.R. Etnokulturnyie proekty sovremennoy tatarskoy molodezhi v kontekste etnicheskoy identichnosti. *Istoricheskaya etnologiya*, 2016, vol. 1, No. 2, pp. 293–312 (in Russ.).

Vasil'eva Zh.V. Vliyanie protsessov globalizatsii na fashion-industriyu. *Kulturologicheskii zhurnal*, 2013, No. 2. URL: http://www.cr-journal.ru/files/file/04_2014_17_07_30_1398517650.pdf. (accessed: 19.11.2018 g.) (in Russ.).

Сведения об авторе:

Гатина-Шафикова Д.Ф. – научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан,
e-mail: golocen@yandex.ru.

Художественные промыслы в формировании образа территории (на примере Новосибирской области и Алтайского края)

Изложены результаты исследования состояния современных народных художественных промыслов юга Западной Сибири. Выделены особенности их становления, определена стилистика. Сделан вывод о том, что художественные промыслы и ремесла играют важную роль в формировании имиджа как Алтайского края, так и Новосибирской области.

Ключевые слова: художественные промыслы и ремесла, бренд территории, Западная Сибирь, Новосибирская область, Алтайский край.

Для цитирования: Красавина (Москвина) М.В. Художественные промыслы в формировании образа территории (на примере Новосибирской области и Алтайского края). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 420–422. DOI 10.17746/0295-7.2019.420-422.

M.V. Krasavina
*Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Science,
Novosibirsk, Russia*

Art Crafts in the Formation of Territory Image (on the Example of the Novosibirsk Region and the Altai Kray)

The theses summarize the author's research of a modern folk arts and crafts condition of the Western Siberia south. The features of their formation were highlighted, the style was determined. It was concluded that arts and crafts play an important role in the image formation of the Altai Territory and the Novosibirsk Region.

Keywords: art crafts, territory brand, Western Siberia, Novosibirsk region, Altai Kray.

For citation: Krasavina M.V. Art crafts in the formation of territory image (on the example of the Novosibirsk region and the Altai Kray). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 420–422 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.420-422.

В течение второй половины XIX — начала XX в. в селах юга Западной Сибири в результате переселенческого движения сформировалось население, в культуре которого сочетались традиции различных народов [Попова, Каплан, 1984]. Выходцы из центральных и южных областей России, с территории Малороссии, а также из Поволжья (русские, белорусы, украинцы, татары, мордва, чувашаи и др.) принесли в регион собственные техники ремесленного производства и подсобных промыслов. Это культурное многообразие значительно повлияло на становление и развитие художественных промыслов региона.

До начала XX в. подобные промыслы существовали в виде домашнего производства без ярко выраженных центров. Характерными видами художественных промыслов стали резьба и роспись по дереву, гончарное производство и глиняная игрушка, ткачество, вышивка, ковроткачество, плетение из лозы, резьба по кости и камню, кузнечные промыслы.

К концу XX в. традиции народной художественной культуры были во многом утрачены. С начала 2000-х гг. в культурной политике юга Западной Сибири были инициированы кампании по восстановлению и поддержке художественных ремесел и народных промыслов. В Алтайском крае и Новосибирской области осуществляется поддержка народного искусства в соответствии с государственными и региональными программами, направленными на сохранение и развитие культурного наследия региона. Принятая в 2015 г. «Стратегия развития народных художественных промыслов России на 2015–2016 гг. и на период до 2020 г.» признала промыслы «национальным достоянием» и «одним из важнейших инструментов развития современной отечественной культуры, основой этнокультурной самоидентификации и активизации творческого потенциала народов Российской Федерации» [Приказ..., 2015].

Основой развития художественного ремесленного производства в Новосибирской обл. в современный период стало творчество профессиональных художников и художников-любителей, формирующих собственные творческие объединения и центры. Художественные промыслы и ремесла Алтайского края в настоящее время существуют как в форме творчества индивидуальных мастеров, так и на предприятиях, соединяющих коллективный опыт творчества и ремесленный (усовершенствованный технологически) характер производства продукции [Шокорова, 2012].

На примере развития Колыванского камнерезного промысла и народного художественного промысла по керамике «Турина Гора» были определены основные тенденции формирования стилистики промыслов и их роль в создании регионального бренда Алтайского края, а именно – сохранение уже имеющегося наследия (колыванские каменные вазы) и синтез традиций русского и коренного населения Алтая исходя из концепции этнофутуризма и «художественного краеведения» (керамика «Туриной горы»).

В Новосибирской обл. наблюдается тенденция развития и переосмысления уже известных традиций художественных промыслов (например, кузбасской бересты, центрально-русских росписей по дереву и т.п.). Существуют и оригинальные промыслы, такие как чиняевская глиняная игрушка, ордынская роспись по дереву и др. Приоритет имеют индивидуальные мастера.

Важной формой презентации как мастеров и их продукции, так и региона в целом в 2000–2010-х гг. стали ярмарки художественных промыслов и ремесел. Ярмарки при этом становятся фактором, объединяющим ремесленное сообщество, а также формой сохранения, развития промыслов и одним из факторов формирования ситуативного и внутреннего туризма в области.

Таким образом, можно говорить о сохранении символической роли художественных промыслов и ремесел как в сохранении культурного наследия регионов Сибири, так и в формировании региональных брендов. В условиях исчезновения утилитарных функций, для изделий народных художественных промыслов становится более значимой их символическая нагрузка, соотносимая с этнической идентичностью мастера и его представлениями о практиках сохранения этой идентичности.

Список литературы

Попова О.С., Каплан Н.И. Русские художественные промыслы. — М.: Легкая и пищевая промышленность, 1984. — 192 с.

Приказ № 2011 от 20.07.2015 «Об утверждении Стратегии развития народных художественных промыслов на 2015–2016 гг. и на период до 2020 г.» // Министерство промышленности и торговли России. Официальный сайт. — URL: http://minpromtorg.gov.ru/docs/#!prikaz_ob_utverzhenii_strategii_razvitiya_narodnyh_hudozhestvennyh_promyslov_na_20152016_gg_i_na_period_do_2020_goda (дата обращения: 10.10.2016).

Шокорова Л.В. Народное декоративно-прикладное искусство Алтая. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. — 124 с.

References

Popova O.S., Kaplan N.I. Russkie khudozhestvennye promysly. Moscow: Legkaya i pishchevaya promyshlennost', 1984, 192 p. (in Russ.).

Prkaz No. 2011 ot 20.07.2015 “Ob utverzhenii Strategii razvitiya narodnykh khudozhestvennykh promyslov na 2015–2016 gg. i na period do 2020 g.”. Ministerstvo promyshlennosti i trgovli Rossii. Ofitsial'nyi sait. URL: http://minpromtorg.gov.ru/docs/#!prikaz_ob_utverzhenii_strategii_razvitiya_narodnyh_hudozhestvennyh_promyslov_na_20152016_gg_i_na_period_do_2020_goda (accessed: 10.10.2016) (in Russ.).

Shokorova L.V. Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo Altaya. Barnaul: Altai Univ. Press, 2012, 124 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Красавина (Москвина) М.В. — младший научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН Новосибирск,

e-mail: marg.moskvina@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-8940-5244>.

Трансформация похоронно-поминальной обрядности мордвы Верхнего Приобья в начале XXI века

Статья посвящена первичному анализу полевых материалов, собранных в селах Верхнего Приобья — в зоне локального проживания мордвы. Материал охватывает похоронно-поминальный цикл, который сохранился в наиболее полном виде и передается из поколения в поколение. Эта обрядовая традиция в культуре мордвы соединила в себе как языческие, так и православные нормы, которые гармонично существуют по сей день. Хотя уже современное поколение с трудом может объяснить происхождение того или другого канона.

Ключевые слова: *переселенческие процессы, трансформация традиционной культуры, похоронно-поминальная обрядность, языческие традиции, православная культура.*

Для цитирования: Овчарова М.А. Трансформация похоронно-поминальной обрядности мордвы Верхнего Приобья в начале XXI века. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 423–426. DOI 10.17746/0295-7.2019.423-426.

M.A. Ovcharova
Novosibirsk State Museum of Local Lore,
Novosibirsk, Russia

Transformation of the Funeral and Memorial Rites of the Mordovians of the Upper Ob River at the Beginning of the 21st Century

The article is devoted to the primary analysis of field materials collected in the villages of the Upper Pribye — in the area of local residence of the Mordovians. The material covers the funeral and memorial cycle, which has been preserved in its fullest form and is passed on from generation to generation. This ritual tradition in the culture of the muzzle combines both pagan and Orthodox norms, which exist harmoniously to this day. Although already the current generation can hardly explain the origin of one or another canon.

Keywords: *immigration processes, transformation of traditional culture, funeral and memorial rites, pagan traditions, Orthodox culture.*

For citation: Ovcharova M.A. Transformation of the funeral and memorial rites of the Mordovians of the upper Ob river at the beginning of the 21st century. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 423–426 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.423-426.

Мордва — самый многочисленный финно-угорский этнос в России. В силу экономических, культурных предпочтений, в юго-восточных районах Сибири сложились зоны с локальным расселением мордовского этноса. В ходе переселенческого движения в Причумышье сформировалось два самостоятельных района проживания мордвы: эрзянский и мокшанский с моноэтническими и смешанными русско-

мордовскими селами. Мордва-эрзя численно преобладала над мокшей в поселениях Причумышья. Эрзянский р-н разместился вокруг с. Борисово: моноэтнические села – Никольское, Пыхтаре, Покровка, Кочегарка, смешанные поселения – Большой Калтай, Пешерка, Ново-Красилово.

Одной из сфер последних экспедиционных исследований стало восприятие смерти у мордовских переселенцев. Ход погребального обряда и его идеологию в значительной мере определяет христианский православный канон. Первоначально при расселении мордвы среди доминирующего русского/славянского населения Западной Сибири проявлялась ее обособленность: на сельских кладбищах сформировались компактные семейные захоронения. Однако позднее этнические барьеры стирались – единая православная вера способствовала адаптации социокультурных практик мордвы к традициям иноэтничного окружения. На протяжении ряда экспедиционных поездок (2008–2017 гг.) в села мордвы эрзя Алтайского края (Залесовский р-н: Борисово, Никольское) нами фиксировалась сохранность у всех поколений мордвы элементов традиционной похоронно-поминальной культуры.

Для погребального обряда мордвы (при его общей христианской ориентированности) характерен, с одной стороны, страх перед умершим, с другой – желание умиловить его. Это основная линия, которая проходит через обряд на всех его этапах. У мордвы существует материальное представление о душе: она связывалась с дыханием. Как и многие другие народы, мордва считают душу носителем жизни, как только прекращается дыхание, душа покидает тело человека. Современные мордовские кладбища находятся обыкновенно на горе возле села. Так, в селах Борисово и Никольское Залесовского р-на кладбище одно на два села и находится между ними на большой горе. Важной характерной чертой мордовского села является участие в проводах усопшего всех жителей. Еще в середине XX в. в селах Борисово и Никольское гроб на кладбище несли на жердях, которые там и оставляли.

В поминальном обряде мордвы страх перед умершим выражается слабее, чем в погребальном ритуале. Конечно, поминали в т.ч. из-за боязни зла, но боялись была не усопшего, а «прогневать покровителей рода». Именно в поминальном обряде мордвы нашло свое отражение почитание предков. Поминки у мордвы бывают семейные и общеродовые. К семейным относятся традиционные поминки усопшего, которые совершаются на 3-й, 9-й, 20-й, 40-й дни после смерти. Общеродовые поминки обычно проводятся по большим праздникам: на Пасху, Троицу, Покров, Масленицу и др.

Обычно на общеродовые поминки приезжают родственники. Обязательно топят баню и зовут умерших мыться. Готовят много разных блюд и главный напиток «*пуре*» – квас (брага) для поминок. Такие поминки могут быть и не один день. Сначала умерших поминают дома, накрывают стол, а потом устраивают провода умерших на кладбище. Туда идут с большими запасами еды и напитков. Уходя, говорят: «Оставайтесь, живите дружно и не приходите до тех пор, пока сами не призовем» (Алтайский край, Залесовский р-н, с. Борисово, Кудрова К.В., 1943 г.р., ПМА, 2008).

Особое значение мордва придает «большим» поминкам на 40 дней, когда душу умершего провожают в потусторонний мир. Семейные поминки более всего в себе смешали православные и языческие каноны. Оторванность от архаичной зоны проживания внесла изменения в поминальный цикл у мордвы в селах Алтая. Обычай поминок на 7-й, 49-й дни на Алтае не сохранился. «В мордовском селе на «большие» поминки 9 и 40 дней собирается все село, с полудня в дом усопшего все идут по оче-

реди, несут поминальную тарелку» (Архив Лаборатории исторического краеведения Алт. гос. пед. ун-та; мат-лы Историко-этнографической экспедиции, 2003 г. Ф. 1. Оп. 1. Алтайский край, Залесовский р-н, с. Борисово, Ломакина М.К., 1923 г.р.). «Вечером перед поминками топят баню, сыновьям готовят нижнее белье: на 9 дней младшему сыну, на 40 дней среднему, на полгода старшему» (Зорькина К.Г., 1918 г.р., ПМА, 2008).

В проведении поминального обряда мордвы существует ряд определенных правил. В Залесовском Приобье у мордвы-эрзя сложилась традиция наличия в селе «читалки», которая обязательно должна присутствовать на поминках. В доме готовят то количество свечей, какой день поминок проходит. В селах Борисово и Никольское восковые свечи до сих пор «катают» сами, каждый для себя (рис. 1). В нашем экспедиционном выезде в августе 2017 г. мы были на 40 день поминок. Родные и соседи в дом умершего приходят с поминальной тарелкой (не пустой, а со стряпней). Значимым элементом похоронной традиции до настоящего времени является организация в доме покойного «мордовского поминального стола» (ПМА, 2017). В доме у каждого была своя «поминальная тарелка», которую брали с собой на похороны и на поминки: «На похороны у мордвы не принято идти с пустыми руками, все идет со своей тарелкой, на которой несут обрядовые мучные блюда (хлеб, пироги, пряники и т.д.). Все это составляется на один общий стол. Тарелка, используемая для этих целей, называется «поминальной», ее не используют в быту, а хранят для обрядовых целей» (Зорькина К.Г., 1918 г.р., ПМА, 2008) (рис. 2).

На второй день родственники ходят на кладбище, где также поминают усопшего. На поминки приходят родственники и соседи умершего. По традиции, от каждого дома должен кто-то прийти, обычно – пожилые женщины. Мужчины участвуют в поминках только в день похорон и на 40-й день после смерти.

Рис. 1. Восковые свечи, изготовленные в домашних условиях. Алтайский край, Залесовский р-н, с. Борисово. Кичайкина Г.Б., 1937 г.р. (ПМА, 2017 г.).

Рис. 2. Мордовский поминальный стол. Алтайский край, Залесовский р-н, с. Борисово (ПМА, 2008 г.).

С середины XX в. и до современности многие составляющие части похоронно-поминального обряда значительно изменились и сократились. Практически не сохранились дохристианские обрядовые традиции, связанные с культом предков: класть с покойным его вещи, выбирать на поминках его «заместителя», приносить в жертву животное др. Значение многих просто со временем забывается, и они выполняются просто по инерции. Например, уже не так боятся в доме умершего родственника, просто существует традиция, что нужно обязательно побелить стены.

В то же время в похоронной и поминальной обрядности прочно закрепились церковные обряды. Чтение Псалтыря над умершим, приурочивание общественных поминок к церковным праздникам и др. Тем не менее похоронные и поминальные обряды в сельской местности сохраняются на много полнее, чем другие ритуалы. Это во многом связано с тем, что основными их носителями остается старшее поколение, которое является носителем народной обрядности. Кроме того, пожилые люди завещают похоронить себя по конкретным канонам, таким образом закрепляя определенную традиционность похоронно-поминальной обрядности у последующего поколения.

Сведения об авторе:

Овчарова М.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник экспозиционно-выставочного отдела Новосибирского государственного краеведческого музея,

e-mail: masha_pa@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-6157-2104>.

VI. ИДЕНТИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ

DOI: 10.17746/0295-7.2019.427-430
УДК 291.16+159.923.2

А.А. Насонов

*Кемеровский государственный институт культуры,
г. Кемерово, Россия*

Религиозные синкретические трансформации как фактор формирования этнокультурной идентичности

В статье специфика идентификационных процессов изучается с позиции механизма распространения религии. Религиозные синкретические трансформации рассматриваются в качестве фактора формирования этнокультурной идентичности. Констатируется, что особенности распространения православия препятствовали формированию идентичности с христианскими компонентами, а буддийское воздействие актуализировало элементы идентичности, связанные с тюрко-монгольским миром. Этноконфессиональные процессы в Южной Сибири оцениваются как аккультурация.

Ключевые слова: *религиозный синкретизм, синкретизация, этнокультурная идентичность, идентификация, межконфессиональное взаимодействие, механизм распространения религии, междисциплинарный подход, аккультурация, мировые религии, Южная Сибирь.*

Для цитирования: Насонов А.А. Религиозные синкретические трансформации как фактор формирования этнокультурной идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 427–430. DOI 10.17746/0295-7.2019.427-430.

A.A. Nasonov

*Kemerovo State Institute of Culture,
Kemerovo, Russia*

Religious Syncretism Transformations as Ethnocultural Identity Formation Factor

The article examines the particularity of identification processes from the position of religion dissemination mechanism. Religious syncretic transformations are considered as a factor of the formation of ethnocultural identity. The author states that the characteristics of the dissemination of Orthodoxy hindered the formation of identity with Christian components, and the Buddhist influence actualized the elements of identity associated with the Turkic-Mongolian world. The author understands ethnoconfessional processes in South Siberia as acculturation.

Keywords: *religious syncretism, syncretization, ethnocultural identity, identification, interconfessional interaction, religion dissemination mechanism, interdisciplinary approach, acculturation, world religions, South Siberia.*

For citation: Nasonov A.A. Religious syncretism transformations as ethnocultural identity formation factor. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 427–430 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.427-430.

На современном этапе развития социально-гуманитарного знания очевидным является то, что целостное понимание проблематики этнокультурной идентичности возможно при условии применения междисциплинарного подхода. В этом смысле наибольшим потенциалом обладает культурная антропология, интегрирующая достижения философских, историко-этнографических, социально-психологических и политических изысканий, а также сочетающая традиции и новации отечественной и зарубежной науки [Александрова, 2015, с. 12–15]. Одним из перспективных вариантов реализации междисциплинарного подхода является изучение этнокультурной идентичности с позиции формирования и трансформации религиозных синкретических форм, возникающих при взаимодействии традиционных верований с распространяющимися направлениями мировых религий.

Процесс внедрения вероучения в социокультурную среду этноса системно может быть осмыслен через использование комплексного понятия «механизм распространения религии», которое включает в качестве структурных элементов институциональную основу, проповедническую систему, процессы синкретизации и стереотипизации [Насонов, 2013, с. 113–115]. С позиции междисциплинарного подхода институциональная основа распространения религии может быть рассмотрена при сопоставлении результатов исторических, политических и социологических исследований в связи с необходимостью понимания специфики генезиса, становления, а также воспроизводства и приспособления религиозных управленческо-организационных систем к условиям конкретной региональной специфики. Проповедническая система как инструмент внедрения вероучения также имеет потенциал изучения с позиции междисциплинарного подхода. В данном случае исторические и социально-психологические аспекты органично дополняют друг друга, позволяя оценить эффективность тактических приемов при достижении стратегических целей в распространении вероучения.

Элементом механизма распространения религии, имеющим непосредственную связь с идентификационными процессами, выступает синкретизация. Сочетание элементов разных вероучений в рамках одного традиционного сознания, именуемое в научном знании «религиозным синкретизмом», представляет собой конечный результат влияния религиозных систем, фиксируемый исследователями. Религиозный синкретизм фактически выступает внешней характеристикой состояния традиционного сознания, поскольку с позиции наблюдателя воспринимается как эклектичное явление, но для самого носителя является органичным образованием, соответствующим текущему духовному состоянию. Это явление тесно взаимосвязано с этнокультурной идентичностью. Более перспективным, на наш взгляд, представляется анализ распространения религии через процесс синкретизации как динамичного явления, включающего трансформацию мировосприятия,

культовой практики. В контексте междисциплинарного подхода механизмы синкретизации схожи с проявлениями идентификации. Если в первом случае фиксируются процессы отказа от прежних компонентов традиционных верований или интерпретации их в контексте новых мировоззренческих установок, то основной характеристикой идентификационных процессов является наложение воспринятых консолидирующих установок на прежние представления о принадлежности к определенным общностям.

Конкретный исторический материал демонстрирует, что религия одновременно выступает инструментом и посредником идентификационных процессов [Юрганова, 2017, с. 122]. Вместе с тем религиозные синкретические трансформации становятся фактором формирования этнокультурной идентичности. Например, в условиях Южной Сибири на рубеже XIX–XX вв. распространение православия диктовало радикальную смену установок, характерных для традиционного сознания, поскольку принятие постулатов этого вероучения в конечном итоге означало переход к оседлому образу жизни, переориентацию на земледельческие практики. Это обстоятельство затрудняло идентификационные процессы среди коренного населения, препятствовало формированию идентичности с христианскими компонентами. В случае буддийского вероучения, активность которого в рассматриваемый период возросла, гибкий механизм распространения, допускавший складывание синкретических форм, наоборот способствовал ускорению идентификационных процессов, поскольку актуализировал элементы идентичности в рамках культурного единства тюрко-монгольского мира. Вместе с тем влияние православия было более интенсивным, в т.ч. вследствие государственной поддержки, а буддийское воздействие имело разную степень интенсивности и встречало противодействие (например, Алтайской духовной миссии). В итоге специфическое по своим свойствам многоуровневое мировоззрение коренного населения интегрировало востребованные составляющие этих учений, что можно трактовать как осуществление аккультурационных процессов.

Список литературы

Александрова Е.А. Религиозная идентичность в российских культурно-антропологических исследованиях // Культура и цивилизация. – 2015. – № 6. – С. 10–22.

Насонов А.А. Механизм распространения мировых религий в Сибири (по материалам территорий современной Кемеровской области и сопредельных регионов) // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 23. – С. 112–123.

Юрганова И.И. Особенности религиозной идентификации национальной окраины империи на примере Якутии // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 122–126.

References

Aleksandrova E.A. Religioznaya identichnost' v rossiiskikh kul'turno-antropologicheskikh issledovaniyakh. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 2015, No. 6, pp. 10–22 (in Russ.).

Nasonov A.A. Mekhanizm rasprostraneniya mirovykh religii v Sibiri (po materialam territorii sovremennoi Kemerovskoi oblasti i sopredel'nykh regionov). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2013, No. 23, pp. 112–123 (in Russ.).

Yurganova I.I. Osobennosti religioznoi identifikatsii natsional'noi okrainy imperii na primere Yakutii. *Gumanitarnyi vector*, 2017, vol. 12, No. 4, pp. 122–126 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Насонов А.А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры,

e-mail: nas.kemgik@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-3037-6434>.

Д.Ю. Хоменко
*Красноярский медицинский техникум,
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
г. Красноярск, Россия*

Вопросы сохранения идентичности лютеранами Приенисейской Сибири во второй половине XIX века

В статье проанализированы факторы, способствовавшие сохранению идентичности ссыльных финнов, эстонцев и латышей в Приенисейской Сибири в XIX в. Представители этих народов объединялись властями по вероисповедному принципу, однако практика показала, что национальная идентичность для них была важнее конфессиональной. Поддержка ссыльных со стороны соплеменников на исторической родине стала важным фактором сохранения идентичности. Отмечена высокая степень национального самосознания данных народов и растущий культурный национализм.

Ключевые слова: уголовная ссылка, финны, эстонцы, латыши, Приенисейская Сибирь, национальное самосознание, лютеране, Верхний Суэтук, Нижняя Буланка, Верхняя Буланка.

Для цитирования: Хоменко Д.Ю. Вопросы сохранения идентичности лютеранами Приенисейской Сибири во второй половине XIX века. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 431–434. DOI 10.17746/0295-7.2019.431-434.

D.Yu. Khomenko
*Krasnoyarsk Medical Vocational School,
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
Krasnoyarsk, Russia*

The Preservation of the Identity of Lutherans Yenisei Siberia in the Second Half of the 19th Century

The article analyzes the factors that contributed to the preservation of the identity of exiled Finns, Estonians and Latvians in the Yenisei Siberia in the 19th century. Representatives of these peoples were united by the authorities on the basis of religion. But national identity was more important for them than religious identity. The support of exiles by their compatriots in their historical homeland has become an important factor in the preservation of identity. The author notes the high degree of national consciousness of these peoples and the growing cultural nationalism.

Keywords: criminal exile, Finns, Estonians, Latvians, Yenisei Siberia, national identity, Lutherans, Verhnij Suehtuk, Nizhnyaya Bulanka, Verhnyaya Bulanka.

For citation: Khomenko D.Yu. The preservation of the identity of Lutherans Yenisei Siberia in the second half of the 19th century. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 431–434 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.431-434.

Ссылка в Сибирь как вид наказания способствовала появлению на этой территории представителей разных конфессий и народов. Среди прочих в Енисейскую губ. прибывали ссыльные лютеранского вероисповедания: латыши, эстонцы, финны и немцы.

В 1851 г. на юге Енисейской губ. поселенцами из западносибирской лютеранской колонии Рыжково была основана деревня Верхний Суэтук. В эту новую колонию стали водворять всех вновь прибывавших ссыльных лютеран. Позже латыши основали колонию Нижняя Буланка, а эстонцы – Верхнюю Буланку [Гаупт, 1865]. Отмечается, что сделано это было «во избежание национальной розни с тамошними финнами» [Материалы..., 1893, с. 28].

Со стороны государства создание колоний объяснялось заботами о духовном призрении лютеран: в 1863 г. Александр II утвердил решение о назначении пастора в колонию Верхний Суэтук. Расходы по его содержанию возмещались из финляндских статских сумм. При этом пастору вменялось в обязанность духовное призрение не только финнов, «но и латышей и эстов... и вообще всех лютеран в Енисейской губернии» (РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 159. Л. 10 об.).

Однако созданная система духовного попечения над лютеранами оказалась недееспособной. Эстонцы и латыши не принимали финских пасторов. В 1877 г. представители Лифляндского дворянства обратились в Евангелическо-лютеранскую генеральную консисторию с предложением учредить особого пастора для эстонцев и латышей. Тогда же в Прибалтике были собраны пожертвования на его содержание (Там же. Л. 2). В 1881 г. новый приход был организован (Там же. Л. 157).

Таким образом, дифференциация населения по конфессиональному признаку, которой придерживались власти, не соответствовала потребностям населения. Для представителей балтийских народов национальные различия были важнее конфессиональных, в результате чего они не только селились отдельными поселениями, но даже не принимали священников иной национальности.

Поддержка жителей колоний со стороны соплеменников на исторической родине не ограничивалась только духовным призрением. В Верхнем Суэтуке существовали две школы, в Буланках – по одной. Преподавание велось на родных языках. В Нижней Буланке в конце XIX в. имелась библиотека, в которой хранилось ок. 300 наименований, выписывалось 12 латышских газет [Яковлев, 1900, с. 161]. На содержание школы в Верхнем Суэтуке деньги выделялись из финляндской казны (2000 марок в год), а буланские школы содержались «на добровольные пожертвования дам города Ревеля» (РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 746. Л. 1 об.) и на средства, отпускавшиеся «центральным комитетом вспомогательной кассы для лютеранских приходов в России» [Яковлев, 1900, с. 161].

Переходя к методологическим обобщениям, следует выявить факторы, которые способствовали сохранению этнической идентичности эстонцев, латышей и финнов в сибирских условиях. Первый очевидный фактор – это компактное поселение. В этом главную роль сыграли местные власти. Однако вместе с тем нельзя не отметить, что власть выделила поселения по конфессиональному признаку, в то время как разделение по национальному признаку поселенцы произвели самостоятельно. При этом власть не препятствовала этому разделению, как и контактам с исторической родиной. Данная ситуация может иметь объяснение в методологических позициях т.н. новой имперской истории. Так, Дж. Бурбанк и Ф. Купер указывают: «сама концепция империи предполагает, что населяющие ее народы управляются по-разному» (цит. по: [Фёдоров, Филюшкин, 2016, с. 162]). Это объясняет, почему власти учитывали потребности балтийских народов в Сибири при разделении как мест проживания, так и пасторских приходов.

Второй важный фактор — это существование национальных школ с преподаванием на родном языке. Поскольку существование школ было бы невозможно без поддержки соплеменников, то таковую следует рассматривать как третий фактор. Возникает вопрос: почему для колонистов было важно сохранение идентичности, а для соплеменников — их поддержка? Можно предположить, что речь идет об относительно высокой степени нациообразования у балтийских народов (латыши, эстонцы, финны) и сформированности у них национального самосознания. С.Е. Фёдоров и А.И. Филюшкин резюмируют, что «все авторы признают высокую роль культурного фактора и интеллигенции в создании нации» [2016, с. 72]. В данном случае представителями интеллигенции выступают школьные учителя. Они являлись проводниками национальных литературных языков. Связь с исторической родиной усиливалась возможностью посещать библиотеку и читать латышские газеты.

Современное изучение феномена нации неразрывно связано с изучением национализма. Подчеркивается, что в эпоху модернизации национализм играет прогрессивную роль, консолидирует народы и способствует их переходу от традиционного общества к современному. Выделяются два типа национализма: политический (как требование национального государства) и культурный (сохранение целостности народа, поддержание и развитие его языка, культуры, исторического наследия) [Фёдоров, Филюшкин, 2016, с. 95]. Исходя из данной классификации, в жизни лютеран Енисейской губ. XIX в. значительную роль играл именно культурный национализм.

Список литературы

Гаупт В. Состояние колоний ссыльных лютеранского вероисповедания в Шушенской волости Минусинского округа, 1850—1863 г. // Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865—1866 гг. — СПб.: [Тип. К. Вульфа], 1865. — С. 58—78.

Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. — Иркутск: [Тип. К.И. Витковской], 1893. — Т. 4, вып. 2. — Енисейская губерния. — 176, 55, 129 с.

Фёдоров С.Е., Филюшкин А.И. История и теория наций и национализма. — СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2016. — 208 с.

Яковлев Е.К. Описание этнографических коллекций Минусинского музея. — Минусинск: [Тип. В.И. Корнакова], 1900. — 212 с. — (Описание Минусинского музея; вып. 4).

References

Fedorov S.E., Filyushkin A.I. Istoriya i teoriya nacij i nacionalizma. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. publ., 2016, 208 p. (in Russ.).

Haupt V. Sostojanie kolonij ssyl'nyh ljuteranskogo veroispovedanija v Shushenskoj volosti Minusinskogo okruga, 1850—1863 g. In *Vtoraja pamjatnaja knizhka Enisejskoj gubernii na 1865—1866 gg.* St. Petersburg: K. Wolfe Printing house, 1865, pp. 58—78 (in Russ.).

Materialy po issledovaniju zemlepol'zovaniya i hozyajstvennogo byta sel'skogo naseleniya Irkutskoj i Enisejskoj gubernij. Irkutsk: K.I. Vitkovskaya Printing house, 1893, Enisejskaya guberniya; vol. 4, iss. 2, pp. 176, 55, 129 (in Russ.).

Yakovlev E.K. Opisanie jetnograficheskikh kollekcij Minusinskogo muzeja. Minusinsk: V.I. Kornakova Printing house, 1900, 212 p. (*Opisanie Minusinskogo muzeja*; iss. 4) (in Russ.).

Сведения об авторе:

Хоменко Д.Ю. – преподаватель Красноярского медицинского техникума, старший преподаватель Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева,

e-mail: khomenko_denis@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7262-5673>.

Традиции и новации в кочевой культуре Монголии

Работа посвящена исследованию актуальных социально-экономических процессов в среде кочевников современной Монголии. Хозяйственно-культурная трансформация кочевничества определена процессами товаризации домохозяйств, динамика которой в пространственном отношении весьма вариативна. Миграционный приток кочевников в центральные районы страны порождает ряд негативных социально-экономических и экологических проблем.

Ключевые слова: *кочевники, Монголия, традиция, кочевое хозяйство, рынок.*

Для цитирования: Гомбожапов А.Д. Традиции и новации в кочевой культуре Монголии. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 435–437. DOI 10.17746/0295-7.2019.435-437.

A.D. Gombozhapov
*Institute of Mongolian Studies and Tibetology,
Siberian Branch, Russian Academy of Science,
Ulan-Ude, Russia*

Traditions and Innovations in the Nomadic Culture of Mongolia

The thesis is dedicated to the research of current socioeconomic processes among the nomads of modern Mongolia. The transformation of nomadic economics and culture is determined by the commodification of mobile households, the dynamics of which is spatially variable. The migration in flux of nomads to the central regions of the country is followed by a number of negative socio-economic, environmental problems.

Keywords: *nomads, Mongolia, tradition, nomadic economy, market.*

For citation: Gombozhapov A.D. Traditions and innovations in the nomadic culture of Mongolia. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 435–437 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.435-437.

Кочевая культура и кочевой образ жизни являются неотъемлемой частью современной Монголии. Кочевое хозяйство продолжает играть заметную роль в аграрном секторе экономики. Для многих сельских жителей занятие экстенсивным животноводством остается главным и безальтернативным источником дохода. В то же время в условиях низких доходов большей части городского населения связь с селом, кочевым хозяйством служит важным подспорьем для экономики домохозяйств.

Претерпев в XX столетии фундаментальные преобразования общественно-политического строя, Монголия взяла твердый курс на демократизацию и рыночные механизмы управления экономикой. В течение короткого срока абсолютное большинство поголовья скота оказалось в частных руках. С этого момента численность

скота неуклонно возрастает: если в 1991 г. насчитывалось 25,5 млн голов, то в 2017 г. — 66,2 млн [Нийт...].

Однако частные домохозяйства испытывают трудности с реализацией своей животноводческой продукции. Это связано с довольно узким спросом на внутреннем рынке, неразвитостью пищевой перерабатывающей промышленности, отсутствием возможностей экспорта на внешние рынки и рядом других причин. Возросшее поголовье скота стало результатом простого «перепроизводства», достигнутого не за счет догоняющего «предложения» на увеличивающийся «спрос», а за счет экстенсификации пастбищного животноводства, свойственной традиционному кочевому хозяйству. Исключением может служить лишь динамика численности домашних коз, природой которой вызван высоким спросом на козий пух на мировом рынке.

Формой неразрывной связи «город—село», прежде всего, выступает опосредованный сбыт товаров кочевниками на рынке сельскохозяйственной продукции. Естественно, что объемы этого сбыта весьма ограничены. Кочевники, проживающие в отдаленных от городов районах, в условиях отсутствия развитой дорожной инфраструктуры и пунктов заготовительной сети, и вовсе отрезаны от поставок на эти рынки.

Сложившееся положение вызывает активные миграционные процессы, направленные, в первую очередь, в центральные районы Монголии [Кочевничество..., 2017]. Их необходимо отличать от присущих кочевому образу жизни миграций на дальние расстояния, обусловленных неблагоприятными климатическими изменениями, стихийными бедствиями (засухами, сильной заснеженностью и т.д.) и другими причинами экологического характера.

Приток кочевников-мигрантов, в свою очередь, приводит к усилению ряда негативных явлений в социальной сфере, создает излишнюю конкуренцию на рынке, способствует ухудшению экологической ситуации. Высокая плотность кочевых домохозяйств, рост населения определенным образом модифицируют традиционные социальные отношения и связи. Институты традиционного землепользования явно находятся в противоречии с наблюдающейся на сегодняшний день обстановкой. Дополнительную сложность придает правовая неурегулированность земельных отношений [Vargus, 2018].

Пастбища являются землями общего пользования, поэтому кочевники не могут закреплять их в личную собственность. Правовая незащищенность восполняется силами самих кочевников, которые объединяются на родственной основе для защиты своих интересов. В связи с этим в районах нового проживания мигранты вынуждены заселять менее удобные места и утилизировать менее благоприятные пастбища. Стоит отметить также административные препоны и барьеры, с которыми приходится иметь дело вновь прибывшим скотоводам. Трудности в социальной адаптации, в т.ч. и детей, заключаются в проявлении недоброжелательного отношения со стороны принимающего сообщества в лице местных жителей. В свою очередь это заставляет мигрантов держаться вместе замкнутыми группами.

Благодарности

Работа выполнена при частичной поддержке гранта Правительства РФ № 14W.03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Список литературы

Кочевничество и миграции в современной Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – 167 с.

Нийт малын тоо 2017 [Электронный ресурс] // Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. – URL: https://www.1212.mn/stat.aspx?LIST_ID=976_L10_1 (дата обращения: 13.08.2018 г.) (на монг. яз.).

Barcus H.R. Contested Space, Contested Livelihoods: A Review of Mongolian Pastureland Management and Land Tenure Reform // *Geographical Review*. – 2018. – N 1. – P. 138–157.

References

Barcus H.R. Contested Space, Contested Livelihoods: A Review of Mongolian Pastureland Management and Land Tenure Reform. *Geographical Review*, 2018, No. 1, pp. 138–157 (in Russ.).

Kochevnichestvo i migratsii v sovremennoi Mongolii. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre SB RAS Publ., 2017, 167 p. (in Russ.).

Нийт малын тоо 2017 [Elektronnyi resurs]. In *Statistikiin medeelliin negdsen san*. URL: https://www.1212.mn/stat.aspx?LIST_ID=976_L10_1 (accessed: 13.08.2018) (in Mongol.).

Сведения об авторе:

Гомбожапов А.Д. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

e-mail: agombozh@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0001-9793-2274>.

Буряты и этническая идентичность (по материалам послевоенных советских переписей и текущего учета населения)

В статье на материалах переписей исследуется роль ассимиляции в трансформации идентичности у бурят. Рассматриваются три важнейших показателя таких изменений в идентичности: владение родным языком, доля многонациональных семей в составе семей в целом, данные о межэтнических браках. Изменения по каждому из показателей фиксируются в переписях и в материалах текущего учета населения.

Ключевые слова: ассимиляция бурят, идентичность бурят, трансформация идентичности, буряты, народы Сибири, смешанные браки, этнодемография, историческая демография, антропология, рождаемость, текущий учет населения.

Для цитирования: Дашинамжилов О.Б. Буряты и этническая идентичность (по материалам послевоенных советских переписей и текущего учета населения). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 438–441. DOI 10.17746/0295-7.2019.438-441.

O.B. Dashinamzhirov
*Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Science,
Novosibirsk, Russia*

The Buryats and Ethnical Identity (Based on Materials of Post-War Soviet Census and of Current Statistics of the Population)

The paper is dedicated to research of the role of assimilation in the transformation of the Buryats' identity that is based on materials of Census. There are three main factors of such changes in identity: fluency in native language, share of multinational families in the composition of families in a whole, data about interethnic marriages. Changes according to each factor are fixed in census and materials of current statistics of the population.

Keywords: assimilation of the Buryats, identity of the Buryats, transformation of identity, the Buryats, peoples of Siberia, mixed marriages, ethnodemography, historical demography, anthropology, birthrates, current statistics of population.

For citation: Dashinamzhirov O.B. The Buryats and ethnical identity (based on materials of post-war Soviet Census and of current statistics of the population). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 438–441 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.438-441.

Изучение ассимиляции является актуальной задачей этнодемографии. Исторически она играла важную роль в этнических процессах, формировании и развитии народов, оказывая косвенное воздействие на национальный состав и, следовательно-

но, на воспроизводство населения. Ассимиляция имеет большое значение и сегодня, что хорошо видно на примере этносов многих стран, в т.ч. России. Однако существует проблема источников, а именно, не ясно, на основе каких статистических материалов можно провести хотя бы косвенную оценку этих процессов.

Ассимиляция — это этнический процесс, который проявляется в том, что группы людей, принадлежащие к сформированному этносу, оказавшись в тесном контакте с другим народом и его средой, воспринимают его язык и культуру и постепенно, обычно в последующих поколениях, сливаются с ним и причисляют себя к нему. С точки зрения демографии глубину ассимиляционных процессов можно оценить, пользуясь несколькими статистическими показателями, которые можно извлечь из переписей и текущего учета населения.

Согласно определению, переписи являются общим процессом сбора, обобщения, оценки, анализа и публикации демографических, экономических и социальных данных обо всем населении, проживающем на определенный момент в стране или ее четко ограниченной части. Собранные в итоге материалы были необходимы в основном для решения народнохозяйственных задач: государственные органы получали информацию о численности, размещении и составе жителей страны по полу, возрасту, семейному состоянию, национальности, образованию.

Эти материалы являлись главным источником сведений не только о национальном, но и лингвистическом составе населения страны. Вопрос о родном языке ставился в программах всех переписей СССР. При этом он мог не совпадать с национальностью опрашиваемых. Чем выше была доля указавших в качестве родного язык другой национальности, тем значительнее были процессы ассимиляции. Так, в 1959 г. доля бурят РСФСР, которые в качестве родного указали русский язык, составила только 4,9 % населения, в т.ч. в Иркутской обл. — 7,0 %, Республике Бурятия — 3,2 %, Читинской обл. — 2,1 % [Национальный состав..., 1961, с. 246]. Это косвенно говорит о том, что процесс смены этнической самоидентификации шел тогда еще очень медленно. Например, у чувашей эта доля составляла 8,3 %, мордвы — 20,0 %, украинцев — 54,5 %.

В 1989 г. доля бурят, признавших русский язык в качестве родного, выросла до 13,3 %, в т.ч. в Иркутской обл. — до 19,0 %, Республике Бурятия — 10,6 %, Читинской обл. — 7,4 %. Эти данные указывают на все более широкое распространение русского языка как языка общения, особенно среди горожан. Такие же тенденции отмечены у других национальностей: например, у упомянутых чувашей эта доля достигла 22,3 %, мордвы — 30,8 %. У украинцев эта доля изменилась слабо — 57,0 % [Национальный состав..., 1990, с. 48].

Вторым важным показателем, который можно извлечь из данных Всесоюзных переписей, является доля многонациональных семей в составе семей в целом. Эта информация разрабатывается на основании ответов на вопросы об отношении к главе семьи и национальности ее членов. В Советском Союзе возобладала тенденция роста доли разнонациональных семей. Они считались таковыми, если в их составе один из членов (не обязательно супруг) был другой национальности. Так, в 1979 г. доля бурят, живших в таких семьях, по отношению ко всему населению в целом составила 18,2 %, в 1989 г. — 19,1 %, тогда как доля чувашей — 29,2 % и 34,7 %, мордвы — 44,9 % и 54,1 %, а украинцев — 73,5 % и 76,4 % [Некоторые показатели..., 1990, с. 183—185].

Текущий учет населения также представляет весьма важный материал для исследования ассимиляции. Он собирался на основе регистрации демографических событий в органах ЗАГС в городских поселениях, а в сельских местностях — сельскими комитетами. Известно, что ассимиляции были подвержены смешанные семьи, в которых дети по достижению определенного возраста могли выбрать национальность одного из родителей. Рассмотрим практическую составляющую этого вопроса. В нашем распоряжении находится источник, который имеет косвенное отношение к ассимиляции, — это число родившихся и умерших, распределенных по национальностям, или форма № 3 текущего учета населения. В ней также присутствует информация о числе рожденных детей, отец которых был другой национальности. В отличие от переписей, практическое использование такого источника ограничено, т.к. в разработку попадали обычно только семь крупнейших этносов РСФСР — русские, украинцы, белорусы, казахи, армяне, татары и евреи. Кроме них, в форме № 3 могли присутствовать в зависимости от региона дополнительно еще две или три национальности.

Согласно данным текущего учета, за указанный период (1959—1969 гг.) в Республике Бурятия появилось на свет 52,2 тыс. детей, из которых у 353 чел. отец был иной национальности (0,7 %). Это является косвенным подтверждением того, что ассимиляция развивалась намного медленнее, чем у других этносов. Если предположить, что примерно половина детей во время Всесоюзной переписи 1970 г. была отнесена к другой национальности, то также следует допустить, что к бурятскому населению была приписана часть детей, мать которых была русской, а отец — бурятом. Из этого следует, что ассимиляция была тогда минимальной.

В 1970—1978 гг. число рожденных бурятскими женщинами детей составило, по приблизительным данным, 41,6 тыс., из которых у 973 отец был другой национальности (2,3 %). Это означает, что процессы ассимиляции ускорились, хотя по-прежнему шли медленно. Так, у украинцев, белорусов или татар этот процент был намного выше. За 1980-е гг. имеются только отрывочные данные, но, судя по всему, доля рожденных детей, у которых отец был другой национальности, продолжала увеличиваться. Например, в 1988 г. в Бурятии она составила 7,0 %. Аналогичные сведения по соседним регионам подтверждают, что в Иркутской обл. эти процессы шли быстрее, а в Читинской — медленнее.

Еще одним важным источником являются данные о межэтнических браках с распределением по полу по форме 7-б, полученные в прилегающие к переписям годы, начиная с 1970 г. В обязательном порядке информация собиралась по русским, украинцам и белорусам. В зависимости от региона, к ней можно было добавить еще несколько национальностей, в т.ч. титульные этносы республик. Данные по Бурятии в 1979 г. показывают, что среди всех официальных браков, заключенных бурятскими мужчинами, их супругой в 92,8 % являлась бурятка. У последних супруг той же национальности был в 91,1 % случаев (ГАРБ. ФР. 196. Оп. 1/8. Д. 77. Л. 127). Эта доля в сравнении с другими этносами была еще высокой.

Итак, как мы можем видеть, данные переписей и текущего учета населения могут дать вполне определенное представление о ходе ассимиляционных процессов, особенно, если эти материалы используются в комплексе. Недостатком демографических источников, в частности текущего учета, является то, что сбор материалов производился не по всем национальностям, а только по крупнейшим из них.

Благодарности

Работа выполнена за счет гранта РФФИ (проект № 18-09-00395).

Список литературы

Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года (численность, расселение, городское и сельское население, соотношение мужчин и женщин, родной язык). – М.: ЦСУ РСФСР, 1961. – 434 с.

Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Госкомстат РСФСР, 1990. – 747 с.

Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – М.: Госкомстат РСФСР, 1990. – Т. 1. Пол, возраст, брачное и семейное состояние населения отдельных национальностей. – 231 с.

References

Natsional'nyi sostav naseleniya RSFSR po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya na 15 yanvarya 1959 g. Moscow: TsSU RSFSR, 1961, 434 p. (in Russ.).

Natsional'nyi sostav naseleniya RSFSR po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 g. Moscow: Goskomstat RSFSR, 1990, 747 p. (in Russ.).

Nekotorye pokazateli, kharakterizuyushchie natsional'nyi sostav naseleniya RSFSR po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 goda. Moscow: Goskomstat RSFSR, 1990. Vol. 1. Pol, vozrast, brachnoe i semeinoe sostoyanie naseleniya otdel'nykh natsional'nostei. 231 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Дашинамжилов О.Б. – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора историко-демографических исследований Института истории СО РАН,

e-mail: odon@bk.ru,

https://orcid.org/0000-0002-0938-2290.

Этническая идентичность народа саха в рамках историко-культурного ландшафта Северо-Востока Сибири

Символически освоенное пространство (тайга, горы, тундра, озера, реки) самым тесным образом связано с хозяйственной деятельностью саха и имеет свои сакральные маркеры этнической идентичности. Тесная связь саха с природной средой определяет особенности историко-культурного ландшафта, на основе которого появились мифологические и символические образы пространств, формировался механизм освоения северных территорий.

Ключевые слова: *историко-культурный ландшафт, тюрки, история, народ саха, этногенез, холод, Арктика, Север, освоение, термокарстовые долины.*

Для цитирования: Ушницкий В.В. Этническая идентичность народа саха в рамках историко-культурного ландшафта Северо-Востока Сибири. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 442–444. DOI 10.17746/0295-7.2019.442-444.

V.V. Ushnitskiy

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Yakutsk, Russia*

Ethnic Identity of the Sakha People in the Framework of the Historical and Cultural Landscape of the North-East of Siberia

The symbolically developed space (taiga, mountains, tundra, lakes, rivers) is closely connected with the economic activities of the Sakha and has its sacred markers of ethnic identity. The close connection of the Sakha with the natural environment determines the peculiarities of the historical and cultural landscape, on the basis of which mythological and symbolic images of spaces appeared, and the mechanism of development of the northern territories was formed.

Keywords: *historical and cultural landscape, Turks, history, Sakha people, ethnogenesis, cold, Arctic, North, development, thermokarst valleys.*

For citation: Ushnitskiy V.V. Ethnic identity of the Sakha people in the framework of the historical and cultural landscape of the North-East of Siberia. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 442–444 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.442-444.

Якуты – тюркоязычный народ, ассоциируется с Арктикой и Крайним Севером. С ними связано распространение скотоводства в северных широтах. Их скотоводческое хозяйство с трудом вписывается в арктический ландшафт. Этногенез

тюркоязычных предков саха связан с территорией Центральной Азии. Но с течением времени они так укрепились в Арктике, что северные территории России ассоциируются с ними. Якуты распространили скотоводческую культуру в арктические, северные районы. В суровых условиях занимались сенокосом, создав условия для содержания крупного рогатого скота. Аласы — карстовые долины, возникшие посередине тайги путем таяния ледника, имеющие посередине обязательно озеро, стали ландшафтной колыбелью якутского этноса, повлиявшей на его неповторимый облик. Многочисленные аласы Центральной Якутии якутские скотоводы приспособили для расположения сайылыков — летников и кыстыков — зимников, а также сенокосных и пастбищных угодий.

Локальная культура якутов XVII в. в ходе распространения на территорию Северо-Востока Сибири и превращения в магистральную культуру вбирает в себя лексику, культурно-хозяйственные особенности и этнический состав тунгусов (эвенков), юкагиров и русских Севера. Привнесение якутами в эти суровые условия воспроизводящего хозяйства (скотоводства) можно считать настоящим прорывом в цивилизационном освоении Севера.

Постоянные миграции, длительное проживание людей в разнообразных ландшафтах содействовали формированию якутской культуры, где степное начало взаимодействует с таежным. Притягательность широких долин для таежных скотоводов объясняется близостью источников воды и удобными пастбищами. Постепенное распространение якутской скотоводческой культуры в таежно-аласную зону диктовалось необходимостью расширения скотоводческого хозяйства и демографическим воспроизводством. Формирующаяся магистральная якутская культура к середине XVIII в. охватила территорию всей Якутии, и за ее пределами — в бассейнах Хатанги и Хеты, на побережье Охотского моря, территории Удского края и даже Приамурья.

Аласные экосистемы строились на основе наличия четырех основных факторов: водных ресурсов, близости леса, удобных пастбищ и сенокосных угодий. Антропогенный ландшафт преобразовывался упорным трудом скотоводов. Кочковатая почва постепенно превращалась в ровную долину, озера спускались и получались луга, путем поджога очищалась тайга, и на ее месте вырастали удобные пастбища. Все эти геофакторы, без которых нельзя даже подойти к осмыслению процессов этно- и культурогенеза, необходимо оценить через применение междисциплинарных подходов: мерзлотоведения, этнографии и археологии.

Этнографы XIX в. зафиксировали объединение магистральной культуры тунгусов с якутской. Эти два этноса настолько переплетаются между собой, что в XX в. тунгусы теряют свою этничность. Однако, как установил И.С. Гурвич во время специальной экспедиции на Север Якутии, якуты-оленоводы являлись потомками переселенцев из Центральной Якутии, а тунгусами переписчики их записывали по старой привычке относить к тунгусам все оленеводческие группы [1977, с. 26]. Действительно, якутская магистральная культура наслаивается на тунгусскую, перенимая ее культурный ландшафт. Перенимаются не только топонимы, образованные от родовых названий: Нюрба, Оймякон, Эдьигээн (Жиганск), Анаабыр [Иванов, 1985, с. 61, 72–73, 89, 99], но и весь хозяйственно-культурный комплекс: охотников, рыболовов.

Скотоводческая колонизация северных территорий тюрками саха привела к культурному преобразованию пространства. Колонизация якутами окраин Ленского края происходила в течение XVII–XVIII вв. Расселение якутов по просторам Севе-

ро-Восточной Сибири тесно связано с историческими событиями на Средней Лене: ясачной политикой царизма, восстаниями против воеводы. Скотоводческая колонизация арктической территории с характерным мерзлотным грунтом была связана с борьбой с суровой природой, приводила к культивированию ранее нетронутой человеком таежной зоны.

Антропогенный рельеф почти нетронутой человеком северной природы подвергся значительным изменениям в ходе распространения скотоводов саха по различным природным зонам. В связи с этим, рассматривается организация жизненного пространства определенных регионов Якутии (Центральные улусы Средненленского и Алдано-Амгинского бассейна рек, Вилюйской зоны улусов, Северные районы) на примере развития отдельных якутских сел. Так, культурный ландшафт якутского этноса включает природно-культурный территориальный комплекс, освоенный скотоводческим, охотничье-рыболовецким, охотничье-оленоводческим населением.

Табунное коневодство распространилось со временем на всю арктическую зону. Металлургия и якутское кузнечество относятся к северному типу и показывают изменение культурного ландшафта Севера под давлением антропогенного фактора. Скотоводческая колонизация северных территорий тюрками саха привела к культурному преобразованию пространства. Ранее нетронутая человеческой цивилизацией девственная тайга подверглась масштабному вторжению человека. Скотоводы саха использовали лес в качестве материала для строительства жилья, топливного ресурса, и в результате их труда возникали новые пашни, пастбища и скотоводческие угодья. Антропогенный рельеф почти нетронутой человеком северной природы подвергся значительным изменениям после прихода скотоводов саха.

Список литературы

Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленоводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. — М.: Наука, 1977. — 244 с.

Иванов М.С. Топонимика Якутии (Краткий научно-популярный очерк). — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1985. — 144 с.

References

Gurvich I.S. Kul'tura severnykh yakutov-olenevodov. K voprosu o pozdnykh etapakh formirovaniya yakutskogo naroda. Moscow: Nauka, 1977, 244 p. (in Russ.).

Ivanov M.S. Toponimika Yakutii (Kratkij nauchno-populyarnyj ocherk). Yakutsk: Yakutsk publ. house, 1985, 144 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Ушницкий В.В. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнографии и археологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,

e-mail: voma@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-4802-539X>.

DOI: 10.17746/0295-7.2019.445-448
УДК 81'23(=512.212)(571.56)

Н.Е. Захарова
*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

**Среда обитания и быт
как факторы, влияющие на формирование
этнокультурного сознания индивидов
(на примере эвенков Якутии)**

В статье для описания особенностей языкового сознания эвенков рассмотрены факторы, влияющие на национальную культуру этноса: среда обитания, быт и хозяйственная деятельность. Все изменения в жизни народа нашли отражение в языковом сознании и являются его особенностью.

Ключевые слова: *психолингвистика, лингвокультурология, индивид, эвенкийская национальная культура, языковое сознание, менталитет, этнокультурное сознание, быт эвенков, эвенки Якутии, эвенкийский язык.*

Для цитирования: Захарова Н.Е. Среда обитания и быт как факторы, влияющие на формирование этнокультурного сознания индивидов (на примере эвенков Якутии). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 445–448. DOI 10.17746/0295-7.2019.445-448.

N.E. Zakharova
*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Yakutsk, Russia*

**Environment and Everyday Life
as Factors that Influence the Formation
of Ethnocultural Consciousness of Individuals
(on the Example of the Evenks of Yakutia)**

In this article to describe the features of the language consciousness on the Evenks, we consider environment, life and economic activity as factors that influence on the national culture of the ethnic group. All the changes that happened place in Evenks lives were reflected in the language consciousness and formed its unique feature.

Keywords: *psycholinguistics, linguoculturology, individual, Evenk national culture, language consciousness, mentality, ethno-cultural consciousness, Evenks life, the Evenks of Yakutia, Evenks language.*

For citation: Zakharova N.E. Environment and everyday life as factors that influence the formation of ethno-cultural consciousness of individuals (on the example of the Evenks of Yakutia). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 445–448 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.445-448.

Среда обитания — это та часть природы, которая окружает человека и с которой он взаимодействует. Эвенки сегодня расселены небольшими группами на обширной территории: в России — от р. Енисей до Охотского моря и от берегов Северного Ледовитого океана до р. Амур и о-ва Сахалин; а также в Монголии и северном Китае. Передвигаясь по новым землям, ведя кочевой образ жизни, эвенки (охотники и оленеводы) постоянно находятся в окружении природы. Тайга является не просто местом обитания, но и домом, где все имеет свое место и свое предназначение [Василевич, 1969]. У эвенков, как и у других кочевых народов, особенное отношение к природе. Возможно, поэтому они считались и считаются хорошими охотниками и проводниками. Современные эвенки, как пишет А. Лаврилье, отличаются своеобразными способностями в пространственной ориентации: «Желая помочь им сориентироваться (по карте. — Н. З.), я, в соответствии с системой ориентации моей собственной культуры, указала им на четыре стороны света и самые высокие точки, но они мне ответили: “Нас не интересуют ни отправные точки, ни горы, нас интересуют реки!” Кроме того, я заметила, что они... очень быстро находили на карте большие и малые реки, которые их интересовали, всего лишь по конфигурации потока. После долгого изучения карты они мне указали отсутствующие притоки и некоторые ошибки в ориентирах и в конфигурации маленьких водных потоков»; «реки для них — это как нить Ариадны в лабиринте неизвестной тайги» [2010, с. 115–120]. Эти знания и умения у эвенков передаются из поколения в поколение.

Еще одно свидетельство многочисленных передвижений эвенков — это распространенность по всей Сибири эвенкийских топонимов. В географических названиях закодирована информация, как пишет Е.В. Мерекина, например, «о природных богатствах (название реки Селемджи — говорит о наличии в бассейне реки железа, *сэлэ* — железо), топографических особенностях, о присутствии в этом месте ритуальных памятников этноса — название реки *Онёни* в переводе на русский язык означает “имеющая наскальные ритуальные рисунки”» [2008]. Таким образом, вся существующая система эвенкийских топонимов является не только частью лексики (и уже не только эвенкийского языка), но и частью языковой картины мира эвенков.

В исследовании, посвященном илимпийским эвенкам, Н.А. Мамонтова использует понятие «географическая модель» идентичности, для того чтобы подчеркнуть еще одну способность эвенков, связанную непосредственно со средой обитания [2013, с. 111]. Автор подчеркивает, что раньше было достаточно произнести название родовой группы, чтобы очертить примерный круг социальных связей. При этом река служила «не только коридором для перемещения людей, но и делила пространство на несколько воображаемых культурных и языковых ареалов» [Там же]. Родовые группы, жившие севернее, южнее или вдоль реки, получали соответствующие названия.

В зависимости от места обитания, языкового и культурного окружения, наблюдаются некоторые различия в традиционном ведении хозяйства, экономике, языке и элементах культуры. Так, в эвенкийском языке имеются три наречия и множество говоров и диалектов, быт и хозяйствование отличаются у конных, оленных и безоленных эвенков.

Эвенкам была присуща родовая организация — коллективное использование продуктов охоты и рыболовства, совместное выполнение некоторых работ и обрядов, взаимопомощь. Как известно, целью всех передвижений эвенков была, в пер-

вую очередь, разведка промысловых мест, а природные богатства до 1917 г. служили в основном только средством существования эвенков, а не средством труда. Вследствие этого сферу жизни, которая отражает прошлое этноса, дает возможность исследовать изменения в настоящем и прогнозировать их перспективы, можно определить термином «быт». Более точное определение «быта» дано в работах М.Н. Борисова. У современного быта «дефиниций может быть много, ибо много сторон в предметах» [1975, с. 5]. Так, «быт» можно классифицировать по разным признакам: связь с материальной, моральной и культурной средой; сумма условий жизни людей; уклад повседневной жизни.

Быт — это обусловленный данными социально-экономическими отношениями уклад повседневной непродушевленной жизни людей, непосредственно характеризующий способы и формы удовлетворения их материальных и духовных потребностей. В то же время человек в быту не только потребляет, но и воспроизводит себя как личность. Здесь формируются его взгляды на жизнь, привычки и нравы, воспроизводится и раскрывается культура его поведения в процессе деятельности и взаимоотношений с другими людьми. Материальные условия бытовой деятельности включают и те явления, которые далеко выходят за сферы быта, в частности условия географической среды. М.Н. Борисов разделил быт на три элемента: вещественный, духовный и социальный. Они тесно взаимосвязаны и содействуют развитию и обогащению друг друга [1975].

Таким образом, в зависимости от места обитания, языкового и культурного окружения наблюдаются различия в традиционном ведении хозяйства, быту, языке и элементах культуры. Все это нашло отражение в языковом сознании и является его особенностью.

Список литературы

- Борисов М.Н.** Преобразование быта на Крайнем Севере. — Якутск: Кн. изд-во, 1975. — 88 с.
- Василевич Г.М.** Эвенки. — Л.: Наука, 1969. — 304 с.
- Лаврилье А.** Ориентация по рекам у эвенков Юго-Востока Сибири. Система пространственной, социальной и ритуальной ориентации // Этнографическое обозрение. — 2010. — № 6. — С. 115–132.
- Мамонтова Н.А.** Идентичность и язык илимпийских эвенков в XX–XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2013. — 358 с.
- Мерекина Е.В.** Культурные концепты как ядерная часть языкового сознания малочисленного народа: этнолингвокультурологическое исследование языка эвенков: дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2008. — 300 с.

References

- Borisov M.N.** Preobrazovanie byta na Krainem Severe. Yakutsk: Knizhnoe izdatelstvo, 1975, 88 p. (in Russ.).
- Lavril'e A.** Orientatsiya po rekam u evenkov Yugo-Vostoka Sibiri. Sistema prostranstvennoi, sotsial'noi i ritual'noi orientatsii. *Ethnographic review*, 2010, No. 6, pp. 115–132 (in Russ.).
- Mamontova N.A.** Identichnost' i yazyk ilimpiiskikh evenkov v XX–XXI vv.: cand. sc. (philology) dissertation. Moscow, 2013, 358 p. (in Russ.).

Merekina E.V. Kul'turnye kontsepty kak yadernaya chast' yazykovogo soznaniya malochislennogo naroda: etnolingvokul'turologicheskoe issledovanie yazyka evenkov: cand. sc. (philology) dissertation. Barnaul, 2008, 300 p. (in Russ.).

Vasilevich G.M. Evenki. Leningrad: Nauka, 1969, 304 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Захарова Н.Е. – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,

e-mail: zakharova_nataly@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9368-723X>.

**Я.М. Санникова, Л.И. Винокурова, В.В. Филиппова,
С.А. Григорьев, А.А. Сулейманов**

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

Оленеводы в этнокультурном многообразии Якутии в XX – начале XXI века

Оленеводы Якутии в современных условиях сохраняют и развивают исторически сложившийся кочевой образ жизни. Этнообразующая традиционная хозяйственная деятельность коренных народов Севера трансформировалась в течение XX – начала XXI в., испытывая на себе влияние политики и экономики государства. Тем не менее традиционная технология жизнедеятельности оленеводов в суровых природно-климатических условиях Севера показывает необходимость соблюдения основ исконно сложившегося хозяйственного занятия.

Ключевые слова: оленеводы, Якутия, кочевой образ жизни, оленеводство, традиционное хозяйство народов Севера, народы Севера, Сибирь, этнография, антропология, экология.

Для цитирования: Санникова Я.М., Винокурова Л.И., Филиппова В.В., Григорьев С.А., Сулейманов А.А. Оленеводы в этнокультурном многообразии Якутии в XX – начале XXI века. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 449–452. DOI 10.17746/0295-7.2019.449-452.

**Ya.M. Sannikova, L.I. Vinokurova, V.V. Filippova,
S.A. Grigoriev, A.A. Suleymanov**

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Yakutsk, Russia*

Reindeer Herders in the Ethnic and Cultural Diversity of Yakutia in the 20th – the Beginning of the 21st Century

The reindeer herders of Yakutia save and develop their historically established nomadic way of life. The traditional economic activities of the indigenous peoples of the North were transformed in the 20th and early 21st centuries as an influence of state policy and economics. But the traditional way of life activity of reindeer herders in cold climate of the North helps to save reindeer herding in modern conditions.

Keywords: reindeer herders, Yakutia, nomadic lifestyle, reindeer herding, traditional economics of the peoples of Siberia, peoples of the North, Siberia, ethnography, anthropology, ecology.

For citation: Sannikova Ya.M., Vinokurova L.I., Filippova V.V., Grigoriev S.A., Suleymanov A.A. Reindeer herders in the ethnic and cultural diversity of Yakutia in the 20th – the beginning of the 21st century. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 449–452 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.449-452.

Этнокультурное разнообразие Якутии определяется, прежде всего, спецификой исторически сложившегося традиционного уклада жизни каждого коренного этноса края и особенностями ведения традиционного хозяйства коренным населением. К началу XX в. Якутская губ. делилась на пять округов (Верхоянский, Колымский, Вилюйский, Олекминский, Якутский), которые состояли из 21 якутского улуса с 282 наслегами, 16 русских и 7 якутских сельских сообществ с 85 и 149 селениями и свыше 60 кочевых родов северных народов — тунгусов (эвенков), ламутов (эвенов), одулов (юкагиров) и луораветланов (чукчей). Основной отраслью хозяйства саха являлось скотоводство, сочетавшееся с земледелием, ремеслами, промыслами [Соколов, 1925]. У русских крестьян земледелие совмещалось с разведением крупного рогатого скота. Коренные северные народы в основном занимались оленеводством, рыболовным и охотничьим промыслами. В сельской местности проживало 90,6 % всех жителей Якутии. Система расселения в сельской местности определялась расположением сенокосных угодий и источников питьевой воды. На Севере расстояние между поселениями измерялось не десятками, а сотнями километров: оленеводы, охотники и рыбаки вели кочевой образ жизни, перемещаясь с одного угодья на другое, изредка посещая малые населенные пункты [Аргунов, 1985, 1988]. В комплексном северном хозяйстве кочевников Якутии оленеводство определяло весь хозяйственный цикл, уклад жизни независимо от того, были ли олени основой производства продукции или обслуживающим гужевым транспортом для промыслов.

Кочевой образ жизни оленных народов Якутского края трансформировался в течение XX в. под воздействием политики и экономики государства. В течение 1930-х гг. в 19 северных и национальных районах Якутии в три этапа была проведена политика огосударствления традиционных хозяйственных занятий всех коренных народов Севера Якутии [Тарасов, 1967]. Оленеводы и их хозяйства командно-административным путем были вовлечены в обобществленный сектор экономики и переведены в колхозы. Государственная политика изменила естественную систему жизнедеятельности народов Севера: они были включены в общий процесс формирования социально-экономических преобразований в стране. Им была отведена роль поставщика пушнины, продовольствия и гужевого транспорта для строительства объектов промышленности и транспорта на Крайнем Севере [Боякова, 1995].

В течение 1950—1980-х гг. оленные народы пережили десятилетия образа жизни кочевников советского хозяйства — с политикой переселения и перевода на оседлый образ жизни. При этом они в непосредственном процессе развития оленеводческой отрасли сохраняли суть кочевой жизни, т.к. оленеводство невозможно без сохранения традиционного уклада жизни северных народов. Вне зависимости от политической и социально-экономической обстановки традиционная жизнедеятельность оленеводов в суровых природно-климатических условиях Севера выражена в необходимости соблюдения основ исконно сложившегося хозяйственного занятия; в качестве определяющих можно выделить следующие: маршруты кочевания с сезонной миграцией оленей в конкретных заданных пастбищных территориях; региональные особенности видов выпаса оленей, преимущественно свободного; повседневная форма труда оленеводов и материальная, духовная стороны северной системы жизнеобеспечения; традиционные знания и ресурсосберегающее традиционное природопользование [Курилюк, 1982; Баскин, 2005; Такакура, 2005].

В 1933 г. поголовье оленей насчитывало 142,0 тыс. голов, с разной интенсивностью динамики изменения численности в 1981 г. оно достигло наибольшего количества — 380,0 тыс. голов, после чего их число уменьшалось, особенно в последнее десятилетие XX в., и составило в 2000 г. 165,0 тыс. голов. К 2012 г. поголовье увеличилось до 194,9 тыс., но в 2016 г. снизилось до 156,0 тыс. голов [Якутия, 2001]. Несмотря на то, что оленеводство остается одним из ведущих традиционных хозяйственных направлений республики и оленеводы представляют одно из уникальных явлений в этнокультурном многообразии Якутии, в современном хозяйственном развитии есть ряд препятствий, через которые вынуждены пройти оленные народы, чтобы и в XXI в. сохранить феномен традиционного образа жизни [Vinokurova et al., 2017].

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-11-14003 «Кочевники Севера: антропология образа жизни оленеводов Якутии (XX – начала XXI в.)»).

Список литературы

- Аргунов И.А.** Социальное развитие якутского народа. – Новосибирск: Наука, 1985. – 320 с.
- Аргунов И.А.** Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР. – Якутск: Кн. изд-во, 1988. – 232 с.
- Баскин Л.М.** Прогноз развития оленеводства в XXI в. // Наука – оленеводству. – Новосибирск: Наука, 2005. – С. 27–35.
- Боякова С.И.** Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии (1932 – июнь 1941 г.). – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 80–113.
- Курилюк А.Д.** Оленеводство Якутской АССР. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – 159 с.
- Соколов М.П.** Якутия по переписи 1917 г. – Иркутск: Якутск. стат. упр., 1925. – 137 с.
- Тарасов И.А.** КПСС – организатор социалистического преобразования хозяйства малых народностей Севера. – Якутск: Кн. изд-во, 1967. – 175 с.
- Такакура Х.** Оленеводческие хозяйства на Севере Якутии: интерпретации культурных значений в контроле оленьих стад // Современная Арктика: опыт изучения и проблемы. – Якутск: Изд-во СО РАН, Якут. фил., 2005. – С. 86–106.
- Якутия: XX век в зеркале статистики.** – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001. – 294 с.
- Vinokurova L., Filippova V., Suleymanov A., Grigoriev S., Sannikova Ya.** Nomads of the North: reindeer breeders in Yakutia // SGEM 2017 Conference on Social Science and Arts. – Sofia, 2017. – P. 293–300.

References

- Argunov I.A.** Sotsial'noe razvitie yakutskogo naroda. Novosibirsk: Nauka, 1985, 320 p. (in Russ.).
- Argunov I.A.** Sotsial'naya sfera obraza zhizni v Yakutskoi ASSR. Yakutsk: Knizhnoe izd-vo, 1988, 232 p. (in Russ.).
- Baskin L.M.** Prognoz razvitiya olenevodstva v XXI v. In *Nauka – olenevodstvu*. Novosibirsk: Nauka, 2005, pp. 27–35 (in Russ.).
- Boyakova S.I.** Glavsevmorput' v osvoenii i razvitiu Severa Yakutii (1932 – iyun' 1941 g.). Novosibirsk: Nauka, 1995, pp. 80–113 (in Russ.).

Kurilyuk A.D. Olenevodstvo Yakutskoi ASSR. Yakutsk: Knizhnoe izd-vo, 1982, 159 p. (in Russ.).

Sokolov M.P. Yakutiya po perepisi 1917 g. Irkutsk: Yakutsk. stat. upr., 1925, 137 p. (in Russ.).

Takakura Kh. Olenevodcheskie khozyaistva na Severe Yakutii: interpretatsii kul'turnykh znachenii v kontrole olen'ikh stad. In *Sovremennaya Arktika: opyt izucheniya i problemy*. Yakutsk: SB RAS Publ., Yakut. fil., 2005, pp. 86–106 (in Russ.).

Tarasov I.A. KPSS – organizator sotsialisticheskogo preobrazovaniya khozyaistva malyykh narodnostei Severa. Yakutsk: Knizhnoe izd-vo, 1967, 175 p. (in Russ.).

Vinokurova L., Filippova V., Suleymanov A., Grigoriev S., Sannikova Ya. Nomads of the North: reindeer breeders in Yakutia. In *SGEM 2017 Conference on Social Science and Arts*, Sofia, 2017, pp. 293–300 (in Engl.).

Yakutiya: XX vek v zerkale statistiki. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 2001, 294 p. (in Russ.).

Сведения об авторах:

Санникова Я.М. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
e-mail: sannikowa@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0002-7430-8783;

Винокурова Л.И. – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,

e-mail: lilivin@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0002-5779-6893;

Филиппова В.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
e-mail: filippovav@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0002-3900-918X;

Григорьев С.А. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,

e-mail: detample@yandex.ru,

https://orcid.org/0000-0001-9365-0122;

Сулейманов А.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,

e-mail: alexas1306@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0001-8746-258X.

Я.М. Санникова
*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

Представители традиционного хозяйства Севера в современном этнокультурном развитии Якутии

На локальных примерах полевых исследований показано отношение северных народов к своей хозяйственной деятельности и в целом к традиционному укладу жизни в сельской местности. Мнения представителей традиционного хозяйства Севера подтверждают, что в этнокультурном разнообразии многонациональной Якутии традиционный хозяйственный образ жизни коренных народов является одной из основ устойчивого развития республики.

Ключевые слова: *традиционное хозяйство, сельские труженики, якутские традиции, народы Севера, Сибирь, Север, Якутия, этнография, антропология, экология.*

Для цитирования: Санникова Я.М. Представители традиционного хозяйства Севера в современном этнокультурном развитии Якутии. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 453–455. DOI 10.17746/0295-7.2019.453-455.

Ya.M. Sannikova
*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Yakutsk, Russia*

Rural Workers of the Traditional Northern Economy in the Modern Ethnocultural Development of Yakutia

Relation of rural workers of northern farms to their economic activities and traditional way of life in rural areas are showed as results of field studies. In the ethnic and cultural diversity of Yakutia, the traditional economic way of life of the indigenous peoples is the basis for the sustainable development of the region.

Keywords: *traditional economics, rural workers, Yakutian traditions, peoples of the North, Siberia, the North, Yakutia, ethnography, anthropology, ecology.*

For citation: Sannikova Ya.M. Rural workers of the traditional northern economy in the modern ethnocultural development of Yakutia. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 453–455 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.453-455.

В этнокультурном многообразии Якутии одной из основ устойчивого развития региона является сохранение и развитие исконно сложившейся особой хозяйственной системы жизнедеятельности коренного населения, которая в современных условиях вот уже почти столетие развивается в рамках аграрной экономики государства. Традиционными хозяйственными занятиями коренных народов края – эвенков, эвенов, юкагиров, долган, русских старожил, саха – являются оленеводство, скотоводство, табунное коневодство, охотничий и рыболовный промыслы. Как правило, северное

комплексное хозяйство к основному хозяйственному направлению развивает дополнительно и другие. Население республики характеризуется значительным удельным весом сельских жителей: 2012 г. — 338,8 тыс. чел., или 35,9 %, 2017 г. — 332,3 тыс. чел., или 34,5 % от общей численности населения республики. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в улусах республики проживают 69,9 % саха, 86,3 % эвенков, 85,6 % эвенов, 95,3 % долган, 83,5 % юкагиров и 91,2 % чукчей. Исконно в аграрном секторе экономики занято коренное население, в 2012 г. в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве работали 9,7 тыс. чел. (2,7 %); в 2017 г. — 7,3 тыс. чел. (2,2 %) [Сельское хозяйство..., 2016, с. 17–18; ТОГС по РС(Я)].

В этой связи в контексте изучения современного этнокультурного развития нашего северного региона интересным является вопрос отношения тружеников к своей хозяйственной деятельности и в целом к традиционному укладу жизни в сельской местности, который можно наглядно показать на конкретных примерах (ПМА. Оленекский национальный эвенкийский р-н, 2015 г., Среднеколымский улус, 2015 г., 2018 г.). Так, во время полевых мониторинговых исследований 2010-х гг. традиционного хозяйства в с. Сватай Среднеколымского улуса практически все респонденты ответили, что их хозяйство — это по сути продолжение традиционного образа жизни их родителей и предков предыдущих поколений. Самым важным для них является возможность потребления продукции собственного производства и сам процесс труда: разведение скота, лошадей, уход за ними (особенно за скотом в коровнике — для старшего поколения это практически философия жизни — возможность разговаривать со своими коровами, скотом, забыть о трудностях жизни, болезнях, возрастных недомоганиях). Представители хозяйств также думают, что жители села, особенно среднего возраста, и в будущем хотели бы разводить скот и лошадей. И хотя это и очень сложно в их природных, погодных условиях, считают, что именно развитие скотоводства и табунного коневодства будет оставаться основой социального развития села, обеспечения своего населения молоком, молочными продуктами и в целом сельскохозяйственной продукцией. Некоторые хозяева ориентированы при достижении ими пенсионного возраста постепенно перейти преимущественно на традиционный охотничий промысел и оставить поголовье только для собственного потребления.

По результатам социологического опроса 2015 г. во время проведения этнологической экспертизы в Оленекском национальном эвенкийском р-не был также изучен вопрос о наличии личного хозяйства и его значении для семей. Практически все хозяйства района занимаются охотой на диких северных оленей, а также рыболовным промыслом. Определенная часть взрослого населения на протяжении года фактически проживает в местах ведения традиционной хозяйственной деятельности на природе: 30 % находятся здесь постоянно, а 19,3 % выезжают по несколько раз в неделю и в месяц. Сезонно систематически выезжают в места традиционного природопользования 46,6 % населения. В процентном соотношении хозяйственных целей выхода населения в места традиционного природопользования самой популярной является выход для собирательства — для 68,6 % населения; для охоты и рыболовства — по 43,6 %, также стабильным является выход для заготовки древесины для собственного потребления — 24,6 %.

Наличие подсобного хозяйства (речь идет как о традиционных для коренного населения хозяйственных направлениях, так и об огородничестве) и его значение для

семей выглядит следующим образом. Согласно результатам опроса, в трех из четырех наслегов Оленекского р-на 47,6 % людей держат свое подсобное хозяйство. При этом 37,3 % – в виде теплиц, огородов, т.е. приусадебного участка, 19,6 % – в виде земельных участков и сельхозугодий, 11,3 % содержат домашних животных. В первую очередь, население воспринимает свое хозяйство как источник здорового питания, натуральной пищи (36 %) и считает сложившимся образом жизни (16 %). Поэтому 73,6 % населения держат подсобное хозяйство только для своей семьи и не занимаются продажей продукции; для 20,2 % населения подсобное хозяйство является основным или дополнительным источником бюджета семьи, а 12,6 % занимаются продажей продукции. Работу в подсобном хозяйстве считают любимым видом деятельности семьи 11 % населения, формой самозанятости – 8,6 %.

Локальные примеры полевых исследований в северных районах показывают, что в этнокультурном многообразии Якутии сельское коренное население продолжает, по сути, традиционный хозяйственный образ жизни предыдущих поколений, и их повседневная трудовая деятельность основана на стремлении сохранить свои традиционные жизненные стратегии в современных условиях. Это является обеспечением воспроизводства хозяйственных традиций, самобытного уклада жизни коренных народов Якутии.

Список источников

Сельское хозяйство в Республике Саха (Якутия) за 2010–2015 гг. Статистический сборник № 17/492. – Якутск: ТОГС РС (Я), 2016. – 170 с.

ТОГС РС (Я). Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РС (Я). – URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/enterprises/agriculture/ (дата обращения: 03.05.2018).

References

Sel'skoe khozyaistvo v Respublike Sakha (Yakutiya) za 2010–2015 gg. Statisticheskii sbornik No. 17/492. Yakutsk: TOGS RS (Ya), 2016, 170 p. (in Russ.).

TOGS RS (Ya). Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po RS (Ya). URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/enterprises/agriculture/ (accessed: 03.05.2018) (in Russ.).

Сведения об авторе:

Санникова Я.М. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, e-mail: sannikowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7430-8783>.

Построение гражданской нации в России (дореволюционный и современный срезы)

Многообразие вариантов экономического, культурного, социально-политического развития разных стран, регионов и народов породило противоречия и одновременное существование противоположных тенденций. Одним из наиболее заметных проявлений данного процесса является распространение идеологий универсализма и партикуляризма, глобализации и локализации. Это обусловило актуальность обращения к вопросам солидаризации общества, построению общегражданской нации.

Ключевые слова: *общегражданская идентичность, российская гражданственность, полиэтничное, поликонфессиональное общество.*

Для цитирования: Солодова Г.С. Построение гражданской нации в России (дореволюционный и современный срезы). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 456–458. DOI 10.17746/0295-7.2019.456-458.

G.S. Solodova
*Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch, Russian Academy of Science,
Novosibirsk, Russia*

Creating a Civic Nation in Russia (Pre-Revolutionary and Modern Time)

The emergence of a variety of options for the economic, cultural, socio-political development of different countries, regions and peoples gave rise to contradictions and the simultaneous existence of opposing tendencies. One of the most visible manifestations of this process is the spread of ideologies of universalism and particularism, globalization and localization. This led to the urgency of addressing the issues of solidarization of society, the construction of a common civil nation.

Keywords: *civil identity, Russian citizenship, polyethnic, multi-confessional society.*

For citation: Solodova G.S. Creating a civic nation in Russia (pre-revolutionary and modern time). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 456–458 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.456-458.

Несмотря на провозглашаемый выход современного мира «за узкие рамки социальной локальности» и распространение «универсалистской» идеологической ориентации, современный мир активно демонстрирует противоположные тенденции. Возрастает напряженность между распространением универсалистской доктрины и ее противоположностью в виде идеологии и реальных практик этнического национализма и расизма. Данное явление не является чем-то принципиально новым. Обращение к историческому контексту демонстрирует примеры культурного, этнического

и религиозного разделения на «своих» и «чужих», их внятной и понятной иерархии. Классическим примером проявления подобного этноцентризма является древнегреческое разделение народов на цивилизованных, т.е. самих эллинов, и диких варваров. Логическим следствием подобной категоризации является разная «весомость», «оценочная стоимость» культурного вклада, личностных, морально-этических качеств представителей разных этнических групп. Принадлежность к «своей» группе воспринималась как заведомый показатель более высокой культуры, нравственности. Исторически традиционным следствием расизма и такой формы его проявления как ксенофобия, являются практики депривации, исключения всего «чуждого», «варварского», вплоть до крайней формы отторжения — физического истребления.

Категории расы, нации, этнической группы несут в себе интерпретативную функцию и могут использоваться в инструментальных, политических целях, являться основой солидаризации на базе «аскриптивных» признаков. В условиях активных территориальных мобильностей, роста полиэтничности их артикуляция может вести к фрагментации общественного пространства [Краснопольская, 2013].

Полиэтничность и поликонфессиональность — исторический факт и атрибут Российской империи, Советского Союза и современной России. Религиозная и этническая неоднородность дореволюционной России, максимально проявившаяся во второй половине XIX — начале XX в., обуславливала необходимость учета поликонфессиональности в государственном управлении. Выработка политического, законодательно закрепленного способа управления этническим, религиозным и культурным разнообразием становится задачей государственного уровня.

Логично, что в одной из первых статей Высочайше утвержденных Основных Государственных Законов Российской Империи были закреплены единство и неделимость Российского государства: «Государство Российское едино и нераздельно» [Свод..., 1906]. Церковным и светским службам вменялось в обязанность прилагать старание, чтобы между подданными «не могло быть никакого разногласья, а паче б между ними любовь, тишина и согласие царствовало» [Полное собрание..., 1830].

Другим важным фактором консолидации общества было избрание и закрепление русского языка как «общегосударственного»: «Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами» [Свод..., 1906]. Наличие «общегосударственного» языка априори является фундаментальной основой для межэтнического общения, гражданского, культурного единства страны. Распространение русского языка и русской культуры явилось способом сближения разных народов империи, стало механизмом расширения государственного влияния и контроля, достижения «общего течения русской государственной жизни».

Анализ законодательного регулирования религиозно-конфессиональной сферы позволяет заключить, что наряду с индивидуальной свободой вероисповедания и веротерпимостью основными принципами были закрепление православия в качестве преобладающего исповедания, предотвращение перехода православных в «иностранные вероисповедания», поощрение принятия христианства иноверцами. Основным критерием регулирования и упорядочивания жизни разных народов было выбрано вероисповедание, их религиозная принадлежность. Данный принцип был значим как во внешнеполитическом контексте, так и во внутригосударствен-

ном управлении. Интегрирующим, не зависимым от религиозной принадлежности и сословия, было требование подчинения всех подданных предписанным законам.

Советское время – время «победившего атеизма» и построения единой политической общности советского народа. В этом смысле советский опыт оказывается созвучным современному пониманию нации. Из этнического поля – понимания нации как этнического сообщества – этнонации, оно перешло в область политической культуры – нации как политического сообщества, принадлежности к государству, самоидентификации с ним. Заметим, что такая интерпретация категории нации кардинально расходится с представлением, длительно существовавшим в отечественной этносоциологии. Вместе с тем процессы глобализации, информационных технологий и трансграничных миграций существенно повысили возможности межкультурных коммуникаций. Вопрос заключается в том, будут ли использованы эти возможности и состоится ли межкультурный диалог, станет ли гражданская нация достаточно мощным инструментом общественной солидаризации.

В качестве некоторого итога заметим, что и дореволюционный, и советский опыт регулирования вопросов вероисповедания и этничности, несмотря на его дискуссионность, носил четко очерченный целевой характер и был подчинен государственной целостности и стабильности.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-03-50224 «Социальные аспекты государственных и религиозных принципов выстраивания межрелигиозных взаимодействий (дореволюционный и современный срезы)»).

Список литературы

Краснопольская И.И., Солодова Г.С. Социальное конструирование этничности // Социологические исследования. – 2013. – № 12. – С. 26–34.

Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: 1770–1774 гг. – СПб., 1830. – Т. 19. – С. 775–776.

Свод законов Российской империи. – СПб., 1906. – Т. I, ч. I.

References

Krasnopol'skaya I.I., Solodova G.S. Sotsial'noe konstruirovanie etnichnosti. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013, No. 12, pp. 26–34 (in Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. *Sobranie pervoe: 1770–1774 gg.* St. Petersburg, 1830, vol. 19, pp. 775–776 (in Russ.).

Svod zakonov Rossiiskoi Imperii. St. Petersburg, 1906, vol. I, pt. I (in Russ.).

Сведения об авторе:

Солодова Г.С. – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН,

e-mail: gsolodova@gmail.com,

https://orcid.org/0000-0002-8577-5926.

Символы идентичности у китайских мигрантов в Баргузинской долине Республики Бурятия в XX–XXI веках

В статье рассматриваются культурные символы, которые позволили китайским мигрантам, поселившимся в Баргузинской долине в начале XX в., сохранить этническую идентичность. Символы выявляются, согласно принципам методологии Н.Л. Жуковской, на основе полевых материалов автора и других источников. В отечественной этнографии о жизни китайских мигрантов в с. Аргада Курумканского р-на мало фактов, что характеризует уникальность использованных и представленных в статье материалов.

Ключевые слова: *китайские мигранты, золотодобыча в Баргузине, баргузинские буряты, китайцы в Сибири, культурные символы, этнография, этническая идентичность, антропология.*

Для цитирования: Лыгденова В.В. Символы идентичности у китайских мигрантов в Баргузинской долине Республики Бурятия в XX–XXI веках. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 459–461. DOI 10.17746/0295-7.2019.459-461.

V.V. Lygdenova
*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Science,
Novosibirsk, Russia*

Symbols of Identity among Chinese Migrants in Barguzin Valley of the Republic of Buryatia in 20th–21st Centuries

Symbols of identity among Chinese migrants that settled in Barguzin Valley in the beginning of the 20th century that helped them to preserve their ethnical identity are considered in the present article. According to principles of the methodology by N.L. Zhukovskaya these symbols are revealed on the basis of the author's field materials and other resources. In Russian ethnography there is a gap of information about Chinese migrants in Kurumkansky region of the Republic of Buryatia and it shows specifics of the used materials.

Keywords: *Chinese migrants, gold mining in Barguzin, Barguzin Buryats, Chinese in Siberia, cultural symbols, ethnography, ethnical identity, anthropology.*

For citation: Lygdenova V.V. Symbols of identity among Chinese migrants in Barguzin Valley of the Republic of Buryatia in 20th–21st centuries. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 459–461 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.459-461.

Сохранение этнической идентичности в условиях миграции и проживания за рубежом является наиболее комплексной проблемой, для решения которой необходимы культурные символы, позволяющие мигрантам сохранить идентичность и передать ее своим потомкам. Именно символы, представляющие собой культурные «коды», становятся необходимыми скрепами для сохранения идентичности

мигрантами в условиях проживания в чужеродной среде. Цель настоящей статьи – рассмотреть и выявить символы, которые были использованы для сохранения идентичности китайскими мигрантами, вынужденными остаться на длительное проживание в России в начале XX в.

Во второй половине XIX в. американские компании арендовали участки на севере Сибири в Баунтовском р-не Бурятии, где занимались золотодобычей [Лыгденова, 2018]. Туда направлялись многие бедные китайцы на заработки. Многие оставались на севере надолго, периодически выезжая в Китай. После революции 1917 г. работа на приисках была приостановлена, но многие китайцы не смогли выехать обратно на родину, т.к. граница с Китаем была закрыта. В связи с этим большая часть китайских мигрантов вынуждена была остаться в Сибири. В нашем исследовании используются полевые материалы и интервью с потомками этих мигрантов. Используются методологические принципы, разработанные Н.Л. Жуковской, для выявления символов, которые сыграли ключевую роль в сохранении идентичности китайских мигрантов [1988].

На севере Республики Бурятия возле с. Аргада Курумканского р-на есть поселение Шанхай, которое основали и в котором с 1930-х гг. проживали мигранты из Китая. Согласно материалам интервью с очевидцами, они поселились в этой местности по договоренности с председателем местного колхоза и занимались огородничеством при колхозе им. Калинина. Л.Н. Раднаева – одна из дочерей китайского эмигранта, известного под именем Людофун, вспоминает, что они с малолетства занимались огородничеством, как и многие другие их соотечественники (ПМА). Первоначально местные жители с недоверием относились к приезжим. Многим были незнакомы помидоры, арбузы, укроп и др. посадочные культуры, т.к. в данной местности большинство бурят занимались скотоводством. Так, дочь Людофуна вспоминает: «Помидор туршаад манай классай хубүүд: “һүү! Ямар муухайм! – Гэлдэхэ» (бур. «Попробовав помидоры, наши одноклассники сказали: «Фу! Какая гадость!»). Еще она помнит, что первоначально буряты называли помидоры едой для скота, а не для людей. Однако в голодные военные и послевоенные годы буряты работали вместе с китайцами в колхозе, выращивая для фронта картофель и др., и понемногу стали заимствовать огороднические навыки китайцев [Баторова, 2017, с. 3].

Другим символом китайской культуры для местного населения была китайская медицина. Людофун был одним из самых известных врачей, т.к. знал рецепты изготовления многих лекарственных препаратов. Например, он выдавал своим больным рыбий жир, который изготавливал из местной озерной рыбы. Его дочь вспоминает, что сами врачи направляли к ее отцу безнадежно больных людей, которых он ставил на ноги с помощью своих лекарств.

Ю.С. Бадмаева (1938 г.р.), которая во время войны и в послевоенное время работала с китайцами в колхозе, называет наиболее явные символы китайской культуры: огородничество, поселение с китайским названием «Шанхай» (в котором жили не только китайские мигранты, но и русские, и татары), китайские овощи, китайские лекарства, китайский язык, китайские имена, трудолюбие и дружелюбие китайцев (ПМА). Для Л.Н. Раднаевой символами собственной идентичности стали китайский язык, трудолюбие, огородничество, празднование китайского Нового года, стремление отца укрепить дружеские отношения с местными жителями, которым он помогал лекарствами и провизией. Она также вспоминает о помощи, которую

ее отец и местные жители с. Аргада оказывали буддийским ламам, подвергшимся гонению в советский период. Буддийская культура связывала китайских мигрантов и бурят. В то же время китайские мигранты в течение многих лет сохраняли свою идентичность, оставшись в Бурятии даже после открытия границы. Помимо владения китайским языком наряду с бурятским и русским языками, они придерживались своих традиций празднования китайского Нового года, готовили китайские блюда, занимались огородничеством, сохранили традиционную медицину. Как проживающие в Баргузинской долине буряты, так и сами потомки китайцев в своих интервью называют трудолюбие и дружелюбие основными качествами, характеризующими и символизирующими китайскую культуру.

Таким образом, культурные символы, которые выделяют информанты — как мигранты-носители этой культуры, так и представители местного населения, — совпадают. Это говорит о том, что выделенные ими культурные категории: китайские названия (поселение Шанхай), китайский язык, национальные праздники, владение навыками огородничества, лечения, определенная манера общения и трудолюбие как характерный признак идентичности — также являются символами, позволившими данной этнической группе сохранить свои национальные традиции.

Список литературы

Баторова Д.В. Бурядууд Людофунг эхэ хүндэлдэг байгаа! // Нютаг Хэлэн / Диалекты. — 2017. — № 21. — С. 3.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. — М.: Наука, 1988. — 198 с.

Лыгденова В.В. Межкультурные взаимодействия баргузинских бурят в конце XIX — начале XX века: одежда, архитектура, земледелие // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — 2018. — Т. XXV. — С. 412–415.

References

Batorova D.V. In Buryatia Lyudofun were respected. Nyutag Khelen. *Dialekty*, No. 21, 2017, p. 3 (in Buryat.).

Lygdenova V.V. Intercultural communications in the Barguzin Buryats at the late 19th — early 20th centuries. *Problems of Archaeology, Ethnology and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2018, vol. XXIV, pp. 412–415 (in Russ.).

Zhukovskaya N.L. Kategorii i simvolika traditsionnoj kul'tury mongolov. Moscow, Nauka, 1988, 198 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Лыгденова В.В. — кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН,

e-mail: victoria.lygdenova@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0003-4277-8155>.

Многофакторный подход к этногенезу тюркских народов Саяно-Алтая

Статья посвящена исследованию этногенеза древнетюркских народов Саяно-Алтая на основе выводов ряда независимых научных дисциплин — археологии, антропологии, генетики, палеоэтнографии, искусствоведения и лингвистики. Погребальный обряд и разнообразные предметы из курганов свидетельствуют о сохранении традиций с середины I тыс. до н.э. и до Средневековья. На основании корреляции разных источников, истоки древнетюркской культуры Саяно-Алтая могут быть удревнены до VIII–VI вв. до н.э., т.е. на тысячу лет раньше принятого в современной научной литературе V в. н.э.

Ключевые слова: народы Саяно-Алтая, этногенез, археология, пазырыкская культура, киммерийцы, древние тюрки.

Для цитирования: Марсадолов Л.С. Многофакторный подход к этногенезу тюркских народов Саяно-Алтая. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 462–467. DOI 10.17746/0295-7.2019.462-467.

L.S. Marsadolov
State Hermitage Museum,
St. Petersburg, Russia

Multifactorial Approach to Ethnogenesis Turkic People of Sayan-Altai

The article is dedicated to the study of the ethnogenesis of the ancient Turkic peoples of the Sayan-Altai on the basis of the findings of a number of independent scientific disciplines — archeology, anthropology, genetics, paleoethnography, art and linguistics. The funeral rite and various objects from barrows testify to preservation of traditions from the middle of the 1st Millennium BC and to the middle ages. Based on the correlation of different sources, the origins of the ancient Turkic culture of Sayan-Altai can be dated to the 8–7th centuries BC, i.e. a thousand years earlier than the accepted in the modern scientific literature of the 5th century AD.

Keywords: peoples of Sayan-Altai, ethnology, archaeology, Pazyryk culture, Cimmerians, ancient Turks.

For citation: Marsadolov L.S. Multifactorial approach to ethnogenesis Turkic people of Sayan-Altai. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 462–467 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.462-467.

Многофакторный научный подход позволяет выявить влияние двух или более независимых объясняющих признаков на один зависимый объясняемый признак. Признаками могут быть явления, объекты, статистические данные и научные дисциплины. В данной статье зависимый признак — новая дата истоков этногенеза

древнетюркских народов — будет проанализирован с помощью корреляции выводов ряда независимых научных дисциплин — археологии, генетики, палеоэтнографии, культурологии, искусствоведения и лингвистики.

Основными последовательными ступенями многофакторного анализа являются:

- определение и осознание цели и задач исследования;
- накопление и систематизация разных независимых источников по этой проблеме;
- выявление основных факторов, которые могут помочь в решении данной проблемы;
- анализ каждого фактора по отдельности и критический подход к полученным данным;
- общий синтез и корреляция выводов по разным факторам;
- интерпретация полученных взаимосвязанных данных;
- основные выводы.

Цель данной статьи — на основе детального анализа разных источников показать, что истоки этногенеза древнетюркской культуры народов Саяно-Алтая и, вероятно, других регионов Евразии можно перенести на тысячу лет раньше, чем это принято сейчас.

Археологические источники. В зависимости от разработанности хронологических шкал в разных регионах Евразии, например, для Алтая, можно произвести более дифференцированный анализ памятников VIII, затем VII, VI вв. до н.э. и далее до современности. Следует отметить, что ситуация в Евразии существенно менялась. Внезапное появление множества инноваций может быть объяснено приходом на Алтай в начале VI в. до н.э. новых групп кочевников из Передней Азии и Кавказа. По археологическим материалам прослежено, что для киммерийцев Гордиона, пазырыкцев, древних тюрок и кимаков Алтая был характерен обряд погребения человека с конем (рис. 1, 8–12) [Марсадолов, 1997, 2006]. На территории Анатолии в Турции, в районе заграничных военных лагерей *киммерийцев* в Гордионе, можно найти прототипы погребального обряда, кольчатых удиц, изображений сфинкса, сцен терзания хищником копытных животных, которые были неизвестны ранее на Саяно-Алтае (рис. 1, 18–26).

Палеоэтнография — это раздел исторической этнографии, изучающий и реконструирующий культурные и бытовые особенности древних народов в основном по археологическим материалам. Одежда, головные уборы, музыкальные инструменты, посуда, украшения, хорошо сохранившиеся в пазырыкских курганах с мерзлотой, позволяют проследить их развитие на протяжении ряда столетий [Руденко, 1960; Полосьмак, 1994].

На костяной пластинке из Гордиона (VII в. до н.э.) изображен воин в шлеме с загнутой вперед верхней частью. Близкие по форме войлочные шлемы были найдены и на Алтае в могильниках Ак-Алаха-1 и Верх-Кальджин II (рис. 1, 6) [Полосьмак, 1994; Молодин, 1995]. По более ранним греческим изображениям VI в. до н.э. известно, что такие шлемы носили киммерийские воины, о чем свидетельствует надпись, находящаяся рядом с лучником (рис. 1, 1, 5, 7).

Антропология и генетика. Антропологи пришли к выводу о большом сходстве пазырыкцев Алтая со скотоводческим «населением северных районов Передней Азии и южных районов Средней Азии» [Чижишева, 2010].

Антропологические и этнические образы	
Археология, палеоэтнография	Гордион, Анатолия, VII в. до н.э. Пазырыкская культура, Алтай, VI-V вв. до н.э. Древнетюркская культура, Алтай, VI-VIII вв. н.э. Кимаки, Зап. Алтай, IX-XI вв.
Руника	
«Искусство»	

Наиболее ярко антропологический тип такого представителя «кавказско-переднеазиатского» облика можно видеть на большом войлочном ковре местной работы из кургана Пазырык-5 на Алтае (рис. 1, 2, 4).

В ходе генетических исследований антропологических материалов древних кочевников Евразии международной группой палеогенетиков и археологов в 2014–2016 гг. был сделан вывод об определенном генетическом сходстве восточных кочевников скифского времени с более поздним во времени кочевым тюркоязычным населением [Unterlander et al., 2017].

Рунология. Среди ученых пока нет единого мнения об истоках и эволюции рунической письменности народов Центральной Азии. На территории Анатолии, в т.ч. и в Гордионе, на предметах из разных материалов были обнаружены многочисленные надписи, алфавит которых может рассматриваться как праоснова древнетюркской руники (рис. 1, 15, 16).

Особо интересна в Гордионе надпись “АТА”, сделанная на верхней части бронзового сосуда, которую можно перевести с тюркского языка как «отец» (рис. 1, 13). На греческом языке имя скифского царя скифов «Атей» пишется как “Ατεας”, но на монетах царя Атея оно написано иначе – “ΑΤΑΙΑΖ” [Анохин, 1965] (“Ата” – «отец», “Ι” – соединяющая частица, “ΑΖ” – «аз»), что в целом можно читать так: «Отец Аз/Ас-ов» (рис. 1, 14). Этнонимы «ас» встречаются не только на Кавказе, но и в других регионах Евразии. Только самые выдающиеся, опытные и уважаемые правители древности и современности получали почетное имя “Ата” = «Отец» (в XX в. в Турции – “Ataturk” – «Отец турок»).

Об этнониме «киммерийцы». Ученые предложили несколько вариантов этимологии термина «киммерийцы» [Дьяконов, 1981]. Наиболее вероятно происхождение от *kemer-, kimer-* («гора») = «кимер»-ийцы («горцы»). Позднее «горцами» называли ряд народов Кавказа, а в Турции – город Кемерли; Гамирк – армянское название Каппадокии, где много гор и отмечено пребывание киммерийцев и т.д. Этноним «киммерийцы», возможно, позднее трансформировался на Алтае и в Казахстане в этнос «кимаки».

История + письменные источники. Большинство ученых относят возникновение древнетюркской культуры и этноса ко 2-й половине V в. н.э. и связывают с переселением в 460 г. на Алтай племени «ашина».

Кратко рассмотрим более ранние события на территории Евразии. С начала 440-х гг. до н.э. обострилась политическая обстановка в Китае, началась долгая междоусобная борьба, что привело к ослаблению торговых связей и уходу в северо-западные районы Китая части кочевников, в т.ч. и пазырыкцев. Вероятно, под

Сопоставление материалов разных исторических периодов с территории Евразии.

1 – всадник из Гордиона (Анатолия, Турция); 2 – всадник на ковре из Пазырыка-5, Алтай (V в. до н.э.); 3 – современная фотография турка; 4 – прорисовка головы всадника на войлочном ковре (2); 5, 7 – изображения киммерийцев на греческих вазах (VI в. до н.э.); 6 – войлочный шлем, Верх-Кальджин, Алтай, раскопки В.И. Молодина (V–IV вв. до н.э.); 8–12 – деревянные погребальные камеры и погребения человека с конем: 8 – Гордион; 9 – Туэкта-2; 10 – Кок-су 1, кург. 12; 11 – Катанда-3, кург. 16; 12 – Зевакино; 13, 15–16 – надписи на предметах из Гордиона (13а – слово “АТА” = «Отец»); 14 – монета скифского царя Атея, IV в. до н.э. (14а – надпись на монете – “ΑΤΑΙΑΖ” = «Отец Аз/Ас-ов»); 17 – надпись на дне серебряной чаши из кургана Иссык, Казахстан (V–IV вв. до н.э.); 18–22 – материалы из Гордиона и Анатолии (VIII–VII вв. до н.э.); 23–26 – материалы из больших курганов Алтая (VI–V вв. до н.э.): 23–25 – Башадар-2; 26 – Пазырык-2.

давлением хуннов и других народов в III—I вв. до н.э. часть пазырыкцев Алтая переселилась в горные районы Восточного Туркестана (Синьцзян, около Гао-чана), откуда ок. 460 г. н.э. вновь возвратилась на Алтай.

В целом комплексное изучение разнородных факторов будет способствовать более глубокому познанию и систематизации баз данных в разных научных дисциплинах, а также детальному исследованию ранних этапов этногенеза и поиску этнокультурной идентичности древнетюркских народов.

Список литературы

Анохин В.А. Монеты скифского царя Атея // Нумизматика и сфрагистика. — Киев: Наукова думка, 1965. — Т. 2. — С. 3–15

Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории (киммерийцы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). — М.: Наука, 1981. — С. 90–100.

Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). Саяно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1997. — Вып. 1. — 56 с.

Марсадолов Л.С. Гордион в Анатолии (Турция) — военная база кочевников Евразии в VIII–VI веках до н.э. // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съезда (23–28 октября 2006 года). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. — Т. II. — С. 40–42.

Молодин В.И. Исследование кургана с мерзлотой могильника Верх-Кальджин II // Археологические открытия 1994 года. — М.: Наука, 1995. — С. 292–293.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). — Новосибирск: Наука, 1994. — 125 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 359 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железного века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Новосибирск, 2010. — 51 с.

Unterlander M., Palstra F., Lazaridis I., Pilipenko A., Hofmanova Z., Gro M., Sell C., Blocher J., Kirsanow K., Rohland N., Rieger B., Kaiser E., Schier W., Pozdniakov D., Khokhlov A., Georges M., Wilde S., Powell A., Heyer E., Currat M., Reich D., Samashev Z., Parzinger H., Molodin V., Burger J. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe // Nature Communication. — 2017. — Vol. 8. — N 14615. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5337992/> (дата обращения: 18.01.2019).

References

Anokhin V.A. Monety skifskogo tsarya Ateya. *Numizmatika i sfragistika*. Kiev: Naukova dumka, 1965, vol. 2, pp. 3–15 (in Russ.).

Chikisheva T.A. Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita — rannego zhelezhnogo veka: d-r sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2010, 51 p. (in Russ.).

D'yakonov I.M. K metodike issledovaniy po etnicheskoi istorii (kimmeriitsy). In *Etnicheskie problemy istorii Tsentral'noi Azii v drevnosti (II tys. do n.e.)*. Moscow: Nauka, 1981, pp. 90–100 (in Russ.).

Marsadolov L.S. Issledovaniya v Tsentral'nom Altae (Bashadar, Talda). Sayano-Altayskaya ekspeditsiya Gosudarstvennogo Ermitazha. St. Petersburg: State Hermitage Publ., 1997, iss. 1, 56 p. (in Russ.).

Marsadolov L.S. Gordion v Anatolii (Turtsiya) – voennaya baza kochevnikov Evrazii v VIII–VI vekakh do n.e. In *Sovremennyye problemy arkheologii Rossii. Materialy Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda (23–28 oktyabrya 2006 goda)*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol II, pp. 40–42 (in Russ.).

Molodin V.I. Issledovaniye kurgana s merzlotoy mogil'nika Verkh-Kal'dzhin II. In *Arkheologicheskiye otkrytiya 1994 goda*. Moscow: Nauka, 1995, pp. 292–293 (in Russ.).

Polos'mak N.V. “Stereushchie zoloto grify” (ak-alakhinskie kurgany). Novosibirsk: Nauka, 1994, 125 p. (in Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AN USSR Publ., 1960, 359 p. (in Russ.).

Unterlander M., Palstra F., Lazaridis I., Pilipenko A., Hofmanova Z., Gro M., Sell C., Blocher J., Kirsanov K., Rohland N., Rieger B., Kaiser E., Schier W., Pozdniakov D., Khokhlov A., Georges M., Wilde S., Powell A., Heyer E., Currat M., Reich D., Samashev Z., Parzinger H., Molodin V., Burger J. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe. *Nature Communication*, 2017, vol. 8, No. 14615. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5337992/> (accessed: 18.01.2019).

Сведения об авторе:

Марсодолов Л.С. – доктор культурологии, академик Петровской академии наук и искусств, ведущий научный сотрудник отдела археологии Государственного Эрмитажа,
e-mail: marsadolov@hermitage.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>.

Влияние этнокультурной идентичности на отношение молодежи России к украинскому кризису

В работе анализируются материалы социологического опроса российских студентов из разных регионов России о событиях на Украине. Выявляется зависимость отношения молодых людей к украинскому кризису от их этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: *этнокультурная идентичность, молодежь, украинский кризис, социологическое исследование, опрос, регионы России.*

Для цитирования: Захарова Е.М. Влияние этнокультурной идентичности на отношение молодежи России к украинскому кризису. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 468–470. DOI 10.17746/0295-7.2019.468-470.

E.M. Zakharova
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Dependence of the Attitude of Young People in Russia to the Ukrainian Crisis from the Ethnocultural Identity

The author of the article analyzes the materials of a sociological survey of Russian students about events in Ukraine. The author concludes that the attitude of young people to the Ukrainian crisis depends on the ethnocultural identity of people from different regions of Russia.

Keywords: *ethnocultural identity, youth, Ukrainian crisis, sociological research, survey, Russian regions.*

For citation: Zakharova E.M. Dependence of the attitude of young people in Russia to the Ukrainian crisis from the ethnocultural identity. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 468–470 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.468-470.

Украинский политический кризис с 2013 г. постоянно находится в центре внимания средств массовой информации. Правительство России и большинство граждан страны, согласно опросам общественного мнения, серьезно озабочены последствиями этого кризиса. Рассмотрим, как к этой проблеме относятся молодые граждане России. Следят ли они за событиями на Украине, интересуются происходящим там или это им безразлично? Пугают ли их возможные последствия или они уверенно смотрят в будущее, доверяют действиям нашего правительства в этом вопросе? Как относятся к украинскому кризису молодые жители разных территорий проживания? Влияет ли этнокультурная идентичность на их отношение к данной проблеме?

На эти вопросы помогут ответить материалы социологического опроса российских студентов, проведенного сотрудниками лаборатории проблем молодежи

НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского университета в 2014 г. В опросе приняли участие 1016 студентов из разных городов России – Санкт-Петербурга (438 чел.), Твери (390 чел.), Костромы (137 чел.), Челябинска (51 чел.).

Отметим, что украинские события вызывают определенный интерес большинства опрошенных молодых людей: 83 % следят за событиями на Украине, из них 23 % – постоянно и 60 % – время от времени. Совсем не проявляют интереса к данной теме лишь 17 % опрошенных.

Распределение ответов жителей Северо-Западного, Центрального, Юго-Западного регионов и территории на границе Уральского и Сибирского регионов России представлено в табл. 1. Так, наибольший интерес проявляют к рассматриваемым событиям студенты Петербурга (25 % из них постоянно следят за событиями на Украине). По мере продвижения от северо-запада и центра России на восток интерес молодежи к украинским событиям постепенно снижается (до 14 % у жителей Челябинска). И соответственно среди челябинских студентов больше всего тех, кто почти совсем не следит за перипетиями украинского кризиса (29 % челябинцев против 16 % не интересующихся этой темой студентов Петербурга и 21 % – Твери). Это может объясняться территориальной удаленностью уральских и сибирских жителей от очага рассматриваемого конфликта.

Что касается мнения опрошенных студентов об украинских событиях 2013–2014 гг., то большинство (42 %) оценивает их как следствие заговора западных сил с опорой на радикально-националистические элементы; 26 % отметили, что главной целью при этом является не Украина, а Россия; 20 % оценили эти события как опасную смуту и 16 % – как народную революцию.

По мере продвижения с запада на восток России мнение студентов постепенно склоняется в пользу оценки украинского кризиса скорее как опасной смуты (от 18 % петербуржцев и 20 % жителей Твери до 25 % челябинцев), чем как народной революции (от 6 % челябинцев до 18 % петербуржцев). Жители Северо-Запада России также чаще склонны считать украинские события следствием заговора западных сил (45 % петербуржцев против 38 % челябинцев).

Большинство опрошенных молодых людей (66 %) испытывают беспокойство по поводу возможных последствий украинского кризиса, а 7 % – даже острый страх (табл. 2). Не вызывают никаких опасений эти последствия только у 28 % респондентов. И здесь прослеживается ослабление беспокойства по мере продвижения к восточным территориям России (от 27 % спокойных петербуржцев до 35 % челябинцев). Соответственно, острый страх перед возможными последствиями украинских событий жители окосибирских территорий испытывают реже жителей северо-западных и центральных регионов (от 2 % челябинцев до 7 % петербуржцев).

**Таблица 1. Распределение ответов на вопрос
«Следите ли Вы за событиями на Украине?» (в % к числу ответивших)**

Ответ	Санкт-Петербург	Тверь	Кострома	Челябинск
Постоянно	25	15	18	14
Время от времени	59	64	66	57
Почти не слежу	16	21	16	29

**Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Вызывают ли у Вас беспокойство, страх возможные последствия того, что происходит на Украине?»
(в % к числу ответивших)**

Ответ	Санкт-Петербург	Тверь	Кострома	Челябинск
Нет, ничуть не вызывают	27	21	27	35
Испытываю некоторое беспокойство	66	74	66	63
Чувствую острый страх	7	5	7	2

К тому факту, что большинство стран мира осудили действия России в рассматриваемом кризисе, треть респондентов (32 %) равнодушны. Еще треть (35 %) испытывают чувство злости по этому поводу. Но 23 % опрошенных все же сильно смущает такое отношение. Больше остальных злость по отношению к осуждению России другими странами испытывают петербуржцы (40 % против 22–24 % жителей Челябинска, Твери и Костромы). И более остальных равнодушны к этому челябинцы (37 % против 27–28 % жителей Твери и Костромы).

Наконец, приведем оценку российскими студентами действий Президента РФ В.В. Путина в данных событиях. Так, подавляющее большинство опрошенных (80 %) оценили В.В. Путина как блестящего политика, добившегося решающего успеха. И только 20 % признали его действия ошибочными. Больше всех довольны действиями президента в условиях украинского кризиса жители центрального региона (90 % молодежи Твери), по мере удаления от Москвы доля довольных несколько уменьшается (80 % петербуржцев и 76 % челябинцев).

По результатам анализа материалов проведенного опроса российских студентов можно сделать некоторые выводы. Большая часть российского студенчества активно интересуется событиями на Украине, которые вызывают у большинства респондентов определенное беспокойство. Однако эти интерес и беспокойство постепенно снижаются по мере удаления от очага конфликта – от западных и центральных территорий России на восток.

И все же опрошенные молодые люди не испытывают сильного страха или паники, что, видимо, объясняется значительным потенциалом доверия к президенту России и его действиям в данном конфликте. Однако это доверие несколько ослабевает по мере территориального удаления от политического центра страны.

Сведения об авторе:

Захарова Е.М. – младший научный сотрудник кафедры теории и истории социологии, факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета,

e-mail: e.zaharova@spbu.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5498-9622>.

Фронтир в этнокультурной истории калмыков

Проблема философской рефлексии над историческим опытом России сегодня остается одной из центральных в отечественной философии культуры и истории. Поэтому вполне обоснованным представляется обращение к философско-культурологическому осмыслению истории отдельных российских регионов и народов, их населяющих, роли и вкладу различных этносов в становление российского многонационального государства. В данной статье предпринята попытка анализа роли фронта в истории калмыцкого этноса.

Ключевые слова: *фронтир, культурное пограничье, калмыцкий этнос, Калмыцкое ханство, этнокультурная история.*

Для цитирования: Андреева А.А. Фронтир в этнокультурной истории калмыков. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 471–473. DOI 10.17746/0295-7.2019.471-473.

A.A. Andreeva

*Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russia*

Frontier in the Ethnic and Cultural History of the Kalmyks

Today the problem of philosophical reflection on the historical experience of Russia is one of the main topics in the national philosophy of culture and history. Therefore, it is quite reasonable to appeal to the philosophical and cultural understanding of the history of separate Russian regions and their peoples, the role and contribution of various ethnic groups to the formation of the Russian multinational state. In this context the article highlights the analysis of the role of the frontier in the history of the Kalmyk ethnos.

Keywords: *frontier, cultural borderlands, the Kalmyk ethnos, the Kalmyk Khanate, ethnic and cultural history.*

For citation: Andreeva A.A. Frontier in the ethnic and cultural history of the Kalmyks. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 471–473 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.471-473.

Обращение к проблематике фронта обусловлено как рядом причин общеметодологического характера, так и необходимостью уточнения отдельных вопросов этнокультурной истории конкретных народов.

Здесь следует отметить вопросы относительно выделения и определения фронтирования — является ли оно самостоятельным интердисциплинарным исследовательским направлением (border studies, каковым оно именуется в ряде университетских центров США и Западной Европы), учитывая то, что фронтир находится в фокусе различных исследовательских направлений и отраслей знания (истории,

политологии, социологии, культурной географии и т.д.), каждое из которых рассматривает его сквозь призму собственного предмета. Достаточно много вопросов вызывают критерии и типология выделения фронта.

Здесь мы хотели бы отметить некоторые особенности роли фронта в этнокультурной истории калмыцкого этноса.

Во-первых, военный характер фронта. Для России появление на территории Нижнего Поволжья калмыков, имевших серьезный военный опыт и потенциал, эффективную военную структуру и организацию, послужило одним из главных факторов обеспечения безопасности своих южных границ.

Приведем в этой связи мнение американского ученого Р. Бауманна, который в своем исследовании о нерусских народах в Российской армии выделяет следующие характеристики: 1) русские с готовностью пользовались туземными силами в пограничных регионах и не отказывались от этой практики, даже встретив сопротивление среди рекрутированных; 2) национальные отряды сослужили хорошую службу империи и с военной, и с социальной точек зрения; 3) введение всеобщей воинской повинности и осуществление национальной политики усилило меры по разложению иррегулярных национальных отрядов в районах, попавших под контроль России, и полной интеграции инородцев в регулярную армию; 4) никакое политическое давление не может быть альтернативой реальному факту проживания в империи [Бауманн, 1992, с. 136].

Здесь следует отметить, что калмыцкие кочевья были своего рода передвижной границей, одновременно и пограничной заставой, и самой границей. По мнению Л.Б. Четырковой, «калмыцкий улус был не только хозяйственной единицей, но и единицей войска, а каждый взрослый мужчина был не только главой семьи как хозяйственной единицы, но и воином» [2016, с. 87].

Во-вторых, «калмыцкий фронт» не был классическим «местом контакта дикости и цивилизации» (Ф. Тернер). Имел место контакт равных участников фронтального диалога. Калмыцкое ханство располагалось по обеим сторонам Волги от Астрахани до Самары и Царицына, охватывая донские и уральские степи. В конце XVII – первой четверти XVIII в. оно усилилось и стало заметным участником политической жизни Юго-Восточной Европы. По мнению В.В. Трепавлова, «можно считать Калмыцкое ханство автономной частью Московского государства (как архаичной имперской системы), но применять понятие российского подданства для калмыков XVII – начала XVIII в. неправомерно. В то время они являлись подданными собственных тайшей и позднее – ханов. Говорить о российском подданстве по отношению к калмыкам корректно не ранее второй четверти XVIII в.» [Орлова, 2006, с. 82].

В-третьих, межконфессиональный характер фронта. Калмыки, оказавшись в инокультурном и иноконфессиональном окружении, вступали в диалог с различными этносами, сохраняя свою буддийскую культурно-конфессиональную идентичность. Так, за пределами Калмыцкого ханства были созданы поселения калмыков на Дону, в Чугуеве, на р. Терешке, в Ставрополе-на-Волге (ныне г. Тольятти), на Урале, а также основана первая православная миссия в кочевьях внука хана Аюки – Баксая Доржи, в крещении – Петра Тайшина [Трепавлов, 2008, с. 7].

В-четвертых, территория калмыцких кочевий стала местом встречи кочевой и оседлой культур. Многолетнее взаимодействие не могло пройти бесследно. Происходило заимствование элементов быта, хозяйственных культур.

В-пятых, самоидентификация людей фронта. На наш взгляд, фронт ир иначе воспринимается теми, кто реально живет в пограничном пространстве. Это гетерогенное географическое и социокультурное пространство – сфера сотрудничества и сфера соразвития, сфера культурной коэволюции. Своеобразие самоидентификации калмыков заключается в их опыте принадлежности к русскому и монгольскому миру, к Европе и Азии, в их евразийском культурном симбиозе.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-23-03002а(м)).

Список литературы

Бауманн Р. Подвластные народы на военной службе в Российской империи: на примере башкир // «Любезные вы мои...» / сост. А.З. Асфандияров. – Уфа, 1992. – С. 117–136.

Орлова К.В. История христианизации калмыков. – Москва: Вост. литература, 2006. – 207 с.

Трепавлов В.В. Калмыки и Россия в XVII–XVIII вв.: подданные, вассалы или союзники? // Калмыки в многонациональной России: опыт четырех столетий. Элиста: Джангар, 2008. – С. 58–70.

Четырлова Л.Б. Российские калмыки: очерки по истории, культуре, буддизму и языку. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2016. – 188 с.

References

Baumann R. Podvlastnye narody na voennoj sluzhbe v Rossijskoj imperii: na primere Bashkir. In “*Lyubeznye vy moi...*”. Sostavitel’ A.Z. Asfandiyarov. Ufa, 1992, pp. 117–136 (in Russ.).

Chetyrova L.B. Rossijskie kalmyki: ocherki po istorii, kul’ture, buddizmu i yazyku. Samara: Samara Univ. Press, 2016, 188 p. (in Russ.).

Orlova K.V. Istoriya khristianizatsii kalmykov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006, 207 p. (in Russ.).

Trepavlov V.V. Kalmyki i Rossiya v XVII–XVIII vv.: poddannye, vassaly ili soyuzniki? In *Kalmyki v mnogonatsional’noj Rossii: opyt chetyrekh stoletij*. Elista: Dzhangar, 2008, pp. 58–70 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Андреева А.А. – ассистент кафедры калмыцкой литературы и журналистики Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова,

e-mail: badmav07@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8326-5527>.

Исследование алиментарных табу и их места в этнической идентичности якутов

Саха, древний тюркский народ, пронес сквозь века уникальную культуру питания. Жизнь в суровых северных условиях, резко континентальный климат диктовали особенность питания саха. Использование в питании северных рыб, ягод обогатило пищевой рацион пришлых саха, который в основном состоял из жеребятины, молочных продуктов. В пищевой культуре имеется большое количество табу, которые систематизированы по гендерному, возрастному и общему структурированию.

Ключевые слова: *Якутия, традиции, культура питания народа саха, пищевые табу, культурное наследие, гендерное, возрастное, общее структурирование табу, анкетирование.*

Для цитирования: Борисова И.З. Исследование алиментарных табу и их места в этнической идентичности якутов. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 474–477. DOI 10.17746/0295-7.2019.474-477.

I.Z. Borisova
North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia

The Study of Nutritional Taboos and Their Place in the Ethnic Identity of the Yakuts

Sakha, the ancient Turkic people, carried through the centuries a unique food culture. Life in the harsh northern conditions, sharply continental climate formed peculiarities of the Sakha diet. The diet that included northern fish, berries enriched the diet of migrants of Sakha, which mainly consisted of foals, dairy products. There are a large number of taboos in food culture that are systematized by gender, age and general structuring.

Keywords: *Yakutia, traditions, food culture of the Sakha people, food taboos, cultural heritage, gender, age, and general structuring of taboos, questioning.*

For citation: Borisova I.Z. The study of nutritional taboos and their place in the ethnic identity of the Yakuts. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 474–477 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.474-477.

«Традиционная культура питания отважных кочевых коневодов, воинов саха, которые мигрировали в течение XIV в. в суровые северные земли, трансформировалась и обогатилась едой северных народов» [Борисова, 2016, с. 256]. Но, несмотря на то, что рацион был не обильным, существовало большое количество табу, которые имеют религиозный, моральный, эмоциональный, психологический, отчасти медицинский характер. «*Табу пищи* — религиозные или культурные

запреты на употребление продуктов питания и напитков в пищу. Многие табу пищи запрещают мясо конкретных животных, включая млекопитающих, грызунов, рептилий, амфибий, костистых рыб, моллюсков и ракообразных. Некоторые табу относятся к конкретной части или выделениям животных, в то время как другие табу устанавливают отказ от потребления растений, грибов или насекомых» [Табу...].

Известно, что запреты существуют во всех культурах. Во многих случаях сложно объяснить логику табу. Объяснимым с точки зрения нормальной логики может быть запрет токсических и плохо перевариваемых продуктов. Многие запреты считаются результатом социально-культурной практики народов и различных групп. В культуре человеческих сообществ принято считать, что избирательность в еде – социальное явление и приобретает в ходе приобщения к культуре своей группы или народа и формируется примерно с двух лет.

Есть модели, которые объясняют табу в питании:

Культурный материализм, или экономико-рационалистический подход. Наиболее известным его представителем является американский антрополог М. Хэррис [Там же].

Социально-культурная модель, или функциональный подход. Представители этой модели отмечают, что табу, прежде всего, для укрепления групповой идентичности и отдельности от других групп. Известным представителем является Ф. Дж. Симунс [Там же].

Наиболее близок к этнографическому объяснению *структурный подход*. Его представителями являются М. Дуглас, К. Леви-Стросс, У. Тольксдорф. Каждая культура пищу разделяет не только на чистую и нечистую, но и на святую и мирскую [Там же].

Модифицированная модель, которая включает вышеперечисленные подходы. Многие пищевые табу необъяснимы с точки зрения здравого смысла и логики, поэтому их стараются объяснить с точки зрения аффективного отношения к пище.

Эволюционный подход психологии. Эти исследователи считают, что эмоции являются основой продовольственного табу, и утверждают, что чувство отвращения в ходе эволюции развивалось, чтобы облегчить выбор пищи и свести к минимуму риск смерти от «неправильных пищевых продуктов» [Там же].

Пищевые табу народа саха рассматривались наиболее подробно в полевых исследованиях известного историка, этнографа А.А. Саввина (1896–1951) [2005, с. 376].

В якутской культуре запреты структурированы, исходя из возраста и пола потребителей.

1. *Запрещается есть взрослым:* 1) невесте – при переезде в дом жениха – привезенные в виде подарков мясо и масло – *кэһии*; 2) мясо хищных птиц: коршуна, ястреба, орла, совы, орлана, скопы, кречета, филина, а также ворона, вороны, кукушки, т.к. эти птицы в большой степени связаны с миром злых духов и частично являются тотемами.

2. *Табу общего характера.* Запрещалось: 1) могильщикам (*киибэс*) – до новолуния и очищения огнем – входить в чужую юрту, есть из одной посуды с людьми; 2) есть левой рукой – это равносильно тому, что человек пьет собственную кровь; 3) говорить громко и шуметь над только что сделанной, но еще не готовой кумысной закусочной, а также ссориться, кричать и шуметь в помещении, где готовится кумыс, – счи-

талось, что это влечет за собой прекращение брожения кумыса и «смерть» закваски [Линденау, 1741–1745, с. 24–25].

Гендерные пищевые запреты касаются в основном женщин.

3. *Запрещается есть женщинам*: 1) мясо гагар и поганок – в противном случае ребенок родится с речевыми нарушениями и вывороченными, как у них, ногами; 2) мясо чаек – родится ребенок с речевыми нарушениями; 3) медвежье мясо, т.к. медведь в древности был женщиной.

4. *Запрещается есть беременным женщинам*: 1) мясо лысухи *ураанай* – ребенок будет немым, и, как она, прищелкивать языком; 2) мясо болотного пастушка *буһарһана* – родится ребенок с плоским туловищем и с сжатыми с боков, узко поставленными, как у этой птицы, ногами; 3) медвежатину – ребенок будет, подобно медведю, злым, нервным и, подражая ему, рычать.

Существуют возрастные пищевые запреты.

5. *Запрещается есть детям и молодежи*: 1) жареные продукты, снятые с нижней части рожна, – *үтэһэ төрдө* – в противном случае раны на руках и ногах не будут заживать, а будут все время гноиться; 2) жареные продукты, снятые с верхней части рожна, – *үтэһэ төбөтө* – дети, когда вырастут, станут развратными; 3) основание языка *тыл төрдө*, т.к. в нем сосредотачивается все нечистое и дурное, много несъедобных желез; 4) кончик языка – человек будет невоздержанным на язык и сварливым – *этиһиһлээх, тыллаах*.

Согласно проведенному нами анкетированию 778 респондентов по сохранности пищевых табу, 42,9 % опрошенных знают пищевые табу народа саха и соблюдают некоторые из них.

Благодарности

Исследование проводилось в рамках проекта РФФИ № 17-21-08001 «Проблема валоризации и популяризации питательной культуры народов Севера в современных условиях (на примере Якутии)».

Список литературы

Борисова И.З. Истоки и развитие якутской кухни, культурного наследия народа саха: матлы II Междунар. симп. – М. – 2016. – С. 256–270.

Линденау И. Описание якутов. 1741–1745 гг. / рукопись, перевод с нем. К. Жихаревой // Рукоп. Фонд науч. библ. Якут ф-ла СО АН СССР.

Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. – 376 с.

Табу пищи. – URL: http://info-farm.ru/alphabet_index/t/tabu-pishhi.html. (дата обращения: 04.11.2018).

References

Borisova I.Z. Istoki i razvitie yakutskoj kukhni, kul'turnogo naslediya naroda saha. In *Istoriya iedy i traditsii pitaniya narodov mira. Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma*. Moscow, 2016, p. 256 (in Russ.).

Lindenau I. Opisanie yakutov. 1741–1745 gg., rukopis', perevod s nemeckogo K. Zhiharevoj. Rukop. Fond nauchnoj biblioteki Yakutskogo filiala SO AN SSSR (in Russ.).

Savin A.A. Pishcha yakutov do razvitiya zemledeliya (opyt istoriko-ethnograficheskoy monografii). Yakutsk: IGI AN RS (Ya), 2005, 376 p. (in Russ.).

Tabu pishchi. URL: http://info-farm.ru/alphabet_index/t/tabu-pishhi.html (accessed: 04.11.2018) (in Russ.).

Сведения об авторе:

Борисова И.З. – кандидат педагогических наук, доцент Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного Федерального университета им. М.К. Аммосова,

e-mail: Isborissova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-8589-2869>.

Об этнокультурной идентичности дауров Китая

Рассмотрены такие аспекты этнокультурной идентичности дауров, как генетическое происхождение и язык. Тема актуальна в связи с дискусионностью проблемы этногенетического родства дауров со средневековыми киданями, а также в свете угрозы исчезновения даурского языка. В статье кратко проанализирована новая публикация китайских авторов по теме исследования, указано сильное влияние киданьской концепции на даурское население, дана характеристика современного состояния даурского языка.

Ключевые слова: *идентичность, дауры, происхождение, анализ, кидани, одежда, язык, культура.*

Для цитирования: Цыбенов Б.Д. Об этнокультурной идентичности дауров Китая. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 478–480. DOI 10.17746/0295-7.2019.478-480.

B.D. Tsybenov
*Institute of Mongolian Studies and Tibetology,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russia*

Ethnocultural Identity of the Daur People of China

The thesis is dedicated to research of the genetic origin and language of the Daur people of China. The topic of the research is relevant, since the problem of the origin of Daur people is debatable. Daur language is endangered. The author analyzed the latest publication of Chinese scientists. He notes the strong influence of the Khitan concept on the simple Daur population.

Keywords: *identity, Daur people, origin, analysis, Khitan, clothes, language, culture.*

For citation: Tsybenov B.D. Ethnocultural identity of the Daur people of China. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 478–480 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.478-480.

Проблема этнокультурной идентичности дауров продолжает оставаться актуальной в свете продолжающихся исследований этногенеза и этнической истории народа. Выстроенная в 50–60-х гг. XX в. концепция о киданьской линии происхождения дауров в последнее время начинает подвергаться обоснованной критике со стороны последователей монгольской преемственности дауров. В статье Ван Чицзао, Ши Мэйсэня и Ли Хуэя [2018], которая вызвала большой общественный резонанс, приведены данные, свидетельствующие о генетическом родстве дауров с современными монгольскими народами. Основываясь на исследовании гаплогрупп, исследователи отметили, что дауры и монголы имеют одного общего пред-

ка по отцовской линии. По мнению авторов статьи, генетическая близость дауров и монгольских народов подтверждается итогами сравнительного молекулярного анализа, в то время как родство дауров с киданями не находит весомых фактических доказательств [Там же]. Таким образом, подвергается сомнению анализ ДНК предполагаемой киданьской княжны с ДНК современных дауров, проведенный в 80-х гг. XX в. китайскими генетиками и описанный У Дунъи и коллегами [Там же]. Говорить о киданьской этнической принадлежности женского погребения, обнаруженного в Восточно-Хорчинском округе Внутренней Монголии, было преждевременно. Женщина могла быть представительницей другого племени. Новейшие публикации, подвергающие некоему сомнению киданьскую линию происхождения дауров, могут повлиять и на этнокультурную идентичность народа. На данный момент, именно предполагаемая генетическая связь дауров с киданями является одним из столпов национальной идентичности дауров. Большинство современного даурского населения поддерживает киданьскую версию; знает данные языка, этнографии, фольклора, свидетельствующие о происхождении от киданей. Поворотным моментом в усилении позиций данной версии явилось определение дауров как самостоятельного этноса в 50-х гг. XX в. и создание национальной автономии дауров в Морин-Дава в 1958 г. [Цыбенков, Юй Шан, 2017]. О сильном влиянии данной концепции на дауров свидетельствуют изменения в национальной одежде, прослеженные нами в 2017 г. в школе с. Арала Даурского автономного хошуна Морин-Дава. Традиционные даурские халаты участников детской танцевальной группы «Улаан мучир» имели как правосторонний, так и левосторонний запахи. По всей вероятности, данное обстоятельство нельзя объяснить незнанием традиций или ускоряющимися темпами ассимиляции. На наш взгляд, левосторонний запах даурского халата сигнализирует о тенденциях изготовления именно киданьской одежды, поскольку она будет четко указывать на отличие дауров от собственно монгольских народов. Известный краевед, знаток даурских обычаев и традиций Лэ Чжидэ для участия в торжественных церемониях надевал «киданьскую» шапку, сшитую по образцу головных уборов средневековых киданей. Таким образом, можно подчеркнуть, что представления о генетической связи дауров с киданями, заложенные в 80-х гг. XX в., стали материализоваться в изготовлении или реконструкции традиционной одежды. И все же эти нововведения не носят массовый характер и присущи лишь отдельным людям или группам, позиционирующим себя «сторонниками возврата к утраченным киданьским идеалам».

Большую роль в этнокультурной идентичности дауров играет язык, объединяющий все даурские этнотерриториальные группы от Хэйхэ и Цицикара до Синьцзяна. Разделение дауров на четыре большие и ряд малых групп произошло в XVIII в. [Цыбенков, 2012]. Несмотря на небольшие диалектные различия, образовавшиеся в результате длительного изолированного проживания, этот язык понятен всем группам дауров. Единство языка вкупе с представлениями об общем происхождении и прародине являются для дауров индикаторами основного признака этноса — оппозиции «мы — они». С одной стороны, в регионах своего проживания дауры четко дистанцируются от монгольских этнических групп (баргутов, олетов, хорчинов, бурятов), с другой — наблюдается некое тяготение к тунгусо-маньчжурскому миру (эвенкам — солонам и орочоном) на основании общей истории переселения, существовавших взаимобрачных отношений между даурскими и эвенкийскими родами.

Особо подчеркивается взаимодействие этих трех групп в рамках бывшего объединения цинского периода — «солонбу». Ныне многие эвенки-солонны владеют даурским языком. Как и везде на национальных окраинах КНР, существует угроза быстрой утраты языка дауров. В связи с этим даурская интеллигенция предпринимает попытки создания учебников на основе китайской иероглифики; активно использует социальные сети в Интернете, проводя в них уроки даурского языка. Таким образом, дауры Китая стараются сохранить свой язык и культуру.

Благодарности

Работа выполнена при частичной поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Список литературы

Цыбенков Б.Д. Миграции даурского населения в XVII–XVIII веках // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. — С. 191–201.

Цыбенков Б.Д., Юй Шан. История создания даурского автономного хошуна Морин-Дава (1945–1958 гг.) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «История». — 2017. — Т. 22. — С. 113–123.

Ван Чицзао, Ши Мэйсэнь и Ли Хуэй Фэньцзы женьлэй сюешиюе сядэ давоэрцзу цзююань яньцзу [Изучение этнокультурной истории дауров по данным молекулярной антропологии] // Бэйфан миньцзу дасюе сюебао [Журнал университета национальностей Северного Китая]. — 2018. — № 5. — С. 110–117.

References

Tsybenov B.D. Migratsii daurskogo naseleniya v XVII–XVIII vekakh. In *Transgranichnye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost'*. Ulan-Ude: BSC SB RAS Publ., 2012, pp. 191–201 (in Russ.).

Tsybenov B.D., Yui Shan. Istoriya sozdaniya daurskogo avtonomnogo khoshuna Morin-Dava (1945–1958 gg.). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya History, 2017, vol. 22, pp. 113–123 (in Russ.).

Wang Chizao, Shi Meisen, Li Hui. Fenzi renlei xue shiye xiade dawoerzu zuyuan yanjiu. *Beifang minzu daxue xuebao*, 2018, No. 5, pp. 110–117 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Цыбенков Б.Д. — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

e-mail: bazar75@mail.ru,

<http://orcid.org/0000-0002-0404-7207>.

VII. ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ

DOI: 10.17746/0295-7.2019.481-483
УДК 81'23; 811.161.1 + 81'27

Е.В. Бентя

*Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск, Россия*

Сравнительный анализ образа западного мира в языковом сознании студентов России и Казахстана

Статья посвящена исследованию образа западного мира в языковом сознании студентов России и Казахстана. Анализ проведен на материале ассоциативной базы СИБАС (Сибирь и Дальний Восток, РФ) и подкорпуса РКАС (Казахстан). Анализ показал наличие множества общих черт. Выявлено, что в СИБАС больше реакций с негативной оценкой, относящихся к западному миру, а в РКАС прослежено различие в восприятии европейских стран и США, которое заключается в исключительно положительной характеристике европейских реалий.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативный эксперимент, Россия, Казахстан, Запад, ассоциативные базы данных, ассоциативное поле, имя собственное.

Для цитирования: Бентя Е.В. Сравнительный анализ образа западного мира в языковом сознании студентов России и Казахстана. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 481–483. DOI 10.17746/0295-7.2019.481-483.

Ye.V. Bentya

*Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia*

Comparative Analysis of the Image of the Western World in the Language Consciousness of Students of Russia and Kazakhstan

This thesis is dedicated to research of the image of the Western world in language consciousness of students in Russia and Kazakhstan. The material for the analysis is an associative database SIBAS (Siberia and the Far East, Russia) and a sub-corpus RKAS (Kazakhstan). The analysis showed that there are a lot of common features between these two bases. It was found out that the SIBAS has more responses with negative assessment which refer to the Western world reality. The RKAS shows the difference in perception of the USA and European countries. This difference lies in absolute positive assessment of European reality.

Keywords: *language consciousness, associative experiment, Russia, Kazakhstan, West, associative databases, Associative field, proper name.*

For citation: Bentya Ye.V. Comparative analysis of the image of the Western world in the language consciousness of students of Russia and Kazakhstan. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 481–483 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.481-483.

Рассмотрение образа западного мира производилось на базе двух источников: Русской региональной ассоциативной базы данных СИБАС (2008–2015; <http://adictru.nsu.ru>) и подкорпуса вербальных ассоциаций носителей русского языка в Казахстане РКАС (<http://adictru.nsu.ru/dict#>). Подкорпус РКАС собирался посредством ассоциативного психолингвистического эксперимента со студентами казахстанских вузов в 2017 г.

Для анализа из двух вышеупомянутых ассоциативных массивов были выделены следующие группы: 1) ассоциативные пары, которые отсылают к именам собственным, являющимся реалиями стран западного мира; 2) ассоциативные реакции, содержащие в себе имена: США, Европа, Запад; 3) в подкорпусе РКАС были также выделены ассоциативные поля стимулов *европейский* и *американский*.

Классификация имен собственных в СИБАС по тематическим группам показала, что наибольшее количество ассоциаций относятся к: 1) кино; 2) топонимам; 3) телевидению; 4) литературе; 5) антропонимам. В РКАС такое частотное распределение выглядит несколько иначе: 1) кино; 2) топонимы; 3) литература; 4) телевидение; 5) антропонимы.

При анализе ассоциативных пар с реакцией США/Америка было выявлено следующее. Самым частотным стимулом, вызвавшим данную реакцию, является *демократия* (СИБАС – 14, РКАС – 19). Остальные стимулы занимают разные ранги в обеих базах, однако были выявлены общие стимулы, вызвавшие данную реакцию: *независимый/независимость, импорт, страна, союзник, свобода/свободный, государство, президент*. Помимо этого, в отдельные группы выделились стимулы с отрицательной оценкой. Среди них общими для обеих баз стали: *зло* и *шпион*. В СИБАС к таким стимулам еще относятся: *ракета 3, враг 3, штурмовать 2, атаковать 2, беззаконие, злость, угроза, агрессивный, война 1*. В РКАС встречается – помимо двух вышеупомянутых – стимул *мафия 2*.

Реакция *Европа* в обеих базах также была дана на некоторые одинаковые стимулы, из которых наиболее частотным стал стимул *окно*, к остальным относятся: *импорт, страна, мост, отпуск, буржуазный, немец, роскошь*. В СИБАС реакциями, которые не встречаются в РКАС, стали: *экспорт 3, лес, Москва, процветание, демократия, голос, река, послать, справедливость 1*. В РКАС выделяется только один стимул, который не обнаружен в СИБАС, – *качество 2*.

Реакция *Запад* из рассматриваемых в данных тезисах в обеих базах является самой низкочастотной, причем общих стимулов для обеих баз не обнаружено. В СИБАС данная реакция дана на стимулы: *влияние 7, импорт 2, враг* и *культура 1*, в РКАС – на *буржуазный* и *страна 1*.

В ходе проведения эксперимента для составления подкорпуса РКАС в список стимулов были включены две единицы, которых нет в СИБАС: *американский* и *европейский*.

Анализ этих ассоциативных полей помогает составить более детальную картину образа западного мира в языковом сознании студентов казахстанских вузов. Все реакции в данных полях были разделены по тематическим группам, а также были сформированы три группы с реакциями, несущими положительную, нейтральную и негативную оценочную нагрузку. В ассоциативном поле «Американский» лидирующие позиции занимают реакции, относящиеся к следующим темам: 1) кино и телевидение (что совпадает с вышерассмотренным анализом имен собственных); 2) государственная и национальная принадлежность; 3) государственность, политика и экономика; 4) номинация и идентификация. В ассоциативном поле «Европейский» первые позиции занимают реакции: 1) относящиеся к абстрактным понятиям; 2) государственной и национальной принадлежности; 3) несущие положительную оценку; 4) объединенные темой государственности, политики и экономики. Как видно, реакций с положительной оценкой, относящихся к европейскому миру, больше, чем реакций с положительной оценкой, относящихся к американскому миру: 11 % и 4 % соответственно в каждом из полей. Также отметим, что в АП «Европейский» не встречается реакций с отрицательной оценкой, в то время как в АП «Американский» они составляют 1 % от всего поля, как и реакции с нейтральной оценкой. В АП «Европейский» реакции с нейтральной оценкой составляют 2 % от поля.

Сведения об авторе:

Бентя Е.В. – аспирант Новосибирского государственного университета,
e-mail: yevgentya@gmail.com.

Отражение национально-культурной специфики бурят в сложносоставных словах (на материале буддийской лексики)

Статья посвящена исследованию словообразовательных возможностей буддийской лексики бурятского языка. Особое внимание уделяется такому способу словообразования, как сложение, имеющему тенденцию к активизации. Посредством словосложения образуются лексические единицы, состоящие из парных слов и атрибутивных сложных слов. Проблема образования новых слов, где производящим является словосочетание, в бурятском языке до сих пор остается спорной и актуальной. Многие исследователи не относят сложносоставные слова, образованные на основе словосочетаний, к словам и не выделяют такую разновидность образования слов.

Ключевые слова: *бурятский язык, словосложение, буддийская лексика, названия храмовых построек, парные слова, атрибутивные сложносоставные слова.*

Для цитирования: Будажапова Л.Б. Отражение национально-культурной специфики бурят в сложносоставных словах (на материале буддийской лексики). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 484–486. DOI 10.17746/0295-7.2019.484-486.

L.B. Budazhapova
*Department of Buryat Language and Teaching Methods,
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

Reflection of National and Cultural Specificity of Buryats in Compound Words (by the Material of Buddhist Vocabulary)

The article is devoted to the study of word-building possibilities of the Buddhist vocabulary of the Buryat language. The focus is on the method of word formation as addition, which has a tendency to become more active. Lexical units formed by the method of word formation as an addition consisting of paired words and attribute words. The problem of the formation of new words based of word combinations in the Buryat language is still controversial and relevant. Many researchers do not include compound words formed on the basis of word combinations to words and do not distinguish this kind of word formation.

Keywords: *Buryat language, compound word, Buddhist vocabulary, names of temple buildings, paired words, attributive compound words.*

For citation: Budazhapova L.B. Reflection of national and cultural specificity of Buryats in compound words (by the material of Buddhist vocabulary). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 484–486 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.484-486.

В настоящее время в бурятском языке активно используется буддийская лексика, отражающая национально-культурную специфику бурят. По способу образования их можно разделить на две условные группы: термины, заимствованные из другого языка, такие как бур. *диваажан*, тиб. *bde ba can* «рай Будды Амитабхи», п.-мо.б. *divaĵan*; бур. *дасан*, тиб. *grwatshang*, п.-мо. *dačang*; 1) «местопребывание монахов, монастырь»; 2) «монастырская школа»; и термины, образованные бурятским языком, такие как *абарал* «прорицание, молитва; спасение, прибежище»; бур. *тахил* «жертва, жертвоприношение», *тахилай шэрээ* «алтарь, жертвенник» и т.д.

Рассмотрим группу заимствованных слов на материале буддийских терминов, образованных способом *сложение*, относящихся к тематической группе, — названия храмовых построек.

В бурятском языке весь храмовый комплекс обозначают словом *дасан*, халх. *да-цан*, стп.-м. *dačang – gracang*, заимствованным из тибетского языка *grwatshang*, имеющим значения: 1) местопребывание монахов, монастырь; 2) монастырская школа. В переводе на письменный монгольский язык из тибетского языка означает *хубара-гуудай аймаг* «школа (сүмэ) для будущих монахов» [Сүхбаатар, 1999, х. 94].

Заимствованная тибетская лексема *дасан* в бурятском языке приобрела более широкое значение и употребление, чем в других языках буддийского мира. Под словом *дасан* в бурятском языке понимают и сам главный храм, где проводят богослужения, и весь храмовый комплекс вместе с жилищами лам, тогда как все это в современном монгольском языке чаще всего обозначается словом *хиид*, в калмыцком языке — *хурул*, в тувинском — *хгреэн*, у шэнэхэнских бурят Автономного района Внутренней Монголии Китая — *сүмэ*.

Более того, широкое значение лексема *дасан* приобретает при помощи лексем *хгреэн*, *дуган*, *хиид*. При этом образованные лексические единицы *дасан хгреэн* «дацаны» (дословно «дацан, монастырь для лам»); *дасан хиид* «дацаны» (дословно «дацан, скит»); *дасан дуган* «дацаны» (дословно «дацан, молельня») являются парными словами с обобщенным, собирательным значением. В бурятском языке с компонентом *хиид* «монастырь; скит» образуются парные слова *хуреэн хиид* «монастыри»; *һүмэ хиид* «монастыри» и др. Известно, что парные слова образуются при помощи сложения знаменательных слов безаффиксным способом. Отношения между сочетающимися компонентами являются независимыми, в основе них лежат определенные семантические отношения. Мы поддерживаем точку зрения, что «парные слова следует относить к сложносоставным (или составным) словам» [Дырхеева, Харанутова, Бардамова, 2014, с. 20]. В бурятском языке встречается значительное количество сложносоставных слов, представляющих собой в основном двухсловные номинации.

Главный храм в архитектуре буддийских дацанов называется *согшон дуган*, халх. *цогчин дуган*. Оба слова *согшон* и *дуган* заимствованы из тибетского языка: *‘dukhang* — «храм, молельня», *tshogschen* — «большой зал для собраний». Слово *дуган* означает: 1) молельня, небольшой монастырь, храм; 2) большой зал для молитвенных собраний [Бурятско-русский словарь, 2010].

Дуган, где совершают свои богослужения и проводят религиозные философские диспуты ламы, изучившие высшее богословие, называется бур. *цаниддуган*, халх. *цаннид дуган* или бур. *шойро дуган*, халх. *чойр дуган*. Оба слова *цанид* и *шойро* заимствованы из тибетского языка *mtshannyid*, *chosgrwa*. В бурятском языке *шойро*

«диспут лам»; *шойрын нургуули* «школа (ламаистской) эристики (т.е. способность вести спор, полемику)»).

Большую часть заимствованных терминов буддийской лексики составляют лексемы, образованные на основе словосочетаний: *Майдариин дуган* (*Майдари дуган*), *Диваажанай дуган* (*Диваажан дуган*), *Дуйнхарай дуган* (*Дуйнхар дуган*) и т.д. В честь грядущего Будды в каждом дацане устанавливают храм Майтреи — *Майдариин дуган* (или *Майдари дуган*).

В связи с развитием тибетской медицины появились ламы — целители, по-бур. *эмчи-ламы*. Для них специально строятся *манба-дуганы*, где слово *манба* произошло от тибетского *стапра* — «врач, лекарь». За главное божество почитается *Отошо бурхан*, халх. *Оточи-бурхан*, стп.-м. *otochi* от уйгурского *ota-ci* «бог врачевания».

Ламы, избирающие предметом своего изучения астрологию, называются ламами-астрологами, или по-бур. *зурхайша лама*. Храм астрологов *Дуйнхор-дуганов*, в бур. *Дуйнхар дуган*. Слово *дуйнхор* заимствовано из тибетского языка *duskyi khorlo*, где *duskyi* — «время», *khoro* — «колесо»; на письменном монгольском *Сагуун хурдэ*.

Таким образом, в буддийской лексике бурятского языка образовалось значительное количество сложносоставных слов на базе заимствованных слов. Заимствованные по отдельности слова, соединившись, образовали лексемы, служащие названием храмовых построек. В рассмотренных группах лексики, относящейся к храмовой постройке, находит отражение национально-культурная специфика бурят. Заметим, что все храмы построены по канонам буддизма, все они отражают специфичность буддизма в Бурятии.

Список литературы

Бурятско-русский словарь: в 2 т. / Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. — Улан-Удэ: Респ. типогр., 2010. — Т. 1: А–Н. — 636 с.; Т. 2: О–Я. — 708 с.

Дырхеева Г.А., Харанутова Д.Ш., Бардамова Е.А. Парные слова и парное словообразование в бурятском языке. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. — 208 с.

Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. — Улаанбаатар, 1999. — 273 х.

References

Buryatsko-russkij slovar': in 2 vol. / L.D. Shagdarov, K.M. Cheremisov. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, 2010, vol. 1: A–N, 636 p.; vol. 2: O–Ya, 708 p. (in Russ.).

Dyrheeva G.A., Kharanutova D.Sh., Bardamova E.A. Parnye slova i parnoe slovoobrazovanie v buryatskom yazyke. Ulan-Ude: BNC SB RAS Publ., 2014, 208 p. (in Russ.).

Sukhbaatar O. Mongol khelnii khar' үгийн толь. Ulaanbaatar, 1999, 273 p. (in Mongol.).

Сведения об авторе:

Буджапова Л.Б. — кандидат филологических наук, доцент кафедры бурятского языка и методики преподавания Бурятского государственного университета,

e-mail: budlara@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0001-6987-7255.

**Возможности выявления признаков трансформации
этнокультурной идентичности в языковом сознании
современной молодежи
Сибирского и Дальневосточного регионов**

Анализируются возможные способы выявления признаков трансформации этнокультурной идентичности в ассоциативно-вербальной сети. Исследование вектора ценностных ориентиров современной молодежи через анализ ассоциативных оценочных смыслов позволяет определить обобщенные черты этнокультурной идентичности, а также сравнить полученные результаты в различных временных срезах. Дополнительно используются научные подходы к исследованию проблем идентификации из смежных социогуманитарных направлений, которые способствуют более объективной и достоверной интерпретации психолингвистических результатов.

Ключевые слова: языковая личность, языковое сознание, этнокультурная идентификация, виды идентичности, идентификационные изменения, ценностные ориентиры, оценка, ассоциативный эксперимент, ассоциативная база данных, семантическая оценочная разметка.

Для цитирования: Грицко М.И. Возможности выявления признаков трансформации этнокультурной идентичности в языковом сознании современной молодежи Сибирского и Дальневосточного регионов. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 487–490. DOI 10.17746/0295-7.2019.487-490.

M.I. Gritsko
Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

**The Possible Ways of Revealing the Signs
of Ethnocultural Identity Transformation
in the Linguistic Consciousness
of Modern Siberian and Far Eastern Youth**

The paper reviews the possible ways of revealing the signs of ethno-cultural identity transformation in the associative-verbal network. Analyzed through the associative evaluative meanings the vector study of the value orientations of modern youth allows to determine generalized features of ethno-cultural identity, as well as to compare the results obtained in different time periods. Some scientific approaches presented in related social humanities are additionally used to research identification problems that help to contribute more objective and reliable interpretation of psycholinguistic results.

Keywords: language personality, language consciousness, ethno-cultural identification, types of identity, identification changes, value orientations, evaluation, associative experiment, associative database, semantic evaluation tagging.

For citation: Gritsko I.M. The possible ways of revealing the signs of ethno-cultural identity transformation in the linguistic consciousness of modern Siberian and Far Eastern youth. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 487–490 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.487-490.

Гуманитарные исследования, проводимые в контексте антропоцентричного подхода, позволили накопить внушительный массив знаний, касающийся совокупного влияния различных социально-экономических, геополитических, исторических, национально-культурных факторов на формирование человеческой личности и ее судьбы в социуме, который окружает ее на протяжении всей жизни. Стало понятно, что комплексный междисциплинарный исследовательский подход с привлечением данных различных социогуманитарных наук значительно расширяет и обогащает научное видение взаимовлияния человека и социума.

Психолингвистический аспект изучения человека также не может быть ограничен рамками чистой лингвистики и общей психологии. Понятие языковой личности, введенное в ассоциативную лингвистику в 80-х гг. XX в. известным отечественным ученым Ю.Н. Карауловым, позволило по-новому взглянуть на исследование современных языковых процессов, претендующих на максимальную научную объективность, однако совершенно не учитывающих при этом «индивидуально-личностного начала в языке» [2014, с. 19] – тех реальных носителей языка и языкового сознания, благодаря которым язык функционирует, меняется и развивается.

Исследование языкового сознания, т.е. образов сознания представителей того или иного этноса, отраженных в языке при помощи языковых средств, напрямую связано с изучением эволюции этнической культуры, ценностных смыслов, заложенных в основание этой культуры, традиций поведения, образа жизни и других социокультурных характеристик, позволяющих конкретной личности и обществу в целом осознавать свою этнокультурную принадлежность, этнокультурную самоидентификацию.

Создание ассоциативных словарей в формате электронных ресурсов открыло неисчерпаемые возможности в пополнении, систематизации и многоаспектном изучении обширного эмпирического материала, получаемого в ходе массовых ассоциативных экспериментов от респондентов, которые могут быть объединены по самым разным параметрам (возрасту, полу, месту проживания, профессиональным интересам и т.д.). Один из активно используемых и пополняемых ассоциативных ресурсов – это Русская региональная ассоциативная база данных СИБАС (<http://adict.ru.nsu.ru>), созданная на материалах, полученных при анкетировании студентов Сибири и Дальнего Востока. С учетом вышеуказанной области исследования нами также разрабатываются и применяются приемы семантической разметки ассоциативных полей СИБАС по оценочному признаку.

Современные исследователи идентичности полагают, что оценка – основополагающий принцип, необходимый для процедуры идентификации. Сравнивая и неизменно оценивая себя и других по различным параметрам, мы способны делать выбор в постоянно возникающих оппозициях «мы – они», «свой – чужой» на каждом уровне самоопределения личности и общества. Обширный материал исследования современных ассоциативных ресурсов, та конечная ассоциативно-вербальная модель, фактически представляющая собой материализованный «слепок»

коллективного языкового сознания конкретного этноса в определенный период его существования, позволяет рассматривать феномен оценки не только с точки зрения языкового выражения тех или иных частных оценочных значений, но и в более широком смысле — как основание для общих социокультурных ценностных ориентиров, а также как один из фундаментальных принципов для определения собственной социокультурной идентичности.

Существенно расширить сведения об актуальных процессах трансформации самоидентификации в России за последние 20 лет может дальнейший подробный анализ тематической группы «Виды самоидентификации» в разных временных срезах с привлечением результатов исследований идентичности из других социогуманитарных наук. Получив информацию о самоидентификации респондентов, можно выделить признаки разных видов идентичности современной молодежи — возрастную, этническую, региональную, семейную, гендерную, религиозную, профессиональную, гражданскую, государственную, коллективную, индивидуально-личную и др. (подробнее см.: [Грицко, 2017а, с. 271–273; 2017б, с. 33–39]).

Общеизвестно, что проблема переосмысления складывающихся веками этнокультурных ценностных установок обостряется в переломные моменты истории этноса. Прогнозирующее значение проблемы ценностных ориентиров современного общества выходит на первый план, поскольку ценностные ориентиры занимают важное место в структуре личности человека, непосредственно влияют на его поведение, и каждый человек, применяя к окружающему миру собственные ценностные установки, которые складываются под влиянием большого количества экстралингвистических факторов, задает общую тенденцию развития общества, частью которого он является. В этом смысле ассоциативные электронные ресурсы, которые представляют репрезентативный системно-организованный эмпирический материал, совмещающий в себе психический и лингвистический опыт освоения мира, а также заложенную в нем систему национальных ценностей, обладают неисчерпаемым потенциалом для современных многоаспектных исследований в электронном высокотехнологичном формате.

Список литературы

Грицко М.И. К вопросу о семантической разметке ассоциативных баз данных по оценочному признаку (на материале Русской региональной ассоциативной базы данных – СИБАС) // Сибирский филологический журнал. – 2017а. – № 3. – С. 269–285.

Грицко М.И. Психолингвистический аспект исследования российской идентичности современной молодежи на материале русских ассоциативных баз данных // Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты: сб. мат-лов VII Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2017б. – С. 33–41.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 8-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2014. – 264 с.

References

Gritsko M.I. K voprosu o semanticheskoy razmetke assotsiativnykh baz dannykh po otsenochnomu priznaku (na materiale Russkoy regional'noy assotsiativnoy bazy dannykh – SIBAS). *The Siberian Journal of Philology*, 2017a, No. 3, pp. 269–285 (in Russ.).

Gritsko M.I. Psikholingvisticheskiy aspekt issledovaniya rossiyskoy identichnosti sovremennoy molodezhi na materiale russkikh assotsiativnykh baz. In *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: lingvisticheskie aspekty: sbornik materialov VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Novosibirsk, 2017b, pp. 33–41 (in Russ.).

Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. Moscow: LIBROKOM Publ., 2014, 264 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Грицко М.И. – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН,

e-mail: marieg@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-6553-5776>.

Эвенские и эвенкийские названия на карте Северной Якутии

В статье рассматривается возникновение географических названий Северной Якутии. Названия образованы на основе значения объектов для людей, их практической пользы для человека, связаны с особенностями местности, которая помогает выжить в суровых арктических условиях, «полезными» чертами объектов, которые запоминались кочевниками эвенками и эвенками в первую очередь.

Ключевые слова: *Арктика, эвенки, эвены, тундра, тайга, Якутия.*

Для цитирования: Гуков А.Ю. Эвенские и эвенкийские названия на карте Северной Якутии. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 491–493. DOI 10.17746/0295-7.2019.491-493.

A.Yu. Gukov
Yakutian Hydrometeorological Department,
Tiksi, Russia

Even and Evenki Names on the Map of Northern Yakutia

The principle of occurrence of geographical names of Northern Yakutia lies in the meaning of objects for people, their practical use for humans, the peculiarity of the area, which helps to survive in severe arctic conditions, “useful” features of objects that were remembered by nomads of Even and Evenki in the first place

Keywords: *Arctic, Tungus, Evenks, Evens, tundra, taiga, boreal forest, Yakutia.*

For citation: Gukov A.Yu. Even and Evenki names on the map of Northern Yakutia. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 491–493 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.491-493.

История занятий, обычаев и быта народов, населявших в прошлом территорию северной Якутии, отчетливо прослеживается в географических названиях. Следы пребывания самодийских племен обнаруживаются в названиях р. *Куйюка* в бассейне *Анабара* (так именовали предметы, почитаемые домашними покровителями), а также реки с окончанием *-яха* ‘вода, река’: *Бадяриха* (правый приток Индигирки), *Муксунуоха* (Усть-Янский), *Сутуруоха* (Абыйский р-н), *Аллаиха* и др. Важнейшее значение имела практическая польза для человека, особенность данной местности, которая помогает выжить в суровых условиях. Особенностью топонимики северо-востока Азии являются значительное количество смешанных гибридных топонимов, которые распространены на местах, где складывались в прошлом тесные контакты разноязычного населения. Встречаются: юкагиро-эвенские топонимы, например: *чалбанья* (эвен. *чалбан* ‘береза’ + юкагир. суффикс обладания *-йа*), р. *Эломчан* (юка-

гир. *Элом* + эвен. уменьшительный суффикс *-чан*), якутско-эвенские (р. *Биличан*, где якутское слово *били* ‘перекресток дорог’ + эвенский уменьшительный суффикс *-чан* и др.). Эвенское слово *Кирес* произошло от русского *Крест* (*Крестях*, *Кирес-Онатын* ‘мыс с крестом’).

Якутские топонимы в северной Якутии широко распространены на побережье океана и по всему Заполярью, они вырабатывались в процессе тесного и длительного общения якутов с эвенками, юкагирами с XVII в. — *Тикси* ‘причал’, *Булун* ‘отдельная обособленная часть леса, реки, озера, возвышенности’, *Алазея* ‘алас, луг’, *Хатанга* (от *хатынг* ‘береза’). В окончании якутских названий часто встречаются уменьшительные аффиксы *-каан*, *-кээн*, *-коон* и *-чаан*, *-чээн*, *-чоон*, которые совпадают по значению и форме с соответствующими эвенскими и эвенкийскими аффиксами (например, р. *Балыгычан* — от якут. *Балыкчан* ‘маленькая рыбная’, где *балык* ‘рыба’ + *чаан*. *Оротукан* — от якут. *Ортэх* ‘выжженный участок’ + аффикс *каан*. Большое количество названий (*Татта*, *Ситта*, *Матта*, *Ыгыатта* и др.), вероятно, имеют юкагирское происхождение. В названии р. *Анабар* есть юкагирская составляющая *-ану* или *-эну* ‘река’, эвенкийская *-бира* — тоже ‘река’. На восток от Колымы преобладают чукотские топонимы. Значительный пласт топонимического наследия имеет тунгусо-манчжурское происхождение.

В I тыс. н.э. предки эвенков и эвенов продвинулись из Прибайкалья и Забайкалья на север, образовав в результате смещения с юкагирами новые хозяйственно-культурные типы. Эвенские топонимы отличаются от юкагирских специфическими суффиксами. Например, увеличительный суффикс *-ндя*, уменьшительный *-чан* (*Дюпкундя* (от *дюпка* ‘протока’ + *ндя*), р. Муна, оз. Мунничан (от слова *муння* ‘гнилой, тухлый’ + *чан*)). Есть сложносоставные названия: гора Джуордилалкан ‘гора, имеющая две головы’, от слова *дил* ‘голова’ + суффикс *-лкан*. *Оймякон* на эвенкийском звучит *хэйум* ‘полюнья, где зимует рыба в реке’, на эвенском ‘незамерзающий зимой водоем’ + *каан* ‘малый’. А *Сеймчан* ‘малый хэйум’, *Сеймдже* и *Сейэмдже* ‘большой сейим’ (*хэйим*, *хэйум*), в названии которых присутствует увеличительный суффикс *-дже*. Название пункта *Сыганнах* произошло от слова *Сенгаан* (эвен. ‘налим’), *Омчикандя* от *Омчик* (эвен. ‘болото, трясына’). Болота широко распространены в северной Якутии, поэтому этот термин нередко встречается на картах. В Усть-Янском р-не речки Омчукчаан и Омчукундя, оз. Омчохондьо в Кобяйском р-не, р. Омчугуння в Оймяконье, оз. Анаатар-Омчох в Верхоянском р-не. Нельгесе впадает в Яну и ее название восходит к эвенскому *нельге* ‘коряга’ (*-сэ* — суффикс, оформляющий название). Село Найба (эвен.) — ‘красная рыба-голец’, обитающая в местных озерах. Название реки и поселка Тенкели — на эвенкийском *Тэнгкэ* — ‘берег’, на якутском и эвенском то же слово означает ‘тайга, густой лес’. Протока Тэнгкэ Эльгэнэ в Анабарском р-не, Тэнгкэ Юрех в Оленекском, оз. Тэнгкэ Кюель в Нюрбинском р-не. Название Жиганск возникло от эвенского слова *Эдыгээн* ‘близкий к низовью реки’, а на эвенкийском ‘житель низовьев реки’. Эвенкийские топонимы широко распространены в Якутии (например, *учур* ‘вихрь, вьюн’, *томпо* ‘водоворот’, *сиибиктэ* ‘хвощ’, *джугджур* ‘водораздел’, *чагда* ‘сосняк’). Много терминов от слова ‘дерево’ (*мо*), среди них оз. Муосаны в Сунтарском р-не, р. Мома. Эвенкийский термин *Биракан* переводится как ‘маленькая речка’, приток Лены Атыркан произошел от слова ‘старуха’. Слово *Аян*, как и в якутском языке, обозначает протоку, старое русло реки, *курунг* ‘сухой’. Верхоянский хребет р. Яна (*Джангы*),

р. Янгылбыя (*Нянгылбыя*) названы от эвенкийского — ‘сопка, голец, горный хребет’. Поселок Амакинский — от слова *амака* ‘медведь’. Нюрба от слова *нюрма* ‘имеющий стрелы’, от названия древнего рода *нюрматан*. Муя, Муякан, Мухтуя — от *му* ‘вода’ с добавлением суффикса собирательности *-кта* и суффикса увеличительности *-я*, т.е. ‘большая вода, собранная со многих мест’. Нербек, Нербэкэчэн, Чурбука, с. Ербогачен — от понятия ‘холм, поросший сосновым лесом’. Эвенкийские корни имеют многие топонимы: Далдын (‘приток реки’), Лабынкыр (‘море’), Чульман (‘кварц, кремень’), Кодар (‘скала, камень’), Кута (‘торфяное болото, трясины’), Ахтаранда (‘лесная чаша’), Орон (‘олень’), Алдан (‘каменистое место’), Тында (*тэнгдэ* ‘оленье пастбище’, место, где распрягают оленей), Желтулак (*дэлту* ‘расплескивать воду’, *джелтули* ‘водоворотная река’), Нерюнгри (*ниру*, *нерие* ‘хариус’ и *-нгра* суффикс, обозначающий названия гор, рек, озер), Желинда (*джели* ‘таймень’, *-нда* — вариант суффикса *-нгра*). Пролив Этерикан (‘старик’) назван в 1909 г. в память о ламуте — проводнике экспедиции К.А. Воллосовича. Беркэкиит происходит от слова *бэркэ* — ‘место, где охотятся самострелами’ (суффикс *-киит* обозначает место, где происходит действие).

Таким образом, географические названия Северной Якутии возникли на основе значения объектов и их практической пользы для людей. Важную роль в топонимике играют особенности данной местности, которые помогают выжить в суровых арктических условиях, «полезные» черты объектов, что запоминались кочевниками эвенами и эвенками в первую очередь.

Сведения об авторе:

Гуков А.Ю. — доктор биологических наук, гидробиолог Якутского управления по гидрометеорологии,

e-mail: sgukov@mail.ru.

Язык – главный маркер этничности (на примере бурятского языка)?

В работе рассмотрены особенности этносамоидентификации бурят, роль родного языка в их национальном самоопределении. На примере данных, полученных при опросах бурят в России, Китае и Монголии показано, что язык не является у них главным маркером этничности. Возможно, в связи с этим существует угроза утраты бурятского языка, а также активно развивается бурятско-русское двуязычие.

Ключевые слова: *этнокультурная идентификация, бурятский язык, буряты в России, Китае, Монголии.*

Для цитирования: Дырхеева Г.А. Язык – главный маркер этничности (на примере бурятского языка)? *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 494–496. DOI 10.17746/0295-7.2019.494-496.

G.A. Dyrheeva
*Institute of Mongolian Studies and Tibetology,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russia*

Is the Language the Main Marker of Ethnicity (the Buryat Language Example)?

The paper is about the features of ethnoself-identification of Buryats, role of the native language in their national self-determination. On the example of the data obtained at polls drill in Russia, China and Mongolia it is shown that language isn't at them the main marker of ethnicity. Perhaps, in this regard there are problems with loss of the Buryat language, active development of the Buryat-Russian bilingualism.

Keywords: *ethnocultural identification, the Buryat language, Buryats in Russia, China, Mongolia.*

For citation: Dyrheeva G.A. Is the language the main marker of ethnicity (the Buryat language example)? *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 494–496 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.494-496.

Общеизвестно, что субъективные факторы, влияющие на состояние языковой ситуации – ценностные ориентации народа, его привязанность к своей культуре и языку, желание расширить социальные функции родного языка, степень национальной терпимости, уровень интернационального воспитания и др., – связаны с этнической идентичностью, во многом определяются ею. Количество данных факторов в последнее время возрастает, и они становятся более разнообразными.

Ранее, особенно среди лингвистов, превалировало мнение, что язык – главный этнический самоопределятель, язык – основа национального самосознания и боль-

шинство национальных ценностей формируется и сохраняется посредством языка. Современные исследования показывают перемещение в модернизированных нациях этнодифференцирующих факторов в орбиту национального самосознания, социально-психологических установок, что связано, скорее всего, с тем, что национальное самосознание стоит на более высоком, чем язык, уровне этнического самоопределения и включает в себя такие составляющие, как этническое, культурное, языковое и религиозное самосознание.

Является ли бурятский язык основным признаком бурятской нации, точнее, какие мнения по этому поводу существуют сегодня?

Как показывают социолингвистические и социологические опросы, в отличие от других этносов России, для которых язык является основным этноидентификационным признаком, в Бурятии он обычно занимает II–IV места по степени значимости после культуры, обычаев, традиций, истории, происхождения и т.д. Однако потеря языка по результатам всех обследований стоит на первом месте в ответах на вопрос «Утрата чего, по Вашему мнению, может привести к исчезновению бурят?».

Особенности данного аспекта изучения языковой ситуации у бурят были рассмотрены и сопоставлены при анализе экспедиционных социолингвистических материалов по Бурятии, району Шэнэхэн Внутренней Монголии Китая и по Монголии.

В частности, как показал наш опрос среди молодежи Бурятии (1999–2000 гг.), язык занимает второе место (54,4 %) по степени значимости после культуры, обычаев, традиций (79 %) в оценке характеристик, объединяющих бурят.

Подобную же ситуацию можно наблюдать и у бурят Монголии и Китая. В Монголии 57,8 % респондентов поставили культуру, обычаи и традиции на первое место по значимости, 56,8 % – историю и происхождение и 53,3 % – язык. При этом 76,4 % ответили, что именно потеря языка может привести к исчезновению бурят как этноса.

Опрос включал в т.ч. вопросы: «Какой язык, по Вашему мнению, для Вас является наиболее функциональным?»; «Считаете ли Вы важным знание бурятского языка?»; «В чем видите его значение?». Почти 84 % ответили, что монгольский язык для них функционально наиболее значим. При этом посчитали «очень важным» знание бурятского языка 45,9 %, «важным» – 43,9 %, «неважным» – 1,4 %. Основное его значение, по мнению респондентов, заключается в «сохранении национальной принадлежности» – 55,4 %; 27 % ответили, что «благодаря языку сохраняют национальную культуру»; 29,1 % считают его главным средством общения.

Во Внутренней Монголии Китая почти 90 % бурят ответили, что для них функционально наиболее значимым является китайский язык. «Очень важным» знание бурятского языка оказалось для 57,4 % респондентов; «важным» – для 39,6 %; затруднились ответить – 3,9 %. И так же, как монгольские буряты, основное его значение они видят, в первую очередь, в «сохранении национальной принадлежности» – 70,8 %, «сохранении культуры» – 48,8 %. При этом доля ответивших, что для них это главное средство общения, существенно выше (кстати, как и на предыдущие вопросы), чем в Монголии, – 43,2 %.

По нашим данным, этнический идентификатор (бурят) – 60,9 %, как и в Бурятии и в Китае, вышел на первое место, однако при этом уточнение «монгольский бурят» (61,6 %) оказалось, как и в Китае – «шэнэхэнский бурят» (65,5 %) выше, чем просто бурят – 41,0 % или бурят-монгол – 36,7 %. Категории гражданской или религиозной

идентичности находятся, соответственно, на третьем (38,4 %) и четвертом (31,5 %) местах. Можно предположить, что для национальных немногочисленных диаспор, проживающих в иноязычной, инокультурной среде, достаточно важным является именно уточнение государственной или локальной принадлежности.

Необходимо отметить, что национально-языковая проблема в Республике Бурятия (сокращение численности носителей бурятского языка) связана в т.ч. с внутриязыковой ситуацией, многодиалектностью языка, национальным самосознанием, усилением процесса деэтнизации. Кроме того, для бурят, как и для других народов, характерно то, что национальное самосознание частично компенсирует сокращение социально-культурных этнических особенностей. В то же время, очевидно, что самоидентификация зависит от языковой компетенции его носителя, они взаимосвязаны и обычно смена языка способствует изменению самоопределения (не только национальному) индивидуума чаще не в первом, а во втором и последующих поколениях.

Можно согласиться с Э.В. Хилхановой [2007, с. 134], которая отмечает, что поиск причины противоречивой оценки бурятского языка у современных бурят свидетельствует об актуальных процессах трансформации этнического и культурного сознания бурятского народа в новых общественных реалиях. И, к сожалению, сегодня многими родной язык не признается основой бурятской идентичности, консолидации бурятского народа. Именно непонимание, недооценка языкового фактора способствует языковому сдвигу и, в то же время осознание большинством того, что именно потеря языка может привести к исчезновению бурят как этноса позволяет надеяться на то, что еще не все потеряно и бурятский язык имеет перспективы дальнейшего развития.

Список литературы

Хилханова Э.В. Факторы коллективного выбора языка и этнокультурная идентичность у современных бурят (дискурс-аналитический подход). — Улан-Удэ: Издат.-полигр. компл. Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств. — 2007. — 205 с.

References

Khilkhanova E.V. Faktory kollektivnogo vybora yazyka i etnokulturnaya identichnost u sovremennykh buryat (diskurs-analiticheskiy podkhod). Ulan-Ude: Izdatelsko-poligraficheskiy kompleks Vostochno-Sibirskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv, 2007, 205 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Дырхеева Д.А. — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии,

e-mail: an5dag1@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3477-6280>.

А.Д. Каксин
*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан, Россия*

О классах слов, используемых для характеристики и оценки человека в хантыйском языке

В статье обосновывается деление массива слов, связанных с номинацией человека, на три основные группы: слова называющие (хӑӧӧтӧ 'человек; ханты', хӧ 'мужчина', ӧе 'женщина' и др.), характеризующие (хон 'царь', ӧеӧрас хӧ 'охотник', ӧисӧе 'доярка', ӧиӧ 'попутчик', ӧӧхас 'друг' и др.) и оценивающие (тувӧет 'хулиган; непоседа, баловник', ули-муӧи 'глупый; глупыш; забывчивый', хӧӧрх-мурх 'равнодушный; нелюдимый, бирюк', сиӧка 'сволочь', хот 'проклятый' и др.). Указывается на сложность выявления (в хантыйском языке) слов третьей группы, на необходимость сбора информации о таких словах и подготовки к изданию словаря антропологической лексики хантыйского языка.

Ключевые слова: функции слова, принципы деления лексикона, классы слов, именные слова, характеристика человека, оценочная лексика, хантыйский язык.

Для цитирования: Каксин А.Д. О классах слов, используемых для характеристики и оценки человека в хантыйском языке. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 497–500. DOI 10.17746/0295-7.2019.497-500.

A.D. Kaksin
*Katanov Khakass State University,
Abakan, Russia*

About Classes of the Words Used for Characteristic and Assessment of the Person in the Khanty Language

Division of the massif of the words connected with the nomination of the person into three main groups is proved in article. Treat them: the words calling (хӑӧӧтӧ 'the person; the Khanty', хӧ 'man', ӧе 'woman' and others), characterizing (хон 'tsar', ӧеӧрас хӧ 'hunter', ӧисӧе 'milkmaid', ӧиӧ 'fellow traveler', ӧӧхас 'friend' and others) and estimating (тувӧет 'the hooligan; fidget, mischievous person', ули-муӧи 'silly; silly fellow; forgetful', хӧӧрх-мурх 'indifferent; unsociable person', сиӧка 'swine', хот 'damned' and others). It is pointed out complexity of identification (in the Khanty language) the words of the third group, on need of collection of information about such words and preparation for the edition of the dictionary of anthropological lexicon of the Khanty language.

Keywords: functions of a word, principles of division of a lexicon, classes of word, personalized words, characteristic of the person, estimated lexicon, Khanty language.

For citation: Kaksin A.D. About classes of the words used for characteristic and assessment of the person in the Khanty language. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 497–500 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.497-500.

Современное состояние семантических исследований по проблеме «язык и мир, отраженный в нем» (тем более с привязкой к проблемам лексикографии) характеризуется сложностью определения базовых понятий: «значение слова»,

«функция слова», «категоризация понятий в языке», «когнитивная семантика», «концепты» и мн. др. В финно-угроведении данная проблематика довольно часто была в центре внимания, и в последние десятилетия также появилось немало работ, посвященных вопросам полного отражения семантики в словаре [Лендъял, 1972; Средства..., 1996; Андрианова, 2000; Söder, 2001; Елисеев, 2008; Кузнецова, 2011; Цыпанов, 2011].

В данной статье мы коснемся только вопроса описания именной лексики, т.е. слов (хант. *ики* ‘мужчина’, *ими* ‘женщина’), устойчивых словосочетаний типа хант. *муши хё* ‘беденький; бедолага; болезный’), а также фразеологических оборотов именного характера (типа хант. *пирац похтэм* ‘старый, выживший из ума; старый чудак’). Именно такие слова и сочетания применяются для описания человека как индивида, во всех деталях его натуры, характера, привычек, внутреннего облика.

Анализ словарного состава, соотносимого с человеком (или с образом человека), позволяет уже на первом этапе выявить три функционально-семантические группы, а в ходе дальнейшего исследования можно определить также возможности семантического перехода между ними (можно выяснить, в частности, как слова называющие и характеризующие могут быть использованы в качестве оценивающих).

Анализ имен и словосочетаний, называющих, характеризующих и оценивающих человека, проведенный нами на материале хантыйского языка, привел к следующим результатам. В первую группу объединяются слова, служащие преимущественно для называния, нейтральной характеристики человека. В этой группе значима преимущественно физическая (общечеловеческая), половозрастная, этническая и семейно-родственная разница между людьми. В первую группу входят такие слова, как *хя́ннэхё* ‘человек’, *хя́нты* ‘человек, ханты’, *хё* ‘мужчина’, *нэ* ‘женщина’.

Вторую группу составляют слова и словосочетания, которые используются для характеристики (классификации) человека (людей) по социальным свойствам, т.е. по признакам, важным, существенным для человеческого сообщества. Это может быть деление по умениям, навыкам, роду занятий, роли в семье, в профессиональном или ином коллективе, по общим, социально значимым, характеристикам (качествам) и т.п. Членами этой группы являются, к примеру, следующие слова и словосочетания:

хон ‘царь’, *велтас хё* ‘охотник’, *вён ко́ща* ‘большой начальник’, *миснэ* ‘дойрка’, *пил* ‘попутчик’, *ло́хас* ‘друг’, *митхё* ‘слуга’.

Слова первых двух групп могут использоваться как оценивающие, но при выполнении двух условий: должны быть 1) адекватный (подходящий) контекст и 2) соответствующая интонация.

Наконец, в третью группу входят слова и словосочетания, используемые для оценки, т.е. преимущественно в тех случаях, когда на первый план выходит субъективный и эмоциональный аспект отношения к кому-либо (или чему-либо):

вор ‘вредина; вредный (человек), с характером’, *во́лы-сыр* ‘странный, непонятный, чудак-человек’, *во́лэп-хё́лэп* ‘странный, непонятный, чокнутый, с причудами’, *вэ́спух* ‘черт (ругат.), паразит (ругат.), сволочь, негодяй, ублюдок’, *каркам* ‘бойкий, проворный, удалый, расторопный, поворотливый’, *ка́няц* ‘паразит (ругат.), скотина (ругат.), сволочь, негодяй, ублюдок’, *ко́няр* ‘бедолага, страдалец, беденький; бедный, несчастный, жалкий’, *ко́няр-ёсах* ‘бедолага, страдалец, беденький’.

Последняя группа, безусловно, наиболее интересна в семантическом плане. Эту особенность мы формулируем следующим образом: это слова с оценочной коннотативной составляющей непосредственно в своей внутренней форме. Многие слова данной сферы являются просторечными. Мы предполагаем в дальнейшем более тщательное изучение такой лексики в хантыйском языке. Имеются, безусловно, словари хантыйского языка, наиболее известными из которых являются словари, составленные В. Штейницем и др. [Steinitz, 1966–1991], С.П. Кононовой [Русско-хантыйский тематический словарь, 2002], С.И. Вальгамовой и др. [Диалектологический словарь..., 2001], В.Н. Соловар [Краткий русско-хантыйский словарь..., 2015]. Тем не менее приходится констатировать: именно в отношении интересующей нас подгруппы (т.е. слов с семантикой оценки человека) они являются неполными.

Список литературы

Андрианова Е.М. Терминология родства в финно-угорских языках волжской и пермской групп: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2000. – 20 с.

Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / сост. С.И. Вальгамова, Н.Б. Кошкарёва, С.В. Онина, А.А. Шиянова, под общ. ред. Н.Б. Кошкарёвой / ИФЛ СО РАН. – Екатеринбург: Баско, 2001. – 208 с.

Елисеев Ю.С. Финско-русский и русско-финский словарь. – М.: Дрофа, 2008. – 720 с.

Краткий русско-хантыйский словарь (казымский диалект) / сост. В.Н. Соловар. – Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2015. – 52 с.

Кузнецова А.И. [Рецензия] // *Linguistica Uralica*. – 2011. – № 4. – С. 298–302. – Рец. на дис.: Н.В. Дубровская. Особенности семантической деривации существительных в диалектах селькупского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Лендзел Л. «Переносное значение» или «образное употребление» слов? // *Лексикология и лексикография*: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1972. – С. 48–72.

Русско-хантыйский тематический словарь: казымский диалект / сост. С.П. Кононова. – СПб.: Просвещение, 2002. – 216 с.

Средства образного выражения в удмуртском языке / сост. К.Н. Дзюина. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 144 с.

Цыпанов Е.А. ‘Счастье’ и ‘удача’ в финно-угорских языках. – *Linguistica Uralica*. – 2011. – № 4. – С. 265–275.

Söder T. “Walk This Way”: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. – Uppsala, 2001. – 154 p. – (*Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia* 33).

Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. – Berlin, 1966–1991. – 1640 p.

References

Andrianova E.M. Terminologiya rodstva v finno-ugorskih yazykah volzhskoj i permskoj grupp: cand. sc. (philology) dissertation abstract. Yoshkar-Ola: Mari State Univ. Press, 2000, 20 p. (in Russ.).

Dialektologicheskij slovar' khantyjskogo yazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekty) / sost. S.I. Val'gamova, N.B. Koshkareva, S.V. Onina, A.A. Shiyanova; pod obshchej redaktsiej N.B. Koshkarevoj / Institute of Philology SB RAS. Yekaterinburg: Basko, 2001, 208 p. (in Russ.).

Eliseev Yu.S. *Finsko-russkii i russko-finskij slovar'*. Moscow: Drofa, 2008, 720 p. (in Russ. and Finn.).

Kratkii rusско-hantyjskij slovar' (kazymskij dialekt) / sost. V.N. Solovar. Khanty-Mansiysk: Obsko-ugorskii institut prikladnykh issledovanii i razrabotok, 2015, 52 p. (in Russ.).

Kuznetsova A.I. [Review] *Linguistica Uralica*, 2011, No. 4, pp. 298–302 (Dissertation review: N.V. Dubrovskaya. Osobennosti semanticheskoi derivacii sushchestvitel'nyh v dialektah sel'kupskogo yazyka: cand. sc. (philology) dissertation abstract) (in Russ.).

Lend'el L. "Perenosnoe znachenie" ili "obraznoe upotreblenie" slov? In *Leksikologiya i leksikografiya: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: Nauka, 1972, pp. 48–72 (in Russ.).

Rusko-hantyjskij tematiceskij slovar': Kazymskij dialect / sost. S.P. Kononova. St. Petersburg Prosveshchenie, 2002, 216 p. (in Russ.).

Sredstva obraznogo vyrazheniya v udmurtskom yazyke / sost. K.N. Dzyuina. Izhevsk: Udmurtiya, 1996, 144 p. (in Russ.).

Tsypanov E.A. 'Schast'e' i 'udacha' v finno-ugorskih yazykah. *Linguistica Uralica*, 2011, No. 4, pp. 265–275 (in Russ.).

Söder T. "Walk This Way": Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Uppsala, 2001, 154 p. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia 33).

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966–1991, 1640 p.

Сведения об авторе:

Каксин А.Д. – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,

e-mail: adkaksin@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9632-8286>.

Образ врага в языковом сознании русских Сибири

Работа посвящена выявлению региональных и профессионально-обусловленных особенностей языкового сознания русских, проживающих на территории Сибири, на примере образа врага как крайней формы проявления образа «чужого» в исследовании этнической самоидентификации. Данные ассоциативных экспериментов ЕВРАС и СИБАС не выявляют региональных расхождений относительно исследуемого образа. В то же время материалы ассоциативного эксперимента, в котором в качестве испытуемых выступали военнослужащие одного из сибирских гарнизонов, демонстрируют сильное влияние профессиональной идентификации.

Ключевые слова: *враг, языковое сознание, профессиональная идентификация, русские ассоциативные базы данных и словари, структура ассоциативного поля.*

Для цитирования: Кафтанов Р.А. Образ врага в языковом сознании русских Сибири. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 501–504. DOI 10.17746/0295-7.2019.501-504.

R.A. Kaftanov
*Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Image of the Enemy in the Language Consciousness of Siberian Russians

The work is devoted to the study of regional and profession-related features of the language consciousness of Russians who live in Siberia, on the example of the image of the enemy, which is the extreme form of the image of the “alien” in the study of ethnic identity. The data of associative experiments EVRAS and SIBAS do not reveal regional discrepancies with respect to the image of the enemy. At the same time, the data of the associative experiment, in which military servicemen from one of the Siberian garrisons acted as subjects, demonstrate a strong influence of professional identification.

Keywords: *enemy, linguistic consciousness, professional identification, Russian associative databases and dictionaries, associative field structure.*

For citation: Kaftanov R.A. Image of the enemy in the language consciousness of Siberian Russians. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 501–504 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.501-504.

Один из способов изучения самоидентификации группы – исследование образа того, кем себя данная группа не считает и кому она себя противопоставляет, т.е. образа «чужого», который в определенных условиях превращается во врага.

Слово *враг* нетипично для повседневной речи согласно источникам [Ляшевская, Шаров, 2009; Национальный корпус...; РАС, 2002]. Оно не является высокочастот-

ным (15,1 употребления на 1 млн слов корпуса) и употребляется в основном в публицистике и художественной литературе. Согласно данным [РАС, 2002], стимул *враг* вызвал в качестве самой частотной реакции историческое фразеологическое единство *враг народа*, а также много отказов (пятое место по частотности), что может быть объяснено тем, что значительное число испытуемых затруднились отыскать в памяти сформированный образ, связанный с мало используемым словом [Балясникова, 2016, с. 153–154].

Материалы ассоциативных экспериментов [Уфимцева, Черкасова, 2014; СИБАС] позволяют сделать вывод об относительно невысокой степени актуализации слова *враг* в обыденном сознании русской языковой личности.

Анализ на макроуровне показывает, что ассоциат *враг* в СИБАС и ЕВРАС:

1) в равной степени удален от ядра языкового сознания, т.е. слов, которые обладают максимальной ассоциативной силой и представляют особое значение для испытуемого [Залевская, 1990, с. 149];

2) чаще всего вызван практически одними и теми же стимулами:

– СИБАС: *союзник* 56; *друг* 37; *коварный* 32; *чужой* 26; *шпион* 21; *немец* 19; *ненавидеть* 16; *опасный* 13; *злой* 10;

– ЕВРАС: *коварный* 56; *друг*; *союзник* 51; *ненавидеть* 30; *шпион* 28; *немец*; *чужой* 24; *атаковать* 19; *опасный* 14; *недуг* 13.

Таким образом, на макроуровне слово *враг* не проявляет региональных особенностей в языковом сознании усредненного носителя русского языка.

Вместе с тем в подкорпусе ассоциаций, созданном на материале проведенного в 2015 г. ассоциативного эксперимента с военными, дислоцирующимися на территории Сибири, ассоциат *враг* занимает третье место в списке ассоциативных доминант, после вербальных единиц *сила* и *жизнь*. Очевидно, для военных понятие, передаваемое словом *враг*, обладает высокой степенью актуальности, т.к. входит во фрейм деятельности (по терминологии А.А. Леонтьева [1997, с. 9]) военного в качестве объекта деятельности.

Анализ на микроуровне показал, что семантика ассоциатов, входящих в ассоциативное поле (далее по тексту – АП) *враг* в ЕВРАС и СИБАС, и количество образуемых ими связей в целом позволяют охарактеризовать оба источника как принадлежащие одному языковому сознанию. Соответственно, в отношении слова *враг* языковое сознание усредненного носителя русского не проявляет региональных расхождений.

В таблице показаны устойчивые реакции, занимающие свыше 1 % от общего состава АП, в порядке убывания частоты: от высокочастотных до примыкающих к периферии.

На этом фоне значительно отличается состав и структура АП *враг* в подкорпусе ассоциаций военных:

1) более высокой частотностью обладают ассоциаты: *противник* (термин, используемый в военном дискурсе для обозначения противоборствующей стороны); ассоциаты, обозначающие действия (*убить*; *уничтожить*) и результаты этих действий (противник *побежден*; *повержен*; *поражен*; *убит*; *уничтожен*); *США* (как наиболее вероятный противник); *смерть* (враг воспринимается как источник смертельной опасности);

2) менее частотны: ассоциаты чувств и эмоций (*ненависть*); отсылка к устойчивому словосочетанию *враг народа*; реакция *война*.

Ассоциативное поле *враг*

Запад	Восток	
ЕВРАС	СИБАС	Подкорпус ассоциаций военных
535 ассоциатов; 198 различных ассоциатов	493 ассоциатов; 189 различных ассоциатов	773 ассоциатов; 244 различных ассоциатов
народа 80; друг 55; недруг 31; война 23; зло 14; мой 13; ненависть 12; злой 11; государства 10; противник 9; убить 8; неприятель; соперник; у ворот; чужой 7; борьба 6	друг 65; недруг 37; народа 35; злой 18; война; государства 17; зло 13; ненависть 10; мой 9; человек 8; у ворот 7; заклятый; не друг; немец; плохой; соперник 6; злость; месть; убить 5	противник 55; друг 44; убить 35; зло 33; США; убит 27; повержен 25; смерть 21; у ворот 20; недруг; уничтожить 19; наро- да 16; побежден 13; поражен; союзник 11; плохой; уничтожен 10

Таким образом, на макро- и микроуровнях устойчиво просматривается достаточно ярко выраженная специфика профессиональной идентификации языковой личности военного.

Мы считаем, что особенности, демонстрируемые данными ассоциативных экспериментов с военными, являются следствием влияния профессиональной среды, а не региональных различий. Именно принадлежность к тем или иным социальным группам, в данном случае к профессиональным, формирует различия в языковом сознании русских Сибири.

Список литературы

Балясникова О.В. «Свой – чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка). – М.: Канцлер, 2016. – 202 с.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 208 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009. – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?> (дата обращения: 28.10.2018 г.).

Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 28.10.2008 г.).

РАС – Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов: в 2 т. – Т. I. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 784 с.; Т. II. От стимула к реакции: более 100 000 реакций. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 992 с.

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2018) / И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. – URL: <http://adict.ru.nsu.ru> (дата обращения: 28.10.2018 г.).

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурис ЕВРАС. – М., 2014. – URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения: 28.10.2018 г.).

References

Balyasnikova O.V. “Svoi – chuzhoi”: psikholingvisticheskie aspekty issledovaniya (na materiale russkogo yazyka). Moscow: Kanzler, 2016, 202 p. (in Russ.).

Leontiev A.A. Osnovy psikholingvistiki. Moscow: Smysl, 1997, 287 p. (in Russ.).

Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka). Moscow: Azbukovnik, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?> (accessed: 28.10.2018) (in Russ.).

RAS – Russkii assotsiativnyi slovar': in 2 vol. / Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov. Vol. I. Ot stimula k reaktsii: ok. 7000 stimulov. Moscow: AST-Astrel', 2002, 784 p.; vol. II. Ot stimula k reaktsii: bolee 100 000 reaktsii. Moscow: AST-Astrel', 2002, 992 p. (in Russ.).

Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 28.10.2018) (in Russ.).

SIBAS – Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh (2008–2018) / I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko. URL: <http://adict.ru.nsu.ru> (accessed: 28.10.2018) (in Russ.).

Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar'-tezaurus EVRAS. Moscow, 2014. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>. (accessed: 28.10.2018) (in Russ.).

Zalevskaya A.A. Slovo v leksikone cheloveka: psikholingvisticheskoe issledovanie. Voronezh: Voronezh Univ. Press, 1990, 208 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Кафтанов Р.А. – аспирант сектора русского языка в Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук,

e-mail: rk76@ngs.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-8902-580X>.

Обучение родному языку учащихся ханты и манси в национальных школах Югры в середине 1940-х – середине 1960-х годов

В статье изучены вопросы организации обучения родному языку детей народов Севера в школах Югры в первые послевоенные десятилетия. Предпринята попытка выявить результаты советской школьной политики в вопросах обучения учащихся из числа национальных меньшинств родному языку, что, безусловно, имеет большое значение в сохранении национально-культурной идентичности данных народов. Сделан вывод о слабом уровне организации этого обучения в школах Югры в середине 1940-х – середине 1960-х гг., что приводило к постепенной русификации детей ханты и манси, низкой успеваемости на занятиях и т.д.

Ключевые слова: Югра, ханты и манси, родной язык, коренизация, национальная школа, дети народов Севера.

Для цитирования: Кириллюк Д.В. Обучение родному языку учащихся ханты и манси в национальных школах Югры в середине 1940-х – середине 1960-х годов. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 505–508. DOI 10.17746/0295-7.2019.505-508.

D.V. Kirilyuk
Surgut State University,
Surgut, Russia

The Native Language Training of Khanty and Mansi Pupils in Ugra National Schools in the Middle of 1940 till the Middle of 1960th

The research is devoted to the study of indigenous pupils' training of native language in Ugra schools at the first afterwar decades. The author tries to reveal the results of soviet school politics in questions of indigenous pupils' training of native language what have great meaning in national and cultural identity of indigenous people. The author comes to conclusion that the organization of such training in Ugra schools in the middle of 1940th till the middle of 1960th was quiet weak and lead to the gradual russification of Khanty and Mansi children, poor progress etc.

Keywords: Ugra, Khanty, Mansi, native language, indigenization, ethnic school, indigenous pupils of the North.

For citation: Kirilyuk D.V. The native language training of Khanty and Mansi pupils in Ugra national schools in the middle of 1940 till the middle of 1960th. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 505–508 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.505-508.

На протяжении многих столетий главной особенностью социально-демографического развития Югры было проживание на ее территории коренных народов Севера – ханты, манси и ненцев. Вплоть до начала массовой высылки в регион спецпереселенцев в 1930-е гг. они составляли большинство населения края. Это предполагало осуществление в СССР целого комплекса действий по образованию коренного населения. Его основой стала политика коренизации, провозглашенная советской властью в 1921–1923 гг. [Перевалова, 2017, с. 248].

Первые серьезные шаги в реализации данной политики на территории Югры были сделаны в начале 1930-х гг. 10 декабря 1930 г. был впервые образован Остяко-Вогульский национальный округ с центром в с. Самарово в составе Уральской обл. Следующим важным событием стало создание в 1932 г. на территории Югры Ханты-Мансийского педагогического училища. Его выпускники, знакомые со спецификой работы в местных школах, должны были улучшить и работу с учащимися из числа ханты, манси и ненцев.

Большую часть предвоенных лет государство предпринимало попытки организовать обучение детей народов Севера с учетом их национальных особенностей. В первую очередь это касалось преподавания в начальных классах на языках данных народов. По планам Комитета Севера все обучение в начальной школе нужно было перевести на родной язык, а русский язык преподавать как предмет. Однако из-за отсутствия учителей, способных вести обучение на этих языках, нехватки соответствующей учебно-методической литературы данный план не был реализован ни в одной школе края [Чумак, 2008, с. 16].

Более того, 13 марта 1938 г. вышло Постановление Совета народных комиссаров и ЦК ВКП(б) № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Русский язык провозглашался средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту [Постановление..., 1938]. Материалы о состоянии учебно-воспитательной работы в национальных школах Ханты-Мансийского национального округа в 1954–1957 гг. свидетельствуют о том, что в условиях смешанного межнационального состава большинства школ региона преподавание у учащихся младших классов велось преимущественно на русском языке. Лишь в тех школах, куда поступали дети, не знавшие русского языка (Саранпаульская школа Березовского р-на, где обучались дети коми-оленевонов), открывались подготовительные классы.

Однако и в этих классах далеко не всегда работали опытные учителя, знающие родной язык детей (ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 376. Л. 29). Что же касается преподавания на национальных языках у школьников Югры среднего звена, то организовать его было невозможно из-за нехватки в регионе педагогов, владеющих ими. Например, в 1956 г. ни один из учителей Ларьякского р-на не владел в совершенстве языками коренных народов Севера (ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 392. Л. 33).

Данные трудности только усугублялись несовершенством учебной литературы на языках ханты и манси. Например, в 1959 г. на аппаратном совещании по итогам инспекторской проверки школ Березовского р-на один из участников встречи инспектор окрону Е.С. Мазикова заявила, что букварь хантыйского языка содержал много ненужных, трудных знаков, что затрудняло обучение (ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 392. Л. 47). Данные проблемы существовали для школьного образования края не одно десятилетие, но так и не были разрешены.

Наряду с этим, по мнению и.о. зав. Березовским районо Вискунова, для остальных классов не нужно было использовать учебники на родном языке, поскольку классы были смешанными. Не нужна была, по его мнению, и многочисленная художественная литература на хантыйской и мансийском языках. Заведующий районо считал это нерациональной тратой огромных государственных средств, т.к. литература эта сотнями книг лежала на складах районо и в школах, а дети любили читать только русский перевод. На сэкономленные деньги он предлагал издавать литературу на русском языке (ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 376. Л. 29–30).

При этом основной причиной низкой успеваемости учащихся коренных национальностей в 1–4 классах в 1950-е гг. в разных районах края как раз и назывался тот факт, что преподавание велось по программам и учебникам русских школ (ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 376. Л. 33). При переходе же в 5-е классы успеваемость учащихся национальностей, вынужденных догонять в развитии русских учащихся, еще больше снижалась (ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 392. Л. 27). Однако причиной этому, по мнению окроно, было именно плохое знание детьми русского языка. Фактически признавая данный парадокс, местная система школьного образования так и не смогла в рассматриваемый период ничего изменить. Не случайно, один из участников аппаратных совещаний при окроно в конце 1950-х гг. откровенно сетовал на то, что окроно фактически «закрывает глаза» на то, что национальные школы Югры не работают по национальным программам (ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 392. Л. 36).

Таким образом, нужно признать, что обучение детей коренного населения родному языку в середине 1940-х – середине 1960-х гг. осуществлялось в национальных школах Ханты-Мансийского национального округа на слабом уровне. Как правило, оно проводилось только в подготовительных классах и только в тех школах, где учащиеся из числа коренных народов Севера составляли значительное большинство. Но даже в этом случае целью советской школьной политики было не стремление дать детям навыки письма и счета на своем языке, а более быстрая подготовка к переводу их обучения на русский язык. К концу рассматриваемого периода данный вопрос и вовсе был вытеснен из документов органов народного образования Югры отчетами о реализации школьной реформы 1958 г.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-86003 «Строительство окружной столицы г. Ханты-Мансийск: конструирование этничности и национальная урбанизация (1930-е – начало 1990-х гг.)».

Список литературы

Перевалова Е.В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть: дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2017. – Т. 1. – 638 с.

Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13.03.1938 N 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23269#0011198124157326683> (дата обращения: 15.10.2018 г.).

Чумак Е.Г. Становление и развитие системы образования обско-угорских народов Северо-Западной Сибири в 1920–1950-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2008. – 22 с.

References

Chumak E.G. Stanovleniye i razvitiye sistemy obrazovaniya obsko-ugorskikh narodov Severo-Zapadnoy Sibiri v 1920–1950-e gg.: cand. sc. (history) dissertation abstract. Tyumen, 2008, 22 p. (in Russ.).

Perevalova E.V. Obskie ugry i nentsy Zapadnoy Sibiri: etnichnost' i vlast': dissertation doctor sc. (history). Yekaterinburg, 2017, vol. 1, 638 p. (in Russ.).

Postanovlenie SNK SSSR, TsK VKP(b) ot 13.03.1938 No. 324 “Ob obyazatel'nom izuchenii russkogo yazyka v shkolakh natsional'nykh respublik i oblastei”. In *Spravochno-pravovaya sistema “Konsul'tantPlyus”*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23269#0011198124157326683> (accessed: 15.10.2018).

Сведения об авторе:

Кирилюк Д.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Сургутского государственного университета,

e-mail: DenKirilyuk@yandex.ru.

Роль языка в формировании идентичности в национально-культурных объединениях восточных славян

В статье рассмотрено использование языка при формировании идентичности среди участников организаций, представляющих интересы украинцев и белорусов г. Новосибирска. Показана оценка значения национального языка в качестве маркера идентичности этнической группы и отражено использование национального языка как одного из критериев для этнической идентификации в поликультурном пространстве города.

Ключевые слова: язык, этнокультурная идентичность, национально-культурные автономии, белорусы, украинцы, Новосибирск.

Для цитирования: Понедельченко Л.О. Роль языка в формировании идентичности в национально-культурных объединениях восточных славян. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 509–511. DOI 10.17746/0295-7.2019.509-511.

L.O. Ponedelchenko
*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

The Language Role in Formation of Identity in National and Cultural Associations of East Slavs

The thesis considers use of language when forming identity among participants of the organizations representing the interests of Ukrainians and Belarusians of Novosibirsk. Indicate assessment of value of national language as a marker of identity of ethnic group. Reflects use of national language as one of criteria for ethnic identification in polycultural space of the city.

Keywords: language, ethnocultural identity, national and cultural autonomies, Belarusians, Ukrainians, Novosibirsk.

For citation: Ponedelchenko L.O. The language role in formation of identity in national and cultural associations of east Slavs. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 509–511 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.509-511.

Говоря о идентичности этнической группы, мы, несомненно, в качестве одного из основных элементов этнической культуры выделяем национальный язык. Традиционно в этнографической науке язык рассматривается в неразрывной связи с этносом, внутри которого он развивался [Козлов, 1995, с. 157]. Он, с одной стороны, объединяет представителей данного этноса, а с другой — выделяет среди предста-

вителей другого. В статье рассматривается использование языка при формировании идентичности среди участников организаций, которые представляют интересы украинцев и белорусов г. Новосибирска. Наблюдения показывают, что в современном городском обществе семейная преемственность традиций поколений частично заменяется преемственностью традиций в результате деятельности социальных организаций. Педагогическая деятельность досуговых учреждений среди горожан подменила семейную передачу элементов традиционной этнической культуры. Для исследования отобраны официально зарегистрированные в качестве национально-культурных организаций (далее НКО) и осуществляющие деятельность по сохранению традиционной культуры восточных славян в рамках правового поля Российской Федерации. Материалом исследования послужили наблюдения автора, а также результаты интервьюирования и анкетирования участников НКО.

Оценка руководителями национально-культурных организаций значения национального языка в качестве маркера идентичности этнической группы менялась на всем протяжении их существования. В начале своей деятельности руководители уделяли меньшее внимание языковой практике. Все участники в недавнем времени приехали с территории Беларуси и Украины, свободно говорили на родном языке, необходимости подкреплять знание родного языка не было. Знание национального языка руководителями организаций считалось неотъемлемой частью идентичности, наряду с территорией происхождения и этнической идентичностью родителей. Постепенное изменение состава участников, частичное омоложение, пополнение из числа горожан показали необходимость пересмотреть отношение к данному вопросу. Знание национального языка также осталось в восприятии участников организаций как важнейший элемент этнической идентичности, который позволяет идентифицировать свою этничность в унифицированном городском культурном пространстве. Данную задачу организации решали различными способами.

Белорусская национально-культурная автономия организовывала курсы по изучению белорусского языка для молодого поколения, однако данный опыт не оправдал ожиданий: они оказались мало востребованы и поэтому были закрыты. Взрослые участники свободно говорили на белорусском, а молодые белорусы, выросшие в Сибири, знание родного языка отмечали в качестве важного элемента своей этнической идентификации, но при этом не считали его обязательным.

Другие национально-культурные организации белорусов «Новосибирский центр белорусской культуры» и «Белорусский культурно-просветительский центр во имя святой Евфросинии Полоцкой» используют родной язык для придания национального колорита вывескам, афишам, буклетам. Всю свою деятельность и делопроизводство осуществляют на русском. Знание белорусского языка также считается основным критерием самоидентификации, но при этом не является решающим. Об этом говорит тот факт, что при этих организациях созданы группы по изучению родного языка, однако большей популярностью они пользуются у горожан, нежели у участников.

Украинские национально-культурные организации с самого начала уделяли большое внимание языковой практике, т.к. считают язык неотъемлемой и самообитной частью своей национальной культуры. Поэтому все встречи и заседания в «Украинской национально-культурной автономии» и «Украинском культурно-просветительском центре "Шляхами Кобзаря"» проходят исключительно на укра-

инском языке. В данных организациях нет специальных курсов по изучению родного языка, все говорят так, как научили их родители. При этом участники используют различные диалекты, что затрудняет их коммуникацию.

Особо следует отметить «Новосибирский областной украинский культурный центр», являющийся государственным бюджетным учреждением культуры г. Новосибирска. Украинский язык используют для придания национального колорита своей деятельности. На базе центра разработан курс изучения украинского языка как важного элемента традиционной культуры украинского народа.

Формально во всех организациях язык рассматривается как обязательный элемент этнического самосознания, поэтому их руководители создают возможности для изучения национального языка. Однако большинство участников воспринимают национальный язык больше как символ этнической культуры, считают, что достаточно использовать его на официальных мероприятиях, в периодических печатных изданиях, отмечая, что говорить дома на родном языке в условиях современной жизни нет необходимости.

Подводя итог, следует сказать, что передача опыта, традиций, фольклора через национальный язык способствует образованию целостной гармоничной модели взаимоотношений человека с окружающей средой. Современные процессы глобализации и культурной трансформации, политика мультикультурализма не снижают значение языка в этнической культуре. В условиях городской среды национальный язык выступает в роли маркера идентичности, но чаще всего не на уровне ежедневного бытового общения, а на уровне позиционирования объединения по этническому признаку, например, в рамках НКО. Использование национального языка как одного из критериев для этнической идентификации в поликультурном пространстве города обуславливает особое значение данного элемента традиционной культуры для национально-культурных организаций восточных славян г. Новосибирска.

Список литературы

Козлов В.И. Язык // Этнические и этно-социальные категории. Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1995. – Вып. 6. – С. 157.

References

Kozlov V.I. Yazik. Etnicheskie i etno-socialnie kategorii. Svod etnograficheskix ponatij i terminov. Moscow: Nauka, 1995, iss. 6, pp. 157 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Понедельченко Л.О. – младший научный сотрудник отдела музееведения Института археологии и этнографии СО РАН,
e-mail: ponedelchenko.l@yandex.ru.

Авто- и гетеростереотипы в языковом сознании носителей русского и якутского языков

В статье рассматриваются структура и содержание авто- и гетеростереотипов якутов и русских. Актуальность исследования этнических стереотипов обуславливается возможностью использования его результатов в прогнозировании и профилактике межэтнических конфликтов. Показано, что автостереотипы, как правило, положительны: в описании черт характера и особенностей поведения своей этнической группы значительно преобладают ассоциаты с положительной коннотацией.

Ключевые слова: *автостереотип, гетеростереотип, языковое сознание, ассоциативное поле, Русская региональная ассоциативная база данных (СИБАС).*

Для цитирования: Савицкая С.В. Авто- и гетеростереотипы в языковом сознании носителей русского и якутского языков. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 512–515. DOI 10.17746/0295-7.2019.512-515.

S.V. Savitskaya
Institute of Philology, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

Auto- and Hetero-stereotypes in the Linguistic Consciousness of Russians and Yakuts

The purpose of this study is to explore the structure and content of auto- and hetero-stereotypes of Yakuts and Russians. The results of such studies can be helpful in predicting and preventing inter-ethnic conflicts. Auto-stereotypes appear to be mainly positive while hetero-stereotypes contain predominantly negative characteristics.

Keywords: *auto-stereotype, hetero-stereotype, linguistic consciousness, associative field, Regional Associative Database (SIBAS).*

For citation: Savitskaya S.V. Auto- and hetero-stereotypes in the linguistic consciousness of Russians and Yakuts. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 512–515 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.512-515.

Для полиэтнических и поликонфессиональных государств, к которым относится и Российская Федерация, налаживание стабильных и гармоничных межэтнических отношений является одной из первостепенных задач государственной политики. Оптимизации межэтнических отношений может способствовать среди прочего и изучение этнических стереотипов, которое позволяет выявить особенности восприятия этносами себя и других и определить зоны межэтнической напряженности.

Под этническими стереотипами понимают «относительно устойчивые представления о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей» [Психологический словарь, 1990, с. 467]. Этнические стереотипы подразделяются на автостереотипы (представление этноса о самом себе) и гетеростереотипы (мнения и суждения о другом этносе).

Материалом для анализа авто- и гетеростереотипов в языковом сознании якутов и русских послужили ассоциативные поля (далее АП) **саха**, **нуучча**, представленные в Якутском ассоциативном словаре и АП **русский** в Русской региональной ассоциативной базе данных (СИБАС). В данной работе мы следуем подходу А.А. Залевской, согласно которому необходимо «анализировать именно ассоциативные поля, а не отдельные реакции; при этом важно учитывать полный корпус полученных данных, не ограничиваясь только самыми частотными реакциями и не игнорируя единичные ответы испытуемых» [2005, с. 21]. Важность учета единичных реакций (периферии АП) при качественном анализе материалов ассоциативных экспериментов показана в работах целого ряда исследователей (см., напр.: [Караулов, 2000; Шапошникова, 2012, 2017, 2018; Залевская, 2013; Бубнова, Казаченко, 2018]).

При анализе АП **саха** мы выделили две тематические группы реакций, относимых к образу «себя»:

Черты внешности

кыараҕас харах 8 (узкие глаза), хара харах 2 (черные глаза), кыччаҕар харах (узкие глаза), бэллэбэр сирэй (нужное лицо), төкүнүк сирэй (круглое лицо), кыра унугох (маленький рост), маадыаҕар 1 (кривоногий)

Особенности этнического характера и поведения

Положительные: *ньоҕой 15 (упрямый), үчүгэй 4 (хороший), күүстээх 3 (сильный), өйдөөх 2 (умный), муударай (мудрый), дьоллоох (счастливый), сайаҕас (вежливый), сүрэхтээх (трудолюбивый), сымнаҕас (смирный), үлэһит (работающий), үтүө 1 (добрый)*
Отрицательные: *кыра-хара 3 (маленький, бедный), мөлтөх 3 (слабый), өһөс (упрямый), акаары (глупый), кихиргэс (хвастливый), кирдээх 1 (грязный)*

У якутов в описании характера и поведения своего этноса значительно преобладают ассоциаты с положительной коннотацией.

Ключевое отличие автостереотипа **русский** от автостереотипа **саха** заключается в отсутствии в его структуре компонента «черты внешности»: в АП **русский** не зафиксированы реакции, описывающие внешность русского человека. При этом в АП **русский** нами выделена тематическая группа «Социальные роли», включающая ассоциаты, обозначающие семейно-бытовые, профессиональные и общественно-политические роли, в которых может воплотиться русский человек:

Социальные роли

мужик 10, парень 3, патриот 3, поэт 3, солдат 3, писатель 2, богатырь, герой, земляк, мужчина, офицер, папа, спортсмен, ученый, языковед 1

Особенности этнического характера и поведения

Положительные: *великий, гордый, душа нараспашку, могучий, настоящий, сильный, с китайцем – братья навек! 1*
Отрицательные: *алкаш, жулик, идиот, нацист, слабый, свинья, пьяница, пьяный 1*

В АП **нуучча** мы выделили две группы реакций, отражающих специфику восприятия русских якутами:

Черты внешности и физиологические особенности

күөх харах 42 (голубые глаза), улахан, уһун мурун (мунну) 39 (большой, длинный нос), сырдык 36 (светлый), холоҥсо 32 (резкий, неприятный запах пота), сырдык баттах 16 (светлые волосы), уһун 15 (высокий), сыттаах, сыт/сыт-сымар 10 (от него пахнет; резкий запах), улахан/киэн харах 6 (большие глаза), сырдык харах(таах) 4 (глаза светлого цвета), көнө атах (прямые ноги), кыраһыабай 1 (красивый)

Особенности этнического характера и поведения

Положительные: *табаарыс 7 (товарищ), добор 4 (друг), улэһит (работящий), улуу омук 1 (великий народ)*

Отрицательные: *атын (киһи, омук) 14 (чужой человек, народ), кэли (киһи, омук) 11 (пришлый человек, народ), албын 4 (хитрый), киһиргэс 4 (хвастливый), мөлтөх 4 (слабый), сангалаах 2 (болтливый), туора киһи 2 (посторонний человек), атын тыл 2 (другой язык), атыннык сангарар (по-другому говорит), кыһырымтабай 1 (злой, раздражительный)*

Отметим подробное описание якутами внешности русских, а также значительное преобладание отрицательных характеристик в содержании гетеростереотипа **нуучча**. Прошло уже четыре столетия с тех пор, как русские в лице казаков прибыли на эту территорию Восточной Сибири (современной Якутии), но в сознании якутов все еще остается актуальным представление о русских как о чужих, пришлых людях.

Список литературы

Бубнова И.А., Казаченко О.В. Культурные константы русского образа мира на современном этапе развития общества // *Вопр. психолингвистики*. – 2018. – № 2 (36). – С. 28–41.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 240 с.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // *Языковое сознание и образ мира* / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 191–206.

Психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

Шапошникова И.В. Устойчивость и изменчивость вербальных ассоциаций русских как отражение процессов самоидентификации при нарушении целостности этнокультурной среды // *Межэтническое общение: контакты и конфликты: сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой*. – М.: ИЯ РАН; МИЛ, 2012. – С. 171–193.

Шапошникова И.В. Мотивационная база реформы образования и профессиональная идентификация русской языковой личности // *Вопр. психолингвистики*. – 2017. – № 4 (34). – С. 124–145.

Шапошникова И.В. Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию российских студентов (по материалам массовых ассоциативных экспериментов) // *Сибирский филологический журнал*. – 2018. – № 3. – С. 255–273.

References

Bubnova I.A., Kazachenko O.V. Kul'turnye konstanty russkogo obraza mira na sovremennom etape razvitiya obshchestva. In *Journal of Psycholinguistics*, 2018, No. 2 (36), pp. 28–41 (in Russ.).

Karaulov Yu.N. Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noi seti. In *Linguistic Consciousness and Worldview* / ed. N.V. Ufimtseva. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2000, pp. 191–206 (in Russ.).

Psychological Dictionary / ed. A.V. Petrovskiy, M.G. Yaroshevskiy. Moscow: Politizdat, 1990, 494 p. (in Russ.).

Shaposhnikova I.V. Ustoichivost' i izmenchivost' verbal'nykh assotsiatsii russkikh kak otrazhenie protsessov samoidentifikatsii pri narushenii tselostnosti etnokul'turnoi sredy. In *Interethnic communication: contacts and conflicts: A Collection of Papers* / ed. N.V. Ufimtseva. Moscow: Institute of Linguistics RAS; MIL, 2012, pp. 171–193 (in Russ.).

Shaposhnikova I.V. Motivatsionnaya baza reformy obrazovaniya i professional'naya identifikatsiya russkoi yazykovoi lichnosti. *Journal of Psycholinguistics*, 2017, No. 4 (34), pp. 124–145 (in Russ.).

Shaposhnikova I.V. Psikhoglossy, markiruyushchie tsivilizatsionnyu identifikatsiyu rossiiskikh studentov (po materialam massovykh assotsiativnykh eksperimentov). *Siberian Philological Journal*, 2018, No. 3, pp. 255–273 (in Russ.).

Zalevskaya A.A. Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy. Moscow: Gnozis, 2005, 543 p. (in Russ.).

Zalevskaya A.A. Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta. Moscow: Direkt-Media, 2013, 240 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Савицкая С.В. – аспирант Института филологии СО РАН,

e-mail: sardana_3@rambler.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-6728-5352>.

Артикуляционно-акустические базы южносибирских тюркских этносов как фактор культурно-языковой идентичности

Инструментальные исследования звуковых систем южносибирских тюркских языков позволили выявить глубинную связь между фонико-фонологической спецификой современных языков и артикуляционными укладами, сформировавшимися на ранней стадии существования этносов и сохранявшимися на протяжении веков в своих доминантных чертах, аккумулируя и транслируя социально-исторический опыт. Артикуляционно-акустическая база как система кодирования и передачи этнолингвистической информации последующим поколениям общности является одним из маркеров культурно-языковой идентичности в оппозиции «свой — чужой».

Ключевые слова: культурно-языковая идентичность, южносибирские тюркские языки, артикуляционно-акустические базы.

Для цитирования: Селютина И.Я., Добринина А.А. Артикуляционно-акустические базы южносибирских тюркских этносов как фактор культурно-языковой идентичности. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 516–519. DOI 10.17746/0295-7.2019.516-519.

I.Ya. Selyutina, A.A. Dobrinina
*Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Articulatory-Acoustic Bases of South Siberian Turkic Ethnic Groups as a Factor of Cultural and Linguistic Identity

Instrumental studies of the sound systems of the South Siberian Turkic languages revealed a deep connection between the phonico-phonological specificity of modern languages and the articulation structures formed at an early stage of the existence of the ethnic groups and preserved for centuries in their dominant features, accumulating and transmitting socio-historical experience. The articulatory-acoustic base as a system of coding and transmission of the ethno-linguistic information to subsequent generations of community is one of the markers of cultural and linguistic identity in the opposition of “our — other”.

Keywords: cultural and linguistic identity, South Siberian Turkic languages, articulatory-acoustic bases.

For citation: Selyutina I.Ya., Dobrinina A.A. Articulatory-acoustic bases of South Siberian Turkic ethnic groups as a factor of cultural and linguistic identity. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 516–519 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.516-519.

К структурообразующим компонентам этнической идентичности относятся такие признаки этнической общности, как родной язык, традиции и обычаи, совместное проживание на данной территории, верования, историческая память, поведенческие стратегии и пр. [Шахбанова, Лысенко, Мамараев, 2014, с. 2779]. При этом в иерархии факторов этнической идентичности доминирующим является язык. Вместе с тем проблемы отражения этнической идентичности в языковом сознании этносов и локальных этнических групп Сибири пока очень слабо разработаны.

Комплексная картина исторического опыта этноса как одной из основ этнической идентификации включает и лингвистический аспект, к числу составляющих которого относится артикуляционно-акустическая база (ААБ) как система произносительных навыков в совокупности с их акустическими эффектами. Способность артикуляционно-акустических баз сохраняться в своих доминантных чертах и передаваться из поколения в поколение обуславливает возможность использования их в качестве надежного и информативного исторического и этнолингвистического источника [Наделяев, 1986].

Объектом нашего исследования являются звуковые системы южносибирских тюркских языков и диалектов, предметом – артикуляционно-акустические базы как системы кодирования, хранения и трансляции этнолингвистической информации другим поколениям общности, как один из маркеров культурно-языковой идентичности в оппозиции «свой – чужой».

Обобщение результатов исследований систем артикуляторных укладов как трансляторов исторической памяти и компонентов этнической самоидентификации свидетельствует о типологической общности структурной организации консонантных систем в алтае-саянских тюркских и в угро-самодийских языках: для ААБ этих языков неприемлема сильная напряженность речевого аппарата.

Система согласных, организованная оппозицией по краткости/долготе/долготнонеопределенности, впервые выявленная на материале алтайского языка, была позднее зафиксирована в ряде тюркских алтае-саянских идиомов.

Эта система интерпретируется как результат ассимиляции тюрками предшествующего нетюркского – угро-самодийского населения. Оппозиция согласных по слабости/сверхслабости с противопоставлением слабых по краткости/долготе есть результат наложения на угро-самодийскую субстратную систему, сохранившую в коллективной исторической памяти этноса представления о двойном противопоставлении согласных по напряженности, тюркской суперстратной системы с тройной оппозицией сильных/слабых/сверхслабых консонантов.

Неприемлемая для угро-самодийцев сильная тюркская артикуляция реализовалась в новом тюркском диалекте как долгая. Историческая память субстратного этноса как основа этнической самоидентификации детерминировала перестройку фонологической системы нового усвоенного языка, изменив ее место в типологической классификации [Селютина, 1983, с. 9].

В тюркских языках байкало-саянского региона – тувинском и тофском – консонантизм имеет огузскую систему единиц с тройной противопоставленностью по степени напряженности. Эта же система, по данным В.М. Наделяева, свойственна и халха-монгольскому языку, в котором функционируют сильные, слабые и сверхслабые фонемы [1987].

Поскольку система такого типа реконструирована для уйгуро-огузской группы древних тюркских языков, это послужило для В.М. Надеяева основанием для выдвижения гипотезы о том, что монголы центральных аймаков — тюрки по происхождению. Артикуляционно-акустическая база современных халха-монголов — это преобразованная база древних тюрков с тройным противопоставлением согласных звуков по степени мускульного напряжения речевого аппарата.

Выявленная в шорском языке система согласных, основанная на оппозиции по положению гортани, трактуется Н.С. Уртегешевым как наследие кетского субстрата либо как отражение палеосибирского состояния [2002, с. 276]. В барабинско-татарском языке данное противопоставление реализуется, по мнению Т.Р. Рыжиковой, в виде фонологической оппозиции по нефарингализованности/фарингализованности.

Таким образом, результаты исследований консонантных систем в южносибирских тюркских языках и особенностей ААБ носителей рассматриваемых идиомов свидетельствуют о наличии глубинных связей между фонико-фонологическими системами и исторической памятью этносов как одним из маркеров этнической самоидентификации. Фиксируемая на современном синхронном срезе специфика звуковых систем сформировалась благодаря тому, что артикуляционные уклады, сложившиеся на ранней стадии существования этносов и сохранявшиеся на протяжении веков в своих основных доминантных характеристиках даже при переходе этносов на другие языки, выполнили функцию аккумуляторов, хранителей, трансляторов и манифестаторов социально-исторического опыта предшествующих поколений. Этнические и языковые пересечения, взаимодействия и взаимовлияния, имевшие место в прошлом народов, сохранились в языковом сознании, реализуясь, в частности, в артикуляционно-акустических параметрах речи нынешних алтае-саянских тюрков.

Если артикуляторные настройки рассматривать как «мемы», т.е. единицы хранения исторической памяти носителей языка, то артикуляционно-акустические базы — это способ фиксации коллективной исторической памяти, особая форма существования этнической истории как фактора этнической самоидентификации.

Список литературы

Надеяев В.М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. — Новосибирск, 1986. — С. 3–15.

Надеяев В.М. Современный монгольский язык. Фонетика и орфоэпия // Языки Сибири и Монголии. — Новосибирск, 1987. — С. 3–74.

Селютина И.Я. Общие черты консонантизма в языках некоторых аборигенов Западной Сибири // Язык как исторический источник. — Новосибирск, 1983. — С. 4–14.

Уртегешев Н.С. Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. — 304 с.

Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М. Маркеры воспроизводства этнической идентичности дагестанских русских // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 9, ч. 12. — С. 2779–2783.

References

Nadelyaev V.M. K tipologii artikulyatsionno-akusticheskikh baz (AAB). In *Phoneticheskiye struktury v sibirskikh jazykakh*. Novosibirsk, 1986, pp. 3–15 (in Russ.).

Nadelyaev V.M. Sovremenniy mongol'skii yazyk. Fonetika i orfoepiya. In *Yazyki Sibiri i Mongolii*. Novosibirsk, 1987, pp. 3–74 (in Russ.).

Selyutina I.Ya. Obshchie cherty konsonantizma v yazykakh nekotorykh aborigenov Zapadnoi Sibiri. In *Yazyk kak istoricheskiy istochnik*. Novosibirsk, 1983, pp. 4–14 (in Russ.).

Shakhbanova M.M., Lysenko Yu.M., Mamaraev R.M. Markery vosproizvodstva etnicheskoi identichnosti dagestanskikh russkikh. In *Fundamental study*, 2014, No. 9, pt. 12, pp. 2779–2783 (in Russ.).

Urtegeshev N.S. Shumnyi konsonantizm shorskogo yazyka (na materiale m'rasskogo dialekta). Novosibirsk: State Univ. Press, 2002, 304 p. (in Russ.).

Сведения об авторах:

Селютинa И.Я. – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, профессор Института филологии СО РАН,

e-mail: siya_irina@mail.ru,

http://orcid.org/0000-0001-9457-3237;

Добринина А.А. – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН,

e-mail: ekinur@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0001-5841-4714.

Язык как важный элемент этнической идентичности (на примере тюркских языков Сибири)

В статье рассматривается проблема роли языка в формировании этнической идентичности. Сохранение родного языка является гарантией сохранения этноса. Однако данные последних лет по некоторым тюркским языкам Сибири (алтайский, хакасский) свидетельствуют об общей тенденции увеличения количества изучающих родной язык и одновременного падения уровня языковой компетенции.

Ключевые слова: язык, родной язык, этнос, этническая идентичность, алтайский, хакасский, языковая ситуация.

*Для цитирования: Тюнтешева Е.В., Тазранова А.Р. Язык как важный элемент этнической идентичности (на примере тюркских языков Сибири). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 520–524. DOI 10.17746/0295-7.2019.520-524.*

E.V. Tyuntesheva, A.R. Tazranova
*Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Language as Important Element of Ethnic Identity (on the Example of Turkic Languages of Siberia)

In the article, we analyze the role of language in formation of ethnic identity. Preservation of the native language is a guarantee of ethnic preservation. However, recent data on certain Siberian Turkic Languages (Altai, Khakas) shows an increase in numbers of people learning their native language and a simultaneous decrease in the level of language competence.

Keywords: language, native language, ethnos, ethnic identity, Altai, Khakas, language situation.

*For citation: Tyuntesheva E.V., Tazranova A.R. Language as important element of ethnic identity (on the example of Turkic languages of Siberia). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 520–524 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.520-524.*

Роль языка в формировании этнической идентичности является актуальной, не до конца решенной проблемой. Большинство исследователей считают язык одним из важнейшим факторов, определяющих этническую идентичность. В пользу этого говорят, например, факты, описанные Е.И. Убрятовой, о переходе части эвенков на якутский язык. При этом их потомки называли себя «чыыстая хака», т.е. чистыми якутами, хотя оба родителя были эвенками [Убрятова, 1960, с. 16].

Часть исследователей склоняются к тому, что язык не является обязательным фактором формирования этнической идентичности. В качестве доказательства

они приводят появление целого слоя людей, не знающих языка, но относящих себя к данному этносу [Хилханова, 2002]. Однако мы считаем, что осознание своей принадлежности к какому-либо этносу людей, не владеющих этим языком, поддерживается тем, что часть этноса все же говорит на родном языке. Наши исследования языковой ситуации на Северном Алтае показали, что осознание языка как родного не совпадает с реальным использованием его в качестве языка общения. Так, 50 % опрошенных в возрасте от 10 до 19 лет назвали родным тубаларский, — очевидно, поскольку это язык родителей, бабушек, дедушек, — но не владеют им ни в активной, ни в пассивной форме, и только 6,7 % указали, что владеют языком свободно [Языки..., 2003, с. 5]. На такую же закономерность у хакасов указывают С.А. Боргояков и Т.Н. Боргоякова: по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. среди тех, кто считает хакасский язык родным, владеющих им заметно меньше — 58,3 %. На основании этого авторы делают вывод, что «для большинства людей родной (этнический) язык является важным компонентом их этнической самоидентификации независимо от уровня владения им» [Боргояков, Боргоякова, 2016, с. 13].

В настоящее время большинство теленгитов идентифицируют себя как алтайцы и называют родным языком алтайский (лишь 16,7 % назвали родным теленгитский по данным переписи 2010 г.; примерно 2 % опрошенных нами в Улаганском р-не в 2018 г.), хотя с 2000 г. они считаются малочисленным этносом в Республике Алтай, как и, например, чалканцы. Но поскольку, в отличие от теленгитов, язык чалканцев имеет больше различий с алтайским литературным языком, чалканцы определяют себя именно как чалканцы и родным языком считают чалканский (81 % опрошенных в возрасте от 10 до 40 лет) [Языки..., 2003, с. 6].

С потерей языка этнос, конечно, не сразу прекратит свое существование, но это значимая ступень к разрушению его как самостоятельного этноса.

В настоящее время в тюркоязычных республиках Сибири (Тыва, Алтай, Хакасия) предпринимаются меры по укреплению позиций родного языка.

Отмечен рост количества детей дошкольного и школьного возраста, изучающих алтайский и хакасский языки (см. *таблицу*).

В 2018 г. изучающих хакасский язык дошкольников насчитывалось 1 601 чел. и школьников — 2 832 чел. [Озерова, 2018, с. 33].

Наряду с этим происходит сокращение количества детей, полноценно владеющих родным языком [Там же, с. 33–39], снижается уровень языковой компетенции. Так, у алтайских школьников заметно снижение общего уровня навыков письменной и устной речи, уровня понимания текста на алтайском языке на школьном уровне. В речи хакасских детей даже в чисто хакасских деревнях слышится русский акцент. Постепенное ухудшение языковой компетенции отмечается даже в таком благополучном, на первый взгляд, языке, как тувинский [Цыбенкова, 2017, с. 62].

Количество детей, изучающих родной (алтайский или хакасский) язык

Дети	2014		2015		2016	
	Алт.	Хак.	Алт.	Хак.	Алт.	Хак.
Школьники	9 053	1 228	10 103	1 644	11 013	2 708
Дошкольники	2 904	484	2 988	579	3 505	866

Как показал наш опрос в селах Язула и Улаган Улаганского р-на Республики Алтай, дети читают на алтайском языке только в пределах школьной программы. Переписку по интернету или посредством СМС или Ватсап молодежь предпочитает вести на русском языке. Важной причиной такого несоответствия между положительной динамикой увеличения доли изучающих алтайский язык и снижения показателей уровня обучения алтайскому языку является уменьшение объема учебной недельной нагрузки, отводимой на учебные предметы «Алтайский язык» и «Алтайская литература», как указывает представитель Министерства образования и науки Республики Алтай Е. Чандыева. Использование родного языка на бытовом уровне снижает словарный запас, грамотность, ведет к обеднению языка. Кроме того, по данным Министерства образования и науки, наблюдается тенденция увеличения количества детей-алтайцев, отказывающихся от изучения родного языка. Основной причиной отказа названа общая загруженность и подготовка к ЕГЭ.

В настоящее время мы видим опасную ситуацию, когда значимость родного языка уменьшается с каждым поколением. По словам Ч.С. Цыбеновой, в родном языке не видят социального престижа. «Поэтому языковую лояльность младшего переломного поколения можно оценивать как индикатор начала процесса языкового сдвига» [Там же, с. 120–121]. Высокий престиж русского языка, необходимость сдачи ЕГЭ, сомнение в необходимости владения родным языком в иноязычной среде, неправильное представление о том, что родной язык может помешать в освоении русского, в конце концов приведут к необратимому ухудшению ситуации.

Чтобы избежать таких последствий, нужно принимать конкретные меры на всех уровнях: начиная с семьи и заканчивая правительством.

Во-первых, в сохранении языка должны быть заинтересованы сами его носители. В обществе должна укорениться мысль, что *билингвизм и трилингвизм* (например, если речь идет о диалектной разновидности языка или языка малого народа в республике) *являются нормой*.

Во-вторых, целесообразно было бы перевести начальную школу на родной язык с постепенным последовательным усвоением русского языка; увеличить количество часов, отводимых на алтайский язык и литературу в средних и старших классах.

В-третьих, необходимо учитывать изменившиеся интересы и увлечения современных детей. Так, большое влияние на детей оказывает *телевидение и интернет*. Необходимы развивающие мультфильмы для детей младшего дошкольного возраста, где будут представлены цвета, счет, буквы, лексика, детские песенки и др. В настоящий момент на алтайский язык переведены некоторые популярные мультфильмы, например, «Трое из Простоквашино», но этого, конечно, недостаточно. Нужны мультипликационные фильмы или сериалы со своими оригинальными, возможно, фольклорными персонажами, которые будут интересны современным детям. И.Л. Кызласова, заведующая кафедрой хакасской филологии Хакасского государственного университета, вместе со своей студенткой-дипломницей предприняла попытку создать оригинальное анимэ на хакасском языке. Она же разработала телевизионные и интернет-уроки по обучению хакасскому языку.

Укреплению языка и его усвоению способствует интернет: сайты, игры на родном языке. Есть опыт создания сайта на тувинском языке, который популярен среди молодежи.

Хорошим подспорьем были бы также *интерактивные звучащие книжки*, игрушки и звуковые плакаты на родном языке типа плакатов серии «Знаток» (географические карты, алфавит, народные инструменты и др.). На такие плакаты можно нанести и чисто национальные реалии, некоторые из которых выходят из употребления (предметы быта, национальной одежды и др.).

Большую роль в распространении и развитии языка играет *детская оригинальная и переводная художественная литература, а также развивающие книги для детей младшего дошкольного возраста*. При нынешней ситуации и те и другие должны быть красочными, привлекающими внимание изданиями. Необходима также художественная литература на родном языке, предназначенная для подростков и старших школьников.

Таким образом, для укрепления позиций языка необходимо осознание его важности самими его носителями, ведь сохранение родного языка является гарантией сохранения этноса. Необходимо утверждение ситуации билингвизма как нормы; постоянная востребованность родного языка; продукция на родном языке, которая может создавать альтернативу таковой на русском.

Список литературы

Боргояков С.А., Боргоякова Т.Н. Языковая ситуация и проблемы обучения хакасскому языку в Республике Хакасия // Научное обозрение Саяно-Алтая. – Абакан, 2016. – № 3 (15). – С. 13.

Озерова Г.В. Создание условий для сохранения и развития хакасского языка в муниципальной системе образования города Абакана // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. (Абакан, 24–25 мая 2018 г.). – Абакан, 2018. – С. 33–39.

Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов якутской АССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 26.

Хилханова Э.В. Язык и этническая идентичность национальных меньшинств в современной России // Изменяющийся языковой мир. – Пермь, 2002. – URL: www.philology.ru/linguistics1/khilkhanova-02.htm

Цыбенова Ч.С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект. – Улан-Удэ, 2017. – С. 62, 120–121.

Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2003. – Вып. 10. Экспедиционные материалы. – С. 5–6, 13.

References

Borgoyakov S.A., Borgoyakova T.N. Yazykovaya situatsiya i problemy obucheniya khakasskomu yazyku v Respublike Khakasiya. In *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. Abakan, 2016, No. 3 (15), p. 13 (in Russ.).

Khilkhanova E.V. Yazyk i etnicheskaya identichnost' natsional'nykh men'shinstv v sovremennoi Rossii. In *Izmenyayushchiysya yazykovoii mir*. Perm, 2002. URL: www.philology.ru/linguistics1/khilkhanova-02.htm (in Russ.).

Ozerova G.V. Sozdanie uslovii dlya sokhraneniya i razvitiya khakasskogo yazyka v munitsipal'noi sisteme obrazovaniya goroda Abakana. In *Sokhranenie i razvitiye yazykov i kul'tur korenykh narodov*

Sibiri: materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Abakan, 24–25 maya 2018). Abakan, 2018, pp. 33–39 (in Russ.).

Tsybenova Ch.S. Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Respublike Tyva: sotsiolingvisticheskiy aspekt. Ulan-Ude, 2017, pp. 62, 120–121 (in Russ.).

Ubryatova E.I. Opyt sravnitel'nogo izucheniya foneticheskikh osobennostei yazyka naseleniya nekotorykh raionov yakutskoi ASSR. Moscow: AS USSR, 1960, p. 26 (in Russ.).

Yazyki korennykh narodov Sibiri. Ekspeditsionnye materialy. Novosibirsk, 2003, iss. 10, pp. 5–6, 13 (in Russ.).

Сведения об авторах:

Тюнтешева Е.В. – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН,

e-mail: tyunteshevae@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0002-4819-8306;

Тазранова А.Р. – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН,

e-mail:atazranova@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0001-8149-9971.

Фонетика как фактор этнической идентичности (на примере шорского языка)

В работе на примере близкородственных тюркских языков Южной Сибири показано как фонетика конкретного языка может выступать в роли этнической идентичности. Подобное изыскание проводится впервые на материале шорского, телеутского, кумандинского и хакасского языков. Представлены лексемы с маркерами идентичности в области фонетики. На примере шорского языка установлено, что этнической идентичностью народа могут выступать как фонетические закономерности, так и отдельные звуки. С разными родственными народами они могут быть разными, их может быть несколько.

Ключевые слова: *фонетика, народы Сибири, тюркские языки, шорский язык, этническая идентичность, идентификация, индивид, этнос.*

Для цитирования: Уртегешев Н.С. Фонетика как фактор этнической идентичности (на примере шорского языка). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 525–528. DOI 10.17746/0295-7.2019.525-528.

N.S. Urtegeshev
*Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Phonetics as a Factor of Ethnic Identity (on the Example of the Shor Language)

In this paper, on the example of closely related Turkic languages of southern Siberia, it is shown how the phonetics of a particular language can act as an ethnic identity. Such studies have not previously been conducted on the language material of the Shor, Teleut, Kumandin and Khakass languages. The study presents lexemes with markers of identity in the field of phonetics. On the example of the Shor language, it was found that the ethnic identity of the people can be both phonetic patterns and individual sounds. With different related peoples they may be different, there may be several.

Keywords: *phonetic, peoples of Siberia, Turk languages, Shor language, ethnic identity, identification, individual, ethnos.*

For citation: Urtegeshev N.S. Phonetics as a factor of ethnic identity (on the example of the Shor language). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 525–528 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.525-528.

Этническая идентичность — составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности [Стефаненко, 1999].

Становление и развитие идентичности заключается в синтезе идентификаций, которые интегрируются в систему составляющих компонентов целостной идентичности. Среди основных критериев этнической идентификации могут быть такие, как родной язык, общность происхождения, культура, традиции, религия, общее историческое прошлое, чувство привязанности к родной земле, своей Родине, общей территории проживания и мн. др. (https://sociology_encyclopedia.academic.ru/372/).

Как было сказано выше, одним из основных критериев этнической идентификации является родной язык, а в нем таким критерием может выступать фонетика. Часто именно фонетические явления, фонотактические закономерности служат для людей одной языковой группы идентифицирующими и в то же время дифференцирующими от другой. Рассмотрим на примере шорского языка.

Шорский язык — язык шорцев (шор кижы, тадар ~ тадэр ~ тадыр кижы), известных также под названиями шоры, мрассы, кондомсы, кузнецкие татары, абинцы, абалары, матурские инородцы. Населяют северные предгорья Алтая (Кузнецкий Алатау) в верхнем течении р. Томи и по ее притокам — Мрас-Су, Кондоме, Абе в Кемеровской обл., а также в долинах рек Абакан, Таштып, Матур в Республике Хакасии [Уртегешев, 2009, с. 543].

Исторически на смежных с Шорией территориях проживают родственные в лингвистическом, отчасти в культурном и антропологическом плане народы: телеуты, кумандинцы, хакасы, чалканцы, тубалары. Алтайцы и тувинцы проживают относительно не далеко, но при этом прямых контактов нет, как с вышеперечисленными народами. При всей близости в области фонетики отмечаются дифференциальные признаки, которые позволяют идентифицировать «свой—чужой», они достаточно яркие. Так, наибольшее различие в фонетике отмечается между шорским и телеутским языками, наиболее яркие маркеры следующие:

1) произношение в шорском в начальной позиции «ч», в телеутском в тех же словах — «j» («ть»), например (здесь и далее: **Семантика — Шорское — Телеутское**): ‘дорога’ — *Чол — Жол*, ‘год’ — *Чыл — Жыл*, ‘хорошо’ — *Чақшы — Жақшы*, ‘нет’ — *Чоқ — Жоқ* и др.;

2) противопоставление в одних и тех же словах начальных и конечных согласных: в шорском «ш» — в телеутском «ч»: ‘волосы’ — *ШаШ — ЧаЧ*, ‘переправляться’ — *кеШ — кеЧ*, ‘хлеб’ — *қалаШ — қалаЧ* и мн. др.;

3) наличие в телеутском языке губной гармонии по широкому гласному типа «о». В шорском она отсутствует; вместо нее есть лабиальная гармония по узкому гласному типа «у» в одних говорах и полное отсутствие губной гармонии в других — признак, по которому можно определить, откуда носитель шорского языка. Например: ‘на дороге’ — *чОлда — jОлдО*, ‘птица = моя’ — *қУжУм, қУжЫм — қУжЫм*, ‘на озере’ — *кӨлде — кӨлдӨ*, ‘побежал’ — *чЎгЎрЎбЎстЎ, чЎгЎрибИсти — jЎгЎрибИсти*, ‘заяц’ — *қОзАн — қОйОн* и т.д.

Шорские говоры с гармонией по узкому гласному как раз граничат с телеутами;

4) в позиции между гласными соответствие шорскому «з» телеутского «й»: ‘сам = я’ — *поЗум — поЙым*, ‘береза’ — *қаЗың — қаЙың*, ‘жеребец’ — *аСқыр — айғыр*, ‘заяц’ — *қОзАн — қОйОн* и др. В ряде говоров шорского языка ‘сам = я’ произносится с «й» — *поЙум*, но без губной гармонии по широкому гласному, как в телеутском;

5) Наличие в шорском двухфокусного проточного «г», его отсутствие в телеутском с заменой на долгое «у»: ‘гора’ — *таГ — тУУ*, ‘вода’ — *суГ — сУУ*, ‘большой, взрослый’ — *улуГ — улУУ*, аффикс обладания — *-лыГ — -лУУ* и др.

В Таштагольском р-не Кемеровской обл. и смежных районах Республики Алтай рядом с шорцами проживают кумандинцы, язык которых на 80 % сходится с шорским, но и здесь отмечаются различия:

1) в некоторых словах в позиции между гласными соответствие шорскому «з» кумандинского «й»: (**Семантика – Шорское – Кумандинское** [Петрушова, 2005]) ‘сам = я’ – *поЗум – поЙум*, ‘береза’ – *қаЗың – қаЙың*, ‘жеребец’ – *аСқыр – аЙғыр*, ‘хвост’ – *қуЗурук – қуЙрук* и др.;

2) в финальной позиции соответствие шорскому «ш» кумандинского «ч»: ‘дерево’ – *ағаШ – ағаЧ*, ‘з’ – *үШ – үЧ*, ‘сила’ – *күШ – күЧ*, ‘убегать’ – *қаШ – қаЧ* и др.;

3) в кумандинском, как и в телеутском, наличие губной гармонии по широкому гласному, только в основе многосложных слов (на аффиксы, как у телеутов, не распространяется), ее отсутствие в шорском: ‘сапог’ – *ӨтҰк ~ ӨдҰк – ӨтӨк ~ ӨдӨк*, ‘щука’ – *шОртАн – шОртОн*, ‘кочка на болоте’ – *тӨңзЕлЕк – тӨңсӨлӨк*, ‘заяц’ – *қОзАн – қОйОн* и др.;

4) в шорском в начале слова «ч», а в тех же словах в кумандинском «ть». При общении именно этот признак указывает на то, что это говорит не шорец, а кумандинец: ‘закрывать’ – *Чабарға – Ыабарға*, ‘7’ – *Четти – Ыети*, ‘племянник’ – *Чен – Ыен*, ‘хорошо’ – *Чақшы – Ыақшы* и др.;

5) иногда в начале слова у кумандинцев возникает «й» вместо шорского «ч»: ‘плохой’ – *Чабал – Йамал*, ‘нет’ – *Чоқ – Йоқ*, ‘хорошо’ – *Чақшы – Ыен*, ‘хорошо’ – *Чақшы – Йақшы* и др.

Этнические отличия шорцев от хакасов, а точнее от сагайцев-хакасов, в фонетике следующие:

1) в шорском языке имеются шипящие «ш» и «ж» – это главный маркер «свой (шорец) – чужой (сагаец-хакас)»: (здесь и далее: **Семантика – Шорское – Хакасское** (сагайское)) ‘голова’ – *наШ – наС*, ‘волосы’ – *ШаШ – СаС*, но ‘болото’ – *СаС – СаС* и мн. др.;

2) шорский, в отличие от хакасского, не так сильно «ощелинился», т.е. смычные согласные звуки заменились щелевыми. В хакасском в твердоядных словоформах увулярный типа «к» перешел в «х» во всех позициях и словах. В шорском отмечаются чередования «к» – «х», но они пока носят, в одних случаях, факультативный характер, а в других – позиционно-комбинаторный: ‘народ’ – *ҚалыҚ – ХалыХ*, ‘остаться’ – *Қал – Хал*, ‘глаз’ – *ҚараҚ ~ ҚараХ – ХараХ* и др.

Есть и другие различия между языками в области фонетики, но вышепредставленные являются яркими маркерами идентичности шорцев.

На примере шорского языка видно, что в качестве этнической идентичности народа могут выступать фонетические закономерности, отдельные звуки. Они могут быть различными у разных родственных народов или их может быть несколько.

Список литературы

Петрушова М.Б. Графика и орфография кумандинского языка. – Новосибирск: Ред.-изд. центр Новосиб. гос. ун-та, 2005. – 112 с.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: ИП РАН, 1999. – 320 с.

Ургешев Н.С. Шорский язык // Сибирская историческая энциклопедия. – Новосибирск, 2009. – Т. III. – С. 543–544.

References

Petrushova M.B. Grafika i orfografiya kumandinskogo yazyka. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2005, 112 p. (in Russ.).

Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya. Moscow: Institute of psychology RAS, 1999 (in Russ.).

Urtegeshev N.S. Shorskii yazyk. In *Sibirskaya istoricheskaya entsiklopediya*. Novosibirsk, 2009, vol. III, pp. 543–544 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Уртегешев Н.С. – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН,

e-mail: urtegeshev@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-8616-4652>.

Бурятские полисеманты как отражение этнокультурных процессов (на материале бурятской разговорной речи)

В работе на материале обрядовой лексики рассматриваются две группы бурятских полисемантов, связанных с этнокультурными процессами: слова-заимствования и бурятские слова. В качестве примеров приводятся многозначные слова, ранее не подвергавшиеся лексикографической обработке.

Ключевые слова: полисеманты, этнокультурные процессы, мотивированность, семная цепочка, традиции, заимствование, стереотипы.

*Для цитирования: Харанутова Д.Ш. Бурятские полисеманты как отражение этнокультурных процессов (на материале бурятской разговорной речи). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 529–532. DOI 10.17746/0295-7.2019.529-532.*

D.Sh. Kharanutova
*Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

Buryat Polysemants as a Reflection of Ethnocultural Processes (on the Material of Buryat Colloquial Speech)

In the work on the material of ceremonial vocabulary are considered two groups of Buryat polysemantists connected with ethnocultural processes: words-borrowing and Buryat words. As examples, multi-valued words are given that have not previously undergone lexicographic processing.

Keywords: polysemant, ethnocultural processes, motivation, seed chain, traditions, borrowing, stereotypes.

*For citation: Kharanutova D.Sh. Buryat polysemants as a reflection of ethnocultural processes (on the material of Buryat colloquial speech). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 529–532 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.529-532.*

В основе появления многозначности в словах могут лежать этнокультурные процессы, которые особо характеризуют полиэтнические регионы, каковым является и Республика Бурятия. Проиллюстрируем данное явление на материале обрядовой лексики бурятской разговорной речи. Приведенные слова лексикографической обработке не подвергались, в толковых словарях бурятского языка с пометой *разг.* они не встречаются, за исключением некоторых слов, фигурирующих в словарных статьях в качестве примеров [Бурятско-русский словарь, 2006, 2008].

Эти слова можно условно разделить на две группы: слова-заимствования и бурятские слова.

Про заимствования из русского языка много сказано и написано. Яркой иллюстрацией интеграции русских слов является Бурятско-русский словарь в двух томах (60 000 слов) [Там же]. Безусловно, одной из причин введения русских слов в бурятский язык является желание обозначить появившуюся реалию.

В свою очередь, группу слов-заимствований можно распределить по подгруппам: слова-заимствования и слова, обозначающие заимствованные обычаи.

Известно, что при заимствовании полисеманты теряют статус многозначного слова, как случилось с заимствованием лексемы *выкуп*. Например, в свадебном обряде бурят никогда не было этапа, связанного с *выкупом невесты*, для русских же это один из важных моментов свадебной церемонии. Русский полисемант *выкуп* ‘1. см. выкупить. 2. Плата, деньги, которыми выкупают’ [Толковый словарь..., 2010, с. 114] освоен бурятским языком только в третьем значении, связанном со свадебной церемонией (см.: [Даль, 2000, с. 157]).

Кстати, на примере слова *выкуп* следует отметить главную характерную черту заимствований: слово функционирует свободно в бурятском языке, т.к. заимствован и сам обряд. Теперь ни одна бурятская свадьба не обходится без выкупа невесты, и это слово прочно вошло в обиходную речь носителей бурятского языка: *Бидэ түрүүн бэриин выкуптэ ошохобди* ‘Мы вначале пойдем на выкуп невесты’. *Бэри басаганай выкуп сугтаа БГУ-даһурадаг нүхэдынь үнэргэхэ* ‘Выкуп будут проводить подружки из БГУ (Бурятского государственного университета)’.

Многие слова образованы при помощи калькирования. Например, в Бурятско-русском словаре встречается официальное бурятское наименование праздника Пасха – *Иисус Христосой амидырһанай һайндэр*, являющееся калькой русского названия *Праздник воскресения Иисуса Христа (Пасха)*. Кстати, в этой же словарной статье *воскресение* – это *ухөөд амидыралга*, где *ухөөд* ‘смерть’ и *амидыралга* ‘воскресение’ [Бурятско-русский словарь, 2006, с. 183]. В словаре встречается и другое название Пасхи – *улаан үндэгэнэй һайндэр ‘рел. Пасха’* [Там же, 2008, с. 342]. В разговорной же бурятской речи чаще слышится *Улаан үндэгэн* ‘Пасха, досл. красное яйцо’. Представление о Пасхе (религиозном христианском празднике) связано с крашением яиц, данный стереотип лежит в основе бурятского названия этого праздника. Русский полисемант *яйцо* обладает пятью значениями [Толковый словарь..., 2010, с. 920], бурятский же полисемант *үндэгэн* ‘яйцо’ получил статус многозначного слова благодаря стереотипному представлению о празднике *Пасха*.

Вторую условную группу образуют бурятские слова, связанные с восстановлением национальных обычаев и традиций.

Эту группу слов также можно разделить на две подгруппы: слова-полисеманты с изменением значения и слова-полисеманты с увеличением семного набора.

Первую подгруппу слов, обозначающих обрядовую лексику, составляют исконно бурятские слова с трансформировавшейся семной цепочкой, связанной с его расширением. Постоянное употребление слов в этом значении, в свою очередь, ведет к закреплению данной семы в семной цепочке полисеманта. В группу слов-полисемантов с изменением значения объединяются описанные ранее слова *милан (милаангууд)*, *Сагаан үбгэн*, *сагаан*, *сагаалха* и т.д. [Харанутова, 2016, 2017, 2018].

Группу слов-полисемантов с увеличением семного набора формируют забытые слова, вернувшиеся в активный оборот. Их возрождение инициировано обращением бурятского народа к своим культурным корням. В качестве иллюстрации можно привести лексему *дабан* '1. горный перевал, 2. *прям.* и *перен.* препятствие' [Бурятско-русский словарь, 2006, с. 247]. В разговорном бурятском языке лексема *дабан* функционирует не только в этом значении, но и в значении «перевал, где необходимо сделать подношение хозяину местности». Кстати, следует отметить, что этот обычай соблюдается в Бурятии, поэтому и в русском языке нашего региона слово *даван* используется без перевода: *Дабаандэр сэргэмээ ургорогты* 'На дабана обязательно побрызгайте водкой'; *Бэди ябахамнай, дабаандэр танигаа хулеэхэбди* 'Мы поехали, подождем вас на *даване*'.

Итак, на развитие бурятского языка огромное влияние оказывает культура русского народа, многовековое соседство предполагает взаимосвязь между языками. Полисеманты, обозначающие обрядовую лексику, — одно из свидетельств такого взаимообогащения. Образованию полисемантов бурятского языка способствует также и возвращение бурятских слов в активный оборот, которое, в свою очередь, инициируется воскрешением утраченных обычаев и угасших традиций.

Список литературы

Бурятско-русский словарь: в 2 т. / Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. — Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. — Т. 1: А–Н. — 636 с.; 2008. — Т. 2: О–Я. — 708 с.

Даль В.И. Толковый словарь русского языка: соврем. версия. — М.: ЭКСМО ПРЕСС, 2000. — 736 с.

Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: А ТЕМП, 2010. — 874 с.

Харанутова Д.Ш., Алексеева А.А. К происхождению геортонима Сагаалган // Вестн. Бурят. гос. ун-та. — Улан-Удэ, 2016. — № 2: Язык. Литература. Культура. — С. 3–6.

Харанутова Д.Ш. К вопросу об отражении этнокультурных стереотипов в полисемантах бурятского языка в условиях контактирования // The 13th Seoul Intern. Altaistic Conf. — 2017. — С. 347–352.

Харанутова Д.Ш. Полисеманты бурятского языка как отражение этнокультурных процессов // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: теория и практика: сб. мат-лов IV Междунар. науч.-метод. конф. — Алматы: Казак университеті, 2018. — С. 256–259.

References

Buryatsko-russkii slovar': in 2 vol. / L.D. Shagdarov, K.M. Cheremisov. Ulan-Ude: Resp. tip., 2008, vol. 1: A–N, 636 p.; 2008, vol. 2: O–Ya, 708 p. (in Russ.).

Dal' V.I. Tolkovy slovar' russkogo yazyka: sovremennaya versiya. Moscow: EKSMO PRESS, 2000, 736 p. (in Russ.).

Kharanutova D.Sh., Alekseeva A.A. K proiskhozhdeniyu geortonima Sagaalgan. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ulan-Ude, 2016, No. 2: Yazyk. Literatura. Kul'tura, pp. 3–6 (in Russ.).

Kharanutova D.Sh. K voprosu ob otrazhenii etnokul'turnykh stereotipov v polisemantakh buryatskogo yazyka v usloviyakh kontaktirovaniya. In *The 13th Seoul International Altaistic Conference*, 2017, pp. 347–352 (in Russ.).

Kharanutova D.Sh. Polisemanty buryatskogo yazyka kak otrazhenie etnokul'turnykh processov. In *Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: teoriya i praktika: sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii*. Almaty: Kazak universiteti, 2018, pp. 256–259 (in Russ.).

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 4th ed. Moscow: A TEMP, 2010, 874 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Харанутова Д.Ш. – доктор филологических наук, доцент Бурятского государственного университета,

e-mail: dkharanutova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-5692-5393>.

Этнонимы в современных шорских текстах

Работа посвящена исследованию аутентичных шорских текстов с целью выявления лексем, указывающих на этническую принадлежность человека, что позволяет определить отношение современных шорцев к своему официальному наименованию.

Ключевые слова: шорцы, шорский язык, ревитализация, самоидентификация, этноним, сакрализация, стигматизация.

Для цитирования: Шенцова И.В. Этнонимы в современных шорских текстах. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 533–536. DOI 10.17746/0295-7.2019.533-536.

I.V. Shentsova
Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

Ethnonyms in the Contemporary Shor Texts

The research contains the analysis of the ethnonyms used by the contemporary Shor speaking authors. The result of it helps to understand the spiritual atmosphere among the Shor people and their attitude to their own official naming.

Keywords: *Shor people, Shor language, revitalization, self-identification, ethnonym, sacralization, stigmatisation.*

For citation: Shentsova I.V. Ethnonyms in the contemporary Shor texts. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 533–536 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.533-536.

В процессе этнокультурной самоидентификации народа одно из главных мест занимает осмысление и использование своего официального наименования. В данной работе представлены результаты выборки этнонимов из текстов, демонстрирующих речь современных носителей шорского языка [Ўлгер, 1995; Литературный портрет..., 2009]. В текстах данных изданий было выявлено три этнонима: **казак** (референтная отнесенность – ‘русский’), **шор** ‘шорский’, **тадар** (референт – ‘шорский’).

Этноним **казак** (< рус. *казак*) был инкорпорирован языком «кузнецких инородцев, или татар» (т.е. нынешних шорцев) с начала XVII в. – времени освоения Россией земель верховьев р. Томь (Кузнецкий острог был основан казаками в 1618 г.). В течение 400 лет, включая современность, эта лексема используется в значении ‘русский’. Данный этноним выполняет функцию своего рода фона в определении этнической принадлежности («автохтон : русский»).

Термин **казак** ‘русский’ автоматически получил официальное закрепление в шорском литературном языке благодаря использованию в учебной литературе 1990-х гг. — в период ревитализации родного языка шорцами [Амзоров, Шенцова, 1992; Курпешко-Таннагашева, Апонькин, 1993].

Лексема **казак** образует словосочетания в основном с лексемой *тил* ‘язык’ (*казак тилибе* ‘по-русски, на русском языке’), а также с другими существительными и как субстантив [Ўлгер, 1995, с. 58, 59].

Этноним **шор** (название одного из родов) по отношению к коренному тюркоязычному населению долины притоков верховьев реки Томь (Юго-Западная Сибирь) стал утверждаться в научной литературе к началу XX в. Интегрирующим самоназванием данный этнос не располагал. Детальный обзор наименований их сеоков (родов), их пофамильный состав, расселение по территории «Горной Шории», обзор исторической литературы выполнен В.М. Кимеевым [1989, с. 11–34]. Этимологические изыскания в отношении этнонима **шор** провел Э.Ф. Чиспияков [2000, с. 86–88]. В начале XXI в. шорский язык внесен в Красную книгу языков народов России [Насилов, Шенцова, 2002].

Этноним **шор** продолжал закрепляться в рамках административного подразделения — Горно-Шорского р-на (1925–1939 гг.). Язык публикаций политической, популярной, учебной, художественной литературы назывался «шорским». Национальность «шорец»/«шорка» указывалась в паспорте гражданина СССР и в листках по учету кадров по месту работы.

Основную роль по утверждению этнонима **шор** сыграло народное образование: дети проходили обучение на родном языке и изучали родной язык как предмет до начала 1940-х гг. Шорский язык занял прочное место в мировой лингвистике и фольклористике благодаря фундаментальным трудам советского ученого Н.П. Дыренковой [1940, 1941].

В период ревитализации шорского языка (с 1989 г.) после пятидесятилетнего перерыва было возобновлено издание учебной, художественной, публицистической, религиозной литературы на шорском языке, а также преподавание шорского языка в школе и вузе [Шенцова, 2010].

Этноним **шор** активно используется в текстах старшего поколения, рожденного в конце 1920-х гг., времени расцвета шорского языка и культуры (например, М.П. Амзоровым, А.И. Чудояковым) [Ўлгер, 1995, с. 47–121]. Этот же этноним использует и послевоенное поколение [Там же, с. 105, 172]. В текстах авторов послевоенного поколения (периода игнорирования культуры шорцев) этноним **шор** употребляется наряду с этнонимом **тадар** [Там же, с. 55, 159], или только **тадар** [Литературный портрет..., 2009, с. 213].

Этнонимы **шор** и **тадар**, сосуществующие в настоящее время в среде «шорскоговорящих», получили противоположные коннотации. Этноним **шор** подвергся *стигматизации* (о феномене см.: [Ушанова, 2013]), о чем свидетельствует доклад А.Е. Башевой [1998, с. 22]. Этноним **тадар** стал сакральным и «истинным» наименованием народа. В.А. Байлагашев предлагает восстановить «этноним “тадар” в народе», что способствовало бы его возрождению [1998].

Таким образом, в настоящее время описываемый этнос имеет официальное наименование **шор**, адаптированное русским языком как «шорцы», «шорец», «шорка», «шорский язык», и самоименование — **тадар**, адаптированное родным языком в та-

ких словосочетаниях, как *тадар тили* ‘язык тадар’, *тадар сарыннар* ‘песни (народа) тадар’, *тадар кижги* ‘человек ~ люди (народа) тадар’.

Список литературы

Амзоров М.П., Шенцова И.В. Русско-шорский разговорник. Казак-шор эрбектери. – Новокузнецк: Новокузнец. гос. пед. ин-т, 1992. – 92 с.

Байлагашев В.А. Этноним народа и его культура // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа: докл. науч.-практ. конф. 26–27 ноября 1998 г. – Новокузнецк: Новокузнец. гос. пед. ин-т, 1998. – С. 17–22.

Башева А.Е. Реальность и перспектива социально-культурного развития шорского народа // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа: докл. науч.-практ. конф. 26–27 ноября 1998 г. – Новокузнецк: Новокузнец. гос. пед. ин-т, 1992. – С. 22–24.

Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. – М.; Л.: АН СССР, 1940. – 449 с.

Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. – М.; Л.: АН СССР, 1941. – 304 с.

Кимеев В.М. Шорцы. Кто они?: этнографические очерки. – Кемерово: Кемер. книж. изд-во, 1989. – 189 с.

Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шор-казак пазок казак-шор үргедиг сөстүк. Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово: Кемер. книж. изд-во, 1993. – 151 с.

Литературный портрет Шории: книга для учителя родной (шорской) литературы. – Кемерово: Примула, 2009. – 220 с.

Насилов Д.М., Шенцова И.В. Шорский язык // Красная книга языков народов России: энцикл. словарь-справочник. – М.: Academia, 2002. – С. 74–75.

Ўлгер. Кыырчан ном. – Кемерово: Кемеров. книж. изд-во, 1995. – 174 с.

Ушанова М.Д. Этноним как стигмат: механизм зарождения и функционирования // Этносоциологию – молодым: мат-лы междунар. школ молодых этносоциологов. – Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2013. – Вып. 2. – С. 284–288.

Чиспияков Э.Ф. К этимологии названий некоторых шорских родов // Чтения памяти Э.Ф. Чиспиякова (к 70-летию со дня рождения): мат-лы науч. конф. Новокузнец. гос. пед. ин-та 8 февр. 2000 г. – Новокузнецк: Новокузнец. гос. пед. ин-т, 2000. – Ч. 1. – С. 75–97.

Шенцова И.В. Два десятилетия работы кафедры шорского языка и литературы // Педагог-филолог: межвуз. сб. науч. ст. – Новокузнецк: Кузбасс. гос. пед. акад., 2010. – С. 40–45.

References

Amzorov M.P., Shentsova I.V. Russko-shorskii razgovornik. Kazak-Shor erbekteri. – Novokuznetsk: State Ped. Inst., 1992, 92 p. (in Russ.).

Bailagashev V.A. Etonim naroda i ego kultura. In *Deyatel'nost' Andrey a Ilyicha Chudoyakova i duhovnoe vozrozhdenie shorskogo naroda: doklady nauchno-prakticheskoi konferentsii 26–27 noyabrya 1998 goda*. Novokuznetsk: State Ped. Inst., 1998, pp. 17–22 (in Russ.).

Basheva A.E. Real'nost' i perspectiva sotsial'no-kul'turnogo razvitiya shorskogo naroda. In *Deyatel'nost' Andrey a Ilyicha Chudoyakova i duhovnoye vozrozhdeniye shorskogo naroda: doklady nauchno-prakticheskoi konferentsii 26–27 noyabrya 1998 goda*. Novokuznetsk: State Ped. Inst., 1998, pp. 22–24 (in Russ.).

Chispiyakov E.F. K etimologii nazvaniy nekotorykh shorskikh rodov. In *Chtenia pamyati E.F. Chispiyakova (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya): materialy nauchnoi konferentsii Novokuznetskogo gospedinstituta 8 fevralya 2000*. Novokuznetsk: State Ped. Inst., 2000, pp. 75–97 (in Russ.).

Dyrenkova N.P. Shorskii fol'klor. Moscow; Leningrad: AS USSR, 1940, 449 p. (in Russ.).

Dyrenkova N.P. Grammatika shorskogo yazyka. Moscow; Leningrad: AS USSR, 1941, 304 p. (in Russ.).

Kimeyev V.M. Shortsyy. Kto oni?: Etnograficheskie ocherki. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 189 p. (in Russ.).

Kurpeshko-Tannagasheva N.N., Apon'kin F.Ya. Shor-kazak pazok kazak-shor ürgedig söstük. Shorsko-russkii i russko-shorskii slovar'. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993, 151 p. (in Russ.).

Literaturnyi portret Shorii: kniga dlya uchitelya rodnoi (shorskoi) literatury. Kemerovo: Primula, 2009, 220 p. (in Russ.).

Nasilov D.M., Shentsova I.V. Shorskii yazyk. In *Krasnaya kniga yazykov narodov Rossii: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik*. Moscow: Academia, 2002, pp. 74–75 (in Russ.).

Shentsova I.V. Dva desyatiletiya raboty kafedry shorskogo yazyka i literatury. In *Pedagog-filolog. Mezhhuzovskii sbornik nauchnykh statei*. Novokuznetsk: Kuzbass State Ped. Acad., 2010, pp. 40–45 (in Russ.).

Ülger. Kyyrchañ nom. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995, 174 p. (in Shor).

Ushanova M.D. Etnonim kak stigmat: mekhanizm zarozhdeniya i funktsionirovaniya. In *Etnosotsiologiyu – molodym: materialy mezhdunarodnykh shkol molodykh etnosotsiologov*. Novosibirsk: Institut filosofii i prava SB RAS, iss. 2, pp. 284–288 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Шенцова И.В. – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН,

e-mail: ivshen@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-3064-7791>.

VIII. ФОЛЬКЛОР И НАРОДНАЯ МУЗЫКА КАК ФАКТОРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

DOI: 10.17746/0295-7.2019.537-540
УДК 398.22

Б.С. Дугаров

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия*

Гэсэриада как этнокультурный фактор в Бурятии 1990-х годов

В работе рассматривается феномен празднования в Бурятии 1000-летия бурят-монгольского героического эпоса «Гэсэр», ставшего в известной степени олицетворением роста национального самосознания и стимулом этнической консолидации бурятского народа в переходный период 1990-х гг. Гэсэриада впервые проявила себя как этнокультурный фактор, определивший основные маркеры и параметры этнонациональной идентичности. Позитивный опыт Гэсэриады актуализировал в постсоветском пространстве реализацию этнических констант, во многом способствовавших формированию современной культурной идентичности бурят.

Ключевые слова: *этнокультурный фактор, национальная идентичность, эпос, Гэсэр, духовный феномен, традиции, этническая консолидация, бурятский народ.*

Для цитирования: Дугаров Б.С. Гэсэриада как этнокультурный фактор в Бурятии 1990-х годов. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 537–540. DOI 10.17746/0295-7.2019.537-540.

B.S. Dugarov

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russia*

Geseriada as an Ethnocultural Factor in Buryatia in the 1990s

The paper deals with the phenomenon of celebrating the 1000th anniversary of the Buryat-Mongolian heroic epos “Geser” in Buryatia, which to a certain degree personified the growth of national self-consciousness and stimulated the ethnic consolidation of the Buryat people during the transition period of the 1990s. For the first time, Geseriada proved itself as an ethnocultural factor that determined the main markers and parameters of ethnonational identity. The positive experience of the Geseriada actualized in the post-Soviet space the realization of ethnic constants, which in many respects contributed to the formation of the modern cultural identity of the Buryats.

Keywords: *ethnocultural factor, national identity, epos, Geser, spiritual phenomenon, traditions, ethnic consolidation, Buryat people.*

For citation: Dugarov B.S. Geseriada as an ethnocultural factor in Buryatia in the 1990s. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 537–540 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.537-540.

Как известно, период конца 1980-х — начала 1990-х гг. характеризовался значительным подъемом национального самосознания народов, входивших в состав Российской Федерации и СССР. В автономных республиках этот процесс имел свою специфику и этническую окраску. Что касается Бурятии, то одним из наиболее значимых событий 1990-х гг. явился пятилетний цикл научных, литературных и фольклорных мероприятий, посвященных празднованию 1000-летия бурят-монгольского героического эпоса «Гэсэр» и определивших основные маркеры и параметры этнонациональной идентичности.

Необходимо подчеркнуть, что общественные акции, проводимые под знаком Гэсэра — эпического героя общенародного звучания, приобрели особый функциональный размах благодаря обращению к корневой системе традиционной бурятской культуры и в определенной мере заполнили духовный и идеологический вакуум, образовавшийся в бурятском обществе постперестроечного периода. Гэсэриада как этнокультурный фактор стала в известной степени олицетворением роста национального самосознания, приобщения к духовным корням и истокам, возрождения древних обычаев и традиций. Она явилась как бы подспудной реакцией на горькие плоды исторического беспамятовства и национального нигилизма, пустивших было корни в прежние тоталитарные времена.

Первый этап Гэсэриады состоялся 17–18 августа 1991 г. в с. Хадахан Нукутского р-на Усть-Ордынского бурятского автономного округа на родине выдающегося сказителя-улигершина Пёохона Петрова (1866–1943). В честь 125-летия со дня его рождения здесь прошел фольклорный праздник, на котором было поднято и освящено знамя Гэсэра, ставшее символом возрождения народных традиций и обычаев, символом духовного единения народа, в силу исторических обстоятельств разделенного и проживающего на территории трех административных единиц байкальского региона — Бурятии, Иркутской обл. и Забайкальского края.

Второй этап прошел в июне 1992 г. в с. Усть-Эгита Еравнинского р-на восточной Бурятии, третий этап — в июне 1993 г. в пос. Агинское — центре Агинского Бурятского автономного округа, четвертый этап — в июле 1994 г. в с. Харяска Мухоршибирского р-на южной Бурятии, пятый этап — в июне 1995 г. в с. Орлик и с. Хужир Окинского р-на горной (юго-западной) Бурятии. Заключительный форум-фестиваль Гэсэриады состоялся 30 июня, 1–2 июля в г. Улан-Удэ — столице Бурятии.

В целом фестивальные торжества, посвященные 1000-летию Гэсэриады, прошли в 33-х памятных и легендарных местах по оба берега Байкала и практически охватили большинство территориально-административных единиц с бурятским населением — от Саян до Витима, от Приангарья до Онона.

По мнению Т.Д. Скрынниковой, многие из акций празднования Гэсэриады «в процессе этноидентификации на уровне общности буряты» приобрели символическую знаковость. Так, знаковый характер обрели: а) поднятие и освящение

знамени Гэсэра (создание «традиции», которую этнографы прежде среди бурят не отмечали), ставшего символом общепурятского единства, и пронесение этого знамени за пять лет по всем районам проживания бурят; б) установление коновязей Гэсэра (Гэсэрэй сэргэ) на протяжении всего маршрута шествия знамени Гэсэра; в) строительство храма Гэсэра в Окинском р-не Бурятии. Задача этих мероприятий – зафиксировать территориально-родовую общность бурят ритуально, что и было сделано, с одной стороны. С другой стороны, Гэсэриада – это знаковое выражение и других этнотерриториальных, этнокультурных общностей: бурят-монгольской, центрально-азиатской. Эпос «Гэсэр» был назван сокровищем народов Центральной Азии, а мемориал «Стоянка Гэсэра» (Гэсэрэй бууса) был создан на перевале Дараашын Дабаан, на берегу Гусинового озера, на магистрали, которая соединяет Бурятию с Центральной Азией через Монголию [Скрынникова, 1999, с. 12, 15].

Благодаря ритуально-символическим действиям (например, шествие знамени Гэсэра) были сконструированы границы бурятской этносферы, и она была наполнена элементами, каждый из которых выступает в качестве символа национального пространства, маркирующего его пределы и аутентичность. Словесное реконструирование сопровождалось особой ритуальной практикой, нацеленной на ресакрализацию места обитания, главной их частью явились торжества, связанные с проведением фестиваля «Эпос Гэсэр – сокровище народов Центральной Азии», символическим и смысловым центром которого выступило шествие знамени Гэсэра. Пространственные идеологемы умозрительно утверждают и легитимизируют границы этноса, одновременно служа целям реэтнизации – политической консолидации в противовес родовой разобщенности [Амоголонова, 2008, с. 109, 266].

При осмыслении и анализе этнокультурных процессов, происходивших в Бурятии на переломном рубеже эпох, исследователи сходятся во мнении, что по прошествии времени «самым масштабным мероприятием» на исходе XX в. остается Гэсэриада – народный фестиваль, ставший основным духовным феноменом Байкальского региона в контексте этнической консолидации бурятского народа [Дагбаев, 2016, с. 88]. Позитивный опыт Гэсэриады как фактора национального самосознания в Бурятии 1990-х гг., впервые актуализировал в постсоветском пространстве реализацию этнических констант, во многом способствовавших формированию современной культурной идентичности бурят.

Список литературы

Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера. Дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. – 292 с.

Дагбаев Э.Д. Буряты: главные вопросы бытия: к 25-летию Всебурятской ассоциации развития культуры. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2016. – 127 с.

Скрынникова Т.Д. Традиционная потестарно-политическая культура и современная самоидентификация бурят // Сибирь: этносы и культуры. – М.; Улан-Удэ: Издат.-полигр. компл. Вост.-Сиб. гос. ин-т к-ры, 1999. – Вып. 5. – С. 4–29.

References

Amogolonova D.D. Sovremennaya buryatskaya etnosfera. Diskursy, paradigmy, sotsiokul'turnye praktiki. Ulan-Ude: Buryat State Univ. Press, 2008, 292 p. (in Russ.).

Dagbaev E.D. Buryaty: glavnye voprosy bytiya: k 25-letiyu Vseburyatskoi assotsiatsii razvitiya kul'tury. Ulan-Ude: NovaPrint, 2016, 155 p. (in Russ.).

Skrynnikova T.D. Traditsionnaya potestarno-politicheskaya kul'tura i sovremennaya samoidentifikatsiya buryat. In *Sibir': etnosy i kul'tury*. Moscow; Ulan-Ude: Vost.-Sib. State Culture Univ. Press, 1999, iss. 5, pp. 4–29 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Дугаров Б.С. – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

e-mail: khairkhan@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-6885-7658>.

Синтагматика шаманских мистерий алтайцев в записях А.В. Анохина

В статье рассматривается синтагматика двух шаманских камланий богествам Нижнего мира. Типология шаманских текстов и обрядов проведена с учетом типа адресата, функции обряда, а также сюжетной и синтагматической организации текста. Несмотря на то, что эти устно-поэтические произведения относятся к одной и той же традиции, для них характерна вариативность. С точки зрения адресности эти тексты представлены в единой религиозно-мифологической системе алтайского шаманизма, его пантеона.

Ключевые слова: алтайцы, шаманизм, шаманский текст, семантика, синтагматика, прагматика текста, типология шаманских текстов.

Для цитирования: Ойноткинова Н.Р. Синтагматика шаманских мистерий алтайцев в записях А.В. Анохина. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 541–543. DOI 10.17746/0295-7.2019.541-543.

N.R. Oynotkinova
Institute of Philology,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

The Syntagmatics of the Shamanic Mysteries of the Altaians in the Records of A.V. Anokhin

The paper discusses the syntagmatics of 2 shamanic rites to the deities of the Lower World. The typology of shamanic texts and ceremonies is carried out taking into account the type of the addressee, the function of the ceremony, as well as plot and syntagmatic organization of the text. Despite the fact that these verbal-poetic works belong to the same tradition, they are characterized by variability. From the point of view of targeting, these texts are represented in a single religious-mythological system of Altai shamanism, its pantheon.

Keywords: Altai, shamanism, shamanic text, semantics, syntagmatics, text pragmatics, typology of shamanic texts.

For citation: Oynotkinova N.R. The syntagmatics of the shamanic mysteries of the Altaians in the records of A.V. Anokhin. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 541–543 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.541-543.

В данной статье рассматривается синтагматика двух камланий, записанных в начале XX в. А.В. Анохиным у алтайских шаманов. Существовая в рамках семейных традиций, шаманство выполняло различные функции, в частности оказания моральной поддержки семьям, лечения больных. Любую болезнь шаманисты-язычники считали действиями злых духов, объясняли как вселение в человека злого духа.

Семантика шаманского текста зависит от предназначения обряда и типа адресата, к которому обращается исполнитель-*кам*. Ритуальные действия, совершаемые им, всегда сопровождаются исполнением текста — *алкыш*. Синтагматика шаманского обряда представляет собой цепочку сюжетно-смысловых блоков, связанных между собой.

Умение выстраивать обряд и текст зависит от опыта и памяти исполнителя, знания пантеона, устно-поэтической традиции. Анализ синтагматической структуры обрядов заключается в сопоставлении ключевых эпизодов сюжетной организации и семантических компонентов текстов разных исполнителей, что позволит проследить вариативность или устойчивость шаманской традиции алтайцев.

Мистерия кама Шагая записана в 1914 г. в с. Аскаат. Шагаю, из рода иркит, было 20 лет, стал же он шаманом в 9 лет. Обряд заключался в лечении больной женщины. Объем текста — 513 строк. В самом начале обряда Шагай обратился к своим духам-покровителям: светлому божеству — Дьажыл-кану, духам-покровителям Среднего мира — Дьер-су, Алтаю, Дьезиму, духу предка-шамана Таркана (букв. Кузнец), духу домашнего огня, духу-покровителю дома (*жайык*), а также к одному из «сыновей» божества Эрлика — Паатыру. После призывания всех покровителей был проведен обряд гадания с *чабыт* (опахало), суть которого заключалась в том, чтобы узнать у духов, по какой причине человек болеет, вызвана ли болезнь каким-либо злым духом, вселившимся в человека. Для того чтобы узнать о причине болезни, в юрту принесли березовую ветку и сделали из неё *чабыт* — опахало. К ветке привязали разноцветные ленты: красные, белые и синие. Шаман, взяв *чабыт*, воткнул его в землю толстым концом возле больного человека, напротив *дъайыка*. Затем, взяв правой рукой за эту палку, повертывал над больным, совершая ворожбу.

По комментариям А.В. Анохина, во время утреннего камлания готовили откуп (*толу*) божеству Паатыру за выздоровление больной. Утром хозяин привел жертвенное животное и привязал его к листовенному колу, вбитому напротив двери юрты. Шаман, подержав над огнем ленту синего цвета, привязал ее на гриву животного (если жертвенное животное бык или корова, то ленту привязывали к рогам). Между жертвенным животным и дверью юрты воткнули три кола, сверху положили различные дары за выздоровление больной общим количеством 9 шт.: ткань, шубы, рубахи, окуренные можжевельником.

Вечернее камлание начиналось с тех же призываний духов, к которым он обращался в начале обряда. После этого он вышел на улицу, чтобы отправить душу жертвенного животного и дары духам и божествам подземного мира. Шаман, обойдя жертвенное животное по солнцу, вошел в юрту, сел у двери покурить, затем продолжил совершать обряд. Он встал на ноги, бил в бубен, кружась. Перечисляя все «препятствия» в пути, мысленно представляя путешествие по подземному миру, он устремился к божеству Паатыру. В описание подземного мира входят все те символы, которые встречаются в текстах других шаманов: черный пень, олицетворяющий место суда, перекресток семи дорог, волосяной мост, камень с отверстием, красный яр, два озера — одно черное, а другое — красное, серый тальник и т.д.

«**Мистерия Эрлику» кама Чодора**, из рода мундус, записана А.В. Анохиным в 1910 г., состоит из 250 строк (Арх. МАЭ РАН. Ф. 11. Д. 12). Если текст Шагая снабжен более или менее подробным описанием обряда, то текст, записанный от Чодора, не содержит комментариев; видимо, он был записан под диктовку. Образец пения Чодора в сопровождении шаманского бубна зафиксирован на фоновалик, по которому мож-

но восстановить музыкальную структуру текста. Текст исполнялся для возвращения души больного или для лечения больных. В начале обряда кам перечислил всех сыновей Эрлика: Караш, Маатыр (или Баи Паатыр), Керей, Кёмюр-Каан, Падыш-Бёко, Шынгай-Каан, Падыш-Керей, Бий-Жабаш, Кан-Темир. Камлание начинается с краткого описания подземного мира и обращения к Эрлику, который, по мифологии алтайцев, забирает в свой мир души умерших. Далее он обращался к духам-покровителям: Дьайыку и Кюрмюшу, духу домашнего огня, священным горам Кара-Кайа, Дьезиму, Алтын-Кёлю, одному из сыновей Улгена – Кара-Кушу, духам-предков шаманов Тартык-Кёсу, Мадьилу, Тостогошу. Во время обряда принесли в жертву скот белой масти, т.е. овцу, шкуры зверей. В Нижний мир кам спускался вместе с божеством Темир-Каном – «сыном» Эрлика. Путь к Эрлику лежит через семь или девять препятствий, под которыми имеются в виду различные образы-картинки, имеющие символические значения: это сложные переправы через озера и реки, образы призраков умерших людей, различных существ, чудовищ и животных, препятствующих путешественнику. Каждому слою ада соответствует определенный символический образ: предмет, существо или природный ландшафт. В описание подземного мира входят все те символы, которые встречаются в текстах других шаманов, а именно: черный пень, олицетворяющий место суда, дочери Эрлика, преграждающие путь шамана, огромный котел, в котором варятся головы грешников, подземные озера и моря, волосяной мост, черный дворец хозяина ада Эрлика.

Стихотворная форма придает этим текстам выразительность и эмоционально-смысловую насыщенность. Их слоговая структура варьирует от семи- до двенадцатисложников. В обоих текстах содержатся устойчивые поэтические формулы, характерные для поэтической традиции алтайцев, например: *Кыйылатан тыны жок / Кызаратан каны жок* 'Чтобы краснеть, у тебя крови нет' (кам Чодор). *Киндиктүди нүдүрген, / Кирбиктүди нүдүрген*. 'С пуповиной [человека] сотворил, / С ресницами сотворил' (кам Шагай).

Рассмотренные шаманские тексты имеют изоморфную и симметричную структуру, что позволяет заключить, что эти устно-поэтические произведения относятся к одной и той же традиции, но сам язык этих текстов вариативен. К основным звеньям синтагматической цепи данного типа камланий относятся действия: 1) призывание божеств и духов – покровителей шамана; 2) жертвоприношение духам и испрашивание благодати или здоровья заказчикам обряда; 3) благословение и угощение духа домашнего огня и духов-покровителей. Проанализированные тексты представлены в единой концептуальной системе алтайского шаманизма, его пантеона, поэтики.

Благодарности

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-04-00314-ОГН «Типология обрядового фольклора алтайцев: слово, музыка, действие»).

Сведения об авторе:

Ойноктинова Н.Р. – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН,

e-mail: sibfolklore@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0002-5767-7085.

Отражение традиционной картины мира алтайцев в героическом эпосе

В статье рассматривается традиционное мировосприятие алтайцев, провоцируемое идентификацией и позиционированием в пространстве и времени. Ставится задача выделения сакральных локусов традиционной культуры в героическом эпосе алтайцев. Соотношение этнического самосознания и традиции эпоса может быть ключевым аспектом понимания как истории народа, так и истории мировоззрения. Фольклор описывает ту действительность, которую сам и сконструировал. Благодаря представлениям о сакральном, прослеживаются устойчивые моменты: культ огня, культ предков, обряды перехода в семейной обрядности.

Ключевые слова: *традиционная культура, алтайцы, героический эпос, сакральность, изменчивость, устойчивость, культ огня, культ предков, обряды перехода.*

Для цитирования: Тадышева Н.О. Отражение традиционной картины мира алтайцев в героическом эпосе. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 544–547. DOI 10.17746/0295-7.2019.544-547.

N.O. Tadysheva
*S.S. Surazakov Scientific Research Institute of Altaistics,
Gorno-Altaysk, Republic of Altai, Russia*

Heroic Epos Reflection in Traditional Picture of the Altaian

The article examines a traditional worldview of the Altaian provoked by identification and positioning in space and in time. The task is to isolate sacred locus of traditional culture in heroic epos. Correlation of epic self awareness and epic tradition may be key aspect of understanding as the history of the people as the history of the worldview. Folklore describes the reality that it itself designed. Thanks to the idea of sacred it is traced steady moments; the cult of the fire, the cult of ancestors, rite of family ceremony transition.

Keywords: *traditional culture, the Altaian, heroic epos, sacredness, variability, resilience, the cult of the fire, the cult of ancestors, rite of transition.*

For citation: Tadysheva N.O. Heroic epos reflection in traditional picture of the Altaian. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 544–547 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.544-547.

В героическом эпосе прослеживается четкое представление об оппозиции «восход» — «запад», «жизнь» — «смерть». Восход солнца, восточная сторона связаны с жизнью в этом мире; с заходом солнца, с западом — в мире предков (после смерти). С западом связаны несчастья в пути, от которого остерегают главного героя [Тектебей-Мерген, 2018, с. 85]. Именно на западе живет кровожадный завоеватель [Алтын-Туды, 2018, с. 327].

Огонь является для многих народов стихией, которую особенно выделяли и почитали. Для алтайцев огонь – символ семьи, дома. И в героическом эпосе разрушение очага, потухший огонь означает несчастье в семье, в роду [Эр-Самыр, 2018, с. 32].

В эпосе прослеживается и представление о сакральной связи печени родителя и ребенка: *Из печени моей сотворившийся ребёнок мой* [Димей-Ару и Шимей-Ару, 2018, с. 167]. В настоящее время в Кош-Агачском р-не Республики Алтай, если у умершего остались малолетние дети, проводят магическое действие, символизирующее отделение ребенка от родителя, для этого его водят по тому месту, где находится печень умершего родителя.

Рождение нового человека и наречение имеют сакральное значение. В героических сказаниях по случаю рождения сына или дочери *каан* приглашает людей на торжество, где ребенок нарекается именем [Ай-Каан, 2018, с. 131]. Тем самым происходит обряд ввода ребенка в мир. Благодаря наречению ребенок индивидуализирован и включен в сообщество (семейное, родовое) самими членами сообщества.

Исследователи отмечают, что обрядовая трапеза менее всего является только принятием пищи. «Скорее, она является идеальной моделью жизни в ее наиболее существенных проявлениях. Одно из условий благополучия семьи – цельность и целостность семьи и хозяйства» [Байбурин, 1993, с. 128]. В алтайском эпосе постаревший богатырь Маадай-Кара, узнав, что на его землю с войной идет кровожадный хан, велит накрывать стол, готовить угощения для своего народа [Маадай-Кара, 1973, с. 273]. Ритуальная трапеза, коллективное участие в ней облегчают и помогают при переходе в совершенно другой статус.

Важным элементом в семейной обрядности является свадьба. В героических сказаниях в свадебных обрядах акцентируется внимание на изменении статуса невесты через обряд заплетания косы [Улагашев, 2011, с. 113]. Этот обряд символизирует не только переход в статус замужней женщины, но и сущностное изменение и это своеобразное действие – оберег. Две косы замужней женщины окончательно превращали ее из «чужой» в «свою» [Шерстова, 2008, с. 188].

В традиционной обрядности алтайцев молоко сакрально. При сватовстве к родителям невесты-*келин* обязательно заходят с молоком и молочным вином-*аракы*. Осуществив сговор, невесту привозили в *айыл* жениха, мать жениха угощала ее молоком. Первоначально невеста предстает в качестве «чужой». Ее «опасное» воздействие сильно по отношению к новым родственникам и против этого воздействия принимаются меры магически-религиозной защиты, что отражается и в героическом эпосе [Ёскюс Уул, 2018, с. 821]. Молоко представляется субстанцией, имеющей живительную силу [Алтай Буучай, 2013, с. 77] с охранительными и магическими свойствами [Эр-Самыр, 2018, с. 125].

Можжевательник-*арчын* является необходимым компонентом во всех алтайских обрядах, кроме похоронно-поминальных. *Арчину* приписывают охранительные и очистительные свойства, по отношению к нему придерживаются особых норм поведения [Кёгюдей-Кёкшин и Боодой-Коо, 2018, с. 847].

По представлениям алтайцев, со смертью заканчивается жизнь только в этом мире, но она продолжается в мире предков» – *ада-ёбёкёнин јери*. Информанты называют его «лунно-солнечный тот Алтай» – *айлу-күндү ол Алтай*, «та земля» – *ол јер* [Тадышева, 2011, с. 130]. Существует мнение, что над умершим нельзя много плакать, сильно страдать. У каждого своя судьба, свой путь. В алтайском эпосе на этот

случай есть устойчивое выражение: «*Конь — золото ли, чтобы не пасть? Мужчина — вечен ли, чтобы не погибнуть?*» [Кёгютей, 2018, с. 233].

Список литературы

- Ай-Каан** // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). — Горно-Алтайск, 2018. — С. 130–183. — (Памятники эпического наследия Алтая; т. I).
- Алтай Буучай** // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). — Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2013. — С. 22–93.
- Алтын-Тудьы** // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). — Горно-Алтайск, 2018. — С. 322–549. — (Памятники эпического наследия Алтая; т. I).
- Байбурин А.К.** Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. — СПб.: Наука, 1993. — 240 с.
- Димей-Ару и Шимей-Ару** // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). — Горно-Алтайск, 2018. — С. 158–251. — (Памятники эпического наследия Алтая; т. IV).
- Ёскюс Уул** // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). — Горно-Алтайск, 2018. — С. 750–821. — (Памятники эпического наследия Алтая; т. III).
- Кёгюдей-Кёкшин и Боодой-Коо** // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). — Горно-Алтайск, 2018. — С. 822–871. — (Памятники эпического наследия Алтая; т. III).
- Кёгютей** // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). — Горно-Алтайск, 2018. — С. 210–321. — (Памятники эпического наследия Алтая; т. I).
- Маадай-Кара:** алтайский героический эпос. — М.: Наука, 1973. — 474 с.
- Тадышева Н.О.** Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2011. — 176 с.
- Тектебей-Мерген** // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). — Горно-Алтайск, 2018. — С. 72–129. — (Памятники эпического наследия Алтая; т. I).
- Улагашев Н.У.** Алып-Манаш. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2011. — 128 с.
- Шерстова Л.И.** Представление о «чужих» в ментальной традиции аборигенов Южной Сибири // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX в.). — Новосибирск, 2008. — С. 186–246.
- Эр-Самыр** // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). — Горно-Алтайск, 2018. — С. 10–153. — (Памятники эпического наследия Алтая; т. III).

References

- Ai-Kaan.** In *Altaiskie bogatyri (Altai baatyrlar)*. Gorno-Altai, 2018, pp. 130–183 (*Pamyatniki epicheskogo naslediya Altaya*; vol. I) (in Russ. and Alt.).
- Altai Buuchai.** In *Altaiskie bogatyri (Altai baatyrlar)*. Gorno-Altai: Gorno-Altayskaya tipografiya, 2013, pp. 22–93 (in Russ. and Alt.).
- Altyn-Tud'y.** In *Altaiskie bogatyri (Altai baatyrlar)*. Gorno-Altai, 2018, pp. 322–549 (*Pamyatniki epicheskogo naslediya Altaya*; vol. I) (in Russ. and Alt.).
- Baiburin A.K.** Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavjanskikh obryadov. St. Petersburg: Nauka, 1993, 240 p. (in Russ.).
- Dimei-Aru i Shimei-Aru.** In *Altaiskie bogatyri (Altai baatyrlar)*. Gorno-Altai, 2018, pp. 158–251 (*Pamyatniki epicheskogo naslediya Altaya*; vol. IV) (in Russ. and Alt.).

Er-Samyr. In *Altaiskie bogatyri (Altai baatyrlar)*. Gorno-Altai, 2018, pp. 10–153 (*Pamyatniki epicheskogo naslediya Altaya*; vol. III) (in Russ. and Alt.).

Eskys Uul. In *Altaiskie bogatyri (Altai baatyrlar)*. Gorno-Altai, 2018, pp. 750–821 (*Pamyatniki epicheskogo naslediya Altaya*; vol. III) (in Russ. and Alt.).

Kegyudei-Kekshin i Boodoi-Koo. In *Altaiskie bogatyri (Altai baatyrlar)*. Gorno-Altai, 2018, pp. 822–871 (*Pamyatniki epicheskogo naslediya Altaya*; vol. III) (in Russ. and Alt.).

Kegyutei. In *Altaiskie bogatyri (Altai baatyrlar)*. Gorno-Altai, 2018, pp. 210–321 (*Pamyatniki epicheskogo naslediya Altaya*; vol. I) (in Russ. and Alt.).

Maadai-Kara: Altaiskii geroicheskii epos. Moscow: Nauka, 1973, 474 p. (in Russ. and Alt.).

Sherstova L.I. Predstavlenie o “chuzhikh” v mental’noi traditsii aborigenov Yuzhnoi Sibiri. In *Narodonaselenie Sibiri: strategii i praktiki mezhhkul’turnoi kommunikatsii (XVII – nachalo XX v.)*. Novosibirsk, 2008, pp. 186–246 (in Russ.).

Tadysheva N.O. Vliyanie khristianizatsii na semeinuyu obryadnost’ korenного naseleniya Gornogo Altaya. Gorno-Altai: Gorno-Altayskaya tipografiya, 2011, 176 p. (in Russ.).

Tektebei-Mergen. In *Altaiskie bogatyri (Altai baatyrlar)*. Gorno-Altai, 2018, pp. 72–129 (*Pamyatniki epicheskogo naslediya Altaya*; vol. I) (in Russ. and Alt.).

Ulagashev N.U. Alyp-Manash. Gorno-Altai: Gorno-Altayskaya tipografiya, 2011, 128 p. (in Russ. and Alt.).

Сведения об авторе:

Тадышева Н.О. – кандидат исторических наук, зам. директора Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова, Республика Алтай,

e-mail: tadisheva@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-3014-406X>.

Этническая идентичность тувинцев Китая в начале XXI века

В работе рассмотрены вопросы этнической идентификации китайских тувинцев, которые являются одними из неизученных в тувиноведении. В связи с тем, что тувинцы Китая живут в иноэтничной среде и по официальной статистике с 1958 г. отнесены к монголам, у них сегодня возникают определенные трудности и путаница с этнической самоидентификацией.

Ключевые слова: *тувинцы Китая, малочисленная этническая группа тувинцев, островная традиция, иноэтничное окружение, Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, переосмысление этнической принадлежности, исторические факторы, моноэтническая и биэтническая идентичности.*

Для цитирования: Юша Ж.М. Этническая идентичность тувинцев Китая в начале XXI века. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 548–550. DOI 10.17746/0295-7.2019.548-550.

Zh.M. Yusha
Institute of Philology,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

Ethnic Identity of Tuvans in China at the Beginning of 21st Century

The paper discusses questions of ethnic identification of Chinese Tuvans in conditions of other ethnically environment, which is one of the unexplored in the field of Tuvan science. In recent years, due to the fact that the Tuvans of China live in another ethnically environment and according to official statistics, since 1958 referred to the Mongols, at the modern Tuvans, there are some difficulties and confusion with ethnic identity.

Keywords: *Tuvans of China, small ethnic group of Tuvans, island tradition, non-ethnic environment, Xinjiang Uygur Autonomous region of China, rethinking of ethnicity, historical factors, mono-ethnic and bi-ethnic identity.*

For citation: Yusha Zh.M. Ethnic identity of Tuvans in China at the beginning of 21st century. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 548–550 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.548-550.

Вопросы этнической идентификации китайских тувинцев в условиях иноэтнического окружения являются одними из неизученных в тувиноведении. Для большей части тувинского населения характерна моноэтническая идентичность. Однако в связи с тем, что тувинцы Китая живут в иноэтнической среде и по официальной статистике с 1958 г. отнесены к монголам, у современных тувинцев в последние годы

возникают определенные трудности и путаница с этнической самоидентификацией. Для большей части тувинского населения характерна моноэтническая идентичность, они четко идентифицируют себя с тувинцами. Образ своего народа оценивают как положительный, у индивидов есть потребность в идентификации со своей этнической группой. В основном, это представители семей, в которых оба родителя являются тувинцами.

Однако некоторые представители мононациональных тувинских семей относят себя и к тувинцам, и к монголам. По мнению таких людей, тувинцы являются представителями монгольских родов, тем самым, они демонстрируют принадлежность к разным народам. Данный тип идентичности свойственен людям, осознающим свое сходство (ментальное, культурное) и с тувинцами, и с монголами. При наличии межнациональных браков, по принятой традиции, родовая принадлежность определяется по отцовской линии.

В настоящее время у многих пожилых тувинцев бытуют представления о том, что тувинцы оставлены на территории Синьцзяна с XIII в. в качестве отборных войск Чингисхана, им была доверена охрана границ его северных владений. Об этих же представлениях китайских тувинцев упоминают и другие исследователи [Монгуш, 1997; Namkamidog, 2009].

В данном случае наблюдаем попытку «удревнить» историю своего народа с помощью имени известной исторической личности, а также придать мифологичность «появлению» тувинцев на территории Синьцзяна. В подтверждение этого мнения следует отметить, что у китайских тувинцев существует своеобразный культ Чингисхана, поэтому в каждой тувинской семье на почетном месте, считающемся сакральной зоной жилища, висят его изображения в рамках или в виде настенных ковриков.

В переосмыслении этнической принадлежности сказывается несколько факторов. С одной стороны, тувинский этнос связывают с монголами многовековые историко-культурные контакты, добрососедские отношения, схожие условия быта и жизни, проявляющиеся в общности духовной и материальной культуры, народных традиций и обычаев, конфессиональной принадлежности к буддизму, а также в использовании монгольской письменности и монгольского языка в качестве литературного. Имеет значение и то, что для других народов многонационального Китая тувинцы воспринимаются монголами, как они записаны в паспортах.

С другой стороны, в определении этнической идентификации большую роль сыграл исторический фактор. На это повлияла сложная судьба тувинского народа, пережившего многие потрясения на протяжении всего XX в. В наши дни у пожилых людей, прошедших через многие трудности и тяготы депортации (1958–1982 гг.), при определении своей национальности перед чужими во многих случаях «срабатывает» защитная реакция, тогда они называют себя монголами. Исходя из этого, можно отрицать присутствие измененной этнической идентичности, когда в глазах тувинцев чужой народ обладает более высоким статусом, чем свой. Выдержав большие испытания, в последующие периоды для дальнейшей благополучной жизни китайские тувинцы стали выдавать себя за монголов, скрывая истинную этническую принадлежность. Видимо так, пытаясь защититься от произвола властей, некоторые тувинцы стали называть себя монголами. Именно влияние этих факторов на идентичность не вызывает сомнений. Между тем, молодое и среднее поколения тувинцев, с детства привыкнув к тому, что их официально относят к монголам, также

начинают идентифицировать себя с ними. Тувинцы Китая осознают своей исторической родиной Республику Тыва, ощущают себя частью единого тувинского этноса. В настоящее время наблюдается попытка реанимировать этноним *тыва* 图瓦人 в пределах Китая в качестве самоназвания представителей народа.

Список литературы

Джарылгасинова Р.Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке (основные аспекты проблемы) // Советская этнография. — 1987. — № 4. — С. 9–22.

Дробизева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. — 1985. — № 5. — С. 3–15.

Монгуш М.В. Тувинцы в Китае (историко-этнографический очерк). — Кызыл: Эне созу, 1997. — 78 с.

Namkamidog. Xinjiang Tuwaren shenuiwenhua tianyediaocha yu yanjiu. — Beijing, 2009. — 294 p. (на кит. яз.).

References

Drobizheva L.M. Natsional'noe samosoznanie: baza formirovaniya i sotsial'no-kul'turnye stimuli razvitiya. *Sovetskaya etnografiya*, 1985, No. 5, pp. 3–15 (in Russ.).

Dzharylgasynova R.Sh. Teoriya etnicheskogo samosoznaniya v sovetskoj etnograficheskoi nauke (osnovnye aspekty problemy). *Sovetskaya etnografiya*, 1987, No. 4, pp. 9–22 (in Russ.).

Mongush M.V. Tuvintsy v Kitae (istoriko-etnograficheskii ocherk). Kyzyl: Ene sozu, 1997, 78 p. (in Russ.).

Namkamidog. Xinjiang Tuwaren shenuiwenhua tianyediaocha yu yanjiu. Beijing, 2009, 294 p. (in Chin.).

Сведения об авторе:

Юша Ж.М. — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН,

e-mail: zhanna-yusha@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4076-4553>.

Этнокультурное наследие сибирских евреев в публикациях ученого-фольклориста, раввина Иркутской синагоги 1901–1922 годов С.Х. Бейлина

*В 1901 г. казенным раввином г. Иркутска становится исследователь еврейского фольклора Со-
ломон Хаимович Бейлин. В конце XIX в. С.Х. Бейлин одним из первых на территории Российской
империи начинает записывать, анализировать и публиковать еврейский фольклор. Весь собран-
ный С.Х. Бейлиным польско-литовский еврейский фольклор был переведен им с идиша на русский
язык и опубликован в различных дореволюционных изданиях по российской этнографии. В 1907 г.
в Иркутске была издана его монография об исследованиях переходящих сюжетов в мировой фоль-
клористике и в фольклоре разных народов России.*

Ключевые слова: *этнокультурная идентичность, народы Сибири, евреи в Сибири, еврейская
община, синагога, национально-культурная жизнь, еврейское просвещение.*

Для цитирования: Берман Е.А. Этнокультурное наследие сибирских евреев в публикациях
ученого-фольклориста, раввина Иркутской синагоги 1901–1922 годов С.Х. Бейлина. *Эт-
нокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 551–554.
DOI 10.17746/0295-7.2019.551-554.

Ethnocultural heritage of Siberian Jews in Publications of a Folklore Researcher, a Rabbi of the Irkutsk Synagogue 1901–1922 S.Kh. Beilin

*In 1901, Solomon Khaimovich Beilin, a researcher of Jewish folklore, became the official rabbi of the
city of Irkutsk. At the end of the 19th century. S.Kh. Beilin was one of the first in the Russian Empire to
begin recording, analyzing and publishing Jewish folklore. All collected S.Kh. Beilin Polish-Lithuanian
Jewish folklore was translated by him from Yiddish into Russian and published in various pre-revolutionary
publications on Russian ethnography. In 1907, his monograph was published in Irkutsk on the research of
passing subjects in world folklore studies and in the folklore of various peoples of Russia.*

Keywords: *ethnocultural identity, peoples of Siberia, Jewish folklore, Jews in Siberia, Irkutsk province,
Jewish community, synagogue, national and cultural life, Jewish education.*

For citation: Berman E.A. Ethnocultural heritage of Siberian Jews in publications of a folklore
researcher, a rabbi of the Irkutsk synagogue 1901–1922 S.Kh. Beilin. *Ethnocultural identity of
the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 551–554 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-
7.2019.551-554.

В 1901 г. казенным (общественным) раввином г. Иркутска становится писатель, исследователь еврейского фольклора, специально приглашенный на эту должность из г. Рогачев Минской губ., Соломон Хаимович Бейлин. Казенный раввин как глава общины, был официальным ее представителем во всех структурах власти, регистрировал акты гражданского состояния еврейского населения города, приводил к присяге евреев-новобранцев [Леванда, 1874, с. 880].

Первые публикации С.Х. Бейлина, связанные с еврейским фольклором, выходят в Германии с 1895 г. в периодическом журнале еврейского фольклора *Mitteilungen zur jüdischen Volkskunde* на немецком языке. В 1898 г., в Одессе и Вильно, издаются два тома собранных и записанных им еврейских сказок на русском языке [Бейлин, 1898а, б]. В 1899 г. еврейский учебно-литературный журнал на русском языке «Книжки Восхода» публикует статью С.Х. Бейлина «Сказания о гордом Агее и его источниках» [Бейлин, 1899]. В 1907 г. в Иркутске выходит его книга «Странствующие, или всемирные повести и сказания в Древне-раввинской письменности» [Бейлин, 1907].

С 1908 г. С.Х. Бейлин становится членом Еврейского историко-этнографического общества (г. Санкт-Петербург). В этом же году его фамилия входит в еврейскую энциклопедию [Бейлин Соломон..., 1908]. В 1909 г. в Луганске отдельной книжкой выходит его рассказ «Летняя прогулка», написанный по воспоминаниям собственного детства [Бейлин-Новогрудский, 1909]. С 1909 г. С.Х. Бейлин является сотрудником журнала Еврейского этнографического общества «Еврейская старина» (г. Санкт-Петербург), где он публикует свои статьи по еврейской этнографии и фольклору [Бейлин, 1909]. В 1912–1913 гг. исследователь публикует записанные им в разных местах Иркутской губ. пословицы и поговорки сибирских евреев в журнале «Сибирский архив» [Бейлин, 1912]. По инициативе С.Х. Бейлина в 1911 г. в Иркутске открывается отделение Санкт-Петербургского Еврейского Литературного Общества, в котором он становится председателем. Несмотря на короткий период своего существования в Иркутске (к концу 1911 г. это общество было повсеместно закрыто), Общество насчитывало ок. 150 членов и за короткое время вызвало большое оживление среди населения и повышенный интерес к лекциям и докладам на еврейские темы [В еврейском литературном обществе, 1911]. В начале 1917 г. по инициативе С.Х. Бейлина открывается иркутское отделение Еврейского литературно-художественного общества (ЕЛХО) им. Л. Переца. Лекции, литературные и музыкальные вечера, спектакли, еврейские праздники, устраиваемые иркутским отделением ЕЛХО на иврите и идиш для взрослых и детей, позволяли сибирским евреям сохранять свои национальные традиции и культуру [Собрание..., 1917].

До 1918 г. община будет официально избирать С.Х. Бейлина на должность казенного раввина шесть раз на трехлетний срок, а в 1918–1923 гг. он будет оставаться в этой должности неофициально. Уже при власти Советов, в 1920 г., С.Х. Бейлин отметит свой 25-летний юбилей литературно-научной деятельности [Иркутский день..., 1920]. Последняя информация о жизни Соломона Хаимовича Бейлина датируется 1929 г. [Бейлин Соломон..., 1929]. После этого времени упоминаний о нем нет.

Список литературы

Бейлин С.Х. Еврейские народные сказки, записанные С.Х. Бейлиным. — Одесса: Книгоиздательская типография Я.Х. Шермана, 1898а. — 46 с.

Бейлин С.Х. Еврейские народные сказки и сказания, записанные С.Х. Бейлиным. — Вильна: [Типогр. А.Г. Сыркина], 1898б. — Вып. 2. — 44 с.

Бейлин С.Х. Сказания о гордом Аггее и его источники // Книжки Восхода: учебно-литературный и политический журнал. — СПб.: [Типо-литография А.Е. Ландау], 1899. — Кн. 11 (ноябрь). — С. 97–116.

Бейлин С.Х. Странствующие, или всемирные повести и сказания в Древне-раввинской письменности. — Иркутск: [Паровая тип. И.П. Казанцева], 1907. — 351 с.

Бейлин С.Х. Хедерные загадки и задачи литовских евреев // Еврейская старина. — СПб., 1909. — Т. I. — С. 189–204.

Бейлин С.Х. Пословицы и поговорки сибирских евреев // Сибирский архив: журнал археологии, истории и этнографии Сибири. — Иркутск: Эл.-тип. Т-ва «М.П. Окунев и Ко», 1912. — № 4. — С. 215–224.

Бейлин-Новоградский С. Летняя прогулка. — Луганск: [Типогр. Ц.Р. Лейфера], 1909. — 32 с.: ил. — (Еврейская детская библиотека).

Бейлин Соломон Хаимович // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: в 16 т. — СПб.: Общество для научных еврейских знаний; Изд-во Брокгауз—Ефрон, 1908. — Т. 4 / под общ. ред. д-ра Л. Каценельсона и барона Д.Г. Гинцбурга. — С. 41–42.

Бейлин Соломон Хаимович // Сибирская Советская энциклопедия: в 4 т. Т. 1: А–Ж / под общ. ред. М.К. Азадовского [и др.]. — Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. — С. 265–266.

В еврейском литературном обществе // Наша мысль: газ. обществ., политико-экономич. и литератур. — Иркутск, 1911. — № 123 (11 мая). — С. 2.

Иркутский день: Литературный юбилей // Власть труда. — Иркутск, 1920. — № 173 (10 июня). — С. 2.

О порядке избрания раввинов: Высочайше утвержденное положение Комитета об устройстве евреев, опубликованное 23 августа. № 791. — 18 мая 1857 // Леванда В.О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, 1649–1873 г.: Извлечение из полных собраний законов Российской империи. — СПб.: Тип. К.В. Трубникова, 1874. — С. 880.

Собрание еврейского литературно-художественного общества имени Переца: хроника // Иркутская жизнь: ежен. политическая, литературная и экономическая газета. — 1917. — № 26 (28 янв.). — С. 3.

References

Beilin S.Kh. Evreiskie narodnye skazki, zapisannye S.Kh. Beilinyim. Odessa: Knigoizdatel'skaya tipografiya Ya.Kh. Shermans, 1898, 46 p. (in Russ.).

Beilin S.Kh. Evreiskie narodnye skazki i skazaniya, zapisannye S.Kh. Beilinyim. Vil'na: Tipografiya A.G. Syrkina, 1898, iss. 2, 44 p. (in Russ.).

Beilin S.Kh. Skazaniya o gordom Aggee i ego istochniki. In *Knizhki Voskhoda: uchebno-literaturnyi i politicheskii zhurnal*. St. Petersburg: Tipo-Litografiya A.E. Landau, 1899, Book 11 (noyabr'), pp. 97–116 (in Russ.).

Beilin S.Kh. Stranstvuyushchie, ili vseмирnye povesti i skazaniya v Drevne-ravvinskoi pis'mennosti. Irkutsk: Parovaya tipografiya I.P. Kazantseva, 1907, 351 p. (in Russ.).

Beilin S.Kh. Khedernye zagadki i zadachi litovskikh evreev. In *Evreiskaya starina*. St. Petersburg: 1909, vol. I, pp. 189–204 (in Russ.).

Beilin S.Kh. Poslovitsy i pogovorki sibirskikh evreev. *Sibirskii arkhiv: zhurnal arkheologii, istorii i etnografii Sibiri*. Irkutsk: El.-tip. T-va "M.P. Okunev i Ko", 1912, No. 4, pp. 215–224 (in Russ.).

Beilin-Novogrudskii S. Letnyaya progulka. Lugansk, tipografiya Ts.R. Leifera, 1909, 32 pp.: il. (Evreiskaya detskaya biblioteka) (in Russ.).

Beilin Solomon Khaimovich. In *Evreiskaya entsiklopediya. Svod znanii o evreistve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem*: in 16 vol. Vol. 4, eds. L. Katsenel'son, D.G. Gintsburg. St. Petersburg: Obshchestvo dlya nauchnykh evreiskikh znanii; izd-vo Brokgauz–Efron, 1908, pp. 41–42 (in Russ.).

Beilin Solomon Haimovich. *Sibirskaya Sovetskaya entsiklopediya*: in 4 vol. Vol. 1: A–Zh, ed. M.K. Azadovskii [et al.]. Novosibirsk: Sibkraiizdat, 1929, pp. 265–266 (in Russ.).

Irkutskii den': Literaturnyi yubilei. *Vlast' truda*. Irkutsk, 1920, No. 173 (10 iyunya), p. 2 (in Russ.).

O poryadke izbraniya ravvinov. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie Komiteta ob ustroistve evreev, raspublikovannoe 23 avgusta. No. 791, 18 maya 1857. Levanda V.O. Polnyi khronologicheskii sbornik zakonov i polozhenii, kasayushchikhsya evreev, 1649–1873 g.: Izvlechenie iz polnykh sobranii zakonov Rossiiskoi imperii. St. Petersburg: Tipografiya K.V. Trubnikova, 1874, p. 880 (in Russ.).

Sobranie evreiskogo literaturno-khudozhestvennogo obshchestva imeni Peretsa: khronika. *Irkutskaya zhizn': ezhedn. politicheskaya, literaturnaya i ekonomicheskaya gazeta*, 1917, No. 26 (28 yanvarya), p. 3 (in Russ.).

V evreiskom literaturnom obshchestve. *Nasha mysl': gaz. obshchestv., politiko-ekonomich. i literatur*. Irkutsk, 1911, No. 123 (11 maya), p. 2 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Берман Е.А. – кандидат технических наук (техническая эстетика и дизайн), доцент кафедры ювелирного дизайна и технологий Иркутского национального исследовательского технического университета,

e-mail: lena.berman.amanut@gmail.com.

**Проблемы национальной идентичности
и мифологические образы
в повести К. Поклонова и П. Муравьева «Высший суд»**

В работе рассмотрены фольклорные и мифологические образы в повести К. Поклонова и П. Муравьева «Высший суд». Особое место занимают образы мирового древа и воды, получившие общекультурное семантическое наполнение, а также образ тотемного животного, уходящий корнями в алтайскую мифологию. Кроме того, повесть наполнена частными фольклорно-мифологическими элементами славянской языческой и православно-христианской культур.

Ключевые слова: *этнокультурная идентичность, литература Алтая, тотемное животное, архетип матери и дитяти, мировое древо, фольклорно-мифологический образ.*

Для цитирования: Бедарева И.А. Проблемы национальной идентичности и мифологические образы в повести К. Поклонова и П. Муравьева «Высший суд». *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 555–558. DOI 10.17746/0295-7.2019.555-558.

I.A. Bedareva
*Gorno-Altai State University,
Gorno-Altaysk, Russia*

**Problems of National Identity
and Mythological Images in the Novel
by K. Poklonov and P. Muravyov “The Supreme Court”**

The work is devoted to the study of folklore and mythological images in the story of Kuzma Poklonov and Peter Muravyov “The Supreme court”. As a result of research the Central folklore and mythological images of the story are revealed, among which the images of a world tree and water which have received the General cultural semantic filling, and also the image of a totem animal which is rooted in the Altai mythology take a special place. In addition, the story is filled with private folklore and mythological elements of the Slavic pagan and Orthodox-Christian cultures.

Keywords: *ethnocultural identity, literature of Altai, totem animal, archetype of mother and child, world tree, folklore-mythological image.*

For citation: Bedareva I.A. Problems of national identity and mythological images in the novel by K. Poklonov and P. Muravyov “The Supreme court”. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 555–558 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.555-558.

Для русской литературы Горного Алтая характерна следующая тенденция: с одной стороны — использование образов алтайской языческой культуры, а с другой — образов и символов мировой литературы, что особенно отчетливо прослеживается

на уровне системы фольклорно-мифологических элементов. Данную тенденцию можно проследить на примере повести К. Поклонова и П. Муравьева «Высший суд» (Горно-Алтайск, 1982), т.к. в ней получили воплощение архетипичная тема *матери и ребенка* и фольклорно-мифологические образы *кедра* и *марала*.

Название повести – «Высший суд» – уже настраивает на присутствие мифологического подтекста, и очевидным представляется то, что итог *суда* будет предопределен *свыше*. Основу сюжета повести составляет *тотемный миф*, и убийство тотемного животного совпадает с завязкой действия. Главная героиня повести – чабан Василиса Мироновна – убивает для нужд колхоза маралуху, и не просто животное, а, как явствует из семантики текста, себе подобное существо, поскольку та тоже оказалась матерью:

«Изрядно я поплутала, пока на добычу свою наткнулась: лежит мой торбок брюхом кверху, к кусту привалился. Принялась первым делом обшаривать его. Увериться захотелось, кого, в точности, мне бог послал. Веду рукой по животу, и вдруг рука на вымечко наткнулась. Потянула я за сосок, а оттуда молочко брызнуло...

Тятенка мой родимый! Кого же я жизни лишила!

Обмерло все во мне: до того жалко было, до того казнилась. Она ведь мать, как и я. Лежит мараленок где-нибудь под кусточком и ждет ее, как и мой Савушка меня под кедром» [Муравьев, 1982, с. 32].

Вторжение героини в космос тотемного животного и разрушение его влечет за собой разрушение космоса героини. Именно после случая в лесу Василиса Мироновна переживает ряд потерь: во-первых, теряет своего младшего сына Савушку, оставленного на время охоты *под кедром*; во-вторых, получает похоронную на старшего сына Егора, а затем на среднего – Федора; в-третьих, муж Андрей, вернувшийся с войны, обвиняет Василису Мироновну в потере детей и уходит жить к молодой любовнице.

Одной из ключевых в повести является сцена спасения и, можно сказать, «удочерения» героиней детеныша маралухи:

«Далеко от Савушкиного кедра была, как услышала – плач не плач и писк не писк. Но голосок вовсе не похож на Савушкин, значит, не мерещится, искать надо.

Когда набрела я на полянку крохотную, слышу, громче запищало. Замерла я, оглядывая чистину. Вон! Вон за тем камнем былиночки шевелятся. Я к тому камню опрометью... а за ним – мараленок хоронится.<...>

Представилось мне, что и мой Савушка где-то вот так же лежит и зовет меня, кинулась я к мараленку, подхватила на руки. Он, сердешный, уж и головы от слабости держать не может. На том поиски мои в тот день и кончились: повезла домой я мараленочка. Он самочкой оказался. Не ломая головы, я ее Машенькой назвала» [Там же, с. 48–49].

Спасение маленькой маралухи, забота о ней, как о собственном ребенке, а затем удочерение ребенка своего мужа от другой женщины позволили свершиться высшему суду: Василисе Мироновне на склоне лет удалось встретиться с живым сыном, выросшим в чужой стране.

Немаловажную роль в повести выполняет образ *мирового древа*, модифицированного – в русле устойчивой горно-алтайской традиции – в образе кедра. Кедр в пространственной организации произведения находится вне зоны обычной, бытовой жизни персонажей, однако все ключевые моменты повести происходят непосредственно около него.

Во-первых, кедр выполняет главную смыслообразующую функцию и является своеобразной точкой отсчета, семантическим центром в жизни главной героини. Так, Василиса Мироновна, прежде чем отправиться на охоту, оставляет сына именно под кедром: «Постлала я потник под кедром, положила Савушку в заячий мешок...» [Там же, с. 28]. В данном случае прослеживается функционирование кедра как хранителя сна охотника (или – ребенка охотника), характерное для алтайской мифологической традиции.

Смещение равновесия мирового порядка, вызванное убийством маралухи, восстанавливается потерей Василисой Мироновной сына. Причем, здесь она не только теряет, но и обретает: следующий приход героини к кедру заканчивается тем, что она находит детеныша маралухи, забота о котором, как уже говорилось выше, способствует в дальнейшем встрече с потерянным сыном. Именно так вновь устанавливается горизонтальное равновесие мироустройства, проявленное в неразрывной соединенности архетипов *матери* и *дитяти*: отсутствующие *мать* и *ребенок* – маралуха и Савушка – и присутствующие *мать* и *ребенок* – Василиса Мироновна и мараленок.

Во-вторых, в повести прослеживается *вертикальная* семантика *кедра* как аналога *мирового древа*, особенно в противопоставленности *верха* и *низа*, например: «Когда пришла в себя, гляжу вверх, где кедры кудрявыми макушками помахивают, гадают: осуждают или сочувствуют?», и далее – «Обхватила руками ствол кедра и сползла по нему, а дальше и не помню, что было, будто в преисподнюю провалилась», «Опустилась я под кедром, тут меня и беспмятство поглотило: от страха, видно, что живая – здоровая на смертное ложе легла» [Там же, с. 36, 37, 43].

Значительное место в повести занимает фольклорный образ *воды*, который выполняет как минимум три ярко выраженные функции: *исцеление*, *оживление*, *очищение*. Так, функция *воды* как главного компонента в процессе *очищения* обнаруживается в сцене омовения Василисой Мироновной своего мужа, вернувшегося от любовницы [Там же, с. 139]. В данном случае, с одной стороны, проступает славянский обычай «обливаться водой перед каким-либо трудным делом или перед свадьбой» [Капица, 2000, с. 24], а с другой – мотив *воды* как *первоначала* соотносится со «значением воды для акта омовения, возвращения человека к исходной чистоте» [Мифы народов мира, 1991, с. 240].

Кроме того, текст повести насыщен фольклорными жанрами и формами: *гаданиями*, *пословицами* и *поговорками*, *песнями*, *поверьями*, *названиями-символами*.

Таким образом, центральные фольклорно-мифологические образы повести: *мировое древо*, *вода* – получают общекультурное семантическое наполнение, *тотемное животное* – имеет корни в алтайской мифологии: а частные фольклорно-мифологические элементы принадлежат к славянской языческой и православно-христианской культурам.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Алтай (проект № 18-412-040005).

Список литературы

Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: справочник. – М.: Флинта; Наука, 2000. – 216 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – Т. 1: А–К / гл. ред. С.А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1991. – 671 с.

Муравьев П.А., Поклонов К. Высший суд. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во: Горн.-Алт. отд-ние, 1982. – 190 с.

References

Kapitsa F.S. Slavyanskije traditsionnyje verovaniya, prazdniki i ritualy: Spravochnik. Moscow: Flinta; Nauka, 2000, 216 pp. (in Russ.).

Mify narodov mira. Entsiklopediya: in 2 vol., vol. 1: A–K, ed. S.A. Tokarev, 2nd edition. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1991, 671 pp. (in Russ.).

Murav'ev P.A., Poklonov K. Vysshii sud. Gorno-Altajsk: Alt. kn. izd-vo: Gorn.-Alt. otd-nie, 1982, 190 pp. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Бедарева И.А. – кандидат филологических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета,

e-mail: bediral@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-2548-6698>.

Этнокультурная специфика хакасского тахпах (на примере творчества М.Р. Баинова и современного народного тахпах)

В статье рассмотрена этнокультурная специфика хакасской лирической песни тахпах в контексте современной литературы и бытования в народе. Структура и художественные особенности тахпах сыграли важную роль в развитии национальной поэзии в первые годы становления письменной литературы. Тахпах продолжает функционировать в современной поэзии и бытует как жанр современного хакасского фольклора, оказавшись одной из устойчивых и гибких форм народного художественного слова. По мнению автора статьи, в современном тахпахе сохранились все его традиционные качества: сущность, структура, функции.

Ключевые слова: *М.Р. Баинов, поэзия, этнокультура, хакасы, тахпах, современный фольклор, традиции, культура.*

Для цитирования: Майнагашева Н.С. Этнокультурная специфика хакасского тахпах (на примере творчества М.Р. Баинова и современного народного тахпах). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий.* 2019. С. 559–562. DOI 10.17746/0295-7.2019.559-562.

Ethnocultural Specificity of the Khakass Tahpakh (on the Example of the Works of M.R. Bainov and Modern Folk Tahpakh)

The article considers the ethnocultural specificity of the Khakass lyric song tahpakh in the context of the modern literature and the existence of the people. The structure and artistic peculiarities of tahpakh played an important role in the development of the national poetry in the early years of the development of written literature, it continues to function in modern poetry and exists as a genre of modern Khakass folklore, proving to be one of the most stable and flexible forms of the folk artistic word. The author of the article believes that all its traditional qualities have been preserved in modern tahpakh: the essence, structure and functions.

Keywords: *M.R. Bainov, poetry, ethnoculture, Khakas, tahpakh, modern folklore, traditions, culture.*

For citation: Mainagasheva N.S. Ethnocultural specificity of the Khakass tahpakh (on the example of the works of M.R. Bainov and modern folk tahpakh). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 559–562 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.559-562.

Вопрос этнической самоидентификации и проблема сохранения языков и культур народов России в современном мире очень актуальны. В этом контексте важно сохранение традиций народа во всех их проявлениях. Особенно — сохранение традиционного фольклора как продолжающего бытовать в современном культурном пространстве и способствующего усилению чувства идентичности. В фольклоре хакасов одним из традиционных жанров фольклора является *тахпах*.

Тахпах — наиболее распространенная в народе лирическая песня хакасов, имеющая строго выработанную поэтическую форму из 4, 8, 12 строк. В тахпахе, как и во всей фольклорной поэзии, исключительно важную роль играют единоначалие строк (аллитерация, ассонанс) и параллелизм [Майногашева, 2007, с. 177]. Тахпах импровизируется, и это свойство не теряется и сегодня. Искусство исполнения тахпаха заключается в постановке вопроса и ответе партнеру в импровизационном песенном состязании. Поэтическая основа тахпаха была использована в стихах первых поэтов. В творчестве хакасского поэта М.Р. Баинова (1937–2001) тахпаху отводится немалое место. Тахпахи органично вплетены в тексты многих стихов, поэм и романа в стихах «Таң Солбанында тоғазығ» («Встреча на Венере»), являющихся образцами хакасского поэтического слова [Баинов, 2012, 2017].

Хакасский тахпах (литературный и народный) содержит этнокультурные образы и мотивы, воссоздающие объективно существующий национальный мир. В тахпахе традиционным является упоминание объектов родной природы. Так, *чир-суғ* ‘земля—вода’ обозначает родину, где с понятием *чир* ‘земля’ связаны как конкретная местность, так и родина вообще — «земля матери», «земля отца», а к ней обычно присоединяется название реки. У М.Р. Баинова часто встречающийся пространственный объект — это *чазы* ‘степь’.

Перевод:

Алтончылтыстың сузында
Алтонкөглерні мин көглеем.
Арғамнаң сыйбаанахчазым —
Алархызымның паарсазы.

Под лучами шестидесяти звезд*
Пел я шестьдесят песен.
Белая степь, что гладила мне спину, —
Как любовь моей суженой.

[Баинов, 2012, с. 70].

Многократно повторяющиеся в тахпахе образы белой и зеленой степи, белых и синих горных вершин выражают особенности мировосприятия народом мифопоэтического пространства. Они активно функционируют и в литературе. Так, в авторских тахпахах поэта М.Р. Баинова, достигшего вершин хакасской поэзии, *ахчазы* — это целая эпоха в истории народа, под которым подразумевается мифическое время:

Перевод:

Айалтыхайхаанньмахтығ
Ахчазы тузы ирттібе?
Айныңүлгүзітуйғахтығ
Алтонёөрчылғы чіттібе?

Сотворившей сказку, что удивляла весь подлунный мир,
Время белой степи прошло ли?
С копытами, что подвластно [лишь] луне,
Шестьдесят табунов пропали ли?

[Там же, с. 76]

*Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

В тахпах М.Р. Баинова родная земля обозначена как *ада чирі* ‘земля отца’, *инечирі* ‘земля матери’. Обязательными являются рассказ о происхождении народа: о енисейских кыргызах, о предках-скотоводах, владевших отарами овец и табунами лошадей на просторах белой степи.

Тахпах бытует в современном обществе хакасов, где вопрос этнической самоидентификации и проблема сохранения языка и культуры являются очень актуальными. Так, в соцсетях в интернете отдельные авторы свои высказывания или спор на определенную тему выстраивают в форме тахпаха (Сибдей Том, О. Чебодаев). Тахпах продолжает бытовать в современном культурном пространстве и способствует выражению идентичности. Свидетельством тому служат и материалы экспедиции 2018 г. (грант РФФИ). Интересные записи удалось сделать от одной из ярких и талантливых исполнительниц с. Куйбышев Натальи Петровны Чичиной (Капсаргиной, 1957 г.р., род. в с. Койбал Бейского р-на). Она рассказала, что родная тетя неоднократно говорила ей о важности «иметь свой тахпах» о своем роде, своих предках. И она следует этому правилу:

Перевод:

Пай Миткоңның төлібін,
Иптіг чонның хызыбын,

Я – потомок богача Миткона,
Я – дочь порядочного народа [рода].

Н.П. Чичина исполняет тахпахи, передающиеся от поколения к поколению. Тематика ее тахпахов – это родная земля, семья, свой род, род мужа и др. Она так же, как и старшее поколение, активно использует выражения, ставшие своеобразным клише, формулой: *ах чазы* ‘белая степь’, *көкчазы* ‘зеленая степь’ и др. Родная тетя информанта исполняла тахпах об их роде и велела ей петь его и носить старинное кольцо прабабушки с кораллами. В тахпахах Н.П. Чичиной, посвященных роду мужа (род Чонмай), звучит благодарность мужу и его роду за достойную жизнь.

Н.П. Чичина сохраняет традиционно сложившиеся в течение нескольких столетий свойства тахпаха, при этом исполняет их под мелодии, услышанные ею от старших. Это и есть функционально-смысловая основа сохранения традиционного фольклора – процесс восприятия и воспроизведения с ценностным осмыслением значимости фольклора.

Отметим, что тахпах как жанр поэзии вслед за М.Р. Баиновым развивается и в литературе. Литературный тахпах не обязательно должен исполняться как песня, но пишется по законам фольклора.

Таким образом, для носителей хакасского языка тахпах является одним из факторов этнокультурной идентичности в современном культурном пространстве.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00695/18-«а»).

Список литературы

Баинов М.Р. Хумартхыкӱглерім: сборник стихов на хакасском языке. – Абакан: Союз писателей Хакасии, 2012. – 111 с. (на хакас. яз.).

Баинов М.Р. Өскей ах хазынапүрлер. Талламатоғыстарчыындызы: кибелістер, поэма паза кибелісең пазылған роман = Да будет вечной белая береза: сборник избранных стихов, поэм, романа в стихах. – Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2017. – 144 с. (на хак. яз.).

Майногашева В.Е. Тахпах, сарын (ыр) // Энциклопедия Республики Хакасия: в 2-х т. / гл. ред. В.А. Кузьмин. – Красноярск: Поликор, 2007. – Т. 2: О–Я. – 320 с.

References

Bainov M.R. Khumartkhy köglerim: sbornik stikhov na khakasskom yazyke. Abakan: Soyuz pisatelei Khakasii, 2012, 111 p. (in Khakass).

Bainov M.R. Өскейахкхазуңа пүрлер. Tallama тоғыстарчыындызы: кибелістер, поэма паза кибелісең пазылған роман = Da budet vechnoi belaya bereza: sbornik izbrannykh stikhov, poem, romana v stikhakh. Abakan: Dom literatorov Khakasii, 2017, 144 p. (in Khakass).

Mainogasheva V.E. Takhpakh, saryn (yr). In *Entsiklopediya Respubliki Khakasiya*: in 2 vol., ed. V.A. Kuz'min. Krasnoyarsk: Polikor, 2007, vol. 2: O–Ya, 320 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Майногашева Н.С. – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории,

e-mail: Nina_71@inbox.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-3537-4681>.

Концепт «свой – чужой» в романах Ю. Рытхэу (проблемы этноидентификации, этнодифференциации и этноконсолидации)

Статья посвящена вопросам формирования этнического самосознания, этнокультурной идентификации, дифференциации и единения в меняющемся мироустройстве. На основе контекстуального анализа романов чукотского писателя Ю. Рытхэу рассмотрен концепт «свой – чужой», связанный с архетипной оппозицией. Проанализирована многоликая художественная модель двоemiрия в реальном обществе.

Ключевые слова: этноидентификация, этнодифференциация, этноконсолидация, бинарная оппозиция «свой – чужой», чукчи, Ю. Рытхэу, романы, образ, сюжет, мировоззрение, специфика.

Для цитирования: Жулева А.С. Концепт «свой – чужой» в романах Юрия Рытхэу (проблемы этноидентификации, этнодифференциации и этноконсолидации). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 563–566. DOI 10.17746/0295-7.2019.563-566.

A.S. Zhuleva
Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Concept “friend or foe” in the novels of Y. Rytkeu (problems of ethnoidentification, ethnodifferentiation and ethnoconsolidating)

The article is devoted to the formation of ethnic consciousness, ethnic and cultural identification, differentiation and unity in the changing world order. On the basis of contextual analysis of novels by Chukchi writer Y. Rytkeu, the concept of “friend or foe” associated with archetype opposition is considered. A multi-faceted fictional model of the dual world from the life of the Chukchi is presented.

Keywords: ethnoidentification, ethnodifferentiation, ethnoconsolidating, binary opposition of “friend or foe”, Chukchi, Y. Rytkeu, novels, way, storyline, the specifics of worldview.

For citation: Zhuleva A.S. Concept “friend or foe” in the novels of Y. Rytkeu (problems of ethnoidentification, ethnodifferentiation and ethnoconsolidating). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 563–566 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.563-566.

Этноидентификация, этнодифференциация и этноконсолидация – триада, глубинное содержание которой актуально для поиска путей решения культурологических, исторических и нациософских проблем в современном обществе. Процессы

формирования этнического самосознания, этнокультурной идентификации, дифференциации и единения в меняющемся мироустройстве многотрудны, малоизведанны, нередко прямолинейны и оказываются на тернистом, даже многострадальном пути.

Исследования литературоведами в художественных произведениях семантики, специфики мировоззренческих установок авторов и героев (персонажей), их материальных и духовных ценностей, реальных и вымышленных картин мира и жизнеустройства разных народов не только высвечивают многоликий опыт, но и подсказывают пути и возможности оптимизировать процесс консолидации полиэтнического российского социума.

Чукотский писатель Ю. Рытхэу (1930–2008) в своих романах предьявил, в первую очередь, те коннотации, представления, которые обусловлены духовным опытом чукотского народа, его национально-культурной спецификой, историческими условиями. Однако мировоззрение писателя, его индивидуальные взгляды переплетаются не только с традиционными, бытовавшими в чукотской среде. Это мировидение писателя-философа, познавшего многокультурный мир как своей страны, так и мира.

Концепт «свой – чужой» в произведениях Ю. Рытхэу связан с архетипной оппозицией «свое – чужое», которая на социальном уровне конкретизируется в локальной оппозиции «свои люди – чужие люди».

Бинарная оппозиция «свой – чужой» в романах Рытхэу «Сон в начале тумана»* и «Скитания Анны Одинцовой»** рассмотрена в процессе контекстологического анализа с использованием культурологического, социально-исторического, психологического объяснения фактов.

В этих романах-мифах Ю. Рытхэу образно сопоставил сознание цивилизованного человека с восприятием мира не знающих цивилизации людей. Сюжет романа «Сон в начале тумана» разворачивается вокруг истории жизни на Чукотке канадского моряка торгового судна Джона Маклейна (чукчи называли его Сон), пострадавшего во время взрыва льда и оставленного на произвол судьбы своими соотечественниками. В романе «Скитания Анны Одинцовой» представлена жизнь на Чукотке русского исследователя-этнолога из Ленинграда.

Ю. Рытхэу воплотил в образах Джона и Анны идею не просто толерантного, а искренне дружеского отношения представителей других народов, иных цивилизаций, другой веры – к чукчам и эскимосам. У них не было взглядов свысока, высокомерия, пренебрежения к бытовому героизму арктических жителей. Джон убежден, что слабость северян лишь в том, что «у них нет того богатого опыта лицемерия и лжи, коварства и жестокости, которым обогатился цивилизованный мир за свою историю».

Искусно вписывая в сюжет романов приобщение Джона и Анны к жесткой и величественной романтике полярных жителей, представляя читателю практическое освоение главными героями весьма негостеприимных, сложных для выживания морских и тундровых просторов, Ю. Рытхэу одновременно раскрывал искренность, выносливость чукчей, неутомимость их в борьбе со стихиями, деятельную, строгую

*Издан в 1969 г. (ч. I) и 1970 г. (ч. II).

**Издан на русском языке в 2003 г., после издания его за границей на немецком и английском языках.

любовь к детям, передачу им знаний с помощью древних мифов и легенд, героического и бытового фольклора.

С помощью главных образов-персонажей он представил разноликую модель двоимирия: одна — от носителей культуры и вторая — от «вживающихся» в нее (в эту северную культуру). Автор вместе с главными героями романов занят поиском энтелехии («целевой причины», по Аристотелю), жизненного начала чукотского народа и его таинственной культуры, ценностных ориентиров.

В анализируемых романах, как в большинстве своих произведений, чукотский писатель перманентно вводит в сюжетную канву как мифологические мотивы, так и мистику, являющуюся частью мировоззрения чукчей, образы шаманов, сопоставляет с восприятием мира других народов. Ищет пути формирования двоимирия.

Двоимирие — многоаспектное понятие и как термин подразумевает в себе религиозное, философское и литературоведческое содержание. Уникальной философской рефлексией духовно богатого человека можно назвать стремление Ю. Рытхэу воплотить в своих произведениях, с одной стороны, бинарные смыслообразы, «сверхчеловеческую природу» (бытие и небытие) своего народа, а с другой — проследить путь формирования двоимирия как приобщения к чукотской культуре представителей иной культуры. Автору близка установка К. Леви-Строса о «коалиции культур», которая должна присутствовать в процессе развития цивилизации.

Ю. Рытхэу транслирует в романах различные периоды общественного устройства в жизни чукчей: родоплеменного, время зарождения первичных буржуазных отношений и строительства социализма. Изменения в мировоззрении в последний период были наиболее кардинальными в жизни чукотского народа и нередко болезненными.

Обращаясь к собственной генеалогической цепи, Ю. Рытхэу проецирует читателей на достоверность, убеждает в существовавшем в не столь отдаленные времена мифологическом мировосприятии у героев, умело переносит события прошлого на настоящее положение вещей. В романах он постоянно обращается к чукотским мифам, которые способны впечатлять, внушать, увлекать, поскольку восходят к универсально-постоянным началам в человеческой природе. К универсально-постоянному началу относится и бинарная архетипная оппозиция «свое — чужое».

Список литературы

- Барт Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. — М.: Прогресс, 1994. — 616 с.
- Богораз В.Г.** Чукчи. — Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. — Ч. II. — 211 с.
- Иванов В.И.** Две стихии в современном символизме // Русские философы. Конец XIX — середина XX века. — М., 1993. — С. 219–242.
- Леви-Брюль Л.** Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М.: Педагогика-Пресс, 1999. — 608 с.
- Леви-Строс К.** Первобытное мышление / пер., вступ. ст., примеч. А. Островского. — М.: Республика, 1994. — 384 с.
- Мелетинский Е.М.** Поэтика мифа. — М.: Изд-во Вост. лит. РАН, 1963. — 407 с.
- Султанов К.К.** От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. — М.: Наука, 2007. — 302 с.
- Юнг К.** Архетип и символ. — М.: Ренессанс, 1991. — 304 с.

References

- Bart R.** Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. Moscow: Progress, 1994, 616 p. (in Russ.).
- Bogoraz V.G.** Chukchi. Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi, 1939, pt. 11, 211 p. (in Russ.).
- Ivanov V.I.** Dve stikhii v sovremennom simbolizme. In *Russkie filosofiy. Konets XIX – seredina XX veka*. Moscow, 1993, pp. 219–242 (in Russ.).
- Levi-Bryul' L.** Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii. Moscow: Pedagogika-Press, 1999, 608 p. (in Russ.).
- Levi-Stros K.** Pervobytnoe myshlenie. Moscow: Respublika, 1994, 384 p. (in Russ.).
- Meletinskii E.M.** Poetika mifa. Moscow: Izd-vo Vostochnoi literatury RAS, 1963, 407 p. (in Russ.).
- Sultanov K.K.** Ot Doma k Miru. Etnonatsional'naya identichnost' v literature i mezhkul'turnyi dialog. Moscow: Nauka, 2007, 302 p. (in Russ.).
- Yung K.** Arkhetip i simbol. Moscow: Renessans, 1991, 304 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Жулева А.С. – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,

e-mail: aszhuleva@mail.ru.

Способы маркировки этнолокальной принадлежности в музыкальном языке (на примере обско-угорского фольклора)

Изучение способов этнолокальной идентификации мелодий обских угров проведено на основе материала, собранного автором в экспедициях 1987–2008 гг. Для фольклора хантов и манси маркерами этнолокальной принадлежности выступают: мелодическая комбинаторика, степень варьирования, виды вибрато (в обрядовой песне), текст, тип мелодики (в необрядовой песне), наличие инструментария, тематика и название наигрышей, позиция рук, фактура, строй (в инструментальной музыке), что позволяет расширить понятие «музыкальный язык».

Ключевые слова: музыкальный язык, этнокультурная принадлежность, обские угры, музыкальный фольклор, обрядовая музыка, музыкальные инструменты.

Для цитирования: Солдатова Г.Е. Способы маркировки этнолокальной принадлежности в музыкальном языке (на примере обско-угорского фольклора). *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 567–569. DOI 10.17746/0295-7.2019.567-569.

G.E. Soldatova
Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

The Methods of Marking of Ethnolocal Identity in the Musical Language (on an Example of Ob-Ugric Folklore)

The study of the methods of ethnolocal identification of Ob-Ugric melodies was done on the basis of material collected by the author in the expeditions of 1987–2008. The markers of ethnolocal identity for the folklore of Khanty and Mansi (Vogul) are: melodic combinatorics, degree of variation, types of vibrato (in the ritual song), text, type of melody (in the non-ritual song), existence of music instruments, subject and name of the tunes, hand position, texture, pitch tuning (instrumental music), which allows us to expand the concept of “musical language”.

Keywords: musical language, ethnolocal identity, Ob-Ugrians, musical folklore, ritual music, musical instruments.

For citation: Soldatova G.E. The Methods of marking of ethnolocal identity in the musical language (on an example of Ob-Ugric folklore). *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 567–569 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.567-569.

Процесс распознавания и локальной идентификации звучания в фольклоре начинается с самых общих параметров бытования народно-музыкальной традиции. Первичными маркерами этнолокальной принадлежности являются: репертуар, тематика, в вокальной музыке — текст с его диалектными особенностями (лексическими и фонетическими), в обряде — омузыкаливание ритуальных эпизодов в противовес «мол-

чанию», отсутствию любых музыкальных проявлений. Таким образом, в применении к фольклорному материалу понятие «музыкальный язык», обычно включающее такие параметры, как «лад», «ритм», «регистр», «тембр», должно быть расширено.

Обско-угорская культура с точки зрения этномузыковедения описана преимущественно в связи с обрядами [Мазур, 1997; Солдатова, 2001; и др.], вопрос музыкальной диалектологии не обсужден. В данной работе, имеющей предварительный характер, выявлен ряд принципов, позволяющих судить об этнолокальной маркировке вокальной и инструментальной музыки. Работа выполнена на основе полевых материалов 1987–2008 гг., собранных автором в экспедициях на север Западной Сибири.

Вокальная музыка. В обрядовых напевах действуют принципы политекстовости и мелодической комбинаторики (когда типизированные интонационные обороты соединяются в неодинаковом порядке, образуя новую мелодическую модель). Комбинаторика более характерна для мансийских песен, политекстовость — для хантыйских. Однако степень варьирования в хантыйских песнях может быть гораздо выше. Хантыйские певцы сильно варьируют мелодическую формулу, широко применяя орнаментальные приемы и всевозможные виды вибрато — внутритоновые, внутризонные, пульсирующие и др. Мансийские исполнители варьируют напев гораздо меньше, изменения связаны обычно с необходимостью поместить разное количество слогов в определенные временные рамки. Они поют в более подвижном темпе, заметно ускоряя к концу, нередко используя особую тембровую краску.

Опытные слушатели медвежьих песен различают стили певцов даже из соседних местностей, при этом «свой» певец оценивается выше.

Необрядовая песня распознается в большей степени по тексту, из мелодических особенностей важен тип мелодики. Обские напевы обычно имеют широкий диапазон (октава и больше), им свойственна строфичность. В северных традициях кроме данного типа встречается другой: узкообъемные напевы, основанные на повторе попевок. Знатоки фольклора, живущие на северных территориях, сразу определяют напевы первого типа как «обские»; манси могут сказать также, что они «хантыйские»: т.е. напев другого плана воспринимается как не свой. Локальные певческие традиции, по словам информантов, различаются по характеру звучания: поют «отрывисто», или «протяжные, длинные песни».

Инструментальная музыка. Само наличие инструментария уже говорит о специфике традиции, поскольку инструментальная музыка развита у северных манси и у восточных хантов, здесь зафиксированы цитра, арфа, лютня. В то же время обские манси и ханты на арфе не играют, у них есть цитра и варган. Неравномерность распространения музыкальных инструментов по территории Югры связана, возможно, с особенностями этногенеза обских угров.

Этнолокальным маркером является также тематика наигрышей. У обских угров довольно богатый пантеон, включающий множество богов и духов-покровителей разного ранга, при этом в каждой группе есть не только общие, но и местно почитаемые фигуры. Практически все они имеют персональные мелодии, которые звучат в обряде для призвания либо представления духа: на медвежьем празднике, жертвоприношении, при посещении культового места. Наличие в репертуаре музыканта персональной мелодии местного духа указывает на локальную принадлежность мелодии. К примеру, наигрыш духа Нёр-ойка, почитаемого в северном Приуралье, отсылает к сыгвинской фольклорной традиции.

Во время несвященной части медвежьего праздника или жертвенных церемоний исполняются танцы мужчин, женщин, девушек под аккомпанемент цитры. Особо выделяются танцы представителей этнолокальных групп. Наигрыши, сопровождающие такие танцы, имеют названия «Мелодия сосьвинских людей», «Мелодия танца мужчин с реки Тапсуй», «Мелодия девушек из Ялпуса» и т.п.

Своеобразным знаком отличия этнических традиций является позиция рук при игре на цитре. Хантыйскую и мансийскую постановку рук описал Д.Г. Агеев [Агеев, Перова, Перов, 2011]. С позицией рук связаны, по-видимому, характер звучания, фактура наигрыша. Обские наигрыши на цитре имеют многозвучную, насыщенную фактуру, яркий звенящий тембр, т.к. удар по струнам у обских музыкантов делается скольжением ногтя. Разность фактур слышна в мансийских инструментальных пьесах по сравнению с хантыйскими, восточно-хантыйскими — по сравнению с обскими, манси лозьвинских — по сравнению с сыгвинскими.

Локально идентифицирующим параметром выступает и строй инструмента. Разница в настройке хорошо слышна и явственно отражается на интонационном облике наигрыша. Мансийский музыкант для того, чтобы сыграть хантыйскую мелодию, перестраивает инструмент.

Дифференцирование мелодий, записанных в разных этнолокальных группах обских угров, осуществляется на основе целого ряда параметров музыкального языка и — шире — музыкального фольклора. Отличия в традициях заметны и исследователю, и представителям этнического сообщества. Для носителей культуры они являются весьма значимыми, поскольку позволяют различать свое и не свое, т.е. определять границы своего локального островка в поле фольклорно-музыкальной культуры.

Список литературы

Агеев Д.Г., Перова В.Д., Перов В.Н. Обско-угорский музыкальный фольклор [Мультимедийное пособие]. — Саранпауль, 2011. — DVD.

Мазур О.В. Медвежий праздник казымских хантов как жанрово-стилевая система: дис. ... канд. искусствовед. — Новосибирск, 1997. — 218 с.

Солдатова Г.Е. Обрядовая музыка манси: контекст, функционирование, структура: дис. ... канд. искусствовед. — Новосибирск, 2001. — 264 с.

References

Ageev D.G., Perova V.D., Perov V.N. Obsko-ugorskii muzykal'nyi fol'klor [Mul'timediinoe posobie]. Saranpaul', 2011, DVD (in Russ.).

Mazur O.V. Medvezhii prazdnik kazymskikh khantov kak zhanrovo-stilevaya Sistema: cand. sc. (study of arts) dissertation abstract. Novosibirsk, 1997, 218 p. (in Russ.).

Soldatova G.E. Obryadovaya muzyka mansi: kontekst, funktsionirovanie, struktura: cand. sc. (study of arts) dissertation abstract. Novosibirsk, 2001, 264 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Солдатова Г.Е. — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН,

e-mail: ge.soldatova@yandex.ru,

https://orcid.org/0000-0003-1421-6075.

Взаимодействие устной народной традиции и письменной культуры в фольклоре сибирской мордвы как процесс этнической идентификации

В работе освещены особенности взаимодействия устной народной традиции и письменной культуры на примере фольклорных текстов на мордовских языках, записанных в Сибири. При сопоставлении разных типов текста (письменный текст, текст-самозапись, устный поющий текст) проанализированы особенности адаптации письменных текстов в устной традиции. Выявлено, что адаптация к устной практике фольклорных печатных (и медиа-) текстов проходит более свободно по сравнению с авторскими опубликованными текстами.

Ключевые слова: этническая идентичность, народы Сибири, мордва, фольклор, устные и письменные тексты.

Для цитирования: Шахов П.С. Взаимодействие устной народной традиции и письменной культуры в фольклоре сибирской мордвы как процесс этнической идентификации. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 570–573. DOI 10.17746/0295-7.2019.570-573.

P.S. Shakhov
*Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Interaction between Oral Folk Tradition and Written Culture in Siberian Mordvin Folklore as a Process of Ethnic Identification

The purpose of the work is to highlight the specifics of the interaction of oral folk tradition and written culture on the example of folklore texts in Mordovian languages, recorded in Siberia. Different types of texts were considered in the analysis (written text, text-self-recording, oral singing text). The specificity of adaptation of written texts in oral tradition is revealed. It is revealed that adaptation to oral practice of folklore printed (and media) texts is more free in comparison with author's published texts.

Keywords: *Ethnic identity, Siberian peoples, Mordovians, folklore, oral and written texts.*

For citation: Shakhov P.S. Interaction between oral folk tradition and written culture in Siberian Mordvin folklore as a process of ethnic identification. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 570–573 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.570-573.

Исследование посвящено изучению процессов взаимодействия устного и письменного текста в фольклорной традиции. Письменные тексты в устной традиции могут появляться в процессе самозаписи фольклорных произведений самими носителями фольклора (песенники, дневники), а также в случае соприкосновения

устной культуры с традициями, имеющими письменную природу (православный канон, авторская поэзия).

Фольклорные традиции обладают адаптационными свойствами и коммуникативной природой (<http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm>). В новой социокультурной среде XXI в., в условиях информационных технологий значительно расширяется коммуникация и в качестве посредника в процессе пополнения фольклорного репертуара могут выступать различные явления письменной, а также медиакультуры.

Для анализа текстов, функционирующих в фольклорной традиции, предложена предварительная классификация, согласно которой тексты распределяются между двумя группами коррелятивных пар признаков (см. *таблицу*).

При сопоставлении трех типов одного текста (письменного текста, текста-самозаписи, устного поющего текста) на примере мордовской фольклорной традиции Сибири были выявлены две формы заимствования из опубликованных источников (заимствование авторского поэтического текста и заимствование традиционного поэтического текста). Песен, бытующих внутри местной этнической традиции, оказывается недостаточно, поэтому исполнители используют для пополнения фольклорного репертуара опубликованные тексты на родном языке – авторские* и традиционные**.

Авторские печатные тексты адаптируются к устной традиции путем единичных лексических замен и увеличения фонетических изменений от печатного к устному тексту.

При адаптации к устной практике традиционных опубликованных текстов фонетические изменения единичны, но увеличивается количество синонимических замен слов и словосочетаний, появляются новые строки. Кроме того, печатный традиционный поэтический текст может накладываться на текстовую версию, бытующую в местной традиции, что приводит к изменениям структуры и формы строфы песен («Кавтоцёрат», «Эрзянь Полюня»).

Кроме рассмотренных печатных источников заимствования (книга, журнал), в устной традиции функционируют тексты, заимствованные из медиаисточников (радио, телевидение), в процессе присвоения которых действуют схожие адапта-

Классификация текстов, функционирующих в устной традиции

Текст	Коррелятивные пары признаков	
Проговариваемый и поющийся текст	пара 1	Устный
Книжный текст и текст-самозапись		Письменный
Фольклорный текст	пара 2	Анонимный
Авторский текст		Авторский

*Поэтические тексты эрзя-мордовской сказительницы и поэтессы С.М. Люлякиной «Од шамкютась» и «Вай, луга, луга» [1994, с. 178, 226].

**Поэтические тексты песен из эрзя-мордовского журнала «Сятко»: «Виревмолян» [Еремкина, 1992, с. 62], «Кавтоцёрат» [Пенза енксонь..., 1992, с. 69] и «Эрзянь Полюня» [Еремкина, 1992, с. 68].

ционные механизмы. Звуковой медиатекст, который нельзя отнести к устной или письменной культуре, оказывает воздействие на устную традицию, особым образом к ней адаптируется. Например, популярная песня «Умарина» в исполнении М.Н. Антоновой звучала по радио и вошла в мордовский репертуар Сибири. В процессе перехода медиаисточника в устную форму бытования выявлены две модели:

1) «от содержания к новой структуре» (сохранение лексических оборотов радиовersion, изменение структуры строфы с трех- на четырехстрочную);

2) «от структуры к новому содержанию» (сохранение трехстрочной строфы радиообразца, изменение поэтического сюжета).

Итак, если авторский текст при интеграции с устной традицией в меньшей степени подвергается изменениям, которые в основном касаются фонетической стороны и единичных словесных замен, то адаптация фольклорного печатного текста (и медиатекста) проходит более свободно с семантической заменой слов и словосочетаний, появлением новых строк текста, изменениями сюжета, структуры и формы строфы и пр.

Несмотря на то, что заимствованный фольклорный текст имеет печатную форму, он сохраняет специфику устного текста и в процессе его озвучивания интегрируется в новый фольклорный вариант, демонстрируя в процессе его создания определенную гибкость.

Таким образом, фольклорный репертуар пополняется посредством обращения носителей традиций к текстам на эрзя-мордовском языке из книжных или медиаисточников.

В связи с тем, что многие рассмотренные тексты перешли в устную форму бытования недавно, можно сказать, что они носят пограничный характер. Во-первых, по меткому определению Б.Н. Путилова, «фольклор – не всякое словесное высказывание, а то, которое становится традицией» [2006, с. 10]. Неизвестно, войдут ли в традицию описанные заимствования из книжных и медиаисточников. Во-вторых, «пока автор не забыт, его произведение не является фольклором» (<https://postnauka.ru/faq/11073>). Авторство вносит существенные ограничения на возможность варьирования текста, что весьма отчетливо продемонстрировал изучаемый материал. В-третьих, современное творчество носителей фольклорных традиций по поиску источников пополнения репертуара в некоторой степени утрачивает одно из субстратных качеств фольклора – «исполнительскую непреднамеренность» (термин И.И. Земцовского) [1977, с. 72].

Тем не менее через важный творческий процесс поиска и использования авторских или традиционных эрзянских текстов и других форм взаимодействия письменного и устного текстов, не рассмотренных в статье (перевод текстов, сочинение напевов), происходит актуализация родного языка и этнической культуры, поэтому описанные формы заимствования письменных и медиаисточников играют важную роль в процессах этнической идентификации мордовского населения Сибири.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20185 «Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов сибирско-дальневосточного региона»).

Список литературы

Еремкина Т.И. Садо, садо Озксонь кужов (кезэрень эрзянь койтнень корясналксема) [Старинные эрзянские игровые обряды] // Сятко. — 1992. — № 9. — С. 61–68 (на эрзян. яз.).

Земцовский И.И. Народная музыка и современность (к проблеме определения фольклора) // Современность и фольклор: статьи и мат-лы. — М.: Музыка, 1977. — С. 28–75.

Люлякина С.М. Ёвтантыненьк, мезденудеесьморась [Расскажу вам, о чём пела свирель]: стихотвореният, ёвкст, ёвтамот, п'есат [Стихотворения, сказки, сказы, пьесы] / пурныщась И.К. Инжеватов. — Саранск: Мордов. кн. изд-во. — 1994. — 320 с. (на эрзян. яз.).

Пенза енксонь морот [Пензенские песни] // Сятко. — 1992. — № 9. — С. 69. (на эрзян. яз.).

Путилов Б.Н. Теоретические проблемы современной фольклористики: курс лекций для студентов Музыкально-этнографического отделения Санкт-Петербургской государственной консерватории (1995–1995 годы). — СПб., 2006. — 315 с.

References

Eremkina T.I. Sado, sado Ozkson' kuzhov (kezeren' erzyan' koitnen' koryasnalksema) [Starinnye erzyanskie igrovye obryady]. *Syatko*, 1992, No. 9, pp. 61–68 (in Erzya-Mord.).

Lyulyakina S.M. Evtantynenk, mezdenudees' moras' [Rasskazhu vam, o chem pela svirel']: Stikhotvoreniyat, evkst, evtamot, p'esat [Stikhotvoreniya, skazki, skazy, p'esy]. Purnmysyas' I.K. Inzhevotov. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1994, 320 p. (in Erzya-Mord.).

Penza enkson' morot [Penzenskie pesni]. *Syatko*, 1992, No. 9, p. 69 (in Erzya-Mord.).

Putilov B.N. Teoreticheskie problem sovremennoi fol'kloristiki. Kurs lektsii dlya studentov Muzykal'no-etnograficheskogo otdeleniya Sankt-Peterburgskoi gosudarstvennoi konservatorii (1995–1995 gody). St. Petersburg, 2006, 315 p. (in Russ.).

Zemtsovskii I.I. Narodnaya muzyka i sovremennost' (K probleme opredeleniya fol'klora). In *Sovremennost' i fol'klor*. Stat'i i materialy. Moscow: Muzyka, 1977, pp. 28–75 (in Russ.).

Сведения об авторе:

Шахов П.С. – кандидат искусствоведения, ученый секретарь Института филологии СО РАН,

e-mail: pashahoff@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>.

Проявление этнокультурной идентичности в песнях коряков

В работе исследована этнокультурная идентичность коряков, проявляющаяся в традиционных песнях. Для этого изучена научная и научно-популярная литература по корякам, рассмотрены экспедиционные материалы. Выявлено, что этнокультурная идентичность коряков проявляется в обрядовой песне как неотъемлемой части обряда и традиционных представлений; в сказках с песенными вставками обнаруживается общность палеоазиатских народов; в личной песне человек выступает представителем конкретной местности, родовой общины, этноса.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, народы Сибири, коренные народы Сибири, малочисленные народы Сибири и Дальнего Востока, коряки, нымыланы, чавчувены, алыторыцы, музыкальная традиция коряков, песни, песни-танцы, личные песни, песни в сказках.

Для цитирования: Тирон Е.Л. Проявление этнокультурной идентичности в песнях коряков. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 574–577. DOI 10.17746/0295-7.2019.574-577.

E.L. Tiron
Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

Manifestation of the Ethnocultural Identity in the Songs of Koryaks

The thesis is dedicated to research of the ethnocultural identity of Koryaks which is shown in traditional songs. For this purpose, scientific and popular science literature on Koryaks is studied, field materials are considered. As a result of a research it is revealed that the ethnocultural identity of Koryaks is shown in the ceremonial song as an integral part of a ceremony and traditional concepts, in fairy tales with song inserts the community of the paleo-Asiatic people is displayed, in a personal song the concept of a person as a representative of population of the certain area, a tribal community, an ethnos is reflected.

Keywords: ethnocultural identity, peoples of Siberia, indigenous people of Siberia, small people of Siberia and the Far East, Koryaks, Nymylans, Chavchuvens, Alyutors, musical tradition of Koryaks, songs, songs-dances, personal songs, songs in fairy tales.

For citation: Tiron E.L. Manifestation of the ethnocultural identity in the songs of Koryaks. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 574–577 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.574-577.

Коряки – коренной малочисленный народ РФ, компактно проживающий в Камчатском крае (6 640 чел.) и Северо-Эвенском р-не Магаданской обл. (900 чел.). Этноним «коряки» стал употребляться со второй половины XVII в. и является русифицированной адаптацией юкагирского или эвенского слов [Вдовин, 1973]. Активно

это название стало применяться с 1930 г. в связи с созданием Корякского национального округа. Сами коряки идентифицируют себя с одной из этнических групп: с *чавчувенами* (самоназвание *чаучу* 'оленный человек') или *нымыланами* (самоназвание *нымыльгу* 'поселяне') [Коряки, 2010].

Чавчувены занимаются оленеводством, кочуя по тундровой зоне внутренних районов Камчатки и прилегающей к ней материковой части. Несмотря на обширные территории проживания, наблюдается хозяйственно-бытовое, культурное и языковое единство.

Оседлые коряки *нымыланы* ведут комплексное хозяйство, сочетающее морской зверобойный промысел, рыболовство, сухопутную охоту и собирательство. Внутри группы этнографами выделяются несколько территориально-обособленных этнических подгрупп, самой многочисленной из которых являются алюторцы (ок. 2 тыс. чел.). Они имеют официальный статус коренных малочисленных народов, наряду с коряками. Однако «коренные жители считают алюторцами только уроженцев с. Олюторка <...> Выделение алюторцев в отдельный народ и внесение его в перечень коренных малочисленных народов существенных изменений в самосознание носителей алюторского языка не внесло» [Мальцева, 2010, с. 94].

Для характеристики проявления этнокультурной идентичности в песнях коряков, мы, во-первых, проанализировали этнографическую, фольклористическую и этномузыковедческую литературу по корякам, во-вторых, обратились к изданиям Камчатского центра народного творчества (фольклорно-этнографическим сборникам, публикациям архивных материалов местных собирателей, аудиодискам и методическим брошюрам), в-третьих, проанализировали материалы экспедиции ИФЛ СО РАН 2004 г. в Олюторский р-н Камчатского края (Экспедиционный дневник Г.Е. Солдатовой*, реестр и 20 расшифрованных личных песен) [Мальцева, Солдатова, 2004] и интервью Т.А. Голованевой 2017 г. с чавчуеном Н.И. Тынетэгином**.

В научной литературе указания на исполнение песен в большей степени относятся к песням-танцам, сопровождающим проведение промысловых, семейно-бытовых обрядов и праздников. Как правило, это краткие упоминания об исполнении песен в определенные моменты обряда, характеристика половозрастных особенностей исполнителей, сольный или ансамблевый характер исполнения [Вдовин, 1973; Жорницкая, 1983; История..., 1993; Горбачева, 2003; Горбачева, 2004]. Упоминаются этнографами и песни-пляски, исполняющиеся в манере горлохрипения, которое было «весьма выразительным изображением быстро бегущих запыхавшихся оленей или уставших от быстрого бега собак» [Вдовин, 1973, с. 39].

В публикациях фольклора и носителями традиции песни упоминаются и в связи с жанром сказки: «в сказке у каждого героя была своя песня. Медведь, лиса, чайка, волк — и у каждого своя песня. У чайки самая красивая» (Н.И. Тынетэгин).

Особое место в традиции коряков занимает личная песня *синиткин кулигул*. Феномен личной песни зафиксирован также у чукчей, кереков, юкагиров и эвенов, а также у западных народов Сибири: нганасан, ненцев, энцев, манси и хантов [Шей-

*Экспедиционный дневник Г.Е. Солдатовой. Комплексная фольклорно-этнографическая экспедиция ИФЛ СО РАН на Камчатку 2004 г. // Арх. сектора фольклора ИФЛ СО РАН.

**Аудиозапись интервью с Н.И. Тынетэгином (1937 г. р., Пенжинский р-н Камчатского края). Петропавловск-Камчатский, 2017 г. // Лич. арх. Т.А. Голованевой.

кин, 2002, с. 256]. По поводу того, в каком возрасте и как у человека появляется личная песня, существует несколько мнений — либо при рождении: «Коряки песни дарят с рождения. Какую тебе подарили, ту и поешь» [Косыгина, 2004, с. 120]; либо при переходе в статус взрослого человека: «По корякским обычаям совершеннолетние юноша или девушка должны хорошо уметь петь и танцевать. Я помню, проснулась однажды ночью, тогда мне уже исполнилось 17 лет. Сняла со стены бубен — очень захотелось петь. Пела до утра. А мать говорит: “Вот ты, Маша, и взрослая стала...”» [Малюкович, 1974, с. 30–31], либо человек исполняет чужую личную песню (часто — наследственную, т.е. родовую). В экспедиционных материалах имеется свидетельство Р.Н. Вавако о том, что песни (личные и не только) создаются им под воздействием мухоморов (Экспедиционный дневник Г.Е. Солдатовой, с. 44).

Таким образом, этнокультурная идентичность коряков проявляется в обрядовой песне как неотъемлемой части обряда и традиционных представлений; в сказках с песенными вставками обнаруживается общность палеоазиатских народов; в личных песнях коряки выступают представителями конкретной местности, родовой общины, этноса.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20185 «Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов сибирско-дальневосточного региона»).

Список литературы

- Вдовин И.С.** Очерки этнической истории коряков. — Л.: Наука, 1973. — 304 с.
- Горбачева В.В.** К вопросу об этнической идентичности коряков // Сибирь: проблемы сибирской идентичности. — СПб., 2003. — С. 111–121.
- Горбачева В.В.** Обряды и праздники коряков. — СПб.: Наука, 2004. — 152 с.
- Жорницкая М.Я.** Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. — М.: Наука, 1983. — 152 с.
- История** и культура коряков. — СПб.: Наука, 1993. — 237 с.
- Коряки** // Народы Северо-Востока Сибири. — М., 2010. — С. 299–379. — (Народы и культуры).
- Косыгина Ф.Н.** Корякская литература // Сохранение и возрождение традиционных обрядовых праздников у береговых коряков (нымыланов). — Краснодар, 2004. — С. 120–127.
- Мальцева А.А.** «Мы не такие, как вы»: влияние национально-языковой политики на современное состояние алуторского языка // Проблемы социального развития, образования, традиционного природопользования и сохранения языков коренных народов Камчатского края. — Петропавловск-Камчатский, 2010. — С. 93–105.
- Мальцева А.А., Солдатов Г.Е.** Фольклорно-этнографическая экспедиция на Камчатку // Сибирский филологический журнал. — 2004. — № 3-4. — С. 137–140.
- Малюкович В.Н.** Ленаты счастья: Корякские праздники. — Петропавловск-Камчатский, 1974. — 56 с.
- Шейкин Ю.И.** История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. — М.: Вост. лит., 2002. — 718 с.

References

- Gorbacheva V.V.** K voprosu ob etnicheskoi identichnosti koryakov. In *Siberia: problems of the Siberian identity*. St. Petersburg, 2003, pp. 111–121 (in Russ.).
- Gorbacheva V.V.** Obryady i prazdniki koryakov. St. Petersburg: Nauka, 2004, 152 p. (in Russ.).
- Istoriya i kul'tura koryakov.** St. Petersburg: Nauka, 1993, 237 p. (in Russ.).
- Koryaki.** In *People of the Northeast of Siberia*. Moscow, 2010, pp. 299–379 (People and cultures) (in Russ.).
- Kosygina F.N.** Koryakskaya literatura. In *Sokhranenie i vozrozhdenie traditsionnykh obryadovykh prazdnikov u beregovykh koryakov (nymylanov)*. Krasnodar, 2004, pp. 120–127 (in Russ.).
- Mal'tseva A.A.** “My ne takie, kak vy”: vliyanie natsional'no-yazykovoii politiki na sovremennoe sostoyanie alyutorskogo yazyka. In *Problemy sotsial'nogo razvitiya, obrazovaniya, traditsionnogo prirodopol'zovaniya i sokhraneniya yazykov korennykh narodov Kamchatskogo kraya*. Petropavlovsk-Kamchatskii, 2010, pp. 93–105 (in Russ.).
- Mal'tseva A.A., Soldatova G.E.** Fol'klorno-etnograficheskaya ekspeditsiya na Kamchatku. *Siberian Journal of Philology*, 2004, No. 3-4, pp. 137–140 (in Russ.).
- Malyukovich V.N.** Lenaty schast'ya: Koryakskie prazdniki. Petropavlovsk-Kamchatskii, 1974, 56 p. (in Russ.).
- Sheikin Yu.I.** Istoriya muzykal'noi kul'tury narodov Sibiri: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002, 718 p. (in Russ.).
- Vdovin I.S.** Ocherki etnicheskoi istorii koryakov. Leningrad: Nauka, 1973, 304 p. (in Russ.).
- Zhornitskaya M.Ya.** Narodnoe khoreograficheskoe iskusstvo korennoho naseleniya Severo-Vostoka Sibiri. Moscow: Nauka, 1983, 152 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Тирон Е.Л. – кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН,
e-mail: folklor@philology.nsc.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9012-0476>.

Музыкальное мышление западных бурят: к постановке проблемы

В статье впервые поставлена проблема изучения музыкального мышления западных бурят. Оно сформировалось под влиянием степной культуры соседних монгольских и тюркских этносов, что весьма существенно проявилось в специфике музыкально-диалектных различий. Результаты исследования подтверждают, что западнобурятская обрядовая песенная традиция репрезентирует уникальный раннефольклорный пласт бурятской традиционной культуры, ставший базой музыкального мышления западных бурят. В статье автор предлагает рассматривать концепцию реализации раннефольклорного пласта традиционной музыкальной культуры бурят через призму музыкального мышления мифологического типа.

Ключевые слова: музыкальное мышление, традиционная культура, раннефольклорный пласт, западные буряты.

Для цитирования: Дашиева Л.Д. Музыкальное мышление западных бурят: к постановке проблемы. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 578–580. DOI 10.17746/0295-7.2019.578-580.

L.D. Dashieva
*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russia*

Musical Thinking of Western Buryats: to the Problem Statement

The article first posed the problem of studying the musical thinking of Western Buryats. It was formed under the influence of the steppe culture of the neighboring Mongolian and Turkic ethnic groups, which was very significantly manifested in the specifics of the musical-dialectal differences. The results of the study confirm that the Western Buryat song ritual tradition represents a unique early folklore stratum of the Buryat traditional culture that became the basis of the musical thinking of the Western Buryats. In this article, the author proposes to consider the concept implementation of the early folklore stratum of traditional musical culture of the Buryats through the prism of musical thinking of the mythological type.

Keywords: musical thinking, traditional culture, early-folk stratum, Western Buryats.

For citation: Dashieva L.D. Musical thinking of Western Buryats: to the problem statement. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 578–580 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.578-580.

В сохранении этнической и культурной идентичности любого этноса важное значение приобретает уникальное историко-культурное наследие, репрезентантом которого являются произведения традиционной культуры. Сохранению и передаче

традиций способствует вполне естественное стремление бурятского народа сохранить свою этнокультурную идентичность. В этой связи формируется особый интерес к изучению языка, эпоса, обрядов, жанровой системы бурятской традиционной культуры. В бурятской науке их изучению посвящены многочисленные работы фольклористов, этнографов, религиоведов, культурологов, филологов, языковедов и этномузыкологов. Однако все же богатейшая традиционная культура бурят изучена недостаточно полно. Одной из малоисследованных ее областей является традиционная музыка в этнолокальных группах бурят: западных *эхиритов*, *булагатов*, *хонгодоров*, восточных *хори*, южных *селенгинцев*.

Традиционная музыка бурят в диахронном срезе представляет целостное явление, в котором взаимодействуют два культурных пласта — раннефольклорный, отражающий жанрово-интонационную систему, связанную с обрядовой культурой бурят, и поздний культурный слой, где очевидны влияния, с одной стороны, христианского мира на культуру западных предбайкальских бурят, а с другой — буддийских традиций — на культуру забайкальских восточных *хори-бурят* и южных *селенгинцев*. Исследование раннефольклорного культурного слоя на примере обрядовой песенной традиции западных бурят, проведенное в русле целостной этнокультурной традиции, которая включает историко-этнографический, культурологический и музыкально-диалектный аспекты, представлено в монографии автора «Обрядовая песенная традиция западных бурят» [Дашиева, 2017]. Выявленные особенности обрядовой песенной традиции западных бурят показывают сходства и различия музыкальных диалектов *эхиритов*, *булагатов* и *хонгодоров*.

Музыкальное мышление западных бурят во многом сформировалось под влиянием степной культуры соседних монгольских и тюркских этносов, что весьма существенно проявилось в специфике музыкально-диалектных различий. Результаты проведенного исследования западнобурятской песенной традиции в контексте современных обрядовых реалий подтверждают, что музыкальный компонент в обрядовой культуре западных бурят является наиболее устойчивым и жизнеспособным элементом по сравнению с другими составляющими обрядовой системы. Это, очевидно, доказывает, что традиционное музыкальное искусство — одно из самых консервативных видов деятельности человека.

На мой взгляд, в основе формирования музыкального мышления западных бурят лежит раннефольклорный пласт бурятской традиционной культуры. Опираясь на концепцию Е.М. Алкон, исследователя модально-монологической музыки Востока и Запада в контексте континуального и дискретного [Алкон, 2002], позволим себе предположить, что раннефольклорная жанрово-интонационная система обрядовой песенной традиции западных бурят репрезентирует *музыкальное мышление мифологического типа*. Результаты исследования песенной традиции западных бурят на системном уровне подтверждают концепцию взаимодействия раннефольклорного и позднего слоев в традиционной музыкальной культуре западных бурят, очевидно, устанавливая принципы музыкального мышления мифологического типа.

По мнению Е.М. Алкон, музыкальное мышление мифологического типа реализуется в двух разновидностях: религиозно-мифологическом и собственно мифологическом [Там же, с. 7]. По данным исследовательницы, музыкальное мышление мифологического типа осуществляется, прежде всего, «в модально-монологической музыке и соответствующих типах фактуры с доминирующей горизонталью — в мо-

нодии, гетерофонии, органуме <...> определение «мифологическое» соответствует некоторым эксплицитным и имплицитным свойствам мифосознания. Наиболее наглядными общими признаками мифа и модально-монологической музыки представляются вариативность и изустность <...>» [Алкон, 2014, с. 14].

Результаты проведенного комплексного исследования жанровой специфики, особенностей функционирования и глубинных структур музыкального языка обрядовых песен западных бурят позволяют выявить сходства и различия в трех этнолокальных группах *эхиритов*, *булагатов* и *хонгодоров* и предложить некоторые предварительные выводы относительно этно- и культурогенеза западных бурят. Безусловно, их объединяет целостный обрядовый комплекс, в котором присутствуют коллективные ритуалы, сопровождающиеся пением обрядовых песен, и семейно-индивидуальные ритуалы жизненного цикла. Песенную традицию *эхиритов*, *булагатов* и *хонгодоров* связывает общая жанрово-интонационная система ранне-фольклорного обрядового пласта традиционной музыки предбайкальских бурят. Сходство жанров, семантики вербальных текстов, мелодическая и ритмическая формульность, общие ладовые архетипы и особенности композиционного строения обрядовых песен характеризуют музыкально-стилевую парадигму в песенной традиции *эхиритов*, *булагатов* и *хонгодоров*.

Список литературы

Алкон Е.М. Музыкальное мышление Востока и Запада: континуальное и дискретное: автореф. ... д-ра искусствоведения. – СПб., 2002. – 43 с.

Алкон Е.М. Мелос, модальность и музыкальное мышление мифологического типа: к развитию идеи Э. Курта // Уч. зап. РАМ им. Гнесиных. – М., 2014. – № 1. – С. 13–23.

Дашиева Л.Д. Обрядовая песенная традиция западных бурят. – Иркутск: Отгиск, 2017. – 448 с.

References

Alkon E.M. Muzykal'noe myshlenie Vostoka i Zapada: kontinual'noe i diskretnoe: doct. sc. (study of arts) dissertation abstract. St. Petersburg, 2002, 43 p. (in Russ.).

Alkon E.M. Melos, modal'nost' i muzykal'noe myshlenie mifologicheskogo tipa: k razvitiyu idei E. Kurta. *Uchenye zapiski RAM imeni Gnesinykh*. Moscow, 2014, No. 1, pp. 13–23 (in Russ.).

Dashieva L.D. Obryadovaya pesennaya tradisiya zapadnykh Buryat. Irkutsk: Ottisk, 2017, 448 p. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Дашиева Л.Д. – доктор искусствоведения, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

e-mail: dashieva2006@yandex.tu.

Образ певицы Намжилын Норовбанзад как средство национальной самоидентификации монголов

Работа посвящена проблеме восприятия народом фигуры певца как выразителя национальной идеи. В центре — образ певицы Намжилын Норовбанзад, которая стала «знаменем» самоопределения современных монголов. О ее особом значении свидетельствуют материалы книги «Хатунь длинной песни», где вокруг фигуры певицы выстраиваются основные концепты национального самосознания. Книга сочетает в себе характеристики подарочного фотоальбома, научного сборника, сборника документов и эссе. Среди авторов книги не только коллеги — музыканты и артисты, но и ученые разных специальностей, политические деятели, писатели и журналисты.

Ключевые слова: монгольская культура, кочевая цивилизация, музыкальный фольклор, жанр «длинной песни», сопрано, мастер импровизации, ансамблевое чутье, традиция, комплексность, взаимовлияние кочевников и оседлых народов.

Для цитирования: Лесовиченко А.М. Образ певицы Намжилын Норовбанзад как средство национальной самоидентификации монголов. *Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий*. 2019. С. 581–583. DOI 10.17746/0295-7.2019.581-583.

A.M. Lesovichenko
*Siberian State Transport University,
Novosibirsk, Russia*

The Image of Namjilyn Norovbanzad as a Means of National Self-Identification of Mongols

The thesis is dedicated to research of national self-identification of Mongols. In the centre of this article is the singer Namjilyn Norovbanzad (1931–2002) — a master of a Mongol folk “long song”. She had a good voice, a talent of improvisation. About of signification of Norovbanzad tell the book is dedicated her, which including as documents, science articles, photo. Beside of the authors are musicians, sciences, politics and other large workers. This collect is note, that the singer is play famous role in self-identification of modern Mongols.

Keywords: Mongol culture, nomad’s civilization, music folklore, genre “long song” soprano, master of improvisation, ensemble’s sense, tradition, complexness, connections of nomads and settled peoples.

For citation: Lesovichenko A.M. The image of Namjilyn Norovbanzad as a means of national self-identification of Mongols. *Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories*, 2019, 581–583 (in Russ.). DOI 10.17746/0295-7.2019.581-583.

Художественные средства играют значительную роль в национальной самоидентификации народов, особенно это относится к музыке. Внешний облик и тембры инструментов, конкретные мелодии песен и наигрышей имеют большое значение

в объединении людей [Лесовиченко, 2013]. В этом ряду стоят и образы певцов. Из древних времен мы знаем имена Орфея, Лиана, Бояна, Оссиана. В недавнем прошлом, в связи с возможностями звукозаписи, национальными символами стали голоса Э. Карузо, Ф. Шаляпина, Г. Курмангалиева.

В Монголии такой фигурой совсем недавнего прошлого является Намжилын Норовбанзад (1931–2002) – певица в традиции уртын дуун «длинной песни». Она стала не просто выразителем художественной жизни, но самой национальной природы монголов.

Легендарная певица в детстве и юности была простой пастушкой, ухаживавшей за овцами и верблюдами. Она оказалась настоящим творческим самородком: обладала яркими голосовыми данными (высокое сопрано), прекрасной музыкальной памятью, способностью к импровизации, ансамблевым чутьем, сценическим артистизмом.

Об отношении монголов к образу певицы дает представление книга «Хатунь длинной песни» [Уртын..., 2016]: певицу почитают как эпицентр культуры. Показательно, что вклад в издание сделали крупнейшие деятели Монголии: коллеги-артисты, академические ученые разных сфер знания, политики, корифеи техники, писатели и журналисты.

В начале книги помещена автобиографическая заметка о детстве Норовбанзад – интереснейший очерк о традициях и радостях монголов в безводных пустынях юга страны, а также о том, как она стала певицей. Здесь же даны культурологические размышления о различиях и взаимоотношениях кочевых и оседлых цивилизаций. В частности, их автор – профессор Ж. Баясах – указывает, что монгольская культура не только оказала большое влияние на соседние – русскую и китайскую, но и сама испытала воздействие оседлых соседей. Тем не менее она сохраняет самобытность и независимый характер развития.

Писатель и журналист Д. Цэнджав предложил для книги проникновенный очерк об очаровании «Больших степных камней (Их газрын Чулууны)» – удивительном месте в пустыне Гоби, ставшем одним из символов Монголии – средоточии шаманистских и буддистских практик. Для Н. Норовбанзад, выросшей в тех краях, место очень важно, потому что там естественная акустика многократно усиливает звук, который распространяется на большие расстояния, тем самым позволяя певцу почувствовать мощь своего голоса.

Логическим продолжением размышлений Д. Цэнджава является очерк выдающегося писателя Л. Тудэва «Длинная песня – этническая черта». Он отмечает, что сама «человечность» продлевается в развитии искусства пения, а «длинная песня» – совершенно уникальный жанр. Его создателями и певцами могли быть только монголы. Классификационно это *adagio lamentoso* – невыплаканные слезы.

Л. Тудэв интересно характеризует издания мелодий и текстов «длинных песен», показывая их знаковую ценность для монгольской культуры. Особое внимание он уделяет трудам таких исследователей, как Ж. Бадраа, П. Жанцанноров, Э. Лубсанноров и др.

В статье фольклориста Ж. Бадраа «Чудеса “длинных песен”» выделены главные черты народного искусства: превосходность, хозяйственность, традиционализм, комплексность. То есть народное искусство формируется в результате многократной шлифовки исходных образцов, делающих его совершенным.

Ведущий монгольский музыковед Д. Ойунцэцэг размышляет об общности и различиях между «длинной песней» и европейским классическим музыкальным искусством. В частности, она видит определенные соответствия между монгольской музыкой и европейскими средневековыми песнопениями в длении мелодики. Д. Ойунцэцэг старается рассматривать «длинную песню» в многотысячелетних связях культур, видит влияние центральноазиатского опыта и в русских протяжных песнях, и в японских песнях типа «ойваке». Здесь она исходит из концепции А. Монтегю, считавшего монгольские степи родиной цивилизации.

Исследователи «длинной песни» Ж. Батсуурь и Ц. Чулуунцэцэг в статье о певцах уртын дуун предлагают достаточно необычный подход к характеристике фольклорного материала — через представление его носителей. Они разработали интересную методику анализа. Авторы, прежде всего, указывают зоны наибольшей концентрации певцов на карте Монголии и показывают дисперсию по остальной территории; затем описывают распределение певцов по голосам: наибольшее число приходится на теноров (39,7 %) и сопрано (31 %); наименьшее — на глубокие басы (0,2 %); выделяют типичные диапазоны голосов.

Музыка обладает большими возможностями в формировании самоопределения этноса [Лесовиченко, 1995]. Описанная монгольская книга — тому новое свидетельство.

Список литературы

Лесовиченко А. Проблема формирования этнокультурной парадигмы в музыке: специфика бурятского менталитета // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: III междунар. науч. конф. / Челяб. гос. ун-т, ИВ РАН. — Челябинск, 1995. — Ч. III. — С. 213–216.

Лесовиченко А. О нравственном значении музыкальных инструментов // Вестн. Сиб. гос. ун-та путей сообщения. — 2013. — Вып. 29. — С. 63–67.

Уртын дууны хатан хаан (The queen of the long song). — Улаанбаатар: Сэлэнгэпресс, 2016. — 294 с. (на монг. яз.).

References

Lesovichenko A. Problema formirovaniya etnokulturnoy paradigmy v muzyke: spetsifika buryatskogo mentaliteta. In *Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeystviya: III mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* / Chelyabinskii gosudarstvennyy universitet, Institut Vostokovedeniya RAN. Chelyabinsk, 1995, pt. III, pp. 213–216 (in Russ.).

Lesovichenko A. O нравственном значении музыкальных инструментов. In *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya*, 2013, iss. 29, pp. 63–67 (in Russ.).

Urtyн duuny khatan khaan (The queen of the long song). Ulanbaator: Selengepress, 2016, 294 p. (in Mongol.).

Сведения об авторе:

Лесовиченко А.М. — доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор кафедры философии и культурологии Сибирского государственного университета путей сообщения,

e-mail: lesovichenko@mail.ru.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГКМ	– Алтайский государственный краеведческий музей
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр СО РАН
ВООПИК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГААК	– Государственный архив Алтайского края
ГА СПД РА	– Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области
ГАОО	– Государственный архив Омской области
ГАСПИТО	– Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГАРБ	– Государственный архив Республики Бурятия
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	– Государственный архив Тюменской области
ГАЮ	– Государственный архив Югры
ГНИМА	– Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева
ГУ КОЦНТ РФ	– Курганский областной Центр народного творчества
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение РАН
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии СО РАН
ИВ РАН	– Институт востоковедения РАН
ИГИ АН РС (Я)	– Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия)
ИП РАН	– Институт психологии РАН
ИС РАН	– Институт социологии РАН
ИФЛ СО РАН	– Институт филологии СО РАН
ИФПР СО РАН	– Институт философии и права СО РАН
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии РАН
ИЯ РАН	– Институт языкознания РАН
МАЭ ОмГУ	– Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
МИЛ	– Московский институт лингвистики
МЭЭ ОмГУ	– Материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
НА СО РАН	– Научный архив СО РАН
НАН	– Национальная академия наук
НГУ	– Новосибирский государственный университет
П.о.	– полевая опись
РАМ им. Гнесиных	– Российская академия музыки им. Гнесиных
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства

РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РФ ГУ КОЦНТ	– рукописный фонд Государственного учреждения культуры «Курганский областной центр народного творчества и кино»
СО РАН	– Сибирское отделение РАН
СибАГС	– Сибирская академия государственной службы
СКНЦ ВШ ЮФУ	– Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета
СПбФАРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ТОГС РС (Я)	– Территориальный орган государственной статистики Республики Саха (Якутия)
УрО РАН	– Уральское отделение РАН
ФА ОмГПУ	– фольклорный архив Омского государственного педагогического университета
ХакНИИЯЛИ	– Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЦВРК ИМБТ СО РАН	– Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ЦСУ РСФСР	– Центральное статистическое управление РСФСР
ЭО	– Этнографическое обозрение (журнал, г. Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Чеканцева З.А. История, историчность и проблематика идентичности	5
Попков Ю.В. Глобальный контекст актуализации темы идентичности и ее место в проблемном поле государственной национальной политики России	9
Мартьянова М.Ю. Язык и идентичность в свете школьного образования	18
Фурсова Е.Ф. Основные факторы формирования этнокультурной идентичности (по материалам русских Сибири на рубеже XIX–XX веков)	30
Жигунова М.А. Междисциплинарный подход к изучению этнокультурной и региональной идентичности (на примере Сибири)	35
Ерохина Е.А. Стратегии и формы этнической идентификации большинства и меньшинства в межэтнических сообществах Сибири	41
Джу Мейхуа. Конструирование культурной идентичности через культурный опыт в преподавании иностранного языка	48
Бадмаев В.Н. Этнокультурная идентичность монгольских народов (новый ориентализм versus незападная современность)	52
Ольшевский В. Трансформации идентичности сибирских поляков. Теоретические и историко-культурные аспекты	55
Куперштох Н.А., Шелегина О.Н. Новосибирский Академгородок: новые перспективы через призму ретроспективы	59
Шапошникова И.В. Междисциплинарное психолингвистическое исследование этнокультурной и гражданской идентичности студентов в азиатских регионах России	63
Золотова Т.Н. Изучение и сохранение историко-культурного наследия как основа формирования региональной идентичности (на примере деятельности Омского культурологического центра)	69

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Олешкова А.М. Реляционный поворот в социальной конструкции: проблемы политики идентичности	78
Зарицкая Ж.В. Ценности индивидуализма/коллективизма как этнодифференцирующие признаки этнической идентичности	82
Абрамова М.А. Информационное пространство как детерминанта формирования этнокультурной идентичности индивида	86
Долженкова О.В. Классификация субъектов информационного взаимодействия в системе воспроизводства этнической идентичности	90
Малахиева О.М. Реализация Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года и вызовы современности	93
Самсонов В.В. Альтернативы идентичности как выбор между направлениями интеграции	96
Боронов А.О. Концепт «малой родины» в формировании социально-культурных символов идентичности	100
Сироткина Т.А. Этнонимия региона как зеркало этнической идентичности	103
Русина Н.В. Традиционная культура как стратегический ресурс в сохранении идентификационных характеристик народа	107
Мадюкова С.А. Потенциал этнокультурного неотрадиционализма в формировании идентификационных стратегий молодежи	109

Аязбекова С.Ш. Цивилизационная общность и этнокультурная идентичность народов Севера	112
Ламажаа Ч.К. Indigenous Methodology и изучение тувинской идентичности	115
Низамова Л.Р. Языковые стратегии в условиях модерной этничности (на примере татар в Республике Татарстан)	119
Арпентьева М.Р. Транскультуральность идентичности жителей Приграничья	122
Тхакахов В.Х. Идентичность и память в городской топонимике Грозного	125
Каблуков Е.В. Региональная идентичность уральцев в дискурсе СМИ: проблемы научного моделирования	128

II. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА: ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ МАТРИЦЫ И СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ

Тычинских З.А. К вопросу об этнической идентичности сибирских татар	132
Зазулина М.Р. Сибирские татары: особенности этносоциального развития в условиях глобализации	137
Миронова Н.П., Симакова С.А. Алтайские коми: трансформация идентичности во второй половине XX века (по материалам экспедиции Л.Н. Жеребцова 1969 года)	140
Рзгоян Р.В. Идентичность езидов в России и на постсоветском пространстве	144
Романов П.И. Память и формирование родовой идентичности на примере дворянского рода Жандр	147
Шляхова С.С. Представления о «своих» и «других» в условиях бикультурализма исторически полиэтничных регионов: экспериментальное исследование	151
Мальцева О.В. Критерии «своего — чужого» в организации культурного пространства у народов Нижнего Приамурья	154
Кайдалова А.А. Медицинское обслуживание коренного населения в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах в середине 1950-х — 1960-х годов	157
Чемчиева А.П. Этнокультурная идентичность коренных народов Алтая: символическая актуализация	160
Кимеев В.М. Своеобразие этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Кузбасского Притомья	163
Аксютин Ю.М. Анализ зависимости трансформации структуры идентичностей от степени социально-экономической адаптации жителей Республики Хакасия в постсоветский период	169
Тадина Н.А. Об этностереотипах в региональной идентичности алтайцев	174
Персидская О.А. Модели интеграции в рамках урбанизированных межэтнических сообществ (на примере Новосибирска)	179
Давыдова И.В. Культурологический подход к анализу региональной идентичности социального субъекта (на материалах Урала)	183
Иванищева О.Н. Региональная идентичность в трансграничном регионе Российской Арктики: проблемы формирования и роль русского языка	187
Пискунова А.Е. «Сибиряки»: медиатизация региональной идентичности в социальных сетях	190

III. РОЛЬ КОМПОНЕНТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИДЕНТИФИКАЦИИ НАРОДОВ

Пермиловская А.Б. Деревянный православный храм как маркер русской этнокультурной идентичности	193
Коновец Т.А. Историко-культурный ландшафт как фактор формирования этнической идентичности хакасов	199
Худяков Ю.С. Значение титулатуры правителей для определения этнокультурной идентичности господствующего этноса в государстве енисейских кыргызов в Южной Сибири	202

Атнагулов И.Р. Языковая идентичность нагайбаков как средство этнической мобилизации	206
Алфёрова Е.Г. Мифопоэтика жилого пространства в русских и белорусских внеобрядовых песнях: общее и национальное	209
Голубкова О.В. Образ русалки как маркер этнокультурной идентичности локальных групп русских в Западной Сибири	212
Бурнаков В.А. Тёс'ы и шайтаны: к вопросу об этнокультурной идентичности хакасов (конец XIX – середина XX в.)	216
Сальникова И.В. Культурные предметы из собрания Музея Института археологии и этнографии СО РАН как маркер этнической идентичности современных угров	220
Миягашева С.Б. Генеалогия бурятских шаманов как идентификационный код	225
Шульга Д.П. Сложности идентификации «южных сюнну»	229
Гончаров Н.С. Проблемы этнизации региона Северо-Восточной Азии – освоение доместифицированного	232
Печник В.А. Традиционная одежда в идентичности староверов Урала	236
Шитова Н.И. Традиционный костюм и этнокультурная идентичность уймонских старообрядцев	241
Тихомирова М.Н. Этнотерриториальные комплексы системы питания татар Омской области XX – начала XXI века	245
Давыдова Е.А. Идентичность и представления о «русской» и «чукотской» пище на Чукотке	249
Борисова И.З., Винокурова Д.М., Винокурова А.А. Аналитическое исследование этнической идентичности народов севера через культуру питания	253
Зубко Д.Г., Чжан Хуэйцин. Элементы традиций питания белорусов в Китае (сравнительный анализ)	257
Мамонтова О.С. Коллекция земледельческих орудий труда в собрании Алтайского государственного краеведческого музея как источник по изучению хозяйственной деятельности русского населения Алтая	263
Стась И.Н. Конструирование идентичности жителей г. Остяко-Вогульска в условиях национальной урбанизации (1930-е годы)	267
Тяпкина О.А. Особенности территориальной идентичности жителей малых городов Западной Сибири в дореволюционный период	271
Чиндяева Л.Н., Доронькин В.М., Королюк Е.А. Система озеленения как основа территориальной идентичности новосибирского Академгородка	275
Кишгеева О.В. Объекты нематериального культурного наследия Хакасии как фактор этнокультурной идентичности	279
Набиева Ф.Р. Круговые танцы как фактор интеграции и консолидации в межэтническом диалоге	283
Яковлев А.И. Современный якутский круговой танец осуохай как маркер национальной идентичности в условиях культурной глобализации	286
Рублев Е.А. Мужская состязательная культура как способ выражения этнокультурной идентичности русских старожилов Западной Сибири	290
Гузеватова Е.Н. Роль традиционного народного декоративно-прикладного искусства в процессе этнической идентичности современной молодежи Саяно-Алтая	294

IV. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКОГО И ДРУГИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В СИБИРИ (XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА)

Пузанов В.Д. Особенности формирования этнокультурной идентичности служилых людей Сибири в конце XVI – начале XVIII века	298
Татауров Ф.С. Отражение процесса формирования локальной идентичности русского сибиряка в XVII–XVIII веках в археологических материалах Западной Сибири	302
Скобелев С.Г. Инвентарь русского происхождения в погребениях коренных жителей Средней Сибири XVII – начала XIX века	306

Люцидарская А.А. Знаки, выделяющие среди сибирского сообщества служилых людей категорию «дети боярские»	312
Чуркин М.К. В поисках утраченной идентичности: стратегии и практики адаптивного поведения российских переселенцев в Степном крае (вторая половина XIX – начало XX века)	316
Шиловский М.В. Г.Н. Потанин о формировании идентичности русских старожилов Сибири к началу XX века	320
Гончарова Т.А. Этническая идентичность славянских этнодисперсных групп сквозь призму персональных текстов (на материалах Томской области)	325
Грошева Г.В. Персональные тексты по истории деревень томского региона как источник исследования этнокультурной идентичности	329
Федоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока	333
Кончаковская Н.Б. Особенности женской идентичности в городах Пермской губернии в конце XIX – начале XX века	336
Чарина О.И. Обрядовая поэзия как показатель самоидентификации русского старожильческого населения Якутии (XVIII–XXI века)	339
Межевикин И.В. Проявление этнической и локальной идентичности в погребально-поминальной обрядности русских Западной Сибири	342
Москвина В.А. Отражение в фольклоре национальной идентичности сибирских переселенцев	346
Рудецкий О.А. Дальневосточный вектор трансформации русской этнокультурной идентичности (XIX–XXI века)	349
Завьялов А.В. Этническая идентичность украинских иммигрантов и их потомков в Иркутской области	354
Касперович Г.И. Этнокультурная идентичность русских в Республике Беларусь	358
Золотова Т.Н. Праздники Омского региона в формировании этнической, региональной и национальной идентичностей	362
Шейбак В.В. Национально-культурные объединения как фактор развития этнической идентичности в современной Беларуси	366
Галиндабаева В.В. Карымы и семейские: конструирование религиозных границ в сельском сообществе (на примере села Хасурты Республики Бурятия)	370

V. ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАСЛЕДИЕ:

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Майничева А.Ю. Инструментарий этносимволизма в этнографических исследованиях	374
Шелегина О.Н., Жетпысбаев С.К. Наследие и идентичность: государственные программы Республики Казахстан	377
Никифорова С.В., Дьячковская Е.А. Потенциал культурного наследия в формировании идентификационных стратегий регионов Российской Федерации	381
Запорожченко Г.М. От «Золотой долины» к «Силиконовому лесу»	384
Барчунова Т.В., Близнюк А.Г. Ресурсы идентичности научного сообщества (на примере Новосибирского Академгородка)	388
Дегальцева Е.А. Городская идентичность (на примере сибирского города) как фактор модернизации конца XIX – начала XX века	391
Беневаденская Е.Н. Краеведческие практики на Алтае в 1965–1985 годы как фактор формирования локальной идентичности	395
Макарова Е.В. Социокультурные практики Музея «Заельцовка» по формированию идентичности	399
Иванов А.С. Идентичность спецпереселенцев в нарративах (на материалах Северо-Западной Сибири)	402
Канзычакова Н.Г. Проблема психологической адаптации тюрков Южной Сибири	405

Лобацкая Р.М. Отражение этнокультурной идентичности коренных народов Прибайкалья в ювелирных изделиях постмодерна	409
Пудов А.Г. «Ребрендинг» этнокультурной идентичности посредством современного искусства в Якутии	414
Гатина-Шафикова Д.Ф. Традиционная культура в интерпретации современных татарских дизайнеров	417
Красавина (Москвина) М.В. Художественные промыслы в формировании образа территории (на примере Новосибирской области и Алтайского края)	420
Овчарова М.А. Трансформация похоронно-поминальной обрядности мордвы Верхнего Приобья в начале XXI века	423

VI. ИДЕНТИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ

Насонов А.А. Религиозные синкретические трансформации как фактор формирования этнокультурной идентичности	427
Хоменко Д.Ю. Вопросы сохранения идентичности лютеранами Приенисейской Сибири во второй половине XIX века	431
Гомбожапов А.Д. Традиции и новации в кочевой культуре Монголии	435
Дашинамжилов О.Б. Буряты и этническая идентичность (по материалам послевоенных советских переписей и текущего учета населения)	438
Ушницкий В.В. Этническая идентичность народа саха в рамках историко-культурного ландшафта Северо-Востока Сибири	442
Захарова Н.Е. Среда обитания и быт как факторы, влияющие на формирование этнокультурного сознания индивидов (на примере эвенков Якутии)	445
Санникова Я.М., Винокурова Л.И., Филиппова В.В., Григорьев С.А., Сулейманов А.А. Оленеводы в этнокультурном многообразии Якутии в XX – начале XXI века	449
Санникова Я.М. Представители традиционного хозяйства Севера в современном этнокультурном развитии Якутии	453
Солодова Г.С. Построение гражданской нации в России (дореволюционный и современный срезы)	456
Лыгденова В.В. Символы идентичности у китайских мигрантов в Баргузинской долине Республики Бурятия в XX–XXI веках	459
Марсадалов Л.С. Многофакторный подход к этногенезу тюркских народов Саяно-Алтая	462
Захарова Е.М. Влияние этнокультурной идентичности на отношение молодежи России к украинскому кризису	468
Андреева А.А. Фронтир в этнокультурной истории калмыков	471
Борисова И.З. Исследование алиментарных табу и их места в этнической идентичности якутов	474
Цыбенков Б.Д. Об этнокультурной идентичности дауров Китая	478

VII. ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Бентя Е.В. Сравнительный анализ образа западного мира в языковом сознании студентов России и Казахстана	481
Будажалова Л.Б. Отражение национально-культурной специфики бурят в сложносоставных словах (на материале буддийской лексики)	484
Грицко М.И. Возможности выявления признаков трансформации этнокультурной идентичности в языковом сознании современной молодежи Сибирского и Дальневосточного регионов	487
Гуков А.Ю. Эвенские и эвенкийские названия на карте Северной Якутии	491
Дырхеева Г.А. Язык – главный маркер этничности (на примере бурятского языка)? ..	494
Каксин А.Д. О классах слов, используемых для характеристики и оценки человека в хантыйском языке	497

Кафтанов Р.А. Образ врага в языковом сознании русских Сибири	501
Кириллюк Д.В. Обучение родному языку учащихся ханты и манси в национальных школах Югры в середине 1940-х – середине 1960-х годов	505
Понедельченко Л.О. Роль языка в формировании идентичности в национально-культурных объединениях восточных славян	509
Савицкая С.В. Авто- и гетеростереотипы в языковом сознании носителей русского и якутского языков	512
Селютина И.Я., Добринина А.А. Артикуляционно-акустические базы южносибирских тюркских этносов как фактор культурно-языковой идентичности	516
Тюнтешева Е.В., Тазранова А.Р. Язык как важный элемент этнической идентичности (на примере тюркских языков Сибири)	520
Уртегешев Н.С. Фонетика как фактор этнической идентичности (на примере шорского языка)	525
Харанутова Д.Ш. Бурятские полисеманты как отражение этнокультурных процессов (на материале бурятской разговорной речи)	529
Шенцова И.В. Этнонимы в современных шорских текстах	533

VIII. ФОЛЬКЛОР И НАРОДНАЯ МУЗЫКА КАК ФАКТОРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Дугаров Б.С. Гэсэриада как этнокультурный фактор в Бурятии 1990-х годов	537
Ойноткинова Н.Р. Синтагматика шаманских мистерий алтайцев в записях А.В. Анохина	541
Тадышева Н.О. Отражение традиционной картины мира алтайцев в героическом эпосе	544
Юша Ж.М. Этническая идентичность тувинцев Китая в начале XXI века	548
Берман Е.А. Этнокультурное наследие сибирских евреев в публикациях ученого-фольклориста, раввина Иркутской синагоги 1901–1922 годов С.Х. Бейлина	551
Бедарева И.А. Проблемы национальной идентичности и мифологические образы в повести К. Поклонова и П. Муравьева «Высший суд»	555
Майнагашева Н.С. Этнокультурная специфика хакасского тахпаха (на примере творчества М.Р. Баинова и современного народного тахпаха)	559
Жулева А.С. Концепт «свой – чужой» в романах Ю. Рытхэу (проблемы этноидентификации, этнодифференциации и этноконсолидации)	563
Солдатова Г.Е. Способы маркировки этнолокальной принадлежности в музыкальном языке (на примере обско-угорского фольклора)	567
Шахов П.С. Взаимодействие устной народной традиции и письменной культуры в фольклоре сибирской мордвы как процесс этнической идентификации	570
Тирон Е.Л. Проявление этнокультурной идентичности в песнях коряков	574
Дашиева Л.Д. Музыкальное мышление западных бурят: к постановке проблемы	578
Лесовиченко А.М. Образ певицы Намжилын Норовбанзад как средство национальной самоидентификации монголов	581
Список сокращений	584

Научное издание

**Этнокультурная идентичность народов Сибири
и сопредельных территорий**

Редакторы *О.А. Зикирина, Д.В. Снытникова*
Технический редактор *И.П. Гемуева*
Дизайнер *М.О. Миллер*

Подписано в печать 24.06.2019. Формат 70×100/16.
Усл.-печ. л. 48,1. Уч.-изд. л. 36,3. Тираж 200 экз. Заказ № 474.

Издательство ИАЭТ СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17
<http://www.archaeology.nsc.ru>